

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА АНА

В. З. ЧАМАГУА

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
АБХАЗСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ:
ЭПОХА, СОБЫТИЯ, ЛИЧНОСТИ.
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XXI ВВ.)**

АБИГИ
Сухум 2021

УДК 002
ББК 76.02(5Абх)
Ч 17

Утверждено к печати Ученым Советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии

Редактор – А. Ф. Авидзба
Рецензент – С. З. Возба

В. З. ЧАМАГУА

Ч 17 Очерки истории абхазской публицистики: эпоха, события, личности. (Вторая половина XIX – начало XXI вв.)

– Сухум: Дом печати, 2021 г. – 576 с.

г/р 978-5-111-57-08021

В данной монографии исследуются проблемы абхазской публицистики на протяжении более чем 150 лет. Приводятся источники, подтверждающие зарождение публицистики Абхазии не в 1919 г., при грузинских меньшевиках, как это принято считать, а гораздо раньше – со второй половины 19 века, о чем свидетельствуют печатные публикации абхазского этнографа и публициста С.Т. Званба. Вопросы развития и становления отечественной публицистики рассматриваются во взаимосвязи с дореволюционной, советской и постсоветской историей Абхазии.

Работа рассчитана на историков, политологов, публицистов и журналистов, а также на читателей, которым интересны тернии и успехи абхазской публицистики, как в прошлом, так и в настоящем времени.

©АБИГИ им. Д.И. Гулиа, 2021
© Чамагуа В.З., 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рамки данного исследования охватывают минувшие полтора столетия, время, в течение которого в Абхазии и вокруг нее происходили поистине судьбоносные исторические события. Абхазское княжество после завершения Русско-кавказской войны, то есть с 1864 года, было лишено внутренней автономии (государственности) в том минимальном объеме, которое было даровано манифестом российского императора. Глава абхазского государственного образования – владетельный князь Михаил Чачба был отстранен от власти и выслан в Воронежскую область, где через некоторое время и скончался. Абхазия уже в качестве военного административного округа включалась в состав Российской империи. Затем последовали катастрофические процессы, связанные с трагедией махаджирства, – целенаправленной политикой царизма по вытеснению абхазского этноса с родной земли.

С конца девятнадцатого века и в начале двадцатого столетия стало сказываться также благотворное влияние российского общества, передовой интеллигенции. По этому поводу Г. А. Дзидзария писал: «Плодотворное влияние русской культуры во взаимодействии с местными культурными традициями было решающим специфическим фактором образования дореволюционной абхазской интеллигенции, развития передовой общественно-политической мысли края»¹.

В первой главе исследования приводятся источники, свидетельствующие о зарождении в стране, названной Сухумским округом, русскоязычной публицистики на основе абхазской тематики с конца 19-го и в начале 20-го веков. Здесь же приводятся краткие биографические данные ряда активных публицистов, живших и

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979 год. С. 4.

работавших в ту пору в пределах Абхазии. Публикуются также отрывки из их произведений. Природных абхазов - публицистов в силу известных катаклизмов насчитывалось единицы в ту пору. Поэтому, полагаем, вполне правомерно считать зачинателями отечественной публицистики, активно обсуждавшей на страницах газет Закавказья и Юга России экономическое и социальное состояние абхазского общества, древнюю культуру, быт, традиции и обычаи народа, также и представителей прогрессивной российской интеллигенции. Их, как и немногих просвещенных деятелей абхазского общества, не оставляло равнодушными будущее коренного этноса, который мог отстать от преобразовательных процессов, происходивших в среде соседних народов. Просвещение общества, состояние образования молодого поколения абхазов, культурное и политическое развитие этноса – именно эти проблемы ставили и обсуждали в печати публицисты Абхазии в своих выступлениях, пытаясь тем самым привлечь внимание Российской администрации и общественности к трагической ситуации, в которой оказались абхазы.

В начале 20-го века уже появилась довольно солидная плеяда абхазских публицистов, весьма плодотворно сотрудничавшая с газетами, как в пределах абхазского края, так и с печатными изданиями Закавказья, Северного Кавказа и причерноморских городов. Проблематика публикаций была разнообразной: о природе и истории абхазской земли, современном состоянии хозяйственной и социальной жизни, как коренного народа, так и переселенцев, активно участвовавших в экономической жизни края. Но абхазских публицистов в первую очередь волновали будущее страны и судьба народа. Эта тема красной нитью обозначала многие публицистические произведения дореволюционного периода.

Первая четверть 20-го века ознаменовалась наступлением для человечества новой эпохи. В ходе и по итогам Первой мировой войны обрушились четыре могущественные империи, определявшие ход мировой истории: Германская, Российская, Австро-Венгерская, Османская (Турецкая). Десятки народов, находившихся поневоле, мягко говоря, под имперским правлением, обрели свободу и государственную самостоятельность. После развала Российской империи народы Закавказья и Северного Кавказа развернули бурную деятельность по строительству суверенных национально-госу-

дарственных образований. В 1917 году абхазская интеллигенция и политическая элита также активно включились в процесс восстановления государственных институтов, утерянных полвека тому назад. Но это дело было непростым, поскольку время требовало переоценки прошлого опыта и наработки новых навыков по обустройству общественного и государственного уклада. Деятельное участие в том приняли представители различных слоев абхазского общества: крестьянства, высшего сословия и из среды служителей церкви. Палитра идейных воззрений в абхазском обществе была весьма неоднородной: это члены и сочувствующие российской РСДРП и грузинской СДП (большевикам и меньшевикам), также сторонники Северокавказской ориентации. В целом можно сказать, что абхазскую элиту, состоявшую к тому времени из князей, дворян и представителей крестьянства, тогда объединяла идея восстановления государственности, а вот пути-дороги к тому не всегда имели единое значение, а порой и весьма различались. Начали с того, что в марте 1917 года в Сухуме был создан Комитет общественной безопасности под руководством князя А. Шервашидзе (Чачба), поддерживавший политическую линию Временного правительства России. Была создана милиция, подчинявшаяся Комитету¹. В ноябре того же года Абхазия вошла в Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей (ЮВС)².

Вскоре под эгидой Горского Союза съездом абхазского народа избирается Абхазский Народный Совет, принявший Конституцию АНС и Декларацию. Эти документы провозглашали право и намерение абхазского народа обрести суверенную государственность в содружестве с братскими народами Северного Кавказа. Установление тесных контактов между Абхазией и Северным Кавказом сильно обеспокоили грузинских лидеров. В феврале 1918 года по инициативе грузинской стороны в Тифлисе произошла встреча представителей Абхазского Народного Совета и Национального Совета Грузии. Руководитель грузинского Национального Совета меньшевик А. Чхенкели упорно ставил вопрос о выходе Абхазии из государственного образования Союза горцев. Но решение этого вопроса было не в компетенции абхазских представителей. Аб-

¹ История Абхазии... О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба. С. 300. Сухум – 2015.

² Там же. С. 300.

хазская делегация, возглавляемая князем А. Шервашидзе (председатель АНС), без консультации с руководством Союза горцев, что практически было невозможно сделать по объективным причинам, дала согласие на заключение Соглашения «по вопросу об установлении взаимоотношений между Грузией и Абхазией»¹.

С того самого момента и позже грузинская сторона ссылалась на то, что будто бы этим Соглашением была определена широкая автономия для Абхазии в составе Грузии. В связи с этим абхазский исследователь С. Лакоба отмечал, что «... в этом документе лишь ставился вопрос о заключении равноправных взаимоотношений между Абхазией и Грузией, а во втором пункте вообще говорится о «национальном самоопределении», т. е. о праве абхазского народа на свою государственность в пределах Абхазии»².

И тем не менее вторжение грузинской гвардии и оккупация Абхазии летом 1918 года обосновывались грузинскими историками этим документом и последовавшим позже договором от 11 июня того же года. С вводом войск Мазниашвили и учреждением Сухумского генерал-губернаторства в Абхазии оккупационные власти стали проводить политику «кнута и пряника». Был разогнан первый АНС, а взамен был набран новый состав. Там оказалось немало прислужников этой самой оккупационной власти, во главе с руководителем АНС, меньшевиком В. Шервашидзе. Тем временем после поражения абхазского десанта из Турции, грузинские отряды поистине огнем и мечом прошли по абхазским селам Кодорского уезда, оставляя после себя разоренные семьи и сожженные жилища. Многие жители края были арестованы и ждали суда и наказания. Такие же акции проводились и в других регионах Абхазии. Войдя во вкус и, не ощущая отпора, грузинские военные формирования прошли также по российской территории вплоть до Туапсе и заняли этот город.

В то же время, чтобы каким-то образом расположить к себе часть абхазской элиты, представители грузинского правительства считали необходимым и желательным, позолотив пилюлю оккупации, продемонстрировать заботу о просвещении абхазского обще-

¹ История Абхазии... О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба. С. 300. Сухум – 2015. С. 303.

² Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй XX – XXI вв. Саппоро – 2001. С. 48.

ства. Часть же абхазской интеллигенции (кто в силу своих партийных (меньшевистских) воззрений, а кто, чтобы принести возможную на тот момент пользу народу), согласилась на сотрудничество с грузинскими властями. К примеру, таким образом с разрешения тех самых властей была создана первая газета на абхазском языке, ставшая выходить под логотипом «Апсны». В ней печатались абхазские просвещенцы первой волны, политические и общественные деятели, использовавшие данное издание для того, чтобы на родном языке довести до читающей аудитории свои мысли и чаяния по ситуации, сложившейся в оккупированной стране. Но были и такие личности из числа интеллигенции и политиков, которые наотрез отказались сотрудничать с газетой, считая, что она находится под политическим влиянием грузинских оккупантов. Фактически с самого начала выхода подготовкой и изданием газеты занимался Д. И. Гулиа. В Сухуме в тот период выходили также газеты на русском языке.

Задача второй главы данного исследования – это отображение, по мере возможности, публицистической деятельности представителей абхазской элиты в контексте сложнейшего этапа новой истории Абхазии (периода 1917 – 1921 годов). Следует подчеркнуть, что многие события, факты, сведения, отражающие ситуацию в период начального этапа борьбы за восстановление утерянной абхазской государственности, запечатлены в письменных источниках, в публикациях печатных изданий того времени, в том числе и в газете «Апсны».

Еще до того представители молодой, только нарождавшейся абхазской интеллигенции, уже выступали в качестве политических и общественных деятелей, публицистов, журналистов. К тому же многие из них были искусными ораторами и полемистами. В этой связи исследователь Р. Гожба отмечает: «И вот с этого времени (с момента снятия «виновности» в 1907 г. – **В. Ч.**) происходит становление и объединение абхазского этноса. Его лучшие сыны, несмотря на невероятные трудности, делают все возможное для поднятия на более высокий уровень самосознания народа и объединения его. Из «орлиных гнезд» молодые абхазы уезжают в Россию, где получают университетское образование, чтобы посвятить свою жизнь делу служения родной Абхазии»¹.

¹ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Составитель и автор предисловия Р. Гожба. Сухум – 2009. С.3.

Нельзя не отметить и того, что в тяжелый период – время оккупации страны войсками меньшевистской Грузии (1918 – 1921 гг.) – подавляющее большинство абхазской интеллигенции направило все свои силы и знания на защиту интересов родины и народа. Многие из абхазской элиты делали это оружием слова, смело выступая на страницах печати с разъяснениями ситуации, фактов и событий негативного характера, вскрывавших истинные цели и замыслы грузинских правителей. Это была протестная публицистика: постановочные и обзорные статьи, сообщения, заявления, призывы к населению. И таким образом в обществе и народе постепенно осознавали гибельность и бесперспективность для Абхазии пребывание ее в лоне грузинского государства, тем более в колониальных условиях. Таким образом, публицистика того периода, несмотря на ее совершенную молодость, явилась весомым вкладом в национально-освободительную борьбу, приведшую в марте 1921 года к свободе абхазского народа от власти меньшевиков и обретению им советской государственности.

В третьей главе исследования содержатся сведения об абхазской публицистике советского периода (1921 – 1991гг.), дается анализ деятельности и творчества отдельных публицистов, также отмечаются особенности тех или иных временных отрезков этого периода. Отметим также, что советский период истории публицистики Абхазии – самый продолжительный в рамках исследуемой проблемы. Его можно, как полагаем, разделить на несколько этапов: 1921 – 1931 годы, время существования, вначале абсолютно независимой, а затем «договорной» с Грузией абхазской государственности – Социалистической Советской Республики Абхазия. Начало советской эпохи С. Лакоба характеризовал следующим образом: «Сначала большевики предоставили Абхазии свободу политического выбора, который был реализован провозглашением независимой ССР Абхазии (31 марта – 17 февраля 1922 г.). Уникальность той ситуации заключалась в том, что Абхазия около года формально была независима как от Советской России, так и от Советской Грузии. В декабре 1921 года лидеры Абхазии под сильным нажимом Сталина и Орджоникидзе вынуждены были заключить с Грузией «особый союзный договор», ратифицированный в феврале 1922 г., который зафиксировал равноправие двух республик. 30 де-

кабря 1922 г. полномочный представитель ССР Абхазии Н. Акиртава подписал Договор об образовании СССР»¹.

Эти полтора десятка лет, до гибели Н. Лакоба, были годами становления молодого абхазского государства, его институтов, также и советской интеллигенции. В то непростое время, вопреки оппонентам ССР Абхазии, как в Тифлисе, так и в Москве, рос экономический, научный, культурный потенциал республики. Также постепенно становилась на ноги и абхазская элита: политическая, научная, творческая. Ученые, писатели, поэты, журналисты, публицисты вносили немалый вклад в развитие культурной и духовной жизни абхазского общества. Но грузинских большевиков, имевших иные планы на Абхазию, столь разительные успехи абхазской республики никоим образом не устраивали.

И потому для абхазов, как утверждают документальные свидетельства и воспоминания современников той эпохи, вновь наступает время лихолетья, длившееся со зловещего декабря 1936 года вплоть до смерти Сталина и ареста Берия в начале пятидесятых годов двадцатого столетия. Этот трагический для абхазов, а также миллионов советских граждан этап, когда кремлевскими властями являлись вышеназванные «крестные отцы» репрессии, мог закончиться исчезновением абхазского народа. Ему была уготована жестокая участь: подвергнуться принудительной ассимиляции в грузинской среде, как это было свершено с абхазами Самурзакана, или же, что также губительно, быть высланным в холодные восточные просторы. Тогда абхазов чудом миновала эта беда, но потери во всех слоях абхазского общества были невосполнимы. По крайней мере, в ближайшем будущем. Ясно, что в то время, когда почти на корню была уничтожена набиравшая силу интеллигенция, выживших публицистов и журналистов можно было пересчитать по пальцам руки. Уцелели единицы, творческое наследие которых в 30 – 40-е годы, да и позже, заметным не стало. Как, впрочем, и творчество писателей и поэтов.

В следующем этапе, во времена правления Н. Хрущева, примерно с 1956 года, наступила оттепель, как для всех народов советской

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 13.

страны, так и для Абхазии. Постепенно, с большими усилиями, в отчаянной борьбе с кадровым наследием Берия, началось восстановление всех сфер репрессированной Абхазии: от управленческих структур до языка, культуры, духовной жизни. Процесс шел тяжело и медленно, поскольку в дефиците были абхазские кадры. Партийные и советские работники, хозяйственные руководители, деятели культуры и искусства, литераторы, журналисты, публицисты – подавляющее большинство из них было репрессировано, многие приняли смерть от рук палачей в те годы. Необходимы были время и условия, чтобы восполнить потери новыми кадрами абхазов. Сильный толчок тому был дан в период оттепели, когда глава советской державы Н.С. Хрущев взял под личный контроль ситуацию в Абхазии. Затем, к сожалению, в 70-е и 80-е годы грузинский шовинизм вновь набирает силу. Его новым идеологом и проводником был Э. А. Шеварднадзе, который смог втереться в окружение Генсека КПСС, то есть фактического главы СССР, Л. И. Брежнева. И так, до самого крушения СССР над абхазами пребывала, словно дамоклов меч, угроза грузинского реванша по захвату Абхазии иными, нежели при Сталине, «мирными» способами. В тот период Грузия взяла под свой контроль фактически все области жизнедеятельности автономной республики: кадровую политику, экономику, социальную сферу, средства массовой информации.

В этих условиях во второй половине 80-х годов 20-го столетия, усиливается абхазское протестное движение против грузинского ползучего шовинизма и реваншизма. О том, как публицистика в целом, и отдельные активные публицисты оружием слово привносили свою лепту в национально-освободительную борьбу абхазов за свободу и независимость, рассказывается в четвертой главе исследования. Сюда же включена и публицистика военного (1992 – 1993 гг.) периода.

На завершающем этапе абхазского освободительного движения – (конец 80-х – начало 90-х гг.), протест масс по форме и содержанию переходит в активную фазу борьбы против грузинского колониального, по существу правления в Абхазии. Такие фазы в абхазском национально-освободительном движении происходили, как правило, в переломные моменты истории. Так исследователи А. Куправа и А. Авидзба отмечают, что «... в широком историческом плане Лых-

ненское восстание 1866 г., восстание абхазов 1877 г. и последующие народные движения периода российских революций начала XX в. и современное, постсоветское, освободительное движение, по существу, имеют общую канву». И заключают, что «... все они – этапы одного исторического процесса борьбы за национальную свободу и независимость»¹.

Освободительное движение абхазов имело перманентное начало весь советский период истории, включая также время, когда существовала независимая, а позже договорная Советская Социалистическая Республика Абхазия. Поэтому можно констатировать, что вряд ли какой народ в советской стране обладал такой протестной практикой, как абхазский. Ак. Т. Ачугба, характеризуя ситуацию советского периода, подчеркивал, что свидетельством далеко не безопасного для протестного движения были беспрецедентные для советского строя письма – обращения, протесты, многолюдные митинги, сходы, происходившие через определенные промежутки, с 1931 по 1989 годы².

Также следует отметить, что движущей силой этих протестов являлись народные массы, возглавляла же освободительное движение в советское время интеллигенция. Это было отличительной особенностью в сравнении, скажем, с освободительными движениями, имевшими место в 19-м веке, вплоть до установления советской власти в Абхазии. В ту пору руководящей и движущей силой абхазских восстаний являлись свободные крестьяне и примыкавшие к ним отдельные представители высшего сословия. Но за 100 минувших лет ситуация изменилась. Ко второй половине 80-х годов двадцатого столетия абхазское протестное движение, сугубо национальное в прошлом, становится интернациональным. Тогда абхазы получили союзников в лице крупных этносов, за исключением грузин, проживавших в Абхазии. Это, безусловно, заслуга Народного Форума Абхазии «Айдгылара» (НФА) и Владислава Ардзинба, сумевших сделать привлекательной идеологию и практику освободительного движения для большинства национальных общин

¹ Участники освободительного движения в Абхазии 1917 – 1921. Составители: А.Э. Куправа, А. Ф. Авидзба. Сухум - 2007. С. 3.

² Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. (Сост., автор предисловия Ачугба Т. А.). Сухум, 2003. С. 14.

Абхазии. Будучи членом Президиума Верховного Совета СССР, а позже, став главой постсоветской Абхазии, Владислав Григорьевич четко осознавал, что для успешного решения задач освободительного движения необходимо было, как отмечалось выше, привлечь умы и сердца не только абхазов, но и потенциальных союзников – русских, армян, греков и других. То есть тех, «кто, еще пребывая на распутье, размышлял: включиться им в борьбу против господства метрополии вместе с абхазами или, заняв стороннюю позицию, дождаться лучших времен»¹. И эта актуальнейшая проблема, которую тогда не смогли реализовать грузинские лидеры, успешно была решена абхазским национальным движением.

На излете советской власти абхазское национально-освободительное движение также обзавелось острым идеологическим оружием. Со страниц ряда печатных изданий абхазские журналисты и публицисты уже успешно отражали злобные нападки идеологов и псевдоученых «малоимперской» Грузии. Раньше такой возможности у абхазов не было, так как средства информации, формально подчиненные абхазским партийным и советским структурам, на самом деле были под колпаком спецслужб Грузии. Учитывая эту ситуацию, Народный Форум Абхазии и солидарные с ним общественные организации обзавелись собственными печатными изданиями. Под эгидой НФА издавались две газеты: на абхазском и русском языках. Редакторами этих изданий были известные публицисты Г. Аламия («Айдгылар») и Н. Джонуа («Единение»). «Им при поддержке Президиума НФА удастся наладить работу по широкому освещению множества проблем, волновавших абхазское общество. В частности, систематически публиковались материалы, достаточно аргументированно опровергавшие политические инсинуации и антинаучные измышления грузинских ученых и публицистов по разным, наиболее значимым аспектам истории и этнографии Абхазии»².

Давним и надежным проводником идеологии освободительного движения слыла редакция Гудаутской районной газеты «Бзыбь», возглавляемая видными абхазскими публицистами и патриотами Н. Лушба и А. Возба. С 1989 года к ним примкнула созданная по иници-

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум – 2017. С. 15.

² Сергей Шамба. «Айдгылар» – 20 лет. Сухум – 2009. С. 13.

циативе В. Ардзинба и В. Кобахия печатное издание Верховного Совета автономной республики «Абхазия», затем преобразованная в общественно-политическую (гл. редактор – Т. Аршба). Позже, с сентября 1991 года, стала выходить государственная газета «Республика Абхазия» (гл. редактор – В. Чамагуа), созданная лично главой Абхазии В. Ардзинба. Таким образом, к началу 90-х годов политика и практика средств массовой информации, в том числе телевидения и радио, кардинально изменилась: СМИ на абхазском и русском языках полностью разделяли идеологию и направленность Народного Форума Абхазии, грузинские же издания занимали непримиримую имперскую позицию. Таким же настроением характеризовалась грузинская интеллектуальная элита, видные журналисты, публицисты, ученые, писатели. Страницы многочисленных грузинских изданий, передачи радио и телевидения в ту предвоенную пору были сплошь заполнены провокационными материалами, отрицавшими на корню право абхазов на свою историю, культуру, язык, на свою родину, наконец. По поводу подобных научных и идеологических воззрений «лучших умов» Грузии Владислав Ардзинба в свое время весьма метко заметил: это не что иное, как «грузинский агрессивный национализм». О ситуации в предвоенную пору и о тех, кто подливал масла в огонь грузино-абхазских противоречий абхазскими публицистами и учеными сказано немало. Отмечая обстановку того времени, проф. С. Лакоба, в частности, подчеркивал, «... что столкновению 1989 г. и войне 1992 – 1993 гг. предшествовали крайнее напряжение в историографии и даже настоящая «битва» между грузинскими и абхазскими учеными, перенесенная со страниц научных изданий в средства массовой информации»¹.

Следует, также отметить, что в развернувшихся в преддверии войны нешуточных баталиях абхазская элита, защищаясь от злобных нападок грузинских ученых и публицистов, отстаивала честь и достоинство своего народа и Родины. И это стало возможным лишь тогда, когда усилиями национального лидера Владислава Ардзинба была выработана и проводилась информационная политика, защищавшая интересы абхазского народа и его государства. Также подчеркнем, что подобную возможность давать отпор тбилиским

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй XX - XXI вв. Саппоро – 2004. С. 39.

шовинистам, имевшим к тому же поддержку грузинского государства, со страниц своих изданий абхазская элита была лишена все семьдесят лет советской власти. С приходом В. Ардзинба в 1990 году к власти ситуация кардинально изменилась: абхазы получили возможность защищаться. Такая программа и условия деятельности средств информации Абхазии сохранялись все мирное время, вплоть до 14 августа 1992 года.

С началом же военных действий положение с расстановкой СМИ и активностью абхазских публицистов и журналистов оставалось прежним. Изменились, причем существенно в связи с грузинской агрессией, материальная база и дислокация средств информации, сосредоточившихся, в основном в городе Гудауте. Также, безусловно, были скоординированы, применительно к военной ситуации, цели и задачи печатных изданий, радио и телевидения. Основным лейтмотивом СМИ военного периода – всемерная информационная поддержка Родины в оборонительной войне. Отсюда вытекали следующие стратегические и тактические задачи печатных и электронных средств информации. Публицисты и журналисты военной поры – это в основном те же лица и персоналии, которые всегда были в гуще национально-освободительного движения. И с наступлением лихолетья также продолжили бескомпромиссную борьбу за свободу народа своим испытанным способом – острым и боевым оружием слова. Перед ними всегда был наглядный пример упорства и негибкости национального лидера, уже в первый день войны решительно призывавшего граждан страны к сопротивлению агрессорам. Тогда в своем телеобращении к народу он твердо и уверенно убеждал: «Мы должны выстоять в этот очень трудный час, и мы выстоим, мы нанесем поражение тем, кто сеет смерть и разрушения в Абхазии...»¹.

Следует также отметить, что глава борющейся на смерть Абхазии «не только формировал информационную политику, но и сам непосредственно с первых дней войны, включился в идейно-психологическую схватку с противником посредством печати, радио и телевидения. Он, своими выступлениями, обращениями, пресс-конференциями, интервью, опубликованными в СМИ, внес неоце-

¹ Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 гг. в документах. Сухум – 2004. С.5.

нимый вклад в идеологическое обеспечение справедливой борьбы абхазского народа за независимость от грузинской мини-империи»¹.

В эту информационную схватку с противником единым фронтом включились с первых дней войны и вели ее до победы над агрессором все основные средства информации Абхазии, за исключением тех, которые выходили на грузинском языке. К ним примкнула единственная русскоязычная оккупационная газета – «Демократическая Абхазия» под редакторством Ю. Гаввы.

Абхазские ведущие газеты и электронные средства информации, с первых дней войны наладив свою работу, также смогли оперативно мобилизовать авторские активы из числа известных в республике журналистов, публицистов, писателей, представителей интеллигенции, ветеранов труда, жителей различных сел и городов республики. Весомый вклад в освещение проблем войны и тыла внесли командиры и солдаты Абхазской армии, депутаты Парламента, члены правительства, работники других органов государственной власти, многие партийные и общественные организации. Абхазские политики, государственные деятели, видные публицисты нередко выступали и на страницах зарубежных изданий, большей частью в российских средствах информации. Пальма первенства и в том, вне всякого сомнения, принадлежала главе Абхазии. Сегодня нельзя не признать, «что умело поставленная усилиями Владислава Григорьевича информационная политика, сумела доказать мировому сообществу идейно-духовную правоту абхазского народа, отстаивавшего свою свободу в кровопролитной войне с превосходящими силами грузинского агрессивного национализма»².

Такая стратегия и тактика абхазской информационной политики при поддержке значительного числа российских СМИ позволила пробить информационную блокаду нашей страны, устроенную в начальный период агрессии руководствами Грузии и России. Впоследствии глава Грузии Э. Шеварднадзе по случаю разочарованно заявил, что, дескать, абхазы в период войны победили и в информационной схватке.

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум – 2017. С. 271 – 272.

² Там же. С. 272.

Война завершилась 30 сентября 1993 года разгромом грузинских формирований и паническим бегством оккупантов за пределы свободной Абхазии. И, не откладывая, как говорится, в долгий ящик, уже «через шесть дней после изгнания грузинских войск, 6 октября, Председатель Парламента Абхазии В. Ардзинба заявил, что его страна будет «искать пути создания демилитаризованного нейтрального государства при наличии международных гарантий»¹.

Таким образом, пришло время мирной жизни. Следовало почти заново выстраивать государственные, экономические и информационные структуры. Оккупанты оставили после себя разрушенное хозяйство: разоренные фабрики, заводы, учреждения и организации. Общий экономический ущерб республики составил 11,6 млрд. долларов США. К тому же республике, победившей вопреки воле и замыслам грузинских союзников, объявили жесткие экономические, политические и информационные санкции. Таково было наказание за победу и изгнание агрессора. И, как отмечает С. Лакоба, «это не вписывалось в планы режиссеров-постановщиков, т. к. затрудняло проведение политики «разделяй и властвуй» в самой Абхазии. Позднее последовали циничные заявления А. Козырева (министра иностранных дел РФ. – **В. Ч.**) о якобы территориальных приобретениях абхазов. Под «приобретениями» имелась в виду отвоёванная столица Абхазии, что вызвало возмущение у многонационального населения Абхазии и у северокавказцев»².

Именно с подачи таких «деятелей», как руководитель российского внешнеполитического ведомства и ему подобных политиков из окружения тогдашнего главы России, ситуация обернулось для абхазов жесточайшей античеловеческой блокадой, закрывшей Абхазскую республику от всего мира. Недаром говорят: войну можно выиграть, но проиграть при этом мир. На это надеялся политик с мировым именем Э. Шеварднадзе, только что бесславно завершивший агрессивную попытку покорения Абхазии. И снова с ним солидарны были всемогущие союзники, в числе которых Ельцинская Россия, послушные ей, за редким исключением, страны СНГ, руководители Германии, Франции, Великобритании, США. Организация

¹ Аслан Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992 – 1993 гг.). Сухум – 2013. С. 594.

² Станислав Лакоба. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Саппоро – 2001. С. 81.

Объединенных Наций безоговорочно принимает все то, что велено этим сообществом. А это, как правило, строгие рекомендации строптивым абхамам, смирившись с планами Грузии и западных союзников, дать согласие на вхождение в состав бывшей метрополии на правах «широкой» автономии. Так перед Абхазией и ее лидером снова наступает долгий и тяжелейший период борьбы за выживание, за то, чтобы отстоять кровью добытую победу и независимость страны.

В пятой главе исследования, посвященной сложившейся в послевоенное время ситуации, речь идет о роли публицистики в защите прав и свобод нового государственного образования – Республики Абхазия. И о том, как Владислав Григорьевич – выдающийся политический и государственный деятель, Первый Президент Абхазии, умело использует не только политические и дипломатические способы борьбы, но в значительной степени делает ставку на оружие слова, возможности средств массовой информации. По его мысли, политика и дипломатия, играя ведущую роль в переговорном процессе, в то же время не способны в полной мере донести до широкой мировой общественности сведения о тайных планах и кознях сильных мира сего в отношении небольшого абхазского народа и его страны. Это могли сделать, что так и произошло, российские средства информации. Абхазским СМИ в свою очередь предназначалась важнейшая миссия по идейно-психологической защите независимости страны, разоблачению и доведению до населения агрессивной, по сути, послевоенной политики со стороны Грузии, также и ее союзников.

Для журналистов и публицистов, как абхазских, так и зарубежных, послевоенная Абхазия представляла немалый интерес. В то время абхазская республика и в целом Южный Кавказ уже становились ареной борьбы за доминирование в этом важном геополитическом регионе разных центров силы. По ряду параметров – военных, политических, экономических – было заметно, что влияние России, издавна бывшей здесь главным игроком, постепенно убывает, вместо того наращивают свое присутствие страны запада, в частности США. В связи с этим многие местные и зарубежные наблюдатели усматривали весьма странной, можно сказать, неадекватной, политику Кремля в отношении Абхазии, ориентированной на сотрудничество и дружбу с Российской Федерацией. Россия же, отталкивая верных абхазов, в то же время привечала коварных гру-

зин, лелеявших в то самое время мечты о покровительстве «продвинутых» западных стран. По этому поводу историк и публицист С. Лакоба писал: «В 1993 году, после окончания грузино-абхазской войны, администрация Б. Ельцина с сентября – декабря 1994 года и вплоть до осени 1999 года вновь стала проводить в отношении Абхазии политику «кнута», объявив независимому государству де-факто всестороннюю блокаду, включая финансово-экономическую и информационную. Тогда же, – отмечал исследователь, – в сентябре 1994 года, США и страны Европы открыто заявили о своих стратегических интересах в Закавказье в связи с большими запасами энергоносителей и отказались признавать Южный Кавказ исключительно российской сферой влияния»¹.

О политике двойных стандартов Ельцинского руководства в отношении Абхазии, которая проводилась для того, чтобы задобрить грузинское руководство, часто публиковались материалы видных публицистов, как на страницах абхазской печати, так и в российских СМИ. Последний фактор был особенно важен, поскольку российские издания обладали несравнимо большей читательской аудиторией, а значит, и возможностью влиять на формирование общественного мнения. Учитывая это обстоятельство, глава Абхазии посредством личных контактов с влиятельными изданиями смог выстроить своеобразный информационный конвейер, систематически, на достаточно глубокой аналитической основе, сообщавший российским читателям о положении в Абхазии. Публицистика такого рода, как правило, имела свою результативность, предупреждая, а порой, и сдерживая, ретивых исполнителей тех самых замыслов по интеграции свободной республики в грузинскую метрополию. Львиная доля подобной публицистики: интервью, брифинги, беседы, радио- и телевыступления с участием российских СМИ, также журналистов дальнего зарубежья, вне всякого сомнения, на счету национального лидера. Точно так же он придавал большое значение общению с абхазскими средствами информации, перед которыми, как отмечалось выше, ставились несколько иные по значению задачи. В частности, В. Ардзинба призывал публицистов и журналистов поддерживать в людях веру в то, что народ республики

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 126.

выстоит тяжелое время блокады. Более того, убеждал, что терпение всех граждан страны будет оправдано: рано или поздно Абхазия добьется признания, и в первую очередь великой Россией. Подчеркивал при этом, что наши журналисты и публицисты, несмотря на блокадные реалии, должны проводить в публикациях известную грань между российским народом и правителями: последние, известно, со временем уйдут, а россияне – всегда будут, как и раньше, тепло и дружелюбно расположены к абхазам. Свидетельством тому сотни российских добровольцев, многие из которых героически положили свою жизнь на алтарь абхазской свободы.

Владислав убеждал искренностью, аргументацией, харизмой. Он в той неблагоприятной обстановке, но с величайшей надеждой и верой в будущее, сеял добрые семена взаимоуважения и дружбы между народами России и Абхазии. Пришло время перемен: чаяния национального лидера и народа стали воплощаться в жизнь. С обескровленной Абхазии решением В. Путина были сняты блокадные санкции. С руководством абхазской республики заговорили нормальным человеческим языком. Люди получили, наконец, возможность свободного общения с близкими и друзьями, как в России, так и в Абхазии. И спустя время, в ответ на грузинскую агрессию в Южной Осетии 8. 08. 2008. Российская Федерация признала независимость двух свободных республик – Абхазии и Южной Осетии.

Таким образом, надежды и мечты абхазов обрели реальное воплощение. И не в последнюю очередь оттого, думается, что в свое время глубокий аналитик В. Ардзинба прозорливо предвосхитил: «Чтобы не сдать позиции страны-победителя и выстоять в борьбе с могущественными оппонентами, необходимы гибкая политика и информационный прорыв. И он повел свою игру, активно и умело используя информационное оружие: печать, радио и телевидение»¹.

Таким образом, можно констатировать, что абхазская публицистика на каждом этапе новой или новейшей истории Абхазии, в силу имеющихся возможностей, исходя из сложившихся реалий, выполняла свою профессиональную и вместе с тем гражданскую и патриотическую миссию.

¹ В. З. Чамагуа. Слово лидера // Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум – 2011. С. 11.

• ГЛАВА ПЕРВАЯ •

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ АБХАЗСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Этап первый.

Слово демократической интеллигенции Абхазии (1880 – 1890 гг. XIX в.)

Официальная дата рождения абхазской печати, а значит, и публицистики – 27 февраля 1919 года. Этот отчет идет со дня выхода первого номера абхазского печатного издания – газеты «Апсны», увидевшей свет в условиях, как принято утверждать, жестокой оккупации Абхазии войсками меньшевистской Грузии. Как такое могло случиться? Кто и почему позволил будущему патриарху абхазской словесности Д. Гулиа и его единомышленникам положить первый камень в фундамент культурного возрождения абхазского народа? Вопросы, разумеется, неудобные, и ответы на них весьма непростые. История советского периода стыдливо замалчивала некоторые факты и события прошлого, которые иной раз не вписывались по идейным соображениям в принятую раз и навсегда систему официальной политики и практики. Вот, скажем, тот самый факт: как совместить в единое целое ненавистный, как утверждается абхазской историографией, оккупационный режим и издание 85 номеров абхазской газеты, с участием не всегда послушной тому режиму интеллигенции? Докапываться до истины – дело иной раз и вовсе неблагодарное. Вокруг истины, как это водится, масса проблем и весьма сложных для понятия деталей. А в деталях, говорится же, черт кроется. И все же, на мой взгляд, ситуацию стоило бы уточнить. Но всему, как полагается, свой черед.

Вначале же отметим, что публицистика в Абхазии зародилась не при меньшевиках, а гораздо раньше – во второй половине девятнадцатого века. И имела свое продолжение в начале двадцатого столетия. В то время, особенно в предреволюционный период, язык изложения публикаций был русским, то есть, по содержанию та публицистика была абхазской, а по форме или языку – русскоязычной. Иногда исследователи упускают из виду, что публицистика на абхазскую тематику, содержащаяся в русских изданиях, выходящих на рубеже указанных веков, вполне может называться абхазской. И не потому, что авторы печатных материалов абхазы, а в силу заложенной в этих публикациях сугубо местной тематики, национальных проблем и постановочных вопросов, как правило, бывших весьма актуальными для Абхазии той поры. На наш взгляд, содержание всегда первично, нежели форма изложения. Приведу пример для иллюстрации данного утверждения. На излете двадцатого века в нашей республике выходили в разное время две влиятельные газеты на русском языке: «Советская Абхазия» и «Республика Абхазия». Так вот, одну из них, «РА», называли абхазской газетой на русском языке, другую – прозывали русскоязычной. Причина тому довольно проста и лежит на поверхности: тематика «Республики Абхазия» со дня ее выхода на все сто процентов состояла из животрепещущих абхазских проблем, включая в первую очередь идейную поддержку национально-освободительного движения. «Советская Абхазия» – также являясь государственной газетой, мягко говоря, с прохладцей относилась к абхазской проблематике, от освободительной тематики же шарахалась, словно черт от ладана. Пример этот говорит о том, что одна газета, выходящая на русском языке, учитывая ее актуальное содержание, по праву воспринималась абхазской, другая же, аналогичная по языку и формально, и особенно по содержанию, абхазской называться не могла.

Посему, как думается, русскоязычная публицистика второй половины 19-го века, особо выделявшая проблематику коренного народа, и разбросанная по российским изданиям, имеет полное право называться абхазской. То же самое можно отметить по поводу выступлений абхазских публицистов в российских и абхазских СМИ уже в современную эпоху. Поэтому полагаем, что абхазская публицистика, в широком смысле, вряд ли должна ограничивать себя

материалами, увидевшими свет только лишь на абхазском языке и в абхазских средствах информации.

Публицистика (от лат. Publicus – общественный) – составная и органичная часть культуры и духовной жизни народа. Советский энциклопедический словарь определяет публицистику как род произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества. Словарь русского языка С. И. Ожегова называет публицистику литературой по общественно-политическим вопросам современности. Но, полагаем, что тематика, значение и влияние публицистики на практике много шире и глубже, нежели те рамки, которые ей определены в теоретическом плане. Следует также отметить разнообразие форм существования публицистики: это словесная – письменная и устная, фото- и кинематографическая, графическая и т. д. История публицистики насчитывает не одну тысячу лет. Но особой притягательностью она стала обладать с зарождения в средние века печатной технологии, что было сродни эффекту революции, позволившему максимально расширить читательскую аудиторию и, соответственно, увеличить ареал ее влияния. И с тех пор публицистика является не только культурно-духовной ценностью, но и инструментом защиты различных интересов, как групповых и партийных, так общественных и народных. В этом отношении абхазская публицистика не исключение.

Как уже отмечалось, зачатки абхазской публицистики (абхазская тематика в произведениях публицистов) начали появляться в 70-х, 80-х и 90-х годах 19-го века. Но было одно исключение – это научная и публицистическая деятельность С. Т. Званба в середине 19-го века. Талантливый этнограф, исследователь языка, традиций и обычаев абхазов Званба также был на хорошем счету как офицер российской армии. Совмещая службу со своими научными изысканиями, Соломон Теймурович сотрудничал с газетой «Кавказ», публикуя на ее страницах ценные сведения о нравах, обычаях и боевых качествах абхазов, убыхов, джигетов и других родственных племен. Можно сказать, что Званба являлся самым ранним исследователем этнографии абхазов и близких им народов, также и первым абхазским публицистом, печатавшим свои научные работы в одной из влиятельных и престижных изданий Кавказского края. Самыми известными его очерками, увидевшими свет, являются: «Зимние

походы убыхов на Абхазию» («Кавказ», 1852, № 33), «Обряд жертвоприношения святому победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазцами» («Кавказ», 1852, № 90), «Поцелуй за занавесом» («Кавказ», 1853, № 55), «Абхазская мифология и религиозные поверья, и обряды между жителями Абхазии» («Кавказ», 1855, №№ 81, 82). В 1955 году был издан сборник сочинений С. Званба под названием «Этнографические этюды».

Выдающийся абхазский историк, проф. Г. А. Дзидзария полагал, что опубликованные газетой «Кавказ» труды абхазского этнографа являются лишь частью его научного наследия. Доказательством тому явился факт подтверждения авторства Т. Званба рукописи «О Гагре и джигетах» середины 40-х годов, установленный самим Дзидзария (работа хранится в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Георгий Алексеевич считал, что работы С. Т. Званба заслуживают самого серьезного внимания, и сохраняют свою ценность по сей день. Он же отмечал, что «до появления статей Званба фактически не было ни одной работы, которая сколько-нибудь удовлетворенно освещала тот или иной вопрос абхазской этнографии»¹.

Добавим к сказанному и то, что талантливое перо ученого и публициста Соломона Званба способствовало посредством печати популяризации лучших качеств и традиций абхазского народа в кругах научной и культурной общественности Закавказского края и России.

В русскоязычных изданиях уже более позднего времени, в последние десятилетия 19-го века, активно публиковались К. Мачавариани, П. Чарая, А. Эмухвари, (псевдоним – Апсуа), Н. Джанашия, Г. Рыбинский, В. Чернявский и др., которые постоянно держали в поле зрения абхазскую тематику. Уже в наше время исследователи справедливо подчеркивали значение большого вклада этих вышеотмеченных публицистов, ученых и энтузиастов в развитие культуры и просвещения, народного образования, популяризации истории, этнографии, краеведения Сухумского Округа. Так тогда называлась Абхазия. Они также были защитниками прав абхазского народа, выразителями посредством печатного слова его чаяний и надежд на лучшее, нежели в ту пору, будущее.

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 47.

Так, в частности, в биографии П. Г. Чарая (1861 – 1919) отмечается, что родился он селе Гуп и всю свою жизнь посвятил народному образованию. Собирал, исследовал и издавал материалы и статьи по языку, этнографии и истории Абхазии и абхазского народа. Активно сотрудничал с академиком Н. Я. Марром¹. Многие его статьи и заметки, посвященные истории, этнографии, социальной и культурной жизни абхазов были опубликованы в грузинских газетах – «Иверия», «Дроеба», «Моамбе» и других.

Приведем отрывок из публикации П. Чарая «Абхазия и абхазы». Автор, как полагаем, ставил задачу показать обстановку в абхазском крае, раскрыть духовный мир абхазского общества и главные черты характера абхаза, как личности. В статье, к примеру, отмечалось, что «... во время последней войны часть абхазов вынуждена была переселиться в Турцию, откуда и половина их не вернулась. Некоторые рассеялись по разным странам. Поэтому абхазская нация настолько уменьшилась по численности, что сегодня она не составляет и четверти того, что было когда-то... Легко догадаться, что в Абхазии, если не сегодня, то завтра многого не увидим из того, что видели когда-то».

Далее автор повествует о внешнем облике, внутреннем мире и чертах характера, свойственных члену абхазского общества: «Абхаз – среднего роста, худощавый, смуглый, черноволосый, чернобровый, черноглазый, выражение глаз немного дикое и печальное... Природой довольно богато одарен способностью и красотой. Абхаз – вспыльчивый, быстрый, горячего нрава, самолюбивый, малейшее, что покажется ему бесчестным может вызвать гнев его и без того вспыльчивого и горячего духа; он грациозный и проворный как газель... Абхаз ни перед кем не склонил голову и никому не показал спину в древности... По понятию абхаза, лучше, чем Аpsны нет страны в мире. «Боже сохрани Аpsны» – постоянно звучит в устах абхаза и в радости и в горе»².

В конце 19-го века в абхазском крае можно было увидеть, что было редкостью, лиц из числа русской интеллигенции и администрации, считавших своей обязанностью проявлять внимание и

¹ Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга 2. Составители: Агуажба Р. X., Ачугба Т. А. Сухум – 2008. С.690 – 694.

² Там же. С. 199.

высказывать справедливое суждение о проблемах коренного населения округа.

В том ряду были отдельные личности, как, к примеру, главный агроном Сухумского округа Г. А. Рыбинский (1852 – 1920), хорошо понимавший положение абхазов и считавший своим долгом словом и делом поддержать народ в трудное для него время. Поэтому художник А. Чачба в своем дневнике отмечал: «У абхазцев были три друга: покойный ботаник Н. Альбов, агроном Г. Рыбинский и профессор Нико Марр».

Герасим Антонович Рыбинский, отменно владевший своей агрономической специальностью, являлся также блестящим публицистом. Его перу принадлежали глубокие, на высоком профессиональном уровне написанные статьи и корреспонденции, которые печатались на страницах газет «Кавказ», «Новое обозрение» и др. В поле его зрения были проблемы сельского хозяйства Абхазии и социально-экономической сферы г. Сухума. В то же время в своих публикациях он не обходил стороной условия жизни коренного народа, подчеркивая ненормальную ситуацию, в котором находились абхазы. Поскольку все же Рыбинский жил в Сухуме, писал о местных проблемах, в том числе в защиту абхазского народа, он по праву может числиться в рядах тех, кто деятельно трудился на ниве молодой абхазской публицистики.

Приведем для подтверждения вышеприведенной характеристики любопытный отрывок из цикла публицистических выступлений Г. Рыбинского в газете «Кавказ», озаглавленного «Абхазские письма». Итак, автор утверждал: «Эксплуатация абхазцев, их земель, ценной пальмы и других земельных пород может служить лучшей иллюстрацией деятельности торговцев-мингрельцев, но только для этого нужно знать всю грандиозность этих «афер». Но все эти эстетические особенности не могут искупить «каверзной» природы мингрельца, способного к измышлению разных «афер»: нужны специальные законы, как и против злостного ростовщичества, чтобы защитить простодушных, доверчивых абхазцев – самурзаканцев от самой бессовестной эксплуатации. Теперь уже несколько поздно: мингрельцы-«дельцы» уже все взяли, что можно было взять безнаказанно от абхазцев, но все же нужно оберегать и остальное их достояние, чтобы не создать обезземеленных абхазских дворян, а

насколько опасен «дворянский пролетариат» – это уже известно на практике», – так предупреждал он власти округа.

Прозорливый публицист, как видим, бьет тревогу по поводу негативной для коренного народа ситуации, имевшей место на востоке Абхазии. В Самурзакане, наряду с демографической экспансией, быстро менявшей этническую картину в пользу мегрело-грузинского элемента, шел и активный экономический передел, в чем также преуспевали, как отметил автор публикации, «мингрельцы-торговцы».

В данной публикации Г. Рыбинского (1893 г.) содержится весьма интересный аналитический расклад по национальному составу г. Сухума, бывшему в 90-х годах 19-го века административным центром края. В указанном году начальник округа просил вышестоящие инстанции о введении в городе Сухуме нового городского общественного управления, вместо полицейского, существовавшего на тот период. Автором приводятся не только сведения по составу населения самого крупного населенного пункта Абхазии, но также убедительно раскрывается незавидное положение коренного народа в общественно-политическом и социальном разрезе. В материале отмечается, что коренное население составляет: «а) мужского пола – 612, б) женского пола – 311. Пришлое население: а) мужского пола – 1842, б) женского пола – 720. Всего – 3485»¹.

Далее он посредством убедительных расчетов указывает на отсутствие избирательного права у большинства коренного народа. Конечно, это был откровенный намек на решение царской администрации наделить абхазов несправедливым и оскорбительным «статусом виновного» народа. Но делает это автор, не декларируя публично ситуацию, а более убедительно – посредством анализа, подкрепленного официальными сведениями.

Таким образом, отметив национальный состав и общее число населения Сухума, автор продолжает анализировать ситуацию. Он напоминает, что «пользоваться правом избирательного голоса в гласные думы будут только 253 обывателя. Они разделяются по происхождению так: мингрельцев – 103, русских – 69, греков – 42, армян – 9, имеретин и грузин – 12, немцев – 2, евреев – 1, абхазцев только – 7», – подчеркивает в заключение анализа публицист. И читатель, даже особо не информированный об обстановке, понимает

¹ Там же. С. 364. // Газета «Кавказ». 1893, № 180.

суть несправедливого отношения к коренному народу. Получалось, что абхазы, составлявшие значительную долю жителей Сухума, как отмечал автор выше, в то же время обладали неизмеримо малым числом избирателей, (на что указывает словосочетание «абхазцев только 7»), чем остальные пришлые национальные группы населения города. В этом, безусловно, сказывалось недоверие империи к «виновному» населению.

В своих публикациях, благоволивший к коренному населению русский интеллигент Рыбинский, тонко и со знанием дела подмечал реалии той обстановки, в которой оказался абхазский народ. И надо отметить, что многие выводы автора, глубинные познания менталитета соседнего пришлого населения, его тлетворного влияния, вредоносно сказывавшегося на абхазах, несомненно подтверждались впоследствии, даже век спустя. Думается, они, эти выводы, актуальны будут для абхазов и сегодня, и в обозримом будущем.

Приведем несколько цитат из наблюдений автора корреспонденций более чем вековой давности. Например, о том, что «торжествующие мингрельские духанщики и торгаши, начиная с Очамчир, Сухума, Гудауты и кончая Гаграми, – являются повсеместно на побережье монополистами торговли, передовым авангардом поступательного движения Мингрелии, засасывающей в настоящее время незаметным образом для поверхностного наблюдателя абхазцев в свою многогрешную утробу. Но это засасывание абхазцев производится ими вежливо, галантно и даже с приятностью...».

А вот еще весьма нам знакомая характеристика поведения ближайших соседей абхазов: «Самым могучим для засасывания абхазцев мингрельцами служит традиционное презрение абхазцев к торгашеству и антипатия их к городской жизни... Мингрельцы после войны (Русско-турецкой 1877–1878 гг. – **В. Ч.**) этим пользуются в самых широких размерах; они заполнили собой все вышеуказанные городские поселения, чуть ли не каждый открыл там лавочку, духан или склад для кукурузы, и скупают ее у абхазцев (страдающих, к слову сказать, хроническим безденежьем) в обмен на товары их дешевой лавочки, всевозможного галантерейного и мануфактурного брака, доставленного из Одессы...».

И снова поучительное наблюдение, актуальное и в наше время: «Насколько абхазцы поддаются влиянию мингрельцев, лучшей ил-

люстрацией служит та часть Абхазии, которая теперь носит название «Самурзакань». Эта часть граничит по р. Ингуру с Мингрелией и подвергалась все время ее воздействию. Вот что вышло из этого. Абхазцы Самурзакани не говорят уже на своем родном языке...

...Нравы там тоже подверглись сильному изменению и дурно отозвались на сословных отношениях дворян к крестьянам... Абхазские князья и дворяне Кодорского ущелья и Самурзакани стали усваивать высокомерное обращение, какое практикует искони дворянство Мингрелии к своим крестьянам...

...Хуже всего, что абхазское дворянство старается забыть, что оно принадлежит к горским племенам, и стало выдавать привилегированные аграрные преимущества мингрельских дворян за свои. Будущее поколение крестьянства Абхазии не скажет им за это спасибо. Чтобы понять, насколько грандиозно обезземеливание дворян, нужно знать, что из 50 тысяч десятин, отмежеванных самурзаканским дворянам в Гумистинском участке, в руки мингрельских дельцов перешло не менее трех четвертей»¹.

Говоря о колонизации абхазского края, публицист приводит весьма интересные сведения о положении различных национальных общин. Например, Г. Рыбинский отмечает, что «население Сухумского округа равняется 77 тыс. душ. В число их входит 63. 882 души абхазцев. На долю колонистов приходится цифра 5. 313 душ, и занимают они, как нами уже было сказано, 21 тыс. десятин земли. Из этого числа разношерстной колонизации русских, по преимуществу хохлов, всего только 800 душ, а поэтому за наделением их 10 десятин на дым, вся оставшаяся земля, отмежеванная от провинившихся в последнюю войну (русско-турецкую 1877 – 1878 гг. – **В. Ч.**) абхазцев, перешла в собственность: греков (2.192 души), мингрельцев (1.472 души), армян (698 души), немцев и эстов (875 душ)».

Таким образом, автор демонстрирует продажность администрации края, раздававшей земельные наделы различным национальным группам в ущерб российским переселенцам. Это был ответ Тифлисской газете, т. е. тем публицистам, стоявшим за колонизацию абхазских земель картвельским элементом. Потому и отвечал им Рыбинский, что «вопреки «причитаниям» этой газеты, русских вы-

¹ Там же. С. 371 – 372. // Газета «Кавказ», 1893, № 186.

ходцев, как она обманывает исстрадавшегося, полузамученного известным «мыканием» мужика-переселенца на сухумском побережье меньше всего, и факты доказывают, что их наделы меньше по величине, хуже по качеству и находятся не в таких здоровых местах, как земли других колонистов».

В заключение своих заметок публицист эмоционально восклицает: «В другой раз в своих очерках я более обстоятельно охарактеризую колонизацию нашего побережья, а теперь очередь ответить местной газете, затронувшей этот печальный вопрос тенденциозным криком: «Довольно!». Наше мнение, что на свободные земли в Абхазии из чувства справедливости могут претендовать только абхазцы, но никак не протезируемые «газетой» мингрельцы, которые в пору независимости Абхазии не смели и ноги поставить через пограничную между ними р. Ингур. Поселять же среди абхазцев ради общегосударственных и культурных целей следует только таких пахарей-колонистов, которые могут быть всего менее вредными для экономического благосостояния абхазцев в будущем. Самой настоящей миссией России среди абхазцев может быть только та, которая стремится изменить их быт, нравы, привычки, наклонности в таком направлении, чтобы они соответствовали в будущем наибольшей сумме социального и индивидуального счастья, т. е. в стремлении сделать абхазца физически более сильным, нравственно более совершенным и умственно более развитым...»¹.

Приведем также полные драматизма и искренности слова интеллигента и публициста Г. Рыбинского, по всей вероятности, обращенные в ту пору к людям доброй воли. Но они, эти слова, сказанные сто с лишним лет тому назад, особенно актуальны для абхазов и в наше время. Ибо только хорошее знание прошлого может предостеречь от ошибок в будущем. Итак, благосклонный к абхазам русский интеллигент Рыбинский предостерегал: «Всмотритесь в историческое прошлое несчастной маленькой Абхазии, на ту роковую роль, которую играла в ее злосчастной судьбе коварно-интригующая Мингрелия, и тогда вы выясните себе, кто и в какой степени был истинным виновником всех пережитых абхазами бедствий». И доходчиво пояснял, в чем заключались истинные причи-

¹ Там же. С. 375 – 376. // Газета «Кавказ», 1893, № 187.

ны абхазской беды. Обращаясь к аудитории печатного издания, публицист, в частности, отмечал: «Читатель должен знать, что несмотря на сходство обычаев, обрядностей нравы Мингрелии и Абхазии, по существу, очень различны: каждая из этих народностей имеет свои догматы нравственности. Абхазцу присущи добродетели и недостатки горцев, и если эти добродетели за последнее время изменили свои высокие качества, то только благодаря воздействию мингрельцев, которые после Турецкой войны запрудили Абхазию своими духанами и просвещали их (абхазцев. – **В. Ч.**) вдоволь и беспрепятственно теми доктринами мудрости, которые должна знать «наивная муха», находящаяся поблизости «паука» и его ловко раскинутой паутины»¹.

Разве это не про нашу недавнюю историю: со сталинщиной, бериевщиной, репрессиями и демографической экспансией, и, наконец, истребительной войной на уничтожение абхазского этноса? А в авангарде всей этой квинтэссенции трагизма – мингрельская масса, spolна колонизировавшая Абхазию. Удивительно прозорливым оказался один из виднейших публицистов Абхазии конца 19-го века, писавший на русском языке, и принимавший абхазскую проблематику близко к сердцу. Что ж, о том помнить следует всегда.

Активную публицистическую деятельность в тот период вел выпускник Тифлисского педагогического института К. Д. Мачавариани (1857 – 1926), впоследствии вместе с Д. Гулиа издавший абхазскую азбуку. Константин Давыдович выступал в различных газетах с глубокими, аналитическими статьями и обзорами на тему образования, культуры, истории, этнографии, обычаев и традиций абхазов. И все же главной темой публицистики Мачавариани являлись просвещение и образование подрастающего поколения абхазов, в этом он видел залог светлого будущего для народа, пребывавшего в ту пору в тенетах немилости царской администрации с одной стороны, с другой – под грузом внутренних губительных пороков и негативных обычаев.

Для К. Мачавариани были важными, как качество образования, так и создание сети школ в районах Абхазии. Печать была для него основным оружием в постановке этих проблем перед властями

¹ Там же. С. 373. // Газета «Кавказ», 1893, № 186.

Округа, причем он ставил вопросы даже в высокие инстанции, без излишнего суесловия, четко и прямо.

В объемной публикации «Абхазия и народное образование в ней» автор затрагивает наряду с проблемами состояния образования также многие другие вопросы: историю, демографию, природу и климатические условия края и т. д. Публицист, к примеру, вопрошает: «Кто такие абхазцы? Трудно ответить на этот вопрос. Ни древняя, ни новая литература не дают нам точных и положительных сведений, откуда пришли абхазцы и когда они поселились в Абхазии... Древние языческие и христианские памятники, так щедро разбросанные по Сухуму и Абхазии, свидетельствуют о лучших и давно минувших днях этого роскошного уголка по всему Восточному Черноморскому побережью. Андрей Первозванный и Симон Кананит первые проповедовали здесь христианское учение. В памяти абхазцев до сих пор держатся деяния этого и другого апостола. Величественные христианские храмы, сооруженные в Абхазии греческими императорами и затем самостоятельными абхазскими царями, и теперь поражают своей грандиозностью и своей дивной красотой».

Не обходит стороной К. Мачавариани и абхазские реалии той поры, напоминая о том, что «народные восстания, к сожалению, отчасти вызываемые промахами наших администраторов, были причиной того, что абхазцы тысячами выселялись в Турцию, и в неведомой стране гибли они, как мухи. Много их погибло и во время последней Русско-турецкой войны (1877– 1878 гг. – **В. Ч.**). Положим, в настоящее время край пользуется миром и тишиной, но и теперь сильно ощущается недостаток в достойнейших административных чиновниках. Несчастливым абхазцам в ближайшем будущем грозит полная нищета, и, пожалуй, полное вымирание. Народ еще не привык к разумному труду; лучшие свои земли абхазцы продают задаром, и разные эксплуататоры наживают себе за их счет гору благосостояний».

Публицист приводит также сведения из хозяйственной жизни абхазов, показывающих, что у них в недавнем прошлом с трудом и благосостоянием дело обстояло несколько иначе. Например, как отмечает автор, «в одном только участке, именно в Гудаутском, не говоря о других участках, входящих в состав Сухумского округа,

произрастало до 35 разных сортов виноградных лоз. Были бы люди, абхазские вина не уступали бы заграничным винам. Было время, и это не особенно давно, когда абхазцы снимали виноградные кисти с деревьев только в начале ноября, а часто и в декабре месяце, а теперь разного рода эксплуататоры, в руках которых находятся все виноградные сады, собирают виноград в сентябре или в начале октября, вследствие чего абхазские вина потеряли свой букет, свою крепость, тем более, что к ним примешивают постоянно известное количество воды»¹.

В той же публикации по поводу необходимости создания материальной базы образования в Очамчирском участке Мачавариани отмечает: «Если найдено возможным для 41 дыма Александровского греческого селения открыть нормальную школу Министерства Народного просвещения (Российской империи. – **В. Ч.**), то гораздо полезнее было бы открыть в Очемчирах 2-х классное нормальное училище, имея в виду, что м. Очемчиры центр населения целого Кодорского участка, в котором числится более 15 тысяч дымов жителей из абхазцев».

Довольно суровая, но в то же время справедливая оценка дается публицистом богатому Ново-Афонскому монастырю по поводу его деятельности в области благотворительности. К. Мачавариани, привлекая внимание общественности и властей, писал: «Правительство наше, отводя Ново-Афонскому монастырю более 3 тысяч десятин лучшей земли в Абхазии на берегу Черного моря, имело в виду, что эти св. братья будут лучшими миссионерами и устроят у себя духовную семинарию или же 4-х классное духовное училище, но они ничего этого не сделали. В православие ими обращено всего 10 абхазцев, а школа монастырская состоит из одного только подготовительного класса. Сколько бедных церквей в Абхазии, но монастырь глух и нем к мольбам представителей бедности. Если братья располагают возможностью держать на свои средства почтово-телеграфное отделение, агентство для русского и российского обществ пароходства и торговли и в ближайшем будущем предполагают возвести храм, стоящий чуть ли не миллион рублей, то, думаю, они могли бы завести у себя какое-либо правильно органи-

¹ Там же. С. 319 – 322. // Журнал «Вестник воспитания», 1892, № 6. С. 119 – 146.

зованное учебное заведение. Лучше не принимать на воспитание несчастных абхазских мальчиков, чем потом, года через два, выбрасывать их за борт...».

Далее же автор, дабы подчеркнуть остроту поднимаемой проблемы, приводит пример иного свойства: «Другой ново зарождающийся монастырь – Драндский, в 17 верстах от Сухума, времен греческого императора Юстиниана, в своем распоряжении имеет только 200 десятин земли, но содержит школу на 45 мальчиков из 4-х разных национальностей. Драндский монастырь в непосредственном ведении Сухумского епископа».

Пронзительно-душевными словами сообщает автор статьи о влечении абхазских детей к школе и образованию, равнодушный, к примеру, бытописатель о том так не расскажет: «А меж тем, какая жажда к учению у всех абхазских мальчиков и девочек. Для девочек в г. Сухум существует 3-х классная женская прогимназия, состоящая из 80 учениц. Эту жажду к учению можно видеть из того, что мальчики бегут из дому своих родителей, делают пешком 75 и 100 верст и, придя в школу, со слезами просят о принятии их для обучения русской грамоте»¹.

Как активный публицист К. Д. Мачавариани печатался в газетах «Кавказ», «Кутаисские ведомости», «Черноморский вестник», «Сухумский листок», «Сухумский вестник» и др.

Нельзя не отметить заметную публицистическую деятельность на излете 19-го века крупного представителя абхазской интеллигенции, ученого и общественного деятеля, видного организатора школьного дела А. М. Эмухвари - Эмхаа (1850 – 1915), выступавшего иной раз в печати под псевдонимом «Апсуа». Уроженец села Окум, закончивший Тбилисскую Александровскую учительскую школу, свободно владел французским языком, посещал европейские страны, в частности, Францию. А. Эмухвари все свои знания и силы отдавал делу служения образованию и просвещению своих соотечественников. Вместе с тем он не терпел незаслуженного критического, а порой и оскорбительного тона в высказываниях в печати некоторых авторов в адрес абхазского народа. И тогда он острым словом публициста защищал честь и достоинство коренного населения, попутно разъясняя причины тех или иных негативных яв-

¹ Там же. С. 333. // Журнал «Вестник воспитания», 1892, № 6. С. 119 – 146.

лений, случавшихся часто по вине объективных обстоятельств. И чтобы убедить общество, которое составляло в большинстве своем пришлое население, Эмухвари в ряде печатных выступлений описывал подробно высокие качества традиционной культуры и духовной жизни абхазов. Таковой является его публикация в газете «Черноморский вестник» (1898, №№ 132,135), озаглавленная «К характеристике абхазцев». В ней автор живо и увлекательно рассказывает об отношениях представителей двух братских народов: кабардинского и абхазского, духовный мир и традиционная культура которых основывались на кодексе апсуара, где в первую очередь превалировали честь, совесть, человеческое достоинство.

Свидетельством активной позиции А. Эмухвари в деле защиты достоинства народа является публикация, озаглавленная «Письмо редактору». В ней он отвечает на клеветнические измышления в адрес абхазского народа на страницах некоторых газет, разъясняет вполне убедительно подоплеку ситуации, способствующей порождению антиобщественных порочных явлений. В своем обращении в редакцию Алексей Михайлович писал: «В печати в последнее время стали появляться статьи, в которых стараются выставить абхазцев в самом неблагоприятном для них свете. Их обвиняют в грабежах и убийствах, но эти печальные явления свойственны абхазцам не более чем прочим кавказским туземцам; их обвиняют в лжесвидетельстве, в нарушении данной присяги – и это грех, общий всему туземному населению, а у абхазцев нарушение присяги в значительной степени объясняется тем, что абхазцу приходится присягать на незнакомом ему грузинском языке, так что он даже и не знает, какую клятву он дает»¹.

В публицистических выступлениях А. Эмухвари: «Самурзаканские поверья» (1873), «Абхазцы и их потребности» (1898), «Воспитание детей в Абхазии» (1898), «К характеристике абхазов» (1898), «Положение Кодорского участка» (1902), «Гудауты» (1902), «Село Лыхны» (1904), «Абхазские дела» (1908), «У абхазцев» (1912), «Война и Абхазия» (1915) и др. содержатся исторические, этнографические и фольклорные материалы. Автор рассматривает также вопросы «экономического положения абхазского населения, развития сельского хозяйства, улучшения состояния дорог, строительства

¹ Там же. С. 500 – 501. // Газета «Черноморский вестник». 1898, № 173.

железной дороги, открытия новых школ и мужской прогимназии, преобразования Гудаутской одноклассной женской школы в двухклассную, о мерах по переводу богослужебных книг на абхазский язык...». Печатался А. Эмухвари в газетах «Черноморский вестник», «Кавказ», «Иверия», «Батумский голос» и других.

А. Э. Куправа в своем очерке, посвященном ученому и публицисту А. Эмухвари, в доказательство его глубоких представлений об этнографии, философии и религии абхазов, приводил в пример статью Алексея Михайловича «У абхазцев». В ней, в частности, отмечалось: «Нет такого исторического момента, которым подтверждался бы факт полного отрицания или непочитания абхазцами своего культа. В века исповедования ими христианства и ислама, никогда не замечались отступления абхазцами от своей религии... абхазцы отстаивали культ своих предков и им удавалось всегда сохранять свои святыни. Религия издревле была по существу своему – естественная, т. е. она произошла из страха перед непонятными явлениями природы... Религия абхазцев являлась этнографической, чужда была духу прозелитизма (горячее поклонение новому, в том числе, религии. – **В. Ч.**) не в стране только, но и между отдельными общинами и семьями. ... Боготворение и страх перед страшными явлениями природы, форма умилоствления их и привлечения этих суровых, безжалостно убивающих людей и разбивающих вековые деревья (гром), у всех абхазцев были одинаковы: та же кузница, та же ювелирная мастерская, в которых устроены алтари для клятвы, которые бывают в разнообразной форме и различного содержания. Формы выполнения этой религии были напоминанием абхазцами общих их обычаев (не нарушать клятвы, произнесенной в кузне, уважать гостя, как священную особу), служивших объединением всех абхазцев».

Таким образом, заключал профессор А. Куправа, автор статьи «обратил внимание на интересные моменты; подчеркнул то, что абхазцы пронесли через тысячелетия свои религиозные обряды; отметил причины устойчивого сохранения языческой религии; чуждость у этой религии духа прозелитизма; общеабхазский, этнообъединяющий характер язычества»¹.

¹ Арвелод Куправа. Люди: Время и Жизнь. Сухум – 2010. С. 56 – 57.

Публициста А. Эмухвари также заботили проблемы внедрения новых форм хозяйствования на селе. В очерке А. Куправа отмечается, что Алексей Михайлович принимал активное участие в деятельности «Сухумского общества сельского хозяйства». Еще в 1898 году он ставил вопрос об открытии сельскохозяйственных школ. «Ввиду того, – писал он, – что старый способ ведения сельского хозяйства уже давно не удовлетворяет жизненным требованиям, пора уже открыть в Сухумском округе одну или две сельскохозяйственные школы, которые дали бы нам возможность научиться другим более прибыльным курортам и таким образом выйти из теперешнего бедственного положения».

Горячо поддерживая новые веяния в сельском хозяйстве, Алексей Эмухвари в 1899 году в газете «Иверия» публикует заметки под заголовком «Село Дранда». В ней сообщается, что местной интеллигенцией села здесь было создано товарищество шелководов, объединявшее более 100 членов. Автор приветствовал это дело как экономически выгодное для населения. Вопросы развития сельского хозяйства, пропаганда передовых методов ведения этой основной отрасли хозяйства (Абхазии. – **В. Ч.**) всегда волновали его, отмечал в своем очерке А. Куправа.

Арвелод Эрастович, подытоживая публицистическую деятельность А. М. Эмухвари, заключал, что его работы представляют интерес и для уяснения направления общественной мысли абхазской интеллигенции конца XIX – начала XX века. Автор очерка также приводит слова Г. А. Дзидзария, высоко ценившего научные и общественные заслуги А. Эмухвари, отмечая, что последний «отличался тонкой наблюдательностью, глубоким знанием жизни своего народа, его культуры и психологии. Работы Эмухвари насыщены важными фактами, проникнуты высоким духом гуманизма и патриотизма». Также и в своей газетной статье «Педагог, публицист, краевед» («Советская Абхазия», 19 сентября 1978 года) Г. Дзидзария писал: «Считаю своим долгом подготовить к изданию отдельной книгой сборник работ А. Эмухвари, имеющих большое научно-познавательное значение». К сожалению, вспоминал академик А. Куправа, ученый не успел осуществить это¹.

¹ Арвелод Куправа. Люди: Время и Жизнь. Сухум – 2010. С. 57 – 58.

Видный публицист, педагог и общественный деятель Н. С. Джанашиа (1872 – 1918) родился в селе Адзюбжа Очамчирского района. Учился в Сухумской горской школе, затем в Горийской учительской семинарии. Сначала работал педагогом в Гурии, после переехал в Абхазию. Здесь, помимо своей основной педагогической работы, много времени посвящал изучению истории, этнографии, культуры, быта, устного народного творчества абхазского народа. Николай Семенович в этом плане сотрудничал с журналами «Моамбе», «Ананис Кребули», «Христианский Восток» и другими изданиями. Исследователи отмечали, что работы К. Джанашиа, в том числе опубликованные в печати, «насыщены богатым этнографическим материалом, в них широко освещаются вопросы, связанные с абхазским пантеоном божеств, приводятся уникальные материалы из языческой религии Абхазии»¹.

Так, в этнографических заметках «Абхазы» автор подробно, исходя из собственных источников, описал и ныне действующий объект языческой религии под наименованием Дыдрыпш. Н. Джанашиа в целом верно передает ощущение абхазов: уважительно-трепетное, благоговейное преклонение перед святым божеством. «Что такое Дыдрыпш, или как почитает его абхаз?» – с такого вопроса начинается его рассказ. И продолжает: «В жизни абхаза (особенно в западной Абхазии) Дыдрыпш занимает почетное и особое место, как святое место, где, по мнению абхаза, «обитает святейшая и всемогущая икона»... Рассказав о том, каким долгим и трудным был путь к святилищу, автор рисует убедительную картину ее чудодейственной мощи: «К Дыдрыпшу, к месту святой иконы, не могут приблизиться не только человек, но и животное, и даже стихия, например, огонь. Когда вокруг горит лес (что происходит часто), говорят, что горит до границ Дыдрыпша и потом, когда приближается огонь к святому месту, то огонь исчезает сам по себе, боится, мол, иконы. Когда домашние или дикие животные пасутся и приближаются к границам Дыдрыпша, сами по себе возвращаются обратно из-за страха или уважения к иконе. По мнению абхазов, страх и почитание или уважение к этой иконе имеют не только дети Адама, но и стихия и животные».

¹ Арвелод Куправа. Люди: Время и Жизнь. Сухум – 2010. С. 280 – 281.

Уже более ста лет прошло со времени контактов Н. Джанашия со своими источниками информации, но и ныне бытуют в народе те же сведения о святилище, поведенные ученым и публицистом в стародавние времена. Например, как пишет о том автор, что «сильное святилище Дыдрыпш часто подобно пламени сверкающего огня ходит в Турцию, в город Трапизонд, где также она имеет свое обиталище. Мы, мол, сколько раз видели, как со стороны Трапизонда с моря величественно «вышла» икона и «воссела» на вершину Дыдрыпша».

К тому добавим, что есть известная и ныне другая версия, что Дыдрыпш посещает Лдзаа-ных, и также величественно возвращаясь, восседает на свое исходное место.

Вызывают интерес и такие сведения автора публикации, повествующие о том, что «во времена независимости Абхазии, если гонимый врагом абхаз, успевал скрыться у Дыдрыпша, жертва врага, поднявшийся туда, «спускался», мол, так как гость Дыдрыпша неприкасаемый». Или же о том, что «когда владетель Абхазии Хамутбей (Михаил Чачба) гневался на кого-нибудь и намеревался его разгромить, последний мог избавиться от гнева владетеля только с помощью Дыдрыпша; если он успевал взойти на Дыдрыпш и произнести: «Я являюсь гостем Дыдрыпша», он после этого был в безопасности». Исследователь упоминает о том, что «сам владетель очень уважал жрецов Чичба. И делает затем такой вывод: «И сегодня, как известно читателю, когда в Абхазии так распространено воровство никакого вреда не испытывают жрецы Чичба и живущие близ Дыдрыпша жители: вор из страха Дыдрыпша их не трогает»¹.

Многогранной была деятельность Николая Семеновича – это и общественная работа, педагогическая деятельность, научные изыскания по истории и этнографии абхазов, в том числе публицистическое освещение абхазского пантеона божеств и языческой религии. Как пишет Е. М. Малия в Абхазском биографическом словаре, эти труды Джанашия вначале публиковались в грузинских изданиях, затем уже были переведены автором на русский язык. Там же отмечалось, что в поле зрения ученого также был и «круг вопросов, связанных с болезнями и способами их лечения, со свободными обычаями и обрядами, с рождением и воспитанием детей и др.» Работам Н. С. Джанашия давали высокую оценку акад. Н. Марр и Нико Джавахишвили.

¹ Там же. С. 510. // Журнал «Моамбе», 1898. № 9. (Перевод Н. В. Аршба).

С семидесятых годов 19-го века в Сухуме проживал крупный ученый, археолог и краевед В. И. Чернявский (1846 – 1915). Он являлся «одним из первых исследователей фауны, а также природы, археологии, истории и этнографии Абхазии. Принимал активное участие в общественной жизни города, был членом Сухумского Общества сельского хозяйства (1898 – 1915) и др. В начале XX в. планировал создание в г. Сухум музея (археологических, геологических, минералогических, ботанических, зоологических и др. коллекций), долгие годы собирал археологические коллекции. В 1996 году одна из улиц г. Сухума была названа в его честь»¹.

Отметим также, что Владимир Иванович, будучи талантливым публицистом, глубоко изучил уклад жизни, традиции, обычаи коренного народа, в частности, место женщины в абхазской семье и в целом в обществе. И, несомненно, с уважением и симпатией относился к абхазскому обществу, внутреннему духовному миру абхазов, культуре поведения во взаимоотношениях, как в семье, так и в обществе. Его очерк, опубликованный в одном из русскоязычных изданий, под заголовком «Абхазская женщина» – блестящее подтверждение тому.

Начинает В. Чернявский свои заметки таким образом: «Мало где женщина пользуется таким уважением и такой самостоятельностью, как здесь. Абхазия постоянно переходила из рук одного народа в руки другого; но, ни хитрость греков, ни деспотизм турок не смогли поколебать высокого положения абхазской женщины. Кроме исполнения прямой своей обязанности – поддержания семейного порядка, она всегда принимала участие в политической и общественной жизни своего народа. Не раз она своим вмешательством водворяла мир между двумя враждующими племенами. За то и каждая попытка, с чьей бы то ни было стороны, к уничтожению или ограничению прав женщины, вызвала в Абхазии сильные и продолжительные волнения, всегда оканчивавшиеся успехом и победой женщины»².

¹ Абхазский биографический словарь под редакцией В. Ш. Авидзба. Москва – 2015 – Сухум. С. 759.

² Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга вторая. Составители: Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Сухум – 2008. С. 126. // Газета «Кавказ», 1885, № 62.

Редко кто из пишущих, тем более не рожденный абхазом, как наш автор, подмечал доселе многие, скрытые для постороннего, частности и детали такой тонкой сферы, как черты характера и психология поведения абхазки. Об этом В. Чернявский повествует так: «При самых трудных обстоятельствах жизни абхазская женщина является прежде всего женщиной; забота о том, чтобы нравиться у нее всегда на первом плане. Какое сильное горе у нее ни было, никогда муж не увидит ее не одетую; точно также никогда не узнает он, что жена его в интересном положении... Если сравнить абхазскую женщину хоть, например, с закавказской татаркой или армянкой (в Эриванской и Елизаветопольской губ.), то нас должна поразить разница между ними в отношении свободы, которою пользуются те и другие. В то время как последние даже перед десятилетним мальчиком прячут свое лицо под покрывалом, первая смело и открыто является всюду, где есть мужчины. Даже больше: абхазская женщина умеет владеть оружием, так как мужья, отправляясь за добычей, оставляют дом на попечение своих жен, и эти последние обязаны защищать его в случае какого-нибудь нападения... В Абхазии часто можно встретить ночью женщину, у которой голова закутана в башлык; она одета в черкеску и вооружена с ног до головы. Она сидит на бешеной лошади и несется во всю прыть. Ее сопровождают лучшие всадники... Таким образом, мы видим в абхазской женщине оригинальное сочетание необыкновенной женственности с отвагой, энергией, удалью, ухарством – качествами, которые мы привыкли считать присущими одним только мужчинам. Затем, тогда как осетинская женщина не может быть даже свидетельницей на суде (народном), так как показаниям ее не дается никакой веры, посмотрите, с каким почетом относятся абхазские судьи к женщине и с каким умением, с какой самоуверенностью отстаивает последняя правоту своего дела»¹.

С великолепным знанием дела, доходчиво и увлекательно сообщает В. Чернявский и сведения о брачных связях и семейном укладе абхазов, отмечая, что «в Абхазии для вступления в брак прежде всего требуется взаимная любовь, – о принуждении здесь и речи нет. Молодые люди следуют привязанности сердца. Читатели, а в

¹ Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга вторая. Составители: Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Сухум – 2008. С. 130.

особенности читательницы, легко угадают, каким условиям должен удовлетворять молодой человек, чтобы он мог понравиться молодой девушке. Мало того, что ему надо быть головорезом, он должен быть умен, находчив, красноречив, в высшей степени вежлив и пр. Хотя жених обыкновенно похищает невесту и за ним устраивается погоня, но это – одна лишь кукольная комедия, так как родители невесты точно знают, кто и когда должен похитить их дочь». Или такая деталь, на которую обратил внимание публицист: «Среди абхазцев есть христиане и магометане; но как у тех, так и у других, никакого обряда, узаконивающего брак, не совершается. Раз невеста вступила в дом жениха, она этим уже делается его женой. Когда православный священник уговаривает супругов, проживших много лет, совершить таинство брака по христианскому обычаю, он слышит в ответ: «Церковный брак будет только связывать нас. Теперь мы во всякое время можем разойтись, тогда же этого нельзя будет сделать. Ведь прожили же мы двадцать лет вместе, хотя не венчались в церкви?»¹».

В 70-х и 80-х годах 19-го века занятием научного и публицистического творчества увлекся Г. Д. Чачба-Шервашидзе (1846–1918), бывший довольно высокопоставленным чиновником российской империи. Занимал посты вице-губернатора и губернатора Тифлисской губернии с 1883 по 1897 годы. Затем был приглашен вдовствующей императрицей, матерью монарха Николая II в Санкт-Петербург, где он исполнял должности, вначале егермейстера и обер-гофмейстера, затем заведовал канцелярией Марии Федоровны.

Редкие архивные материалы подтверждают, а абхазские исследователи приводят сведения о том, что Георгий Дмитриевич Чачба определенное время занимался научной и творческой работой, и это ему неплохо удавалось делать. Академик А. Куправа писал, что «представляет интерес первая работа Г. Чачба (Шервашидзе) «Макиавелли. Его жизнь и сочинения» (1866), в которой он проанализировал произведения известного итальянского политического мыслителя, писателя и историка и дал им оценку. Эта работа, написанная студентом II курса университета, показывает творческие дарования и воззрения 19-летнего юноши и, как справедливо заме-

¹ Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга вторая. Составители: Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Сухум – 2008. С. 131.

тил Г. А. Дзидзария, «ее для своего времени можно признать достижением». Ученый также сообщал, что Георгий Дмитриевич автор ряда философских работ, в том числе сборника статей «Народ, нация и государство», и что подспорьем для тех, кто изучает историю духоборского движения на Кавказе важным источником остаются «Записки Тифлисского губернатора о современном религиозном и социально-политическом движении среди духоборцев Ахалкалакского уезда» (1895). Исследователем отмечалось также, что в последнее время опубликованы два его очерка: «Письмо к брату, адресованное Г. М. Чачба (Шервашидзе), (газета «Конфедерация», 1993, 26 января), и «Мусульманство и христианство в Абхазии» (газета «Гагра, 1995, 2- 9, 16 – 23 февраля, 24 – 31 марта, опубликовал М. Лолуа)¹.

Писатель А. Мукба в статье, опубликованной в печатном издании «Гражданское общество», отмечал: «Георгий занимался литературной деятельностью. Больше он известен как публицист. К сожалению, сохранилось немного из его работ. Но этих сохранившихся статей достаточно для получения представления о его взглядах, гражданской позиции. Г. Д. Чачба был человеком смелым в выражениях своей позиции, был «человеком активной мысли». В статьях «Мусульманство и христианство в Абхазии», «Письмо к брату», «Правило бытия и древо жизни», «Записки» автора волновали вопросы религиозных верований абхазов, пути разрешения независимости Абхазии, истоки мюридизма, отношение царизма к религии. Он заботился о развитии духовной культуры родного народа. Находясь в столь высокой должности в империи, он довольно резко высказывался о взаимоотношениях Кавказа и России».

Самый большой интерес вызывает его публицистическая работа «Письмо к брату», поскольку там содержится ценная информация об абхазах – мюридах имама Шамиля. Эти абхазы, наряду с мюридами из числа других народов Кавказа, по всему были реальными сподвижниками легендарного руководителя национально-освободительного движения во время Кавказской войны с царизмом. Такого мнения был о них в далеком 19 веке Г. Д. Чачба, указывающее на то, что он являлся для своего времени личностью неординар-

ной и весьма передовых взглядов. Это видно из содержания упомянутого выше письма, которое цитирует писатель А. Мукба. В нем, в частности, Г. Чачба писал: «Мое отношение к имаму Шамилю не изменилось и после встречи с абхазскими мюридами Шамиля. Напротив, я, как и они (имею в виду Джигрица Палба и Махты Цкоу (Цкуа? – **В. Ч.**) из Джирхуа, Хура Лоуа из Звандрипша, Дамея Хашига из Хуапа, Хаки Ажи (в советское время произносится и пишется как Ажиба. – **В. Ч.**) из Мгудзырхуа), пришел к выводу: Имам Чечни и Дагестана Шамиль не только национальный герой двух этих краев гор, но и всего Кавказа».

А. Мукба подчеркивает, что кроме данного источника («Письма к брату») нет каких-либо других сведений об абхазских мюридах Шамиля. И что «Георгий Дмитриевич донес до нас не только фамилии абхазов – соратников Шамиля в борьбе за свободу Кавказа, он донес до нас и общее мировоззрение, взгляд на политические проблемы Кавказа, их героическую борьбу за свободу в Кавказской войне». Автор статьи, отметив, что Г. Чачба лично беседовал с абхазскими мюридами, приводит содержание этого разговора. Они же говорили ему следующее: «Газават не Шамиль изобрел, его ему навязали извне темные силы России. И он объявил его не по отношению к простому русскому народу, а по отношению к тем, кто шел к нему с саблей в руках. Развитие событий вело нас, горские народы, к порабощению. Шамиль один из первых поднял знамя освободительной войны. Мы чувствовали это нутром, своей душой и поэтому явились к горцам еще раньше, чем «родился» Шамиль – орел Кавказа!..».

В беседе с князем Г. Чачба абхазские мюриды приводят подробные свидетельства их ратных дел, подтверждающие, что они, как воины личной гвардии Шамиля, всегда были в гуще сражений. О том с их слов Георгий Дмитриевич сообщал в своем «Письме...»: «Защищая Чечню и Дагестан, мы защищали и наше Абхазское княжество, уважаемый Георгий, – уверяли они его. – Так мы понимаем себя в роли мюридов Шамиля. Мы это чувствовали в боях еще на горе Ахульго. Там мы применили бочки с горючей жидкостью и, зажигая их, спускали с горы... От имама Гамзата (провозглашен имамом после гибели в бою Гази - Магомеда близ Гимры в 1832 году – **В. Ч.**) вот наши именные кинжалы, а вот – именные сабли от имама Шамиля (после убийства Гамзата Хаджи-Муратом в 1834 году имамом становится

¹ Арвелод Куправа. Люди: Время и Жизнь. Сухум – 2010. С. 21 – 23.

Шамиль. – **В. Ч.**) уже за другие битвы в его рядах... Из Гуниба (место пленения Шамиля. – **В. Ч.**) мы ушли последними, но с боями! Мы поступили так по совету Шамиля... Позже мы воевали против графа Граббе... А он, как вы знаете, решил «освободить» Черкесию от черкесов, а Абхазию от абхазов, на что мы, конечно, не могли согласиться...».

Прозорливыми все-таки были те абхазские мюриды, предупреждавшие Георгия Дмитриевича: «Не совершайте ошибку, ту, которую совершили господа из грузинского дворянства. Они продались легко... Мы сумели сохранить свое государство дольше, чем они. Сегодня нашу Абхазию ждет такая же участь...».

И, как отмечает А. Мукба, закаленные в боях бывшие мюриды Шамиля прямо заявляют князю: «Если вы или князь Георгий Михайлович (сын последнего абхазского владетельного князя Михаила (Хамудбея) Чачба. – **В. Ч.**) возглавит нас (абхазов. – **А. М.**), мы будем в первых ваших отрядах... И кому, как не вам, почтенным абхазским князьям, возглавить нас...».

Но в ту пору, когда мюриды призывали к вооруженному сопротивлению царизму, война уже была проиграна сообществом кавказских народов. И, наверное, в той ситуации верным был ответ князя на призыв воинственных сподвижников Шамиля. «Здесь надо искать другие пути выхода для существования, – отвечал своим собеседникам Георгий Дмитриевич, – Абхазия, как вы сказали, имеет законное, естественное право на свое существование под солнцем и даже в составе Российской империи. Но без оружия, без насилия...».

И даже такой его миролюбивый призыв вызвал неудовольствие имперских сил. По ним выходило, что у Абхазии не должно быть никаких прав, даже на название своей страны. Публицист Г. Чачба о том сообщал следующее: «Меня за это посчитали чуть ли не предателем перед Его Императорским Величеством. Но позже поняли меня... Я не имел права призывать их (мюридов. – **В. Ч.**) к войне. Мой долг как образованного абхаза и как верного сына своего государства написать то, что сказали мне абхазские мюриды Шамиля... Я не сожалею, что имел встречу с такими абхазцами, которые знали Шамиля не по подделке, а воочию... Шамиль, несомненно, герой Кавказа, я мнения о нем никогда не скрывал. И, как метко сказали мюриды Шамиля, «Шамиль не холуй, турецкий или английский. Холуи те, кто напали на свободолюбивый горский народ».

Как отмечает писатель А. Мукба, «... не каждый, находящийся на столь высокой должности в губернии, смог бы так смело, мужественно говорить и писать о тех, кто сражался за свободу Кавказа с царизмом. Г. Д. Чачба был поистине рыцарем без страха и упрека. Конечно же, идеологам царизма не нравилась гражданская позиция князя, но высокое положение Георгия Дмитриевича не позволяло им откровенно выступать против него, однако они не упускали случая досадить князю, препятствовать появлению его статей в печати. Так, не была напечатана его работа «Мусульманство и христианство в Абхазии». По этому поводу он с сожалением писал: «Это уже ни в какие рамки не вписывается. Так или иначе, свет пока не увидел мою статью и вряд ли увидит, пока будут сидеть в редакциях подобно рассуждающие «умные» люди». Многие работы, в том числе его художественные произведения, не дошли до нас».

Но те работы, дошедшие до нашего времени, по мнению исследователя, «свидетельствуют об его высокой образованности, высокой духовной культуре. Георгий Дмитриевич считал, что каждый человек должен во что-то верить. Он пишет: «Что касается меня лично, то скажу по секрету: я не верю ни в бога, ни в черта, ни в аллаха. Я верю в силу разума человека и только лишь. Но это не значит, что я безбожник, не уважаю традиций моего маленького народа абхазов... Напротив – я часть его, его сын, его детище. Религия – часть культуры моего народа, часть моей культуры».

Интересны, на наш взгляд, суждения, содержащиеся в его письме Георгию Михайловичу (сыну последнего владетельного князя М. Чачба), которые, вне сомнения, сродни мыслям и воззрениям самых передовых умов тогдашней Европы. Например, в том письме Георгий Дмитриевич писал своему родственнику следующее: «Князь, говоришь ты, должен отличаться своим умом и культурой, образованием. А что ты сделал для своего крепостного крестьянина, чтобы он стал равным с тобой, хотя бы в будущем? Вероятно ничего. «Богом обиженные люди» – это наши... братья. Да, меня ругали и ругают за то, что я проповедую всеобщее равенство, как Сен-Симон. Почему меня «обзывают» и Сен-Симоном. Но они забывают, что они тем самым возвеличивают меня еще больше...»¹.

¹ Газета «Гражданское общество, 2007 г. С. 25 – 28.

В статье А. Мукба также высказывает мнение, что снятие виновности с абхазского народа, наложенного Императором Александром II (1880) за восстание абхазов в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., состоялось по рекомендации Георгия Дмитриевича. Мол, по его инициативе в Тифлис к наместнику Кавказа была делегирована абхазская депутация, поставившая ряд вопросов, в том числе и просьбу о снятии виновности с абхазов. И что в этом вопросе оказывала содействие морганатическая супруга Георгия Дмитриевича, вдовствующая Императрица Мария Федоровна – мать Государя Императора Николая II. Говорится и о том, что на принятие сего акта о снятии виновности с абхазского народа (1907) Государя подвигло то, что абхазы довольно пассивно отнеслись к первой русской революции 1905 года. Таким образом, можно предположить, впрочем, и автор статьи А. Мукба, как нам видится, того же мнения, что на принятие императорского указа повлияли оба эти обстоятельства. Однако следует уточнить, что документальные свидетельства о воздействии на монарха приведенных выше факторов влияния нигде не зафиксированы.

Тем не менее даже исходя из того творческого и научного наследия, что через века дошли до нас, можно сделать бесспорные выводы о том, Георгий Дмитриевич Чачба (Шервашидзе) был одним из крупнейших мыслителей и публицистов своего времени. Он являлся, по сути, абхазским публицистом, писавшим на русском языке, поскольку проблемы Отечества и родного народа, как он сам подчеркивал, ему всегда были близки, а в иных случаях – составляли основу его произведений.

Г. Д. Чачба-Шервашидзе скончался 26 марта 1918 года в Крыму и местом его захоронения является склеп церкви Ай-Тодорского замка в городе Ялте.

Таковы некоторые примеры из публицистики последних десятилетий 19 века, увидевшей свет не на абхазском языке, но поднимавшей абхазскую проблематику, и имевшей целью в какой-то мере подвинуть дело пропаганды и изучения истории, этнографии, быта, традиции и обычаев коренного народа. Такая публицистика по содержанию, а значит, и по праву может называться абхазской. Ведь видные местные ученые и краеведы, деятели просвещения и культуры – абхазы, русские и др., печатным словом пытались осветить

на страницах печати насущные проблемы развития образования, культурной, социальной и хозяйственной жизни Абхазии. О том сказано выше.

Но встречалась на страницах газет той поры и публицистика иного характера, выражавшая мысли и настроения, мягко говоря, далеко отстоявшие от интересов коренного населения, находившиеся в катастрофических обстоятельствах в результате вынужденного переселения десятков тысяч абхазов в чужеземные края.

Некоторые публицисты, грузинские, к примеру, прямо-таки исходили вожделением, призывая к колонизации опустевших абхазских земель. Грузинская общественность, писатели и публицисты, в том числе, в полемике с российскими властями за преобладающее право на колонизацию края грузинскими переселенцами ни разу не соизволили потребовать от той самой власти разрешить вернуться тем тысячам абхазов, которые сотнями умирали на кораблях и побережье от голода, холода и болезней. Вместо того печатать пестрела призывами опередить русских в освоении осиротевших абхазских поселений.

Так, именитые публицисты, к примеру, Г. Церетели (газета «Дробеба» 1879, № 27), писали: «Сегодня весь Кавказский берег Черного моря опустошен, земля здесь плодородная. Места здесь бесподобные для разведения скота и посевов, однако для заселения этих мест годятся лишь люди из Грузии – Имерети и Мегрелии... Расширимся, пока еще имеем время, пока не наехали чужие племена и не поселились на пустых местах нашего Кавказа»¹.

Та же газета (1879, № 47) отмечала: «Очевидно, что нашему народу в десять раз больше необходимо расширение и переселение, чем выходцам из России... Поэтому все сочувствующие нашей стране должны проявить еще больше стараний, чтобы на опустевшие места побережья Черного моря направить наших бедных сельских людей, которые задыхаются от безземелья и которые там заживут более свободно и привольно»².

В то же время либеральная Санкт-Петербургская газета «Голос» сообщала из Абхазии печальные вести, например о том, что «в зиму

¹ Газета «Гражданское общество», 2007 г. С. 50.

² Там же. С. 51.

этого года (речь идет о 1880 году. – **В. Ч.**) абхазцы – эмигранты отправились в Сухумский отдел из Самсуна на двух кочермах; более десяти дней они пробыли в море, за недостатком пресной воды пили морскую, около десяти умерших своих товарищей выбросили в море, и, наконец, одна из кочерм прибыла в Сухум. На ней было 170 душ. В Сухуме им дозволили пробыть два дня, чтобы похоронить несколько человек и потом на военной шхуне их отправили обратно в Турцию»¹.

Но немало было публикаций, исповедовавших политику и идеологию иного рода. Печатное издание реакционного российского дворянства «Гражданин» по поводу тех же несчастных абхазов, у которых отняли родину, утверждало: «Было постановление не заселять абхазами все то пространство, которое заключено между рекой Кодор и селением Ац (Аацы. – **В. Ч.**), потому что на этом пространстве расположены Ново-Афонский монастырь, Сухумо-Драндский монастырь и перечисленные выше колонисты. Между тем, оказывается, что абхазцы жили и живут около этого места, где был убит покойный Завадский (участвовал в боевых действиях против горцев, начальник Сухумского гарнизона, командир батальона, генерал-майор российской армии. – **В. Ч.**)... Вот зло, которое надо искоренить также и выгнать этих абхазцев, которые еще до войны возмущали спокойствие жителей, во время же войны принимали участие в неприятельских действиях против нас»².

В таких социально-политических условиях нарождалась абхазская публицистика, ростки которой создавались также и просвещенными представителями некоренной нации. В то время, в последней четверти 19 века, абхазский народ испытывал тяжелейшие затруднения во всех сферах жизни, отставая в цивилизационном развитии от соседних народов, что могло обернуться в перспективе катастрофическими последствиями. И утерей родины, национальной идентичности, ассимиляцией в инородной среде и т. д. О том надо говорить прямо, поскольку запоздалость выше отмеченных процессов, самым негативным образом сказавшихся на развитии культуры, просвещения и образования абхазского общества,

как и экономики края, не всем понятны и доступны. Причиной тому – объективные и субъективные факторы, сыгравшие трагическую роль на протяжении всего несчастного для абхазского этноса девятнадцатого столетия. Века, запечатленного в генетической памяти всех абхазов, как бесконечная череда процессов махаджирства. Основная же объективная причина исхода большинства народа в том веке – соперничество двух империй: российской и османской. Если же говорить о субъективных факторах, то в первую очередь необходимо отметить жестокость и лицемерие имперских исполнителей массового выселения сотен тысяч абхазов с родной земли на чужбину: генералов, министров и прочих чиновных лиц, а также правителей этих империй, злодеяния которых по отношению к абхазскому народу практически сродни геноциду. Здесь же нельзя не отметить и такой зловещий фактор, как гибель выдающегося военного и государственного деятеля, правителя абхазской страны Келешбея. Это убийство, вмененное затем царской администрацией старшему сыну правителя, случилось, полагаем, согласно хитросплетениям правителей соседнего мегрельского княжества и не без ведома имперских сил. После того у абхазов почти двести лет не было национального объединяющего центра силы. Судя по-всему, «странная» кончина сильного и харизматического лидера, игравшего и вполне успешно роль объединителя народа и абхазских земель, была угодна тем силам, которые по известным причинам не потерпели бы существование довольно мощного по кавказским меркам государственного образования на Черноморском побережье Кавказа. И как подтверждение той же имперской логики – ликвидация абхазской государственности (Абхазского княжества) в 1864 году, сразу после окончания Русско-кавказской войны и лишение названия страны, переименованной в Сухумский отдел, а позже в округ; организация царизмом в сговоре с османским правительством массового исхода большинства абхазского народа на чужбину. И затем объявление тех, кто чудом выжил на родине, «виновным» населением, с отъемом не только всех традиционных прав, но даже тех, которыми обладали нерусские народы Российской империи.

В силу перечисленных катаклизмов обессиленное абхазское общество оказалось перед фактом не только стагнации всех сфер

¹ Газета «Гражданское общество, 2007 г. С. 52.

² Там же. С.197.

жизнедеятельности, но и запросто могло исчезнуть с карты мира. И все же страна в начале 20-го века стала постепенно становиться на ноги. Монархия сняла клеймо «виновности» с коренного населения, разрешила открывать сельские школы. Появились и ростки интеллигенции в абхазском обществе: учителя, служители церкви, офицеры русской армии, переводчики администрации. Исследуя этот период истории, в рамках которого происходили процессы формирования абхазской интеллигенции, Г. А. Дзидзария отмечал, что «преобладавшая демократическая часть этой уже серьезной общественной силы широко выражала интересы и чаяния своего народа, принимала участие в борьбе за его национальное и социальное освобождение, служила делу просвещения и прогресса. Это было то общее, что объединяло эту группу абхазской интеллигенции, далеко не однородную по своему социальному составу и мировоззрению». В то же время исследователь приводит причины, затруднявшие процессы консолидации абхазского общества: это «массовая эмиграция (махаджирство), повлекшая за собой большое сокращение, а также «разрыв» абхазского народа, и, следовательно, нанесшая огромный ущерб его этническому развитию...». «Гнет колониального режима и национальное бесправие...», и «исключительно тяжелые последствия военных событий на ее (Абхазии. – **В. Ч.**) территории»¹.

Абхазская историография советского периода была вынуждена, характеризуя ситуацию того времени, говорить о том, «насколько тесны были связи абхазской интеллигенции (правильней сказать, абхазской аристократии. – **В. Ч.**) с грузинской культурой, выдающимися писателями и общественными деятелями»: «И. Чавчавадзе, А. Церетели, Я. Гогешвили, Д. Кипиани, С. Месхи...». Но в данном случае совершенно справедливо подчеркивается роль тех грузинских деятелей, «которые, живя в Абхазии, внесли большой вклад в развитие культуры и просвещения абхазского народа (П. Чарая, Н. Джанашия, К. Мачавариани, Т. Сахокия и другие)»².

Добавим к тому лишь то, что последние действительно были видными подвижниками в деле просвещения и развития абхазско-

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 152 – 153.

² Там же. С. 149.

го общества, пытавшимися всеми своими силами и знаниями помочь выстоять абхазскому народу в тяжелейший период его истории. В том же ряду лучшие представители русской интеллигенции: Н. Воронов, Н. Альбов, Д. Мордовцев, В. Чернявский, Г. Рыбинский и другие. Что же касается столпов грузинского национального движения в лице Чавчавадзе, Церетели, Гогешвили и прочих, можно быть уверенным в том, что в ту пору их более всего заботило скорое, прежде русских, освоение грузинами опустевших земель несчастных абхазских изгнанников.

Можно привести и такой характерный факт по поводу связей той самой абхазской аристократии с грузинской культурной прослойкой. В те трагические времена, в начале 80-х годов 19-го столетия, пребывая в Тифлисе, даровитый потомок абхазского правителя Г. М. Шервашидзе на грузинском языке создает «замечательные образцы поэзии, драматургии, критики и публицистики». Весьма плодотворно приобщаясь к грузинской культуре и искусству, он, к сожалению, ни словом, скажем, той самой публицистики, не обмолвился в тех же грузинских газетах по поводу бедных абхазов, изгнанных с родины. И когда соплеменники бьются, словно рыба об лед, чтобы вернуться на родину, родовитый абхаз пишет комедийные и драматические произведения, которые ставятся в театрах Тифлиса и Кутаиса, занимается переводами А. Пушкина, В. Гюго на грузинский язык, «активно сотрудничает в «Дроеба», «Иверия» и других органах»¹, но отнюдь не по абхазской проблематике. Понятно, что немилость и подозрения империи сковывали такую деятельность в поддержку своего этноса. Но все же ведь «бунтарство» было свойственно и той среде, в которой обитал и творил один из представителей абхазского владетельского дома. Можно было найти формы протеста, как, кстати, это сделали по поводу абхазских изгнанников отдельные грузинские интеллигенты и просвещенцы. Теперь, однако, чего уж тут поминать прошлое, разве лишь в назидание потомкам. Это были, к сожалению, не единичные факты индифферентного отношения представителей высшего сословия к трагедии родного этноса, в поддержке его, моральной и психологической, в тяжелую для него пору.

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 93.

Тем не менее можно констатировать, что к началу нового столетия в Абхазии нарождаются серьезные общественные силы, широко выражающие интересы народа. Это было то общее, что объединяло абхазскую интеллигенцию, но, как верно подмечает исследователь, она, интеллигенция, была далеко не однородной по своему социальному составу и мировоззрению. Преобладала и выделялась в ней своей целеустремленностью трудовая интеллигенция. Эта среда, разночинная по своей социальной сущности, оказывала большое влияние на развитие национальной культуры. Необходимо также отметить, что соотношение абхазской части с общим числом людей интеллектуального труда в крае составляло совершенно незавидную долю. Абхазы уступали в этом отношении всем крупным национальным группам. Например, по материалам всероссийской переписи 1897 года «учебно-воспитательную и врачебно-санитарную деятельность в крае вели 117 чел., священнослужители составляли 849 чел., служащие административных органов (вместе с лицами, ведшими частную юридическую практику) – 204 чел., деятели науки, литературы и искусства – 7 чел.; всего – 1 181 чел. Из них лица абхазской национальности составляли 79 чел., в том числе работники народного просвещения – 22 чел., а количество всех грамотных абхазов – 1 259 чел. (2,14%)»¹. Общее же число грамотных в Абхазии составляло 9.8%. Как видим, отставание абхазов составляло более чем в четыре раза.

С наступлением нового 20-го столетия в Абхазию стали проникать идеи марксизма, в основном по инициативе грузинских социал-демократов. Как отмечал Г. Дзидзария, «значительным явлением в начале этой эпохи было создание в 1903 году социал-демократической организации под названием «Сухумской группы Батумского комитета РСДРП»². Организовал группу и руководил ею первое время А. Цулукидзе, приехавший в 1902 – 1903 гг. на лечение в Сухум. Скоро наступил 1905 год – пора первой русской революции. В то время С. Орджоникидзе, будучи фельдшером Гудаутской лечебницы, пытался наладить марксистскую деятельность в участке. Создал здесь, при больнице, подпольную типографию, вел активную про-

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 150.

² Там же. С. 159.

пагандистскую работу накануне и в ходе первой русской революции. В Сухуме также были попытки организовать забастовки, митинги и политические демонстрации с участием учителей и учащейся молодежи. Еще один грузин, С. Кухалейшвили развил деятельность по организации революционного движения в Кодорском участке, в селе Адзюбжа. Надежда была на лесопильный завод, рабочие которого, по всей вероятности, сочувствовали социалистическим идеям. Но кратковременный успех сопутствовал самурзаканцам, где «царская администрация была фактически устранена от власти». Там руководящую роль играл Платон Бахович Эмухвари, природный абхаз, «бывший до этого учителем Окумской школы. В частности, он командовал боевой дружиной – «красной сотней»¹.

В целом абхазский народ, наученный горьким опытом недавнего прошлого, не поддержал революцию, которая своими пролетарско-социалистическими лозунгами была непонятна и далека от насущных интересов основной массы коренного населения края. Абхазы на одном из митингов в Сухуме озвучили свои чаяния несколькими важнейшими для народа пунктами. Это – запрещение административным чиновникам называть абхазское население (устно и письменно) оскорбительным и незаслуженным названием: «виновное население», также требование о предоставлении права коренному населению занимать должности во всех учреждениях Абхазии, и просьба разрешить вернуться на родину абхазам, насильственно угнанным в султанскую Турцию во время Русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов, и возвращение им их земель.

Самодержавие, что надо отметить, оценив поведение абхазов, не принявших участие в революционных событиях, вскоре сняло с народа «виновность». Кроме того, в том же 1907 году по инициативе властей Абхазская переводческая комиссия при Сухумском епархиальном училищном совете приступает к переводу Евангелия и других религиозных книг, а также к составлению абхазских литургических песнопений. К этой работе были подключены учитель Д. Гулиа и священник Н. Ладария. В то же время решено было вызвать в Сухум известных в Абхазии певцов абхазских народных песен, поручив регенту кафедрального собора записать наиболее соответ-

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 165.

ствующие характеру церковной службы народные абхазские мотивы и переложить на эти мотивы литургические песнопения. Все это делалось для того, чтобы переложенную на абхазский язык литературу, внедрить затем в школы и распространить среди населения. Церковная администрация Абхазии делает попытку «вести на абхазском языке богослужение, в отдельных церковноприходских школах – все преподавание, в остальных – урок закона божия»¹. Эти меры властей, безусловно, вызвали благоприятное оживление и надежду в среде абхазского народа, у которого появился стимул к поступательному движению по пути прогресса и возрождения.

В этой связи академик А. Куправа отмечал: «В начале XX в., особенно после первой революции в России и снятия «виновности» с абхазского народа (1907 г.), наступает кратковременный период мирного созидательного развития. Наметившийся тогда подъем среди абхазцев характеризовался пробуждением интереса народа к проблемам культурного развития. Наиболее важные вопросы культурной жизни деревни рассматривались на сходах. Сельские сходы, как правило, обсуждали вопросы строительства и открытия церкви, организации церковно-приходских и других школ. Народные собрания поддерживали культурные начинания, содействовали мобилизации усилий крестьянства для участия в строительстве очагов культуры»².

Исследователь также называет фактом огромной культурной значимости богослужение на абхазском языке, совершенное в ноябре 1907 года в древних храмах Лыхны и Моквы семью абхазскими священниками, во главе с благочинным Д. Т. Маргания. Подчеркивается важная роль сельских сходов в деле улучшения школьного образования. В частности, акцентируется внимание на просьбы жителей сел создавать такие условия воспитания и образования, чтобы крестьянские дети «не гнушались занятий, которыми занимаются их отцы – земледелием, садоводством, скотоводством...»³. Отмечается также желание сельчан включить в образовательный

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 189.

² А. Э. Куправа. Из истории абхазской традиционной культуры. Книга первая. Москва – 1998. С. 56 – 57.

³ Там же. С. 58.

процесс преподавание на абхазском языке. (В ту пору официально запрещалось использование родного языка в учебном процессе). Но стараниями народных учителей были изданы первые учебники и учебные пособия на абхазском языке, и проводилась работа по их внедрению в учебный процесс¹.

Г. А. Дзидзария подчеркивал, что «именно в этот период (постреволюционный, имеется в виду первая русская революция 1905 года. – **В. Ч.**), кроме уже названных учебных пособий, появляется такая учебная литература, как «Абхазская азбука» коллектива авторов (1906), «Сборник арифметических задач» Ф. Х. Эшба (1907) и «Абхазская азбука» А. М. Чочуа (1909). Вместе с тем Абхазский переводческий комитет не без настояния таких его членов, как Д. И. Гулиа и Ф. Х. Эшба и другие, включает в свою тематику и литературу практического характера, рассчитанную на оказание помощи крестьянам в более производительном ведении хозяйства».

Следует также отметить, что примерно в то же время начались подвижки по введению родного языка в школах Абхазии. Сухумский епархиальный учительский совет еще в ноябре 1905 года распорядился о введении во всех школах Самурзакана преподавания грузинского языка. В Гумистинском участке в селах с абхазским населением – абхазского языка, а с греческим – греческого языка за счет часов церковнославянского языка. Позже такое же преподавание абхазского языка было разрешено в Гудаутском и Кодорском участках.

В тот же период началось формирование абхазского литературного языка на основе работ Д. Гулиа, А. Чочуа, Н. Патеипа, Н. Маргания и др. Проф. Г. Дзидзария подчеркивал, что «особое значение в этом процессе принадлежало сборникам Д. И. Гулиа «Абхазские пословицы, загадки и скороговорки» (1907) и стихов (1912 – 1913), букварям и другим абхазским учебным пособиям, а впоследствии – газете «Апсны»².

Полагаем, что основательным толчком для дальнейшего становления национального самосознания абхазского общества явились отмеченные выше преобразования. Это в первую очередь введе-

¹ А. Э. Куправа. Из истории абхазской традиционной культуры. Книга первая. Москва – 1998. С. 58.

² Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухум – 1979. С. 202.

ние абхазского языка в школах, также создание абхазской азбуки и различных учебных пособий на абхазском языке, на основе чего появился и третий фактор – наличие, хоть и в зачаточной форме, абхазского литературного языка. И, как верно подметил Г. Дзидзария, «формирование национальной культуры было выражением роста национального самосознания», что в перспективе должно было способствовать качественному и количественному росту абхазской интеллигенции, появлению в его рядах деятелей от коренного народа, также ему сочувствующих, в различных сферах культуры, науки и просвещения. Тенденция к тому стала проявляться в годы дореволюционного периода, и в ту же революционную эпоху, когда молодая абхазская элита, еще находясь в процессе становления, оказалась в водовороте переломного времени и сложнейших политических событий.

Таким образом, в том этапе, в конце 19-го и в начале 20-го веков, закладывались первые камни в фундамент развития и становления абхазского общества: в экономике, культуре, просвещении. Также постепенно нарождалась интеллигенция. В те годы в состав абхазской национальной интеллигенции вливаются новые силы, более разнообразные по своему профессиональному признаку. В частности, растет число представителей мелкобуржуазной (наверное, все же разночинной. – В. Ч.) интеллигенции – низших государственных и торгово-промышленных служащих. Но по-прежнему резко преобладает учительство, причем с заметным увеличением удельного веса выходцев из трудового населения...¹

Этап второй. Становление дореволюционной публицистики (нач. XX века)

В условиях, когда абхазское общество проходило очередной этап формирования интеллигенции, подъема образовательного процесса, становления культуры, активное и весьма плодотворное воздействие на эти события большой важности оказывало печат-

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухум – 1979. С. 231.

ное слово представителей абхазской элиты. К тому времени, в дореволюционный период, на общественную арену вышла новая плеяда абхазских публицистов, многие из которых впоследствии стали известными литераторами, учеными, государственными и политическими деятелями. Таким образом, в отмеченный период сформировались довольно значительные силы абхазских публицистов из числа молодых интеллигентов: общественных деятелей, ученых, учителей, достаточно регулярно выступавших на страницах российских и грузинских изданий.

В Сухуме в дореволюционное время выходили несколько периодических изданий: «Сухумский вестник», «Сухумский листок», «Сухумские вести» и некоторые другие. Безусловно, что абхазские публицисты того времени регулярно печатались в этих русскоязычных газетах либерального направления.

Надо также отметить, что были в ту пору и такие активные публицисты, как, например, видный ученый и общественный деятель С. П. Басариа (1884 – 1941 гг.), который являлся постоянным автором многих печатных изданий Закавказья и Северного Кавказа. В развернутой характеристике проф. Г. Дзидзария по поводу публицистической деятельности Симона Петровича Басариа отмечается: «Он рано начал писать, а вскоре стал печататься почти во всех кавказских газетах и журналах, выступая большей частью под псевдонимом «Симон Апсуа», а также «Михаил Апсуа». До 1917 года он написал около 50 статей и заметок на самые различные сюжеты. Они были полны беспокойства, прежде всего, за судьбу многострадального родного народа»¹.

Исследователь отмечает также разносторонность интересов и глубину разработки публицистических выступлений С. Басариа. Это и земельный вопрос, и бездушные чиновники, попиравших интересы трудового народа. Волновала его и проблема махаджиров, волей злой судьбы, или же имперскими усилиями высланные на чужбину. Посетив Константинополь, он встречался с тамошними абхазами – студентами, которые, «с горечью на сердце вспоминали свою милую «Страну души» – Абхазию»². Интересовался также

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухум – 1979. С. 248.

² Там же. // «Сухумский вестник», 25. I. 1913, № 70.

историей и бытом народа. Подчеркивал при этом, что его «скромное мнение» основано «на знании психики, прошлого и настоящего быта всех абхазских племен»¹.

Привлекает внимание публикация С. Басариа в газете «Кавказский край» под заголовком «Вымершие народы», повествующая о судьбе садзов и убыхов. Рассуждая о происхождении убыхов, Басариа приводит мнение известного кавказоведа П. К. Услара, отмечавшего, что «у многих писателей классических, византийских, итальянцев, в средние века встречаем указание, что между зихами (черкесами) и абасками (абхазцами) живет особый народ.

Однако, как замечает далее Басариа, «такое предположение еще более усилило любознательность лингвистов, но спорный вопрос от этого не разрешался, а скорее осложнялся и путался...». Так как никому из исследователей, как отмечал публицист, не удавалось «записать хоть одно убыхское слово». Затем следует любопытная деталь, связанная с ученой деятельностью маститого русского филолога.

«Н. К. Услару «посчастливилось» записать, со слов 15-летнего природного убыха, много слов и предложений; занятие, по словам Услара, продолжалось шесть дней, так как на седьмой день русская картечь сразила и этого последнего убыха. После этого г. Услару только приходится восклицать: «Последние события нанесли ему (убыхскому языку) смертельный удар. Едва ли уцелел один убых на Кавказе!»; но все это не мешало почтенному лингвисту самому участвовать в отряде, действовавшем (1861 г.) против убыхов со стороны Майкопа, г. Услар, как человек военный, очевидно, был пропитан духом тогдашней истребительной политики, и на его глазах с лица земли это таинственное племя».

Познавательны также рассуждения публициста о политике царизма в Кавказской войне. По этому поводу С. Басариа писал: «Вообще, в войне на Западном Кавказе, мы встречаем странное явление: здесь самурзаканцы помогают русским покорять неприступных цебельдинцев, там бзыбская Абхазия содействует им же в уничтожении убыхов, потом садзуа, а через несколько лет на бзыбцев натравливаются абхазцы – абжуа. Англисская политика в Индии помогла скорому покорению этой части Кавказа».

¹ Там же. // Семен Апсуа. Свет и тени (Об Абхазии и абхазцах). – «Сухумский листок». 18. XI. 1912. № 201.

Завершая свои заметки, автор отмечает следующее: «Но как бы то ни было, приходится констатировать печальный факт: уже в 70-х годах (19 в. – **В. Ч.**) мы не встречаем ни одного представителя этих безвременно погибших народов... Впрочем, в новейших русских учебниках географии есть указание, что убыхи и садзуа благоденствуют на Северном Кавказе, занимаясь «мирным» трудом. Вот как мы знаем свой край! Вот как мы чудно изучили его!» – восклицает автор¹.

В заметках под заголовком «Забывтый край» С. Басариа живо и занимательно описывает прошлое и настоящее абхазского народа, заостряя внимание общественности на реалиях обстановки после завоевания Абхазии Российской империей и лишения страны внутреннего управления, объявления абхазов «виновным населением». Вначале он отмечает, что «многие русские бытописатели не только не способствовали делу единения Абхазии с коренной Россией, но старались вызвать в русском читателе отвращение к этим людям. Первое знакомство с Абхазией и абхазцами дает известный генерал Дубровин в своем труде «История войны и владычества русских на Кавказе». Извращение истины в этом труде доходило до изумительной бесцеремонности; нравы, обычаи, политический, экономический строй, религиозные верования абхазцев обрисовываются в совершенно ином виде. Что удивительного? Дубровин не был в Абхазии и в глаза не видел ни одного абхазца. Другая писательница Кавказа – Желиховская, получившая у кавказских критиков имя «сумасбродной женщины», умудрилась описать жизнь и нравы абхазцев с парохода Русского общества».

В то же время, в отличие от вышепоименованных «знатоков» абхазских условий жизни, Симон Петрович, показывая картину иного рода, утверждает: «Правда, были в Абхазии и серьезные писатели; упомяну малоизвестный, но в высшей степени ценный труд г. Альбова «Этнографические наблюдения», «Живая старина». Альбов 5 лет путешествовал по Абхазии, непосредственные личные наблюдения дали ему возможность проверить все сбивчивые литературные сведения о домашнем и общественном быте, характере, религиозных верованиях абхазцев. Посетил Абхазию и известный писатель Евг. Марков, который посвятил Абхазии следующие строки: – «...Мы, русские, своим неумелым обращением, погубили, разорили

¹ Газета «Кавказский край», 27 / IX – 1909 г.

абхазцев, а между тем, народ этот чудный, вежливый... настоящие французы Кавказа».

Далее Басариа ретроспективно освещает исторический путь абхазов с античного периода до времен покорения их российским оружием. С восстаниями абхазов в 1866 году и во время Русско-турецкой войны 1877 – 78 гг. публицист увязывает все последующие злоключения, главным из которых было махаджирство несчастного народа. Так он описывает последующую ситуацию в крае: «Опустевшие земли были розданы чиновникам, пришельцам грекам, армянам и мингрельцам, а лучшие горные части были превращены в «казенные». Но этим не кончилась немилость русского правительства; оставшиеся абхазцы (по данным С. Басариа 30 тыс. душ. – **В.Ч.**) объявляются «виновным населением», лишаются прав на земли, коронной службы, и проектируется план о поголовном выселении абхазцев «в отдаленнейшие губернии России». Впрочем, план этот не удастся, благодаря вмешательству, как говорят, великих князей с Михаилом Николаевичем во главе».

Завершая публикацию, автор сообщает читателям о том, каким образом был снят с абхазов ярлык «виновности», и о том, как население отдельных абхазских общин обратилось к наместнику Кавказского края с просьбой облегчить некоторые условия их жизни. В этой связи С. Басариа отмечал, что «абхазцы хорошо сознавали, что решается их судьба, неоднократно просили высшую власть брать их в солдаты и снять с них позорное имя «виновных». Но ни одна просьба абхазцев, по их словам, не доходила до царя и они с лишком 30 лет считались «временными жителями» родной земли. Только с назначением на пост наместника Кавказа Воронцова-Дашкова дела Абхазии принимают совершенно иной оборот: назначается внимательный окружной начальник, решается вопрос о мере виновности абхазцев перед русским правительством. Беспристрастные следователи пришли к справедливому выводу...».

И, как отмечает публицист, монарх указом своим велел два года тому назад (в 1907 г. – **В. Ч.**) уравнивать абхазцев в правах с остальным населением империи. Царское же распоряжение было объявлено абхазцам при необычайно торжественной обстановке в селе Моквы¹.

¹ Газета «Кавказский край», 1909, 20 сентября.

Добавим к сказанному, что определяющим условием в решении царского правительства о снятии «виновности» с абхазского народа все же было его неучастие в революции 1905 года.

Писал С. Басариа в своих публикациях о прогрессивном значении присоединения Абхазии к России, отмечая, что «Абхазия в настоящее время, благодаря русской культуре, представляет мирный уголок на берегу Черного моря, тогда как до присоединения к России она служила ареной военных действий...»¹.

Отметим также, что в своих публикациях той поры автор призывал общественность остановить бесцеремонное разграбление богатств Абхазии «толстосумами» – капиталистами со всех концов Российской империи и даже Европы. Его возмущало «пренебрежительное отношение начальников к абхазскому населению», «административное глумление, которое делало еще более несчастной Абхазию – эту «долину слез»².

Поднимая эту проблему в очередной своей публикации, С. Басариа писал о примере иного характера, об искреннем и честном служении своему народу мирового посредника, полковника А. М. Лакербай (1864 – 1916). Публицист, в частности, отмечая высокие профессиональные и человеческие качества Андрея Михайловича, снискавшие уважение к нему со стороны населения Абжуйской общины Абхазии, отмечал следующее: «Говоря о межевании земель по указу 9 ноября, нельзя обойти молчанием того человека, который стоит во главе всех земельных работ Абжуаа. Я имею в виду мирового посредника, полковника А. М. Лакербай. Хорошо зная быт, тайники души родного абхазского народа, полковник Лакербай своей доступностью, прямоотой, искренним отношением к населению как бы задался целью наверстать все то хорошее, чего недооставало прежде другим крупным чиновникам Абхазии»³.

К сказанному выше Симоном Апсуа в газете «Сухумский вестник» (псевдоним С. Басариа) о патриотической и гражданской позиции А. М. Лакербай приведем сведения известного церковного деятеля И. Восторгова по поводу одного выступления Андрея Михайловича

¹ М. Апсуа (Псевдоним С. П. Басариа), «Черноморский вестник». 15. VIII. 1901.

² Газета «Отклики Кавказа», 22. VII. 1911. №162.

³ Газета «Сухумский вестник», №79. 25 января 1913 года.

перед общественностью Сухумского округа. И так, автор в церковной газете писал: «В марте месяце сего года (1907 г. – **В. Ч.**) было совещание представителей населения Сухумского округа по вопросам церковно-школьного дела в епархии. Начальник Сухумского округа, князь Джандиери, грузин, настаивал на необходимости изучения грузинского языка для абхазцев, которые, по его мнению, без грузинского языка будут культурно беспомощны».

Далее И. Восторгов, посчитав, что ответная речь А. М. Лакербай имеет полезное значение для абхазского общества того времени, приводит ее основное содержание. Он, в частности, сообщал: «Мировой посредник подполковник Лакербай обратился к собранию с речью, в которой выразил ту мысль, что уже 60 лет в Абхазии длится такое положение, при котором абхазцам стало плохо от пришлого элемента. Старики еще помнят, что ни один мингрелец, ни один грузин не решился бы перейти Ингур, когда абхазцы были свободны. Теперь этот пришлый элемент стеснил коренное население, взял на себя роль каких-то руководителей – посредников между правительством и народом, действуя якобы от имени коренного населения. Люди эти, в большинстве случаев, мингрельцы, пришли вместе с русскими, так сказать, под русским флагом внедрились в Абхазию. Они захватили в свои руки и богатства, и земли в Абхазии, и пользуются всеми благами, заботясь только о себе, стремясь насильственно огрузинить абхазское население. Вместо того чтобы быть благодарными, они теперь действуют во вред тому народу – абхазскому, у которого получили гостеприимство. Но теперь настало время, когда абхазцы должны заявить о себе, сами просить о своих нуждах и желаниях. Абхазцы не доверяют посредничеству пришлого элемента – ни учителям, ни священникам, от которых они не могут ожидать ничего хорошего, так как люди эти ни по духу, ни по происхождению не имеют ничего общего с народом»¹.

Эту речь А. М. Лакербай можно с полным основанием назвать блестящим публицистическим выступлением в защиту коренного этноса, ощущавшего в ту пору угнетенное состояние от всякого рода пришельцев, особенно от мингрельского элемента, пользовавшихся всеми благами абхазской земли. Выступление Андрея Михайловича – это своего рода предзнаменование будущей осво-

¹ Газета «Церковные ведомости», 27 мая 1907 года.

бодительной борьбы против набравших силу процессов колонизации Абхазии картвельскими переселенцами.

А. М. Лакербай – герой Первой мировой войны, погиб в сражении на турецко-персидской границе 16. 04. 1916 года, лично командуя атакой вверенного ему полка российской армии.

Возвращаясь к публицистике С. П. Басариа, отметим также, что большое внимание он уделял системе образования, ратуя за внедрение школ нового типа, ставил вопрос о преподавании родного языка, резко выступал против официальных лиц, препятствовавших этому делу. Не раз писал он о месте и роли народного учителя в системе образования, о его тяжелом материальном и моральном положении в обществе. В публикации с хлестким названием «Бегство учителей» он дает целый срез из жизни учителя того времени короткой, но весьма емкой фразой: «Кому неизвестна участь обездоленных, живущих в каторжном труде и бедности народных учителей?»¹.

С. П. Басариа, на наш взгляд, выдающийся абхазский публицист, обладавший острым и профессиональным взглядом на современные ему проблемы не только родного народа, но и в целом всего Кавказского сообщества. Многие темы его публицистических выступлений того периода сохранили свою актуальность по сию пору, дожидаясь своего решения не один десяток лет. Разве не являются таковыми его заметки и статьи, поднимающие животрепещущие вопросы разделенных до сих пор кавказских этносов: абхазов, адыгов, абазин и других? В том же ряду проблемы сохранения и становления родного языка и национальной культуры, уникальной природной среды обитания, без чего также чревата утеря лица народа, его идентичности.

Яркой и колоритной была личность Семена Михайловича Ашхацава (1886 – 1937 гг.) – видного представителя дореволюционной абхазской интеллигенции. Весьма широким был диапазон его познаний, интересов и увлечений. Он – политик и общественный деятель, исследователь истории и труженик просвещения, и, не в последнюю очередь, талантливый публицист и писатель. Много печатался на страницах сухумских газет. О разносторонних интересах Ашхацава свидетельствуют такие его публикации, как «Схема

¹ Газета «Кавказский край», 11. XI. 1909. №47.

абхазской истории»¹, «Внутреннее управление древней Абхазии»², «Краткий исторический очерк абхазской церкви»³, «Несколько слов об абхазской письменности»⁴ и другие. Интересны суждения молодого абхазского интеллигента о роли письменности в жизни человека и общества. И делится мыслями, скорее всего, со своими собратьями – представителями молодой абхазской интеллигенции, подчеркивая величайшее значение письменности, без чего, что является подтекстом, вряд ли возможно просвещение и образование в среде народа. Рассуждает при этом со знанием дела, увлекательно и убедительно, отмечая, к примеру, что «с изобретением письменности человек разрешил одну из самых трудных и великих своих задач. Он воплотил свое слово, фиксировал речь, и, таким образом, получил возможность сделать свою мысль бессмертной. Благодаря этому человеческие мысли, идеи и знания, словом, вся умственная и духовная жизнь его не умирает вместе с ним, а остается в неизменном виде навсегда. Он получил возможность запоминать огромную массу накопленных веками сведений, передавая в наследство огромный запас опытности и знаний»⁵.

Глубокая разработка темы, склонность к аналитике и философским обобщениям – свойство многих публикации С. Ашхацава. То же самое можно отнести к научно-просветительской деятельности и историческим исследованиям Семена Михайловича. Забегая вперед, отметим, что его более поздняя (1925 г.) работа «Пути развития абхазской истории», вопреки критическому отношению к ней советской (грузинской) историографии, являлась для своего времени заметным вкладом в историческую науку, учитывая также источниковедческую базу, собранную автором. В этой связи С. Лакоба отмечал: «Долгое время имя этого человека оставалось в тени. Виною тому явилась эта книга (отмеченная выше. – **В. Ч.**).., публичное упоминание которой грозило тем, что за человеком закреплялся ярлык «националиста»⁶.

¹ «Сухумские вести», 2 из. VIII. 1911. № 21 и 22.

² «Сухумский вестник», 28. 10. 1 и 4. 11. 1912. №№ 195 и 197.

³ «Сухумский вестник», 5. 1. 1913.

⁴ «Сухумский вестник», 11. 11. 1912. № 174.

⁵ Там же.

⁶ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). // Газета «Единение», Сухум, февраль 1991, №2, с. 3.

Активную публицистическую и журналистскую работу в тот период вел видный представитель молодой поросли абхазской интеллигенции, будущий классик абхазской литературы Самсон Яковлевич Чанба (1886 – 1937 гг.). В его публикациях читатель, как правило, не мог не проникнуться горячим стремлением автора, направленным на возрождение Абхазии и приобщение абхазов к образованию и просвещению. Отмечая нелегкие условия жизни абхазского крестьянства, он призывал также к внедрению новых условий хозяйственной деятельности. По этому поводу С. Чанба писал: «В целой Абхазии, где климатические и почвенные условия благоприятствуют ведению сельского хозяйства, нет ни одного сельскохозяйственного училища, а между тем одно только распространение знания по сельскому хозяйству могло бы вывести абхазца из его незавидного положения и дать ему возможность воспользоваться плодами его родной земли... И далее он заключает: «Правда, в Сухуме есть реальное училище, но сыновьям бедных крестьян не видать его как своих ушей, оно недоступно крестьянским детям... На все это следовало бы обратить серьезное внимание»¹.

В том же ряду проблема искусственного водоснабжения сел Атар и Адзюбжа из реки Кодор при помощи водоподъемных машин. Также по следам командировки в Пятигорск публицист Чанба, вновь обращаясь к теме распространения технических знаний, заключает, что только это «может вывести абхазца из его незавидного положения. Нужны этому краю, резюмирует он, деловые специалисты и школы, которые должны быть близки к запросам местной жизни»².

С. Чанба, подмечая острым пером публициста негативные стороны абхазской жизни той поры, в то же время выражал стремление передовых сил народа освоить положительный опыт хозяйственной, социальной и культурной деятельности, наработанный в продвинутых странах и обществах. В просвещении народа он видел главную силу преобразований, и в том плане не оставлял без внимания любой факт и событие без своего печатного комментария. Так и называется его статья – «На пути к сознательности», в которой ав-

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 257. // «Закавказская речь», 21. VI. 1911.

² Там же. «Сухумский листок», 4. VII. 1914.

тор своими размышлениями и положительными фактами из жизни общества, вселяет в людей оптимизм и веру в перспективу лучшей жизни народа, при условии созидательной деятельности каждого члена общества. Чанба делится с читателями сложными проблемами жизни и быта, в то же время освещает проблему доходчиво и просто, что, разумеется, делает его публицистику действенной и привлекательной. Примером такого творческого подхода является подача события в выше отмеченной статье, которым автор указывает абхазскому народу, его передовым членам пути исправления ситуации на основе приобщения все большего числа людей к просвещению и образованию. В ту пору в абхазском обществе стоял самый насущный вопрос: что делать, чтобы вытащить народ из трясины отсталости, темноты и безысходности? Строить ячейки из «передовых обществ» – вот та настоятельная рекомендация, вытекавшая из публицистики С. Чанба. И живой пример тому – жители села Адзюбжа, объединившиеся вокруг своих лидеров и построивших «довольно большое двухэтажное здание для двухклассного училища с шестигодичным курсом и общежитием на 30 человек».

Таких конкретных примеров, что отмечены выше, в публицистическом наследии Чанба того времени много. Они и рождали в народе оптимизм и надежду, создавали необходимые предпосылки для созидательной деятельности в области просвещения и образования. То есть, надо было запустить процесс активного приобщения народных масс к новым, еще не изведанным формам жизни. И надо сказать, что усилиями молодой поросли абхазкой интеллигенции, непросто, с преодолением различных препятствий, удастся столкнуться с мертвой точки это важнейшее дело. И по этому поводу Самсон Яковлевич отмечает: «Мы являемся свидетелями пробуждения сознания в Абхазии, осуществления хотя бы частично, сознанных идей. И нас радуют проблески уже недалекой зари»¹.

Так, образно и оптимистично, автор сообщал единомышленникам и соплеменникам, что - де процесс пошел. Заметим также, что видный исследователь исторической науки Г. Дзидзария, характеризуя раннюю публицистику Самсона Чанба, отмечал в ней зачатки будущего крупного мастера абхазской словесности.

¹ Там же. «Сухумский листок», 4. VII. 1914.

В качестве журналиста и публициста плодотворно трудился Иван Иосифович Гулиа, выполнявший также обязанности народного учителя. Как публицист он обладал талантом поднимать именно те проблемы, наиболее чувствительные для общества в целом и, в частности, для конкретной местности, отдельных коллективов людей. Так в одной своей публикации на тему улучшения образовательного процесса он ратует за внедрение новых форм и приемов обучения детей. Для того, как он считает, необходимо следовать девизу самих народных учителей, который гласит: «Учиться и других учить». Подчеркивает при этом значение постоянного обогащения учительства новыми знаниями, расширяющими кругозор, что будет способствовать, по словам автора, «ясному, сознательному пониманию явлений окружающей природы и жизни...». Серьезное значение уделяет публицист психологическому настрою, как преподавателя, так и ученика, в чем и видится ему немалая доля успеха: «Все мы делаем одно дело, у всех нас одна общая цель – просвещение народа... Главное при нашей скромной и полезной работе должно быть именно бодрое настроение...»¹.

Как уже отмечалось, в публицистике Ивана Гулиа общие проблемы отнюдь не оттесняли в сторону потребности определенных групп и сообществ, населенных пунктов, сел и деревень. Например, Гулиа протестовал в своих публикациях против «хищнического уничтожения девственного леса в селах Моква и Тамыш». Он также писал по поводу плохого состояния дороги, шедшей от магистрального шоссе к морю. Отмечал, что «по ней ежегодно, помимо лесного материала, вывозилось от населения Джгерды, Кутола и Тамыша свыше 70. 000 пудов кукурузы»².

И. Гулиа в своих публицистических выступлениях пристальное внимание уделял обычаям и традициям, негативно влиявшим в ту пору, кстати, что имеет место и до сего дня, на социальное и экономическое состояние абхазского общества. В его публикации, вышедшей под рубрикой «Исчезающая традиция» (оптимизм автора, к сожалению, оказался преждевременным), отмечалась необходимость избавления от тех извечных традиций, вредоносно влия-

¹ Там же. «Сухумский листок», 9 сентября 1912 года. №181.

² Там же.

ющих на благосостояние населения. Он, в частности, писал: «Главное место среди них занимает порядок погребения и поминовения умерших... Естественно, что абхазцы с такими обычаями, живя в такой богатой природе, никогда не могут оправиться материально. Между тем по сие время они не принимали никаких мер к уничтожению подобных вредных обычаев»¹.

Подчеркнем здесь и такой факт, о котором вскользь упоминал и Г. А. Дзидзария. О том, что незадолго до публикации данной статьи Гулиа, за десять дней до того, в село Тамыш приезжал и вел «продолжительную беседу» с жителями о вреде некоторых устоявшихся негативных традиций еще один подвижник из среды интеллигенции – Н. С. Патеипа. Убежденное на тот момент население села не преминуло принять решение «об изведении в общине этих традиционных обычаев»².

Публиковался в периодической печати того времени, наряду с литературной деятельностью, и Дмитрий Иосифович Гулиа (1874 – 1960 гг.). Все же сфера его интересов с молодых лет была несколько иной. Это, безусловно, первые опыты творческой деятельности, а также упорная работа по развитию абхазской письменности. Как пишет исследователь В. Х. Конджария, в 1891 году ученый, историк-краевед И. Д. Мачавариани и семнадцатилетний его ученик Д. И. Гулиа составили новый абхазский букварь – «Абхазская азбука» и выпустили его в 1892 году. Там же отмечается переводческая деятельность Гулиа, который совместно с другими представителями интеллигенции – Н. Ладария, А. Ажиба, К. Маршания, Н. Патеипа, Ф. Эшба, Ан. Чукбар, участвовал в переводе таких церковно-служебных книг, как Евангелие, Требник, Служебник, а также популярных книг по сельскому хозяйству, медицине и т. д.

Ряд лет Д. Гулиа работал учителем народных школ: в Кутолской, Кындыгской, Тамышской. Затем продолжил педагогическую деятельность преподавателем сухумских учебных заведений: женской гимназии, горской школы, реального училища, учительской семинарии. Здесь, в семинарии, он организовал драматический кружок, в котором участвовали его ученики М. Ахашба, И. Кого-

ниа, Дз. Дарсалиа, И. Папаскир и др. Выпускал рукописный журнал «Утренняя звезда»¹.

Следует отметить, что Д. Гулиа свои первые стихи («Весна», «Какой милый человек», «Двое ели шли, третий догонял») опубликовал в «Книге для чтения», составленной А. Чукбар и Н. Патеипа 1908 году. В 1912 году вышел первый литературный сборник Д. Гулиа, под названием «Стихотворения и частушки»².

В то же время отметим, что Д. И. Гулиа откликнулся в печати на вопросы, которые волновали абхазскую общественность и передовые умы края. Так, в этом плане интересна публикация Дмитрия Иосифовича Гулиа, затрагивавшая проблемы введения земства, и связанные с этим обязанности и права населения. Он ставит вопрос прямо: «Крестьянам желательно было бы, что бы им просто и ясно разъяснили чисто практическую сторону дела: каковы будут его права, если пройдут пожелания большинства и что они получат, если пройдут пожелания меньшинства? В деревне каждый по-своему разъясняет дело: одни говорят, что каждый, имеющий свой участок земли, будет иметь свой голос на выборах. Другие утверждают, что 20 – 30 дворов будут иметь только один голос. И крестьяне ничего не понимают. А хотелось бы понять. Неужели нельзя разъяснить это?»³.

Активная редакторская и публицистическая деятельность основоположника абхазской словесности Д. И. Гулиа развернулась позже, со времени создания первого печатного издания на абхазском языке – газеты «Апсны» в феврале 1919 года.

Анализируя общественную и социально-экономическую ситуацию Абхазии начала 20 века и связанную с ней деятельность передовых слоев абхазского общества, нельзя не отметить, что хозяйственные отношения в среде коренного населения оставляли, мягко говоря, желать лучшего. Уровень же грамотности масс, также и тех, кто трудился на ниве просвещения, были далеки от совершенства. Отсюда и происходило, как полагаем, социально-

¹ Абхазский биографический словарь под редакцией В. Ш. Авидзба. Москва – 2015 – Сухум. С. 255.

² В. Х. Конджария. Избранное. Сухум, 2018. С. 230 – 232, 266 – 267.

³ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979. С. 272 – 273.

¹ Там же. // «Сухумский вестник», 13 февраля 1913 года.

² Там же.

экономическое и общественное - политическое отставание от аналогичных процессов, происходивших как в центральных областях Российской империи, так и в соседней Грузии. Это обстоятельство, думается, живо воспринималась молодой абхазской интеллигенцией, которая, независимо от рода своих занятий, бросила все силы и знания на всемерное развитие условий для просвещения и образования народа. Также уделялось большое внимание внедрению передовых форм хозяйствования, борьбе с теми отрицательными явлениями традиционного быта абхазов, тормозившими рост новых отношений в обществе.

В этом деле, как отмечалось выше, важное место занимало острое оружие – слово – выступления в печати представителей абхазской интеллигенции, значительная часть которой составляло учительство Абхазии, также и разночинные служащие, в основном, невысокого ранга. О деятельности некоторых из них уже коротко сказано, но следует также отметить публикации таких подвижников образования, как народный учитель и прекрасный публицист В. Г. Адлейба (1894 – 1959 гг.). Он не только глубоко знал свою преподавательскую работу, но также ясно осознавал актуальные задачи, без решения которых вряд ли возможно было продвижение вперед как в хозяйственных вопросах, так и в общественных. Адлейба – публицист – был твердо уверен, что в абхазском крестьянине заложен большой творческий потенциал для будущих социально-экономических преобразований, и считал, что разве лишь тому надо дать толчок в виде серьезного образовательного уровня.

О том, сколько энергий и талантов сокрыто в абхазском народе, Владимир Георгиевич писал таким образом: «Среди абхазцев есть много самоучек – плотников, кузнецов, а также хорошо знающих свое дело деревенских «хирургов», которые совершают иногда довольно сложные операции, вызывающие удовлетворение у наблюдателей. Если бы дать таким самоучкам специальное образование, кто знает, может быть, к списку знаменитых хирургов вроде Пирогова или Павлова прибавилась бы и абхазская фамилия. Кроме того, вообще, абхазцы имеют большую склонность к строительству, архитектуре и кустарным работам»¹.

¹ Там же. С. 265. // «Сухумский вестник». 24. V. 1916. № 111.

Заметным публицистом начала 19-го века являлся и Дмитрий Иванович Алания (1893 – 1938 гг.), работавший значительное время народным учителем в ряде школ Абхазии. Он был одним из тех интеллигентов, кто предельно четко осознавал значение печати в развитии общества. Интересны в том плане его мысли, высказанные в сухумской прессе, например о том, что «теперь у нас, в Абхазии, сотни молодых интеллигентных людей, жаждущих общественной работы, но не имеющих арены для своей деятельности. Была бы у нас своя типография, свой хоть какой-нибудь печатный орган – каждый из них по мере сил своих принял бы участие в нем и пожертвовал ему с удовольствием все свои старания и способности. А плодотворной работы, сколько предстоит нам!.. Ведь этот печатный орган явился бы объединяющим и направляющим центром. Сколько хорошего и полезного мог бы он сообщить абхазским сельчанам...»¹.

Как отмечает Г. Дзидзария, Алания проявлял интерес к различным сферам экономики и культуры, так, например, призывал печатным словом интеллигенцию и просто энтузиастов поспособствовать учреждению Музея древностей при «Обществе любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа». В другом случае подробно и аргументированно освещал проблемы табаководства и связанные с ней выгоды для края. Подчеркивая при этом, что «в текущем году (имелся в виду 1915 г. – В. Ч.) более 80 процентов населения Абхазии занималось табаководством»².

Исследователь В. Ш. Авидзба, подчеркивая гражданскую и патриотическую позицию Д. И. Алания, отмечал: «Он принадлежал к числу тех абхазов, которые смело и остро ставили вопросы возрождения своего народа, обретения им свободного и суверенного развития. Д. Алания был публичным политиком, входил в состав «Независимой фракции» Абхазского Народного Совета в годы меньшевистской оккупации. Часто выступал на страницах печати («Сухумский вестник», «Апсны» и др.) со своим видением решения сложнейших политических, экономических, социальных и просветительских вопросов»³.

¹ Там же. С. 256. // «Сухумский вестник», 16 июля 1916 года.

² Там же. С. 256. // «Сухумский вестник», 24. I. 1915. № 86.

³ Журнал «Сухум», 2008. №2. С. 262.

Надо также отметить, что молодой абхазский интеллигент Алания пользовался большим авторитетом и уважением своих сельчан. В этой связи публицист и писатель М. А. Чамагуа в очерке, посвященном Дмитрию Ивановичу Алания, писал: «Когда он приезжал в Лыхны, агитировал соседских детей, чтобы они поехали в Сухум на учебу. Чтобы показать пример другим, он берет своего племянника Сократа Алания на учебу. А потом пошло! Один за другим поехали дети крестьян на учебу в Сухум. Среди них были Г. Пилия, К. Пилия, Х. Ермолов и др.»¹.

Видный представитель интеллигенции, занимавший активную гражданскую позицию М. И. Тарнава (1895 – 1942 гг.), также являлся незаурядным публицистом, палитра взглядов которого цепко и верно отслеживала наиболее актуальные проблемы той поры. Например, в очерке «Культурный перелом в абхазской жизни» Тарнава наблюдал и подчеркивал, что «абхазы изменили свою экономическую жизнь и вступили на путь прогресса. Пробуждение абхазцев, – писал он, – обуславливали все те явления культурно-экономической и социально-политической жизни народа, которые с течением времени постепенно и естественно изменяют старые формы человеческого бытия». Автор указывает на необходимость агрономической помощи населению, призывая к этому агрономические организации края, в первую очередь «Сухумское общество сельского хозяйства», деятельность которого он подвергает и определенной критике².

В цикле отмеченных материалов М. Тарнава на страницах «Сухумского вестника» за 1916 год анализируется состояние культурной жизни общества, рост самосознания и массовую тягу к образованию молодого поколения абхазов. В то же время автором отмечается пассивность в работе некоторых общественных организации, в частности, Сухумского общества распространения просвещения среди абхазцев» и его филиала – Бзыбского комитета. Но публицист не ограничивается констатированием фактов. Он предлагает проведение в жизнь конкретных мероприятий: 1. «Изменить постановку дела начальных школ согласно жизненным требова-

¹ Журнал «Сухум», 2008. № 2. С. 269 – 270.

² Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 266 – 267. // «Сухумский вестник», 1916. №№ 177, 193, 196, 197, 199, 200, 204, 208, 210, 213.

ниям»; 2. «Открывать возможность продолжения детьми начального образования представлением казенного содержания, или же субсидированием»¹.

В ряде других публикаций Тарнава затрагивает разнообразные проблемы духовной жизни народа: это и вопросы церковной истории (о том, кстати, им издана в 1917 году брошюра под названием «Краткий очерк истории Абхазской церкви»), «изучение прошлого и настоящего абхазского народа». Автор отмечает и то, как того добиться. К примеру, следующим образом: «Первое – извлечение из различных литератур сведений об Абхазии и абхазцах, второе – соби́рание сказаний и преданий из богатейшего абхазского народного словесного творчества, третье – чисто научные исследования, четвертое – занятия по изящному творчеству»².

Заметными публицистами и участниками просветительского движения в начале 20-го века в Абхазии также были И. Н. Маргания, А. И. Чукбар, Н. С. Пате́йпа, К. И. Барциц, С. К. Маргания, В. Г. Гурджуа и другие. Их печатное наследие свидетельствует о самоотверженной деятельности молодой абхазской интеллигенции по распространению просвещения и образования в абхазском обществе, особенно в среде крестьянских детей школьного возраста. Также в повестке дня культуртрегеров (носителей культуры и просвещения в народ) того периода стояли злободневные вопросы пропаганды передовых форм и методов развития производственных средств и сил, борьбы с отсталостью и рутинной прошлым – с вредными обычаями и традициями, сковывавшими процессы зарождения нового и прогрессивного в жизни и быте абхазского общества.

Таким образом, видные представители дореволюционной демократической интеллигенции С. Басариа, Д. Гулиа, С. Чанба, С. Ашхацава, М. Тарнава, В. Адлейба, Н. Пате́йпа и др. своими печатными выступлениями привнесли выдающийся вклад в зарождение, как абхазской публицистики, так и в развитие культуры и образования, экономики и социальной сферы в начале 20 века.

В целом же процессы политического, общественного и культурного пробуждения в Абхазии происходили довольно сложно и медленно, с преодолением административных и иных препятствий.

¹ Там же. С. 267.

² Там же. С. 267.

Сильно было еще потрясение, испытанное абхазским обществом на протяжении десятилетий 19-го века, невеликим оказался лимит времени, отпущенный ему в начале 20-го столетия на становление и развитие. Ко времени великой российской революции абхазский народ не был консолидирован вокруг определенной задачи, такой как восстановление былой государственности. Абхазская интеллигенция, в частности, общественно-политическая элита, находясь еще в процессе зарождения, не обладала достаточным опытом политической и общественной практики, отчего слабым было ее влияние на объединительные процессы в массах. Потому, думается, к событиям, связанным с российской революцией и развалом империи, абхазский народ и его элита оказались не готовыми. Те же обстоятельства: разобщенность в народе и в среде политиков, отсутствие «центра силы» в лице признанного всеобщего лидера не позволили в ту пору оказать достойный отпор захватнической политике грузинского правительства Ноя Жордания и военным формированиям меньшевиков, оккупировавшим абхазскую страну с 1918 по 1921 год.

• ГЛАВА ВТОРАЯ •

АБХАЗСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА – В ЗАЩИТУ АПСНЫ (1917 – 1921 гг.)

Этап первый.

Публицистика и проблемы восстановления абхазской государственности (февраль 1917 – июнь 1918)

Революции, обрушиваясь на народы и государства, являют себя, в основном, неожиданно и спонтанно, и вроде без всякой на то природной и общественной необходимости. Но с течением времени, при внимательном рассмотрении и анализе, обнаруживаются непременно движущие силы и причинно-следственные истоки подобных рукотворных катаклизмов. В этом плане Февральская революция для Российской империи в 1917 году была вполне закономерной, поскольку к тому времени уже невооруженным взглядом можно было наблюдать губительные для имперского общества тенденции: уровень жизненных условий титульного русского народа и прочих этносов империи был предельно низким; вовлечение России в 1914 году в затяжную мировую войну, причем без ожидаемых успехов, с большими материальными и человеческими потерями, усугубило внутреннее положение государства; от правящей элиты отступились не только трудовые слои общества – крестьянство и рабочие, но и значительная часть буржуазии в лице купечества, владельцев заводов и фабрик. Удивительно, но факт, что высший генералитет, в основном равнодушно, а командующие фронтами удовлетворенно, приняли отречение монарха от власти. Словом, у царизма почти не оказалось союзников, за исключением довольно узкого слоя дворянства. В таких условиях «нагрянула» революция. Впрочем, если брать в расчет отречение императора, то

применительно к России это был, скорее всего, отказ от власти на добровольных началах в пользу буржуазной демократии. А вот затем уже, после Октябрьского переворота, на протяжении довольно длительного периода, действительно грянули кровавые и трагические события братоубийственной, или же гражданской войны.

Слава богу, в Абхазии, или как она тогда называлась, Сухумском округе, этого удалось избежать. Особого антагонизма, который при местных теоретиках и практиках известного учения мог бы довести до кровопролития, между верхами и низами в абхазском обществе изначально не существовало. Как и не было значительного городского населения, а при нем и рабочего класса из среды коренного народа, что не позволило разжечь классовую борьбу небольшого народа. В ином случае неопределенность политической ситуации могла вылиться в братоубийственную войну с предсказуемым исходом – исчезновением коренного народа на радость соседям – колонистам. Но не смогли миновать иной беды – оккупации страны. На то были субъективные и объективные причины, которые же из них являлись неотвратимыми, а кои можно было преодолеть – о том попытаемся сказать ниже. И большей частью правдивым словом публицистов и журналистов, которых к тому революционному времени, как и общественных деятелей, уже набиралось в крае, как и в административном центре – в Сухуме, немалое число.

На удивление, известие о Февральской революции и рухнувшей в одночасье империи до Абхазии дошло довольно скоро. Пока широкие массы, ошеломленные произошедшим событием, еще осмысливали ситуацию, ею как раз овладели наиболее осведомленные представители высшего сословия. Собрав 10 марта определенное число представителей от абхазских общин, инициаторы совещания доложили о политической обстановке, как в пределах России, так и в Округе. После обмена мнениями, было решено создать в целях надлежащего порядка и спокойствия населения Округной Комитет Общественной безопасности, куда должны будут входить по три представителя от четырех участков Сухумского округа и один представитель от г. Сухум. Также «в виду важности и спешности дела», не откладывая в долгий ящик, там же голосованием решили образовать Временный Округной Комитет. В нем оказалось три князя (Александр Шервашидзе, Джото Шервашидзе, Арзакан Эмухвари),

один столбовой дворянин (Варлам Лакербай), туда же ввели одного представителя интеллигенции (Андрея Чочуа).

Обсудили на совещании и вопрос образования милиции, вместо разбежавшейся неизвестно куда Сухумской полиции. Собравшиеся весьма единодушно постановили назначить комиссаром милиции Округа (временно) князя Таташа Маршания.

Таким образом, получалось, что вместо высокопоставленной имперской администрации Сухумского округа, то же властное место заняли представители местного высшего сословия. Такое положение, безусловно, долго продолжаться не могло. Впрочем, на то были и объективные причины: коренное население Сухума к тому времени было малочисленным. Например, «на момент проведения первой Всероссийской переписи населения 1897 года Сухум представлял уже восьмидесятилетний город». Из того количества «абхазский язык признали родным 144 (1, 8%) человека...»¹. Картвелов по тем же данным было чуть больше 30 процентов, русских – около 21, греков – более 14, армян – 13, 5 процента. Прошло десять лет, Сухум к 1917 году прибавил в количестве населения, но перепись состоялась уже при советской власти, в 1922 году. Она показала, что абхазы осваивали свою столицу довольно вяло и медленно. Так, «согласно итогам переписи в Сухуме проживало 17426 человек, в том числе 426 (2,4%) абхазов...»², остальные – греки, русские, грузины, армяне составляли, как видим, и по отдельности, подавляющее большинство жителей столицы ССР Абхазии.

Основываясь на данных переписи, можно сделать выводы, что в административном центре Сухумского округа до советской власти, то есть к 1917 году, проживали представители высшего слоя коренного народа и небольшое число разночинной абхазской интеллигенции. Основную часть абхазского народа составляло сельское население, расположенное преимущественно в двух регионах: в Очамчирском и Гудаутском. Так, исходя из учета населения 1906 года, например, абхазов в Округе насчитывалось 73 000 душ, самурзаканцев – 32 000, русских – около 2000, армян – 1000, греков – около 2500, мингрельцев – 8000, эстонцев – 600, также болгары,

¹ Н. В. Багапш. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.). Сухум – 217. С. 18 – 19.

² Там же. С. 23.

немцы, молдаване... В качестве арендаторов находилось в крае более 15000 армян и 3000 турок¹.

Известно, что революции зачинаются в городских поселениях, и, как правило, наемными работниками. Таковых, как видим, среди абхазов в Сухуме не было. Передовых представителей абхазского населения, скорее, волновали иные проблемы: сохранение абхазского этноса, недопущение внутреннего разлада и критического антагонизма в среде абхазских сословий, также возможность восстановления абхазской государственности. И все же не все было так просто и ясно. Даже в абхазском, можно сказать, еще патриархальном обществе, появились зачатки политической фрагментации в разных слоях народа, особенно среди интеллигенции.

Думается, этим и было обусловлено письмо – обращение наследника последнего абхазского владетеля, известного в ту пору литератора, драматурга и публициста, писавшего на грузинском и русском языках, Георгия Михайловича Шервашидзе к абхазскому народу (18. 2. 1918.). Обращение начиналось так: «Наши отцы, дяди и братья боролись, страдали и умирали за честь и свободу родины... Многие из них приняли смерть в этой борьбе за родную Абхазию... Много десятков тысяч, отчаявшись в неравной борьбе, ушли в Турцию, но не преклонили перед насильниками свою гордую честную голову. Так наши предки отстаивали свободу и независимость Родины. Теперь эта желанная свобода настала для нас – их сынов. Она пришла к нам неожиданно, без борьбы, без нашей крови – ее послала судьба».

И затем Георгий Михайлович приступает к главному, к лейтмотиву своего обращения. А это следующий посыл соплеменникам: «Абхазцы! Могилы наших отцов и муки наших братьев на чужбине повелевают нам удержать эту свободу, укрепить ее! Неужели мы не достойны наших отцов? Сплотимся все в одну родную семью...».

Этого, к сожалению, в тот драматический период не произошло, наоборот, немногочисленная абхазская элита, вместо сплочения, разбрелась, образно говоря, по разным комнатам партийной коммуналки. А романтик Шервашидзе, несмотря на свой почтенный

¹ Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Составители: Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Сухум, 2008. С. 688. // Н. Дьячков – Тарасов. ИКОИРГО – Тифлис. 1910, кн. XX, вып. II.

возраст, все верил и призывал: «Нашей Абхазии угрожает опасность! Пошли по всей России, а оттуда и по всему Кавказу люди, выставляющие себя вожакими интересов народа, а потому они проповедуют равенство всех людей во всех правах (ну, при всем патриотизме, не стерпела кровь княжеская столь безбрежной демократии. – **В. Ч.**), в том числе и состояния, что (скорее, «чего». – **В. Ч.**) нет нигде во всем свете и не может быть».

Так вот, в соответствии с постулатами и обычаями седой старины от всего сердца призывал к всеобщему согласию и межсословному миру преклонный годами уважаемый старец. Видел, конечно, при этом, что на дворе, в том числе и в Абхазии, иная пора, и что с тем миропорядком, им проповедуемым, не все согласны. И тех людей не щадил он критикой, отмечая, что «результат такой пропаганды мы ясно видим в России. Это могущественное, многомиллионное государство совершенно развалилось, дошло до полного изнурения и самоуничтожения».

А меж тем абхазские левые социал-демократы (большевики), как ни странно, верили в живучесть Российского государства и упорно отстаивали свою политическую линию. Но Россия – это одно, а Абхазия – совершенно другое. Так рассуждал, судя по всему, Шервашидзе, с искренней болью предупреждая абхазов: «Что может случиться с нашей маленькой Абхазией, если эта проповедь распространится среди нас! Эти проповедники приведут к тому, что сын перестанет почитать родителей, брат станет ссориться с братом, сосед будет ненавидеть соседа, не будет ни старших, ни младших, пропадут обычаи, нравы и традиции, которыми абхазцы прославились как самый благородный, достойный народ на всем Кавказе, все мы обеднеем и не останется ни одного дома, где бы десять человек могли собраться, а мы абхазцы растворимся между другими народами и потеряем нашу родину».

В отличие от идейных абхазских большевиков, предпочитавших советы и установки российских товарищей, полагаем, что слова подобного призыва западали в душу той части абхазской же демократической интеллигенции, идеалы которой заключались не столько в партийной идеологии, сколько в обретении абхазами своей государственности. Но загодя отметим, что последним не повезло с историей, удача на какое-то время была все-таки склонна к абхаз-

ским социал-демократам (большевикам). А уж от тех абхазов, кто связывал судьбу Абхазии с социалистами грузинских цветов, вовсе отвернулась политическая фортуна, и мечты их канули в лету вместе с меньшевистской Грузией. Но это было позже.

А тогда, в непредсказуемом 1918 году, старый князь все еще настоятельно и в то же время с наивной искренностью призывал: «Братья абхазцы! Нет среди нас ни богачей, ни бедняков – у всех есть средний достаток и все мы – абхазцы, дворяне, князья и крестьяне, – родные братья – сыны одной нашей матери Абхазии. Не будем друг другу завидовать! Зависть самое злое внушение дьявола! Протянем друг другу руку на братский союз с клятвой идти всем вместе рядом, плечом к плечу, как наши отцы, за сохранение наших адатов и нашей родины»¹.

Завещание Г. Шервашидзе родилось не на пустом месте. Тому были причины и условия, имевшие место в Абхазии еще в 1917 году, и воспринять которые отказывались многие представители высшего сословия, и не только, первым из которых был Георгий Михайлович. В то время уже начиналась борьба большевистского движения за установление своей власти в Абхазии. На арену политической борьбы и за влияние на крестьянские массы, самой внушительной силы в крае, вышли Е. Эшба, Н. Лакоба, Д. Кобахия, М. Габечия, Н. Сванидзе и другие. Тогда же, в марте 1917 года, на сходе в Лыхнах Лакоба был избран участковым комиссаром, а Эшба – комиссаром в Самурзаканском участке, в Кодорском – народный учитель Логуа. По сообщению Г. Дзидзария, в этих революционных событиях приняли участие и представители других политических взглядов и воззрений. Так, в том же селе Лыхны не получили поддержки от крестьян Варлам Лакербая и Лука Картозия – представлявшие грузинское социал-демократическое направление, которые были изгнаны со схода. В этом плане представляет интерес речь гудаутского земского агронома А. К. Ефимова, с которой он выступил на сходе.

В том выступлении, опубликованном в «Сухумском вестнике» (16. VI. 1917, № 3), Алексей Константинович, обращаясь к крестьянам, говорил: «Ваши враги не дремлют, они уже выработали образ дей-

ствий и выбрали Комитет, который хочет взять власть над вами... Вы видите эти развалины (Лыхненского дворца владетельных князей Абхазии. – Г. Д.), в них жили в стародавние времена ваши князья. Это здание было построено трудами ваших подневольных предков, по спинам которых гуляла княжеская нагайка... Но ведь потомки их, помня заветы своих предков, хотят по-старому управлять вами, потомками их бывших рабов...»¹.

Эта речь, с некоторыми революционными перехлестами, не могла равнодушно восприниматься всей абхазской элитой. Многие из интеллигенции видели в том опасность, грозившую единению всех абхазов перед лицом политической и социальной неопределенности современной эпохи. Программа же классовой борьбы и размежевания общества стала просматриваться с весны 1917 года, с создания Окружного комитета РСДРП (б) во главе с Е. Эшба. Вдохновителями же и организаторами этого движения были грузинские функционеры Н. Сванидзе, С. Кухалейшвили, К. Меладзе, а также Г. Атарбеков (Атарбекян), К. Макаров и другие. Некоторые видные представители абхазской элиты выступили против подобного раскола общества. Шервашидзе первым откликнулся на призыв Ефимова к классовой борьбе в самом абхазском обществе. Тогда в газете «Сухумский вестник» он, в частности, отмечал, что «в Абхазии дворянство и крестьянство жили дружно, при взаимном уважении». Здесь, конечно, формула князя несколько схожа с той идиллией, которая в жизни не всегда реализуется в полном объеме. Но нам все же кажется, что Шервашидзе пером публициста стремился своими аргументами, не всегда убедительными, показать пагубность раскола в маленьком абхазском народе. Именно такая идея содержалась и в его предсмертном обращении к абхазскому народу.

В том, в опасности раскола общества по классовым принципам, прав был на все сто процентов наследник абхазского престола – ведь само тревожное время требовало всеобщего единения. Увы, «идти всем вместе рядом, плечом к плечу» тогда, в лихую годину, накануне меньшевистской оккупации, не получилось по разным причинам и обстоятельствам. Ни призывы отдельных представителей

¹ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Сухум – 2009. С. 7 – 8.

¹ Г. Д. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 290 – 291.

интеллигенции, в том числе и публицистов, к объединению ради восстановления былой самостоятельности, ни опасность коварных обещаний лучшей жизни для абхазов в лоне меньшевистской Грузии, охочей до чужих земель, ничто не подвигло абхазских политиков и общественных деятелей сплотить ряды в пору исторического разлома и великих перемен. Молодая абхазская элита, не имевшая основательного политического и государственного опыта, и в отсутствие общепризнанного лидера, не смогла объединиться, оставив в сторону, хотя бы временно, узкопартийные интересы. Народ в таком разе, как известно, молчит до поры до времени, пожиная горькие плоды содеянного его питомцами – политиками. А тем временем Тифлис, получив такой шанс, почти бескровно осваивает лакомое приобретение – обескровленную и раздробленную абхазскую страну.

Но до того, еще во второй половине 1917 года, некоторыми интеллигентами-государственниками была сделана попытка создать абхазскую государственность с ориентацией на братский Северный Кавказ. Официальная советская историография, исходя из идейно-классовых позиций большевизма, впоследствии тенденциозно освещала события того периода, связанного с созданием абхазского государственного образования в тесном союзе с Горской Республикой. Так, само государство – Союз объединенных горцев Кавказа – характеризовался не меньше, чем «контрреволюционной организацией». А те, кто в Абхазии и на Северном Кавказе боролся за реализацию этой идеи – «клерикальными и реакционными кругами»¹. Таким образом, это позволило в свое время Сталину и Берия облегчить задачу полного уничтожения тех, кто стоял у истоков движения за восстановление государственности абхазов и северо-кавказских братьев. С. Лакоба по этому поводу отмечал: «Прошло около года после написания «Воспоминаний», и автор (Мих. Тарнава. – В. Ч.) был арестован бериевскими агентами в сентябре 1941 г. вместе с другими представителями интеллигенции, некогда активными деятелями АНС С. П. Басариа и Р. И. Какуба. Все они (всего 20 человек) были обвинены в том, что якобы планировали «захват власти на территории Абхазии в свои руки при непосред-

¹ Г. Д. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 293.

ственной помощи германских вооруженных сил»¹. Но это было позже, через два десятка лет.

В ту революционную пору демократические подвижники восстановления государственности Абхазии в лице С. Басариа, С. Ашхачава, М. Тарнава, А. Шервашидзе, А. Шерипова и других развернули «кампанию по организации «Абхазского Народного Совета» (АНС), а не один Асланбек Шерипов разворачивал эту деятельность, как утверждала упомянутая официальная историография. Она же отмечала, что «после Февральской революции, вызвавшей на окраинах усиление национально-освободительного движения, в этих регионах страны, в том числе и в Закавказье, возникают национальные Советы, вокруг которых собирается национальная буржуазия». Дальше – больше: «предложение Шерипова было охотно принято абхазскими помещиками и буржуазно-националистической интеллигенцией». Выходило также, что идею Абхазского Народного Совета о союзе с Горской республикой «поддерживали официально и грузинские меньшевистские лидеры»². Видимо, такая трактовка ситуации связана с тем, что М. Тарнава короткое время состоял в партии меньшевиков, но, заметим при этом, что проблемы народа и страны у него всегда были на первом плане. И потому он через некоторое время солидаризировался с фракцией независимых социалистов С. Чанба.

Ради памяти тех, кто стремился в то трудное время к восстановлению абхазской государственности, следует хотя бы в общих чертах справедливо отразить реалии той обстановки. Отметим сразу, что перечисленные выше представители абхазской демократической интеллигенции с помещиками и буржуазией никаким образом связаны не были. Также и с грузинскими меньшевиками в ту пору их ничто не объединяло, наоборот, позиции их различались кардинальным образом. Потому крестьянская масса, убежденная в их правоте, встала на сторону абхазских государственников, не поддерживав ни грузинских меньшевиков, ни абхазских большевиков по вопросу АНС и Горской ориентации. Для убедительности приведем воспоминания общественного деятеля и видного абхазского пу-

¹ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Сухум – 2009. С. 37.

² Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 293.

блициста, одного из основателей первого АНС М. Тарнава. К слову сказать, иной раз публицистика, нежели историография, более непредвзято и расковано подает те же факты и события прошлого, так что и к ней стоит прислушиваться.

Рассказывая о личности М. Тарнава, абхазский историк С. Лакоба подчеркивал: «В свое время он привлек к себе внимание общественности как замечательный публицист и автор ряда работ по истории и культуре Абхазии... И вот перед нами «Воспоминания М. И. Тарнава, завершённые в ноябре 1940 года... Замечательное место в мемуарах занимают главы, посвящённые деятельности трёх Абхазских Народных Советов (АНС) и оккупации Абхазии войсками Грузинской демократической Республики (1918 – 1921 гг.). Главная ценность очерков заключается в том, что взгляд на факты, события и непростые ситуаций в АНС дан «изнутри» одним из основателей АНС (основан 8 ноября 1917 года), подвергавшимся репрессиям в 1918 г. со стороны органов власти Грузинской республики»¹.

Так вот, по поводу создания союзного с Горской республикой абхазского государственного образования участник тех событий Михаил Иванович Тарнова отмечал следующее. «Поднятый вопрос обсуждался и разрабатывался среди абхазской интеллигенции в Сухуме. Ясно было, что для разрешения этого вопроса официально и для принятия соответствующих мер нужно было созвать съезд представителей абхазского народа».

Теперь, давайте обратим внимание на то, как это делалось. Ни кулуарно «с помещиками и буржуазией», ни «в сговоре с грузинскими меньшевиками», как утверждала известная историография, обсуждался этот проект. А на сходе, по словам Тарнава, вначале в Лыхнах с крестьянами, затем «повсеместно по всей Абхазии» готовился съезд представителей абхазского народа, также вырабатывались и его решения... Выборы депутатов на съезд происходили не на основе какого-либо форменного избирательного права и особо сложной техники, а просто на общих сходах населения. Так сконструированный и так подготовленный съезд представителей абхазского народа собрался в Сухуме. Сюда, ко дню съезда, приехали из Грузии представители... бывший член Государственной Думы Акакий Чхенкели (в 1917 году уполномоченный Временного прави-

¹ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Сухум – 2009. С. 36.

тельства России в Закавказье, один из руководителей грузинских меньшевиков. – **В. Ч.**) и какие-то еще тузы».

Конечно, известные грузинские политики, которым донесли о настрое, имевшем место в среде абхазской демократической интеллигенции и в народе, были сильно обеспокоены. И это была первая попытка склонить абхазов на свою сторону. Тифлиские посланцы – Чхенкели и компания, путем уговоров и уверениями в поддержке проблемы возвращения абхазских махаджиров, пытались отвернуть абхазскую элиту и народ от северокавказской ориентации.

О непростой ситуации, и о том, как развивались события, М. Тарнава весьма подробно сообщает в своих очерках: «На съезде развились горячие речи. Выступали два противоположных лагеря. Грузинские делегаты (имеются в виду представители Тифлиса. – **В. Ч.**) тянули Абхазию в сторону Грузии, а Северо-Кавказские – в сторону Северного Кавказа, а состав съезда слушал тех и других. Как ни старался Чхенкели отвернуть абхазцев от такого решения, как он ни клялся осуществить давно лелеемую ими мечту, поставленную и на этом съезде, а именно, о возвращении из Турции абхазцев – махаджиров, говоря, что он, Чхенкели, не приедет больше в Абхазию, пока не добьётся этого возвращения, – но все-таки не удалось ему предотвратить решение съезда о присоединении Абхазии к Северо-Кавказскому Горскому Государству».

Как видим, вопреки сведениям советской официальной историографии якобы о деяниях неких «контрреволюционных сил из среды помещиков и буржуазии», навязавших-де абхазам горскую ориентацию, народные массы в лице абхазского крестьянства и передовой интеллигенции однозначно избрали путь восстановления былой абхазской государственности в содружестве с извечным союзником – братскими народами Северного Кавказа. И ничего не смогли предпринять против того ни абхазские меньшевики, получавшие отмашку своего штаба из Тифлиса, ни абхазские большевики, действовавшие в соответствии с установками российских партийцев. К сожалению, это объединённое государство, просуществовав недолго, усилиями различных центров силы распалось. Полагаем, при этом, что Горская республика в том государственном формате, при доброй воле Советской России, вполне могла сосуществовать с ней на федеративных или же конфедеративных началах.

Но это, видимо, не устраивало, как российских «красных», так и российских «белых».

М. Тарнава в своих очерках отводит значительное место воспоминаниям о попытках восстановления абхазской государственности в формате Абхазского Народного Совета (АНС). Это властное образование было детищем передовых представителей абхазской интеллигенции. Впервые после ликвидации Абхазского княжества в 1864 году, по истечении полувека, представители продвинутой абхазской элиты, можно сказать, государственники, с согласия народа, приступили к реконструкции нового государственного образования под властью АНС. Создание органа власти, со слов Михаила Ивановича, происходило таким образом: «После принципиального разрешения вопроса (речь идет о согласии народа на присоединение к Горскому государству. – **В. Ч.**), съезд выделил из себя орган власти для местного самоуправления и связи с Горским правительством. Орган этот был назван Абхазским Народным Советом. Положение о нем было разработано Шериповым совместно с Басариа и принято съездом». Положение это именовалось «Декларацией и Конституцией Абхазского Народного Совета...»¹.

Комментируя события того периода, С. Лакоба отмечал: «8 ноября 1917 г. на съезде абхазского народа в Сухуме был избран парламент (созданный, кстати, раньше грузинского) – Абхазский Народный Совет (АНС) – и приняты важнейшие документы о самоопределении Абхазии: Декларация съезда абхазского народа и Конституция АНС. Огромную роль в принятии этих документов сыграли председатель съезда и председатель АНС С. Басариа, основной докладчик А. Шерипов, князя А. Шервашидзе и Т. Маршания, видные деятели абхазской интеллигенции М. Цагурия, М. Алания, Мих. Тарнава и др. В Декларации съезда подчеркивалось, что «каждый народ должен четко следить за тем, чтобы его права и интересы не пострадали от покушений» на его свободу, в связи с чем «абхазский народ уверен в том, что его братья – горцы Северного Кавказа и Дагестана – поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права»².

¹ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Сухум – 2009. С. 39 – 40.

² Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 46.

Представим ситуацию той поры, когда горстка передовой абхазской интеллигенции попыталась создать абхазскую государственность в составе Горской республики. В административном центре округа в Сухуме в 1917 году проживало (приблизительно из 15 тысяч жителей) около четырехсот абхазов, грузин же, русских и греков в городе было в разы больше, чем абхазов. Превалирующим политическим влиянием пользовались партийные организации грузинских меньшевиков и российских большевиков. Причем и те и другие приняли в штыки намерение по воссозданию абхазской государственности с ориентацией на братские народы Северного Кавказа. Меньшевики свои захватнические планы пытались прикрыть бумажной автономией, большевики в основном декларировали классовую борьбу в соответствии с директивами своих верхов. Абхазская элита поделилась почти пополам между этими двумя крупными политическими лагерями. И на первых порах та небольшая часть абхазской интеллигенции, действовавшая в направлении создания союза Абхазии и Горской республики, могла опереться только на сознательную часть абхазского крестьянства, не подверженного еще влиянию, как большевиков, так и меньшевиков. Эта была осень 1917 года.

Замечательный публицист и общественный деятель Самсон Чанба буквально через несколько дней после знаменательных решений, принятых в Сухуме, выступил с публикацией в Северокавказской газете «Горская жизнь» (14 ноября 1917 г.), которая называлась «Союз горцев и права нации». Он проникновенно, с верой в будущее союза братских народов, писал: «Удар великой революции мигом уничтожил тиски, под которыми задыхались десятки лет свободные сыны Кавказа, и распались цепи и преграды, изолировавшие столько лет горские племена».

Публицист также не преминул сказать и о том, что предстояло сделать Союзу горцев внутри государства. Но начал он с того, что «отныне в свободной Великой России не должно иметь место попрание национальных прав. Должен быть дан простор широкому развитию внутри государства здорового национализма. Каждой национальности должно быть представлено свободное развитие внутри государства, обеспеченное соответствующими правовыми нормами и государственными учреждениями. Это ее естественное

право», – так он переходил затем к нормам и правилам жизни разных народов, пребывающих в едином союзе. В этом плане Чанба отмечал: «При этом условии (то есть, в свободном Союзе. – **В. Ч.**) для каждой национальности явится возможность выяснить свою оригинальность, самобытность и культуру, и перекрещивать их с теми же качествами других национальностей, что, естественно, создает отношение между ними, что нормальное свободное развитие каждой не разъединяет их, а, наоборот, роднит...»¹.

Все высказанные здесь мысли о национальном обустройстве и свободном развитии народов, не могли, конечно, пройти мимо «специалиста» по эти вопросам, придерживавшегося по этим проблемам иных взглядов, Иосифа Джугашвили - Сталина, ставшего вскоре российским наркомом по делам национальностей, а впоследствии и диктатором Советской страны. И это припомнили С. Чанба в годы репрессии...

Представляют большой интерес публицистические материалы М. Тарнава о деятельности как первого АНС, так и других периодов в его деятельности, несмотря на то что автор не все мог высказать, учитывая положение Абхазии и народа в те зловещие 30-е и 40-е годы репрессий. Сам факт написания очерков, в котором приводятся достоверные сведения о зловещей грузинской оккупации Абхазии и борьбе абхазов против захватчиков, акт большого гражданского мужества публициста и общественного деятеля М. Тарнава.

Вспоминая же деятельность первого АНС, Михаил Иванович довольно скромно, поскольку сам был ответственным работником Народного Собрания, отмечал: «Тут надо сразу и прямо сказать, что Совет этот почти реально ничего не сделал. Единственно, что он сделал, это то, что послал Ив. Ник. Маргания в Окружной Комитет власти (оставшийся еще со времени Временного правительства России. – **В. Ч.**), и вытеснил оттуда светлейшего князя Александра Шервашидзе. (Надо понимать, что АНС, таким образом, стремился к полновластию в стране. – **В. Ч.**) А затем послал делегацию на Северный Кавказ, на съезд горцев, и там, в правительстве горцев, получил место полномочного министра по делам Абхазии, на каковой должности был оставлен Сем. Мих. Ашхацава...».

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 15 – 16.

Положение в тот период было архисложным: в России начиналась Гражданская война, в Закавказье национальные партии и движения, ведя яростную борьбу с большевиками, стремились закрепиться у власти в своих пока еще аморфных странах. Те же процессы происходили на Северном Кавказе, где ситуация была также тревожной, опасность могла прийти, как со стороны большевистской России, так и добровольческих войск белого движения. И в Абхазии была далеко не стабильная обстановка.

О том, что происходило в тот период в крае, как раз и сообщает в своих очерках Михаил Тарнава: «В военном отношении Абхазский Народный Совет зависел от существовавшего помимо него военного гарнизона в Сухуме, состоявшего из горсточки бывших русских солдат, которые оставались тут, а также от городской и окружной милиции, которые находились в распоряжении соответствующих других органов Закавказского Особого Комиссариата. После ухода гарнизонных частей опорой Абхазского Народного Совета осталась прибывшая с империалистической войны так называемая «Абхазская добровольческая сотня...».

Были в ту пору и иные, также серьезные трудности в существовании АНС. Противниками Абхазского Национального Совета, как отмечают некоторые источники, были и большевики края, и сочувствующие им массы крестьян в отдельных регионах страны. Что поделывать, к тому часто приводит логика борьбы за власть. К тому времени сильно вырос авторитет одного из лидеров РСДРП (б) в Абхазии Нестора Лакоба. Свидетельством тому последовавшие за созданием первого абхазского парламента (АНС во главе с Симоном Басариа) волнения среди крестьян некоторых сел Гудаутского участка, которые явно с подачи большевиков и сочувствующих, стали выражать недовольство ситуацией в Сухуме. По этому поводу Г. Дзидзария сообщал, что «сход крестьян Гудаутского участка, состоявшийся в селе Лыхны под председательством народного учителя И. П. Чамагуа, на котором было заслушано сообщение Н. А. Лакоба, категорически высказался против Совета и вынес соответствующее решение».

Таким образом, как видим, начали вызревать семена будущего раскола и разброда в среде политической элиты, позволившей вскоре меньшевикам Грузии освоить абхазскую страну. И нельзя

здесь согласиться с таким выводом маститого ученого, что Абхазский Народный Совет существовал только благодаря поддержке меньшевистского правительства Грузии...». В то время как раз АНС был создан по воле съезда представителей абхазского народа, решения которого грузинскими меньшевиками отвергались полностью, в том числе и по Горскому Союзу. Были в обиде и большевики, предложение которых (Эшба и Лакоба) «о создании подлинного Совета рабочих и крестьянских депутатов и передаче ему всей власти» съезд отверг. Еще раньше, в сентябре 1917 года, шла отчаянная борьба инициаторов создания союза с Горской республикой с большевиками и меньшевиками, занимавшими в тот период одинаково негативную позицию к этому государственному образованию. Тогда же Сухумский меньшевистский совет рабочих депутатов по предложению большевиков, редкое, заметим, совпадение взглядов, «вынужден был поставить вопрос, на каком основании без его ведома ведется спешная работа в направлении вовлечения Абхазии в Союз горцев. Меньшевистский Совет 20 сентября (1917 года. – **В. Ч.**) заслушал доклад Шерипова (полномочный представитель Горской республики. – **В. Ч.**) по этому вопросу и вынес резолюцию о необходимости отправить во Владикавказ телеграмму следующего содержания: «Делегация» (АНС, возглавляемая А. Шервашидзе. – **В.Ч.**) «выбрана помимо совета (меньшевистского. – **В. Ч.**) и не может отражать воли населения...»¹.

Таковой была реакция сухумских меньшевиков, опекаемых Тифлисом, на отправку Абхазским Народным Советом своих представителей в правительство Горской Республики. Тогда о каком сговоре с грузинскими меньшевиками может идти речь, как утверждает советская историография?

И также совершенно несправедливыми были ярлыки, навешиваемые впоследствии некоторыми видными большевиками на замечательных представителей абхазской демократической интеллигенции, стоявших у истоков создания и работавших в первом АНС. Сегодня вряд ли можно серьезно воспринимать такую, к примеру, одиозную критику: «Большевистские руководители смело высту-

¹ Г. А. Дзидзария. Очерки истории борьбы за советскую власть в Абхазии 1917 – 1918. Сухуми – 1958. С. 74.

пали «и против замаскированных, и против откровенных националистов». Это о тех, кто пытался через великие трудности возродить абхазскую государственность. Или же такое: «8 ноября буржуазно-помещичье большинство съезда, категорически отвергнув резолюцию большевиков, приняло постановление об организации пресловутого Абхазского Народного Совета, который был составлен фактически из одних соглашательских, буржуазно-помещичьих и буржуазно-националистических элементов. Его председателем для отвода глаз был объявлен один из наиболее видных представителей абхазской «либеральной интеллигенции», народный учитель, к тому же друг А. Шерипова С. П. Басариа, который, однако, довольно скоро оставляет этот пост»¹.

Право слово, все здесь намешано в кучу. И стоило бы историкам уточнить насчет высказываний, что «Совет превратился в декоративное прикрытие реакционной политики меньшевиков...», что первого АНС и его основателей – Басариа, Ашхацава, Тарнава и других таковое поведение никоим образом не касается. Видимо, неполным было знание наследия, как научного, так и публицистического, Симона Петровича партийными функционерами, в том числе и Филиппом Махарадзе, иначе они бы высказывались по-иному. По поводу работ некоторых абхазских историков следует отметить, что они изучали прошлое под пристальным вниманием и всеведущим оком Тбилисской цензуры. И малейший отход от обозначенных «малой империей» грузинских идейных канонов в сторону тех или иных объективных реалий воспринимался большим проступком, граничащим с антисоветским деянием. Принципиальных историков наказывали отлучением и от ученых званий, и от издания трудов и т. д. Убедительный пример тому великий абхазский историк Г. А. Дзидзария, который многие свои выдающиеся труды создавал, образно говоря, в прокрустовом ложе той же самой, выше отмеченной, охранительной системы. При этом, поступаясь, или жертвуя частью тех или иных правдивых реалий прошлого, создавал основы абхазской исторической науки. Тбилиси этого ему не простил, так и не удостоив его полного академического звания.

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 294. // Е. Эшба Асланбек Шерипов. С. 90. // Ф. Махарадзе. Диктатура меньшевистской партии в Грузии. С. 71.

По поводу же первого АНС можно уверенно сказать, что это была первая попытка после ликвидации Абхазского княжества в 1864 году восстановления абхазской государственности. И те немногие видные интеллигенты, которые боролись за это, ни в коей мере не были ставленниками ни Москвы, ни Тифлиса. Вот один из примеров твердой позиции политика и публициста, одного из создателей первого АНС Басариа, его отношения к меньшевистской Грузии в тяжелейшую для Абхазии пору. О том времени, когда Симон Петрович уже не был главою парламента, он острым пером публициста, писал: «Следующий чудовищный, невероятный факт окончательно раскрыл населению, что грузинские империалисты вытворяют нечто кошмарное, одинаково позорное как для абхазской, так и для грузинской нации. Именно потребовали от Абхазского Народного Совета письменный документ о том, что Туапсе есть граница Абхазии, и что Абхазия имеет право занять Черноморское побережье до Туапсе включительно. Всю эту махинацию им нужно было проделать в тех видах, что армия Мазниева, заняв Сочи, уже подходила к Туапсе, но генерал фон Кресс, германский протектор Грузии, указал правительству последней на неудобство занимать чужую территорию. Вот им и нужно было заручиться документом, по которому видно было, что Туапсе занимается по просьбе абхазского народа... Очевидно, как у всех создателей империй, перед грузинским правительством восстало видение огромного государства – государства величия, каким должна была стать «демократическая республика»¹.

Кстати, заметим, что АНС тогда голосовал, при участии абхазских меньшевиков, в угоду Тифлисской захватнической политике.

Думается, все же есть одна важная причина, по которой большевики в семнадцатом и позже обвиняли деятелей АНС, в том числе и тех, кто пытался наметить контуры независимой абхазской государственности, а затем боролся против грузинского агрессивного национализма. Дело в том, что в программных документах первой АНС были заложены такие, на взгляд большевиков, компромиссные формулировки, которые партия Ленина не допускала. Например, в

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империи XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 65. // Басариа С. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум – кале. 1923 г.

Конституции, своде правил деятельности АНС, было записано, что Окружной Комитет, Комиссары и другие административные учреждения и лица, подотчетные Закавказскому Сейму и Комиссариату, оставляют за собой прежние функции управления... А в пункте 6-м прямо было сказано, что АНС признает власть и компетенцию соответствующих административных и общественно-политических организаций постольку-поскольку, этими учреждениями и организациями соблюдаются принципы демократии и самоопределения наций.

А что могли вершить по-иному Басариа и его немногочисленные соратники? На кого им было полагаться в деле восстановления абхазской государственности? Абхазские большевики, а это была реальная многонациональная сила, были в ту пору совершенно не ориентированы на строительство абхазской государственности. То же можно сказать и о грузинских меньшевиках, в рядах которых немало пребывало и абхазов, вполне согласных на договорные отношения с Тифлисом. Потому и осторожничали руководители первого АНС в том же 1917 году, когда еще существовала власть Временного правительства, а затем, с ноября того же года, Закавказского комиссариата. Ведь ни абхазские большевики, ни меньшевики не протянули руку помощи в создании тех же структур нового для Абхазии Народного Совета. Наоборот, всячески боролись против абхазского властного пока еще слабого правительственного органа, собирая пролетарские силы в лице рабочих русских, грузин, мингрелов, греков, всего-то их в Абхазии было до одной тысячи пролетариев и абхазских крестьян, поскольку абхазских пролетариев не существовало для установления власти Советов этих самых рабочих и крестьян.

При этом, безусловно, «игра» АНС в демократию претила большевикам и воспринималась ими как чистейшей воды чистоплюйство, более того, как сознательный сговор с представителями класса буржуазии и помещиков. Отсюда, полагаем, и неприятие политических деятелей, связанных с созданием АНС, за которыми на первом этапе революционной ситуации в Абхазии пошла коренная народная масса и реальная сила – абхазское крестьянство.

Подтверждением тому материалы и резолюции второго Окружного крестьянского съезда (по существу народного. – В. Ч.) в марте 1918 года. Так, в пункте 2-м резолюции съезда «Об организации власти в Абхазии» уже однозначно утверждалось, что «высшим ор-

ганом власти на территории Абхазии признается Абхазский Народный Совет». А в пункте 6-м недвусмысленно отмечалось, что «все органы исполнительной власти Округа находятся в подчинении Абхазского Народного Совета»¹.

По существу, получалось, что крестьянство указывало своим интеллигентам-демократам пути строительства властной системы в Абхазии. В то же время высокообразованные интеллигенты того периода – С. Ашхацава, С. Басариа, М. Тарнава и другие не стремились сломя голову опережать политические события. Учитывали силы и возможности своего немногочисленного народа, а также революционную ситуацию, которая быстротечно изменялась. В этом смысле в резолюцию «О текущем моменте» закладывалось следующее положение: «Съезд выражает уверенность в том, что в ближайшем будущем народы России сумеют преодолеть все препятствия, стоящие на пути укрепления молодой Российской Федеративной Республики, и представители всех народов все же сойдутся вместе в одном общем всенародном Учредительном Собрании, как в высшем органе всех республик России для служения интересам трудящихся масс всей многоплеменной республики»².

И все же хотя и памятуя о том, что минувшее не вернуть к своим истокам, хотелось бы отметить, что события тогда могли развернуться и в иной плоскости. Если бы, скажем, во время образования первого АНС вокруг него крепко встали все слои и политические силы абхазской страны: и сторонники «горской» ориентации, и российско ориентированные абхазские большевики, и легковверные абхазские меньшевики, а также представители трудовых масс Самурзакана и Кодорского региона. В таком разе, замечу, вполне возможно, что история могла бы пойти совершенно по иному сценарию. Но для того, чтобы все это свершилось, не хватало самого главного – личности, способной сплотив все силы и возможности народа, отстоять независимость Абхазии. Однако в ту пору, видимо, еще не было в абхазском обществе условий, способных выдвинуть, если хотите, возродить всеобщим национальным энергическим усилием такой объединяющей личности. Это, однако, к слову.

¹ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Сухум – 2009. С. 20.

² Там же. С. 21. // Газета «Воля Вольных». Гудаута. 1918. 11 – 24 марта.

Наряду с первым руководителем АНС С. Басариа, крупным общественным деятелем, редактором гудаутской газеты «Воля Вольных», также и активным публицистом был в тот период Семен Михайлович Ашхацава.

С. Лакоба в газете Народного Форума Абхазии «Единение» (февраль 1991 г. №2) по поводу этой большой личности отмечал, что «об этой стороне деятельности С. М. Ашхацава – политической, – весьма мало известно. Между тем в конце 1917-го – начале 1918 г. он являлся министром от штата Абхазия в правительстве Горской республики. Был одним из лидеров абхазского национально-освободительного движения, депутатом Абхазского Народного Совета (основан 8 ноября 1917 г.), а в октябре 1918 г. выдвигался в качестве Председателя АНС. Однако в октябре 1918 г. этот законный орган власти Абхазии был разогнан вооруженной силой Грузинской Демократической Республики, а многие его депутаты вместе с Ашхацава арестованы и заключены оккупантами в Метехскую тюрьму в Тифлисе»¹.

Весьма интересны и познавательны с точки зрения политика и публициста С. Ашхацава два его материала, которые, по словам С. Лакоба, написаны в виде воспоминаний накануне его ареста и гибели в 1937 году.

Вообще, следует особо подчеркнуть, что Басариа и Ашхацава – главные идеологи построения независимого Абхазского государства в содружестве с Горской республикой братских народов. И они же являлись практическими работниками, выстроившими основы такого государственного формата. За это они преследовались грузинскими меньшевистскими властями, а позже, в советское время, были расстреляны подручными Сталина и Берия. Стойкость и сила характера этих мужественных представителей интеллигенции наглядно подтверждается их публицистическим наследием. Может быть, оно невелико по объему, но по глубине мысли, охвату проблематики освещаемого периода, весьма поучительно для современного абхазского общества. В том и ценность этих материалов. И удивительно, что они создавались несмотря на обстановку страха и террора, царившие тогда в Абхазии. И неудивительно, что их ав-

¹ Там же. С. 61. // Газета «Воля Вольных». Гудаута. 1918. 11 – 24 марта.

торы, убедительно и правдиво раскрывавшие образ меньшевистских хищников – оккупантов, были уничтожены продолжателями их дела уже в ином, советском периоде.

С. Ашхацава осветил в своих работах важнейшие проблемы революционной поры, до захвата Абхазии меньшевистской Грузией, и после, время оккупации – это «земельная политика» и «национальный вопрос». Так и называются его очерки, написанные лаконично, в форме воспоминаний, и рассказывающие о той непростой ситуации. Вспоминая первые шаги Абхазского Народного Совета в области земельной политики, он первым делом отметил значение декрета о национализации всей земли в Абхазии. Это решение, с одной стороны, показывало, кто есть «полномочный хозяин своей родины, с другой – разъяснялось, что «те национальности, которые жили в Абхазии до русской революции, одинаково пользуются правами на землю, как коренные абхазы». Семен Михайлович подчеркнул также значение земельной комиссии, учрежденной при АНС, которая запретив присвоение земли захватным путем, добилась того, что «здесь на земельной почве не было решительно никаких недоразумений между разными национальностями».

Далее автор вспоминает время оккупации Абхазии и жестокие притеснения грузинскими меньшевиками «абхазов и вместе с ним всех тех негрузинских племен, которые населяли Абхазию». Приводя образные сравнения, он по этому поводу писал: «Меньшевики в империалистическом своем стремлении абхазам напоминали царскую власть при первых годах, времен усмирения абхазов. Кажется, что тифлисское правительство раскрыло страницу истории расширения России, собирания ее, завоевания новых земель, заселение их надежным элементом, – образование казачества и т. д., и вот буква в букву пошло по стопам русских завоевателей... Отсюда началось поспешное заселение Абхазии грузинскими племенами... Абхазцы, закаленные в борьбе в отстаивании веками своей нации и территории, после революции и без царского гнета и в весну раскрепощения народов почувствовали, что бывшая соседка черной осенью надела на нее, а потому заволновались. Тогда «демократическое правительство» затрепетало, очутилось в затруднительном положении, а потому, как бы развернув страницы истории завоевания Абхазии Россией, задало себе вопрос: как тут поступили бы

предшественники – русские империалисты? И нашло, что нужно национальности, населяющие Абхазию, поощрить и натравить на абхазов: нужно внушить национальностям этим, что коренное население – абхазы считаются «виновным» перед грузинским правительством. На такую хитрость попались и сильно попались греки и мингрельцы; но армяне, русские, немцы и пр., не пошли на это, за что два года терпели притеснения от «демократической власти»¹.

Весьма ценны наблюдения и выводы Ашхацава и по национальному вопросу, а некоторые из них, связанные с чертами характера абхазского этноса, актуальны и по сей день. В этой связи он очень точно подмечал, что «абхазы, быть может, единственная нация на Кавказе, которая проявляет полное равнодушие к национализму. Вся эпоха царской власти для них была периодом национализма – национального равнодушия; правда, они неоднократно восставали, требовали восстановления попраных прав, но они защищали в этих выступлениях заветные свои культурные идеалы, общечеловеческие права свои. К сожалению, эта характерная черта, черта интернациональности абхазов для националистов соседних с Абхазией стран представляла большие выгоды для ассимиляции, что мы воочию видели в Самурзаканской части Абхазии».

Глубоко аргументированно, со знанием предмета разговора трактует С. Ашхацава проблематику справедливого решения национального вопроса, также приводит примеры иного порядка, когда национальное явление приобретает агрессивный характер. Автор подчеркивает, что абхазский народ, в силу исторических и географических условий, как отмечено всеми бытописателями, весьма даровит и разбирается в сложных социальных и политических вопросах. Семен Михайлович указывает на то, что «народ сразу понял смысл русской революции в разрешении национального вопроса, понял так, как его разрешили настоящие социалисты... а именно: все нации должны быть равноправны, все нации имеют полное право на самоопределение вплоть до отделения. Узкие же националисты, шовинисты имели другую идеологию – вульгарную. Элементарное разрешение этого «наилейшего вопроса» у них сводилось к следующему – «покорить под ноги врага и супостата

¹ Там же. С. 61–63. // Газета «Воля Вольных». Гудаута. 1918. 11 – 24 марта.

и заставить все подвластные нации подчиниться господствующей национальности».

Исходя из сказанного, Ашхацава заключает: «Такую политику агрессивного национализма (в трактовке В. Г. Ардзинба эта формула звучала как «грузинский агрессивный национализм». – **В. Ч.**) народ абхазский сейчас же стал ощущать со стороны руководителей судьбой Грузии. Вот почему абхазы, испытавшие на себе немало ужасов чужеземного гнета, стали искать родственные к себе народы, родственные по пониманию священных интересов каждой нации, по пониманию и уважению стремления наций к свободе и т. д. Такими, безусловно, были родственные по духу и крови абхазам горские народы Кавказа, «организовавшиеся после революции» в «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана».

И вот еще одно интересное наблюдение автора, касающееся названия Абхазского Народного Совета – парламента Абхазии. «Орган этот, – писал он, – не был назван «национальным», так как он, как выразитель воли народа, должен был разниться от тех «национальных советов» других закавказских народов, которые на своем знамени несли идеи агрессивного национализма»¹.

В первую очередь под этими словами Семен Михайлович имел в виду Грузию, как меньшевистского периода, так, полагаю, и советского. И тогда ведь грузинские агрессивные националисты, в лице бериевско-сталинских большевиков, вели широкомасштабное наступление на права и свободы абхазского народа. К тому времени отменили независимую государственность Абхазии, репрессировали тысячи лучших сынов и дочерей страны, активно осуществляли акции по ассимиляции абхазов. В таких условиях грузинского мракобесия С. М. Ашхацава – видному организатору абхазского национально-освободительного движения, общественному и политическому деятелю, замечательному публицисту, шансов выжить было не дано.

Весной 1918 года произошли политические и военные события, коренным образом изменившие судьбу первого демократического властного органа – Абхазского Народного Совета. С 8 апреля по 17 мая 1918 года власть в Сухуме оказалась в руках больше-

виков и созданного ими ВРК (Военно-Революционного Комитета) во главе с Е. Эшба. Против этого протестовало руководство АНС (А. Шервашидзе), которому пришлось в итоге распуститься. Таким образом, две авторитетные и влиятельные абхазские политические силы пришли в противостояние друг другу. За деятелями АНС стояла Горская республика, правда, к тому времени сама переживавшая большие трудности становления. Абхазские большевики, подчиняясь жесткой партийной дисциплине, действовали по инструкциям вышестоящих организаций. Так, к примеру, лидеры абхазской организации РСДРП (б) докладывали центру, что «организация наша сильна и крепка. В данный момент, когда меньшевики и правые эсеры преступно, полные ужаса и трепета перед буржуазией, изменили интересам пролетариата... наша, сознавая вдвойне свою ответственность, будет всеми силами бороться за торжество идей большевизма». Большевики тогда рассчитывали на вооруженную силу в лице отрядов «Киараз». И в ответ ЦК РСДРП (б) «в своем письме от 17 января 1918 года в адрес Гудаутской организации выражал надежду, что при поддержке этого отряда большевики завладеют и Сухумским Советом, и Закавказским Комиссариатом».

Вот такой, и не меньшей, была задача, поставленная перед Гудаутскими большевиками. Закавказье они взять, конечно, не могли, но Абхазский Народный Совет одолели и разогнали. От этого, разумеется, абхазскому народу легче не стало, а вот грузинские меньшевики, выдворив большевиков, под причиной наведения порядка, оккупировали в июне 1918 года всю Абхазию, и сделали все для того, чтобы АНС заполнили, в основном, сторонники Тифлисской меньшевистской власти во главе с Варламом Шервашидзе.

Кстати, в ту пору задача грузинских меньшевиков облегчалась и тем, что такая сила, как население Кодорского региона заняла нейтральную позицию, тем самым отказав в поддержке большевикам. Но и не вступила в реальные боевые действия с ними, по крайней мере, сведений об этом нет. Сыграли свою роль в том и решительные действия передовых деятелей региона, боровшихся за абхазское единство в тот ответственный момент истории. Сказали свое слово и публицисты, в том числе и авторитетный народный учитель В. Адлейба. В своем обращении, озаглавленном

¹ Там же. С. 63–64. // Газета «Воля Вольных». Гудаута. 1918. 11 – 24 марта.

«Моим братьям – крестьянам Кодорского участка, он призывно возвещал: «Я не верю этому, но говорят, что Вы – с грузинским отрядом воюете против трудового народа – крестьян абхазцев Гагринского, Гудаутского и Гумистинского участков. Этого вы не должны делать, потому что идете против своих братьев, следовательно, против самих себя. Неужели князья и дворяне сумели обмануть вас? Если вы на самом деле помогаете отряду Джугели, то поймите, что вы оказываете помощь грузинам и капиталистам, которые так мерзко думают вооруженной силой завоевать нашу маленькую и никогда никого не обижавшую родину – Абхазию. Неужели Вы не понимаете всего этого?.. Вы поймите, братья мои, что отряд Джугели отправлен сюда только для того, чтобы здесь навсегда сыграть похоронный марш Абхазии, а вам напрасно думается, что сделает что-то лучше, чем наши братья бзыбцы, которые в братском единении с другими национальностями, подняли общее оружие против общего врага. Необходимо Вам понять и это. Ввиду всего изложенного, вы нравственно обязаны сейчас же сделать одно из двух: или присоединиться к бзыбцам, или же просто оставить отряд Джугели»¹.

Как известно, о действиях отряда, сформированного тогда из жителей Кодорского участка в количестве 300 человек, в официальной истории сведений нет, значит, и домысливать неизвестное нет резона.

В тот период, после оккупации Абхазии и объявления ее генерал – губернаторством в составе Грузии, вступает в дело освобождения Абхазии еще одна сила – абхазские махаджирь. Несмотря на имевшие место договоренности между видными абхазскими деятелями самой Абхазии (члены первой АНС) и диаспоры, подготовка военной операции оказалась слабой. Население страны не было информировано о задачах десанта, который совместно с местными силами должен был выдворить грузинских оккупантов за пределы Абхазии. Это позволило противной стороне распустить ложные слухи, будоражившие население, якобы о намерении махаджиров вовлечь Абхазию в некие планы в интересах Турции, о настрое прибывших выселить всех инородцев, и прочих страшил-

ках. Но самым главным фактором, провалившим операцию, которая могла стать началом успешной освободительной борьбы, было отсутствие единства в самой абхазской элите. Не может не удивлять своей необъективностью и оценка ситуации видными абхазскими большевиками, которая, кстати, почти не отличалась от той же негативной характеристики тех событий меньшевиками, например, того же Варлама Шервашидзе, возглавившего, после выдворения из Абхазии большевиков, второй АНС. Так, некоторыми лидерами большевиков отмечалось следующее: «Абхазские князья и националисты организовали в Турции отряд из махаджиров (абхазских эмигрантов)... черкесов и турок. Этот отряд они перевезли и высадили в Кодорском уезде. Но меньшевики разгромили десант при пассивном и безразличном отношении кодорского крестьянства... «Турецкий десант» – это националистическая авантюра».

А ведь тот же десант, кроме Т. Маршания, Александра Шервашидзе и других представителей высшего сословия, также поддерживали почти все демократические слои абхазского общества – Басариа, Ашхацава, Тарнава, Аджамов, Туманов, Чанба, многие авторитетные люди страны. Получалось, что только в планы большевиков и меньшевиков не вписывались участники десанта, поставившие целью освобождение Абхазии от любого диктата, как грузинского, так и российского большевистского.

Вообще, если брать в целом поражение абхазов в период грузинской меньшевистской экспансии в 1918 – 1921 гг., следует согласиться, что она была вполне закономерной. Грузины превосходили абхазов не только в количественном отношении. Они смогли консолидироваться вокруг государственной идеи, причем, как элита, так и народ. Пока правили меньшевики (правые социал-демократы) в самой Грузии никаких особых внутренних катаклизмов не было. Иное дело Абхазия. Здесь, кроме внешней угрозы, а затем и оккупации, народ, а это, в основном, крестьяне, никак не мог сориентироваться в своем предпочтении: то ли за Горскую республику, то ли за российских большевиков, то ли за грузинских меньшевиков. Таков был политический набор слабосильной, и в то же время, разрозненной абхазской элиты. Вот как о том «смутном времени» вспоминает А. М. Чочуа: «В Абхазии существовали следующие политические партии: 1) меньшевики, 2) националисты, 3) эсеры, 4) фе-

¹ Там же. С. 31 – 32. // «Сухумская правда», 1918, четверг, 16 мая, № 23.

дералисты, 5) большевики, 6) независимые, 7) трудовики, 8) кадеты. Каждая из перечисленных выше партий выступала на всевозможных выборах именно под такими номерами»¹.

Но не только выборы были, случались и перевороты. Так, во время первого АНС, который был Горской ориентации, власть захватывали, причем дважды, большевики, как, скажем, в апреле – мае 1918 года. И в итоге страна оказалась оккупированной грузинскими меньшевиками. Прибывшие на помощь Абхазии махаджир (300 бойцов), как уже отмечалось выше, не получив поддержки ни от одной партии, и ни от народа, были наголову разгромлены войсками грузинских меньшевиков в Кодорском участке, у села Мыку. А в историческом плане унаследовали несправедливую негативную оценку своим действиям и в советской историографии. А ведь они, наверное, мыслили, по крайней мере, как те абхазы, которые на то давали им надежду, что смогут составить костяк абхазской армии, коли объединилась бы абхазская элита: большевики со своим «Киразом», деятели первого АНС из числа интеллигенции, представители иных различных партии. Но этого не случилось, поскольку не было направляющей и организующей личности, которая бы возглавила не только элиту, но и народ. Недоставало абхазам именно такой личности, роль которой в определенные судьбоносные исторические моменты, корректирует ход и развитие самой истории. Абхазии тогда не повезло: на политическую арену в то время вступили совсем молодые политики, без особого жизненного опыта, разве лишь короткого тюремного, или же интеллигенты, слово которых не всегда доходило до масс. Об остальных, кои были марионетками оккупантов, и говорить нечего – для них было наиважнейшим делом удержаться на своих тепленьких местах.

Кстати, весьма колоритной в этом плане была личность руководителя уже меньшевистской АНС Варлама Шервашидзе, который характеризовался как высокий профессионал-хирург, но был негодным для абхазов политиком, во всем послушным Тифлисским хозяевам. Присмотримся к этой личности внимательнее, поскольку он являлся выразителем идеологии и практики немалой части абхазской интеллигенции, считавшей Грузинскую Демократическую

¹ Там же. С. 113. // «Сухумская правда», 1918, четверг, 16 мая, № 23.

Республику оплотом демократии, с которой Абхазии вполне возможно сосуществовать на правах автономии. В этой связи весьма красноречивы мысли В. Шервашидзе из его публикации в меньшевистской газете «Наше слово» (1918, №№ 66, 67. 14, 15 августа). Сразу поясним, что Шервашидзе выступал в газете до того, как АНС полностью прибрали к рукам меньшевики, накануне разгона второго Совета, в котором его противники вели активную борьбу с засильем грузинских меньшевиков практически во всех властных сферах страны. Шервашидзе в своем политическом раскладе, в частности, отмечал следующее: «Одуроченное крестьянство и рабочие, с оружием в руках выступившие против государственной власти (меньшевистской. – **В. Ч.**), полагая, что они защищают свои жизненно классовые интересы, фактически руководились наемниками турецких деспотов. Инициатор и фактически руководитель движения в Округе, Лакоба был турецким агентом и получал средства для организации восстания из турецких источников».

Наверняка глава грузинских марионеток прекрасно знал, что абхазские большевики организационно были связаны с Закавказским краевым комитетом и ЦК РСДРП (б), получали оттуда инструкции и распоряжения. Однако он пытался выстроить негативную картину якобы сращивания «противников» Абхазии в лице большевиков и махаджиров – десантников, прибывших из Турции освобождать родную землю от оккупантов и соглашателей в лице таких, как меньшевик В. Шервашидзе и прочие, назначенные Тифлисом во властные структуры поработанной страны.

Все же понимая, что сия аргументация слаба, сей деятель (который, с подачи оккупантов, считался номинальным главой Абхазии) дает далее развернутый анализ своего видения ситуации, говорит о политических ориентациях влиятельных общественно-политических сил Абхазии, характеризуя их следующим образом: «...Абхазский Народный Совет взял на себя инициативу и ответственность за крупный политический шаг, предпринятый им вступлением Абхазии, временно, впредь до всенародного Собрания, на договорных отношениях (от 11 июня 1918 г. – **В. Ч.**) в состав Грузинской Республики. Мотивировать этот акт я надеюсь перед Всенародным Съездом Абхазии, готов нести за него ответственность и перед народным Собранием. Сейчас же даю только общие разъяснения».

Затем, переходя к характеристике своих оппонентов, Шервашидзе не гнушается откровенной лжи и фальсификации реальных фактов и событий. Вот образчики его незамысловатых обвинений, рассчитанных на неинформированную аудиторию. При этом он, не удосуживаясь какой-либо аргументацией, сразу же заключает: «Прежде всего, я должен раскрыть скобки над различными «ориентациями», которые прививались турецкими агентами народу. Начну с российской большевистской. Нашим внешним врагом, как и внутренним, заинтересованным в создании антидемократической формы в стране, российская большевистская анархия, укрепляемая в Абхазии, дала бы повод к немедленной физической оккупации страны со стороны турок, которые явились бы в качестве якобы избавителей от анархии и водворили бы «государственный порядок» по турецкому образцу».

Разумеется, наводил, как говорится, тень на плетень сей господин, тогда никакой турецкой угрозы Абхазии не было, как и не существовало в политическом раскладе страны турецкой ориентации. Однако это озвучивалось для того, чтобы замаскировать чрезмерную услужливость холуйской власти, ратовавшей, судя по ее делам и речам, за «государственный порядок» по грузинскому меньшевистскому образцу. К тому же большевистской ориентации, того боялись и в Тифлисе, также опасались и их ставленники в Сухуме.

Очень не по душе была сухумским меньшевикам, как, впрочем, и тифлисским, тяга подавляющего большинства народа к своим единокровным братьям – северокавказцам. Отсюда тот самый сарказм и злобедность в рассуждениях почтенного медика, а по совместительству лидера абхазских меньшевиков, направленных против единения абхазов с горскими народами. В отношении «горской ориентации» В. Шервашидзе, в частности, утверждал: «Кто знаком с историей возникновения Северо-Кавказского Горского государства, тому известно, что фактически никакого Северо-Кавказского государства не существует, и юридически оно было оформлено Турцией полупризнанием Горского правительства под председательством г. Бамматова (Гайдар Баммат – министр иностранных дел Горской Республики в 1918 – 1920 гг. – **В. Ч.**). План, развиваемый северо-кавказскими «государственными мужами» г. Бамматовым и К., выражен в следующем: границы территории намечают-

ся так: по берегу Черного моря, от реки Ингур к северу до Тамани, включая сюда Абхазию и Черноморскую губернию, затем вся Кубанская область, Дагестанская, Терская и Ставропольская губерний. Вся территория «государства» должна быть очищена от иноземных элементов и на их места должны быть вселены из Турции старые кавказские переселенцы».

Хоть и «утку» запустил глава АНС по поводу «иноземных элементов», но вот почему поименовал махаджиров «старыми» переселенцами – это вопрос. Но, думается, говорил о том, что было на уме его грузинских поделельников. Также не давали ему покоя душевного лидеры первого АНС, бывшие инициаторами восстановления государственности Абхазии в союзе с Горской республикой. Мало находилось все-таки союзников в абхазской среде, желавших пребывать под пятой грузинских меньшевиков, даровавшей Абхазии некое «генерал-губернаторство», к слову, донельзя расстроившее самого Шервашидзе, потерявшего и без того куцые властные права.

И вот, чтобы слышали и верили ему – Шервашидзе – тифлисские хозяева, прямо-таки в их газете громко заявляет, что, мол, мои противники «маскируются различными лозунгами: «Мохаджиры, освобождающие родину от анархии», «Северо-Кавказское объединение горцев», «Долой грузин – притеснителей, угнетателей и грабителей Абхазии». Напрасны, конечно, ирония и сарказм автора по поводу сказанного: ведь лозунги-то точно отражали существовавшие в ту пору реалии, да только не «видел» их в упор сам Шервашидзе. Не хотел узреть, поскольку сохраняя теплое местечко для себя и ему подобных, пошел на сговор с Тифлисом. И подотчетный хозяевам Абхазский Народный Совет, по словам его председателя, «в начале июня (1918 г. – **В. Ч.**) вошел, от имени Абхазии (самозванцы, да и только. – **В. Ч.**) в переговоры с правительством Грузинской Демократической Республики и на «договорных отношениях», но без конституционного оформления, вступил в состав Грузинской Демократической Республики».

Такова анатомия предательства за спиной абхазского народа, совершенное в то время. Это было сделано тогда, когда Абхазия входила в состав Горской Республики, имела в правительстве своего министра по делам Абхазии. Это также результат отсутствия единства в абхазском обществе, а соответственно, и в народе. Та-

кое происходило с самого начала Февральской революции в 1917 году. С того момента абхазская элита разделилась, не буквально, конечно, а по политическим предпочтениям и интересам, на три довольно влиятельные центры силы. Каждый из них, кто более, а кто менее, имел своих сторонников из числа интеллигенции, высшего слоя и крестьянства. Но победить в борьбе за власть смогли бы те политические силы, которые расположили к своим идеям самую массовую часть народа – крестьянство, поскольку рабочего класса в среде абхазского народа в ту пору не оказалось. Ну и, слава богу, обошлись без ожесточенной классово-борьбы, приведшей в России к братоубийственной войне, большой крови и массовой гибели населения. Но это произошло в большой стране, и она худо-бедно смогла пережить трагедию. В нашем случае произойди такое – гибельная участь народу была бы обеспечена. Маленьким народам всегда следует учиться на опыте больших народов, и стараться не следовать их каждому примеру, сколь привлекательными они не были. А уж если следовать тому опыту, то не бездумно, с анализом и осмыслением того, через что прошла крупная нация с точки зрения безопасности для малого этноса. Ведь естественно то, что исторические условия развития каждого народа индивидуальны и сильно разнятся даже между соседними этносами. Недаром у наших соседей в ходу присловье: что, мол, хорошо для русского, то для немца – карачун, то есть смерть, погибель. Такова философия народной мудрости, но, к сожалению, лидеры и политики часто не помнят о том. Абхазские политики также не исключение.

Примером тому революционная эпоха и ситуация с самоопределением элиты: с кем держать союз и дружбу, а с кем все же быть начеку? Тысячелетняя история подсказывала: рядом, через горы – братья, значит, нужно быть в союзе с ними. Часть элиты, так решив, скрепила союз с горцами. Другие, большевики, вначале посчитали, что идеи мировой пролетарской революции предпочтительней, и повели за собой часть крестьянства, вовсе не знавшей и не ведавшей пролетарской закваски. Те же из интеллигенции, поверившей на слово грузинским меньшевикам, как манны небесной ждали от Тифлиса полнокровной автономии. Затем, мол, дорастем с помощью грузинских товарищей, которые нам обещали, до настоящей свободной и независимой страны. Наивность это или полнейшая

безалаберность? История о том умалчивает. Но, как говорят русские, хрен редьки не слаще.

Отражение той политической ситуации, можно сказать зеркальное, наблюдалось и в публицистике того времени. В Сухуме в те годы издавались такие русскоязычные газеты, как «Наше слово», «Сухумская правда», «Известия», в Гудауте – «Воля Вольных». С февраля 1919 г. стала выходить первая национальная газета на абхазском языке под логотипом «Апсны». До этого момента публицистика абхазской интеллигенции целиком и полностью была отражена в русскоязычных газетах, как в самой Абхазии, так и за ее пределами. С появлением абхазского издания будет верным отметить, что произошла своеобразная революция, создавшая совершенно новые условия воздействия оружия слова на передовые слои абхазского общества. И посему, на первый взгляд, не может не удивлять такой жест меньшевистской власти, позволивший группе абхазской интеллигенции выпускать печатное издание на родном языке.

Отметим по этому поводу наше субъективное мнение. К примеру, о том, что ни историки, ни публицисты, и иже с ними, никогда скрупулезно не исследовали причинно-следственную связь идейной и практической поддержки абхазскими меньшевиками своих тифлисских собратьев. Что же все-таки было в основе этой поддержки? Нам кажется, что весомой причиной являлись, с одной стороны, неприятие большевизма частью демократической абхазской интеллигенции, с другой – предпочтение связей с Грузией, нежели с теми же большевиками России или же горскими народами, особенно среди высшего сословия Абхазии, а также верхами Самурзакана. Это прекрасно понимали меньшевистские лидеры Грузии и делали ставку на подобных деятелях, выдвигая их на различные должности в системе оккупационной администрации. Поэтому, думается, на просьбу части интеллигенции об издании национальной газеты грузинские власти не только дали согласие, но и, держа в уме дальнейшие политические цели, вначале оказали даже финансовую помощь.

Такой расклад предпочтений абхазской элиты как раз и привел к трансформации абхазских органов управления в сторону их ослабления, а затем и к полному подчинению властям грузинской меньшевистской республики. Если взять, к примеру, АНС горской ориентации, то увидим по принимаемым документам жесткую и

твердую позицию, как по внутренним вопросам, так и по внешним. Так, в феврале 1918 года на переговорах в Тифлисе, как уже отмечалось выше, абхазская делегация, не поддавшись грузинскому давлению, подписала нейтральный договор, не поставив в известность, однако, союзное горское государство. Соглашение состояло из трех пунктов. В документе сразу оговаривалась необходимость воссоздания единой и нераздельной Абхазии от Ингура до реки Мзымта. Вопрос же будущего политического устройства был делегирован Учредительному Собранию Абхазии. В заключение записали, что, коли возникнут пожелания вступить в какие-либо отношения с другими народами и государствами, «иметь предварительные между собой по этому поводу переговоры». Но вот когда влияние горцев ослабело, также потерпели поражение абхазские большевики, настойчивость и коварство Тифлиса обусловили дипломатическое поражение абхазов. На июньских переговорах (1918 г.) был подписан документ, сработанный, по словам С. Лакоба, как «грубый политический подлог», и что «именно эта политическая фальшивка привела Абхазию к трагическим последствиям...»¹.

Дипломатическое поражение абхазов, полагаем, было предопределено в первую очередь самим составом делегации АНС, куда входили совершенно разнородные в политическом отношении депутаты. Не все из них держались твердо независимой позиции, поскольку спектр воззрений членов депутации был весьма разнообразен: меньшевик Гурджуа, социалист Какуба, священник Туманов и народный учитель Аджамов. И прав, разумеется, С. Лакоба, отмечавший, что опытные в такого рода хитросплетениях грузины, введя в замешательство главу делегации Раждена Какуба, провели в том липовом договоре нужные им условия, которые трактовались как развитие и дополнение Соглашения от 9 февраля 1918 года. В отличие от равноправного договора от 9 февраля, в июньском Соглашении, составленном без ведома АНС, и, что важнее, абхазского народа, в наличии были пункты, отождествлявшие Абхазию в качестве подчиненной (зависимой) территории от Грузии. Например, содержание 2-го пункта четко подтверждало это обстоятельство:

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 54.*

ство: «Внутреннее управление и самоуправление в Абхазии принадлежит Абхазскому Народному Совету». Выходило, что внешние вопросы были в ведомстве Тифлиса. Также в пункте 3 отмечалось, что «Кредиты и деньги, необходимые на управление Абхазией, отпускаются из средств Грузинской Демократической Республики...». Ясно ведь, что кто платит, тот и музыку заказывает. Далее в пункте 4 было записано: «Для скорейшего установления революционного порядка и организации твердой власти (полагаем, что имелась в виду грузинская власть. – **В. Ч.**), в помощь Абхазскому Народному Совету и в его распоряжение (что оказалось «филькиной грамотой» для легковых абхазов. – **В. Ч.**) Правительство Грузинской Демократической Республики посылает отряд Красной Гвардии». Содержание следующих пунктов также подтверждало верховенство законов меньшевистской Грузии, и непонятно все же было, зачем представителям абхазской элиты, посланцам АНС, к тому же природным абхазам, фактически лично, хотя бы и под давлением, что вряд ли является оправданием в подобных делах, определять своей стране внешнее управление.

Исследователь С. Лакоба подробно и ясно указывает на сложности обстановки, в условиях которой происходили переговоры, отмечает политическую ограниченность и своекорыстные интересы руководителя делегации и другие обстоятельства, позволившие грузинским меньшевикам создать документ, хоть и сфальсифицированный, но вскоре сыгравший зловещую роль в закреплении оккупации Абхазии. В свою очередь полагаем и свое мнение, которое состоит в том, что делегации и вовсе не следовало входить в обсуждение межгосударственных проблем, учитывая такое весомое обстоятельство, как вхождение Абхазии в состав Горской Республики. Так же считаем, что результаты упомянутых переговоров – следствие состояния самой АНС, которую уже к тому времени, с ослаблением влияния горской ориентации, раздирали межпартийные противоречия, которые, как нам кажется, имели преобладающее значение, нежели интересы независимости Абхазии. К тому же недавний сорокадневный захват власти большевиками вызвал большое раздражение и страх в разноструктурной в политическом плане демократической элите. Вот и позвали, вышло, для защиты и спокойствия грузинскую гвардию и грузинских наместников, с

которыми после сами же боролись в течение трех долгих лет. Пока не пришла российская Красная армия и не смела грузинских меньшевиков из Абхазии.

Этап второй.
Грузино-абхазские отношения в условиях
меньшевистской оккупации и газета «Апсны»
(июнь 1918 – март 1921)

Но до того политические реалии Абхазии претерпели значительные изменения. После поражения и изгнания большевиков, страну захватили грузинские войска. Как отмечал С. Лакоба, «грузинские войска под командованием генерала Г. Мазниева оккупировали не только Абхазию (18 июня 1918 года. – В. Ч.), но и захватили к 26 июля 1918 г. территорию вдоль Черноморского побережья до Туапсе». Исследователь также приводил пример прямой аннексии Самурзаканского региона властями меньшевистской Грузии: «18 июня 1918 г., – писал он, – одновременно с высадкой грузинских войск в Сухуме в АНС пришла телеграмма из Тифлиса. В ней МВД Грузии сообщало о временном подчинении Самурзаканского участка Кутаисскому губернскому комиссару «по вопросам, относящимся к охранению в нем государственного порядка и общественной безопасности». Самурзакань напрямую включалась в состав Грузии... Прошло еще немного времени и генерал Мазниев объявил своим приказом (23 июня 1918г.) Абхазию генерал-губернаторством, а себя губернатором»¹.

Абхазский Народный Совет практически оказался под пятой военно-окупационного режима. Члены Совета горской ориентации и видные представители абхазской диаспоры приняли решение вооруженным путем освободить Абхазию от меньшевистских захватчиков. Но силы оказались не равными. Как уже отмечалось выше, население страны, плохо информированное о целях и задачах освободительной миссии десанта абхазских махаджиров из Турции, практически не поддержало повстанцев, которые потерпели пора-

жение в сражении с превосходящими силами грузинских военных. Таким образом, эта акция была обречена. Но совершенно неверно, как это утверждала советская историография, о чем также уже говорилось, называть ее участников и организаторов «протурецкими элементами» и прочими нелепыми с точки зрения установления исторической истины и справедливости, эпитетами и характеристиками. Вызывает иронию и то обстоятельство, что и меньшевистскими идеологами, приводились те же аргументы и ярлыки о «туркофильстве», к примеру, в меньшевистской газете «Наше слово», увязывая это с тем, что «трудовое крестьянство с самого начала решило десанту не оказывать... никакой поддержки – ни моральной, ни физической»¹.

Также следует отметить, что и последовавший после этих событий разгон 15 августа 1918 года Абхазского Народного Совета был мотивирован меньшевиками и узким кругом их абхазских прислужников засильем в нем «элементов турецкой ориентации». На самом деле речь шла об абхазской демократической интеллигенции, немногочисленной, конечно, для той поры, которая ставила задачу избавления страны от захватчиков любой ценой, в том числе и вооруженным путем. Забегая вперед, отметим, что элита именно такой закваски, а не партийно-большевистской, продолжила и впоследствии, уже в советских условиях, вести освободительную борьбу против грузинского всевластия в Абхазии, завершившейся военным поражением Грузии в сентябре 1993 года.

Тогда же, во время засилья грузинских меньшевиков, в октябре 1918 года, группа решительно настроенных абхазских депутатов – И. Н. Маргания, Г. Д. Туманов, Д. И. Алания, Г. Д. Аджамов, В. К. Чачба во главе с Семеном Михайловичем Ашхацава сделала попытку взять в свои руки управление Абхазским Народным Советом. При этом Ашхацава прямо заявил, что «трудовое население Абхазии определенно решило взять власть в свои руки, для чего прислало своих представителей, и что существующий порядок не может больше продолжаться... Люди, не пользующиеся ни доверием, ни уважением народа, не могут править страной»².

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 303.

² Там же. С. 304.

¹ Станислав Лакоба. Ответ историкам из Тбилиси. Сухум – 2001. С. 45.

Но глава АНС – грузинский ставленник В. Шервашидзе удержался во власти при помощи грузинских военных, Совет же был вновь разогнан, некоторые его члены, обвиненные в попытке переворота, арестованы и отправлены в Метехскую тюрьму в Тифлисе.

К тому времени Тифлис же прислал в Абхазию для проведения политики «кнута и пряника» своих представителей, которые должны были навести «демократический порядок» в абхазской провинции. По части «пряника» выступал старый меньшевик, член Грузинского Национального Совета Исидор Рамишвили, которого наделили должностью «политического представителя грузинского правительства». Кстати, учреждение газеты «Апсны» в начале 1919 года произошло с его поддержки. Это факт, и вряд ли стоит это отрицать. Другое дело, какими мотивами руководствовались грузинские власти. Скорее всего, меньшевики подготовили ряд мероприятий по привлечению абхазской элиты способом «пряника». Например, кроме газеты в том же 1919 году с разрешения Тифлиса АНС, преобразованный в Народный Совет Абхазии, вернул стране ее название – Абхазия, вместо прежнего Сухумского округа, административные участки превратились в уезды, местечки – в города Гудаута и Очамчира, высшим исполнительным органом НСА был утвержден Комиссариат Абхазии.

А вот с целью наведения порядка «твердой рукой» чрезвычайным комиссаром Абхазии был назначен в том же октябре 1918 года В. Чхиквишвили. Тифлисский «прокуратор» и его «силовики» при поддержке местной креатуры жестоко карали любое инакомыслие против власти: аресты, разграбление имущества, поджоги домов – таковыми были методы и способы наведения «образцового демократического порядка», которое, согласно логике карателей, завершалось очередными разгромами Абхазского Народного Совета с целью его преобразования в послушный орган управления завоеванной территории.

Но и этого грузинской общественности казалось мало. О политике и идеологии, которой должны придерживаться грузинские власти в подопечной Абхазии весьма откровенно высказалась газета «Грузия», которая, в частности, отмечала: «Надо было в первую очередь ликвидировать тяжелое наследие русификаторской политики среди абхазцев и твердой рукой повести абхазский народ по пути

освоения своего древнего национального (т. е. обще-грузинского) лица. Достигнуть этого было бы не так трудно. В Абхазии имеется много почтенных, живущих традициями предков фамилии, прекрасно сознающих национально-культурную и историческую связь абхазцев с остальными грузинскими племенами. Надо бы только это сохранившееся еще сознание воплотить в определенные практические формулы, прекратить дальнейшую деятельность разного рода русификаторов, ликвидировать так называемую мнимо-абхазскую азбуку, являющуюся изобретением русских чиновников, и положить начало молодой абхазской жизни на освященных веками и родных самим абхазцам обще-грузинских началах»¹.

Подобная формула, содержащая в себе основные принципы взаимоотношений Грузии и Абхазии в 1918 – 1921 гг., к примеру, откровенно не высказывалась в 19-м веке грузинскими национальными лидерами и представителями общественности. И потому, думается, абхазская элита особо не ощущала опасность нарождающейся агрессивной грузинской экспансии в отношении Абхазии в дореволюционное время. Вначале же, с приходом к власти грузинских социал-демократов, демонстрировавших на словах весьма привлекательные идеи демократии, равенства и братства, пока практика их действий основательно не проявила злобность и самодурство власти, определенная часть абхазской либеральной общественности уверовала в возможность совместного сожительства на правах автономии в грузинском государстве. Некоторые наши видные деятели, литераторы и ученые соглашались с тезисом грузинских меньшевиков, что абхазскому народу надо немного «подрасти» в политическом плане в лоне братского грузинского народа, а затем, мол, ему будет дарована независимость милостью самого Тифлиса. Тем более, что программа грузинских социал-демократов (меньшевиков) на словах, но не на практике, признавала «самоопределение нации вплоть до отделения». Такая вот демагогия, вводившая наивных политиков в заблуждение. Правда, через некоторое время оккупации многие прозрели и поняли тщетность подобных иллюзорных ожиданий. Но были такие, которые и затем, до конца бесславного правления меньшевиков, верили словам их обещаний.

¹ «Грузия», ежедневная политическая и литературная газета. 6.07. 1919 г. № 142.

После поражения абхазских большевиков и ослабления влияния лидеров союза с горской республикой, абхазская оппозиция меньшевистской власти поставила целью борьбу (парламентским путем) за придание Абхазии реальной автономии в составе грузинского государства. Тифлис, чтобы ослабить политическую напряженность в неподконтрольной территории, разрешил вновь созданному Народному Совету Абхазии продекларировать в марте 1919 года «акт об автономии Абхазии». Ему же было поручено разработать и «конституцию автономной Абхазии»¹. И только тогда, когда развернулась борьба вокруг объема прав автономии Абхазии, из меньшевистской фракции Совета, насчитывавшей большинство (27) из 40 человек всего состава НСА, выделились абхазские меньшевики. И, по словам Г. А. Дзидзария, абхазские меньшевики, расходившиеся с грузинскими меньшевиками, главным образом, в вопросе «об объеме прав автономии Абхазии», образовали фракцию социал-демократов интернационалистов, блокируясь в ряде случаев с независимыми социалистами. Как видим, довольно медленно шел процесс прозрения в среде абхазских политиков – меньшевиков, ориентированных на «доброе» отношение Грузии. Свидетельством тому их политическая платформа, программа которой гласила: «Культурно-экономическое развитие» Абхазии «в согласии с законами» правительства Грузии применительно «к местным условиям»². Судя по докладной записке делегации Народного Совета Абхазии от 15 декабря 1919 г. председателю правительства Грузии именно такой объем прав устраивал большинство членов тогдашнего абхазского парламента. В то же время существовала и оппозиционная группа, выступавшая за больший объем прав автономии, в количестве 14 человек. Самой непримиримой считалась группа «независимых социалистов» («независимцы»), называвшая себя так «в смысле непримиримости и борьбы» с грузинской меньшевистской партией «в ее неправильной политике вообще и, в частности, по отношению к Абхазии»³. Активными проводниками подобной политической линии были С. Чанба, Д. Алания, М. Цагурия, И. Маргания. Эта группа

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 306. // «Наше слово», 21. III. 1919. № 60.

² Там же. С. 308.

³ Там же. С. 309.

фактически была в контакте с абхазскими большевиками и ориентировалась на Советскую Россию.

Таковыми, на наш взгляд, были условия общественно-политического расклада, который довольно колоритно и многообразно был отражен в многочисленных публикациях представителей молодой абхазской интеллигенции, острым словом публициста освещавших злободневные проблемы народа и страны, формировавших тем самым идеологию и практику начального этапа абхазского освободительного движения. Весомый вклад в это благородное дело был внесен и многими публицистами, выступавшими на страницах национального печатного издания – газеты «Апсны».

Несмотря на предназначение «Апсны» в первую очередь как издания, направленного на миссию просвещения и образования широких масс абхазского населения, вполне закономерно, что ее страницы вскоре становятся местом полемических выступлений представителей интеллигенции и политической элиты, трудовых слоев народа. Газета, как и значилось в ее логотипе «демократическая», так и представляла свою площадь разным партиям и политическим фракциям: меньшевикам, большевикам, эсерам, «независимцам» и др., выражавшим подчас совершенно противоположные и взаимоисключающие позиции. В газете вскоре образовался костяк постоянных авторов, крупных абхазских публицистов, в числе которых были Д. Гулиа, С. Чанба, Д. Алания, Ш. Хокерба, И. Аджинджал (Джон), Н. Патейпа, Д. Маан, М. Чалмаз, М. Булиа и другие. Сюда же пришли будущие известные поэты и писатели М. Лакербай, И. Когониа, М. Хашба, Д. Дарсалия и др.

Вначале все же отметим небольшим экскурсом политические воззрения тех интеллектуалов, кто взялся за выпуск первой абхазской газеты. Безусловно, лидером группы был Д. И. Гулиа, к тому времени довольно известный в абхазских и грузинских кругах литератор, просветитель и общественный деятель, член Народного Совета Абхазии. О его общественно-политических предпочтениях ясно и недвусмысленно говорят его публикации в газете. Демократ Д. Гулиа, полагаем, и не скрывал свои надежды, связанные с Февральской революцией 1917 года, намеченными ею последующими демократическими преобразованиями, в том числе и в среде народов, имевших статус зависимых и колониальных.

Думается, некоторые положения передовой статьи первого номера издания (27. 02. 1919 г.), посвященного выборам в Народное Собрание Абхазии, близки были руководству редакции той поры. В публикации рассказывалось о программе деятельности, принятой Окружным собранием членов партии социал-демократов Грузии. В нем участвовали и абхазы – члены партии меньшевиков. В газетном же отчете, в частности, отмечалось, что все завоевания Февральской революции канули в вечность в огне Гражданской войны, развернувшейся в России. Вызванные этой самой революцией надежды обрушились в силу наступившего бездарного правления большевиков. Россия оказалась разделенной на части, в огне войны погибли свобода и демократия – самое большое завоевание революции (февральской. – **В. Ч.**). Подчеркивалось также, что не все еще потеряно, существует Грузинская Демократическая Республика, перенявшая ту самую Российскую демократию в лице Учредительного Собрания, со свободой личности и имущества, свободой самоуправления народов, – отмечалось в передовой статье «Апсны».

Полагаем также, что многих абхазских политиков устраивал и тот объем прав, который, пока на словах, Грузия делегировала Абхазии. Так, в той же статье разъяснялось, что «Абхазия входит в состав грузинского государства, но в решении своих внутренних дел она вполне самостоятельна, если за то Национальное Собрание Грузии проголосует». И еще раз рефреном утверждалось, что Абхазии делегированы права на внутреннюю самостоятельность (на правах автономии), но также и то, что «Грузинская Демократическая Республика и Абхазия должны составлять единое государственное образование – вот наша цель».

Так декларировали свою программу по ситуации члены Абхазской организации меньшевиков Грузии на своем собрании. И голоса несогласных там не было слышно, как и не было какого-либо редакционного комментария в газете «Апсны» по этому поводу. Наверное, всем нравились, также и природным абхазцам – членам этой партии – такие гуманные цели, как, скажем, «объединенная деятельность абхазской и грузинской демократий на пути к социализму, – куда мы и стремимся», что отмечалось в принятом документе.

Разве не привлекателен был и тезис меньшевиков о предстоящем переделе земли, имущества и прочих преобразованиях «старо-

го» мира для тех же «наивных» абхазских демократов, заседавших вместе с грузинскими меньшевиками? Предлагалось по земельному вопросу поделить между бедняками земли помещиков, представителей прежней власти, монастырей и церкви, обезличить высшее сословие, наделить земства широкими правами (строительство дорог, открытие новых школ, создание объектов культуры), помощь крестьянам в налаживании хозяйств и т. д.

Как говорится, красиво было на бумаге, но не на деле. Однако ж даже видные представители абхазской интеллигенции долго верили в столь завлекающие демократические постулаты тифлисских политиков и их посланцев в Абхазии. Свидетельством тому и некоторые передовые статьи, как правило, выходившие без авторства, что позволяло предполагать о первоначальной предрасположенности редколлегии газеты к программе и идейным воззрениям грузинской социал-демократии. Идеология и практика российских большевиков в то же время рассматривалась, как уже отмечалось выше, в критическом аспекте, именно так, как это воспринималось тифлиским руководством. Например, в одной из передовиц утверждалось, что «произвол большевиков фактически отменил свободу и права народов, также унизив солдатами пролетарский союз». А по поводу грузинской интервенции в Абхазии сообщалось: «Войска демократической Грузии пришли по приглашению абхазского народа для того, чтобы сразиться с теми, кто насаждал насилие и произвол, и, выдворив их, успокоили Абхазию»¹.

Подобная тенденция, на наш взгляд, имела и такую подоплеку: некоторые солидные абхазские интеллигенты и политики демократической формации не привечали российского социал-демократизма в лице РСДРП (б) и, естественно, абхазских большевиков, которые пользовались значительным влиянием среди населения Абхазии. Так, в г. Сухуме, Гудаутском и Самурзаканском участках лидеры абхазских большевиков, что подтвердили революционные события 1918 года, Ефрем Эшба – в среде рабочих города, а Нестор Лакоба и Павел Дзигуа в районах – обладали авторитетом среди определенной части крестьянства и его военизированной прослойки.

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Составитель, автор предисловия и примечаний В. Ш. Авидзба. Сухум 2006. С. 18.

И все же отметим, что Д. Гулиа и С. Чанба позже стали осознавать сложившуюся ситуацию, и небеспочвенно опасались, что набирающий силу грузинский шовинизм, в итоге определится в качестве основной идеологии в отношениях с неподпечной Абхазией. Думается, посему Чанба постепенно переходит на платформу большевизма, не видя иной силы для реального самоопределения народа и освобождения родины от грузинской колониальной зависимости. Гулиа полагал, наверное, что просвещение и образование, коим необходимо в течение ближайшего времени в массовом порядке охватить активное население, также позволит ускорить процессы самоопределения народа и страны. Несмотря на тактические различия по отношению к большевизму, они были едины в одном: в том, что перспектива долгого нахождения в составе Грузии будет губительным фактором, способствующим растворению абхазского народа и его страны в лоне грузинского государства.

В то же время, полагаем, что, в отличие от С. Чанба, также и в дальнейшем Д. Гулиа скептически относился и к перспективе советизации Абхазии. В этом плане В. Ш. Авидзба приводит такой убедительный аргумент, как определение «переворот» в отношении установления советской власти в Абхазии, использованный Д. Гулиа на четвертом году правления большевиков. Это было после выхода в свет его «Истории Абхазии», и в ту пору он в своих работах писал: «С 27 февраля 1919 г. стала выходить беспартийная газета на абхазском языке под названием «Апсны» («Абхазия») в городе Сухуме под редакцией коллегии, куда входил и я, а затем исключительно под моей редакцией. Выход газеты продолжался до 12 февраля 1921 года (вышло всего 85 номеров). В виду переворота газета временно была закрыта и снова стала выходить с 20 апреля того же 1921 г. (вышло всего 20 номеров). После этого газета выходила с перерывами то под редакцией студента Т. Хашба, то под редакцией учителя Н. Таркила».

Как же так случилось, зададимся вопросом, что после выхода 20 номеров газеты уже в советское время, вместо опытейшего редактора и виднейшего абхазского интеллигента, при новой власти национальное печатное издание возглавлял, пусть даже и одаренный талантами, но все же пока еще студент? Выходит, не столкнулись меж собой Д. Гулиа и власти, исповедовавшие разные политиче-

ские воззрения. Свидетельством тому и его «письмо народному комиссару образования С. Чанба, отправленное адресату в августе 1922 года, где он ставит вопрос о выпуске на абхазском языке непартийной газеты или журнала...».

Постановка вопроса, заметим, вполне резонная. Эти факты говорят сами за себя. Откровенно говоря, Д. Гулиа давно, «еще до советской власти, не был ни ревностным сторонником, ни пропагандистом, никогда не связывал своих надежд с коммунистическими идеями», – отмечал и исследователь С. Зухба¹.

Интересны суждения и выводы члена-корреспондента АНА В. А. Бигуаа о социально-политических процессах и их движущих силах, имевших место в 1917 – 1921 гг. в Абхазии. Ученый подчеркивал, что происходившие в то время события имели под собой не революционную борьбу, а реальное освободительное движение против меньшевистских захватчиков. Он, в частности, отмечал: «Официальная историческая концепция была весьма далека от истины. В связи с этим возникала масса вопросов: происходила ли тогда в Абхазии, как и в России, классовая борьба? О чем думали абхазы, опаленные махаджирством, а затем оказавшиеся под грузинской оккупацией? Ответить на эти вопросы было не так просто».

В этой связи В. Бигуаа ссылается на статью «Уже хватит» в газете «Апсны» современника той эпохи М. А. Лакербай, который по поводу ситуации, сложившейся после 1917 года, вопрошал (иной раз с иронией) таким образом: «Во всем виноваты грузины? А может Деникин? Или Ленин? А может Эшба и Лакоба? Или же наши абхазы, восседающие в Народном Собрании? Это до сих пор остается непонятным для нас, хотя говорим и пишем о том уже не раз...».

Далее исследователь, анализируя время и ситуацию того периода, высказывает мнение, что «в мае 1918 г. грузинская армия захватила Абхазию. И некоторые абхазы пошли на сотрудничество с грузинским руководством, другие стали проводниками революционного движения. Народ же, не понимая в корне содержание ни революционных, ни большевистских идей, всецело поддерживал тех, кто боролся за освобождения Абхазии от грузинских захват-

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Составитель, автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 8.

чиков и возрождение абхазской государственности. В то время существовали различные политические структуры, состоявшие из представителей высшего сословия и крестьянства. Целью национально-освободительной борьбы не являлось низвержение «эксплуататорских классов», таковой задачей было изгнание из страны грузинских захватчиков; и эту борьбу возглавили революционеры. Однако для революции в Абхазии не было социальной базы»¹.

На фоне отмеченных выше исторических свидетельств и комментариев современных исследователей вряд ли можно воспринять достоверными утверждения советской историографии о том, что большевики и представители демократической интеллигенции чуть ли не сообща учредили газету «Апсны». Это идея, скорее всего, дань конъюнктуре, причем в упрощенном варианте, прикрывавшей нежелание приоткрыть завесу реалий того периода. На самом деле абхазская интеллигенция, безусловно, страстно желала иметь трибуну, где можно было бы на родном языке высказать наиболее болезненное. Однако без разрешения грузинских властей сей проект был нереальным. И власти пошли навстречу, ясное дело, имея целью подвязать к своей программе политического, культурного, духовного освоения абхазской страны самих ее представителей.

Исследователь В. Ш. Авидзба полагал, что, несмотря на различие мнений по этому поводу, ближе к истине мнение Г. А. Дзидзария, который отмечал: «Меньшевики, соглашаясь на издание абхазской газеты, разумеется, преследовали определенную цель. Они готовы были даже объявить ее своим органом. Это им было нужно для лицемерного «доказательства» «правильного» разрешения национального вопроса в Абхазии»².

Свидетельством тому слова приветствия в связи с выходом первого номера газеты «Апсны», высказанные на ее страницах политическим представителем грузинского правительства И. Рамишвили. «Для меня великое счастье, – отмечал Рамишвили, – что, наряду с большими усилиями лучшей части абхазской интеллигенции в деле

¹ В. А. Бигуаа. Абхазоведение. Труды АБИГИ. Выпуск IV. Сухум – 2013. С. 313 – 314.

² Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Составитель, автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. (На абхазском языке). // Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии (1910 – 1921 гг.) – Тб. – 1963. – С. 272.

создания газеты, есть в том и доля моего участия и помощи. Многие не верили в это, но я не терял надежды, не падал духом, понимая, что народу без собственной газеты двигаться вперед невозможно»¹.

Высказанные выше предположения и выводы в определенной мере подтверждаются и публицистическим наследием Гулиа и Чанба. В них теплилась, у кого больше, а у кого менее, вера в то, что можно будет отстоять свободу народа парламентским путем. Даже в пору третьего АНС, переименованного в Народный Совет Абхазии, что по логике было верно, поскольку абхазского свободолюбивого духа в нем было в обрез, все же думалось: а вдруг сможем, даже малыми силами, отстоять интересы народа и страны.

Д. И. Гулиа, судя по его публицистике, большую надежду в этом плане возлагал, как уже отмечалось выше, на разрешение проблем в области образования и просвещения населения, особенно крестьянства. В этом, как нам кажется, он видел основное условие политического и экономического становления абхазского народа, и, как следствие, возможность построения самодостаточного общества и самоуправляющегося государства. И потому считал, что на пути к этой цели Абхазия могла бы довольствоваться автономией в составе грузинского государства. Так же представляла себе ситуацию значительная часть абхазской элиты, за исключением абхазских большевиков, входивших организационно в РСДРП (б), враждебной к грузинским меньшевикам, и небольшой группы интеллигентов «горской» ориентации. Кстати, лидеры обоих политических направлений не сотрудничали с газетой «Апсны», считая ее проводником идеологии меньшевиков.

В то же время следует однозначно отметить, что газета «Апсны» явилась важнейшей вехой в дальнейшем становлении абхазской публицистики и отправной точкой зарождения национальной периодической печати и журналистики. Первая абхазская газета являлась, не по назначению, а по содержанию, и просветительской, и образовательной, и политической, и общественной. И огромная заслуга ее издателя и редактора в том, что печатное издание, независимо от предпочтений Д. И. Гулиа, была открытой трибуной для изложения различных политических и иных мнений различных

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Составитель, автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. С. 24. (На абхазском языке).

общественных групп и партийных воззрений. О таком плюрализме не могло быть и речи на протяжении последующих семидесяти лет советской власти. В том, наверное, и истоки конфликта Д. Гулиа, случившегося после установления советской власти в Абхазии. Вряд ли Дмитрий Иосифович приветствовал бы доминирование одной господствующей идеологии и практики в условиях советского общества. Но в последующем ему пришлось все же приноровиться к правилам такого бытия.

А вот в том, что ныне каждый читатель при желании может ознакомиться с материалами уже давно вошедшей в историю газеты, заслуга тех энтузиастов и ученых, которые смогли собрать в единое целое очень редкие, ставшие уникальными, номера издания. Составителем, автором предисловия и примечаний сборника, изданного в 2006 году, является известный абхазский филолог и литературовед В. Ш. Авидзба. Отмечая многотрудный процесс работы над изданием, В. Авидзба в предисловии сборника с благодарностью вспоминает помощь и поддержку коллег – М. Хашба, Р. Капба, М. Чедиа, И. Хашба, Н. Джичоевой, ушедших из жизни Х. Бгажба и С. Зухба.

...Нет сомнения в том, что основные тяготы по подготовке и изданию газеты «Апсны» легли с самого начала, с 27 февраля 1919 года, на плечи опытного литератора и ученого Дмитрия Иосифовича Гулиа. Наверное, не было такого участка работы, где не наблюдались трудности, и, на первый взгляд, неразрешимые задачи. Это – и кадры, и технология, абхазский шрифт, бумага, финансы и еще много чего в придачу. Но Д. Гулиа не только справлялся со всеми перечисленными проблемами, он также считал своим долгом больше всех остальных печататься на страницах газеты. И это ему удавалось с лихвой. И потому, как он и мыслил, его пример становился другим наукой, тем, как надо отдаваться деятельности на благо своего народа и родины. Предметом его внимания становились десятки актуальных тем, наблюдавшихся в обществе того времени. Но главное направление его редакторской и публицистической деятельности – это пропаганда архи-важности образования и просвещения в среде общества и народа, особенно приобщение к сему подрастающего поколения.

«Не может считать себя полноценным и развитым народ, – писал Д. Гулиа в первом же номере «Апсны» (27. 02. 1919 г.), – если он не

обладает печатью и письмом, в таком разе он бессилен и маломощен, и у него нет перспективы для дальнейшего роста и становления. Даже существуя сегодня, завтра его ожидает безусловная перспектива мирной или же насильственной ассимиляции в среде более продвинутых и цивилизованных народов. Затем, позабыв свой язык и добрые традиции, воспримет язык и обычаи чуждого народа... Потому абхазы, чтобы идти в ногу со временем, и не потерять свою идентичность, стремитесь всеми силами к знаниям», – так, не мешкая, призывным словом публициста обратился к своему народу Гулиа. Это было началом реализации программы по освещению и внедрению комплекса проблем, направленных на развитие культуры, просвещения и образования, от чего в последующем, по его мысли, будет зависеть жизнеспособность и самодостаточность, как абхазского общества, так и его будущей государственности.

Уже во втором номере «Апсны» (17. 03. 1919.) Дмитрий Иосифович в надежде на положительную деятельность нового НСА, писал: «18 числа этого месяца Абхазский Совет начинает свою работу. Очень надеемся на то, что Совет, в первую очередь, обратит внимание на необходимость кардинального улучшения деятельности школ. Это первое. Второе – обеспечение абхазских сел врачами и фельдшерскими пунктами, третье – ремонт дорог». Так, четко и лаконично, со знанием дела, выделил Гулиа основные нужды и потребности абхазского селянина, главной фигуры абхазского общества. Не довольствуясь языком публицистики, он также и в образной форме, подверстанными под материалом стихами, отразил в адрес парламента те же самые пожелания.

О том, что Д. Гулиа считал просвещение народа первостепенной задачей, подтверждает и Г. А. Дзидзария. Он подчеркивал, что «по этому вопросу (школьного дела. – **В. Ч.**) очень часто выступал Д. И. Гулиа. Особенно замечательной была его обширная статья, посвященная истории Сухумской горской школы. Характеризуя состояние школ Абхазии, Гулиа часто опирался на материалы неоднократных проверок Ф. Х. Эшба, который в эти годы являлся инспектором абхазских школ». Исследователь также отмечал, что «Д. И. Гулиа писал об отдельных абхазских интеллигентах – С. Я. Чанба, М. Л. Чачба (Шервашидзе), Ф. Х. Эшба, С. П. Басариа и других. Особый интерес вызывают его сведения о профессоре Мустафе Бутба, из турецких

абхазов (его отец Шахан был из Цебельды), который вел большую просветительскую деятельность среди родного народа, и, в частности, создал для него азбуку, вышедшую в Стамбуле в 1919 году...»¹.

В публицистической деятельности Д. Гулиа малоизвестным штрихом для читательской аудитории являются его полемические способности, посредством которых он отстаивал собственное мнение и свое понимание тех реалий, которые сложились на тот период времени. Это особенно отчетливо просматривается в его ответе на выступление в газете «Апсны» молодого Михаила Лакербай (Аилакырба), будущего замечательного абхазского писателя – новеллиста. В публикации под эмоциональным заголовком «Уже хватит» (24. 07. 1919.) Лакербай подверг резкой и нелицеприятной критике абхазских депутатов Народного Совета за отсутствие единства и сплоченности в их рядах, что, естественно, облегчало грузинскому большинству проводить поставленную Тифлисом политическую линию. Образный язык, острота и сарказм автора изложения, не могли, конечно, оставить равнодушными тех, о ком повествовалось в публикации. А как иначе, если откровенно отмечалось слабосилие абхазской депутации, состоявшей из разных партий, от которых, в силу их противоположных, а, порой, и враждебных воззрений, ждать единства было нельзя.

«Быть ли в таком разе сплочению и единству? – вопрошал автор. И отвечал так: – откуда быть депутатскому сплочению, коли одни, словно Волга их из России занесла, уселись в кресла большевиками, другие, что трудно понять, будто слились воедино Бзыбь с грузинской Курой, меньшевиками пристроились к грузинам. Есть и те, кто к Деникину подались... А один, который с маузером, тот и вовсе, где-то по дороге выскользнув из зарослей папоротника, с Гвардией (которая из Тифлиса. – **В. Ч.**) пришел, теперь вот восседает, часто посматривая на свой маузер, вдалеке (от абхазов – **В. Ч.**) с теми же грузинами».

Пародия сия, изложенная столь эмоционально от отчаяния, не могла остаться безответной. Первым отреагировал в газете Д. Алания в заметках под заголовком «Некоторые абхазские интеллиген-

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование абхазской дореволюционной интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 316 – 317.

ты» («Апсны», 07.07. 1920 г., №28), представлявший в Совете фракцию «независимцев», и бывший к тому времени большевиком, негласно, разумеется. Упрекнув Аилакырба в распространении упадничества и чрезмерном пессимизме, которого, дескать, и без него хватало в обществе, Алания, не распространяясь долго, заключил: «Пусть будет по Аилакырба, что «мы бездельники, и хватит-де нас обманывать». Хотя, не щадя своих сил, мы делали что могли. Пусть будет по - нему, но тогда пусть укажет он – по какому нам пути идти. Этого и он не знает. Хотя краснобайства ему не занимать. Думается, лучше всем вместе полезное дело вершить, даже маленькое, но чтобы оно шло на пользу нашего народа...».

Однако в абхазском обществе замечали, что в Народном Совете для абхазов практически ничего не делалось. И сам Д. Алания еще раньше, чем М. Лакербай, подтвердил это, выступив на заседании Народного Совета (20 мая 1920 года). Он тогда прямо и нелицеприятно говорил: «Никакой автономии нет – мы это прекрасно знаем... Пусть хватит у нас смелости заявить, что нет автономии, нет Совета и т. д. Хуже всего самообман». Из той же фракции «независимцев» М. Цагурия утверждал то же самое: «Совет изжил себя, оказался нежизнеспособным органом... Разве мы не говорили, что Совет нужен был центру как фиговый лист, чтобы показать, что существует автономия»¹.

Все же здесь следует отметить различие взглядов по ситуации между независимым депутатом Д. Алания и молодым публицистом М. Лакербай. В то время Д. Алания, как Д. Гулиа и некоторые другие представители демократической интеллигенции, скорее всего, исходя из политического момента, поддерживал идею абхазской автономии в составе меньшевистской Грузии. Подтверждением тому его речь на совещании абхазской интеллигенции в Сухуме в марте 1920 года, опубликованная в газете «Апсны» (23. 03. 1920 г.). В ней он, посвятив много места деятельности абхазской части депутации Народного Собрания, в частности, отмечал следующее: «Наша абхазская беда – отсутствие единства на выборах привела к тому, что вместо ожидаемых 25 депутатов (тех, кто защищал бы интере-

¹ Г. А. Дзидзария. Формирование абхазской дореволюционной интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 330.

сы Абхазии. – **В. Ч.**) в Совете, мы получили всего семерых (четырех независимцев – Чанба, Алания, Цагурия, Маргания и солидарных с ними – Какуба, Мартина, Демьянова. – **В. Ч.**). Отсюда и наше бессилие в Совете. Наши оппоненты, которые упорно продвигают Абхазию в состав Грузии, находятся в явном большинстве (среди них и абхазские меньшевики. – **В. Ч.**). И до сего дня мы ведем борьбу с ними. У нас с ними разное видение проблемы Абхазии, о том свидетельствуют, если вы ознакомитесь, и наши конституции. Мы предполагаем следующее: исходя из нынешнего положения, считаем, что Абхазия должна входить в состав Грузии, но богатства Абхазии, недра, земля, земства, вопросы образования др. должны быть в распоряжении самой Абхазии, это, если говорить коротко – есть автономия Абхазии. Наши оппоненты также за автономию, но автономий бывают разные: есть автономия с широкими правами, как и бесправная. Те хотят бесправную (областную автономию); мы же хотим реальную автономию (как в Канаде, такую, которой обладала Финляндия в составе России).

Недовольный подобной политикой абхазских представителей в НСА, молодой, настырный и вместе с тем активный публицист газеты «Апсны» М. Лакербай в статье под заголовком «Удивительно» (14. 08. 1920 г. №29) вновь обсуждает деятельность абхазской депутатской фракции. Вместе с тем это также продолжение полемики Лакербай с Д. Алания по поводу его статьи «Некоторые абхазские интеллигенты», опубликованной в «Апсны» (№28. 7. 08.1920 г.).

Надо отдать должное М. Лакербай: речь его логична, аргументы убедительны, слова остро отточены – сразу становится заметно, что автор сполна наделен божьей искрой полемики. Начинает он, словно берет быка за рога: «Сильно удивлен Алания тем, что «некоторые абхазские интеллигенты», недовольные текущими процессами в Абхазии, обсуждают сие удрученно и в духе упадничества. По Алания выходит, что нынешнее состояние Абхазии, реальное положение абхазов, и тот путь, по которому они следуют с позапрошлого года (разве лишь «некоторые абхазские интеллигенты» видят в том большую опасность) вполне нормальное и даже отрадное. Пусть поверит он, если не обманывается, словно маленькая Цира, что ныне Абхазии тяжело, даже напрягшись, подняться. Правда и то, что свободу обрели пришлые люди; назвали все это «пролета-

риатом», отменив, тем самым наши абхазские ценности. Теперь же от имени абхазской демократии в Тифлисе говорят: «Абхазский народ в вашем распоряжении. Приказывайте, ваше слово – для нас закон». Так в чем демократия того, кто так говорит? И когда народ в неведении о том, что твердят от его имени. А, быть может, Алания забыл, как избирались в Совет те самые депутаты – абхазы? Большинство абхазов не голосовало. Что и говорить – разве избранные в Совет абхазы объединились? Пусть и удивляется Алания моему утверждению, но ведь депутаты действительно были разбросаны в Совете так, словно детали старого Дедова пистолета: без лидера, один – правый, другой – левый, так и не случилось у них единства и по сей день».

Безусловно, Дмитрий Алания, являясь таким же абхазским патриотом, как и Михаил Лакербай, не мог нести ответственность за всю ситуацию в оккупированной Абхазии, но он представлял абхазскую фракцию в меньшевистском Народном Совете. Однако ж, поскольку он вступил в полемику с Лакербай, полемические стрелы последнего обращены были против него.

Впрочем, для критического осмысления ситуации и перечисления фактов, иллюстрировавших бесправное положение страны, особых усилий прилагать не приходилось. Все это было на виду. О том и сообщал горячо, с болью в сердце молодой публицист: «Если в Абхазии все так хорошо, то где же наши учебные заведения, в которых нас ранее обучали бесплатно? Где Горская школа? Другие школы продолжают функционировать, тогда, как абхазские закрыты. Где же свобода абхазского народа? Алания не верится, но пусть он обратит свой взор на карту Абхазии и поразмыслит: сколько нас – абхазов осталось, и сколько представителей других народов. Хотя для большевика Алания все народы едины, ведь он старается ради пролетариата, но те, называемые им «некоторые из интеллигенции», говоря по правде, и есть абхазский народ. Абхазия нам дорога и необходима для сохранения интересов абхазского народа. Вот это и есть, что мы, «некоторые», считаем свободой, и, к тому же, не хотим ради интересов пролетариата терять свою идентичность – апсуара».

В заключение полемики Лакербай, помня упреки оппонентов в свой адрес по поводу отсутствия у него конструктивных предло-

жений, не преминул выдвинуть таковые на этот раз. Теперь же он предлагал: «Скоро будут выборы в новый Совет. Давайте будем исправляться, выбирать полезных и достойных людей. Вначале создадим Союз интеллигенции, там и объединимся, образуем абхазскую партию, и, как говорят русские, определим и обдумаем единую «тактику и стратегию», тогда и изберем нужных нам людей в необходимом количестве. Так будет лучше»

«Какую дорогу укажет нам Аилакырба», – спрашивает Алания – вначале объединимся, пойдем одной дорогой, тогда и увидишь! Хочет также знать Алания – какой партии я принадлежу. Когда Чхенкели (меньшевик. – **В. Ч.**) спросил: «Какой же Вы, наконец, партии?», ответом Асланбека Шерипова ему было: «Я горец. И это вся моя политическая партия».

«Какой я партии», – спросил Алания? «Я – все же абхазец».

Выше отмеченная полемика представителей политической и интеллектуальной элиты свидетельствует о широком разбросе мнений в среде абхазского общества, отсутствии в нем единства и согласия, столь необходимого во время меньшевистского засилья в стране. Это также показатель того, что в кругах интеллигенции зрело недовольство деятельностью абхазской частью членов НСА, а также программой абхазских депутатов по автономизации страны, что, судя по всему, воспринималась в абхазском обществе неоднозначно. Среди тех, кто был недоволен проведением подобной политики, был и М. Лакербай. К тому же свое недовольство Михаил Александрович озвучивал публично, в печати, причем, эмоционально, аргументировано и в то же время весьма образно и привлекательно. Ясно, что его критические стрелы не могли оставить равнодушными тех, кого он затрагивал, более опытных и повидавших жизнь абхазских общественных и политических деятелей. На каждое его критическое выступление, как правило, следовала реакция. Как и отмеченное выше выступление в «Апсны» Дмитрия Ивановича Алания.

Однако, как полагаем, ответ Алания в газете представлялся Дмитрию Иосифовичу не исчерпывающим, и поскольку статьи Аилакырба на политическую ситуацию имели весомый в обществе резонанс, сам решил откликнуться публикацией под заголовком «По поводу статьи «Уже хватит» (13. 11. 1920 г. №39).

Беспартийного депутата АНС Д. Гулиа, заметим, прямо эта критика вряд ли касалась. И прежде чем вступить в полемику, он посчитал нужным пояснить свое участие в ней тем, что в абхазском обществе стали раздаваться голоса: «Мол, есть у нас (абхазов – **В. Ч.**) два – три политика, и те грызутся меж собой». И убедительно разъяснил, что полемика в газете не означает непременно грызню и вражду в жизни. Свидетельством чему, дескать, и дружеские прогулки вдвоем по Сухумской набережной заядлых полемистов Аилакырба и Алания.

В то же время, первым делом, в своей статье Д. Гулиа проводит мысль, что «публикация Аилакырба достойна внимания, поскольку положительное решение проблем, отмеченных в ней, по мнению автора, принесло бы пользу Абхазии. И выражает он недовольство тем, что малое число абхазских депутатов, к тому же, разделяются по партиям. И по сему желает видеть всех абхазов в одной партии, объединенных словом и делом; между прочим, это дело хорошее, и вот что я отмечу по этому поводу: 1. В Совете по восьмому номеру прошло (абхазов – **В. Ч.**) семь человек. В комиссиях требуются от каждой партии по одному человеку. Пришлось семерым разделиться на три партии, чтобы иметь право быть представленными в комиссиях. Отсюда и партии... 2. В случае, если бы абхазы, в знак протеста вышли из состава Совета или Комиссариата, тогда бы Абхазия оказалась совершенно беспомощной, наподобие Зугдиди, в лоне Грузии. В этом же Совете своя Конституция, здесь же идет борьба за автономию...

... Даже если Абхазия не добьется ничего, – продолжал Гулиа, – зато в мире будут знать, за что боролись абхазы, чего добивались, если сегодня не свершилось, зато есть наметки на будущее... 3. Я тоже желаю, как и Аилакырба, того, чтобы все абхазы объединились в одной партии, чтобы едины были их дела и помыслы, разве бывает что-то лучше этого! Я из тех, кто хочет того, но вряд ли такое может состояться. Оставим народы, даже в среде учителей мы не смогли этого добиться, даже при единой цели, не пришли к объединению партийному. И в каком государстве, вместо партий, существует лишь одна партия? Нигде! Тогда как нам абхазцам добиться того, чего нет в мире, если мы не в состоянии перенять даже то, что существует?! Да такое не под силу любому народу, и потому, что у высшего сословия и крестьянства разные цели. Так же обстоит дело

продающего товар и покупающего его. Совершенно разные интересы у господ и тех, кто их обслуживает. Неодинаковое мышление у грамотных и тех, кто лишен того, то же самое у учителя и ученика. Различные интересы и мысли у попа и его «прихода», разные пути христиан и мусульман, у попа и муллы. У стариков и молодых разное отношение к жизни...»

И далее Д. Гулиа продолжал убеждать, что «в народе любом все это в наличии. Каким же образом, при всем этом, добиваться того, чтобы едино мыслить, работать едино, быть в партии единой, возможное ли это дело? Нет, разумеется. Партии должны быть разные, но они обязаны состояться как абхазские партии, деятельность которых направлена на благо Абхазии, а победившая партия, за которой последовал народ, и возьмет власть в свои руки. Как это сделали меньшевики, победившие таким образом и пришедшие к власти в Грузии».

Завершая полемику, Д. Гулиа тактично заключил: «Вряд ли Аилакырба продолжил бы настаивать на своем, если некоторые мои доводы были сказаны раньше, к примеру, в статье Аланиа. Я же не согласен с Аилакырба лишь по трем пунктам, что же касается остального в его публикации, считаю, что в ней много полезного и разумного, с чем, полагаю, согласится, и с удовлетворением, читатель».

Однако вопреки мнению Дмитрия Иосифовича полемика была продолжена по инициативе Михаила Лакербай, явно не удовлетворенного ответами его старших коллег – публицистов. К тому же в газете «Апсны» он был одним из активных авторов. Его перу принадлежит солидное число материалов (10) на различные темы, в том числе и проблемные публикации, касающиеся таких жизненно важных вопросов, как судьба абхазского народа и его страны в период меньшевистской оккупации. Подписывался он под материалами как Аилакырба, Еилакырба, Миша Апсуа.

Следует отметить, что М. А. Лакербай (1901 – 1965) в ту пору исполнилось всего-то 19 лет. Начальное образование получил в родном селе Мархаул Сухумского округа. Затем учился в Сухумской горской школе, также завершил образование в Сухумском реальном училище в 1920 году. О его публицистической деятельности в период меньшевистской оккупации Абхазии исследователь В. А. Бигуаа писал: «В 1919 г. в газете «Апсны» (№ 4) он опубликовал ста-

тью «Мы должны объединить наши умственные и физические возможности», в которой призывал абхазов к единению, подчеркивая, что раскол ослабит и без того малочисленный абхазский народ. Соседи придут и будут примирять нас. И тогда говорить о нашей свободе будет бесполезно». Во второй статье, «Кратко о причинах русской революции» («Апсны». 1919, №№ 6, 7.), Лакербай лаконично описывает историю взаимоотношений крестьян и рабочих и представителей высшего сословия в России. Тяжелое положение трудящихся вынудило их бороться за свои права, и эта борьба привела к революции и гражданской войне. В основе концепции Лакербай – теория классовой борьбы»¹.

Характеризуя полемику М. Лакербай с опытным мастером слова Д. Гулиа, литературовед Р. Капба подчеркивал, что молодой публицист прекрасно понимал значение весомого слова Дмитрия Иосифовича для всей Абхазии. И несмотря на то что авторитет Д. Гулиа был непререкаемым для Лакербай, он тем не менее в полемике с ним не обходит стороной острые вопросы, откровенно сообщает о том, с чем не согласен. Это говорит о внутренней силе и открытости натуры М. Лакербай.

Добавим к отмеченному, что в то время, когда отчизна была в опасности, М. Лакербай больше всего заботили проблемы свободы и независимости родины, способы и пути ее освобождения от грузинских оккупантов, нежели «правила хорошего тона», т. н. «пхашароуп». Так, в письме к Д. И. Гулиа, опубликованном в «Апсны» (30. 11. 1919 г. №41), и фактически продолжая полемику с ним по вопросу деятельности абхазских депутатов в Народном Совете, он писал: «Говоря об абхазских депутатах, я имел в виду, что у них нет ни собственной тактики, ни дисциплины. Наверно, есть необходимость и в том, чтобы кто-то был лидером для того, чтобы предварительно, до заседания Совета, обговорить ситуацию. Потому и получается по поговорке: один – в горы, другой – к морю, вот и не могут сосредоточиться на главном. Пока наши соберутся с мыслями, сорганизуются, другие делают свои «дела», проводят свои «законопроекты».

Далее Лакербай продолжал, обращаясь к одному из тезисов Гулиа: «Даже если Абхазия ничего не добьется (видимо, имеется в

¹ Абхазский биографический словарь. Под редакцией В. Ш. Авидзба. Москва – Сухум – Москва. С. 458 - 459.

виду автономия. – **В. Ч.**), зато в мире будут знать, о чем помышляли и к чему стремились абхазцы, если даже нынче ничего не получится, то на будущее проторена дорога», – пишешь ты. Нынешний мир и государства в огне войны, им бы самим разобраться с собственными проблемами и между собой. С другой стороны, эти государи и правители не то, что не догадываются, что у нас в душе, скорее, они и в помине о нас не слыхивали. Какой правитель о нас слышан?.. Деникин разве... или Коцев? Но и их уж нет. Таковых, слышанных о нас, ныне больше нет. За исключением, разве, грузин, достойно оценивших нас: попросим их хорошенько, и откликнутся они, тепленьких мест подкинут. Говорится же: имел свинью – а требуху выпрашивал. И чего только не заставляют выпрашивать: конституцию, то да се... Мы же верим, подпеваем им, делаем с ними дела...

... Ты пишешь, что «на будущее дорога выбрана». Нет, Дмитрий, я уверяю, никакой дороги пока не определено. Нам предстоит ее избрать. Ты человек мудрый, подумаешь – согласишься...

«Где такое государство, в котором нет других партий, кроме одной», – утверждаешь, Дмитрий, и правильно, если иметь в виду, что народ не в кабале, свободен и обладает собственной государственностью. Там не может быть единомыслия. А мы абхазы здесь причем? Речь ведь о независимых государствах, а мы же боремся за выживание...

Верно и то, что «в Грузии не одна, а много партий». Но ведь между нами и Грузией – разница большая. Когда Грузия была бесправной, как и абхазцы сегодня, связанной в путах, зависимой от российского государства (вспомни, ты старше меня возрастом, много повидал), грузины были едины: меньшевики, федералисты, национал-демократы, эсеры, объединившись, боролись за выживание и самоопределение. В том были едины все слои грузинского общества. И те, о которых ты ведешь речь – «крестьяне и дворяне» – были подневольными, крестьянин – тоже был за выживание, дворянин – также стремился к свободе. Все они были несвободными. Потом уже, когда все, едино взявшись, освободили родину, создали свое государство, только тогда стали обустройства личные и групповые интересы...

Уже завершаю. Полагаю, поймешь меня. Я желал и желаю, о чем и толкую – только единения. Безусловно, одной партии не бывает,

я и не говорю о несбыточном, всегда был далек от утопии. Веду же речь о единстве и союзе абхазской интеллигенции, чтобы выправить наши внутренние дела, взять в свои руки управление своей судьбой, после уж разделимся, по партиям разойдемся, и будем размышлять по отдельности. Надеюсь, это небольшое разъяснение позволит понять тебе смысл моей статьи «Уже хватит».

И здесь не завершилась полемика опытного, знающего «мир» Гулиа и молодого «максималиста» Лакербай. Свой ответ, опубликованный в том же номере газеты «Апсны», Дмитрий Иосифович заключал так: «Уже и Аилакырба не спорит с тем, что и у абхазцев не получится единства в мыслях, деяниях и словах. У него теперь новые предложения. Аилакырба за независимую Абхазию, в том я вижу смысл его слов, не удовлетворяется он автономией, на что направлена наша деятельность. На это я отвечу так: случилась революция и Россия рухнула как подрубленный старый дуб, и бывшие подвластные, ныне независимые государства: Грузия, Финляндия, Польша сами организовались и сделали независимыми государствами. Никто из них не состоялся вооруженным путем. И если бы мы, абхазы, в то время имели возможность создать независимое государство, то никого не спрашивали, сами сделали это, но мы не справились. Вот потому у нас такая запутанная ситуация с грузинами. Коли в таком положении добьемся даже самой захудалой автономии, и сможем с умом использовать это, мы встанем вровень с теми, кто обладает полноправной автономией. В том же случае, если мы будем обладать самой совершенной автономией, но не сможем добиться соответствия тому, то мы не дойдем даже до уровня самой убогой и бесправной автономии. В том я и заверяю Аилакырба».

Это полемика в некотором смысле опровергает расхожее представление о том, что, дескать, писатели и поэты, люди высокого полета, и потому политикой не увлекались. Оказывается, еще как занимались. Подтверждением тому обмен мнениями по поводу судьбы Абхазии на страницах первой абхазской газеты между основателем абхазской словесности Д. И. Гулиа и будущим известным абхазским писателем – новеллистом, М. А. Лакербай, другими видными представителями абхазской интеллектуальной элиты.

Активным политиком и публицистом был в ту пору и Самсон Яковлевич Чанба. Одним из свидетельств того является его блестя-

щее выступление в Народном Совете, которое затем было опубликовано в печати. С. Чанба в Народном Совете, который в то время был средоточием грузинской элиты, спокойно, без всякого смущения, утверждал следующее: «После Октябрьской революции, разочарованные грузинские социал-демократы, оставив Россию, вернулись на Кавказ, в Грузию. И они, всегда декларировавшие принцип равенства всех народов перед лицом демократии, вдруг втихую стали обустроивать свою Грузию. Пусть знают все, что с того самого момента лидеры грузинского народа сошли с правильного пути. Будучи в России они прозывались интернационалистами, а возвратившись в Грузию и озаботившись проблемами собственного государства, сошли с интернационального пути, стали склонны больше к «социал - патриотизму», т. е. к интересам только собственного народа. Теперь заняты расширением территории своего государства. В этом плане весьма подходяще лакомой для присоединения выглядит и наша маленькая Абхазия. Да вот думают – каким образом это сделать?..».

«... Нас коварно обманули, – продолжал речь Чанба. – Нам предложили самоопределение. И многим кажется, особенно извне, что мы самоопределяемся. На самом деле это самое самоопределение не в наших руках, оно перехвачено теми, кто теперь занимается нашим самоопределением, да только в собственных интересах. Отняли у нас и самоуправление, разогнав АНС, и заполнили его своими сторонниками. Для того, разумеется, чтобы реализовать свою извечную цель – присоединить Абхазию к Грузии»¹.

С. Чанба, как уже отмечалось, представлял самую радикальную часть абхазских оппозиционеров – «независимцев», в организованном меньшевистскими властями Народном Совете. Отсюда и столь суровая критика власти, впрочем, иной от него, Самсона Яковлевича, никто и не ждал. Не являясь членом РСДРП (б), он, судя по его публицистике, поддерживал большевистскую платформу. Так, в статье под заголовком «Не хотим большевиков!» («Апсны», 1919, № 26) Чанба просто и доходчиво, в то же время убедительно, доводил до сведения не очень-то и сведущего абхазского читателя

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Составитель, автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. С. 39. (На абхазском языке).

идеологию и практику большевизма. Он писал: «Повсюду, в буржуазных газетах, на улицах и собраниях, невозможно не услышать: «Не хотим большевиков». Ими запугивают (держат в качестве страшилки) детей, крестьян, рабочих, в целом весь народ. «Ненавидим большевиков», – говорит помещик. Отчего все же нелюбовь помещика к большевикам? Да, и он нелюбим большевиками оттого, что в рабстве у него простой люд. И вознамерились они, отобрав земли помещичьи, монастырские, купеческие, безвозмездно раздать крестьянам в общее пользование...».

«... «Не хотим большевиков!», – кричат фабрикант, заводчик, купец и прочие, им подобные. Есть отчего не любить им большевиков. Большевики намерены отобрать у них заводы, фабрики, шахты, банки и сделать все это государственной, то есть народной собственностью, работающей на благо простого народа. «Не хотим большевиков!», – орут высокопоставленные царские генералы, офицеры, потерявшие свои чины и посты. В том ведь виноваты большевики. О нелюбви к большевикам говорят и попы. Ведь и земли церковные и монастырские большевики готовы отвести на нужды крестьянские.

Есть и те, которые солидарные с трудящимися, но не любят большевиков. Кто они? «Меньшевики». Если у меньшевиков и большевиков одна цель, почему они не едины? И все-таки разные у них пути. Большевики твердят: власть трудящимся брать следует сейчас, и собственность у помещиков, капиталистов отобрать также тотчас. Иное дело меньшевики: нет, нельзя, говорят, время не пришло еще трогать буржуазию. Выходит, пусть пока жируют богатеи. Словом, не любят большевиков те, кто видит в их лице защитников трудящихся масс. Потому и кричат: «Не хотим большевиков».

Как депутат, хорошо знавший проблемы страны и народа, С. Чанба всегда поднимал вопросы, которые бы способствовали улучшению условий жизни простых людей: крестьян, учителей, учащихся, других, как правило, нуждавшихся в поддержке. Об одном из таких фактов поведал в своих воспоминаниях М. Хашба, бывший в ту пору студентом Сухумской учительской семинарии. «Этой ночью, – вспоминал Хашба, – обсуждался бюджет 1921 года. «Независимые» – С. Чанба, М. Цагурия, М. Тарнава (был среди них и Д. Алания. – **В.Ч.**) внесли свое предложение о повышении бюджета на народное образование, объяснив, что нынешнее руководство по образова-

нию предусматривает расходовать на это важнейшее дело очень небольшую сумму. В связи с этим дали слово С. Чанба. К нашему приходу он уже говорил: «В Абхазии много школ, здания которых вот-вот развалятся, нет дверей в классных помещениях, окна не застеклены, нет учебных пособий. Чтобы все это привести в порядок, народу нужна помощь от государства. Если учесть курс современных денег, то бюджет 1921 года, предусмотренный на нужды образования, не превышает ежегодного бюджета при царизме. Вот мы собрали в семинарию детей бедных крестьян, стараемся их учить. Но они разуты, раздеты, голодают, а родители не в силах им помочь. И они должны получить от государства помощь», – призывно обращаясь к депутатам Народного Собрания, твердо ставил вопрос Самсон Яковлевич.

И вот тогда из зала раздалось, отмечает далее М. Хашба: «Помощь, помощь от государства! Вы только и умеете говорить! А о том, как нужно воспитать молодежь полезную государству (грузинскому. – **В. Ч.**) – ни слова! И не хотите замечать, как многие ваши семинаристы путаются с большевиками! – зло выкрикнул кто-то. Я посмотрел и обмер: это был тот самый абхазец (реальный персонаж из стихотворения Д. Гулиа по имени «Назхара». – **В. Ч.**), с лихо закрученными усиками, неизменным тростиком в руках, такой же разодетый, изящный «лакированный». Он это сказал, привстав, подавшись вперед к трибуне. Садясь на место, выпучив глаза, посмотрел в сторону меньшевистского комиссара Лордкипанидзе, явно желая убедиться, понравилась ли ему его реплика. Безусловно, ему бы это понравилось»¹.

Доктор филологических наук В. А. Бигуаа, анализируя публикации С. Я. Чанба в газете «Апсны», отмечал следующее: «Начало его творческой деятельности связано с публицистикой. Первые его статьи и заметки печатались в русскоязычных газетах «Закавказская речь», «Сухумский листок», затем в «Сухумском вестнике». В них он писал о важности просвещения народа, развития культуры и роста его самосознания, рассказывал о положении абхазских крестьян, трудностях получения образования простыми людьми, о необходимости распространения сельскохозяйственных и промышлен-

ных знаний среди сельского населения. Творческие возможности С. Чанба особо проявились на страницах первой абхазской газеты «Апсны» (1919 – 1921 гг.), в создании которой он принимал активное участие, был членом редакции (редколлегии). Именно в этой газете впервые были опубликованы его статьи и художественные произведения на абхазском языке...»¹.

Исследователь также отметил тематику публицистики С. Чанба и его политические воззрения. «Основными темами статей были: политическое и экономическое положение Абхазии и абхазского народа в контексте политических процессов в мире, абхазо-грузинские взаимоотношения, возвращение абхазских махаджиров из Турции, состояние национальной культуры, сохранение родного языка и Апсуара (национальной этики), развитие школьного образования на родном языке, борьба с пороками общества (воровство, грабежи, злостная зависть и т. д.). Публицистика С. Я. Чанба свидетельствует об эволюции его взглядов, они были ближе к взглядам Аландии (тоже автора газеты «Апсны»), который разделял социалистическую идеологию большевиков, к тому же провозгласивших идею о праве наций на самоопределение. Вначале С. Я. Чанба, как и Д. И. Гулиа, возлагали некоторые надежды на Народный Совет Абхазии, но эти надежды не оправдались»².

О том, что С. Чанба испытывал сильное влияние большевистской революционной идеологии, свидетельствует его статья «Сухум, 17 марта» («Апсны», 1919, № 2). По словам В. А. Бигуаа, публицист С. Чанба, оценивая причины и последствия Первой мировой войны, отмечал, «что народы поняли истинное лицо политиков, правителей и богачей (буржуазии), которые в угоду личным интересам, столкнули народы, бросили их в кровавую бойню; воюющие крестьяне, рабочие из Турции, Германии, Австрии, России и др. – братья. Осознав всю гнусность войны, солдаты начали оставлять поле боя; когда революция охватила многие страны, война закончилась. Революции боятся Франция, Англия, Америка и др.».

«Однако, как говорил С. Чанба, после войны, еще большей трагедией стала внутренняя война (речь, видимо, идет о Гражданской

¹ Бигуаа В. А. Публикации С. Я. Чанба в первой абхазской газете «Апсны». Вестник АНА – 2015. № 5. С.69 – 70.

² Там же. С. 70.

¹ М. Л. Хашба. Наследие. В двух книгах. Книга вторая. Сухум – 2005. С. 159.

войне). Очевидно, что Чанба поддерживал идею большевиков, провозгласивших право нации на самоопределение, свободу, которое еще не получило своего воплощения в жизни. Автор надеялся, что будут решены и проблемы Абхазии, и эти надежды он связывал с выборами в новый Абхазский Народный Совет, которые должны были состояться 18 марта 1919 г.¹

Ученый, анализируя, в частности, статью «Единение» («Апсны», 1920. № 18 /56/), дал ей весьма высокую оценку, подчеркнув, что Самсон Яковлевич считал, «что только единство может спасти народ». И приводит отрывок из статьи С. Чанба, который отмечал: «К сожалению, наш народ разделен, в прошлом половина народа, не вынеся рабства, покинула родину... Другие чужаки заняли Гумистинский уезд и тем самым разделили нас здесь. Это нанесло народу большой вред, стало препятствием нашего единства. Слово бзыбцев не доходит до абжуйцев, слово абжуйцев – до бзыбцев, а слово абжуйцев и бзыбцев не доходит до самурзаканцев. Вот так мы разделены, общего языка не находим... Но в последнее время, как я вижу, мы стали ближе, начали понимать наших сыновей, которые выступают за нас... Когда арестовали Аланиа и Маан, бзыбцы выразили протест; они сказали, что арест депутатов от народа означает арест всего народа; свой протест они донесли до Совета. То же самое собирались сделать абжуйцы, но не успели. Протест бзыбцев оставшиеся в Совете ваши депутаты донесли до всех. Ваши действия воодушевили ваших сыновей, и они готовы более энергично отстаивать интересы народа. Они уже знают, что в трудной ситуации могут опереться на вас. Скажем правду: если мы, абхазы, объединимся, то, несмотря на нашу малочисленность, мы добьемся положительного решения многих наших проблем. Знайте – в единстве наша сила. А если народ не сможет объединиться, то он может исчезнуть».

Этого единства в абхазском обществе и элите как раз-то и не хватало. Судьба, к тому же, не расположенная к абхамам в ту трагическую пору, так и не выдала им признанного всем народом лидера, таковую личность, без которой не вершится и сама история. А

¹ Бигуаа В. А. Публикаций С. Я. Чанба в первой абхазской газете «Апсны». Вестник АНА – 2015. № 5. С. 70 – 71.

видные деятели из элиты, толковые и смелые, но равные по авторитету, сколько ни пытались, так и не смогли, собрав воедино силы, защитить страну от меньшевистского лихолетья. Это и тревожило, словно острая заноза, сердца патриотов, стремившихся правдивым словом публициста поддержать людей, дать им веру в то, что только единство и сплоченность приведут к заветной цели – к свободе и независимости.

Одним из таких патриотов был С. Я. Чанба – писатель, просветитель, яркий публицист, неустанно радевший об интересах своего народа и страны. В то тяжелое время, кроме общих слов поддержки, народу нужны были, особенно в среде абхазской интеллигенции, такие публикации, которые стали бы путеводными маяками, указывающими пути-дороги из грузинской неволи. И публицистика С. Чанба была именно такой: боевитой, патриотичной, и вместе с тем содержательной и путеводной.

Подчеркивая основополагающую роль газеты «Апсны» в деле становления абхазской публицистики, Г. Дзидзария называл имена тех, кто сотрудничал с первым национальным печатным изданием, освещая насущные проблемы регионов, местечек, сел и деревень страны. Такими активными корреспондентами были М. Булиа, И. (Г.) Аджинджал (Джон), О. Чачаа, М. Чалмаз, Б. Чолокуа, П. Шакрыл, М. Кучбериа, Н. Патейпа и другие, которые постоянно пребывая в среде простого населения, обладали реальной и злободневной информацией. Активно писали в газету молодые поэты Иуа Когониа, Шамиль Хокерба, Мушни Хашба, Дзадз Дарсалиа. Развитию их литературных и публицистических навыков способствовал и литературный кружок при учительской семинарии, которым руководили Д. И. Гулиа и С. Я. Чанба.

Все же вначале отметим общественную, просветительскую и публицистическую деятельность таких личностей, как священнослужители Маан Дырмит Тлапсович (1886 – 1948) и Патейпа Николай Батович (1877 – 1941). Эти видные абхазские интеллигенты-просвещенцы были, по сути, самыми настоящими подвижниками образования и просвещения своего родного народа.

Литературовед Р. Х. Капба, отмечая вехи жизни и деятельности уроженца с. Бедиа Самурзаканского участка Маан Д. Т., (АБС под редакцией В. Ш. Авидзба. С. 492.) подчеркивал, что Дырмит Тлапсович

служил священником в Гупской и Аацинской церквях, будучи вначале благочинным, а затем протоиереем, одновременно работал смотрителем церковных школ Кодорского участка. Участвовал в переписи населения 1897 г, за что награжден специальной медалью. Церковное начальство Сухумской епархии неоднократно предлагало Маан высокие должности, но он не соглашался. Уделял много внимания просвещению народа. 1892 г. состоял членом Комитета по переводу церковной литературы на абхазский язык. Там же говорится, что Д. Маан – автор многих статей, в которых поднимались актуальные проблемы просвещения и культуры, выступал против явлений, которые препятствовали развитию народа. Был автором книги, изданной в 1910 году в Тифлисе под заголовком «Бог помогает тому, кто себе помогает».

Николай Батович Патеипа был видным интеллигентом своего времени, личностью разносторонних интересов. Священник, учитель, писатель, этнограф, просветитель, миссионер – таков неполный перечень сферы деятельности этого незаурядного человека на благо своей родной страны и народа. Николай Батович занимался преподавательской деятельностью в ряде школ Абхазии, являлся миссионером Сухумской епархии, священником Дурипшской церкви, уездным наблюдателем церковно-приходских школ, членом Сухумского епархиального братства, членом переводческой комиссии богослужебных книг на абхазский язык. В соавторстве с А. И. Чукбар подготовил первую книгу для чтения для абхазских училищ, вышедшую в Тифлисе (1908). Н. Патеипа много сделал в деле развития образования и просвещения населения Абхазии, как в предреволюционный период, так и в последующее время советской власти. Много сил и знаний посвятил он также борьбе с отсталыми традициями и явлениями, мешавшими новым росткам прогресса в хозяйственной и социальной жизни народа.

Оба этих видных представителя абхазской элиты лично знали и уважали друг друга. К тому же они были публицистами, ряд материалов которых можно увидеть на страницах газеты «Апсны». Н. Патеипа печатался также и в русскоязычных изданиях. В начале издания «Апсны», должно быть, Николай Батович настороженно относился к газете. Свидетельством тому его редкие публикации, в основном это четыре материала – памятники устного народного

творчества, переложенные в литературную форму. Они вышли под заголовками «Шаратын» (16. 08. 1919 г.), «Песня Енджи-Ханым» (04. 08. 1919 г.), «Брата заново обрел, убивший тура» (18. 09. 1919.), «Песня Халыбея сына Катмаса» (01. 11. 1919 г.).

Затем была опубликована в газете его солидная статья «Крепкий духом, да увидит свет» (30. 09. 1920. № 38.), посвященная конкретным проблемам, имевшим место в политической и социальной жизни абхазского общества. Основная же идея публикации, как нам видится, не дать пасть духом передовым силам общества, которое, в силу оккупации страны, оказалось раздробленным, маломощным, не способным развернуть полномасштабную борьбу за освобождение страны. Учитывая, что газета выходит с позволения оккупационных властителей, Н. Патеипа прибегает к иносказательной форме изложения своих мыслей и аргументов, которые должны убедить в непреложности того, что, в конце концов, придет время освобождения родины от захватчиков. Вначале он подчеркивает тяжелейший исторический путь не столь большого абхазского народа, преодолевшего многие немислимые катаклизмы, однако, несмотря на все это, существующего и поныне. Далее он обращает внимание читателя на следующие, с его точки зрения, психологические моменты: «Размышляя о ситуации, и не учитывая нашего прошлого, – отмечал он, – некоторые из нас ненароком допускают слова и выводы, от которых человек может пасть духом. Мне понравилась статья Аилакырба в газете «Апсны» № 34 «Уже хватит». Дай-то Бог, чтобы его мыслями осенились многие абхазы! Ведь и большому народу, словно армии, идти вразброд губительно, а уж говорить о малом не приходится; от его единства и слаженности усилий во многом зависит успех».

Касаясь захватчиков прошлого, которые сменялись на протяжении долгого времени, автор перекидывает своеобразные мостики в реалии освещаемого периода: «Кто бы ни приходил к нам, повествует он, увидев райскую Абхазию, словно хищный ястреб, втыкающий острые когти в птицу, крепко впиваются руками в нее. А со временем смотришь, без армии, без наших сильных союзников, как будто и не было никого, все они исчезают, оставив нам все свое добро. Ведь земля наша называется именем нашим с незапамятных времен». И задается риторическим вопросом: «Кто же, кроме Все-

вышнего, охраняет нас, небольшой народ, дабы мы не исчезли и не лишились своей отчизны? Никто! Только Он, никого у нас больше нет. Он для нас кладезь мудрости и духовного богатства».

И в завершение статьи, отмечая реалии времени и вселяя надежду, Н. Патеипа пишет: «Смотрю я на суету некоторых, как на актеров, снующих по сцене и играющих свои роли; и жду, когда, все же, сыграв свои роли, они вернутся домой, а мы освободимся от них. Обещали же нам (грузинские меньшевики. – **В. Ч.**): дескать, как встанете на ноги, сорганизуетесь, так мы и оставим вас. Я верю в то, что если наступит всеобщая свобода, то и нас не минует она, если же сильные сцепятся между собой, то мы выйдем из того с Божьей помощью, ведь у Абхазии много святынь... Не сомневайся Апсны, издревле бог покровитель твой»¹.

На статью Н. Патеипа полемическими публикациями откликнулся в двух номерах газеты протоиерей Д. Маан («Апсны». 10. 01, 22. 01. 1921г. №№ 1, 2). Начал он с того, что отметил высокий ум и большие творческие способности своего коллеги, которые, как он полагал, в связи с выходом газеты Н. Патеипа обязательно направит в русло помощи и поддержки национального издания. Но, по правде, до недавнего этого не происходило, – продолжал он, – но вот сегодня, как только мы узрели выступление священника Патеипа, подумалось: «Вот, слава Богу, теперь уж точно наша газета воспрянет, ведь острое и умное слово его вряд ли кого оставит равнодушным, и обязательно заставит призадуматься». Вот и я хотел бы высказать наболевшее, то, что у меня постоянно на уме.

Священник Патеипа утверждает: «Есть ли такой народ, числом не более нашего, как и мы, прошедший через многие тернии прошлого, но выстоявший и сохранивший свою самобытность». На то Д. Маан отвечает так: «Но, если сравнить нашу реальность с прошлыми границами и числом прежнего населения, можно сказать, что от нас ничего не осталось. И не настолько большая беда наша малочисленность, сколько наша трагичность заключается в отсутствии единства, внутренней дисциплины и взаимопонимания».

Обращаясь к положениям статьи Патеипа, автор полемически утверждает иное видение проблемы, нежели его коллега: «Как,

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 495 – 496. (На абхазском языке).

скажем, просить Бога помочь народу, коли тот сам отказывается помочь себе! Надо признать, что внутри у нас имеют место безотрадные процессы, наверное, и у других народов не без изъяна, но у нас такие явления, как воровство, зловредная зависть, доносы, предательство ведут к регрессу и гибели. Нам всем надо усвоить, что пока мы не очистимся духовно и не откажемся от негатива, и не объединимся, как один, ради общего дела, никакие святыне, о которых поминает Патеипа, уверен в том, не будут нам покровительствовать».

Чем дальше, тем более жестко ведет речь Д. Маан. Теперь он риторически вопрошает: «Правильно ли утверждение Патеипа, что все захватчики, оставив нас, счастливо и бесследно исчезают? Я же смотрю на то совершенно по-иному: нет таких среди тех пришельцев, кто не обладал нами силой или хитростью. Кто не истреблял нас и не изгонял, кто не пытался извести весь наш народ; если это не так, то где ныне наш народ, обитавший от моря до гор, куда, образно говоря, и палец трудно было воткнуть. Скольких потеряли мы и в наше время: где абхазы, жившие в междуречье Кодора и Аапста? Где многочисленные абхазские общества Дала, Цабала, Ахчипсы, Псху, Аибга? Что погнало их в Турцию? Может, кто-то думает, что они отправились туда добровольно? Нет, не по своей воле, оставив родину, они отправились туда: произвол и неволя пришельцев погнали их. Отчего заблуждение самурзаканцев, бывших природных абхазцев, сегодня отказывающихся от своих абхазских корней. Таким образом, если вдумчиво поразмыслить, пришельцы разных времен только пользовались нами, и никакой прибыли от них не было. «С древнейших времен до сего дня наша родина называется нашим именем», – рассуждает Патеипа, но я думаю, что это не так. Действительно, родина носит наше имя, пока называется Абхазией, но каковы наши права на нее в реальной действительности? Нет, особых прав для нас я не вижу, мне кажется больше прав на нее, скорее, у недавних пришельцев»¹.

Здесь автор, разумеется, ведет речь о пришельцах – грузинских захватчиках. Отношение к ним, как видим, явно негативное, даже непримиримое. Следует отметить, что к тому времени многие пред-

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 535 – 536, 541.

ставители абхазской интеллигенции стали осознавать истинные цели Тифлиса по колонизации Абхазии. Вначале правления меньшевиков дело обстояло иначе: задачи «освоения страны абхазов» были сокрыты в словесной мишуре о «братской» помощи в строительстве новой жизни, о благах той самой обещанной автономии, собственной конституции и прочих атрибутах, которыми, дескать, будет обеспечена полная внутренняя самостоятельность абхазской государственности в составе Грузии. Эти обещания многих из абхазской элиты подкупали, в том числе и наших полемистов, однако с течением времени наступало большое разочарование. Еще в номере третьем «Апсны» (28. 03. 1919 г.), через месяц после ее выхода в свет, наш автор рассуждал несколько по-иному, нежели выше: «Под чьей бы властью мы не были, главное, не утратить нам языка своего, главного признака народа, сохранить лучшие качества и традиции, быть хозяевами, а не гостями в решении своих внутренних проблем – это и есть наши потребности, способные сохранить нашу абхазскую идентичность».

И затем он высказал мысль, которую разделяло в ту пору немалое число продвинутых абхазских интеллигентов демократической формации. Она звучала так: «Мы ныне находимся под управлением тех грузин, с которыми и в прошлом долгое время сосуществовали, и тогда они не имели ничего против нашего языка, наших замечательных традиций, не претендовали на нашу родину, полагаю, что и сегодня они не позволят себе недостойного поведения по отношению к нам». Многие высказывались тогда, в том числе и в печати по поводу отсталости масс, их неготовности к независимости, не беспочвенно, разумеется. Например, о том же писал несколько раньше Д. Маан: «Мы еще не доросли, народ необходимо просветить, и если в том нам помогут, не покушаясь на наше национальное самосознание, честь и хвала им (грузинам. – **В. Ч.**), а то ведь по нашей малочисленности, вряд ли нам самим справиться»¹.

Кстати, что-то подобное сказал по случаю и Н. Патейпа, заметив, правда, с неким подтекстом, что-де «пока наши правители ничего плохого нам не сделали. Разве лишь полезное делают, охраняют

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 31 – 32.

няют нас. А если бы еще грабили, и при том не охраняли, каково было бы тогда?»¹.

Что здесь можно сказать? Только одно: практика грузинского правления в Абхазии в течение нескольких лет показала несостоятельность, более того, гибельность надежд, связанных с меньшевистским правлением в Абхазии. Теперь уже и в печати заговорили по-иному, с раздражением и гневом по адресу Тифлиссских властей и их местных ставленников. Так, в канун бесславного краха власти грузин в Абхазии происходила по большей части своеобразная переоценка «демократических ценностей» – грузинских, разумеется, тонов в среде отечественной общественно-политической элиты.

А ведь всего-то год–два тому назад абхазская демократия (исключение составляли большевики – у них изначально, со времени раскола российской социал-демократии по тактическим и стратегическим разногласиям, сформировалось негативное отношение к меньшевикам) наивно верила в искренность заверений Тифлиссских правителей. И в обещание реальной автономии, в ее конституционное оформление, в воссоздание, хоть и в усеченном формате, но все же государственности Абхазии. Свидетельством тому передовая статья в номере третьем «Апсны» (28. 03. 1919 г.). В ней, в частности, отмечалось: «...Только и было разговору о том, что в театре Алоизи 18 марта приступил к работе новоизбранный Совет (Народный Совет Абхазии. – **В. Ч.**). – «Коренных жителей среди депутатов мало, в основном пришлые люди, и вряд ли они позаботятся о независимости Абхазии», – сетовали многие абхазы. Некоторые же говорили, что «всегда лучше иметь умного человека и другом, и врагом», и на самом деле депутатами стали лучшие из народа, мыслящие, грамотные, дальновидные. Известно, что просвещенный и совестливый человек, прежде устройства своего личного дела, позаботится о делах, причем качественно и отменно постороннего просителя, чтобы не выглядеть недобросовестным перед обществом. Первое – по отмеченной части мы можем не бояться несправедливости. Второе – мы абхазы имеем дело с демократами (речь идет о грузинских меньшевиках. – **В. Ч.**), они знают цену независимости, желая ее для

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 496.

себя, они не исключают того же и для других. Они испокон веков ведут борьбу за свободу и против угнетения народов, – потому и мы надеемся, что ими будет сделано все для избавления Абхазии от угнетения»¹. Такие вот высказывались надежды...

Заметим, что в третьем оккупационном НСА было 40 депутатов и только 7 из них находились в оппозиции. Главная фракция, задававшая тон в Совете, состояла из грузинских меньшевиков. Им противостояла абхазская фракция «независимых» социалистов в составе Чанба, Аланиа, Цагурия, Маргания. Некоторые абхазские депутаты примыкали к иным политическим фракциям, в том числе к меньшевикам. Словом, силы были неравными, а быть благодетелями для абхазов, как о том наивно писали некоторые публицисты «Апсны», грузинские власти вовсе не помышляли. И, наконец, убедившись в том, что обещания Тифлиса о «широкой» автономии и конституционном разделении полномочий между Грузией и Абхазией несбыточны, абхазская демократическая элита в большинстве своем стала склоняться к программе большевиков. А уж тогда, когда в 1921 году Е. Эшба и Н. Лакоба продекларировали создание государственности Абхазии в формате Социалистической Советской Республики, почти вся элита и подавляющее большинство населения поддержали в том большевиков.

Но это произошло позднее, а пока в Абхазии существовал довольно странный политический симбиоз грузинской оккупационной власти и местной абхазской элиты, частью сотрудничавшей с режимом, частью пребывавшей в оппозиции. Также следует отметить, что все лица, работавшие в структурах того периода, исправно получали заработную плату. А некоторые из элиты даже жаловались на задержку или нехватку этого самого оккупационного жалования. Но это, замечу, к слову, об особенностях той ситуации и ее некоторых деталях, о коих не всегда уместно поминать, о чем и умалчивала отечественная история.

И в той обстановке газета «Апсны» в силу своих возможностей выполняла весьма актуальную просветительскую и образовательную миссию в среде народных масс. Пробуждала посредством своих ак-

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 30 – 31.

тивных корреспондентов и публицистов тягу к прогрессу, культурному развитию, внедрению ростков нового хозяйственного уклада сельчан. Судя по превалированию на страницах газеты подобной тематики, издатель и редактор Д. И. Гулиа именно в этом, в ускорении процессов образования и просвещения народа, усматривал формирование таких условий в обществе, которые в дальнейшем позволили бы воссоздание абхазской государственности. Почти во всех 85 номерах газеты сквозной линией являлась проблематика освещения борьбы с отсталостью и косностью общественных отношений, медленным ростом сознательности в массах, живучестью архаичных обычаев и традиций, тормозящих движение общества к прогрессу и освоению нового опыта жизненного уклада. Д. Гулиа и сам много писал на эту тему, работал с материалами авторов с мест, подключал к освещению этих вопросов специалистов: народных учителей, инспекторов, руководителей учебных заведений, общественных и политических деятелей.

В статье «Наша сила – в единении» (14. 06. 1919 г. № 12.), опубликованной под псевдонимом Донган, Д. И. Гулиа отмечал: «Самый большой наш недостаток – отсутствие единения, взаимопонимания, как на словах, так и в делах, уважения мнения каждого из нас. Это необходимо осознать всем абхазцам, только так можно изменить ситуацию к лучшему. В первую очередь мы должны хорошо знать свой язык, уметь читать и писать на нем, в ином случае нам уготована исчезновение в среде более продвинутого народа. Подтверждением моих слов следующее обстоятельство. В прошлом Абхазия была могущественным государством... От Сурамских гор и Черного моря до Азовского, все было под властью абхазских государей. Где теперь эта великая Абхазия? Абхазы не стремились к грамоте, к созданию письменности, пользовались письмом других народов. Таким образом, многие абхазы ассимилировались, а те немногие, кто знал грамоту, входили уже в иную, чужеродную элиту. Теперь же, видите, сколько нас осталось. Но и мы, оставшиеся, не очень-то почитаем свой язык, не желаем читать и писать на родном языке, мало у нас единства и солидарности, опасаемся людей, стремящихся к знаниям, больше живем темным прошлым. И если мы не очнемся немедленно, как другие народы, не примем за просвещение и образование, то мы можем потерять все – ассимилироваться и ис-

чезнуть, разве лишь след наш останется в исторических сведениях, о том, что здесь была Абхазия, и жили здесь абхазы»¹.

Так сурово, но справедливо оценивал положение дел в абхазском обществе той поры Дмитрий Иосифович, имея целью всколыхнуть интеллигенцию, направить все ее силы на просвещение и образование народных масс. Почти в каждом номере газеты в своих статьях, заметках, комментариях подчеркивал первостепенное значение деятельности интеллигенции, всех сил абхазского просвещенного общества на ниве образования и просвещения населения, в основном крестьянства. В том он видел, как нам думается, выход из политической, экономической и социальной стагнации, в состоянии которой находилась Абхазия десятки лет, сопряженные с силовыми акциями царизма, принудительным махаджирством, протестными выступлениями населения, что впоследствии сильно затруднило продвижение народа по пути прогресса и дальнейшего развития в начале 20 века.

Думается, большим успехом и подспорьем для редактора и редколлегии стало образование авторского актива газеты из числа представителей разных регионов Абхазии. Конечно, это случилось не сразу, некоторые стали писать в газету под влиянием настоячивых призывов Д. Гулиа, С. Чанба и других членов редакционной группы, которые со страниц газеты вели пропагандистскую работу, объясняя значение подобной просветительской деятельности для просвещения и образования масс. В этом плане следует отметить публицистическую деятельность самых активных корреспондентов газеты: М. Булия, И. (Г.) Аджинджал (Джон), М. Чалмаз, О. Чачаа, Б. Чолокуа, Ш. Хокерба, М. Кучбериа...

Здесь не стоит задача досконального изучения деятельности всех без исключения корреспондентов газеты «Апсны». Целью исследования данного временного отрезка, весьма сложного, и, что надо отметить, неполно изученного, является освещение периода меньшевистского правления в историко-публицистическом контексте. В том числе и на примерах публикаций в газете ее ведущих авторов, поднимавших в своих статьях, заметках, комментариях

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 80 – 81. (на абх. языке).

вопросы политики, экономики, социальной и духовной жизни абхазского общества. Что же касается исследования журналистской деятельности актива газеты, о том большая исследовательская работа была проведена известным абхазским публицистом и литературоведом Русланом Капба. В подготовленной и изданной им книге на абхазском языке под заголовком «Если мы удостоимся... Из истории газеты «Апсны» (1919 – 1921)» он скрупулезно, с глубоким анализом, на хорошем профессиональном уровне рассказал о жизни и деятельности, в том числе и в первой абхазской национальной газете, более чем 35 ее авторов. В предисловии Капба отмечает, что газетные публикации того времени вместе с номерами «Апсны» ему вручил видный абхазский филолог, академик Х. С. Бгажба. И при этом искренне напутствовал: «Мы должны сделать все возможное для того, чтобы имена каждого из тех, кто в трудное время помогал Дмитрию Гулиа и Самсону Чанба в становлении национальной печати, не остались в забвении... В том и заключается наш долг перед историей газеты и ее сотрудниками».

В данном исследовании, во взаимосвязи с социально-экономическими и политическими условиями изучаемого временного отрезка, речь пойдет о наиболее активных публицистах газеты «Апсны», затрагивавших самые чувствительные сферы жизни и деятельности абхазского общества той поры.

Например, Мосе Кумачевич Булия (1897 – 1925) являлся автором около 30 публикации. Здесь, кроме его публицистической активности, следует подчеркнуть, что он был, наверное, одним из первых авторов, который со страниц абхазской газеты пытался приобщить абхазского крестьянина к прогрессивным формам и методам работы на селе. Ранее, правда, в русскоязычной печати о том немало писали С. Чанба, Н. Патеипа, В. Адлейба и некоторые другие. Преимущество же Булия заключалось в том, что о тех же проблемах он говорил с крестьянством на их родном языке. Такая публицистика, разумеется, была намного эффективнее. В своих публикациях на тему передового хозяйствования он на конкретных примерах, скажем, пришлых и местных жителей, показывал преимущество современных технологий, необходимость более активных занятий по огородничеству и садоводству, виноградарству и виноделию.

Одним из основных факторов, мешавших хозяйственному прогрессу в среде абхазского населения, Булиа считал косность и консерватизм застарелых форм и приемов в трудовой деятельности абхазского крестьянина. И потому в статьях на эту тему начинал с простых, можно сказать, элементарных вещей, но которые, видимо, в ту пору не выполнялись. Так, в довольно объемном материале, озаглавленном «Подготовка (мытьё. – В. Ч.) принадлежностей для изготовления вина» (19. 10. 1919 г. № 26.). Булиа подробно описывает приемы подготовки к изготовлению вина. Самое главное, как считает автор, в производстве вина – это мытьё, причем тщательное, основных емкостей: винного корыта, чанов и бочек. Причем, это мытьё проходит несколько этапов, чередуются и водные процедуры, со специальными скребками, добавлением в кипяток неочищенной соды. После сушки, производится окуривание сернистым газом или фитилем. И после такой процедуры следует заново оценить качество проделанной работы, если же оно не удовлетворит винодела, ее, эту процедуру, необходимо повторить. Далее Булиа подробно повествует о технологии изготовления из виноградных ягод винного сока. Это также целая наука, весьма полезная для абхазского крестьянина, порой не заботившегося о качестве производимого им продукта¹.

Проблемы образования и просвещения народа, организации школьного дела также были в поле зрения активного корреспондента и публициста газеты «Апсны» М. Булиа. Особенно выразительны его переживания, вылившиеся в заметки, опубликованные в газете под заголовком «Темнота». Обеспокоенный критическим положением абхазских школ, автор сообщал в газету следующее: «Недавно спрашивал ребят, вернувшихся из Сухума, как там обстоят дела с учебой. Первым делом мне рассказали о проблеме с Горской школой, о которой уже многие слышаны. И, к тому еще, что также закрывается пригготовительное отделение при семинарии. Это очень огорчительные известия для меня. Если закрыли Горскую школу, и также поступили с семинарией, то, чего скрывать, в том для нас абхазцев ничего хорошего нет. Ведь почти все

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 180 – 181. (на абх. языке).

абхазы живут в селах, и дети учатся в сельских школах, там кроме абхазского языка ничему не обучаются, тем самым, значительно отличаясь знаниями от своих городских сверстников. Так что для перехода в старшие классы из 100 человек лишь один или двое могут быть подготовленными по своим знаниям, остальные останутся ни с чем. Выходит, и в семинарию из сельских ребят никто не сможет поступить, разве лишь городские. Получается, что без подготовительных классов, средние учебные заведения станут для нас вроде Петербургской академии, и, значит, нам снова грозит темнота, чему многие радуются»¹.

Немало публикаций М. Булиа посвящено показу вздорности и несоответствия прогрессу отживших и прямо-таки вредоносных явлений, связанных с верованиями в чудодейственную силу разного рода прорицателей, магов, гадалщиц и прочих. Но корни этих негативных проявлений, сильно вросшие в быт и психологию неграмотного крестьянина, выкорчевать с налету было непросто. И потому автор на примерах, иной раз и из собственной жизни, как он это воспроизводит в статье «Чем занимаемся мы – абхазцы?», весьма убедительно показывает ложь и измышления, обман и шарлатанство тех, кто живет на весьма солидных подачках вводимых в заблуждение людей. Рецепт выхода из такого положения для автора один – это просвещение и образование, которое поможет избавиться, как от отмеченного негатива, так и еще более тяжелых пороков абхазского общества: воровства, грабежей, убийств...².

В биографических данных видного абхазского этнографа Ивана Андреевича Аджинджала (1886 – 1963 гг.) не отмечено, что он внес в свое время замечательный вклад в развитие абхазской публицистики, причем на страницах первого абхазского периодического издания – газеты «Апсны». Он был ценным и активным сотрудником газеты, выступал на ее страницах с проблемными публикациями, затрагивавшими самые важные стороны жизни абхазов поры меньшевистского правления. И. Аджинджал был уроженцем с. Бедиа Самурзаканского участка, учился в Сухумской Горской школе, Очамчирском вышеначальном училище, Ереванской учительской

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 435. (на абх. языке).

² Там же. С. 319.

семинарии, позже закончил Тбилисский политехнический институт. Начинал свою трудовую биографию учителем в школе с. Адзюбжа, затем в Очамчирском 2-классном училище. В этот же период он публиковал в газете свои ценные наблюдения из жизни тогдашнего абхазского общества, заостря внимание общественности на острейших проблемах и задачах, требовавших неотложного реагирования местных властей. В ту пору абхазы еще надеялись, что с помощью НСА и других структур, работавших под властью меньшевиков, сдвинуть практически с мертвой точки образовательный процесс, развитие культуры и хозяйства в среде абхазского крестьянства. О том же писал И. Аджинджал, часто публиковавший свои материалы под псевдонимами Джинджал Герасма, Джон. Надо также отметить, что публицист в некоторых своих материалах предельно критически отражает состояние абхазского общества и современную ему ментальность. На наш взгляд, это делалось для того, чтобы разбудить и расшевелить тот патриархальный уклад и консервативное состояние общества, далеко не отзывчивого на требования нового времени.

Одним из первых откликаясь на выход «Апсны», И. Аджинджал (Герасма) в статье «Несколько слов к тем, кто переживает за Абхазию» (28. 03. 1919. № 3.) писал: «Обращаюсь к тем только, кто с душою и искренностью относится к абхазам и Абхазии. И надеюсь, воспримут сказанное с пониманием и добрым отношением. Наш абхазский народ находится ныне позади всех народов. Спросите почему? По образованию. Образованность у нас в большом дефиците. А образование – основа всего благополучия, условие развития всех народов. Присмотритесь к грузинам, армянам, как они живут, как ведут себя, к чему стремятся. Да и другие народы лучше нас. Спросите почему? Да потому, что они более образованы, обустроены, больше у них свободы, дела свои сами решают, самостоятельны, беды и трудности преодолевают сообща».

Публицист не только сообщает факты по ситуации. Он предлагает пути решения проблемы, например, таким образом: «Каждый должен переживать за отечество и свой народ. В первую очередь это является долгом просвещенного человека. Образованный человек обязан служить своему народу, просвещать и обучать. Выводить людей из темноты на правильную дорогу. Не устраняться, а

помогать всем – его дело. Помогая народу, такой человек помогает себе. А тому и Бог помогает»¹.

Надо отметить, что И. Аджинджал был из той плеяды абхазских интеллигентов, которые, как и их лидер Д. И. Гулиа, основой становления абхазов, как просвещенного и продвинутого народа, считали первейшей необходимостью повышение эффективности образовательного процесса, кардинальное улучшение работы школ на абхазском языке, как в селах, так и в городах. Это, по их мнению, способствовало бы также появлению новых передовых способов хозяйствования, развитию, таким образом, экономики страны. Все эти условия, естественно, позволили бы в дальнейшем устройению свободного и независимого от грузинского диктата абхазского государства. Таким образом, считалось, что в этом деле образование – всему голова. Так, полагаем, в общих чертах мыслил Д. И. Гулиа. И многие следовали ему: настолько был силен авторитет Дмитрия Иосифовича в кругах демократической интеллигенции.

Вот и Иван Андреевич Аджинджал под псевдонимом Джинджал Герасма публикует свой очередной материал под заголовком «Образование – лекарство для Абхазии» (20. 04. 1919. № 5.). Вначале отметив, что ныне не время вспоминать и судить прошлое, теперь важнее обсудить намерения на будущее, публицист высказал следующие мысли: «Мы должны обсуждать перспективы нашего возрождения, каким путем того добиваться, подумать также о том, каким образом сберечь, не утратить наш язык, определяющий нашу национальную идентичность. Наш язык сохранится при условии, если он будет основным предметом, нежели другие языки, в наших школах. И не должно быть так, как справедливо подметил в газете Маан Димитрий, чтобы наш язык существовал в хвосте других языков, словно гость в своей стране. Наш язык должен быть на первом плане в школах, на мероприятиях, в управленческих структурах, если мы считаемся самостоятельным народом. Язык наш надо внедрять везде: в школах, в других учебных заведениях (хотя прошло сто лет, но все также актуальна и в наше время проблема языка. – **В. Ч.**). Должна быть проявлена соответствующая забота о наших

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 34.

учителях, об их быте, заработной плате. Руководителем школьного дела необходимо назначить человека сведущего в профессии, способного честно поработать для Абхазии».

Публицист предлагает и меры практического характера, весьма полезные на его взгляд, как для учителей, так и для общества в целом. В частности, автор отмечает, что было бы хорошо, если «в летнюю пору все учителя собирались в каком-либо месте, где открылись «курсы»: для обсуждения состояния абхазского образования, подготовки к новым условиям учебного процесса, обеспечения учебниками, которые всегда в дефиците. Кроме того, по возвращении учителей в свои села, они информировали бы население о состоянии нашего образования».

И, наконец, обращаясь в адрес НСА, автор пишет: «Решение поставленных нами вопросов является долгом Народного Совета Абхазии. Весь народ Абхазии, путем голосования избравший Народный Совет, и доверивший ему свою судьбу, в первую очередь должен наметить меры по улучшению состояния школ. Кроме того, считаю также правомерным реализацию поставленных мною в газете вопросов. С большим оптимизмом надеемся, что это первое для них дело будет добросовестно исполнено. Это и есть то большое дело, которое обязан свершить тот, кто болеет душой за Абхазию»¹.

В материале газеты под заголовком «Что тормозит движение абхазов вперед?», подписанном псевдонимом Джон (И. Аджинджал), отмечается живучесть в среде абхазского общества пороков, вредных традиций, преступных явлений. Говорится и о том, что может избавить общество от такого негатива, например: «Образование позволяет человеку мыслить, отдавать отчет своим действиям, отказаться от преступных наклонностей, словом, делает его человеком. Почему все же в нашей Абхазии больше, чем в других странах, воровства, грабежей, налетов и убийств?» – задается риторическим вопросом автор. И отвечает на вопрос так: «Потому, что у нас в Абхазии сплошная неграмотность. Если бы образование было на высоте, то не имелось бы и такого преступного негатива. наших абхазов, сколько бы хороших и строгих законов не вводили, и как бы не были

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 51 – 52.

ответственны правители, довольно сложно отвратить от воровства, грабежей, налетов и убийств. От милиционера до министра – никто не в силах это сделать, разве лишь только просвещением масс». И заключал свою мысль таким образом: «Только образование может искоренить эти гибельные пороки. Вот тогда, когда народ будет просвещенным, когда станет соображать разницу между тем, что хорошо, а что плохо, в таком разе он сам откажется от сих пороков».

Далее в той же статье автор рассуждает о роли школы, положении учителей в обществе, о вопиющих недостатках в образовательном процессе. Таким образом, выплескивается его недовольство существующим положением дел, у него уже нет той веры в заинтересованности власти, что бы помочь абхазскому образованию, которая наблюдалась некоторое время тому назад. Начинает он, правда, с собственного народа, затем переходит к констатации фактических реалий: «Мы не образованы, и не хотим быть таковыми. Школы наши закрыты, удрученные судьбой учителя, в постоянном поиске какого-либо заработка. Разве виноваты в том учителя, что оголодав, позабыли о своих школах. Терпели год, два, три – и когда о них так и не вспомнили, и вовсе потеряли интерес к учебному процессу. Зарплата учителей составляет в месяц шестьсот рублей. Но как прожить человеку на шестьсот рублей в это трудное время, а если есть семья – то это вовсе дело пропащее. Об учителях никто не вспоминает, народу тоже не до них, так и не осознал он их значение. Не обеспокоен тем и Народный Совет Абхазии; там вершатся для нас великие дела (ирония, конечно. – В. Ч.), а учителей насильно собирают, мобилизуют словно солдат. При такой ситуации вряд ли можно дожидаться какой-либо результативности от их работы. Вот уже наступает учебный год, а по учителям и школам никаких решений нет»¹.

И. Аджинджал, под псевдонимом Джон, также поставлял газете и короткие заметки о происшествиях в восточной Абхазии. Так, в его весьма интересном и в наше время сообщении, озаглавленном «Случай в Кодорском уезде», отмечался такой факт: «6 марта (1919 г. – В. Ч.) в селе Джгирда группа бандитов, ограбив жителей, завладела немалым их имуществом. По этому делу Н. Лакоба (будущий

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 157.

советский руководитель Абхазии. – **В. Ч.**), назначенный недавно начальником милиции Кодорского уезда, принял оперативные меры. Собрал все силы, обложил ими села, где могли находиться подозреваемые. И заставил самих жителей найти преступников. Их же сообщников, уходивших из Джигарды, захватил с награбленным добром. Всего преступников было пятеро, трое из них – кочарские мингрельцы, один Цхинцкарский абхаз Маршан сын Шабата, другой – турок»¹.

Эта информация говорит о многом. О том, что грузинское меньшевистское руководство Абхазии, видя влияние молодого большевика Н. Лакоба, особенно в Гудаутском уезде, решило предложить ему должность начальника милиции в Кодорском участке. Так замыслили отвлечь его от революционной деятельности там, где это ему удавалось больше всего. На тот период, полагаем, и Лакоба устраивало это обстоятельство постольку-поскольку большевистские идеи и программа имели слабое влияние среди жителей Кодорского уезда, а Нестор Аполлонович считал, что сможет переломить своим авторитетом такую ситуацию. Но, как известно, вскоре власти, осознав свою «оплошность», удалили Н. Лакоба из пределов абжуйской Абхазии.

Весьма плодотворным было сотрудничество с газетой «Апсны» молодого публициста, родом из с. Звандрипш Гудаутского участка М. И. Чалмаз (1902 – 1937). Михаил сначала окончил Сухумскую учительскую семинарию. Учился также в Тифлисском политехническом институте. С 1919 года активно писал в газету «Апсны», имел способности к литературе, был участником литкружка, руководимого Д. Гулиа и С. Чанба. А в советское время вырос до наркома земледелия, в 1937 году по ложному обвинению был расстрелян по указанию Берия вместе с группой видных деятелей Абхазии. Начал печататься М. Чалмаз в «Апсны» с небольших зарисовок. Это были литературные миниатюры: притчи, стихи, сказы о злоключениях махаджиров. Среди них: «Клятва вальдшнепа», «Махаджир», «Свобода», «Образованный», «Волки», «Сглаз», «Гнев», «Хлеб-соль по-абхазски» и другие. По сути дела, это была проба пера молодого автора, ак-

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 189 – 190.

тивно сотрудничавшего с редакцией «Апсны». Затем уже появились его публицистические выступления на животрепещущие темы абхазского общества. Таковым был его материал, озаглавленный «Помочь себе» (11. 10. 1919 г. № 28.), на тему взаимопомощи в среде абхазского общества, скажем, поддержки его образованными членами тех, кто не обучен грамоте, а таких в ту пору насчитывалось подавляющее большинство. В то же время, как отмечал публицист, были и такие учителя, которые просто отлынивали от своих обязанностей. Прогуливали под благовидным предлогом свои занятия. Так, по этому поводу М. Чалмаз писал: «В Гудаутском уезде, за исключением Лыхны, нередки случаи прогулов учителей, но при этом не забывают получить зарплату. Случается, что школы закрыты, а на вопрос – где же учитель, то ответом будет, что отсутствует по делам важным для интересов народа. Но что может быть важнее, чем образование молодого поколения людей?» – задавался вопросом публицист.

Выводы автора были категоричны, но вполне справедливы: «Мы, в отличие от других народов, – отмечал он, – должны трудиться не покладая рук, причем, без обеденного перерыва. Спросите почему? Да потому, что между ними и нами огромная разница, как в учении, так и во взаимопомощи. Почему я акцентирую внимание на взаимопомощи? Потому, что мы не очень-то приветствуем это дело. Да хотя бы взять нашу газету, которую возглавляет Д. Гулиа, разве мы ей помогаем! Кто-то может сказать – ну выпускают газету, какая еще ей нужна помощь. Другие сделали бы такую помощь: организовали дело так, что каждый умеющий читать получал бы газету на дому, и вносил бы за это плату ежемесячно. Те, кто выписал газету, стали много лучше читать. А через некоторое время, взяв пример с авторов газеты, и сами начали писать. И когда число таких людей прибавилось бы, стало больше материалов, появилась возможность выпускать газету уже 4 – 5 раз в неделю. Вот такой народ далеко пойдет. Абхазам надо брать пример с таких народов, для того грамотные должны преподавать пример остальным, если мы хотим двигаться вперед, если желаем, чтобы наша заветная мечта стала явью для молодого поколения»¹.

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 194 – 195.

В ту сложную пору семнадцатилетний юноша Михаил Чалмаз уже хорошо осознавал значение для просвещения абхазов такой большой многогранной личности, как Д. И. Гулиа. И вот в материале под заголовком «Когда же мы поймем его, и поможем ему?!» (28. 02. 1920 г. № 6) он с нескрываемым восхищением утверждал: «Воистину, с таким человеком нашей истории не пропасть. Бог, сотворивший нас, мог бы еще таких людей нам дать, но коли такого не произошло, да хранит же он и одного. И этот единственный Д. И. Гулиа». И далее он заключал, что «мало кто знает о том, во что обходится ему напряжение всех его сил и возможностей...

... Для нас Д. И. Гулиа – это Ломоносов, Руставели, Ян Гус и Сократ, но поймем ли мы это, поможем ли ему?» – с надеждой вопрошал М. Чалмаз.¹

Одним из первых молодых интеллигентов, откликнувшимся на выход первого номера газеты «Апсны» был семинарист Сухумской учительской семинарии Баджга Чолокуа (? – 1937). В публикации, озаглавленной «Редколлегия, искренне работающей на благо абхазов» (28. 03. 1919. № 3.), автор поведал читателям о личных впечатлениях, вызванных началом деятельности первого национального печатного издания. Этим самым, утверждал Чолокуа, ссылаясь на Д. Гулиа, выходом газеты, абхазы сделали большой рывок в своем развитии. И продолжал: надо считать большим благоприобретением наличие национальной печати и письма, а если выходит к тому же национальная газета – это и вовсе памятник для народа. Затем уже озабоченно предупреждает редакцию, что впереди нелегкий путь до высокой цели, он тернист и поддержки мало на том пути, но путеводными должны стать мысли и воспоминания о прошлой истории древней Абхазии, и тех, кто представлял ее в то время. Ибо, если вы будете думать о нас, нынешних абхазах, то вы далеко не уйдете: сегодня каждый думает о своем, народ же сам по себе, а коли, кто подумает о нем, и захочет чем-то помочь, то ему будет уготована какая-либо каверза.

Однако завершает свою публикацию Чолокуа в оптимистических тонах. И это, безусловно, внушено ему выходом в свет абхаз-

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 282.

ского печатного издания. Вначале он задается риторическим вопросом: как служить народу, который и не очень-то стремится к просвещению. И отвечает так: но если, такие светлые умы и горячие патриоты, как вы, взялись за это великое дело, может быть, тогда и не пропадем вовсе мы, и, образумившись, выстоим с помощью ваших усилий¹.

Б. Чолокуа, несмотря на свои молодые годы, отчетливо видел истинные цели грузинских оккупантов, рассматривавших абхазскую землю в качестве объекта колониальной эксплуатации. Также понимал он и цену тех из абхазов, кто прислуживал им в том верой и правдой. Но сказать о том в открытой форме он не мог – газету бы сразу прикрыли, вот и прибегал он, как и некоторые другие авторы, к языку Эзопа. Так, по поводу статьи «Наши братья милиционеры» (25. 07. 1919 г. №18.) исследователь Р. Капба полагал, что в публикации Чолокуа вел речь о прислужниках грузинского режима, ведь были и такие абхазы, которые поддерживали грузинскую диктатуру, тот же глава марионеточного правительства Арзакан Эмухвари. Потому автор не мог откровенно высказать все, что у него было в душе, и выражал свой протест в иносказательной, аллегорической форме².

Также следует отметить, что стихотворения Б. Чолокуа, опубликованные в газете, написаны зачастую в той же иносказательной манере. Тем не менее они привлекательны и читаются легко, смысл их довольно ясен и поучителен, поскольку стихи эти созданы на злобу дня. Надо отдать должное поэтическому дару только что вступающему в жизнь молодого человека: он и романтик, и реалист, и лирик, и, заметим, моралист. В стихотворении «Если бы крылья мне» («Апсны». 12. 05. 1919. № 7.) романтиком мечтает облететь весь мир и, посмотрев весь свет, все же вернуться на свою родную «райскую землю».

Привлекает внимание своей актуальностью и статья, опубликованная в «Апсны» под заголовком «Время и абхазы» (12. 05. 1919 г.). В отличие от многих абхазских политиков и общественных деятелей, связывавших определенное время продвижение абхазского общества к «цивилизации» под эгидой грузинского меньшевизма,

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Автор предисловия и комментария В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 33.

² Р. Х. Капба. Если мы удостоимся... Из истории газеты «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Сухум – 2002. (На абхазском языке.) С.259 – 260.

молодой публицист однозначно утверждает о гибельности для абхазов существовавшей в то время ситуации, еще больше стимулировавшей всплеск всякого рода пороков в жизни общества. Только единение абхазов позволит развернуть борьбу за национальное возрождение и освобождение от таких явлений, как повальное воровство, разорительные для абхазского крестьянства похороны и поминки. Именно негативные традиции и обычаи, по мнению автора, отвлекают общество, не дают идти ему в ногу со временем. Так же, как нам видится, автор, говоря о том, что, если кто-то и идет со временем в ногу, подразумевая сотрудничество с оккупационным режимом, то он тем самым проходит колесом истории по живому обществу. В сплочении народа, его единении видит автор путь преодоления негатива, к чему и привлекает внимание передовых сил общества. В ином случае, если мы не проявим упорства в достижении своей цели, как народ, уже попавший в сложную ситуацию, как люди, отставшие от современных цивилизационных процессов, будем раздавлены колесом истории, делает вывод автор статьи¹.

Острыми и содержательными были публикации в той же газете Омара Чачаа, работавшего в то время переводчиком начальника Очамчирской управы, или как он сам представляется «Очамчырати агамодзебел итарджман». Он, надо отдать ему должное, был в ряду самых активных корреспондентов «Апсны», на его счету около 15 публикаций на различные темы. Первая его статья, озаглавленная «Несколько слов в адрес издателей» (23. 08. 1919 г. № 22.), была откликом на обращение в газету группы Очамчирской интеллигенции, сетовавших на то обстоятельство, что, мол, в издании мало больших материалов, содержащих анализ зарубежных и иных событий. Отвечая на критику, автор писал: «Абхазский народ воспринимает выход газеты «Апсны» как великое событие, очень необходимое и своевременное, словом и делом способствующее сохранению и становлению абхазской национальной идентичности. Ведь многие, в том числе и я, не надеялись на подобное, учитывая нашу малочисленность и малограмотность. Наверное, пока газета не обладает и соответствующей поддержкой, но, думаю, что абхазы не обделят ее

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Составитель, автор предисловия и примечаний В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. (На абхазском языке). С. 67 -68.

своим вниманием. Великая русская революция принесла народам свободу, позволила самостоятельно решать свои вопросы. И мы, абхазы, задумывались – а что же она нам дала. И вот, по инициативе нашей интеллигенции, стала выходить национальная газета на абхазском языке».

В завершение автор призывает, имея в виду всех, и тех, разумеется, недовольных содержанием газеты, «избегать пустопорожних разговоров и «поспешности» в мыслях и действиях, весьма частого порока, как он утверждает, в среде абхазов. И если будет меньше равнодушия, а больше помощи и поддержки, тогда, «начав с малой газеты, обязательно дойдем и до большого издания», – констатирует О. Чачаа¹.

О состоянии христианства в Абхазии, в частности, в Очамчирском уезде, рассказывается в следующих заметках публициста. В отличие от бытовавших в то время антирелигиозных мировоззрений различных партийных течений (от большевиков до меньшевиков), автор выступает принципиальным защитником христианства в Абхазии. В публикации, под названием «Почему мы забыли христианство?» (01. 10. 1919. № 27.), он утверждает: «В народной памяти христианство сохранялось всегда, но мы давно перестали соблюдать каноны веры, а в условиях теперешней свободы наше поведение и вовсе сместилось в худшую сторону. В школах перестали изучать закон Божий. Коли спросишь почему, а где ты встречал бога, ответят тебе. То, что мы сбились с пути, подтверждается грабежами церковей и монастырей, похищением икон ради их драгоценной отделки».

Автор также сообщает о положении дел в церквях, где все меньше становится прихожан, о презрении и зубоскальстве в адрес служителей церкви, о частых случаях похорон христиан без отпевания и прочих негативных явлениях, имевших место в среде христианского населения. Говорит о том О. Чачаа искренне, переживая за подобное состояние христианства в современный ему период².

В то же время, заметим, что на страницах газеты публиковались материалы иного содержания по поводу места и значения религии в обществе. Это позволяет сказать, что газета давала возможность

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Составитель, автор предисловия и примечаний В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. (На абхазском языке). С. 154.

² Там же. С. 186.

высказать различные точки зрения, в том числе и по политическим воззрениям, которые в ту пору характеризовались весьма широким спектром.

«Время» (Об. 05. 1919 г. № 36.), так называлась весьма содержательная публикация О. Чачаа, в которой выражена, если говорить современным языком, гражданская позиция автора по основополагающим вопросам, тормозившим поступательное движение абхазского общества к заветной цели – образованию, просвещению, прогрессу. Еще одна деталь, свойственная мировоззрению автора: это его убежденность в том, что истинная вера в Бога непременно поможет человеку освободиться от присущих ему пороков. Начинает свою мысль он таким образом: «Нам абхазам, коли что-то не придется по душе, то ли солнце сильно пригревает, то ли дожди идут беспрестанно, на то у нас всегда есть присловье, дескать, «время перевернулось, или же Бог отвернулся от нас». На то замечу следующее. Мир пребывает в том состоянии, коим его создал Всевышний, и пока он не перевернулся. Откуда нам знать перевернулся ли мир, или Бог от нас отказался, коли мы до сих пор не распознали своих пороков? Разве Всевышний побуждал нас к убийствам, грабежам, воровству, разбою, так почему же мы не отказываемся от всего этого?».

Завершая свои рассуждения о том, как вредят отмеченные пороки движению народа по пути прогресса и развития, О. Чачаа приходит к весьма реалистичной, и в то время нигде еще публично не высказанной мысли: «Пока мы больны этими пороками, будем только регрессировать, потому пора пробуждаться, спим очень долгим сном, и случилось же так, что не нашлось еще того, кто разбудил бы нас (речь, полагаем, идет о лидере, способном объединить народ. – **В. Ч.**). Если же кто-то надеется, что иной народ нам поможет пробудиться, то эти надежды нереальны, тому выгодно, чтобы мы и вовсе не проснулись (скорее всего, автор намекает на правление грузинских меньшевиков. – **В. Ч.**), говорят же, что доля мертвых достается живым»¹.

И в дальнейшем Омар Чачаа поставлял газете «Апсны» интересные материалы, тематически разнообразные, но объединенные

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Составитель, автор предисловия и примечаний В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. (На абхазском языке). С. 238.

одной главной мыслью публициста – принести пользу своему народу и стране. О том свидетельствуют такие его публикации, как «Поминки» (Об. 11. 1919 г. № 36.), «Случай в Илоре» (18. 11. 1919 г. № 37.), «Отчего малограмотность в Абхазии» (21. 02.1920 г. № 5.), «О смерти Петра Чарая» (28. 02.1920 г. № 6.), «Почему у абхазов нет крепких хозяйств» (24. 04. 1920. № 13), «Наша современная жизнь» (01. 05. 1920. № 14.), «Взаимопомощь – основа всему» (30. 10. 1920. № 38.) и другие.

Следует, полагаем, все же особо отметить статью публициста, напечатанную в газете под красноречивым заголовком «Славу мне, а силу тебе» (08. 10. 1920. № 36.). Она является наглядным свидетельством того, как постепенно происходила трансформация убеждений одного из представителей абхазской интеллигенции, и не только О. Чачаа. Такое происходило и в сознании многих других, разочарованных напрасными ожиданиями хорошей жизни для абхазского народа при «автономии», дарованной грузинскими меньшевиками.

Обратимся все же для наглядности сего утверждения к словам самого автора, утверждавшего, что «когда Абхазию, Сухумский Округ присоединили к Грузинской республике, мы полагали, что народ наш хоть и малограмотный, но довольно многочисленный, и что случившаяся великая революция не оставит нас без внимания. Вначале нас как бы обнадежили: и состоялись мы, дескать, как народ, и автономию вроде дали, и Советом обеспечили для дел наших...».

«... Вот и успокоились мы после того. А теперь, присмотревшись, видим, что они (грузинские меньшевики. – **В. Ч.**) укрепившись, захватили власть в Абхазии, и без них здесь ничего не решается. Где же наша автономия? Потому я и озаглавил заметки «Славу мне, а силу тебе». Теперь-то мы поняли, что случилось с нами, что мы обманулись... Вот ныне и обсуждаем, что отняли у нас руководство Абхазией. В то же время мало кто из нас говорит о народе, о необходимости оказать родине помощь, о поддержке образования. Куда не посмотришь, одни пороки: пока есть буйволы, лошади, коровы, не покончить нам с воровством. Им несть числа и мы идем назад. Если и появится один образованный абхаз, то он предпочтет обретаться в среде просвещенного народа (т. е. не абхазского – **В. Ч.**). Все это к тому, что если мы не сделаем выводов из

нашего нынешнего положения, можно ли нас в этом случае считать народом?»¹.

Суровая, как видим, критика, но, думаем, справедливая и близкая к тем реалиям, сложившимся в период грузинского меньшевистского засилья в Абхазии. Многие публицисты и представители интеллигенции в ту пору, как, впрочем, и в наше время, задаются вопросом: а как так случилось, что меньшевики обосновались в Абхазии почти без сопротивления абхазского народа? Смогли ли ведь на излете 20-го века объединенными усилиями всего народа и общепризнанного лидера отстоять Абхазию в кровопролитной схватке с потомками тех же грузинских захватчиков. На этот раз получилось, поскольку народ был единым и верным призыву лидера защитить Родину. А тогда, в мае 1918 года, лишь небольшая часть народа в лице партии большевиков попыталась остановить на реке Кодор отряды тифлисских меньшевиков, шедших, о чем исследователи особо не распространяются, на помощь, как утверждают наши оппоненты, официальной власти в лице Абхазского Народного Совета. Не имеем в виду первый АНС, лидеры которого боролись за независимость от Грузии. Кто-то может заявить, что, мол, такого не может быть, чтобы звали меньшевиков на помощь. Но ведь никто из абхазских депутатов АНС не выступил с протестом. А некоторые радовались и злорадствовали, что избавились от смутьянов – большевиков. Так и обосновались пришельцы в стране на долгих три года. Большинство абхазского населения вначале соблюдало нейтралитет. Немало было и тех, кто служил режиму верой и правдой. Зададимся вопросом – почему?

Наверное, потому, что абхазы, простодушные и доверчивые по природе, не ждали от соседнего народа изначально продуманного коварного плана его лидеров по захвату Абхазии. Чего уж говорить о народе, если того не опасались самые продвинутые представители абхазской интеллигенции. Верили на слово грузинским правым социал-демократам (меньшевикам), что те помогут абхазам, как ими же декларировалось, самоопределиваться, вначале в формате автономии, а через определенное время, после того, как «братский

¹ Газета «Апсны» (1919 – 1921 гг.). Составитель, автор предисловия и примечаний В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. (На абхазском языке). С. 491.

абхазский народ приобщится к идеям социализма», грузинских, разумеется, цветов, Тифлис тотчас даст «добро» на создание независимой абхазской государственности.

О том же говорил в своем выступлении представитель грузинского правительства, а заодно и депутат Народного Собрания Абхазии третьего созыва Исидор Рамишвили, слово которого, судя по отсутствию реплик, было воспринято абхазскими депутатами вполне лояльно. А он меж тем в своей речи нелестно отмечал: «Мы знаем стремления реакционных групп народа к «независимости» (меньшевистский официоз это слово даже заковычил. – **В.Ч.**), но для этого маленький народ еще не готов и его могут взять в руки и в рабство поработители, и из этой петли сам народ не сможет освободиться»¹.

Надо думать, что «реакционными группами народа» представитель Тифлиса называл небольшую группу депутатов-«независимцев» в составе Чанба, Аланиа, Цагурия, Маргания, а также тех немногих, кто их поддерживал. В том же плане воспринимались, безусловно, представители демократической интеллигенции Басариа, Ашхацава, Тарнава, Шервашидзе, Маршания, Туманов и некоторые другие, стоявшие у истоков союза Абхазии и Горской Республики в 1917 – 1918 гг.

Нетерпимым было отношение меньшевистской власти к абхазским большевикам, лидеры которых Эшба, Лакоба, Бахтадзе и другие в свое время организовали вооруженный отпор войскам Тифлиса в 1918 году, правда, безуспешно.

Но немало было и тех, кто, поверив в идеалы меньшевизма и обещания братской дружбы и взаимопомощи, верно и искренне служили в структурах власти меньшевиков. О том же утверждает и Г. А. Дзидзария, отмечая, что «немало интеллигентов было и в стане противника»². И все же возьмем на себя смелость отметить, что это – пребывание в рядах меньшевиков некоторых не чиновных абхазов – можно квалифицировать не виной, а их бедой. Одни из них,

¹ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Составитель и автор предисловия Р. Гожба. Сухум – 2009. С. 186. // Газета «Наше слово», 1919, 22 марта, № 61.

² Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми – 1979. С. 341.

во – первых, не смогли определиться в отсутствие «центра силы» в абхазском обществе, другие, во-вторых, не воспринимали большевизм с его программными установками на диктатуру пролетариата. Немало таковых было и в редакции «Апсны». Отчего газета, к сожалению, и не выходила в ее прежнем составе с установлением советской власти в Абхазии. Ну а прочие – просто служили хозяевам из шкурных интересов.

Все отмеченное выше, как нам видится, можно сказать, зеркально отражалось на страницах первой абхазской газеты «Апсны» с ее первого номера до последнего, 85-го, завершившего выход газеты вплоть до установления советской власти в Абхазии. Заслугой печатного издания и ее активных публицистов является такое важнейшее обстоятельство, как создание, наряду с официальной историографией, всеобъемлющей картины происходивших в тот сложный период политических и социально-экономических процессов. Но в отличие от исторической картинки, которая, как известно, в каждый период имеет свойство видоизменяться по субъективным обстоятельствам, содержание публицистики остается неизменным. Говорят же, что написано пером, не вырубить и топором. Также и страницы первой абхазской демократической газеты, совершенно свободные от политической или иной ретуши, явились непредвзятым свидетелем процессов и событий, происходивших в период меньшевистского засилья в Абхазии. Внимательный исследователь может также возразить, что словосочетание «меньшевистское засилье» в обществе и в той же газете разделялось долгое время не всеми абхазами. Наоборот, многие абхазские политики и общественные деятели ожидали от «настоящих грузинских, в отличие от российских, социалистических демократов» совместных дел и преобразований на благо своих народов. О том также немало публикаций встречается в газете. Конечно, были и такие абхазские деятели, которые, по различным, правда, причинам изначально считали захватнической политику и практику Тифлиса по отношению к Абхазии. Однако отметим, что грузинское господство в абхазской стране держалось целых три года не только на штыках, было в том и такое обстоятельство, что коварная политика обещаний Тифлиса имела немалую поддержку, как в абхазских верхах, так и в низах, в среде крестьянства. О том уже говорилось выше, многое из того со-

общалось и в публикациях авторов газеты, в том числе о привлекательности лозунгов и обещаний меньшевиков, в частности, о даровании ими самоуправляемой автономии, а затем уже в ближайшем будущем и о воссоздании независимой абхазской государственности. Можно также наблюдать по содержанию газеты, что с течением времени настроение абхазского общества довольно быстро менялось, трансформируясь от ожидания исполнения обещанного, до негодования откровенным произволом оккупационного режима и его прислужников по отношению к населению, особенно к тем, кто выражал недовольство порядками оккупантов. Но все это имело место позднее, когда люди стали осознавать зловецкие цели по освоению абхазской страны.

А вот начало деятельности грузинских меньшевиков в Абхазии многими абхазскими демократами воспринималось совсем иначе. Та же газетная публицистика убедительно отражала отличительные особенности того политического момента, иными словами, ту формулу, на основе которой имело место «доверие и сотрудничество» значительной части абхазской интеллигенции и политической элиты с меньшевиками Грузии. И немало из них записалось в эту самую партию грузинских меньшевиков. И Тифлис, дабы показать, что, дескать, у него слова не расходятся с делами, милостиво объявил абхамам автономию, бесправную, правда, но далеко не все в абхазском обществе это осознавали. К тому же пообещали также конституцию, разрешили издавать национальную газету. Словом, меньшевики пытались играть роль заботливой грузинской демократии по отношению к младшему абхазскому брату. Но с течением времени у старшего «брата» все больше скалились клыки, и он все сильнее впивался в абхазскую добычу. Такова логика действий любого захватчика, грузинские меньшевики не являлись исключением. В ту пору абхазы распознали о том не сразу – понадобились годы.

Но и у абхазов были свои внутренние проблемы. О многом из того сообщали, как уже отмечалось выше, абхазские публицисты Гулиа, Чанба, Лакербай, Адлейба, Басариа, Ашхацава, Патейпа, Маан, Аланиа, Чалмаз, Булиа, Чолокуа, Чачаа и другие, как в русскоязычных изданиях, так и в первой абхазской газете «Апсны». Одна из важнейших проблем в то время – это, безусловно, неграмотность населения, в основном это касалось самого крупного

социального слоя народа – крестьянства. К тому же и интеллигенция была немногочисленной, за исключением высшего ее слоя, и малограмотной. Другая проблема – это раздробленность абхазской политической элиты на части, управляемые извне Абхазии. Получалось, что цели и задачи управляющих не всегда совпадали с абхазскими интересами, а в иных случаях и вовсе не совмещались. Эту картину острым и образным языком публициста отразил в газете «Апсны» М. Лакербай.

Обычно умалчивается иной раз и то, что абхазские большевики действовали не всегда правомерно и целесообразно, согласно директивам партийных верхов из Москвы и Закавказского центра. Таким образом, полагаем, и был совершен апрельский 1918 года большевистский переворот, сместивший законный первый Народный Совет, проводивший, судя по сохранившейся документации, политику и практику в интересах коренного народа. Лидеры первого АНС (Басариа, Ашхацава, Тарнава, Шервашидзе, Маршания и другие), в отличие от тех же большевиков, заявили о своем намерении восстановить абхазскую государственность. К тому же переворот стал причиной вступления меньшевистских отрядов на территорию Абхазии и ее фактической аннексии. Так была ли необходимость большевистского переворота тогда, когда Абхазия в принципе являлась свободной и от российской и грузинской оккупации? Тогда, когда шел процесс зарождения новых форм государственности в виде первого АНС. Советская историография считает выступление большевиков по призыву вышестоящих партийных структур вполне оправданным историческим событием. Но, полагаем, что оно могло быть оправданным тогда, когда переворот этот получил бы массовую поддержку населения страны. Этого, однако, не случилось, (и не могло быть такой поддержки большевизму в абхазских условиях, как, скажем, в России, за отсутствием пролетариата и сельской бедноты в их классической форме), а ситуация в то же время значительно ухудшилась. В то же время в программе большевиков, как подчеркивал С. Лакоба, не была отражена такая важная задача, как восстановление абхазской государственности.

Кстати, совершенно правомерной следует считать оценку деятельности первого АНС, по поводу которого С. Лакоба заключает: «Борьбу за политическую самостоятельность, государственную не-

зависимость абхазского народа начали не представители большевистской партии, а созданный 8 ноября 1917 г. Абхазский Народный Совет. События того времени необходимо рассматривать в контексте Гражданской войны. Если в 1918 г. идея советской власти не получила широкой поддержки у народов Абхазии, то к 1921 г. условия общественно-политической жизни коренным образом изменились. Изменилась и тактика большевиков в крае. Учитывая серьезные промахи и ошибки, допущенные в феврале и весной 1918 г., абхазские большевики стали принимать во внимание местные особенности и позаимствовали у разгромленного АНС идею восстановления самостоятельной государственности. Вслед за установлением 4 марта 1921 г. советской власти, 31 марта они декларировали независимость абхазского государства в форме ССР Абхазия, т. е. воплотили в жизнь столь популярный в народе тезис о политическом самоопределении»¹.

После этих событий, то есть отстранения от власти первого АНС, а затем разгрома и вытеснения большевиков из Абхазии, ее оккупации грузинскими войсками, постепенно ослабевало влияние в абхазских политических кругах и, соответственно, в народе, ориентация на поддержку горских народов Кавказа в лице Горской Республики. О значении подобной поддержки говорил в своей речи представитель Абхазии, депутат Народного Собрания Г. Д. Туманов на заседании Союзного Совета (Парламента) Горской Республики. Тогда, в январе 1919 года, во время меньшевистского засилья в Абхазии ее посланец, обращаясь к представителям братских народов Северного Кавказа, искренне и горячо произносил такие проникновенные слова: «Я, член Правительства родного по крови, братского вам абхазского народа, приветствую в лице всего абхазского народа членов Союзного Совета, как высшего органа, объединившего разрушенные и угнетаемые горские народы Северного Кавказа. Мы, абхазцы, считаем горцев родными братьями по плоти и крови... Мы, абхазцы, чувствуем себя неразрывно связанными с нашими братьями, горцами... Когда я приеду назад в Абхазию, я скажу своему народу, вашим братьям, что свобода есть, она не умерла, и разбуду уснувшую надежду в своем народе на его лучшее будущее.

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 84.

Вы представили и нам место в Вашем Союзе. Вы не забыли и нас, родственных вам абхазцев. Наш представитель вместе с вашей делегацией от имени горских народов Кавказа отправился в Париж на Всемирную конференцию. Мы высоко ценим ваше внимание к нам. Абхазия страдает теперь от удушливых газов грузинского правительства, но Абхазия будет бороться за свое будущее и она вырвется из тех объятий и придет к своим братьям горцам. И, надеюсь, что идя вместе, рука об руку, создадим счастливую жизнь объединившимся горским народам Кавказа»¹.

«То, чего добивались представители Тифлиса осенью 1917 года, разрыва отношений с горцами и союза с грузинами, уже начиная с апреля 1918 года, было реализовано руками самих абхазов. Получилось тогда, что власть абхазских интеллигентов и демократов не нашла общего языка с лидерами большевиков, или же наоборот. Такова, видимо, общая для всех народов, логика борьбы за власть, в том, как видим, и абхазы «преуспевали».

В итоге создалась ситуация, когда Абхазский Народный Совет второго и третьего созывов, вкуче с абхазской депутацией, за небольшим исключением, являлся фактическим исполнителем воли тифлисских меньшевиков. Выше уже отмечалось заявление Д. Алания о том, что, несмотря на все старания, вместо запланированных 20–25 человек надежных абхазов, после выборов в 1919 году в третьем Совете оказалось таковых лишь семеро. Мы также знаем, что последовательными оппозиционерами правящей «абхазской» фракции грузинской меньшевистской партии были четверо депутатов – «независимцев» – Чанба, Алания, Маргания, Цагурия. Но абхазов в третьем Совете было в разы больше, и многие из них часто блокировались с меньшевистской фракцией, или же занимали позицию невмешательства. Примеры того можно узреть, если проанализировать некоторые сохранившиеся документы НСА.

Познавательны, честны и вместе с тем нелюбезны в плане личностных оценок некоторых политиков, прислуживавших грузинскому режиму, мемуарные заметки очевидца и участника политических событий, депутата Народного Совета Абхазии эстонца А. Г. Мартина, заподозрить которого в какой-либо тенденциозности нет никаких оснований.

¹ Там же. С. 171 – 172. // Газета «Дагестан», 1919, 29 января, № 26.

О личности А. Мартина и ситуации той поры исследователь С. Лакоба отмечал следующее: «В 1915 году он перебрался из Эстонии в Абхазию, где работал учителем в эстонском селе Верхняя Линда, близ Сухума. Здесь застали его революция и бурные события, участником которых он был. Об этом свидетельствует рукопись А. Мартина «Из моих воспоминаний об Абхазии» (1969), хранящаяся в Абхазском государственном музее и архиве Эстонии (г. Тарту). Интересно, что Август Мартин (1893 – 1982) в 26 лет был избран от эстонского населения депутатом третьего Абхазского Народного Совета (АНС), который просуществовал с марта 1919 г. по март 1921 г. С октября 1918 г. по март 1919 г. все гражданское управление Абхазией осуществлялось прямым вмешательством Грузинской республики. В условиях оккупации грузинское правительство приступило к выборам третьего АНС. В результате февральских 1919 г. выборов в новом АНС оказалось 40 депутатов, из которых 27 открыто выражали интересы правительства Грузии».

Говоря о том, что заставило Тифлис пойти на эти выборы, С. Лакоба подчеркивал: «Дело в том, что в начале 1919 г. генерал А. И. Деникин начал наступление в районе Гагры, а в феврале 1919 г. он и английское командование намеревались объявить Абхазию (Сухумский округ) «независимой территорией»... Именно требование «нейтрального статуса» подвигло Ноя Жордания и его правительство организовать новые выборы в третий АНС и предоставить Абхазии бутафорский статус «автономии», чтобы окончательно не потерять захваченную страну. Британское командование потребовало от грузинского правительства изменить свою политику в отношении Абхазии, 23 февраля 1919 г. в беседе с английским генералом Уоккером Н. Жордания обещал предоставить Абхазии широкую автономию. Таким образом, спешно были проведены выборы в третий АНС, который открылся 18 марта 1919 г. (в мае 1919 г. переименован в Народный Совет Абхазии)»¹.

По поводу деятельности и взглядов А. Мартина, представителя эстонского населения в Совете (АНС), С. Лакоба отмечает следующее: «На одном из первых заседаний АНС 18 – 20 марта 1919

¹ Станислав Лакоба. Август Мартин и эстонские материалы о событиях в Абхазии (1917 – 1921 гг.). Диалог времен. История. Традиции. Культура. Альманах № 2. Сухум – 2018. С. 168 – 169.

г. депутат от эстонского населения Абхазии прямо и откровенно разъяснил свою позицию по Абхазии. Август Мартин вспоминал: «Я коротко изложил точку зрения эстонского народа, как на родине, так и здесь, на самоопределение народов бывшей царской России, приветствовал самостоятельность Грузии, но сказал, что такое же право на самоопределение, какое имеет грузинский народ, мы, эстонцы, признаем и за абхазцами, коренными обитателями этой прекрасной страны, тем более что предыдущий абхазский народный совет декларировал о намерении свято чтить и права других народностей тут живущих». Вообще, Август Мартин принципиально отстаивал свою позицию относительно того, что абхазы сами должны решать свою судьбу. Как представитель небольшого эстонского народа, он хорошо понимал чаяния местного коренного населения, знал его историю, особенности и традиции. Власти в Тифлисе были раздражены его проабхазскими взглядами и поведением, которые были продиктованы чувством справедливости...».

В своей статье исследователь подчеркивает, что «депутат А. Мартин вошел во фракцию «независимцев», т. к. «широкую автономию» понимал не буквально, а как самоопределение народа и его независимое существование. На практике же автономия существовала только на словах. Взгляды депутата от эстонского населения Абхазии, который, казалось, будет занимать нейтральную позицию, были неприемлемы для центральной власти в Тифлисе. Такой подход становился опасным и неудобным, тем более что это мнение не абхазского народа, а депутата – эстонца, позиция которого отличалась объективностью. О значимости его взглядов говорит и сам факт специальной встречи министра ВД Грузии Н. Рамишвили, которая состоялась в Сухуме 6 февраля 1920 года...».

В ходе довольно продолжительной беседы, как пишет в своих воспоминаниях А. Мартин, министр, обращаясь к собеседнику, произносит: «Но разве вы не замечаете, что они (абхазы. – **В. Ч.**) смотрят на Север...». – «И это, – ответил Мартин, – входит в понятие самоопределения...».

«Как можно расценить эту встречу депутата парламента с главным полицейским Грузии? – задается риторическим вопросом С. Лакоба, на который сам же отвечает: – Ведь еще совсем недавно около двадцати депутатов АНС были арестованы и заключены в

Метехский замок из-за того, что они смотрели не в ту сторону, куда хотели в Тифлисе. Ясно, что это был откровенный политический нажим, грозное предупреждение Августу Мартину со стороны министра ВД Ноя Рамишвили»¹.

В своих записках, касаясь состава и деятельности Совета, избранного в начале 1919 года, Август Густавович писал: «Результаты голосования по т. н. четыреххвостной формуле дали грузинским социал-демократам (меньшевикам) 25 из 40 мест, независимым социалистам (группа С. Чанба) – 4, соц.-революционерам – 4, экономической группе Какуба – 2, гудаутским абхазцам – 2, национал-демократам – 1, соц.-федералистам – 1, эстонскому списку – 1». Затем приводятся фамилии некоторых депутатов, которых помнил автор записок: «Из с.-д. фракции (меньшевиков. – **В. Ч.**) помню князей Шервашидзе и Эмухвари (абхазы. – **В. Ч.**), Рамишвили и Б. Джугели, адвокатов Зухбай (абхаз. – **В. Ч.**), Д. Захарова, врача Пашалиди, и деревенского грека Чача, учителя Гурджуа (абхаз. – **В. Ч.**), Цулукидзе, Королева, офицера Тумаркина, Чхиквишвили, Убирия. Эсеры были М. И. Берулава, который работал в Сухуме по какой-то финансовой части, книжный торговец Авдалбекян, М. Григолия и Анчабадзе (абхаз. – **В. Ч.**), по Гудаутскому списку вошли М. Тарнава и Базба (именно те, упомянутые выше «гудаутские абхазы», являвшиеся членами меньшевистской фракции. – **В. Ч.**). Коли прибавить еще соц.-федералиста князя Геловани и национал-демократа, корпулентного князя Тавдгеридзе, то и получим правительственную группу Совета – 33 депутата, которая заодно голосовала за предложения меньшевиков.

Группу оппозиции составляли «независимцы» С. Чанба, М. Цагурия, Д. Алания, и И. Маргания, экономическая группа в составе Какуба и А. А. Демьянова, да эстонец Мартин, всего 7 человек».

Кстати, это то самое мизерное число 7 поминал и Д. Алания, выступая на совещании абхазской интеллигенции в марте 1920 года. А ведь в том же Совете, во фракции грузинских меньшевиков, абхазов было вдвое больше. А вот русский Демьянов и эстонец Мартин примкнули к небольшой группе абхазских оппозиционеров. Правы

¹ Станислав Лакоба. Август Мартин и эстонские материалы о событиях в Абхазии (1917 – 1921 гг.). Диалог времен. История. Традиций. Культура. Альманах № 2. Сухум – 1018. С. 171 – 172.

были абхазские публицисты, отмечавшие в печати, в том числе и в газете «Апсны», низкий уровень образованности и самосознания, как в широких слоях населения, так и в среде т. н. элиты. Потому-то грузинским оккупационным властям не составляло особого труда распространить свое влияние и держаться так долго в Абхазии. Приемы для того были разные.

Об одном таком факте повествует А. Мартин: «Я получил от Чхиквишвили (чрезвычайный комиссар грузинского правительства в Абхазии. – **В. Ч.**) приглашение принять участие в собрании с. – д. – ой (социал-демократической. – **В. Ч.**) фракции в помещении городской думы. Когда я вошел, собрание уже шло. Чхиквишвили, который руководил собранием, обратился к нему со следующими словами: «Я пригласил на наше собрание представителя эстонцев в надежде, что ему между нами понравится, и он примкнет к нашей фракции, как уже примкнули представители гудаутских абхазцев (в первом ряду сидели со счастливыми лицами молодые Тарнава и Базба)»¹.

К слову, такого не наблюдалось во время парламентской борьбы абхазской и грузинской фракций Верховного Совета Абхазии в 1990 – 1992 гг., хотя не все абхазские депутаты разделяли в ту пору взгляды В. Г. Ардзинба. Лично автору этих строк в пору редакторства газетой «Республика Абхазия» отдельные депутаты высказывали опасения, что программа Владислава Григорьевича, направленная на восстановление политического и экономического суверенитета бесправной республики, может вызвать агрессию Грузии. И считали, что выбор должен быть за компромиссом, хотя бы и за счет Абхазии. Большинство же депутатов из партийно-советских структур и вовсе не верили, как и в 1919 году абхазские меньшевики, в возможность отдельного, без Грузии, существования независимой абхазской республики. Но все эти сомнения оставались втуне, а на поверхности политического процесса единой программой действий была формула, заключавшая необходимость обретения прав и свобод для народа Абхазии, погранных Грузией в прошлом. В том, конечно, большая заслуга выдающегося абхазского лидера, сумевшего, сплотив народные массы и элиту страны, направить все силы

¹ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Составитель и автор предисловия Р. Гожба. С. 275 – 276.

на решение главной задачи – освобождения Абхазии от пут грузинского колониального диктата.

Совершенно иная картина наблюдалась в период грузинского меньшевистского господства в Абхазии – с 1918 по 1921 годы. Единения абхазского народа и элиты не наблюдалось, не проявился и общенациональный лидер, посему и освободительное движение выражалось в протестной парламентской форме, причем, достаточно вяло и без особого успеха. На то были причины, о чем нередко писали абхазские публицисты. К примеру, тот же неугомонный М. Лакербай в своем очередном выступлении в газете «Апсны» (30. 08. 1919. № 23.) острым пером публициста отмечал: «После революции у наших людей стало модным увлечением быть членом той или иной партии, а при встречах, заведя разговор, непременно спрашивать – в какой-де партии состоишь нынче. На практике же они не только не разбирались в партийных делах, но даже не смогли бы объяснить, что есть такое вообще партия. Теперь уже кое-кто не прочь бы и ретироваться из тех партий, да как-то неудобно и стеснительно становится им. Вот и выжидают чего-то. А меж тем в народе думают, что они нужным делом занимаются, и с надеждой взирают на них»¹.

Гротеск, разумеется, но автор весьма близко к реалиям показывает картину увлечения политикой тех абхазов, которые будучи малограмотными, но в то же время охочи до теплых местечек в меньшевистских структурах. А вот пользы от них абхазскому народу никакой. «Как и те, – считает публицист, – которые бегают от партии к партии. Сегодня состоят в одной партии, завтра – в другой, а послезавтра «испытывают» себя уже в иной и т. д. При этом зовут себя людьми партийными, занимаясь краснобайством, обманывают народ»².

В этом отношении небезынтересно мнение о некоторых абхазских депутатах уже упомянутого нами А. Мартина, который, например, характеризуя «независимцев», отмечал: «Старше, и как позже оказалось, и способнее других был Самсон Чанба. Он был верх сдержанности, воспитанности, учтивости, чуткости. Существо это было душою нежное и в то же время крепкое, как металл. Его взгля-

¹ Газета «Апсны». Составитель, автор предисловия и примечаний В. Ш. Авидзба. Сухум – 2006. С. 160.

² Там же. С. 160.

ды на свободу, на права его народа, на право абхазского народа на экономический и духовный прогресс были вне малейшего сомнения, вне возможности уступок или сделок с кем бы то ни было. Любовь к родине и народу украшала всю его жизнь».

По поводу же другого члена оппозиции автор писал следующее: «По своему характеру полной противоположностью Чанба был самый молодой член фракции Михаил Цагурия. Он был политический борец, большевик, уже в то время член Коммунистической партии (имеется в виду РСДРП (б). – **В. Ч.**). Своих политических противников меньшевиков он не щадил, обращался к ним с колкими словами, заживо их задевал. Выступая с кафедры Совета, он называл их «доморощенными социалистами», говорил, что они неразборчивы в своих аппетитах в Абхазии, «хватаятся за все то, что нетвердо стоит». Меньшевики очень не любили его за это».

Об остальных представителях той же фракции А. Мартин говорит лаконично, отмечая, что «Алания и Маргания выступали редко. Когда надо было выразить точку зрения фракции, брал слово Чанба, часто выступал и Цагурия. Расхождений и разногласий во мнениях и взглядах никогда не было»¹.

Важно и то, что эстонец Мартин не был предвзятым наблюдателем, он описывал ровно те события, в которых сам был непосредственным участником, при том поддерживал небольшую оппозиционную группу депутатов, чем разительно отличался от многих абхазов, находившихся в стане меньшевиков.

Отметил автор и других членов оппозиции. По поводу одного из них он сообщал следующее: «Очень милый человек был Какуба. Инженер, уже в летах, с большой ногой, так что ему трудно было ходить... К нам, молодым депутатам из оппозиции, относился по-отечески, давал советы, был верным оппозиции, всегда голосовал с нами, был славным сыном абхазского народа. На одном из первых заседаний Совета Какуба, выступая с кафедры и остро критикуя действия грузинского правительства в Абхазии, назвал чрезвычайного комиссара грузинского правительства в Абхазии Чхиквишвили экспроприатором. Чхиквишвили, который сидел в первом ряду, прямо над кафедрой, выхватил револьвер, револьвер вынул и Ка-

¹ Абхазия – документы и материалы (1918 – 1921 гг.) Составитель и автор предисловия Р. Гожба. Сухум – 2009. С. 286 – 288.

куба; но выстрелить не могли, ибо вокруг все вскочили и успокоили разгорячившихся противников».

С искренней теплотой вспоминал А. Мартин и о русском члене оппозиции (состоял в группе Какуба. – **В. Ч.**), репрессированном за свою политическую деятельность, скорее в поддержку абхазов, нежели за то, в чем его обвиняли – в пропаганде добровольческой армии Деникина. О той ситуации автор писал: «Только в процессе работы этой комиссии (по выработке конституции. – **В. Ч.**) стало ясно, что самым видным «государственным мужем» в Народном Совете Абхазии был Александр Алексеевич Демьянов, бывший член Русского Временного Правительства, Государственной Думы. Во Временном правительстве он был товарищем (заместителем. – **В. Ч.**) министра юстиции. Превосходный юрист, он сразу заслонил, оставил в тени меньшевистских юристов».

С. Лакоба также напоминает, что А. А. Демьянов принял самое деятельное участие в разработке конституции Абхазии. Были представлены два проекта конституции, один – грузинских меньшевиков, другой – группы Чанба за авторством Демьянова. В грузинском проекте никаких автономных прав вообще не было. Проект конституции, представленный оппозицией, как и сам Демьянов, не устраивали грузинские власти и они, по словам Мартина, «как оккупанты в Абхазии», решили избавиться от этой сильной личности. Осенью 1919 г. грузинские власти расправились с неугодным Демьяновым, а 18 ноября он был исключен из состава Совета, арестован, а затем выслан¹.

Кстати, в очерке «Моя служба при Временном Правительстве» («Архив русской революции», т. 4, стр. 55 – 120), сам А. Демьянов отмечал следующее: «... Грузия провозгласила себя автономной; когда же я в Народном Совете Абхазии, куда я был избран Абхазской национальной партией (в состав которой входила и крайняя левая партия), отстаивал существующую автономию Абхазии, грузинские власти свели эту автономию на нет; игнорируя прежние свои договоры с Абхазией. Меня признали врагом Грузии и засадили в тюрьму»².

¹ Станислав Лакоба. Август Мартин и эстонские материалы об Абхазии (1917 – 1921 гг.). Диалог времен. История. Традиций. Культура. Альманах №2. Сухум – 2018. С. 172 – 173.

² Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.) Составитель и автор предисловия Р. Гожба. Сухум – 2009. С. 275 – 284.

Примечательно и то, что до заключения в тюрьму и высылки из Абхазии, «18 ноября 1919 года Демьянов был исключен из состава Совета большинством голосов меньшевиков». А среди меньшевиков значительное число составляли абхазы. Такой вот, можно сказать, политический парадокс: выступал человек в защиту абхазов, от коих и пострадал. Недаром русские говорят: за что боролся, на то и напоролся. Добавим к сказанному, что после исключения Демьянова, вместе с ним из зала собрания в знак протеста удалились депутаты абхазы Базба, Маргания, Алания, Чукбар и Чанба.

Любопытно также мнение А. Мартина относительно абхазских депутатов меньшевиков, обслуживавших интересы оккупационных властей. О личности председателя Совета Варлама Шервашидзе автор повествовал так: «Я лично уважал и любил его общечеловеческое достоинство. Насколько я общался с людьми и знаю, он был авторитетен и уважаем. Потомок владетельных князей Абхазии, он мог вырасти в условиях, где остался далек от народа. Меньшевики внушили ему веру в традиции былой дружбы между абхазским и грузинским народами, стать политическим борцом за права своего абхазского народа в нем не было начал».

Что ж, надо отдать должное автору этих строк, его щадящей оценки деятельности руководителя Абхазского Народного Совета, явного ставленника Тифлисского правительства. Ясно что, он, Шервашидзе, был подневольным исполнителем воли своих хозяев. Это подтверждается и теми свидетельствами, как, к примеру, принимали конституцию (июль 1919 г.), выгодную меньшевикам. К тому времени (20 марта 1919 г.) меньшевистским большинством АНС уже была принята дарованная Тифлисом т. н. автономия Абхазии. Она состояла из двух пунктов. Первый пункт гласил, что Абхазия входит в состав Демократической Республики Грузия, как ее автономная единица, о чем поставить в известность правительство республики Грузия и ее Учредительное Собрание. Вторым пунктом отмечал, что для составления конституции автономной Абхазии и определения взаимоотношений между центральной и автономной властью избирается смешанная комиссия в равном числе членов от Учредительного Собрания Грузии и Абхазского Народного Совета. И выработанные ею положения по принятию их Учредительным собранием Грузии и Абхазским Народным Со-

ветом должны быть внесены в Конституцию Демократической Республики Грузия¹.

Вот теперь АНС предстояло принять конституцию «автономии», которую затем должен был одобрить Тифлис. О той драматической ситуации тот же А. Мартин сообщает следующее: «Ясно было: меньшевики хотели принять свой невыгодный для Абхазии проект без критики, которую было бы горько слышать, – а оппозиция к критике серьезно готовилась, – и обязали председателя (Шервашидзе. – **В. Ч.**), который был из их фракции, не давать оппозиции говорить (то есть, абхазам. – **В. Ч.**), лишить ее слова. Жалко было смотреть на Шервашидзе, я будто прикован был к его лицу, не мог оторвать от него своего взгляда. Кто бы хотел быть в его шкуре? Честному, искреннему, прямолинейному человеку трудно было выполнять наложенные на него нечестивые задания. Партийной дисциплине такому человеку, как Шервашидзе, было трудно подчиниться, но он все же выдержал и исполнил приказ своей партии». То есть, В. Шервашидзе провел силами меньшевиков в Совете одобренную тем же Тифлисом выхолощенную бесправную конституцию, взамен проекта «независимцев», по которой Абхазия обладала бы правом внутреннего самоуправления.

Добавить здесь нечего. В таких случаях говорят: комментарии излишне. Посему дадим слово нашему автору для характеристики еще одной персоны в стане меньшевиков. Заметим при этом, что А. Мартин всегда в своем описании предельно вежлив, несмотря на то что он не разделял взглядов и позиций меньшевиков, кого представлял в своих заметках. Итак, он отмечал: «Из других абхазцев во фракции меньшевиков пользовался всеобщим уважением Зухбай. Его считали лучшим адвокатом Сухума. Многим эстонцам он вел судебные и административные дела, и все его хвалили и были им довольны. За его фамилией в избирательном списке с.-д. стояло слово «беспартийный...», и он не забывал это подчеркивать. Свое выступление он всегда начинал словами: «Я, как беспартийный...», но голосовал всегда с партией меньшевиков. Он был симпатичный, всегда интересный собеседник, хороший рассказчик»².

¹ История Абхазии с древнейших времен до наших дней. О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба. Сухум – 2015. С.345.

² Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Составитель и автор предисловия Р. Гожба. Сухум – 2009. С. 283.

И еще такая деталь, отмечающая политические процессы, происходившие в высшем законодательном органе власти Абхазии во второй половине 1920 года. Вот что вспоминал о том времени А. Мартин: «Мои друзья (абхазы. – **В. Ч.**), когда я опять был в Совете (уезжал в отпуск в Эстонию. – **В. Ч.**), говорили мне, что простые члены Совета недовольны правительством (грузинским в Тифлисе. – **В. Ч.**) и перейдут в оппозицию. Будет большинство, и не согласен ли я стать секретарем Совета. Я сказал, что не откажусь, но вряд ли из этого что-либо выйдет. Так и было. К оппозиции перешел, и официально, только Тарнава. Он присел к нам как восьмой депутат оппозиции» (Из 40 депутатов. – **В. Ч.**).

Можно только предполагать, что в тот период лидеры абхазской оппозиции пытались, организовав большинство из абхазских и союзных с ними депутатов, развернуть деятельность АНС в пользу абхазского народа. В повестке дня оппозиции в то время стояли вопросы расширения прав абхазской автономии, принятие проекта конституции, подготовленной группой абхазских депутатов, не прошедшего на сессии Совета в июле 1919 года по причине меньшевистского доминирования в АНС. В тот раз поддержку своим грузинским партийным товарищам оказывали и абхазские меньшевики. А теперь вот, по словам «независимцев», как писал Мартин, была надежда, что те абхазы, одумавшись, перейдут к оппозиции. Вот что по этому поводу далее отмечалось автором: «Еще при мне рядовые члены Совета абхазцы Тарнава, Базба, Чукбар, Кобахия, Цвижба, Барциц и Дзкуя выступили из фракции соц.-демократов Грузии и четверо из них составили фракцию интернационалистов, не примкнув к оппозиции. Но вместе с оппозицией они составили т. н. «группу 14-ти».

Дальше, чтобы разрядить политическое напряжение в Совете, были намечены по грузинскому сценарию меры якобы по согласованию спорных вопросов по конституции и автономии Абхазии на уровне Учредительного Собрания Грузии. Ситуацию той поры эстонский депутат Мартин характеризовал таким образом: «Устрашенные таким массовым уходом депутатов из своей фракции, меньшевики, желая успокоить мятежные умы, видно, и сами были согласны с тем, чтобы эта группа составила свой новый проект конституции и старалась путем переговоров в Тифлисе добиться рас-

ширения автономных прав. Была избрана делегация из 9 депутатов, назначили каждому по 2000 рублей суточных и направили в Тифлис для переговоров с Учредительным Собранием Грузии. Делегация пробыла в Тифлисе 40 дней, израсходовала 293.000 рублей, но ничего не добилась, так как Учредительное Собрание Грузии не было заинтересовано в этих переговорах, грузинским властям подходила бесправная по существу конституция, принятая Народным Советом Абхазии в июле 1919 года. 4 декабря Совет решил отозвать делегацию в Сухум»¹.

В принципе ничего другого от Тифлиса ждать не приходилось. Абхазская оппозиция все же была слаба, не было смысла серьезно с ней считаться. Большевики размышляли тогда о проблемах более важного свойства: тревожили Тифлис военные успехи российских большевиков, к тому же и европейские страны не спешили признавать Грузию в качестве полноправного независимого государства. Парижская мирная конференция, состоявшаяся в начале 1919 года, не признала де-юре грузинское государство. Конфликтные отношения складывались с «белым» движением в лице генерала А. И. Деникина, который перманентно ставил руководству Грузии условия по выводу войск со своей тыловой зоны, в том числе и из Абхазии.

Думается, Главком Вооруженных Сил Юга России генерал Деникин имел намерение и возможность очистить Абхазию от грузинских меньшевиков еще в начале 1919 года. Но тому помешала Великобритания, у которой были свои соображения по поводу Грузии и всего Закавказья. О том, об убеждениях Антона Ивановича Деникина в целесообразности такой меры, свидетельствуют и документы, имевшие непосредственное отношение к генералу. Так, в подробной телеграмме в адрес представителей Британского правительства Деникин сообщал о том, что к нему обратились официальные представители абхазского народа с прошением, подписанным членами Народного Совета. В письме отмечались негативные моменты грузинского правления в Абхазии, начиная с ввода туда грузинских войск, также содержалась просьба поставить вопрос перед союзным командованием «о немедленном выводе грузинских войск из Абхазии, дабы избавить абхазский народ от насилий, могущих вы-

¹ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Составитель и автор предисловия Р. Гожба. Сухум – 2009. С. 289.

звать кровавую смуту, и дать ему возможность приступить к мирной жизни».

Деникин, надо отдать ему должное, самым внимательным образом отнесся к просьбе абхазских представителей. У него, судя по всему, уже было собственное представление о ситуации, которое совпадало с чаяниями абхазского народа. Подтверждением сему его предложения британским представителям о том, как необходимо стабилизировать ситуацию в Абхазии. План Деникина состоял из трех пунктов. По первому пункту генерал отмечал: «Ненависть абхазцев к грузинам так сильна, что никакое совместное жительство этих народов невозможно, и все равно путем кровавой борьбы абхазцы добьются своей свободы (пророческие слова, реализовавшиеся почти сто лет спустя. – **В. Ч.**). Исход же ситуации ему представлялся таким: «А потому всякое промедление в удалении грузин из пределов Сухумского округа только ухудшит дело и вынудит прибегнуть к вмешательству посторонней вооруженной силы для восстановления порядка». Идеальным решением проблемы могла быть реализация второго пункта, которым предполагалось «Сухумский округ теперь же объявить нейтральным, необходимо отсюда вывести войска и администрацию (грузинскую – **В. Ч.**) и возложить поддержание порядка на абхазские власти, свободно ими самими выбранные, и на военные отряды, сформированные из абхазцев». О хорошей информированности генерала говорил и третий пункт плана, по которому «грузины должны быть отведены за реку Ингур, т. е. за бывшую границу Кутаисской губернии. Их претензии на район, лежащий между реками Кодор и Ингур, ни на чем не основаны, ибо население этого района относится к грузинам с ненавистью еще большей, чем население остальной Абхазии».

Тогда, к сожалению, намерения белого генерала не сбылись в полном объеме. Его войска в январе 1919 года, разгромив грузинские части в приграничной зоне России и Абхазии, выдворили их за реку Бзыбь. В начале 1920 года белая армия потерпела поражение и отступила в Крым, где командование принял генерал Врангель.

Тем временем политическая борьба в Народном Совете Абхазии стала принимать более ожесточенные формы. Абхазские депутаты, пребывавшие в рядах меньшевистской фракции, стали четче осознавать бесперспективность обещаний грузинских властей наде-

лить абхазскую автономию реальными правами. И теперь уже они отходили от меньшевиков и по ряду вопросов стали блокироваться с абхазской оппозицией. Оставались до конца те из абхазов, только верные идеалам меньшевиков и занимавшие высокие чиновничьи посты. Свидетельством тому и возмущение абхазских депутатов, невзирая на партийную принадлежность, тайными планами грузинских властей по переселению жителей внутренних районов Грузии на жительство в Абхазии.

Это «дело» обнаружили и вместе внесли его в форме запроса в Совет меньшевики – Тарнава и Барциц, «независимцы» – Чанба и Алания. Запрос вызвал эффект взорвавшейся бомбы и разворошил весь «муравейник» из состава организаторов и исполнителей меньшевистского «переселенстроя». Этот пример показывает и, таким образом, можно сделать выводы, что переселенческая кампания, развернутая в 30-х – 40-х годах большевиками И. Сталиным и Л. Берия была продолжением их партийных конкурентов – грузинских меньшевиков в 1919 – 1920 гг. в Абхазии.

Непосредственный свидетель той ситуации А. Мартин сообщал: «Отвечая на этот запрос, председатель Комиссариата князь Эмухвари, которому подчинялся земельный отдел, отрицал правдивость приведенных в запросе данных, называя их клеветой. Ревизионная комиссия во главе с председателем Совета Шервашидзе, избранная Советом 19 октября (1920 г. – **В. Ч.**), запечатала двери земельного отдела в Комиссариате (исполнительный орган Совета. – **В. Ч.**) и тем смогла проверить все делопроизводство отдела. Застигнутый врасплох, заведующий земельным отделом, грузин Месхи ничего не стал отрицать и чистосердечно во всем признался. Переписка между переселенческим управлением Грузии и земельным отделом Комиссариата Абхазии происходила исключительно на грузинском языке, работники переселенческого управления Маруашвили и Калантадзе посылали письма лично на имя Месхи. На дело переселения грузин в Абхазию была грузинским правительством отпущена крупная сумма – десять миллионов рублей, из которых два миллиона уже были получены. Работали два агента. Грузинские письма в комиссии переводили на русский язык депутаты Берулава и Д. Гулиа, последний только что вошел в Совет. В то время из Абхазии уходили греки в Малую Азию, их постройки и должны были ску-

пить агенты Месхи для грузин. В селе Михайловском на этой работе был грек Бумбуриди».

Ну как здесь не отметить того факта, что, невзирая на партийные различия грузинской элиты, будь то демократы, меньшевики или же в советское время большевики, отношение их всех, вместе взятых, к абхазскому вопросу было единым в одном: взять Абхазию во что бы то ни стало! Разве лишь временами эта политика проводилась открыто, а периодами ее пытались тайно претворять в жизнь. И всегда находились те из абхазов, причем на высокопоставленном уровне, которые старались при том, прислуживать им. Как и в данном случае. О чем поминает и наш автор: «Интересно было при этой ревизии поведение Эмухвари. Когда у Месхи спросили «с ведома или без ведома Эмухвари все это делалось, тот ответил, что Эмухвари во все был посвящен». «А Эмухвари стоял и молчал», говорится в протоколе комиссии. Когда после этого сугубого открытия в Народном Совете Абхазии голосовалось предложение устранить Эмухвари с поста председателя Комиссариата, то голосами меньшевиков он был оставлен у власти. Меньшевики с Эмухвари были верными прислужниками оккупационных сил Грузии»¹.

Следует отметить, что к тому времени (1919 – 1920 гг.) отчаянное недовольство меньшевистским правлением, помимо абхазов, испытывали практически все национальные группы населения: армяне, русские, греки и прочие. Началось заселение выходцами из Грузии ряда регионов Абхазии, делалась настойчивая попытка внедрения грузинского языка в абхазских территориальных органах и учреждениях в качестве официального (государственного), в школах – в качестве языка обучения.

Ужесточались и карательные меры центральных меньшевистских властей. «С января 1920 года в крае без ведома НСА и Комиссариата прямым распоряжением из Тифлиса был введен «военно-чрезвычайный суд», который в течение нескольких месяцев казнил 20 человек и предал суду еще 129 человек. В сентябре 1920 г. на заседании НСА М. Тарнава отметил: «Суд введен в Абхазии не теми органами, кому принадлежит это право... Здесь нарушены права

¹ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Составитель и автор предисловия Р. Гожба. Сухум – 2009. С. 290.

автономии... В мае того же года по поводу сложившейся ситуации Барциц и Алания заявили: «Автономии нет, само существование Совета не имеет основания... Карательные меры применялись не только против абхазов, но и против южных осетин. Их осуществляли «красногвардейцы» Джугели, потом отряды «народной гвардии» Мазнишвили, которые отличались от советской «красной гвардии» только «национальным шовинизмом». Они были хорошо вооружены, особенно артиллерией, доставшейся от бывшего Кавказского фронта Русской армии, получали высокое жалование и, за редким исключением, возглавлялись людьми с тюремным прошлым»¹.

Таковой, примерно, по форме и содержанию была и грузинская агрессия против абхазов в 1992 году, но в разы масштабнее и мобильнее. Также вооруженная из арсеналов советских войск в Закавказье, грузинская армия, возглавляемая к тому же «военачальниками» (Иоселиани и Китовани) с криминальным реноме, ринулась на Абхазию. Однако бешеный натиск грузинского агрессивного национализма был успешно отражен и наголову разгромлен объединенными силами абхазов и северокавказских братьев. В том, конечно, заслуга выдающейся личности – главы Абхазии Владислава Ардзинба, сумевшего обеспечить единство и сплоченность широких слоев народа и элиты. Без того, как свидетельствует мировая практика, не бывает судьбоносных событий и достижений. В этом как раз и заключается выдающееся значение роли личности в истории.

Но поскольку выдающейся и объединяющей все слои населения и элиту личности в период господства в Абхазии грузинских меньшевиков среди абхазов не оказалось, уповать обществу приходилось лишь на внешний политический расклад. Вначале в стране доминировала политика меньшевистской Грузии, но с течением времени, с ужесточением грузинского оккупационного режима, как это видно из отмеченного выше, происходила постепенная переориентация крестьянства и значительной части интеллигенции на соседнюю большевистскую Россию.

По словам С. Лакоба, «Грузия, пытавшаяся восстановить свою государственность на принципах «самоопределения и мира без

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 80.

аннексий», в то же время оккупировала Абхазию, подвергла жесточайшим репрессиям осетин и заявила претензии на армянские и русские территории. В результате она запуталась в клубке созданных ею самой противоречий. В феврале 1921 г. советский переворот в Грузии, совершенный при активном участии Красной Армии, был неизбежен»¹.

Исследователь далее отмечает, что «правительство Жордания не оказало почти никакого сопротивления малочисленным советским войскам. По свидетельству грузинского генерала Г. Квинитадзе, большевистский командарм Геккер просил у Москвы всего 35 тыс. солдат для завоевания Грузии. Эмигрантский историк Д. Вачнадзе писал, что Грузия давала в Русскую армию 160 тыс. воинов. Против большевиков же, свидетельствовал генерал И. Одишелидзе, страна смогла выставить всего «18 000 штыков при 46 орудиях и шести эскадронах». Иронически описывает он сбор особого батальона народной гвардии, который вместо обещанных 1500 человек «вышел из Тифлиса на театр войны в составе 240 человек, но зато на его проводах было сказано 240 речей»².

Таким образом режим меньшевиков пал, Красная Армия Тифлис не брала, она 25 февраля 1921 года просто вошла в него, брошенного до того панически сбежавшим правительством Ноя Жордания.

Дольше продержалась власть меньшевиков в Сухуме. Здесь, за два дня до падения Тифлиса, 23 февраля 1921 года в стенах «абхазского» парламента под руководством его главы Варлама Шервашидзе можно было наблюдать трагикомическое действо, достойное описания не меньше, чем пером великого сатирика Гоголя. На нем присутствовали не менее двадцати депутатов, среди которых были именитые, как в ту пору, так и ныне, достопочтенные абхазские интеллигенты. Причем заседали по поводу и меньшевики, и социалисты, и независимые, и большевики, и «беспартийные». Повестка дня звучала, заметим, прямо таки воинственно: «Оборона страны (видимо, Грузии. – **В. Ч.**) в связи с открытием военных действий со стороны войск Советской России».

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 83.

² Там же. С. 83.

В протоколе №3 того самого чрезвычайного заседания Народного Совета Абхазии, состоявшегося 23 февраля 1921 года (на нем присутствовали ..., впрочем, фамилии опустим, чтобы не шокировать наших современных читателей, 23 депутата, среди коих почти половина абхазов) отмечалось, что «предложенная Президиумом (НСА. – **В. Ч.**) резолюция принимается единогласно, стоя, и при аплодисментах. Затем выслушали сообщение председателя Комиссариата Абхазии (А. Эмухвари. – **В. Ч.**) о вторжении в пределы Республики (имеется в виду Грузия. – **В. Ч.**) войск соседних государств без объявления войны и без всякого повода со стороны всегда только оборонявшейся Республики (позабыли, выходит, бесславный поход грузинской армии вплоть до Туапсе. – **В. Ч.**). Народный Совет Абхазии постановил принять решительные меры для обороны страны и помощи Правительству Республики (Грузия. – **В. Ч.**). Для чего отпускается один миллион рублей в распоряжение Совета Обороны. Командируются члены Совета в Округ для привлечения всего населения тем или иным путем к обороне. Совет также обращается с воззванием о защите границ к гражданам, населяющим Абхазию.

На том же заседании Народный Совет, несмотря на его политическую разноликость, «единогласно постановил приветствовать Правительство и Учредительное Собрание Республики (Грузия. – **В.Ч.**) и всеми силами содействовать проведению в жизнь его мероприятий по обороне страны и освобождению кавказских народов от империалистов с севера».

В протоколе также отмечается, что затем «Председатель разъясняет, что работа депутатов Народного Совета будет заключаться в призыве населения к спокойствию и помощи фронту всеми средствами информации о содействии и созданию благоприятного защите страны настроения. После этого Совет постановляет прервать заседания до наступления более благоприятствующего мирной работе времени»¹.

Вместо Совета еще некоторое время собирался его президиум для обсуждения текущих вопросов. И с 25 февраля заседания президиума проводил «Старший Товарищ Председателя Народного

¹ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Составитель и автор предисловия Р. Х. Гожба. Сухум – 2009. С. 682 – 683.

Совета К. Н. Акиртава. Скорее всего, нервы председателя Совета В. Шервашидзе, осознававшего скорый крах меньшевистского господства, не выдерживали испытания реалиями тех дней. А вот президиум Совета упорно продолжал свою деятельность. В частности, 25 февраля того же года он постановил «предложить всем членам Народного Совета Абхазии оставаться в городе. На случай оставления города Сухума войсками Республики Грузия вменить в обязанность членов Совета следовать по пути отступления, и ни при каких обстоятельствах не оставаться на территории захваченной врагами».

Даже за два дня до вступления частей Красной Армии в Сухум, президиум Совета на своем заседании еще твердой рукой принимал серьезные решения. Подтверждением тому протокол №8 заседания Президиума и хозяйственной Комиссии Народного Совета Абхазии (2 марта 1921 года). В нем значилось: «Выслушав доклад Председателя (за него уже был Акиртава. – **В. Ч.**) о назначении суточных Членам Комиссии, избранных 1-го сего марта Совещанием депутатов для поездки на фронт и в уезды, постановили: выдавать каждому депутату в сутки по одной тысяче пятьсот (1. 500) рублей, не считая проездных, кои оплачивать по действительной стоимости»¹.

Весьма достоверна и живописна картина заката власти меньшевиков, описанная в воспоминаниях эстонского депутата Августа Мартина. Он, в частности, отмечал: «В конце февраля власть меньшевиков в Тифлисе пала. На северо-западе Абхазии, в Гаграх, у грузинского Вердэна (правильно будет Верден, название французской крепости на реке Маас. – **В. Ч.**), как Гагры тогда называли, был фронт. Народному Совету Абхазии советовали работать для фронта, а когда стало известно, что дело проиграно, то советовали эвакуироваться».

Под Сухумом на рейде стоял французский крейсер «Комба». Сухум торопливо эвакуировался. Уезжала вся знать города со своими коврами, драгоценностями, из складов увозился табак. Стоя у пристани, я смотрел, как богатства Абхазии нагружались на суда и увозились за границу.

¹ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Составитель и автор предисловия Р. Х. Гожба. Сухум – 2009. С. 684 – 685.

Третье марта. Вечер. Солнце близится к закату. Не помню, какие у меня были дела на почте, которая стояла там, где и теперь. Я вышел и направился к центру города. По улице маршем шла последняя воинская часть Сухума – учебная команда, направляясь к Новому Афону, на подмогу фронту. Все были молодые юноши. Мать одного из них, идя рядом со строем солдат, старалась вырвать оттуда своего сына. Она то и дело прицеплялась к сыну, который же был с края. Ее отталкивали, но она с рыданиями не отставала. Наконец люди из публики, стоявшей по сторонам улицы, взяли ее, окружили и задержали. Но до фронта отряду и не удалось дойти: фронт был прорван, началось отступление, бегство.

Эту ночь (с 3 на 4 марта. – **В. Ч.**) я провел в городе, на горе Чернявского. Уже около полуночи внизу, в городе, стал раздаваться треск, звяканье, гром, крики: отступающее грузинское войско ломало и грабило магазины. Утром перед зрителем стояла печальная картина: не было ни одной уцелевшей лавки, унесено и увезено было все, что имело хоть какую-нибудь цену. Съестных припасов в городе не осталось. Сухум был занят советскими войсками. Начался новый советский период в истории Абхазии»¹.

В то время, когда вплотную разворачивались события по изгнанию меньшевиков из Абхазии, Е. Эшба и Н. Лакоба отсутствовали. Они с группой абхазов, выполняя задание вождя большевистской России В. И. Ленина, вели переговоры с черкесским и абхазским окружением турецкого лидера и самим Кемаль-пашой. Тем временем, 26 февраля 1921 года в войска 9-й Красной Армии (командующий – М. К. Левандовский, начальник политотдела – Д. А. Фурманов, будущий известный советский писатель) пришел приказ на выполнение боевого задания: «Наступлением в Абхазию помочь ее населению установить власть Советов». С частями 31 - й стрелковой дивизии, вошедшими 22 февраля на территорию Абхазии был и член подпольного ревкома большевиков Н. Акиртава, координировавший действия местных повстанцев с войсковыми подразделениями. В тот день была освобождена Гагра, 26 февраля – Гудаута, 3 марта – Новый Афон, 4 марта войска вошли в Сухум.

¹ Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.). Составитель и автор предисловия Р. Х. Гожба. Сухум – 2009. С. 292 – 293.

К тому времени здесь меньшевиков уже не было. Еще 3 марта бежал на французском пароходе председатель абхазского комиссариата Д. (Арзакан) Эмухвари, незадолго до того назначенный Тифлисом «генерал-губернатором» Абхазии.

4 марта 1921 года в телеграмме, отправленной Н. Акиртава в Москву на имя В. И. Ленина, говорилось: «Молодая Советская Абхазия шлет свой первый революционный привет Великой России – заступнице всех малых, угнетенных народностей и покровительнице трудящихся масс всего мира». О том, что уже тогда Абхазия мыслилась, как суверенная советская республика подтверждает обращение Н. Акиртава к министру иностранных дел России Г. В. Чичерину. В телеграмме на его имя, в частности, отмечалось, что Ревком Абхазии выражает свой протест против «гносного вмешательства французского правительства в дела Абхазии – бомбардировки ее побережья военными кораблями Франции».

Органы советской власти Абхазии были созданы после прибытия в Сухум Е. Эшба и Н. Лакоба. В связи с этим С. Лакоба сообщает следующее: «К 4 марта 1921 г., дню установления советской власти в Сухуме, ни Эшба, ни Лакоба еще не вернулись из Турции. Они прибыли лишь 6 марта. В тот же день при участии представителей 9-й Красной Армии здесь был сформирован высший законодательный и распорядительный орган власти – Ревком Абхазии в составе Е. Эшба (председатель), Н. Лакоба и Н. Акиртава. Начал функционировать и руководящий партийный центр – Оргбюро РКП (б) в Абхазии... Как только Эшба и Лакоба прибыли в Абхазию, на совещаниях Ревкома мгновенно встал вопрос о провозглашении независимости ССР Абхазии. 26 марта 1921 г. Ревком Абхазии сообщил Ленину об этом своем постановлении. Окончательное решение по данному вопросу, конечно же, было принято в Москве непосредственно Лениным...»¹.

Безусловно, что такое благоволение вождя мирового пролетариата, причем, не разделяемого его соратниками Сталиным и Орджоникидзе, имело под собой особую почву. Это было сделано в знак больших заслуг абхазских большевиков, выполнявших важ-

ную миссию по налаживанию межгосударственных российско-турецких отношений. По этому поводу С. Лакоба отмечал: «Вероятнее всего, основная задача, поставленная перед группой, заключалась в том, чтобы Турция отказалась от Батума и Батумской области, что вполне вписывалось в контекст подготовляемого советско-турецкого договора... Абхазская группа во главе с Эшба действовала по поручению Ленина в направлении заключения договора с Турцией на выгодных для РСФСР условиях. Не случайно поэтому, что их деятельность «совпала» по времени с наиболее ответственным моментом выработки данного соглашения. И лишь в первых числах марта 1921 г., когда поставленная Москвой задача была успешно решена, группа покинула Турцию»¹.

Договор о дружбе и братстве РСФСР и Турцией был подписан 16 марта 1921 года, двумя днями позже, 18 марта, в Аджарии была установлена советская власть. Вслед за этими событиями, «31 марта 1921 г. об итогах «Батумского совещания» (с участием Орджоникидзе, Эшба, Лакоба. – **В. Ч.**) Эшба по прямому проводу сообщил Ленину, а то, что вождь большевиков одобрил тогда создание независимой ССР Абхазии, подтверждают документы ЦК РКП (б) и декларация Ревкома Грузии, принятая 21 мая 1921г.»².

Таким образом, Абхазия, под воздействием внутренних и внешних объективных условий, вошла в качестве советской республики в новый этап своего существования, длившийся на протяжении 70 лет, вплоть до распада Советской империи.

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 85 – 86.

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 86.

² Там же. С. 86.

• ГЛАВА ТРЕТЬЯ •

АБХАЗСКАЯ СОВЕТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА (1921 – 1991)

Этап первый.

Эпоха сталинизма: становление или закат печатного слова (1920 – 1950 гг.)?

В рассматриваемую эпоху, да и позже, бытовало мнение, что в советское время все стороны и условия жизни имели свойство только развиваться, улучшаться, укрепляться и т. д. Это, мягко говоря, не совсем так. Было по-разному. Что же касается смысла нашего заголовка, то уточним, что мы ведем речь не о советском периоде в целом. Имеются в виду его отдельные временные отрезки, весьма, впрочем, продолжительные для жизненных интересов, культуры, языка, национальной идентичности абхазского народа, когда периодически наступала трудная, а порой и трагическая пора. В таких реалиях о становлении и тем более о расцвете чего-то там говорить не приходится, поскольку в этих обстоятельствах приходилось лишь выживать этносу любой ценой. Именно так, ценою громадных жертв, благодаря также благоволению Всевышнего, абхазы все же пережили страшное время Сталина и Берия, избежав всеобщей гибели в жерновах советской грузинской диктатуры в 30-е, 40-е, 50-е годы 20-го века.

Непростым было становление нового советского уклада жизни и в 20-е годы, хотя абхазы заполучили государственность в формате советской республики, после десятилетий бесправного существования в Российской империи. Однако жесткие установки и инструкции, непрерывной чередой засылаемые из партийных и

советских верхов, усложняли обстановку на местах. Особенно нетерпимой стала ситуация, после преобразования ССР Абхазии в автономную республику в составе Грузии. Абхазскому обществу, издревле склонному к горским традициям общественного уклада и индивидуальному способу хозяйствования, совершенно чужды были обязательные хозяйственные преобразования, внедряемые в принудительном порядке центральными большевистскими структурами на всем пространстве Советской страны. Глава Абхазии Нестор Лакоба своим авторитетом смягчал директивы по коллективизации, скорому плановому созданию колхозов в среде абхазского крестьянства, отводил все слои населения от раскулачивания и других мероприятий центра. Но и возможности Лакоба уже были на пределе: с подачи его грузинских оппонентов, как дамоклов меч над его головой собиралась опасность, и в Кремле в один момент могли решить его судьбу, что позже и произошло.

Также была сплошь под спудом классово-идеологической, как и по всей стране, общественной и духовной сферы общества. Сухая теория диктатуры пролетариата и сельской бедноты, которая будучи доминантной в общественной и государственной системе, охватывала все проявления политической, социальной и культурной жизни страны, как верхов, так и низов общества. С этим, конечно, в абхазской среде не все были согласны. Как в кругах интеллигенции, так и в массах крестьянства. К тому же, весь казус заключался еще и в том, что пролетариата абхазского, как в городах, так и в селах, практически не было. Однако программную установку большевистского центра, бывшую основополагающей для всей Советской страны, для маленькой Абхазии вряд ли кто бы отменил. Этого сделать не мог даже всесильный глава Абхазии Н. Лакоба.

В таких условиях происходило формирование культурных и идеологических структур республики, а также поиск и подбор работников этих сфер. В связи с этим академик А. Э. Куправа отмечал, что «22 февраля 1921 года в городе Сочи вышел первый номер газеты «Голос трудовой Абхазии» (под редакторством Н. Акиртава. – В. Ч.), орган Ревкома Абхазии. С 9 октября того же года газета переименована в «Трудовую Абхазию, а с 4 декабря 1926 года – в «Советскую Абхазию...».

6 марта 1921 года был создан отдел просвещения Ревкома Абхазии, его заведующий С. Чанба 11 марта издал распоряжение о воз-

обновлении занятий в учебных заведениях. 19 апреля того же года отдел народного образования Ревкома Абхазии реорганизован в Наркомат народного просвещения ССР Абхазии. Наркомом был утвержден С. Я. Чанба.

20 апреля 1921 года вышел первый номер еженедельной абхазской газеты «Апсны капш» под редакторством М. А. Лакербай (активный публицист газеты «Апсны» в 1919 – 1921 гг. – **В. Ч.**)¹.

Исследователь Е. Бебиа, ссылаясь на Ш. Д. Инал – ипа, приводит рассказ первого редактора М. Лакербай о том, как пришло решение о создании и наименовании газеты «Апсны капш», в переводе на русский «Красная Абхазия»: «Решили начать с выпуска малого формата, с обычной двух-полосной газеты. Нашли бумагу, собрали материалы для первого номера, да вот закавыка – никак не мог сообразить название газеты, да и посоветоваться ни с кем не получалось. А тут еще наборщики прямо-таки за горло берут: дескать, не поспешишь с названием, так и разойдемся скоро. Что было делать? Уйдут работники, значит, не выйдет газета. Вот и решил – здесь же, сидя, прямо на коленях, написал два слова: «Апсны капш». Предстоящее слово – это название первой абхазской газеты, которое не должно было затеряться, другое слово «капш» было задумано мною, как символ, соответствующий идеологии нового времени. Так родилась газета «Апсны капш»².

По сведениям ряда источников с выпуском абхазской газеты периодически возникали перерывы, связанные с техническими и кадровыми проблемами. О том же пишет Е. Бебиа: «Тираж «Апсны капш» в первый год насчитывал 300 – 400 экземпляров. Профессиональный уровень газеты был невысок. Не было журналистов со специальным образованием. Да и высшего образования почти ни у кого не было. Сказывалось незнание специфики журналистской работы, ее отличия от художественной литературы»³.

¹ А. Э. Куправа. Культурная жизнь в Советской Абхазии (1921 – 1980 гг.). Абхазоведение. Археология. История. Этнология. № 7. Труды АБИГИ. Сухум – 2012. С. 354.

² Екатерина Бебиа. Живая память. Из истории СМИ Абхазии. (На русском и абхазском языках). Москва – 2008. С. 220. // Ш. Д. Инал – ипа. Газета «Апсны», 20. 04. 2001.

³ Там же. С. 220.

И все же полагаем, что были и иные, не менее существенные обстоятельства, сказывавшиеся на ритмичной, квалифицированной деятельности национального печатного издания. Отметим, что годом раньше Д. И. Гулиа далеко не в комфортных условиях меньшевистской оккупации и на протяжении значительного времени издавал довольно солидную газету «Апсны». Вокруг нее тогда собрался, если и не весь, то уж точно значительный и серьезный костяк абхазской интеллигенции. Отсюда вышли прекрасные публицисты, будущие писатели и поэты, государственные деятели, неплохо являвшие свои способности и на страницах упомянутой газеты. Был немалый авторский актив из учителей, служащих и других невысокого ранга чиновников. Так, куда же они подевались, спрашивается, в течение короткого времени? Не все же из них обрели государственные посты и большие партийные должности.

Впрочем, о серьезных неувязках с изданием газеты можно догадаться из письма Д. Гулиа к наркому просвещения С. Чанба, в котором отмечается: «Газета, несмотря на то, что она бесплатная, все-таки не имеет подписчиков... Почти нет у нее и работников... Беспартийные сторонятся сотрудничать с партийной газетой, а у членов партии, за редким исключением, или времени нет на то, или они не знают абхазского письма. Оттого редактор Лакербай сам заполняет газету материалами, и сам же ведет корректорскую и редакторскую работу»¹.

Выше нами уже отмечалось, что Д. Гулиа предлагал своему товарищу и коллеге по работе в газете «Апсны» С. Чанба посодествовать в создании непартийной газеты, куда, по его мысли, так мы полагаем, можно было бы привлечь представителей широких слоев населения республики. Таким ведь образом он действовал в качестве редактора первой абхазской газеты «Апсны». Но к советам опытного редактора, как показало развитие ситуации, не прислушались. Нарком Чанба к тому же ничем не мог помочь в том деле, поскольку это шло в разрез с советскими реалиями того периода: диктатура пролетариата не признавала плюрализма и свободы выражения мнений. Получалось, что от услуг видного публициста и литератора, организатора газетного дела Д. Гулиа, однако же, бес-

¹ Там же. С. 220 – 221. // Письмо Д. Гулиа С. Чанба. 02. 08. 1922.

партийного, как видим, отказались в силу доминировавших в ту пору партийно-советских установок. Дмитрий Иосифович, явно не достучавшись со своим предложением до властей, принялся с энтузиазмом за иное, но также творческое занятие: в июне 1921 года создал любительскую передвижную абхазскую театральную труппу¹.

По тем же причинам, о которых сообщал Д. Гулиа в письме наркомму Чанба, на страницах газет «Апсны капш» и «Трудовой Абхазии», а затем и «Советской Абхазии» редкими были выступления видных публицистов, активно и плодотворно печатавшихся, как в русскоязычных газетах, так и в абхазской «Апсны», выходявших до советского времени. Вскоре, где-то через полгода, М. Лакербай оставил газетную работу, занявшись вплотную иными творческими планами. Наступает тяжелая полоса в существовании газеты: она выходит с большими перерывами, затем, под редакторством С. Чанба довольно продолжительное время выпускалась в качестве страничного вкладыша в газете «Трудовая Абхазия». Такое положение переполнило чашу терпения самого Самсона Яковлевича, который выступая перед сотрудниками газеты довольно резко заявил: «Газета так дальше существовать не может. Нет корреспондентов, нет и средств для ее издания...». После этого разговора деньги для издания газеты все же были изысканы, а вот проблема с профессиональными кадрами оставалась прежней².

О проблемах, имевших место с выпуском национальной партийной газеты в 20-х годах, можно сделать выводы из очередного сообщения русскоязычной газеты, которая отмечала следующее: «Центральный исполнительный комитет Абхазии и Областной комитет партии вновь возобновляют издание (это происходит в 1925 году. – **В. Ч.**) абхазской газеты «Апсны капш». Редакция просит всех товарищей абхазцев принять активное участие в организации газеты присылкой корреспонденций, материалов, статей и заметок, освещающих общественную работу и жизнь трудящихся масс»³.

¹ А. Э. Куправа. Культурная жизнь Советской Абхазии (1921 – 1980 гг.). Абхазоведение. Археология. История. Этнология. № 7. Труды АБИГИ. Сухум – 20012. С. 355.

² Екатерина Бебиа. Живая память. Из истории СМИ Абхазии. Москва – 2008. С. 221. // Газета «Голос трудовой Абхазии». 26. 02. 1924.

³ Там же. С. 221. // Газета «Трудовая Абхазия», 15. 01. 1925.

Несмотря на призывы, особой активной деятельностью газета «Апсны капш» не отличалась. Печатались на страницах газеты проходные информации, материалы официальных органов, небольшие сообщения с мест, и этим дело заканчивалось. Крупных публицистических выступлений, полемики и обсуждения насущных вопросов того времени, за редким исключением, в начале деятельности редакции наблюдать не приходилось. Хотя, как отмечалось выше, такая форма обсуждения жизненно важных для абхазского народа вопросов, практиковала и весьма удачно совсем недавно первая абхазская газета «Апсны». И тогда были трудности и со средствами, и с кадрами, но все же был создан актив из интеллигенции вокруг редакции, корреспонденты с мест писали в газету. И теперь рядом был сильный редактор Д. Гулиа, предлагавший выход из кризиса. Но власти, как думается, по идеологическим соображениям не могли пойти по тому пути. Заметно было также, что, кроме Чанба, много времени уделявшего новой партийной абхазской газете, мало выступали на ее страницах, скажем, начинавшие в «Апсны» талантливые публицисты и корреспонденты из районов Абхазии.

Редкими также были выступления в газете деятелей из среды большевиков, публиковавшихся ранее в печати. Правда, некоторые из них трудились на партийных и советских должностях, но им, как говорится, сам бог велел печататься в своей идейно близкой газете.

Такое положение создалось, полагаем, по причине недостаточного внимания к абхазской газете со стороны властей, загруженных до предела строительством нового уклада жизни, которое, безусловно, не могло проходить гладко и безболезненно в абхазском обществе. К тому же у руля редакции не оказалось сильной и сведущей в газетном деле личности, которая занималась бы только проблемой становления национального печатного органа, а не совмещала эту деятельность с партийно-советской работой.

Активными публицистами той поры, т. е. в 20-е и 30-е годы, оставившими свой след на страницах «Апсны капш», являлись, безусловно, сам первый редактор М. Лакербай, также Д. Гулиа, С. Чанба, М. Хашба, Н. Таркил, Ш. Хокерба, Дз. Дарсалиа, Д. Гадлиа, А. Папаскир и другие.

Следует отметить, что 1926 год был примечательным довольно значительным числом публикаций на страницах «Апсны капш» по

самым различным проблемам, волновавшим абхазское общество. Так, начав с публикации С. Бжаниа о состоянии и мерах в области поддержки абхазского языка, газета продолжила тему циклом материалов и других авторов. Д. Маан выступил в двух номерах газеты с материалами на тему становления абхазского языка, его роли и значения в качестве главного показателя идентичности абхазского народа¹. Интересными и актуальными были также публикаций А. Аншба «Может ли быть самодостаточной абхазская республика?»², Е. Сандзаа «Необходима сохранность лесов Абхазии»³, З. Кобахиа «Исследовать и сохранять абхазские лекарства»⁴. Публицистами активно обсуждалась проблема возвращения абхазских изгнанников на родину. О том, как случилась трагедия махаджирства, и что можно было бы предпринять для репатриации абхазов из Турции, писали в своих публикациях Н. Таркил: «Несколько слов по поводу возвращения абхазских махаджиров на родину»⁵, Ш. Хокерба: «Дело, которое не терпит ожидания...»⁶, И. Папаскир: «Дал – Цабал. Исповедь старика»⁷, Дз. Дарсалиа «Слово о турецких махаджирах...»⁸, Д. Гадлиа: «Необходимо помнить» и другие⁹.

О судьбе братского абазинского народа в ту пору поведал на страницах газеты в своем обращении, озаглавленном «К братьям абхазам» Фуад Ашибоков (Ашамба). Начав с исторического экскурса, он писал: «Абхазы, как и другие народы Кавказа, прошли через трагические испытания: сколько не защищали свободу, сколько не проливали за нее свою кровь, и все же судьба определила им царскую неволю, а те, кто не смирился с тем, вынуждены были покинуть родину. Мы же являемся вашими северными братьями – абазинами, частью народа, каким-то образом сохранившейся в

¹ Газета «Апсны капш», 16 апреля 1926 года, № 13, 24 апреля, № 3. (На абхазском языке).

² Газета «Апсны капш», 23 марта 1926 года. (На абхазском языке)

³ Газета «Апсны капш», 23 марта 1926 года. (На абхазском языке)

⁴ Газета «Апсны капш», 24 июля 1925 года. (На абхазском языке)

⁵ Газета «Апсны капш», 1 июня 1926 года. (На абхазском языке).

⁶ Газета «Апсны капш», 11 февраля 1926 года. (На абхазском языке).

⁷ Газета «Апсны капш», 9 января 1926 года. (На абхазском языке)

⁸ Газета «Апсны капш», 23 марта 1926 года. (На абхазском языке)

⁹ Газета «Апсны капш», 9 декабря 1926 года (На абхазском языке)

трагическое и беспощадное время. В прошлом было время, когда мы, абхазы, обладали свободой и независимым государством, у нас были тесные связи и вместе обсуждали наши насущные вопросы. После, я уже отмечал, как оказались в неволе, прервалось наше общение, начиная от языка до практических дел, сидели тихо и молча, до прихода нынешней свободы, словно медведь в берлоге, теряя наши ценности и традиций. Сегодня, когда Советская власть освободила народы, и все они озаботились изучением родного языка, так получилось, что мы оказались без тех, кто бы и нас привлек к тому. Кругом нас народы (черкесы, карачаевцы) получили права и свободы. Одни только мы остались в стороне, не зная и не понимая к кому нам склониться. Говорится же, пой песню того, в чьей лодке находишься, вот и пристали мы к нашим соседям (черкесам). Много утеряли мы в языке и традициях в прошлом по произволу царизма, теперь, когда пришло время восстановления утерянного, почему же вы позабыли нас, наши братья – абхазы. Ведь сегодня благодатная Апсны свободная республика со своим руководством на побережье Черного моря. Я хорошо помню свое село, где в 1910 году проживало 550 дворов, а сегодня там 350 семей. Также и в других селах, вместо 12 – 13 сел, осталось ныне 8, из 25 – 30 тысячного населения осталось 10 – 11 тысяч. Если такое продолжится, то через 10 лет нас не будет, мы забудем свой язык.

Братья – абхазы, думаю, добавить к тому нечего, ясно в каком критическом положении мы находимся. Я прошу обсудить эту ситуацию (на сессии ЦИК) и принять кардинальные меры по нашему вопросу. Или заберите нас всех, если есть такая возможность, или же найдите способ для того, чтобы не утратить нам свой язык, обеспечьте нас учителями для обучения наших детей.

Прошу всех абхазов поделиться на страницах газеты своими соображениями о том, какие имеются пути решения этого вопроса, каким образом наиболее успешно организовать наше переселение в Абхазию»¹.

Эти источники, как и некоторые другие, отсутствующие в Абхазии, любезно представлены автору исследователем Русланом Гожба из своего архива, который он пополнял, будучи студентом Мо-

¹ Газета «Апсны капш», 24 апреля 1926 года. (На абхазском языке).

сковского литературного института им. А. Горького, выписками из материалов библиотеки им. В. И. Ленина.

Постепенно деятельность газеты «Апсны капш» становится много стабильней и качественней в профессиональном отношении. Редакция укрепляется кадрами и новой по тем временам технологией. С 1932 года ответственным редактором, после окончания в Москве Государственного института журналистики, становится М. Л. Хашба. Он и до того работал зам. прежнего редактора С. Чанба, теперь же, на новом этапе своей деятельности, Хашба проявил себя не только в качестве публициста и редактора, но и организатора производства издания национальной газеты на новой полиграфической базе. И, как отмечает исследователь В. Ш. Авидзба, «журналистская деятельность М. Л. Хашбы заслуживает самой высокой оценки. Ибо он, помимо привычной, повседневной работы редактора, неустанно занимался вопросами создания и укрепления материально-технической базы издательства. В частности, благодаря его усилиям был получен линотип и установлена клавиатура абхазского языка». Эту сторону деятельности М. Хашбы затрагивает в своей книге один из его сподвижников и коллег М. С. Шалашников, который в 30-х годах прошлого века значительное время редактировал газету «Советская Абхазия». Он, в частности, пишет: «Обычно встречи происходили в кабинете тогдашнего ответственного редактора газеты «Апсны капш» Мушни Лаврентьевича Хашбы. Хашба звонил мне и говорил: «Заходи, Миха! У меня сидят Самсон Яковлевич Чанба и Дмитрий Иосифович Гулиа». Я торопился повидать уважаемых товарищей, потому что всегда дорожил их советами. Одна из таких встреч запомнилась особенно. Поводом для встречи послужило то, что М. Хашба получил из Москвы первые матрицы абхазского шрифта для линотипа. Это было знаменательное событие не только в истории абхазской полиграфии, но и всей духовной жизни республики»¹.

Наряду с редакторской деятельностью в творческом багаже Хашба важное место занимают его публицистические и литературные произведения. Его творчество того периода, будь то рассказы

¹ М. Л. Хашба. Наследие. Сухум – 2005. // Автор предисловия В. Ш. Авидзба. Страницы жизни и творчества М. Л. Хашбы. С. 9. // Шалашников М. С. Потомки Абрскила. Сухум – 1977. С. 50.

или публицистические заметки несут общий заряд новаторства, с одной стороны, с другой – они имеют целью создать «картину жизни абхазского крестьянства». В них закладывается проблема борьбы ростков нового со старым укладом жизни, более привычным для абхазской среды того периода. И, судя по его произведениям «Расскажи-ка писарь, что это за кампания», «Алло», «Ацуныхуа ни к чему, но...» и других, автор поборник новых веяний, вызванных строительством неизведанных обществом до сего времени устоев жизни. А, значит, его герои противники тех привычек, традиций и обычаев, которым сотни лет, и с которыми абхазская среда расставаться, несмотря на сильнейшее давление властей, особо не желала. Эта коллизия в абхазском обществе не решена и по сию пору, и полагаем потому, что внедрявшиеся силком в советском прошлом ценности, взамен якобы отживших свой век традиционных устоев, так и не прошли апробацию временем. Здесь речь не идет о вредных привычках и наносных явлениях, часто имевших место в абхазском обществе с «легкой руки» наших вездесущих соседей, а позже и сожителей. Имеются в виду такие насильственные акции, как смена в сжатые сроки векового уклада абхазского крестьянина, всегда жившего «просторно», хуторским способом. Раскулачивание крепких крестьян, в угоду классовой теории в пользу пролетариата, городского и сельского. Эти явления в масштабе России в ту пору привели к ситуации «голодомора», поголовному обнищанию крестьянства, катастрофическому снижению продовольственной базы страны в 20-х годах. Эхо тех событий негативно отзывалось на экономике российского села на протяжении нескольких десятилетий. В этом плане Российская Федерация становится самодостаточной только в постельцинскую эпоху.

В первое время, в начале 30-х годов, лидер Абхазии Н. Лакоба в меру своих сил пытался, и пока был жив успешно, не допускать поспешную и бездумную реализацию спускаемых сверху установок по организации новых форм хозяйствования абхазского крестьянина. И в этом у него были серьезные противники в лице вышестоящих партийных структур, также и местные руководящие оппоненты, всегда готовые разбиться в лепешку, чтобы выслужиться и продвинутся по карьерной лестнице. Оттого, наверное, в Абхазии случались серьезные, все же, правда, несравнимые с гибельными

процессами, происходившими в среде российского крестьянства, перегибы, вызывавшие протестные акции жителей абхазских сел. На эти явления накладывались еще и политические решения, понижавшие государственный статус абхазской республики, что также вызывало закономерное недовольство в обществе, выражавшееся в протестных сходах и митингах населения. На них звучали речи, направленные не только против коллективизации, но и всей властной системы в целом.

Именно в этот сложный период выпало время становления абхазской советской публицистики, оказавшейся по воле судьбы, или, скорее, по революционной логике, на стыке двух миров. Старого, которого пока еще цепко держалось традиционное абхазское общество, и нового строя тех, кто не мыслил обустройства новой жизни вне рамок кардинальных преобразований: индустриализации промышленного производства и поголовной коллективизации на селе. Безусловно и то, что в публицистике того периода, в том числе самого редактора М. Хашба, не могла не превалировать идеология большевизма, в основе своей классовая, рассчитанная в ту пору на пролетарские рабоче-крестьянские слои, кои, заметим, не составляли большинства в абхазском обществе. Отсюда и перекосы в общественном сознании, также и в практической деятельности, вызывавшие, разумеется, недовольство значительной части населения. Наверное, потому многоопытный редактор Д. Гулиа еще в 1921 году в выше-отмеченном письме Наркому просвещения С. Чанба предлагал подумать новым правителям Абхазии – большевикам о создании такого органа печати, в котором свободно публиковались различные мнения и освещались все стороны жизни социума. На языке современного времени такое издание называлось бы свободным и независимым от партийных и идеологических предпочтений. Ну, как та самая газета «Апсны», в которой Дмитрий Иосифович позволял печататься весьма широкому кругу публицистов: от большевиков, до меньшевиков. И где предавались бы гласности те самые перегибы властей в спешной деятельности по созиданию новых форм социальной и экономической жизни, различные злоупотребления местных начальников и прочие негативные проявления, раздражавшие немалую часть патриархального еще по сути дела абхазского общества. И принимались бы соответствующие меры по

обузданию ретивых исполнителей партийных установок, не всегда приспособленным к местным реалиям. Наподобие тех, заметим, что явились причиной волнений крестьянства в 1931 году в Гудаутском районе. Тогда печать не освещала эти события, а редактор М. Хашба, хоть и присутствовал на сходах, но, заметим, негласно. Сложное, однако, было время.

В этом плане нельзя не согласиться с выводами В. Ш. Авидзба по поводу содержания происходивших в то время весьма существенных перемен в обществе: «Безусловно, исторически разложение патриархальной культуры абхазского общества протекало болезненно. Однако причиной многих потрясений как раз и стал насильственный характер предпринятых тогда мер. Ибо проводимые мероприятия – борьба с религией, создание коллективных хозяйств и многое другое – осуществлялись не по убеждению людей, а директивно и планомерно, по заданию высших партийных руководителей. Осуществлялись же эти мероприятия в очень короткие сроки. Поэтому вполне естественно, что люди не могли и не хотели, отбросив в сторону привычный образ жизни, безоговорочно принять навязываемые им новые порядки и потому старались оказать пассивное или активное сопротивление. В соответствии с новой коммунистической доктриной (в интерпретации Сталина и его сподвижников. – **В. Ч.**) такие люди должны были оказаться во враждебном лагере и называли их не иначе как кулаками и классовыми врагами, со всеми вытекающими отсюда последствиями, т. е. беспощадная классовая борьба и ликвидация кулачества как класса»¹.

Как бы то ни было, процессы советизации укоренялись в обществе и государстве, также сопутствовавшая им идеология худо-бедно овладевала все большим числом людей. И в том, разумеется, был определенный вклад публицистов того периода, в основном работников печатных изданий партийно-советской направленности. Особой активностью эта деятельность в те годы не отличалась, поскольку общество в целом рассматривало публицистику в качестве сугубо внутренней властной проблемы. Немного было публицистов из числа интеллигенции, кто писал по собственной инициа-

¹ М. Л. Хашба. Наследие. Сухум – 2005. // Автор предисловия В. Ш. Авидзба. Страницы жизни и творчества М. Л. Хашбы. С. 9. // Шалашников М. С. Потомки Абрскила. Сухум – 1977. С. 12 – 13.

тиве. Но публицистика, как форма изложения политических, экономических, духовных проблем общества, не канула в вечность. Она существовала в газетных материалах, радиопередачах, разве лишь только под строгим надзором партийного «ока». Но разве виноваты в том публицисты, особенно те из них, которые работали в официальной печати, что они оказались подневольными проводниками революционных свершений? Ведь иных изданий не было. Легко обвинять, труднее осмыслить непростую ситуацию, в которой жили и творили люди творчества: писатели, журналисты, публицисты.

Например, исследователь В. Ш. Авидзба эту проблему трактует таким образом: «В то же время этих авторов, в том числе и М. Хашбу, нельзя упрекнуть в сознательном искажении действительности. Наоборот, они были глубоко убеждены в исторической верности и перспективности, предлагаемых и осуществляемых мер. И вера в возможность построения коммунистического, на их взгляд, справедливого общества подобными способами была заблуждением, но искренним. Такому заблуждению способствовали сами жизненные реалии: абхазских писателей (также и публицистов. – **В. Ч.**) не могли не поражать масштабы происходивших изменений и связанный с ними энтузиазм масс. Разглядеть же за внешними проявлениями суть многих процессов они не сумели. Но ведь и сегодня многое остается неясным и потому давать ту или иную оценку этой эпохе проблематично»¹.

В то же время публицистика, в каких бы условиях она не пребывала, выполняла свое предназначение – печатным словом фиксировала факты и события минувшего прошлого, что, безусловно, облегчало впоследствии исследователям составить более или менее достоверную картину советской эпохи. И в это важное дело внесли весомую лепту абхазские публицисты, в том числе из газеты «Апсны капш». Редактор этого издания в непростые 30-е годы Мушни Лаврентьевич Хашба в своих воспоминаниях давал высокую оценку тем из них, кто работал под его руководством. И таким образом: «Надо отдать должное газетчикам «Апсны капш», вложившим много сил и энергии в становление газеты, рост профессионализма, в

¹ М. Л. Хашба. Наследие. Сухум – 2005. // Автор предисловия В. Ш. Авидзба. Страницы жизни и творчества М. Л. Хашбы. С. 9. // Шалашников М. С. Потомки Абрскила. Сухум – 1977. С. 14.

мобилизацию усилий коллектива редакции по повышению качества работы творческого коллектива. Нельзя сегодня не вспомнить добрым словом имена тех, кто нес тогда тяжелую ношу газетчика – Дзадза Дарсалиа, Ивана Папаскир, Николая Киут (Басятовича), Нестора Таркил, Сандра Сангулиа, Золотинска Гулариа, Арущана Касландзиа, Николая Киут (Константиновича), Платона Чкадуа, Енвера Авидзба, Николая Гериа (погибшего на войне), Миху Аджба, Самсона Амичба и других. А также тех, кто в тридцатых годах пополнил плеяду молодых работников «Апсны капш»¹.

В отличие от абхазской национальной газеты довольно ритмично, и на сносной кадровой и технической базе, что возможно было лишь при опеке властей, в 20-х и 30-х годах выходила русскоязычная партийная газета, трижды сменившая свое название: «Голос трудовой Абхазии», «Трудовая Абхазия», «Советская Абхазия». Ее первым и последним редактором из числа абхазов был Николай Акиртава, выпустивший тот самый первый номер в г. Сочи в феврале 1921 года на типографской базе одной из частей Красной Армии. Затем, после установления власти большевиков, газета на всем протяжении своей советской истории выходила под редакторством, что стало негласной традицией, из числа направляемых в Абхазию лиц, не являвшихся представителями коренного населения страны. Одно время редактором являлся большевик с дореволюционным стажем Г. Криштоф. Затем попеременно редакторами были К. Кудрявцев. И. Генкин, С. Асилов, С. Джапаридзе, М. Шалашников, Г. Семенов, Г. Голубев, А. Ермашкевич, Ю. Гавва. Хотя в республике тогда уже, с 20-х годов минувшего века, известны были из числа абхазов, партийных и беспартийных, личности, вполне способные редактировать русскоязычную газету. Например, Н. Акиртава, С. Чанба, Д. Аланиа, М. Цагурия. Но на газету абхазских большевиков, за исключением С. Чанба, не хватало, их больше тянуло на партийную или советскую деятельность. Других же лиц, вполне достойных возглавить печатное издание, к этой ответственной работе явно не допускали. Не угоден был С. Басариа, видный общественный деятель и публицист, ученый-краевед, экономист, географ, педагог, словом, человек эн-

¹ М. Л. Хашба. Наследие. Сухум – 2005. // Автор предисловия В. Ш. Авидзба. Страницы жизни и творчества М. Л. Хашбы. С. 9. // Шалашников М. С. Потомки Абрскила. Сухум – 1977. С. 260 (На абхазском языке).

циклопедических знаний. Или же С. Ашхацава, общественный деятель и публицист, редактировавший пару лет тому назад независимую газету «Воля вольных», также печатавшийся в разных изданиях Сухума и Кавказа, высокообразованный интеллигент, глубокий знаток истории Абхазии. Также известный публицист, общественный деятель, правовед, окончивший юридический факультет Московского государственного университета М. Тарнава, активно работавший в области законотворчества в Абхазском Национальном Совете, один из его основателей. Можно назвать и других. Но у всех из них был серьезный «изъян» – они не входили в партийную обойму, им вряд ли доверили бы руководство таким идеологическим учреждением, как печатный орган Обкома партии. Самые продвинутые представители абхазской демократической элиты, первыми начавшие борьбу за восстановление абхазской государственности, основатели первого парламента страны – Абхазского Народного Совета, не вписывались в систему пролетарской власти уже в 20-е годы, а в 30-е они доживали свою короткую жизнь, со дня на день, ожидая ареста. Примерно в том же положении находился Д. Гулиа – один из самых одаренных публицистов и опытных редакторов двадцатого столетия. Окажись он тогда у руля управления абхазской газеты, не влачила бы она поистине жалкое существование на протяжении долгого времени. А ведь из числа призванных в Абхазию редакторов некоторые не имели даже высшего образования. Однако они не были замечены в предосудительных, с точки зрения господствующей идеологии, начинаниях.

Автору этих строк по роду своей деятельности приходилось близко знать и контактировать с тремя последними редакторами самого тиражного (свыше 50 тыс. экз. в 80-х годах 20-го в.) русскоязычного издания Абхазии. Справедливости ради отметим, что некоторые из редакторов газеты «Советская Абхазия», судя по разным источникам, известны незаурядными качествами. Например, Георгий Семенов запомнился сотрудникам газеты как отменный организатор и весьма строгий руководитель, к которому рядовой корреспондент газеты доступа не имел. На то были его заместители. В то же время, говорят, что он не давал в обиду пишущих, отводя их своим авторитетом от гнева подвергшихся критике чиновных персон. Обладали большим творческим потенциалом и пользовались

уважением в коллективе Михаил Шалашников и Георгий Голубев, всегда державшие в поле зрения, в отличие от других редакторов, проблемы и нужды коренного населения республики. О деятельности ответственного редактора М. С. Шалашникова в 30-х годах прошлого века тепло вспоминал его коллега М. Хашба. По поводу достоинств, как чисто человеческих, так и профессиональных, главного редактора «Советской Абхазии» в 70-х годах Г. В. Голубева наверняка информировано старшее поколение абхазских журналистов, в том числе и автор этих строк, принятый на работу в эту газету по протекции самого редактора. Андрей Ермашкевич и Юрий Гавва, возглавлявшие редакцию в 80-х и 90-х годах, больше были склонны к работе непременно в рамках установок грузинской партийной системы. Злободневные абхазские реалии, на которые, как правило, наложены были «табу» грузинскими властными структурами, они также старались обойти стороной, замалчивая их в угоду Тбилиси.

Публицистика 20-х и вплоть до 70-х и 80-х годов в основном была партийной, и рамки ее содержания были строго определены. Даже при желании и готовности самих публицистов, органы печати, а позже средства массовой информации (печатные издания, радио и телевидение), в силу тотального контроля партийными комитетами, не могли допустить «инакомыслия», то есть, озвучить мнение, альтернативное господствующей идеологии. В то же время отметим, что советский период делился на временные отрезки, которые отличались друг от друга то ужесточением авторитаризма, то временной оттепелью, в зависимости от предпочтений тех или иных правителей страны. Судя по всему, 20-е годы воспринимались более «либеральными», нежели 30-е и 40-е, время махрового расцвета сталинизма и бериевщины, как в Советской стране в целом, и особенно в Абхазии. Удивительно, что на страницах печати в двадцатых годах публиковались, как выше отмечалось, многие статьи, поднимавшие актуальнейшие для абхазов вопросы возвращения махаджиров на родину. Нет сомнений, что эта тема не приветствовалась, мягко говоря, набиравшим в ту пору силу грузинским руководством в Кремле (Сталин, Орджоникидзе, Енукидзе), то же самое отношение, скорее всего, испытывали и абхазские оппоненты в Тифлисе. Да вот только сам руководитель Абхазии Нестор Лакоба

был озабочен этой проблемой, понимал, конечно, что без подпитки некоторым числом репатриантов из Турции, Абхазии не выстоять в борьбе с всесильными противниками ее равноправного с Грузией существования.

Впрочем ситуация давления на лидеров Абхазии Эшба и Лакоба со стороны влиятельных функционеров Политбюро ЦК РКП («б») Сталина и Орджоникидзе имело место с первых дней образования независимой ССР Абхазия. Сегодня даже исследователям непросто понять те сложные условия, при которых приходилось отстаивать независимость молодой республики, если не обладать знанием тех реалий. Например, о том, что коренное население численно уступало грузинам, сильно пополнившим республику в последние годы. К тому же, в столице Абхазии проживало крайне мало абхазов. Не могли же не напоминать тому же Нестору Аполлоновичу его оппоненты эти самые цифры, отражавшие плачевное состояние освоения абхазами своего главного города. А факты были таковыми: «По данным переписи 1926 года, население столицы ССР Абхазии составляло 21568 человек. Абхазский язык признали родным 600 (2,8%) человек, русский – 7643 (35,4%) человека, украинский – 966 (4,5%) человек (больше, чем абхазов. – **В. Ч.**), картвельские языки – 5064 (23,5%) человека (в том числе грузинский – 2844 человека, мегрельский – 2210 человек, сванский – 10 человек), греческий язык – 4169 (19,3%) человек...»¹.

К 1926 году абхазов в своей стране проживало около 56 тысяч, и они уже уступали непрерывно заполнявшим республику грузинам, число которых в тот же период составляло более 67 тысяч человек. Русских насчитывалось к тому времени свыше 20 тысяч, армян – 30 тысяч, греков – 27 тысяч человек.

По всему проблема численности абхазов в своей стране становилась разменной картой в борьбе Н. Лакоба с оппонентами, добивавшимися свертывания союзного статуса абхазской республики, на протяжении всех лет его правления, вплоть до его злодейского убийства в Тифлисе. И, разумеется, не без его благословения во второй половине 20-х годов была развернута публицистами в местной печати дискуссия вокруг проблемы возвращения некоторой

¹ Н. В. Багапш. Этнодемографические процессы в Сухуме. АБИГИ. Сухум – 2017. С. 25.

части из сотен тысяч абхазских изгнанников, оказавшихся на чужбине по воле правителей Российской империи.

Надо полагать, и Эшба, и Лакоба еще в марте 1921 года хорошо сознавали, конечно, что становятся на скользкий и опасный путь, отстаивая независимость маленькой страны, вопреки влиятельным силам большевистского центра. В том случае они представлялись, скорее, не столько классическими большевиками, сколько лидерами освободительной борьбы против грузинского засилья в своей стране. Ведь с крахом власти меньшевиков тяга грузинской общины и ее элиты к гегемонии в Абхазии никуда не исчезла. И теперь она, эта элита уже в большевистском обличье предьявляла свои права на обладание страной абхазов. И потому независимая абхазская республика, которую пытались сохранить абхазские лидеры, не нужна была как грузинским большевикам в Тифлисе, так и тем, кто сидел в Кремле. Отличие тех и других было в том, что первые действовали грубо, и не скрывая своего раздражения, а Сталин тонко плел свою паутину, чтобы пустить ее в ход в нужный для него момент. Нам думается, что грузинские большевики затаили недоверие к абхазским лидерам еще с марта 1921 года, с того времени, когда, несмотря на уговоры С. Орджоникидзе и сильное давление Сталина, Эшба и Лакоба отстаивали так право на создание ССР Абхазия.

О той упорной и бескомпромиссной борьбе абхазских большевиков за возрождение абхазской государственности в форме Советской Социалистической Республики впервые на основе документальных свидетельств сообщил доктор исторических наук Б. Е. Сагария. Ученый отмечал, что руководители Абхазии 26 марта 1921 года послали телеграмму в Москву с таким содержанием: «В. И. Ленину и И. В. Сталину. С момента восстановления Советской власти в Абхазии прошло три недели. Мы до сих пор не имеем определенных указаний, будет ли Советская Абхазия самостоятельной республикой или административной единицей, и какова должна быть политика в Абхазии». Затем руководители Ревкома Эшба, Лакоба и Акиртава доводили до центра сведения о проведенных мероприятиях и высказывали свое мнение о том, как им видится абхазская государственность. «Первое: Абхазия должна быть объявлена Социалистической Советской Республикой. Второе: Советская Абхазия должна непосредственно входить в Общероссийскую федерацию.

Третье: Общая политика в Абхазии должна быть умеренно осторожной по отношению к буржуазии и крестьянству».

В тот же день телеграмму приняли в Кремле, и, по мнению ученого, она до Ленина не дошла. На нее была наложена резолюция: «Товарищу Молотову: вопрос разрешить на месте во время пребывания Енукидзе (секретарь ЦИК. – **В. Ч.**) на Кавказе». Руководитель Абхазского Ревком Эшба о принятом решении поставил в известность и секретаря Кавбюро ЦК РКП (б) Г. К. Орджоникидзе. 26 марта между ними состоялся короткий, но довольно напряженный разговор по прямому проводу. Приведем некоторые отрывки из статьи Б. Сагария:

«Серго: – Мнение Москвы и здешних товарищей – Автономная Совреспублика Абхазия, входящая в состав Грузосовреспублики (прямо-таки как при меньшевиках. – **В. Ч.**), другое решение этого вопроса рассматривалось бы как аннексия со стороны России. Ваше мнение?»

Эшба: – Какая аннексия, когда является самостоятельной Совреспубликой и потом, меньшевики своим шовинизмом до того оттолкнули от себя абхазцев, что включение Абхазии в Советскую Грузию произвело бы самое отрицательное впечатление на абхазцев, и как повторение старой меньшевистской якобы автономной Абхазии».

Серго: – Вопрос в такой плоскости впервые ставится вами. Конечно, речь может идти только об Автономной Советской Абхазии в Советроссию или в Совгрузию, до сих пор этот вопрос решался включением в Совгрузию. Такие директивы были даны тов. Акиртава. Так понималось оно и в ЦК партии (Сталиным, которому на откуп были отданы решения по национальным вопросам. – **В. Ч.**), когда в Москве решался вопрос, куда примкнуть Сухумский округ...

Эшба: – Словом, тов. Серго, Вы понимаете, что не я, ни мои товарищи по ревкому так ставим вопрос. Дело объективных условий и настроения масс... Короче говоря, данный момент требует объявления самостоятельной республики, входящей непосредственно в Российскую федерацию, но ни в коем случае в Советскую Грузию».

Так жестко ставил вопрос самостоятельности Абхазии ее первый лидер Е. Эшба, который, нарушив планы Сталина в ту пору, в годы репрессии поплатился за это своей жизнью, как и его соратники Н. Лакоба и Н. Акиртава. И вряд ли справедливо в историческом аспекте толкование некоторых исследователей о том, что, дескать,

Е. Эшба был человеком Сталина, его назначенцем, чуть ли не беспрекословно выполнявшим его волю и т. п.

Тогда в полемике с Орджоникидзе, порученцем И. Сталина, которая была продолжена в Батуме, Эшба и Лакоба отстаивали независимость Абхазии в форме Социалистической Советской Республики, просуществовавшей десять лет. «31 марта 1921 года Ревком Абхазии декларировал об образовании Социалистической Советской Республики Абхазия. Об этом было сообщено В. И. Ленину и другим советским республикам. ЦК РКП (б) одобрил решение об образовании ССР Абхазия». Ясное дело, если бы Ленин был против независимой ССР Абхазия, то она бы и в ту пору не состоялась в том формате. Значит, выходит, таким образом, что противниками абхазской независимости в тот момент были «грузинские товарищи» абхазских большевиков.

Напомним еще раз как разворачивались политические события, связанные с объявлением независимой ССР Абхазия и о роли в том абхазских лидеров, и что это самое «объявление независимости» вряд ли состоялось, коли вождь всемирного пролетариата не поддерживал абхазских большевиков. Ведь об этом же говорит профессор С. Лакоба, сообщая следующее: «Абхазская группа во главе с Эшба действовала по поручению Ленина в направлении заключения договора с Турцией на выгодных для РСФСР условиях. Не случайно поэтому, что их деятельность «совпала» по времени с наиболее ответственным моментом выработки данного соглашения. И лишь в первых числах марта 1921 г., когда поставленная Москвой задача была успешно решена, группа покинула Турцию. Как только Эшба и Лакоба прибыли в Абхазию, на совещаниях Ревкома мгновенно встал вопрос о провозглашении независимой ССР Абхазии. 26 марта 1921 г. Ревком Абхазии сообщил Ленину об этом своем постановлении. Окончательное решение по данному вопросу, конечно же, было принято в Москве непосредственно Лениным, что признают и грузинские историки (Л. Тоидзе), а Г. Орджоникидзе выполнял лишь роль исполнителя и был далеко не в восторге от подготовленного абхазами проекта (см. полемику Эшба и Орджоникидзе по прямому проводу 27 марта)»¹.

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империи XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 86.

Непредвзятый исследователь непременно подтвердит хотя бы на основании известных источников твердую позицию Е. Эшба и его ближайших соратников в борьбе (именно так, за интересы своего народа им пришлось побороться и со своими «единомышленниками» большевиками) за провозглашение независимой ССР Абхазия. Известно, что самым влиятельным противником решения этого вопроса в такой плоскости был член Политбюро ЦК ВКП (б), Нарком по делам национальностей, Нарком государственного контроля и Рабоче-Крестьянской Инспекции И. В. Сталин.

О том, как развивалась эта непростая ситуация, отчего зависел высокий статус Абхазии, признанный за нею в марте 1921 года, С. Лакоба объясняет таким образом: «Скорее всего, столь решительная позиция Ревкома Абхазии и его председателя Е. Эшба основывалась на обещании Ленина предоставить «независимость» Абхазии в случае успешного завершения «абхазской миссии» в Турции. По всей видимости, посвященные в суть дела влиятельные политические лица абхазской диаспоры и в первую очередь Рауф Орбай оказали сильное влияние на Кемаль-пашу по вопросу о передаче Батума. Далеко не случаен и тот факт, что вопрос о провозглашении абхазской государственности стал вплотную решаться сразу после подписания 16 марта 1921 г. договора между РСФСР и Турцией. Косвенно эта мысль подтверждается и самим «Батумским совещанием». Почему именно Батум, только что благодаря «абхазской миссии» отошедший к Грузии, и стал местом провозглашения независимой ССР Абхазии...»¹.

Тогда получилось, что грузинские большевики в главе со Сталиным временно отступили от своих планов по интеграции Абхазии в состав Грузии. Причиной тому, полагаем, твердость абхазских руководителей, которые были едины в отстаивании государственных интересов страны. Сыграло свою роль, видимо, и отсутствие поддержки планов грузинской группировки не только вождем революции В. И. Лениным, но также и другими влиятельными партийными и государственными деятелями, недолюбливавшими заносчивого грузинского выскочку Сталина.

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империи XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 86.

К середине 20-годов ситуация стала постепенно меняться в худшую сторону, Сталин в Кремле набирал все большую силу. Абхазскую ССР силком обратили в договорную республику с Грузией. Действующие лица – все те же: Сталин, Орджоникидзе и тифлиские большевики. Они и выкручивали руки лидерам Абхазии, а Ленину было не до абхазских проблем. Он вплотную занимался разработкой концепции по индустриализации и кооперированию, электрификации страны (по сути, план строительства социализма), но предварил все это введением новой экономической политики (НЭПа). Быть может, если бы Сталин, довольно слабый стратег в экономическом плане, своим злым гением не разрушил Ленинский экономический дуализм (НЭП плюс элементы социализма) советская система, избежав многих катаклизмов, выжила, как, к примеру, Китай. Но это, к слову.

Кстати, видя чрезмерную загруженность Ленина проблемами Российской Федерации, а, скорее всего, пользуясь индифферентным отношением вождя к Кавказским проблемам, Сталин пытается с маниакальной настойчивостью набросить политическую и экономическую удавку на ССР Абхазию. И, как отмечает кандидат исторических наук Иван Цушба, «в течение 1920 – 1921 гг. Российская Федерация заключила рабочие-крестьянские союзные договоры с оставшимися независимыми республиками – Украиной, Белоруссией, Азербайджаном, Арменией и Грузией. Под нажимом Сталина Абхазия не могла заключить такой договор с Российской Федерацией»¹.

Более того, уже 5 июля 1921 года он лично, прибыв в Тифлис, проводит пленум Кавбюро ЦК ВКП (б), который выносит решение обязывающее партийные органы Абхазии «вести в дальнейшем работу в направлении автономного вхождения ССР Абхазии в состав Грузии». Заметим, что никакой речи не ведется даже о статусе договорной республики. Этот компромисс возник, как полагаем, позже, после ожесточенного сопротивления абхазского руководства в лице Эшба, Лакоба и Акиртава планам Сталина определить абхазам бесправную автономию. Кстати, после того Н. Лакоба с августа до середины декабря 1921 года был отозван из Абхазии. В

¹ Иван Цушба. Национальный вопрос в России. Сухум – 2004. С. 113.

декабре того же года, в критическую для республики ситуацию, он был возвращен в Абхазию и восстановлен на своих должностях. Не исключено, что это вполне могло происходить вследствие политики разобщения абхазского руководства с целью ослабления противодействия планам по интеграции Абхазии в состав Грузии. О том, что было серьезное сопротивление планам Сталина по Абхазии говорит и появление новой формулы по отъему абхазской независимости – т. н. «договорная» республика. Формат явно надуманный, скроенный «крупным» специалистом по нацвопросам Сталиным в кулуарах Кремля. Это было сделано, видимо, с целью скрыть от центра, то есть от излишних разговоров в Политбюро ЦК партии, возникшие противоречия с абхазскими товарищами, с другой стороны – ублажить абхазское руководство. Но и в том разе не удавалось уговорить абхазских лидеров, что, естественно, воспринималось партийными верхами как нетерпимая ересь и инакомыслие. Такое не прощалось и деятелям, рангом повыше, нежели руководители маленькой абхазской республики.

Исследователь Б. Сагария по этому поводу сообщал: «Наступление на независимость Абхазии продолжалось. Как раз в этот период (осень 1921 года. – В. Ч.) была развернута широкая политическая акция по объединению республик Закавказья. По этому поводу 14 сентября 1921 г. Е. Эшба обратился с заявлением, где он отстаивал идею непосредственного вхождения ССР Абхазии в Закавказскую федерацию. Он писал, что вступление Абхазии в Грузию на договорных началах лишено смысла, и заявил о своем отказе участвовать в составе комиссии по составлению союзного договора с Грузией»¹.

Но резкий демарш Е. Эшба не повлиял на вершителей новой грузинской истории. Комиссию по составлению договора все-таки создали, ее возглавил грузинский большевик Ш. Элиава. И вскоре, в середине ноября 1921 года, «состоялось заседание Президиума Кавбюро ЦК, рассмотревшего вопрос «О независимости ССР Абхазия». Постановление гласило: «1. Считать экономически и политически нецелесообразным существование независимой Абхазии (также, примерно, рассуждали царские власти, отменявшие автономию

¹ Страницы грузино-абхазской информационной войны. Документы и материалы. Том II. Составители: Т. А. Ачугба, Д. Т. Ачугба. Сухум – 2015. С. 341. // Газета «Единение», № 8, август 1991 г.

Абхазского княжества в 1864 году. – В. Ч.). 2. Предложить т. Эшба представить свое окончательное решение о вхождении Абхазии в состав федерации Грузии на договорных началах или на началах автономной области в РСФСР»¹.

Удивительно по-иезуитски, что сродни характеру Сталина, был поставлен вопрос перед абхазским руководителем. Эшба, конечно, понимал, что при выборе им российского варианта, даже при минимальном статусе Абхазии, ему под различными предложениями и в этом будет отказано. Он ведь не забыл, как в марте того же года Г. Орджоникидзе, разумеется, с подачи Сталина, возражал против вхождения ССР Абхазии в общероссийскую федерацию. Полагаем, что абхазский лидер уже тогда отдавал себе отчет в том, что такое начало грузинской большевистской экспансии по освоению Абхазии. Но переломить заранее продуманные планы, за которыми стоял зловещий образ усатого обитателя Кремля, ему не было дано. В ту пору Сталин был (с 1919 г.) членом Политбюро и все больше утверждался во власти в Кремле, посему этого сделать никто уже не мог бы. Разве не убеждает в том безуспешная попытка самого В. И. Ленина сместить своего сподвижника с поста генсека партии (с 1922 г.), сделанная в его письме к съезду РКП (б) в начале 1923 года.

И потому встречающиеся иной раз сетования исследователей о том, что, дескать, Эшба зря согласился на вхождение Абхазии в состав федерации Грузии на договорных началах, не имеют под собой реальные основания. Также не состоятельными являются, учитывая иерархию властной системы большевиков, ссылки на то, что-де передел статуса Абхазии не был обсужден ни народом Абхазии, ни его руководством. На это заметим следующее: никто, ни Кавбюро ЦК, ни в Москве, не собирались выполнять пожелание абхазского народа и руководителя абхазских большевиков. Его спрашивали формально, вопрос был решен в пользу Грузии заранее, еще в марте 1921 году Сталиным и его подручными.

О «подводных камнях» Кремлевской политики, что решили судьбу ССР Абхазия, так пишет С. Лакоба: «После победы Советской власти в Грузии, Сталин постоянно препятствовал какому-либо независимому существованию Абхазии, о чем свидетельствует целый ряд документов 1921 года...

¹ Там же. 341 – 342.

Будучи наркомом по делам национальностей, он набирал силу в Кремле, и Ленин не мог не учитывать его и Орджоникидзе негативного отношения к абхазской независимости. Для Ленина мнение этих его ближайших соратников, конечно же, «весило» значительно больше, чем точка зрения Ефрема Эшба – человека Л. Троцкого. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в письмах Ленина 1921 г., о которых упоминают А. Ментешашвили и Л. Тоидзе, тема Абхазии отсутствует. Совершенно ясно, чем была продиктована такая позиция: Ленин фактически отдал абхазский вопрос на откуп «грузинских товарищей». Сам Ильич был одержим идеей мировой революции, и мыслил масштабами не грузий и абхазий, а континентов и «азий»¹.

Как уже отмечалось выше, накануне подписания договора между Абхазией и Грузией, поставленный перед фактом Е. Эшба, вызывает на подмогу из Батума Н. Лакоба и восстанавливает его 14 декабря на своих постах, в том числе и в качестве своего заместителя в Ревкоме Абхазии. Но и вдвоем они уже ничего изменить не могли, коли вопрос решался Сталиным с молчаливого согласия вождя. Договорились лишь выступить едино перед народом и общественностью Абхазии, возмущенной, разумеется, понижением статуса республики.

Еще одна такая любопытная деталь. Столь важный договор 16 декабря в том 1921 году подписали не первые лица Абхазии – Эшба и Лакоба, а С. Картозия, которого знали в большевистском центре, в том числе и лично В. Ленин. Поставил свою подпись под документом и Н. Акиртава. Это также свидетельство того, что все проходило весьма сложно: абхазским лидерам, прямо-таки выкручивали руки, и тогда уже своим сопротивлением планам Кремлевских оппонентов Абхазии они обрели черную метку.

В пункте первом договора отмечалось, что «Социалистическая Советская Республика Грузия и Социалистическая Советская Республика Абхазия вступают между собой в военный, политический и финансово-экономический союз». Четвертым пунктом договора устанавливалось, что в краевые объединения, т. е. в Закфедерацию, Абхазия входит через Грузию, которая представляет ей одну треть

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империй XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 87.

часть своих мест. Договор был опубликован в газете «Голос трудовой Абхазии» 28 декабря 1921 г. и ратифицирован I съездом Советов Абхазии 17 февраля 1922 года. Необходимо подчеркнуть, что «обсуждение вопроса о договоре с Грузией проходило в острой дискуссии. Отдельные делегаты съезда выразили свое недоверие договору и руководителям Абхазии, в частности, Е. Эшба и Н. Лакоба»¹.

Заметим также, что никоим образом не соответствуют реалиям рассуждения отдельных историков и прочих «исследователей» о том, что Эшба и Лакоба были последовательными исполнителями указаний большевистских верхов, даже тогда, когда это шло в разрез интересам народа Абхазии. Совершенно неверное мнение, замечу, происходящее оттого, что подобные исследователи делают выводы по отдельным высказываниям и поступкам абхазских лидеров того периода, выкладывая их из весьма сложного контекста происходивших в то время процессов. К тому же часто спешат с теми же выводами, не обладая соответствующими познаниями «партийной кухни» высших структур власти той эпохи, рассуждают о том частенько с высоты сегодняшнего дня, пребывая в эйфории безбрежной, и, соответственно, безопасной демократии. Если некоторых «правдолюбов» время поставило бы на место Эшба и Лакоба, полагаем, что они не только не свершили сотую долю того, что сделали абхазские лидеры, но вряд ли посмели просто рассуждать столь раскованно, как сегодня, в тех жестоких и опасных для жизни обстоятельствах. И надо бы, в конце-концов, включив совесть, коли такая есть, осознать нашим некоторым сведущим «ученым» мужам, что абхазские лидеры той поры сложили свои головы в первую очередь по причине сопротивления замыслам могущественных оппонентов, как в Москве, так и в Тифлисе. Разве не понятно то, ныне это в силах освоить школьник, что если на корню уничтожалась «старая» элита российских большевиков – сподвижников Ленина, ничего не стоило то же самое сотворить с абхазскими партийцами в тех же 20-х и 30-х годах. И утверждать, что «Эшба молчал тогда, когда на него устроили настоящий натиск Сталин из Москвы и «грузинские товарищи» из Тифлиса (имеется в виду июльский 1921 года пленум

¹ Страницы грузино- абхазской информационной войны. Документы и материалы. Том II. Составители Т. А. Ачугба, Д. Т. Ачугба. Сухум – 2015. С. 342 – 343.

Кавбюро ЦК ВКП (б). – **В. Ч.**...», неверно и по форме и по содержанию обвинения.

Авторы подобных обвинений не учитывают ситуацию Абхазии начала 20-х годов, ее состояние в экономическом и демографическом плане, совершенно критическое положение с абхазским населением столицы ССР Абхазии (600 абхазов в Сухуме с населением в 21 тысячу человек). Именно это обстоятельство было основным аргументом того же Сталина в продавливании своих замыслов по Абхазии, и, полагаем, убедить Ленина в том ему не составило бы большого труда. К тому же, «разоблачители» Эшбы сами утверждают, что вождь мировой революции отдал целиком весь Кавказ на откуп «чудесному грузину» Сталину. И все же, несмотря на строжайшую партийную иерархию, беспрекословное подчинение нижестоящих структур высшим органам власти большевиков, о чем, видимо, наши «исследователи» слабо информированы, Эшба ни на шаг не отступил от своего мнения о необходимости сохранения республики в формате ССР Абхазия. Если не было бы объединенного сопротивления обоих абхазских лидеров, то, полагаем, что Абхазии уже в ту пору (к концу 1921 года) навязали автономию в составе Грузии. А так был выбран наименее худший из двух вариантов, спущенных сверху. Поняв, что Эшба и Лакоба в этом плане остались при своем мнении, их уже вообще и не обязывали принимать участие в формальном обсуждении вопроса на Кавбюро ЦК ВКП (б), потому и договор о понижении статуса республики подписан вторыми лицами Абхазии. А сентенция о том, почему-де Эшба, лично знакомый с вождем, «не информировал Москву, Ленина о положении дел в Абхазии...», право слово, очень уж наивно. К тому времени Владимир Ильич еще крепко держал бразды правления страной и без него ничего не свершалось.

Кстати, вышеотмеченное подтверждается словами из выступления Н. Лакоба 12 февраля 1922 года на 1-м съезде Советов Абхазии, когда он, обращаясь к аудитории и, в частности, к тем, кто выражал недовольство принятым решением, отмечал: «Независимость Абхазии Грузия не отнимает. Если Грузия будет отнимать, мы апеллируем к штабу революции РКП, ВЦИК, тов. Ленину». Некоторым исследователям стоило бы при этом представлять себе реальную обстановку на том же 1-м съезде Советов. Ведь большинство деле-

гатов согласились признать принятый в Тифлисе союзный договор между Абхазией и Грузией. Более того, стенограмма отчета отмечала, что в зале раздавались такие возгласы одобрения, как «ура», «шумные аплодисменты» и т. д. А вот бывший министр Горской Республики С. М. Ашхацава за критику этого самого союзного договора лишился членства в партии. Но таковых личностей оказалось критически мало. Вот в какой ситуации находились Эшба и Лакоба. И они не смогли защитить Ашхацава от партийного наказания. Оттого и выступал с успокоительной речью Н. Лакоба, остужая «горячие» абхазские головы от опрометчивых слов и выражений, уверяя, что Ильич не даст в обиду абхазскую республику. Можно понять и так, что таким образом гарантом ее свободы объявлялся Владимир Ильич. Тогда, получается, что абхазские лидеры знали, или, скорее, догадывались о роли вождя во всей этой операции по объединению с Грузией. Но эти надежды на Ленина были иллюзорны, поскольку вождь пролетариев всех стран мыслил категориями, как отмечал С. Лакоба, далекими от масштабов маленькой Абхазии: мировая революция – вот что обуревало его в то время. А что касается ситуации с абхазами, то некоторое время тому назад, в марте 1921 года, Ленин ведь согласился на просьбу Е. Эшба об образовании ССР Абхазии. Теперь к концу того же года он счел не целесообразным отказывать своему «наместнику» на Кавказе Сталину в преобразовании той же республики в договорную с Грузией. Такова была циничная практика большевистских верхов по отношению к тем, кто не входил в число первостатейных народов. У них не спрашивали – с кем и как хотели бы они существовать. Свидетельством тому чересполосица из этносов, образующих неоднородные государственные образования на Северном Кавказе – «чудное» творение времен Кремлевского правления грузина Сталина. Поломать эту практику в отношении Абхазии ни Эшба, ни Лакоба не могли, как не смогли противостоять тому и лидеры других народов, а вот сопротивлялись сему натиску абхазские руководители, надо сказать, долго и всеми силами. Это, заметим, сталинские палачи Эшбе и Лакобе припомнили сполна.

Таким образом, подчинив Абхазию в партийном плане, Тифлис скоро начал вершить свои далеко идущие цели. Номенклатурных абхазов при этом непременно натравливал друг против друга, благо кадровые вопросы уже решались в ЦК Компартии Грузии. Несго-

ворчливого и строптивного Эшбу удалили из Абхазии куда подальше, вначале в Тифлис, а затем на Северный Кавказ. Не устраивал, выходит, сидевшего в Кремле Сталина, также его подельника на Кавказе Орджоникидзе. На ставшего главой республики Нестора Аполлоновича местные «сподвижники» строчили доносы в Тифлис и Москву. К середине 20 годов Н. Лакоба уже чувствовал грозные тучи над собой. Но он все же надеялся переломить ситуацию, используя связи в Москве. Также и по вопросу репатриации. Возможно, что он говорил о том и Сталину, с которым у него чисто внешне были прекрасные отношения. Ведь это с легкой руки Нестора с некоторыми репатриантами Иосиф Виссарионович был лично знаком: вкушал хлеб-соль батумского абхаза Хашима Смырба, у которого часто и скрывался от царской охранки. Надежды, которыми нередко обманываются, обрываются всегда неожиданно, иной раз и вместе с жизнью. Но Лакоба не был человеком наивным, ощущал, конечно, что край пропасти рядом, что от «хозяина» Кремля зависит его судьба. Говорят, мать Щахусна, видимо, сердцем чувствовала недоброе, сказывала своему сыну Нестору, что «дело» махаджиров, сродни проклятию, и до добра не доведет. Но что было делать главе Абхазии, коли не хватало абхазского людского ресурса, республика день от дня заполнялась грузинским элементом? И все это, словно «шагреновая кожа», постепенно съедала остатки абхазского суверенитета.

Еще с начала 20-х годов Н. Лакоба приходили письма и сообщения от представителей абхазских изгнанников из Турции. В той стране у Нестора Аполлоновича, полагаем, были обширные связи, сохранившиеся еще со времени поездки его и Е. Эшба по заданию В. И. Ленина. Выполняя партийное поручение, Лакоба, наверняка, не обходил стороной и обсуждение проблемы возвращения махаджиров на родину с тамошними влиятельными абхазами, а с Ашхаруа, соратником Кемаль-паши и будущим премьер-министром Турецкой республики – это наверняка. Все считали, что время для того благоприятное, и нельзя упускать его. Турецкая республика и Страна Советов были в неплохих отношениях. И то, что в газетах, абхазской и русскоязычной, одновременно появляется цикл статей на тему махаджирства, это, разумеется, не случайность. Нестор решал, таким образом, полагаем, двуединую задачу: прозондировать

почву в обществе, поскольку оно было неоднородным, также посмотреть на то, что скажут старшие партийные товарищи.

Еще одна деталь. Публицистами, поднявшими этот вопрос в газете «Апсны капш», как отмечалось выше, были частью работники газеты, частью писатели, в свое время, сотрудничавшие в газете «Апсны» в период оккупации Абхазии, меньшевиками. В «Трудовой Абхазии» выступили на тему репатриации привлеченные авторы, поскольку журналистов-абхазов в редакции практически не было. Под материалами авторы подписались инициалами, и на то были свои причины. Один из публицистов считался и при меньшевиках, и при большевиках националистом, хотя на самом деле являлся большим интернационалистом и патриотом Абхазии. Это был Симон Басариа, основатель первого АНС и высокообразованный интеллигент. Другой – Дмитрий Маан, священнослужитель и публицист, выступавший на страницах газеты «Апсны». Так что в проведении той или иной задачи Н. Лакоба опирался не только на коммунистов, но и на другие слои населения. На это обстоятельство в свое время с многозначительной укоризной ему укажет И. Сталин. О том, однако, скажем ниже.

Итак, на страницах газеты «Трудовая Абхазия» публицист, обозначенный инициалами М. Д. (Маан Дмитрий) в статье под заголовком «Трагическая страница истории», писал: «Насильственное выселение абхазцев (до 400 тысяч человек) из Абхазии в Турцию относится к 80-м годам прошлого столетия (имеется в виду 19-й век. – В. Ч.). Длительная война на Кавказе почти окончилась, казалось, последний акт этой трагической эпопеи доигран, занавес опущен. И никто не поинтересовался посмотреть, что будет дальше на этой, облитой народной кровью, стране. А между тем, именно с этого момента и началась настоящая трагедия»¹.

Далее автор с большой дотошностью и знанием той трагической обстановки насильственного изгнания абхазского населения на землях северо-восточной части Абхазии сообщал о совершенных царизмом фактах геноцида: «Было опустошено все поморье от Сочи до реки Ингур, исчезли целые абхазские племена: джигеты, шапсу-

¹ «Трудовая Абхазия», Сухум – Кале, 1926, 3 июня, №123. // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. АБИГИ. Сухум -2013. С. 338.

ги, убыхи, гечь, цан, гуи, дал, цабал, чегем. Исчезли они поголовно, не осталось от них ни души. Часть погибла в войне; остальные были выселены в Турцию»¹.

Дмитрий Маан, блестящий публицист, писавший на абхазском (в газете «Апсны» под редакторством Д. Гулиа) и на русском языках, полемизирует с идеологами завоевательной политики царизма на Кавказе, пытавшимися обелить имперских сатрапов, проводивших беспощадные акции по выселению коренного населения на чужбину. Аргументация его такова: «В старых царских учебниках русской истории о причинах этого выселения, конечно, не говорилось ни слова. А гнусные демагоги русификации, новоявленные «друзья» абхазского народа... из лица Восторговых в различных очерках об Абхазии, под тем или иным соусом, тенденциозно указывали, как на единственную причину выселения абхазцев в Турцию, на якобы «агитацию агентов из Турции» и «религиозный фанатизм» абхазцев. Однако, как выясняется из деловой переписки донесений бывших высших чинов, царских сатрапов (находящихся в актах Кавказской Археографической Комиссии и др. исторических очерках о Кавказе), махаджиры были выселены насильственно, ни о каком «религиозном фанатизме» не могло быть и речи. Что же касается агитации агентов Турции, то в XIII томе этих актов красуется документ, который гласит, что турецкое министерство «протестует против выселения» и просит царские власти «приостановить этот поток». Тут же предписывается «всячески поощрять выселение». «Мы не можем оставить их в их орлиных гнездах; на старых местах с вершин гор, притаясь за утесами и скалами, они всегда будут висеть над нами грозowymi тучами», – пишет генерал Филлипсон.

«Мы считаем покорение возможным, но будем считать занятым и покоренным только тогда, когда народ будет изгнан и на их местах вдоль берегов будут поселены русские колонисты», – читаем мы дальше в донесениях.

Полковник Коньяр (начальник Сухумского округа. – **В. Ч.**) пишет: «С таким народом сила ведет ко всему, строгость ко многому, снисхождение – к отрицательным результатам»².

¹ «Трудовая Абхазия», Сухум – Кале, 1926, 3 июня, №123. // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. АБИГИ. Сухум -2013. С. 338.

² Там же. С. 338.

И, как констатирует автор статьи в «Трудовой Абхазии», «донесения сделали свое: Абхазскому народу было предложено в самой категорической форме: 1. Принять христианство, «которое исповедовали их предки, и которое они вероломно оставили» и «переселиться во внутренние губернии России» или 2. Переселиться в Турцию».

О том, что тогда договориться с царскими властями не получилось, подтверждают и свидетельства русского публициста и писателя, участника тех событий, приведенные Д. Маан в своей публикации. По этому поводу автор сообщал: «Участник Кавказской войны Немирович - Данченко в своих очерках «Абхазское поморье» и «Под горячим солнцем» пишет подробно об этих предложениях и последствиях. «Абхазцы возмутились, и что нам было делать – началось наше фланговое движение, сметавшее все и всех с лица земли абхазской». О том, что стало с Абхазией после того, как прошло это «фланговое движение русской армии», читаем мы в дальнейших очерках Немировича-Данченко, который позже, года через 3 – 4, попадает сюда уже в качестве путешественника. И он с возмущением говорит о «мерзости опустошения»¹.

В заключение публикации автор подводит читателя к основной идее своих заметок: «Грубая сила непрошенных сатрапов белого царя выселила абхазцев из Абхазии. В настоящее время, когда страна их стала свободной, они изъявляют желание вернуться и внести свою посильную лепту в общую работу освобожденной страны».

Опытный публицист Д. Маан аргументирует возвращение на родину изгнанников, скорее всего, чтобы заинтересовать большевистские верхи в Тифлисе и Москве, их высокой квалификацией в табаководстве. При этом отмечает, что «в их лице Абхазия обретет лучших знатоков культуры табака (статья доходов от которой в то время была весьма весомой не только для Абхазии, но и всей страны. – **В. Ч.**), и это желательный элемент для страны, тем более что Абхазия совсем недавно лишилась до 10 тысяч греков, опытных табаководов, переселившихся в Грецию».

Затем, ссылаясь на заявление одного из руководителей Абхазии, развивает свою мысль: «Уход греков – большой удар для нашего хозяйства, в особенности для табаководства, – докладывал предсе-

¹ «Трудовая Абхазия», Сухум – Кале, 1926, 3 июня, №123. // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. АБИГИ. Сухум -2013. С. 338 – 339.

датель ЦИКа Абхазии т. Чанба на 2-й сессии ЗакЦИКа. – Было бы хорошо выйти из этого положения; тем более что такая возможность есть. Махаджир, живя в Турции и Греции, занимались табаководством и теперь просят помочь им вернуться в Абхазию».

«Нам кажется, что если технические условия позволят – помимо экономической целесообразности принять махаджиров есть и моральная обязанность. Они ведь жертвы царских сатрапов, произвола на Кавказе и теперь нет никаких оснований отказывать им в праве стучаться в двери своей освобожденной страны»¹, – так завершает свою публикацию Дмитрий Маан.

Затем следует примечание от газеты о том, что «редакция просит товарищей высказаться по данному вопросу. В таких случаях становится вероятным, что редакция и издатель газеты действуют в тандеме, только усилиями русскоязычного издания вести подобную весьма рискованную кампанию по пропаганде возвращения махаджиров вряд ли было возможно. Не могли не знать и редакторы газет, и журналисты, кому не по нраву такие публикации. Ведь в ту пору также шло переселение грузин в Абхазию, и, разумеется, при поддержке партийных и советских органов Грузии. Думается, на место 10 тысяч греков, выехавших тогда на родину, Тифлис планировал иное предназначение, нежели Нестор Лакоба и его сподвижники. И потому обсуждать проблему возвращения абхазских изгнанников в печати решались только мужественные личности. Об одном уже поведано. Другим был также талантливый публицист и ученый Симон Басариа.

Заметим также, что и С. Басариа, как предыдущий автор, свою статью «К трагической странице истории», опубликованной в той же газете «Трудовая Абхазия», подписал инициалами «М. А.», что означало для сведущих людей Махайд Апсуа (псевдоним С. Басариа. – **В. Ч.**). По-другому он не мог: сильно «провинился» в свое время перед большевиками, как, впрочем, и перед меньшевиками, поскольку основал вместе с соратниками первый Абхазский Народный Совет, наметивший в том революционном 1917 году Северокавказский курс абхазской государственной политики. Оттого и закрепилось за ним с легкой руки Тифлисских властей и их местных

¹ «Трудовая Абхазия», Сухум – Кале, 1926, 3 июня, №123. // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. АБИГИ. Сухум -2013. С. 339.

креатур реноме «абхазского националиста». Нестор Лакоба тем не менее часто прибегал к услугам этого незаурядного человека, оставшегося до конца своей жизни патриотом своего народа. Как, к примеру, во время переписи 1926 года, когда ему было поручено абхазским руководством в качестве эксперта от договорной ССР Абхазия проследить за оформлением грузинским ЦСУ подсчета населения республики в Тифлисе. О том сказано будет дальше.

Тогда же, в 1926 году, откликаясь на статью Д. Маан, Симон Басариа писал: «История абхазцев, видно, многим еще неизвестна; и не потому ли это, что страной интересовались все и интересовались очень, но населяющими эту страну абхазцами не интересовался никто? Между тем народ прекрасно знает свою историю, трудно ему и не знать, ибо она полна трагедий»¹.

Автор лаконично в то же время трагически образно описывает великую драму абхазов под именем махаджирства и сопутствовавшие ему события. «История абхазского народа, – сообщает он, – заслуживает самого серьезного внимания, ибо это история гибели целого народа, история его стихийной смерти, была трагической эпопеи о том, как народ, сильный, мужественный, разом почти исчез с лица земли. Как исчезает дым, развеваемый ветром, как исчезает тень от тучки, пробежавшей по небу, как исчезает зыбь на морском просторе. Это не сказка и не легенда, а была, свидетелями которой остались трагические страницы истории.

Одна десятая часть народа, оставшаяся в этом редком уголке обломками большого целого, эти молчаливые гордые вершины свидетельствуют о великом прошлом абхазского народа.

В счастливые для трудовой массы абхазцев день, когда в родном их городе Сухуме решают вопросы строительства новой, красивой, свободной жизни лучшие и истинные сыны труда, защитники интересов слабых и угнетенных народов, когда нет уже здесь тех сатрапов «белого царя», изгнавших абхазцев из своей страны насильственно за то, что они не захотели рабства – их здесь нет. Они далеко на чужбине – где-то в Греции, Турции... Они проявляют пламенное желание вернуться на свою свободную советскую родину...»².

¹ «Трудовая Абхазия», 1926, 13 июня, № 132. // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. АБИГИ. № 8 – 9. Сухум – 2013. С. 340.

² Там же. С. 340.

Далее С. Басариа обосновывает необходимость возвращения абхазских изгнанников в свою родную страну по праву пострадавшего коренного населения, насильственно выселенного царизмом на чужбину. При этом автор приводит следующие аргументы, подтверждающие право абхазов на свою родину: «Недавно в СНК Абхазии поступило из Греции официальное заявление от махаджиров – абхазцев до 700 человек с просьбой разрешить им вернуться в Абхазию. Говоря об абхазской эмиграции, нельзя не подчеркнуть то чрезвычайно важное обстоятельство, что нельзя ее путать с эмиграцией из других советских республик. Тогда как последнюю составляют «бывшие люди», политически враждебные нам, бежавшие от советского правопорядка, и тогда, как эти люди эмигрировали добровольно или крадучись, абхазцы – махаджиры выселены насильственно сатрапами за то, что любили свободу и не захотели рабства¹.

Завершая статью, С. Басариа выразил уверенность в том, что советская власть непременно сделает все необходимое, чтобы справедливость восторжествовала и изгнанники обрели пристанище в пределах своей исконной Отчизны.

«Мы видим, – отмечал он, – что Советская власть в соседних республиках не отказала в приеме вышеуказанной эмиграции, и даже десяткам тысяч. И нам кажется, что если советская власть – уже крепкая и мощная – приняла даже бывших открытых и немало бед причинивших своих врагов – «кающихся дворян», захотевших работать и отдаться труду, то тем более примет тех, кого выселили насильственно, кто имеет все человеческие права вернуться на свою освобожденную советскую родину»².

Забегая вперед, отметим, что пока существовала советская система власти, и при ней грузинское верховенство над абхазами, возвращения изгнанников, за редким исключением, так и не состоялось. Абхазским лидерам, может быть, с Москвой по этому вопросу удалось бы договориться, после Сталина, разумеется, если бы не грузинская метрополия, которая целенаправленно, с использованием политических, экономических, культурно-духовных инстру-

¹ «Трудовая Абхазия», 1926, 13 июня, № 132. // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. АБИГИ. № 8 – 9. Сухум – 2013. С. 340.

² Там же. С. 340 – 341.

ментов, неуклонно и успешно осваивала абхазскую республику. Остановить ползучую грузинскую экспансию, чреватую утерей государственности и национальной идентичности абхазов, не было возможности на протяжении всех семи десятилетий советской власти. Это удалось свершить только великому абхазскому лидеру В. Г. Ардзинба, который победоносной оборонительной войной разгромил грузинских агрессоров на излете XX века. После того открылась «зеленая дорога» для махаджиров на свою историческую родину.

В обозреваемый же период, в Чехословакии, в выходившем в Праге журнале «Кавказский горец» были опубликованы публицистические заметки под названием «Несколько слов об Абхазии» (1924 г., №1, с. 51 – 53). Под публикацией стояла довольно известная в абхазских литературно- публицистических кругах подпись «Апсуа». Этим псевдонимом подписывались обычно несколько человек, и самым активным из них, на наш взгляд, был Симон Петрович Басариа. Да и стиль изложения текстового материала, события и факты, приводимые в публикации, манера их подачи – все это подсказывало, что автором заметок является блестящий этнограф, краевед, видный общественный деятель и талантливый публицист С. Басариа. О том же еще ранее полагал аспирант Института Востоковедения АН СССР В. Г. Ардзинба. Материал представлен из личного архива И. Басариа – Анкваб.

Главная цель автора публикации, как полагаем, – это показать в сжатом виде историческое прошлое и нынешние реалии абхазского народа, его славную древнюю историю, также сопряженную со многими трагическими коллизиями. И он начинает делать это с самого начала своих заметок. И таким образом: «Не знаю, существует ли в мире еще край, подвергшийся таким превратностям судьбы, какие испытала Абхазия, на протяжении всей своей многовековой истории... Какой из исторических народов не прибывал в Абхазию? Арабы, персы, греки, римляне, генуэзцы, венецианцы, скиты, готы, турки и другие – все они прошли Абхазию, то устраивая тут цветущие колонии, то разрушая дотла все города и укрепления, оттесняя абхазцев от прибрежной полосы Черного моря к горам и ущельям, труднодоступным для завоевателей. И не раз лучшая часть Абхазии оставалась без абхазцев... В результате этих горьких и страшных испытаний, Абхазия, представлявшая еще за несколько веков до

Р. Х. цветущий край, ныне изобилует ценными археологическими памятниками седой старины, властно требующими научного изучения, истории вообще и Кавказа, в частности».

Автор понимая, что зарубежный читатель не столь подробно знаком и с новой историей края, вводит его в курс самой страшной трагедии страны абхазов и самого народа, происходившей на протяжении почти всего 19-го века. О жертвах, организованного по воле двух империй изгнания абхазов, он сообщает следующее: «От самих абхазцев, представлявших в древнее время могущественный и сильный народ, остается ныне в самой Абхазии не более ста тысяч, остальные частью погибли в неравной борьбе за свою свободу с различными завоевателями, а частью и ныне оплакивают свою участь вне родины, на чужбине, в Турции. Насколько сильна была привязанность к родине у абхазцев, видно из того, что при вынужденном переселении в Турцию они брали в мешках землю, чтобы на чужбине лечь в могилу с горстью этой земли».

Тоскливо и безотрадно описание автором дальнейшей судьбы обездоленных, особенно тех из них, кто не найдя пристанища в чужих краях, и пройдя через многие тернии и испытания, пытались во что бы то ни стало пристать к своим берегам. И что их ждало? О том, как раз, и повествует наш публицист: «Сколько раз абхазцы, томясь по родине, в кочермах (морское малотоннажное судно. – **В. Ч.**) приставали к сухумской пристани, и, как мученики, молили власть имущих завоевателей их родины принять их обратно, но безжалостные господа положения каждый раз неумолимо отказывались выпустить их на родной берег. Сотни и тысячи абхазцев гибли невинно в волнах Черного моря на пути между Турцией и родной Абхазией. Участь же тех абхазцев, которые остались на Кавказе, была невыносимо тяжела и трудна, что видно хотя бы из того, что до революции абхазцы были лишены права на ту землю, которая была орошена кровью их предков, и которая щедро раздавалась направо и налево всяким чужестранцам. Конечно, такое отношение власть имущих к обездоленным абхазцам не могло вызвать в народной душе ничего, кроме злобы и глухого проклятия к непрошенным благодетелям и опекунам, которые и понесли впоследствии заслуженное наказание».

Далее даются сведения о границах Абхазии, рассказывается о лесах и реках, о природных богатствах и полезных ископаемых, в чис-

ле которых каменный уголь, свинцово - серебряная и медная руда, магнитный железняк, отмечаются также минеральные источники, в том числе железные, серные, кислые. Надо признать, что анализ географии и запасов ценного сырья дается весьма квалифицированно, заметны глубокое знание темы и широкая информированность автора публикации. Это, полагаем, лишний раз подтверждает, что автором материала является Симон Басариа, познания которого в отмеченных сферах, и не только, как известно, были богатейшими.

Для иллюстрации вышеотмеченного заключения приведем описание автором сельского хозяйства края, основного для абхазов источника жизнеобеспечения народа и страны. И здесь нельзя не отметить, что проблемы земледелия автору известны не понаслышке. Видно, что он прекрасно разбирался в основных культурах села, на чем и основывалось сельское хозяйство того периода. Впрочем, дадим слово самому Симону Петровичу, который по этому поводу отмечал: «Главными занятиями населения служат земледелие, табаководство, скотоводство, пчеловодство, птицеводство, лесной промысел, виноградарство, шелководство, огородничество и садоводство. Все эти занятия ведутся примитивным способом и не дают населению даже и половины возможной выгоды. Из перечисленных занятий два вида заслуживают особого внимания:

1) земледелие, в виде обработки кукурузы: ежегодно до революции более трех миллионов пудов этой кукурузы вывозилось за пределы Абхазии (а еще же оставалось приличное количество для собственного прокорма. – **В. Ч.**);

2) табаководство – это отрасль хозяйства своими лучшими сортами «Самсун» и «Трапизунд» под именем «Сухумского табака» прочно завоевала русский рынок.

В России не было почти ни одной большой фабрики, которая обходилась бы без этого табаку. Сухумский табак пробивал себе дорогу и за границу, так как по своим природным качествам мог выдерживать иностранную конкуренцию. Главным пунктом назначения Сухумского табака за границей служил гор. Александрия, в Египте. Общий сбор Сухумского табака в предреволюционное пятидесятилетие до 600 тыс. пудов ежегодно и весь этот сбор вывозился за пределы Абхазии в разные пункты Закавказья, России и за границы, ибо в Абхазии не было ни одной табачной фабрики».

По поводу данной публикации следует отметить, что в какой-то момент, была, правда, недолго, мысль о возможности авторства статьи кем-то из числа абхазских эмигрантов – меньшевиков, оказавшихся за границей после 4 марта 1921 года. Но, после сравнительного анализа двух последних абзацев этих заметок, это предположение сразу оказалось не состоятельным. Представим эти суждения на суд читателя. Вот, к примеру, тогда, когда автор обсуждает следующее обстоятельство: «За все время пребывания Абхазии под властью России, эта власть не удосужилась открыть тут какую-нибудь техническую нижнюю или среднюю школу Народное образование находилось в полном загоне. Некоторое количество церковно-приходских министерских школ мало способствовало просвещению абхазского народа, от природы весьма способного и восприимчивого».

И также приведем абзац, завершающий публикацию. Здесь автор отмечает: «Заканчивая свою заметку об Абхазии (весьма, заметим, скромно о солидной журнальной статье. – **В. Ч.**), мы можем сказать, несмотря на мрачное прошлое, мы верим в светлое будущее Абхазии. Новые свободные условия жизни, как результат завоевания революции, дадут абхазскому народу возможность быстро залечить все раны прошлого, приобщиться к благам цивилизации, призвать к жизни естественные богатства края и обратить этот край в благодатный уголок земного шара».

Что здесь можно сказать? Надо полагать, что те абхазы, кто осел в далеком зарубежье после краха меньшевистской власти, вряд ли бы смогли писать об успешном будущем Советской Абхазии с искренней верой и оптимизмом. Так что их авторство исключается. Но и тот, кто писал именно так, как ему думалось и верилось – С. П. Басариа, не мог, конечно, предположить, как и его соратники, что грядет время «черных гостей» и абхазы вновь окажутся перед дилеммой: выживут они в пору сталинского геноцида или не выживут. Но это будет позже.

Тогда же, что касается публицистики 20-х годов, следует отметить таковую деятельность С. Я. Чанба, сильно загруженного государственной работой, но также отдающего немало времени и оружию слова. Причем, писал он на абхазском и русском языках, оставив замечательное наследие, как в литературе, так и в публицистике.

Лаконично, и в то же время образно Самсон Яковлевич высвечивает грани трех времен, как трех миров родной страны в небольшой публикации «Раскованная Абхазия», посвященной 4 марта – дню освобождения Абхазии от меньшевистской оккупации. Два из этих миров канули в вечность, как дурной сон и тягостные воспоминания, на дворе – новый мир, в который с надеждой и верой вступают абхазы, перенесшие столько невзгод и страданий. Впрочем, дадим слово самому публицисту, который отмечал: «В продолжение ста с лишним лет Абхазия находилась в тисках полицейско-самодержавного режима. Вольность, врожденная горцу, была отнята грубо у свободолюбивых сынов голубых гор. Все живое прекрасное душилось железной ногой победителя. Коренному населению Абхазии прививалось насильственно все то, что чуждо было его духу и понятиям.

Чарующие уголки дивного края раздаривали полковникам, генералам, да разным статским советникам, а самих хозяев земли оттеснили к бесплодным горам и предгорьям. Висела над Абхазией полицейская нагайка.

Грузинские меньшевики с жадностью выжимали из лакомого «кусочка» Абхазии самые лучшие соки. В продолжение трех лет Абхазия испытала на себе всю прелесть меньшевистского шовинизма.

Но вот ровно три года тому назад на вершинах голубых гор Абхазии зажглась дивная лучезарная звезда! То была Советская свобода! Мрак рассеялся навсегда.

Под защитой Советов развитие экономических и культурных сил Абхазии пошло быстрым темпом вперед. Окрыленная Абхазия со всем Союзом Социалистических республик летит радостно вперед, к прекрасным далям!.. Да здравствует свободная вольная Абхазия! Да здравствуют Советы во всем мире!»¹.

Нам кажется, что иной раз стиль изложения событий и форма речи автора напоминает раннего М. Горького, его романтические сюжеты. Также и Н. Гоголя с его «тройкой», летящей стремительно и незнамо куда. Вот и «Абхазия ... летит радостно вперед, к прекрасным далям!..». Явное влияние русской классической литературы, духом которой мастерски наполняет свою публицистику С. Чанба.

¹ Газета «Голос трудовой Абхазии», 4 марта 1924 года // Журнал «Сухум», 2016 г. № 2 – 3. С. 351.

Пронзительной сопричастностью С. Чанба к извечной боли народа, разделенного не заживающей трагедией махаджирства, только так можно воспринимать опубликованную им в 1927 году легенду «Песнь страдания». Сюжет ее, по свидетельству самого автора, был подсказан главой Абхазии Нестором Лакоба. Его, судя и по этому факту, не отпускали мысли о возвращении на родину махаджиров, что также послужило бы укреплением республики коренным людским ресурсом.

Можно по-праву сказать, что это художественно-публицистическое произведение несет в себе большой заряд любви к родине, в прошлом растерзанной и порушенной русским царизмом, и также служит предупреждением тому, что теряющий отчизну, теряет все – отчий кров, близких, свою идентичность. Писатель и публицист С. Чанба – замечательный мастер художественного слова, прекрасный знаток абхазской природы и психологии абхазов, так начинает свое повествование:

«Горы-гиганты толпой обступили бархатную поляну. Высоко до неба хлопьями рассыпались облака, белыми лебедями плывут они среди отвесных скал.

Среди поляны, храня думы народа, стояла вековая липа. Под ее распластавшейся кроной чинно расположились умудренные опытом старики. Почтительно слушала молодежь. Безмолвно вникали горы.

Говорил старик Хаджмат. Голову его змеей обвивал белый башлык. Нити седой бороды водопадом стекали вниз».

Здесь у автора природа и люди сливаются в единое целое, разорвать которое означало бы нанести этому вековому единению неизлечимую физическую и духовную рану. Это и было свершено как раз трагедией изгнания абхазов со своей родины. Воспоминания, связанные с трагичным прошлым, напомнила старику Хаджмату родившаяся в горе абхазская песня.

Старик начал свое повествование так: «Это случилось давно. Одинокий корабль шел к турецкому берегу. В безбрежном море он казался упавшей бабочкой, захваченной капризной волной. Кораблем правил турок. Полные дум сидели на носу старый Чахмат и его семья. Это были последние махаджиры...».

Такая картина той поры сопровождала не только Чахматову семью, но и тысячи других несчастных, поневоле вынужденных по-

кидать разоренные древние очаги. Далее Хаджмат сообщал о том, что чувствовали те немногие, что оставались на родной стороне, а теперь уже покидавшие ее: «Горы больше не отвечали эхом на песни своих сыновей. На выступах гор, в долинах и ущельях стояли обгорелые столбы саклей, словно плакальщицы в глубоком трауре. Только в черные ночи из осиротелых аулов долетал вой собак, крик совы и плачь одинокой птицы.

Долго боролся Чахмат со своей любовью к родному краю, глубокой тоской по братьям, покинувшим родные горы. Жуткие ночи в мертвых аулах разрывали его сердце. Не выдержал старик. Он поспешно собрался в далекую Турцию вслед за махаджирами».

Психологически выверено описывает автор невольное морское странствие, через которое прошли сотни тысяч махаджиров, а тысячи из них нашли свое последнее пристанище на дне морском. Семья Чахмата, преодолев это странствие, как и предшествовавшие им изгнанники, встречается теперь с чужой землей. Легенда точно и больно передает состояние потерянности и неприкаянности изгнанников в новых малопригодных, а порой, и убийственных природных условиях, совершенно неизведанных и незнакомых им по прежней жизни.

Обратимся, однако, к строкам автора повествования: «Турецкий корабль, бродивший вдоль берегов Абхазии, увез их с собой. Над головой могильным курганом давило небо. Старик чувствовал себя потерянным.

Он долго сидел на носу корабля, то глядя вглубь темной ночи, то переводя глаза на искры небесного костра. И звезды стали казаться ему огоньками его родной земли, разбросанными по склонам гор, долинам и ущельям...

Всплеск волны и Чахмат очнулся. Все тот же корабль, затерянный в море. Впереди – страшная, неизвестная даль. Позади сожженный край, закованный в цепи...

Но вот турецкий берег принял изгнанников. Последнее звено, связующее Чахмата с родной землей – корабль исчез за морем. Изгнанники долго молчали, устремив блуждающие глаза в глубь страны. Ни души. Бесконечная голая выжженная земля. Опаленное небо раскаленным котлом повисло над головой, неумолимо обжигая своим зноем махаджиров. Потянулись томительные дни. Зной-

ный воздух все иссушал, а опустевший кувшин не утолял больше жажды. Мертвые долины сменялись холмами, и снова безбрежная песчаная степь. В пустыне веяло смертью.

– Воды-ы-ы! – тихо стонали путники и как бы в ответ из серой выси слышалось: «Киу! Киу!». Над головами умирающих кружился орел».

Так свершалась трагедия одной семьи из многих тысяч, прошедших тот же страшный путь. Согласно авторской версии легенды, ушедший на поиски живительной воды старший сын Чахмата, так и пропал. Скоро скончался и глава семьи. И только затем, рассказывал Хаджмат внимавшим ему слушателям свою историю, младший сын находит родник.

– Мать! Вода! – в неистовом восторге кричал сын, поднося к губам матери шапку с водой. Высоко в небе кружился спаситель – орел. Мать и сын вернулись в родной край. Вскоре она умерла.

– А сын?

– Он перед вами. Это я, Хаджмат.

Сказав это, он поднял глаза, еще полные тяжелых воспоминаний¹.

Полагаем, что Н. А. Лакоба о своих планах по возвращению махаджиров на родину делился и в кругу своих соратников, среди которых непременно был и Самсон Чанба – автор ряда произведений на тему махаджирства, в том числе драмы «Амхаджир». И все же, несмотря на восторженное воспевание в литературе и публицистике Советской власти, прогнавшей грузинских меньшевиков, время и ситуация для абхазов с каждым годом усложнялись. Причиной тому были, во-первых, усиление к 30-м годам группировки Сталина в Кремле, во-вторых, – это постоянный рост грузинского населения в Абхазии, чему способствовали центральные и Тифлиссские власти. Они-то, то есть Сталин и его ставленники в Тифлисе, хорошо понимали то, к чему могли привести намерения Лакоба увеличить население ССР Абхазии за счет репатриации. И стали по наущению сверху организовывать нападки на щадящую политику Нестора Аполлоновича по кардинальным вопросам, связанным с перестройкой векового уклада быта и жизни абхазского общества. Атака оппонентов Абхазии велась по разным направлениям,

¹ Газета «Советская Абхазия», 3 октября 1927 года. // Журнал «Сухум», 2016 г. № 2- 3. С. 351 – 355.

в том числе и в области демографии, подорванной процессами махаджирства и грузинской переселенческой экспансией. К 1926 году абхазцев в республике насчитывалось менее 60 тысяч человек, грузины же составляли более 67 тысяч. В столице Абхазии – Сухуме, как уже отмечалось, жило не более 600 абхазов, а грузин с мегрелами – более 5 тысяч.

В такой ситуации можно представить себе какое колоссальное давление испытывало руководство ССР Абхазия со стороны оппонентов независимого существования республики от Грузинской ССР. Хотя эта независимость, учитывая формулу «договорной» абхазской республики, подчиненность абхазской партийной организации Тифлису, в государственно-правовом аспекте была номинальной и держалась на практике лишь на авторитете главы Абхазии Н. Лакоба. Свидетельством реальной зависимости от Грузинской ССР являются и условия проведения Всесоюзной переписи 1926 года, проведенной в абхазской республике, с последующей проработкой материалов в Тифлисе. В этом плане вызывает интерес письмо С. П. Басариа Председателю Совнаркома Абхазии Н. А. Лакоба, впервые опубликованное в сборнике «Абхазоведение» АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА (Сухум – 2013. С. 356–359). По своему аналитическому содержанию, важной проблематике и форме изложения – это солидное публицистическое произведение, осветившее посредством пера талантливого ученого и общественного деятеля Симона Петровича Басариа абхазо-грузинские коллизии середины 20-х годов, в частности, в сфере демографии.

Данное письмо было отправлено из Тифлиса, куда был командирован С. Басариа в 1926 году по поручению главы республики, после проведения в Абхазии переписи. Судя по всему, Н. Лакоба не доверял грузинской статистике подсчет абхазского населения. И вот из Тифлиса Басариа писал: «В мандате моем командировка моя понимается «в качестве эксперта абхазоведа при проработке материалов переписи 1926 г. в части, касающейся Абхазии». В этом смысле, получив твою телеграмму, я согласился выехать и работать здесь только в течение одного месяца, заранее отказавшись еще в Сухуме от постоянной (т.е. до окончания проработки всей переписи, – что потребует не менее ½ года) работы. В том же смысле я буду говорить с Рухадзе (руководитель ЦСУ Грузии. – **В. Ч.**)».

Затем С. Басариа обращает внимание главы Абхазии на некоторые сомнительные в переписном деле моменты. Он отмечает следующие детали: «Если я нужен буду, как «абхазовед», то, наверно, в уточнении географических названий населенных пунктов Абхазии, а также в точном учете количества народностей в нашей республике, в разрешении сомнительных вопросов, т. е. в принятии участия в разрешении хотя бы такого вопроса – к какой народности отнести опрашиваемого, когда последний дает сведения: «народность – абхазская, родной язык мингрельский» (а таких карточек очень много)».

Это означало, что тысячи самурзаканцев, сознавая себя этническими абхазами, уже не говорили на абхазском языке. И здесь была реальная опасность, что Тифлис их всех определит в состав грузинской нации. Впоследствии все так и произошло. Однако в ту пору Н. Лакоба и С. Басариа не собирались сдавать позиции и в таком разе. В связи с этим Симон Петрович сообщал Н. Лакоба о хитросплетениях, уже тогда задуманных грузинским ЦСУ насчет абхазов. Он писал: «... Спешу сообщить тебе один существенный, и, на мой взгляд, совершенно неправильно толкуемый ЦСУ Грузии вопрос. Дело в следующем: в книге «Итоги всегрузинской демографической переписи 1923 г.» – эта та самая книга, которая уже была исправлена после сессии Грузика в Сухуме, а исправление состоялось в том, что был вырван последний лист и сделана следующая малопонятная выписка: «В остальных районах Грузии, за исключением Абхазии, по техническим условиям абхазцы не выделены отдельно». В предисловии говорится: «Вопрос о национальности и разговорном языке в республиканском масштабе полностью разработан только для семи основных национальностей, а именно: грузин, армян, осетин, турок, греков, русских и евреев; но кроме них в некоторых уездах дополнительно были выделены также те национальные группы, которые представлены в значительном количестве в том или другом уезде; так, например, абхазцы – в Абхазии, немцы – в Барчалинском и Тифлисском уездах и т. д.»

С. Басариа, как высокообразованный этнограф, географ, краевед, и вообще человек большего интеллекта, сразу увидел ухищрения грузинских статистиков, направленных на возможность манипуляций при подсчете абхазского населения. К примеру, подмеченная им формула грузинского ЦИКа «о национальности и раз-

говорном языке», коей были определены 7 национальностей, за исключением абхазов, оказывалась прямым способом фальсификации переписи в Гальском районе. Выходило, что раз нет четких рамок определения национальности, как это сделано было специально для абхазов, и, в частности, для тех из них, кто проживал в Гальском уезде, самурзаканцев, потерявших родную речь, – значит быть им грузинами, – видимо, так полагали в грузинском ЦСУ.

Вот и доводил до сведения Нестора Аполлоновича его посланец о подобных и иных ухищрениях тифлисских оппонентов. Басариа несколько эмоционально сообщал: «Если бы я не был бы абхазцем, но все же, как страновед и краевед (кое-что знающий о национальном составе Кавказа и всего СССР) отказался бы подписаться под такое неправильное определение «основных национальностей» и национальных групп «в некоторых уездах». Еще раз откровенно повторяю, что не как абхазец, а как грамотный в этнографии Кавказа человек отказываюсь понять такую странную классификацию национальностей, населяющих Грузию».

Далее в письме С. Басариа акцентирует внимание на известные науке трех типах классификации народов Кавказа: антропологическом, лингвистическом и этнологическом. Сделав краткий анализ по каждому типу, Басариа сообщает, что «абхазский язык в этом отношении хорошо изучен и народ, говорящий на этом языке, всегда причисляли к «основным национальностям» Кавказа наравне с осетинами и пр., населяющими Кавказ народами». И ему, как он отмечает, «после этого кажется «странным» разрешение «вопроса о национальности и разговорном языке в республиканском масштабе». Не сдержав эмоций, даже восклицает: «В самом деле, какая несуразность». И разъясняет, что он имеет в виду: «По терминологии грузинского ЦСУ выходит – в Абхазии живут следующие основные национальности: армяне, греки, грузины, русские, евреи и турки, и только, а в «некоторых уездах» и «национальная группа» – абхазцы».

Возмущаясь столь «странной» логикой грузинского ЦСУ, Басариа заключает, что все это для него «является очень странным» и, на его взгляд, «глубоко неправильным». И полагает, что «такая классификация кроме конфуза ничего не даст ни науке, ни политике (кстати, перепись 1923 г., а также последняя, показали, напоминает он, что абхазцы живут во всех 5 - ти уездах Абхазии).

И все же добавим к сказанному, что грузинские политики и статистики и в последующее советское время методично подтасовывали переписные кампании (С. Басариа, будучи репрессированным, о том знать не мог). В 60-е 70-е и 80-е годы прошлого века урезали тем или иным способом число абхазов, как показала послевоенная перепись населения уже свободной Абхазии, на 20 – 30 тысяч человек, и это без учета ситуации в Гальском районе.

В заключение своего довольно объемного послания, словно оправдываясь, С. П. Басариа отмечал: «Конечно, если пишу тебе, дорогой Нестор, это предлинное письмо, то это не значит, что я здесь создал какую-то оппозицию непримиримого «абхазца-националиста» (как меня окрестили все те, кому не лень вешать на мою шею всяких видов дохлых собак, все те, которые в душе начинены всякой всячиной, но при случае гарантируют свою непорочность экивоком в мою сторону, ибо добро я молчу); я всегда был сторонником солидарности и мирного сожительства не только грузин с абхазами, но и всех народов Кавказа между собою...».

И далее, обращаясь к основной проблеме, Басариа вновь утверждал: «Если пишу о несуразности деления населения Грузии на «семь основных национальностей», в числе коих нет абхазцев, то должен сказать, что авторы такого деления нарушают не только непроверяемые выкладки науки, но обнаруживают игнорирование к современному тактически-правильному отношению ко всякой маленькой нации. Если я ошибаюсь в своем толковании, то и не буду поднимать вопроса о включении абхазцев в число основных национальностей Грузии. Говорю «ошибаюсь» в том смысле, что возможно вопрос об этом уже предрешен был раньше (можно полагать сие решением политических верхов в контексте дальнейшего понижения статуса республики. – **В. Ч.**), вот потому я предварительно пишу тебе и спрашиваю – как быть?».

И, наконец, С. Басариа делится с Нестором Лакоба о том, какой тактики он будет придерживаться при обработке переписных данных. В этом вопросе он считает необходимым руководствоваться следующими моментами: «Во время учета населения по национальным признакам – должно быть самое беспристрастное отношение, в основу придется класть то, что думает спрашиваемый о себе. Так, например, если гальский житель (коренной абхазец) дает сведе-

ния, что он по «народности грузин» – придется с этим, безусловно, согласиться, отбросив в сторону всякие научные факторы... Если же житель этого уезда дает сведения о том, что он «по народности» принадлежит к абхазской, а по родному языку – к мингрельскому, то национальность в данном случае придется определить по народности, но не по языку».

Последняя фраза Симона Петровича, заключающая письмо, свидетельствует о том, что все вопросы, и тем более столь важная проблема, как перепись населения, решались при непосредственном участии главы республики. Полагаем, что никто другой из руководства вряд ли взвалил на себе подобную ответственность. Оттого и писал он Н. Лакобе в подробностях обо всех перипетиях, связанных с этим наиважнейшим делом. И в завершение извинительно, но совершенно справедливо, сообщал: «Думаю, что достаточно утомил тебя бесконечным писанием, но повторяю, в Сухуме не с кем было на эту тему побеседовать, и, не посоветовавшись предварительно с тобой, не рискую брать собственную точку зрения в разрешении спорных вопросов».

Таких проблем в «повестке дня» Н. А. Лакоба в ту пору было предостаточно. В перспективе, что, конечно, предвидел абхазский лидер, назревали еще более сложные и ответственные события, постепенно охватывавшие соседние регионы Российской Федерации. Главу Абхазии беспокоили большего всего намеченные партией преобразования, которые затрагивали коренные устои абхазского села. А в сельской местности в ту пору проживало подавляющее большинство абхазского населения, которое, как прекрасно знал Нестор, воспримет в штыки ускоренную программу и шаблонные подходы, скорее, кавалерийские наскоки, большевистского центра по переустройству векового быта и уклада крестьянства. Та сплошная коллективизация, что центр бескомпромиссно, с большими жертвами реализовывал в среде русского сельского населения, что и сгубила лучшие слои русского крестьянства, она же в Абхазии могла стать и вовсе губительной для всего народа.

Кстати, в ту пору, начиная с 1924 года, небольшое число предприятий промышленности республики вступили в период преобразований. Было также реорганизовано и руководство этой отраслью: бывшее ранее управление народного хозяйства с 29 октября

того же года стало называться ВСНХ (Высший совет народного хозяйства), видимо, по примеру других республик СССР. Председателем ВСНХ в ранге Наркома являлся С. М. Ашхацава, видный политик и общественный деятель, историк и публицист, один из основателей Абхазского Народного Совета, министр правительства Горской республики от Абхазии. И теперь в правительстве Н. Лакоба ему было доверено поднимать абхазскую промышленность. Дело это было архисложным, как о том писал в ряде своих экономических очерков сам Ашхацава.

Так, в материале «Шесть месяцев работы ВСНХ Абхазии» (приложение к газете «Трудовая Абхазия», июнь 1925 года) отмечалось, что ранее имело место объединение «слишком разнохарактерных хозяйственных органов, как Совнархоз, Коммунодел, Госторг». В новое ведомство «перешли все предприятия, имеющие промышленный характер, как в самом городе (Сухуме. – **В. Ч.**), так и в уездах, в числе 28, из коих 3 – авто-мехмастерская, типографии и челночная мастерская эксплуатировались непосредственно государством и первые два едва-едва самоокупались, а последняя давала убыток. В аренде были 7 предприятий., 18 предприятий бездействовали...». Ашхацава перечисляет следующие отрасли промышленности республики: табачная, винокуренная, лесная, горная и по использованию морских богатств. Количество рабочих в то время насчитывалось до 300 человек. Такой картине промышленных условий Абхазии по всему соответствовал и такой вывод Семена Михайловича о том, что «имея перед собой серьезную задачу – не восстановления, а создания промышленности, требующей единовременно крупных затрат, – мы встретили большие затруднения с самого начала».

Далее Ашхацава сообщает, что постепенно, с помощью государственных субсидий, происходит оживление ряда предприятий, а в целом, и всей промышленности.

В следующем 1926 году вновь выходит отдельным приложением к газете «ТА» материал доклада, сделанном С. Ашхацава на 6-м Всеабхазском съезде профсоюзов (23 января 1926 года). В обзоре, озаглавленном «Возможно ли в Абхазии развитие промышленности», уже наблюдается картина иного характера, нежели та, о которой год тому назад сообщал сам руководитель промышленности

республики. Теперь же он, обращаясь к аудитории съезда, отмечал следующее: «Вы хорошо помните, что собой представляла наша центральная промышленность 2 – 3 года тому назад, когда наши враги ожидали со дня на день полного ее краха, считая невозможным развитие промышленности в условиях социалистического строя. Но благодаря усилиям всего рабочего класса, под руководством партии, мы не только поразили своими успехами наших врагов, но далеко опередили все наши ожидания. Таким образом, первый опыт социалистического хозяйства, основанного на плановом принципе и методах, дал блестящие результаты, до сих пор небывалые в истории промышленности. Этот метод планового ведения хозяйства, требовал, прежде всего, укрепления центральной крупной промышленности, а у нас она только что начинает развиваться. Только теперь, с укреплением центральной промышленности, постепенно появляется возможность и необходимость использовать естественные богатства в союзных республиках (Абхазия также считалась таковой в абхазской среде, но иначе, т. е. автономной, воспринимали ее в Тифлисе и Москве. – **В. Ч.**)».

Мы можем предполагать, что вышеприведенные рассуждения – это свидетельство перехода в масштабе всего СССР к «командной» системе, как в промышленности, так и в целом в экономике. Ленинские принципы, в том числе НЭП, были отодвинуты в сторону, как чужеродные социализму, хотя о том вслух не упоминалось. Наоборот, авторитарные методы, силовая ломка «старого» уклада, особенно на селе, вытекавшие из сталинского постулата «об усилении классовой борьбы на пути к социализму», приобретали широкие масштабы. Новый властитель Сталин, которого большой вождем в свое время не смог сместить с поста Генсека, хотя настоятельно требовал того в своем письме съезду партии, понимал, безусловно, что Ленинские планы развития экономики и построения социализма могли затянуться во времени. Сталин же позволить себе такое, также и народам страны, никак не мог. И посему, преодолев сопротивление оппонентов из числа именитых большевиков и практически уничтожив их всех, подготовил в 20-х годах среду для «социалистических экспериментов» с населением, промышленностью и сельским хозяйством огромной страны. На местах уже спешили с перестройкой огромной страны, невзирая на всевозможные пере-

гибы и человеческие жертвы. Правда, до поры до времени эти процессы в абхазской среде происходили без особых эксцессов. Это мы видим на примере отчетов председателя ВСНХ ССР Абхазии, выходявших отдельными брошюрованными изданиями.

Так, в упомянутом выше, изданном отдельной книжкой отчете за 1926 год, по сути дела, солидном публицистическом произведении на тему организации промышленности Абхазии, содержится глубокий аналитический обзор положения отраслей и предприятий, составляющих этот сектор экономики республики. Кроме того, С. Ашхацава обозначает основные направления дальнейшего развития промышленности, высказывая свои соображения в целесообразности создания тех или иных объектов промышленности, обосновывая их необходимость интересами, как республики, так и всей страны. Конечно, с позиции сегодняшнего дня с некоторыми его выводами можно поспорить, а кое-что и отвергнуть. Но тогда обстановка, и социальная, и политическая, и хозяйственная, была иной, и большей частью стояла задача выживания Советского государства, также и республик в него входящих. Вот, скажем, Ашхацава всеми фибрами души ратует за строительство в поселке Бзыбь бумажного комбината, проектная мощность которого обеспечивала бы все Закавказье, частью и страну бумагой и картоном, бывшими в большом дефиците в ту пору. Только рабочих и ИТР предполагалось на комбинате 1200 человек, когда в 1925 году по всей Абхазии насчитывалось всего 300 рабочих. Могли бы абхазы осилить в ту пору такие потребности? Конечно, нет. В таком случае, как это и делалось на практике в то время и после, рабочих и инженерно-технических работников поставляли бы из Грузии. А что было бы с течением времени с лесными массивами Гагра – Бзыбской местности, с реками и озером Рица? В то бурное время масштабных преобразований природную среду и людей, изначально живших в первозданных условиях, как правило, не брали в расчет. Ясное дело, в пору пролетарского энтузиазма всех основательно увлекало, как отмечал поэт, «планов громадь».

Вот и писал сведущий и энергичный в организационных делах С. Ашхацава о том, что уже делается, и что будет после. С оптимизмом сообщал, что уже «представлены в центр предварительные сведения по этому вопросу (строительству комбината. – **В. Ч.**), даль-

нейшая разработка которого производится спешным порядком, для чего Совнаркомом отпущены необходимые средства». Далее отмечалось, в какие средства выльется возведение крупнейшего в Закавказье объекта промышленности. Цифры, со многими нулями, действительно, если не потрясали, то уж точно сильно возбуждали воображение. Например, по словам председателя ВСНХ Абхазии, только «оборудование предприятия обойдется в 3. 672. 000 рублей, стоимость зданий – 1. 538. 000 рублей. При предприятии будет выстроен рабочий поселок, расходы на который исчислены в 648. 000 рублей. Окончательная стоимость всего предприятия в сумме от 6. 200. 000 руб. до 7.000.000 рублей». Словом, должно было развернуться масштабное строительство, и, разумеется, не силами и возможностями маломощной абхазской республики.

Дело, отмеченное выше, конечно, прошлое, но почему-то в связи с ним, также и прочими, на ум приходят афористичные слова незабвенного премьера России В. Черномырдина, сказанные им от всего сердца: мол, хотели, как лучше, а получилось как всегда. Так и у абхазов: тоже вроде хотели, как лучше, а в итоге тем всегда пользовались грузины к своей выгоде. В свое время бывший первый секретарь Абхазского обкома партии М. Бгажба поведал автору этих строк о таком случае. Когда появилась такая возможность, рассказывал он, проявил содействие в передислокации из Кутаиси в Абхазию института субтропического хозяйства: полагал тогда, дескать, кадры абхазские подготовим для села, да и рабочие места лишние нам не помешают. А что на деле получилось: вместе с институтом объявились в Сухуме тысячи новых жителей из числа преподавателей и студентов, и вполне на легальных основаниях. С явной досадой, по крайней мере, мне так казалось, вспоминал о том событии Михаил Темурович.

Что же касается намеченного строительства мощного бумкомбината в 20-х годах в Абхазии, слава Богу, это мероприятия так и не состоялось. По тому профилю, и не самой большой мощности, был построен комбинат в Мегрелии. Тем не менее, позже там же, на территории села Бзыбь, были выстроены решением властей грузинской республики излишние предприятия, в том числе домостроительный комбинат, выполнявшие роль «троянского коня» в насыщении региона грузинскими переселенцами.

Очередной доклад С. М. Ашхацава «О состоянии промышленности ССР Абхазии и перспективах на ближайшее время» состоялся спустя два года также на Всеабхазском съезде профсоюзов 22 марта 1928 года. Материалы доклада были опубликованы в приложении к газете «Советская Абхазия» (25. 03. 1928. №70). Надо отметить, что общая тональность изложения состояния дел в промышленности в целом и на отдельных предприятиях была довольно сдержанной. Проблемы больших строек и мощностей в довольно объемной публикации (более чем на 30 страницах) не поднимались. Речь, в основном, шла о проблематике местных промышленных предприятий, уже дававших продукцию, также и о том, что предстояло сделать в этом плане в перспективе. О том, что абхазская промышленность сталкивалась с множеством проблем: с безденежьем, отсутствием квалифицированных кадров, рынка сбыта и т. д.

Следует еще раз подчеркнуть, что С. Ашхацава, будучи весьма незаурядным для своего времени руководителем-хозяйственником, также выступал как один из самых талантливых и видных абхазских публицистов. В этом плане творческая тематика его была разнообразна, и в данном случае он весьма привлекательно и доходчиво, а вместе с тем, и принципиально, с элементами полемики, рассуждал о проблемах довольно новой для Абхазии экономической отрасли – сфере промышленности. Вскрывая факторы, мешавшие становлению промышленности, он глубоко исследовал основные причины, являвшиеся помехой в ритмичной деятельности отрасли. Это и человеческий фактор, и стихия, и недостаточная оснащенность предприятий современной техникой – все это отмечает в своих аналитических докладах и публикациях Ашхацава. Автор приводит интересные факты и сведения, показывающие не только рост числа предприятий, но и образование такой прослойки в абхазском обществе, как рабочий класс, с каждым годом прибавлявший в своем количестве. Мы помним, что года два – три тому назад рабочие, со слов того же Ашхацава, насчитывали не более 300 человек. Теперь же, в 1928 году, он же отмечает, что «как ни трудно было подготовить новых рабочих, все же оказалось возможным, и мы в настоящее время имеем обученных около 500 человек у станка, не говоря о сезонных рабочих, число которых иногда превышает 1.000 человек». Все же заметим, что сезонные рабочие, если

они местные, на наш взгляд, это показатель не совсем нормального положения в экономике.

Далее много внимания Ашхацава уделяет подбору и расстановке управленческих кадров в промышленности, коих катастрофически не хватает, потому иной раз приходится назначать на должности не специалистов. В этом вопросе он заострял внимание таким образом: «Нам нужно было иметь, по крайней мере, по одному хорошему специалисту в каждой отрасли промышленности, но, несмотря на наши трехлетние просьбы и хлопоты, увеличить штат нам не только не удастся, но наоборот, мы попадаем под общий шаблон сокращений. Можно смело сказать, что ни в одной республике не найдется ни одного наркомата с таким малым штатом, и между тем требования, предъявляемые к нам центром, точно такие же, как и к другим ВСНХ».

С. Ашхацава не ограничивался своими сообщениями в форме докладов на профсоюзных съездах, партийных пленумах и конференциях. Он также выпускал эти материалы в виде публицистических произведений, полагаем, потому, чтобы охват аудитории был шире, а резонанс выступлений сильнее: дескать, если будет действенной постановка вопросов, значит, и больше внимания к проблемам окажут те, от кого зависела жизнедеятельность промышленности Абхазии.

Подвергнув анализу состояние таких отраслей промышленности республики, как лесная, винокуренная, табачная, автотранспортная и местная, Семен Михайлович остановился на вопросах нового промышленного строительства, капитального ремонта и дооборудования в текущем 1928 году.

По такому объекту, как возводимая в то время Гумистинская ГЭС, на которой, вместо проектных 1. 500 лош. сил, был выдвинут вариант в 2. 500 лош. сил.

По химической отрасли – строительство в районе Цкурбил завода, мощностью до 200.000 пудов сухого таннида, выделяемого из мимозы. Также устройство завода лесопильного и дубильного экстракта на каштане в Дальской даче на 50.000 пуд. Сухого таннида, и в Гумистинско-Эшерской даче на 30. 000 пуд.

По лесной отрасли – это сооружение фабрики гнутой мебели в Псырцхе, производительностью 50 дюжин букового гнутья в сутки. Стоимость постройки и оборудования – 150. 000 руб. Кроме того,

намечено усиление Гагринского лесозавода №1, установка трех ящичных станков, стоимостью 20.000 руб, капитальный ремонт и дооборудование Кодорского лесозавода (25.000 руб.). Также установка имеющихся 5-ти лесопильных рам на сохранившемся фундаменте бывшего Максимовского завода на Кодоре (150. 000 руб.), сооружение узкоколейки в Гумистинской даче (50. 000 руб) и лесоспусков (54. 000 руб.).

В пище-вкусовой отрасли намечалась организация пивоваренного завода в Сухуме, переброска сюда же из Гагры завода газированных вод и пуск его в ход.

Намечены были преобразования в винной, кожевенной и строительной отрасли. Например, должны были войти в строй два кирпично-черепичных завода, один камнетесный завод.

Словом, как видим, абхазская промышленность помаленьку, преодолевая проблемы, становилась на ноги. По масштабам своим, как то доводил до сведения общества С. Ашхацава, она соответствовала возможностям небольшой абхазской республики. Больших строек, в расчете на Союз, уже не планировалось, как например, пару лет назад. Так, скажем, слава Богу! Ведь большие свершения в малой стране всегда связаны с немалыми рисками: можно оказаться через определенное время на голом, исковерканном, и позабытым всеми бывшими пользователями, месте. Сие неплохо бы усвоить и тем, кто уже в наше время ратует наладить нефтяной бизнес в Абхазии, не задумываясь о том, что последствия сего могут нанести столько ущерба, от которого страна и народ будут избавляться не одно десятилетие. Да вот только вопрос: смогут ли?

Как видим, много полезного и сегодня, не говоря уже о той громадной пользе в минувшее время становления абхазской республики, можно почерпнуть из публицистических материалов С. М. Ашхацава на тему становления промышленности, о событиях и людях той поры, самозабвенно строивших основы социализма в надежде на счастливое будущее. Все это делалось искренне, без задних мыслей и по доброй воле. И не вина тех, кто возводил основы «града счастья на холме», что не дожили и не узрели в яви ту самую мечту. Многие из них вообще сгинули еще раньше, найдя последнее пристанище в безвестных могилах, в сибирских лесах, в пустынях Казахстана. Но люди трудились, причем самоотвержен-

но, закладывая почти вручную фундамент незнакомому и весьма смутного общественного строя. Верили на слово усатому грузину, заменившему на властном олимпе в Кремле великого Ленина, и его именем прокладывая теперь путь в счастливое будущее.

К тому времени, к 30-м годам, как уже упоминалось, Ленинский план построения социализма, в том числе и развития экономики, авторитарной волей Сталина был позабыт и позаброшен. Повсеместно давно была искоренена внедренная Лениным новая экономическая политика (НЭП). Было заранее, полагаем, задумано создание «резервной армии труда» (лагеря для репрессированных) из числа запланированных к раскулачиванию «крепких» сельских тружеников, на которых и держалось экономика села России. К тому должны были прибавиться и многочисленные будущие жертвы политических репрессий. И на таких расчетах могла строиться будущая перестройка промышленности, практика которой доказала, что миллионы заключенных были востребованы и подключены к реализации программы индустриализации страны. Вместе с тем, как на дрожжах рос в партийно-советских кругах, а оттуда и в народе, культ личности вождя, без которого ничего не решалось и не делалось, как по крупным, базовым проблемам, так и делам, имевшим место в самой дальней глухомани. Так было поставлено дело: на то работали сотни тысяч исполнителей в органах власти, не меньше и в учреждении «государева ока» – зловещем НКВД. В таких условиях даже мужественные и принципиальные личности без особой надобности на то прибегали к возвеличиванию роли Сталина по любому поводу. Иначе можно было в одночасье попасть в список инакомыслящих оппонентов власти с известными последствиями.

Для примера сказанному обратимся к большому экономическому очерку В. Ашхацава, вышедшему отдельной книжкой под названием «Всесоюзный научно-исследовательский институт влажных субтропиков, его задачи и деятельность»¹. В этом институте, сокращенно ВНИВС, с 1935 по 1937 год, до времени ареста, директором работал Семен Михайлович. В его публикации весьма подробно и квалифицировано рассказывалось о деятельности научного учреж-

¹ С. М. Ашхацава. Всесоюзный научно – исследовательский институт влажных субтропиков, его задачи и деятельность. Издание ВНИВС, выпуск 27 – й. Сухум – 1935.

дения в «области субтропического сельского хозяйства и о практическом продвижении научных достижений в производство». Речь шла о работе сугубо научно-практической, написанной на двух языках – русском и английском. А в предисловии к ней, состоявшем из нескольких абзацев, как свидетельство наступивших уже реалий, можем узреть совсем не характерные обороты речи для публицистики Ашхацава. Такие, скажем, перлы, как «По указанию великого вождя мирового пролетариата товарища Сталина усиленно развивается...», или же «поставленная вождем партии и рабочего класса товарищем Сталиным задача по созданию мощного субтропического сельского хозяйства...». Еще такой панегирик, свидетельствующий об установлении повсеместно махрового культа личности: «Под руководством большевистской организации Закавказья, во главе с испытанным сталинцем товарищем Л. Берия, в этой области достигнуты огромные успехи».

Что и говорить, если тот режим напоминал нам, свидетелям более позднего времени, режимы Камбоджи 70-х и Северной Кореи, приходилось принимать правила игры и абхазским партийным, советским и хозяйственным работникам. Ашхацава в том не был исключением. К тому же он знал о «своих прегрешениях» перед сталинским режимом: был еще в 1921 году исключен из партии большевиков «за националистические проявления», а если говорить по-простому, не хотел вхождения Абхазии в ССР Грузию в качестве договорной республики. Как видим, сопротивление планам свертывания абхазской государственности началось много раньше, можно сказать, на заре Советской власти. В том участвовали многие абхазские лидеры, в первую очередь Е. Эшба и Н. Лакоба.

Еще в начале 20-х годов, когда только приступали к наметкам по преобразованию на селе, тогда уже глава абхазской республики проявил себя как вдумчивый и нешаблонно мыслящий руководитель. Он часто подчеркивал в своих выступлениях, что нельзя механически перенимать российский опыт по перестройке села. Это видело его окружение, те, кто был с ним рядом и поддерживал его, как и те, кто подсматривал и принимал к сведению эти слова, как крамольные, авось пригодятся в свое время.

Особенно зримо проявилась позиция Н. Лакоба по отношению к крестьянству, а это, надо сказать, становой хребет абхазского обще-

ства, на 2-м съезде Советов (22 – 23 декабря 1923 г.), на котором он выступил с весьма интересным и обширным докладом. В частности, он отмечал, что «вообще же земреформу будем проводить не спеша, по всем правилам и законам Земельного и Лесного кодексов. Надо оговориться, что этих кодексов пока мы не ввели и не спешим с ними. В Грузии их пока тоже нет».

Некоторые говорят: «Взять готовые декреты других республик, немного изменить и ввести». Но это неправильно, не годится. Нужно знать местные условия. Если мы неправильно сделаем, если по шаблону кодекс примем, не учтя культурных и бытовых особенностей Абхазии, то грубых ошибок будет наделано очень много. А это самое плохое, что можно придумать».

Как видим, имелись уже и тогда, как между прочим и ныне, реальные исполнители, готовые бездумно копировать чужой пример. Без всякой необходимости и принуждения и теперь же частенько перенимают ненужное и неэффективное, и ничего, все проходит без эксцессов, как и без пользы для дела. А в ту пору случись такое, а тогда все делалось в приказном порядке, чего опасался Лакоба, в крестьянской среде без волнений не обошлось бы. Вот и приходилось главе республики своим авторитетом останавливать партийных карьеристов, дабы не наломали, как говорится, дров в том же самом земельном вопросе.

Потому и на съезде Советов он настойчиво разъяснял, что не следует чужой опыт перекладывать на абхазские реалии, что это несовместимо с местным укладом жизни, совершенно иными обычаями и традициями. А как ему не делать этого, если среди партийных, советских и хозяйственных работников не менее половины съезда, если не больше, людей пришлых, которых вряд ли заботит мысль о том, как воспримет абхазский крестьянин то или иное новшество, зачастую идущее вразрез с его вековыми воззрениями и привычками. А вот Лакоба обязан, выходит, об этом думать, он ведь знает не понаслышке характер своего народа: принуждать его силком к чему-то, к тем же новым условиям жизни – себе дороже выйдет. Здесь нужны уговоры и разъяснения – нескорые, терпеливые, честные.

И он, раз за разом, обращается к «соратникам» на том же съезде, вопрошая, к примеру: «А как мы должны землю разделить? Это сложный вопрос. Мы дали задание Наркомзему т. Бения, но его спе-

цы мало задумываются над местными условиями, не учитывают или учитывают плохо, как крестьянин живет, сколько ему нужно леса, сколько пашни, под сад и т. д. Они берут русскую мерку, подгоняют местные условия под нее, а это будет шаблон, если хотите, даже непоправимая ошибка».

Затем Нестор Аполлонович приводит пример из печати, где опубликована публикация ученого о том, как проводится земельная реформа применительно к разным народам. По этому поводу Лакоба отмечал: «Вот в «Голосе трудовой Абхазии» есть статья т. Патеипа из Гудаут. Такие статьи желательны и по всем вопросам, и мы много бы выиграли, если бы они чаще появлялись. Тов. Патеипа практически подходит к решению земельной реформы. Он, зная хорошо местные вопросы, говорит: что может дать немец на одной десяatine, того абхазец, благодаря своей некультурности (незнания агротехнической премудрости. – **В. Ч.**), – не может дать. Патеипа говорит, что абхазцу нужно столько-то земли для сада, столько-то для табака, столько-то для усадьбы, столько-то для культуры (основного продукта питания. – **В. Ч.**), и только тогда он может прожить».

Глава Абхазии открыто говорит о допущенных ошибках, не скрывает их, ибо понимает, что сокрытие может обернуться негативным настроением населения против власти. О подобных фактах Н. Лакоба сообщает участникам съезда таким образом: «Что касается пользования лесами, то в 21 году (имеется в виду 1921 год. – **В. Ч.**) бывшие общественные леса сделались государственными. Крестьянин от этого был в недоумении. Он спрашивал: «При царе я имел общий лес, а теперь без бумажки лесничего и без платы не могу в этом лесу рубить и хворосту?».

Крестьянин справедливо начал поругивать, правда, негромко, Советскую власть. Мы должны были эту свою ошибку исправить, и мы ее исправили. Прежние общинные леса закреплены за крестьянами в бесплатное их пользование, а те общины, которые не имели раньше таких лесов, решено наделить лесными деланками за счет бывших частновладельческих и казенных, по выяснении действительной нужды этих общин»¹.

¹ Материалы по истории Абхазии Советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921 – 1931). Деревня. Сельское хозяйство. Сборник документальных материалов. Том I. Составитель: Куправа А. Э. Сухум – 2012. С. 175 – 177.

Н. А. Лакоба, таким образом, отметил, что абхазский крестьянин «справедливо начал поругивать» власть еще в начале 20-х годов. И по нему выходило так, что тому были серьезные причины, впоследствии названные «перегибами» в деле внедрения новых форм социалистического хозяйствования. Но поскольку эти перегибы имели место и в политике, к примеру, волевое, основанное на сталинском авторитаризме, объединение Грузии и Абхазии, а затем уже и автономизация последней с вхождением в состав грузинской республики, они не могли не привести к событиям 1931 года. Это был массовый крестьянский протест против усиливавшихся политических и экономических перегибов, выражавшихся в шаблонной и волюнтаристской практике партийного и советского центра, а также в насильственном преобразовании абхазской республики в автономию.

О неоднозначной политике и практики большевиков в разные периоды сообщает С. Лакоба, подчеркивая, что «Советская власть в крае имела свои особенности и не сопровождалась массовым террором. Она оказалась более гибкой в сравнении с недавними органами власти Грузинской республики (меньшевицкой. – **В. Ч.**). Во многом эта необычная для новой власти тенденция объясняется тем, что ее утверждение в Абхазии совпало с проведением в Советской России новой экономической политики (НЭП). «В этот период, – писал С. Данилов, – Абхазия действительно была маленьким цветущим оазисом среди огромной страны экспериментов, насилия и нищеты. Недаром об Абхазии говорили как о «счастливой Аркадии». Такое продолжалось, к сожалению, недолго»¹.

Действительно, вскоре, в самом начале 30-х годов, настали иные времена. Во второй половине февраля 1931 года сталинская «реформа» старого хозяйственного уклада, распространенная повсеместно по огромной стране под прозванием «сплошная коллективизация села», вызвала взрыв негодования в ряде сел Абхазии. Но здесь же следует отметить, что в то же время происходило преобразование ССР Абхазия в автономную республику в составе Грузинской ССР. И все это было проведено, естественно, без обсуждения и согласия в среде абхазского народа.

¹ Станислав Лакоба. Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). Сухум – 2001. С. 85 – 86.

По словам исследователя С. Лакоба, с трибуны VI съезда Советов Абхазии председатель абхазского правительства Нестор Лакоба заявлял, что «вопрос этот решен», но одновременно призвал абхазское крестьянство выступить против, надеясь этой крайней мерой повлиять на Кремль. В Дурипше, Лыхны, Ачандаре, других селах 18 – 26 февраля 1931 г. состоялся многодневный общенациональный сход («Дурипшский сход») абхазского народа, который высказался против вхождения в Грузию и против колхозов. Активное участие в этом протесте принимала мать Н. Лакоба (Шахусна Джергения)¹.

Это было продолжительное и мощное выступление значительных масс абхазского крестьянства, посчитавшего себя обманутым советской властью. В пик выступления в массовых протестах принимали участие от 2 до 4 тысяч человек. Из всех прозвучавших требований на сходах основными были: отмена коллективизации, не совместимой с бытом и традициями общества, был поставлен вопрос о прекращении занятий женщин и девушек в кружках ликбеза, причем в ночное время, что также является нарушением вековых устоев и обычаев народа.

Действительно, если посмотреть на требования крестьян непредвзято, что, кстати, было мало свойственно партийным и советским работникам той поры, для подобных выступлений были все основания. По поводу политики на селе, заметим, что еще в 1930 году Н. Лакоба на совещании в Тбилиси подчеркивал неправомерность перехода к коллективизации «без учета социально-экономических условий и культурных традиции абхазской деревни». А меж тем уже ряд сельсоветов Гудаутского и Очамчирского районов был объявлен селами сплошной коллективизации (ноябрь 1929 г.). Курс на искусственное форсирование коллективизации вытекал из общей ориентации сплошной коллективизации сельского хозяйства всего Закавказья в кратчайшие сроки².

И вот, как результат, на сходе в селе Дурипш, на завершающем этапе, собралось до 4 тысяч человек, присутствовали также председатель ЦИК Н. Лакоба и члены правительства Абхазии, первый се-

¹ О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум – 2015. С.358.

² А. Э. Куправа. Из истории Абхазской традиционной культуры. Книга первая. Народные сходы. Москва – 1998. С. 75 – 76.

кретарь ЦК КП (б) Грузии С. Мамулия и председатель ГПУ Закавказья Л. Берия. Из уст одного из лидеров схода Сита Ебжноу (исследователи той поры по известной традиции пишут «главарей». – **В. Ч.**) были высказаны требования абхазского крестьянства. Оратор перечислил их таким образом: «Мы против деления крестьян на кулаков, середняков и бедняков, когда боролись за власть, нас так не делили. Коллективизация для нас губительна, ибо колхозы уничтожают традиционный уклад и обычаи нашей народности. Контрактация табаков, винограда и других сельхозкультур абсолютно неприемлема для крестьян. Мы категорически против скотозаготовок. Отбирают скот, нас же самих заставляют гнать его в город и там встречают с музыкой, возлагая на нас же фураж. Комсомольцы представлены самим себе, они безобразничают, делая все, что угодно. Держат крестьян под террором. Духовенство преследуется, нет возможности пригласить муллу на похороны».

Затем он же высказался по поводу сельских ликбезов, отметив недовольство крестьян тем, что женщины в ночное время ходят на учебу в школу ликбеза, бросая своих грудных детей. Непосещение занятий означает, что надо уплатить от 100 до 300 рублей штрафа¹.

А ведь сама идея ликвидации безграмотности (ликбезы) являлась довольно прогрессивным начинанием. На деле же, в силу излишнего администрирования этого централизованного мероприятия, эта затея стала одним из самых ненавистных мероприятий власти для абхазского крестьянства.

Получалось, таким образом, что намеченные и проводимые авторитарным методом мероприятия, не сообразованные с местными условиями, становились детонатором взрывоопасных протестов населения. В России подобное подавлялось жестокими репрессиями, раскулачиванием и прочими средствами. Все же и там, кое-где, как, скажем, в Абхазии, они прорывались наружу мощным выступлением крестьянства. Но все было бесполезно: сотни тысяч крестьянских семей, оставив дома и нажитое долгими годами труда, бесконечной чередой выселялись из родных мест в дальние веси. И что же, зададимся вопросом, останавливало беспощадную совет-

¹ А. Э. Куправа. Из истории Абхазской традиционной культуры. Книга первая. Народные сходы. Москва – 1998. С. 94 – 95.

скую власть, которой не составляло особого труда, как это свершалось в России, с казаками Дона и Кубани, на Северном Кавказе, это уж точно, также управиться и с абхазами? Вряд ли мы когда-либо узнаем о том, о чем, верно, знали Нестор и Сталин.

Полагаем лишь о том, что в Советском центре наверняка были информированы, что не только колхозам противились абхазы, но и политике большевиков, посягнувших на их независимую республику. «Источники» спецслужб, конечно же, сообщали наверх о разговорах, подобных тому, который, к примеру, состоялся после протестных событий в Ачандаре в семье Э. Царгуш. Там, среди небольшого круга крестьян, Яхья Ахба сказал следующее: «Да, этот год был вдвойне трагичным для Абхазии. Одно дело, что многие участники дурипшского схода и клятвы у Дыдрыпш-ныха были сосланы или расстреляны. Другое дело, что Абхазия тогда потеряла свою независимость, полученную после изгнания грузинских меньшевиков. В 1921 году Абхазия стала равноправной с другими народами. В 1931 году Абхазия опять подчинена Грузии, только под прикрытием Советской власти и большевиков».

Затем Ширин Царгуш, как вспоминал позже обслуживавший гостей Энвер Царгуш, откликнувшись на замечание одного из крестьян, что «большевики не допустят угнетение одних народов другими», отвечал следующее: «Не может быть, чтобы наш Аллах или наш Дыдрыпш-ныха оставили народную мольбу без внимания. Рано или поздно сбудется народная мольба. Ни колхоз, ни угнетение Абхазии Грузией не будут вечными»¹.

Все же, основываясь на подобных довольно редких источниках, можно сделать выводы, не бесспорные, разумеется, что долговременный массовый протест абхазского крестьянства в феврале 1931 года был направлен не только против коллективизации на селе. Можно полагать, что подспудно, поскольку многие еще не были информированы, эти выступления явились выражением крайнего недовольства посягательством большевиков на независимость абхазской республики. Решения о преобразовании ССР Абхазия в автономную республику в составе Грузии были приняты съездами

¹ А. Э. Куправа. Из истории Абхазской традиционной культуры. Книга первая. Народные сходы. Москва – 1998. С. 111 – 112.

Советов Абхазии и Грузии, то есть не только без широкого обнародования, но втайне от народных масс. И потому весьма цинично выглядит постановление VI съезда Советов Грузии (принятое 19 февраля в начале массовых протестов в Абхазии), в котором отмечается: «В соответствии с волеизъявлением трудящихся Абхазии, принявших на VI съезде Советов (11 февраля 1931 г. – **В. Ч.**) рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов решение о вхождении Социалистической Советской Республики Абхазия в Социалистическую Советскую Республику Грузии в качестве автономной республики...». Цинизм этот заключался в том, что никакие «крестьяне, рабочие и красноармейцы», указанные в постановлении, не давали своего согласие на узурпацию абхазской независимости большевистской верхушкой того периода. Если же посмотреть глубже на проблему, вопрос должен был бы решаться с согласия абхазского народа и самой многочисленной его прослойки – абхазского крестьянства, но уж точно не рабочими и красноармейцами.

В этом деле не все обстоятельства еще известны, не исследованы, видимо, досконально и архивные документы, иные материалы, проливающие свет на отношения Сталина и Лакоба. Почему, например, Сталин, неуступчивый, мягко говоря, в реализации своей генеральной линии, проявлял известное снисхождение до «проступков» абхазского народа и его лидера?

Академик А. Куправа, анализируя социально-экономические процессы, а также политическую обстановку в Абхазии в конце 1929 года, отмечал, что этот год, т. н. «год великого перелома» – для Абхазии стал особенно критическим и трудным. В республике почти сплошь крестьянской переход к политике сплошной коллективизации затрагивал коренные интересы всего народа, который не был подготовлен к этому процессу. Данное обстоятельство поставило правительство Абхазии в тупиковое положение. Местные политические оппоненты Н. Лакоба ставили ему в вину, что он переоценивает особенности республики, придерживает темпы коллективизации, «сбивается иногда в своей работе на политику опоры на все слои абхазского населения», «находит возможным иногда не подчиняться решениям обкома». Весь этот набор обвинений позже повторит в своем письме И. Сталин. Ясно, что был заказ на это сверху.

Выходило, что на главу Абхазии оказывали давление и «местные политические оппоненты». По словам ученого, словосочетание «ставили ему в вину», по нашему мнению означает, что «стучали» на тов. Н. Лакоба в Тифлис и Москву. Вот и объявилась после того небезызвестная комиссия Цейтлина с ее оргвыводами в отношении Н. Лакоба. Но и она, эта комиссия, явилась не сама по себе. Ни эта личность, и никто другой не посмели бы рекомендовать к освобождению от должности «старого» большевика Лакоба, человека приближенного к «хозяину», кроме, естественно, самого Сталина. Вождю, однако, «ломать» давнего соратника Лакоба было несподручно, да и незачем, когда повсюду столько желающих услужить. Ведь также он поступил и в декабре 1936 года, руками Лаврентия Берия свершив свой злодейский акт убийства абхазского лидера.

Но до этого, как полагаем, Сталин гнул свою линию, довершая свой старый замысел, зревший у него еще с 1921 года, состоявший в том, чтобы раз и навсегда определить абхазскую республику и ее народ в состав Грузинской ССР, государственного образования советской грузинской нации, «более продвинутой в цивилизационном плане, нежели другие кавказские народы». Так, примерно, представлял себе «отец народов» удовлетворение национальных потребностей и запросов этих самых народов, в решении которых они сами, как правило, не принимали участия. Народам в ту пору, кстати, было не до того, главной потребностью той поры было выжить, еще лучше – выйти с наименьшими, по возможности, потерями из сталинских («советских») экспериментов в момент ломки векового уклада жизни и перехода к неизведанным преобразованиям в городе и селе.

Нестор Лакоба прекрасно понимал, чем может закончиться его сопротивление наметкам Сталина по Абхазии. И по возможности лавировал, тянул время в надежде на лучшее: больше всего, думается, верил в то, что его близкие отношения с вождем позволят смягчить обстановку в Абхазии, считал, что репатриация абхазов также усилит позиции республики. Вначале вроде так и было: Сталин выжидал, думал, скорее всего, что Лакоба, зная о его намерениях, сам предложит реализовать их. К концу 20-х годов терпение Сталина стало истощаться и Закрайком ЦК КП (б) отреагировал немедленно: проверка дел в Абхазии установила большие нарушения

партийной и советской дисциплины руководителем республики Лакоба. Его рекомендовали освободить от должности председателя СНК. Вопрос, таким образом, вроде был решен окончательно. Но тут обитатель Кремля, оказавшийся на отдыхе и «нечаянно» прознавший о событиях, связанных с тов. Нестором, является в роли «спасителя» абхазского лидера.

Историк Станислав Лакоба, характеризуя ситуацию тех лет, подчеркивал следующее: «Нужна была крайняя осторожность по отношению к абхазскому крестьянству, чтобы не отпугнуть его от новой власти. Благодаря именно такой терпеливой политике, в Абхазии не было «головокружений от успехов» и массовой высылки в Сибирь. Нестор строил «социализм» относительно мирным путем. Он прямо говорил: «Не нажимать на колхозы». Нестор считал, что с коллективизацией в Абхазии нельзя торопиться, ибо «кулака» у нас нет, а потому вопрос о ликвидации кулака как класса отпадает»¹.

Подобное «человеколюбие» крупного руководителя в ту пору никак не совмещалось с «твердой» линией партии и не могло не вызывать неоднозначного толкования в партийных и советских структурах, как в Абхазии, так и в кабинетах повыше – в Москве, Тифлисе, откуда и спустили комиссию того самого Цейтлина. Сталин, конечно, этим воспользовался в своих коварных и далеко идущих целях. И сделал совершенно неожиданный для всех нестандартный ход.

О том так пишет С. Лакоба: «Такая своеобразная политика (щадящая по отношению к крестьянству и ко всем слоям населения республики. – **В. Ч.**) шла в разрез со сталинским планом преобразований. Воспользовавшись этой ситуацией, республиканская парторганизация выступила против Нестора. Однако неожиданно для всех его поддержали Сталин и Орджоникидзе. Сталин 19 октября 1929 г. обвинил Абхазский обком (секретарь П. Меладзе. – **В. Ч.**) в том, что он «не учитывает специфических особенностей абхазского уклада, сбиваясь иногда на политику механического перенесения русских образцов социалистического строительства на абхазскую почву». Взяв Лакоба под защиту, Сталин вместе с тем подверг его критике: «Ошибка т. Лакоба состоит в том, что он несмотря на свой

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империи XX – XXI вв. Саппоро – 2004. С. 101 – 102.

старый большевистский опыт, сбивается иногда в своей работе на политику опоры на все слои абхазского населения (это не большевистская политика) и б) находит возможным иногда не подчиняться решениям обкома (это тоже не большевистская политика). Фактов не привожу, так как они общеизвестны. Я думаю, что т. Лакоба может и должен освободиться от своих ошибок. Я думаю, что обком должен помочь т. Лакоба в этом деле, а т. Лакоба должен признать без оговорок руководящую роль обкома во всех делах абхазской жизни»¹.

Полагаем, что письмо Сталина, с одной стороны вроде защитила Нестора Лакоба, но с другой – показала ему же, кто в доме абхазском хозяин: это партия большевиков во главе с Генсеком – грузином, но никак не абхазский лидер Лакоба. Это уж было отмечено четко. А то, что вождь приводил в качестве аргумента в защиту абхазского руководителя его же, Лакоба, постоянный тезис «об учете специфических особенностей абхазского уклада», как нам кажется, Сталин тем самым как бы предлагал своеобразный размен. Мол, я тебе оставляю «абхазский уклад», а ты взамен соглашаешься на автономию в составе Грузии. Вождь любил эзопов язык, и весьма был изощрен в том. И, думается, Нестор Аполлонович все хорошо понял. И вот, когда наступил час «икс», в апреле 1930 года, III сессия ЦИКа Абхазии под председательством Н. Лакоба, рассмотрев вопрос о договорных взаимоотношениях между ССР Абхазии и ССР Грузии, решила внести поправку в Конституцию Абхазии: название «договорная республика» было заменено словами «автономная республика». И только почти через год, 11 февраля 1931 года, VI съезд Советов одобряет большинством голосов преобразование ССР Абхазия в автономную республику в составе ССР Грузии.

В том, что не было принято силового воздействия для разгона многодневного схода абхазского крестьянства – это, на наш взгляд, все же результат того компромисса между Лакобой и Сталиным, о котором говорилось выше. Интересно, и как полагаем, весьма близко к истине мнение проф. С. Лакоба, который в этой связи отмечал следующее: «Возможно еще раньше (до преобразования Абхазии в автономию – В.Ч.) Сталин пообещал уступить Нестору в вопросе коллективизации, которая оказалась бы губительной для неболь-

¹ Станислав Лакоба. Абхазия после двух империи XX – XI вв. Саппоро – 2004. С. 102.

шого народа, в обмен на его активное содействие по реализации давней мечты вождя о включении Абхазии в состав Грузии на правах (вернее бесправию) автономной республики»¹.

О том возможном компромиссе – «выживание народа за счет автономии» – не могли догадываться абхазские и иные руководители, а также представители спецслужб, с недоверием относившиеся к деятельности Н. Лакоба. Более того, некоторые полагали, что Нестор Аполлонович поддерживал «контрреволюционное» выступление в Абхазии. Скажем, тот же ответственный инструктор ЦК ВКП (б) Г. А. Козлов, направленный в Абхазию Секретариатом ЦК. В своей докладной записке на имя Сталина, Кагановича и Постышева он писал: «В феврале месяце я был командирован в Абхазию (непростое, как кажется, совпадение. – **В. Ч.**) для проверки основных участков работы парторганизации Абхазии. По прибытии было сообщено, что в Гудаутском районе вспыхнуло антисоветское движение абхазских крестьян. Я тут же выехал в этот район...

... В этих событиях наиболее ярко вскрылись все недостатки и оппортунистические установки руководства Абхазии и главным образом его главных лиц: председателя ЦИКа Н. Лакоба и секретаря обкома В. Ладария. Поэтому, кроме общей докладной записки о работе парторганизации, я считаю необходимым особой запиской изложить вам свои выводы по вопросам партийного руководства и антисоветского движения»².

Докладная записка интересна тем, что она отражает нетерпимое отношение советского и партийного руководства к выступлениям со стороны трудящихся, будь то рабочие, или крестьяне, протестовавших, как и абхазские крестьяне, против произвола и грубого диктата власти, и, таким образом, пытавшихся отстоять свои права. По этой информации ответственного работника ЦК можно сделать четкие и ясные выводы о том, насколько различались взгляды главы Абхазии от установок центральной партийной и советской власти по основным, краеугольным вопросам большевистской политики того периода. Особенно по проблемам той же коллективизации, которую пытались внедрить, и внедрились, в силовом, административ-

¹ Станислав Лакоба. Очерки политической истории Абхазии. С. 91.

² Материалы по истории Абхазии Советского периода. Составитель: А. Э. Куправа. Сухум – 2012. С. 349.

ном порядке, подвергнув репрессиям миллионы крестьян по всей советской стране, вызвав тем самым голодоморы в ряде областей России, Украины и в других регионах. Н. Лакоба в своей маленькой стране пытался всячески противостоять тому. Это значило, однако, как отмечалось в докладной записке, не меньше, чем «оппортунистические установки» руководства Абхазии, за что обычно в ту пору подвергали репрессиям и ссылке.

В этой связи интересны оценки и выводы представителя ЦК, выданные им как участникам протестного движения крестьян, так и Н. Лакоба. В своей докладной он, не без «компетентной» помощи местных работников, отмечал следующее: «Антисоветское движение было организовано в форме самочинного, многолюдного схода в с. Дурипш по всем правилам вооруженного восстания, с образованием боевых вооруженных дружин, с выставлением по дорогам, ведущим к сходу, своих пикетов, с организацией своих уполномоченных от общин во главе с руководящим штабом... Причем, абхазские крестьяне до сих пор имеют при себе порядочное количество оружия, особенно кулачество, зажиточные и духовенство. Если крестьяне других национальностей за эти годы были разоружены, то абхазские крестьяне считались все «защитниками» Советской власти и их не трогали».

Заметим, что здесь ложь перемежается с реалиями. Никто специально «крестьян других национальностей» не разоружал. А что касается абхазских крестьян революционного периода, в частности, состоявших в «Киаразе», из той же большевистской Москвы слались хвалебные циркуляры в адрес Эшбы и Лакобы, что они-де с помощью своей крестьянской «гвардии» способны установить большевистскую власть не только в пределах Абхазии, но в целом и в Закавказье. С этим подстрекательством, полагаем, и был связан преждевременный апрельский (1918 г.) переворот в Сухуме, окончившийся неудачей и оккупацией Абхазии меньшевиками. А теперь, выходит, допущен непростительный просчет, что не обезоружили абхазских крестьян – бывших соратников по установлению советской власти.

Следующее сообщение высокого контролера о том, что «движение началось еще в январе месяце», не может не выдавать того обстоятельства, что наверху знали о предстоящих в Абхазии мас-

совых протестах еще за месяц до их начала. И это наводит на некоторые соображения, весьма близкие к тем, которые высказывал С. Лакоба. О том, что это движение было инициировано Нестором Аполлоновичем. Ведь почти год, со времени 3-й сессии ЦИКа Абхазия де-факто была автономной, но о том не было объявлено ни в печати, ни в партийно-советской руководящей среде. Видно, исходя из этих обстоятельств, что глава абхазской республики пытался каким-то образом повлиять на ситуацию и заморозить статус-кво ССР Абхазии. И в ход была пущена последняя его надежда в лице старой его опоры – крестьянства. И 4 тысячи крестьян собрались в пик протеста. Они фактически представляли каждый крестьянский двор в Гудаутском районе. На альтернативный сход в Лыхны власти смогли собрать только 200 человек. Это, думается, как раз подтверждение тому, что за массовым крестьянским протестом стояла влиятельная сила.

Обратим внимание на характеристики лиц, являвшихся активистами протестного движения крестьян. По поводу них Козлов в записке отмечал: «18. 02. (1931 г. – **В. Ч.**) в Дурипше собралось более 500 человек из разных сел под руководством Гицба Ахмета, уголовного элемента, руководителя антиколхозного движения в 1930 году (завидная информированность. – **В. Ч.**), который на сходе заявил: «Одно из двух – или мы добьемся своего, или умрем, но не допустим издевательства над собой»... Например, коммунист Отырба заявил: «Я все время боролся за крестьянство, а раз оно пошло против, то рву партбилет». Гумба И., кандидат партии, учитель, принял присягу и заверил сход, что он, Гумба, за народ и готов во всякое время принять смерть».

На сходе выступали личности, искусно владевшие ораторскими способностями. Среди них выделялся Сит Ебноу, образная речь которого воспринималась большими массами людей в глубоком молчании и с отдельными возгласами одобрения. Об этом говорится в книге А. Куправа со ссылкой на М. Хашба, который писал о том следующим образом: «Люди расположились вокруг – одни стояли, другие сидели. Посередине стоял стол. Рыжий мужчина, стоя на столе, громогласно говорил речь. Он блестяще владел абхазским языком, ораторским искусством. Народ слушал, навострив уши и глаза, с сильным желанием не упустить ничего, слу-

шать, слушать... Речь была построена по пунктам крестьянских требований. Обозревая вокруг обширную аудиторию, оратор, после изложения каждого положения своей речи, обращался к слушателям словами: «Не так ли?».

– Нам предлагают колхозы, – продолжает оратор, – говорят, что колхозы обеспечат нас без особого труда, мы все будем сидеть, а за нас трактор будет пахать и сеять, обрабатывать все наши нивы. Но тракторам нужны обширные поля. Как известно, в нашем районе нет больших, обширных полей. Чтобы их создать мы должны убрать межи наших усадебных участков и перепахать могилы наших отцов и матерей. Не так ли?

– Да, дад, так есть, так! Как ты сказал, так и есть! – Хором поддерживали участники собрания.

– Это не подходит нашему апсуара! Поэтому мы не хотим то, что называют колхозами. Так же вы говорите? – сказал оратор, обращаясь к народу.

– Так точно, дад, так точно! – подтвердили своими возгласами крестьяне с мест».

Оратор гремел на всю площадь своим сладким голосом, чистеньким абхазским языком, образными выражениями, красиво жестикулируя руками и нежными, удивительно гибкими движениями всего корпуса, внимательно обозревая публику, ни на миг, не упуская контакта с народом, и, часто обращаясь к нему с вопросом: «Не так ли вы говорите», и каждый раз получая в ответ единодушное подтверждение народа: «Так есть, дад, так есть!»¹.

Отметим также, что Хашба Мушни Лаврентьевич являлся в то время ответственным редактором газеты «Апсны капш», на сходах же присутствовал в качестве представителя обкома партии. Но ни грана информации о тех событиях не попало на страницы, как абхазской газеты, так и русскоязычной «Советская Абхазия», не говоря уже о центральной печати. Более того, как вспоминал в свое время М. Хашба, исчезли все официальные материалы и документы, связанные с Дурипшскими событиями и ролью Н. А. Лакоба. Пропали архивные материалы и протоколы ЦИК Абхазии, постановления

¹ А. Э. Куправа. Из истории абхазской традиционной культуры. Народные сходы. Москва – 1998. С. 92 – 94.// М. Л. Хашба. Наследие. Сухум – 2005. С. 275 – 277.

Президиума ЦИК по вопросам крестьянских выступлений отмеченного периода. По мнению М. Хашба, эти документы были изъяты по указанию Берия и отправлены в Тбилиси, где они подверглись фальсификации с целью дискредитации Н. Лакоба.

В связи с этим, полагаем, представляет интерес выше отмеченная докладная записка инструктора ЦК ВКП (б) Г. Козлова, и в той части, по поступкам и делам, относящимся также и к крестьянским выступлениям того периода. Эта часть «записки» так и начинается: «Ликвидация контрреволюционного схода и роль Н. Лакобы». Далее отмечается следующее: «Движение на первой стадии своего развития связывало осуществление своих задач с именем Лакобы, используя его миролюбивое отношение к абхазскому кулаку. Распространялись слухи, что все происходящее в деревне (заготовки, твердые задания, зажиточно-кулацкие хозяйства по скоту и кукурузе) неизвестно Лакобе, что все это исходит от местных работников, что сам Лакоба будет против...

На сходе руководители движения изложили свои требования (приведенные выше). Лакоба дважды выступил с речью, предложив выделить уполномоченных от каждой общины для переговоров с правительством по выставленным ими требованиям, а сход сейчас распустить. Сход эти условия принял, общины уполномочили тех же руководителей движения для переговоров с правительством.

На другой день уполномоченные от общин, главным образом, зажиточно-кулацкие и муллы (оперативно информировали местные кадры высокого представителя. – **В. Ч.**) собрались в Лыхны, открыв кулацкую конференцию, которая продолжалась почти два дня. Все выступления делегатов дышали классовой ненавистью...».

Чем не образец штампованных мыслей и выражений посланца центра? Говорили же абхазские крестьяне, заметим, совершенно правильные вещи, например, о том, как доносил Козлов своему начальству в ЦК, что «в России крестьян обобрали, разорили, и они молчат, теперь и нас хотят стричь, но мы не овечки и потому закричали».

О том и писал в своей докладной Козлов, вменяя в вину абхазского лидера искренность и доверие к нему со стороны крестьян, в отчаянии взывавших к Лакобе: «Ты наш царь, наш спаситель, между

нами есть враги, которые не дают нам договориться, нас уже наполовину съели, не дай съест до конца».

И надо отметить, что Н. Лакоба шел навстречу своему народу, не разделяя его искусственно, в угоду партийной идеологии, на кулаков, середняков, бедняков и прочие части, кстати, весьма оскорбительно воспринимаемые всем абхазским крестьянством. Это никак не укладывалось в стереотипное мышление высоких партийных и советских чиновников, призванных нести в массы мертвые схемы сталинских догм, причинявшие невосполнимый ущерб и экономике, и людским ресурсам огромной страны.

Козлов, судя по выводам его докладной записки, был из среды отмеченной номенклатуры. И посему, не понимая суть абхазских реалий, на верные подходы и выводы Лакоба относительно требований крестьян, реагировал по принятой верхами шаблонной схеме. Он так и доносил на Лакобу в адрес партийного ЦК, что, мол, «вот некоторые выдержки из его оппортунистической речи, записанной на русский язык прокурором Багапш». И приводил высокому Кремлевскому начальству их в качестве оппортунистических, т. е. отступнических, на самом деле же вполне разумных суждений Нестора Аполлоновича, способствовавшие успокоению крестьян. Так, в разделе, поименованном «О коллективизации» приводятся «антисоветские» тезисы из речи Лакоба:

«В Ачандарах колхозу отвели лучшую землю из бывшего княжеского участка, обидев крестьян, как здесь указывали делегаты. Это неправильно. При отводе земли колхозу всегда нужно согласие населения данного села.

Не надо трогать того крестьянина – индивидуалиста, у которого двор, земля и усадьба будут лежать в середине колхозного участка, а если он не согласится, то его нельзя и переселить и принудить вступить в колхоз.

Как можно принудить крестьянина – абхазца сдать свою землю колхозу или уйти от своего участка за то, что он оказался в середине колхоза, у него там двор, виноградник, сад и т. д., которые он сам нажил своим трудом. При этом весьма возможно, что у него больше виноградного сада, чем у его соседей, он получает больше вина, около 400 ведер, у него есть бочки, а у других нет не только бочек, но даже и таза.

Так вот, если колхоз будет организовываться добровольно, земля будет отводиться с согласия общества, чтобы это не было никому в обиду, то это будет очень хорошо».

Также отмечается, что было сказано Нестором «О контрактации»: «Если кто-нибудь из крестьян не желает помощи от государства и надеется на свою силу по обработке табака и других культур, то никто его не принуждает и не заставляет контрактовать».

То же «О скотозаготовках»: «Что касается скотозаготовок, то мы обсудим план скотозаготовок, учтя состояние и возможности нашего крестьянства».

Что здесь можно сказать? Только то, что такая позиция абхазского лидера не могла не удовлетворить крестьян, возмущенных произволом чиновников, выказывавших свою власть по российским образцам того времени. Почти все из них разделяли позицию Н. Лакоба, и, поверив ему на слово, что меры будут приняты, и никто силком их тащить в колхозы не будет, согласились завершить протесты.

Но миролюбивые подходы абхазского лидера просто-таки возмутили партийного контролера, а последующие высказывания Нестора Аполлоновича и вовсе поставили его, Лакоба, в ряд контрреволюционеров. К примеру, итоговый тезис московского посланца звучал бескомпромиссно сурово: «О репрессиях к организаторам контрреволюционного схода». Но каким же было его удивление, когда Лакоба, вместо расстрелов и высылки в Сибирь, заговорил таким, совершенно не большевистским образом: «За самочинный, незаконный сход мы не будем карать никого, так как здесь собралось крестьянство, а власть является рабоче-крестьянской, т. е. сама власть принадлежит самим крестьянам. Это стихийный сход крестьян, вызванный целым рядом наболевших вопросов, благодаря нашим недостаткам и ошибкам, которых у нас имеется в изрядном количестве... Не только не наказывать таких людей – активистов этого схода, но их нужно хвалить за то, что они своим умелым подходом и руководством таким огромным сходом дали хороший исход»¹.

Поистине величайшее разочарование речью и выводами Лакоба по сходу и его лидерам, автор докладной компенсировал злобны-

¹ Материалы по истории Абхазии Советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921 – 1931 годы). Сборник документальных материалов. Т. I. Составитель: Куправа А. Э. Сухум – 2012. С. 350 – 354.

ми оценками действий абхазского руководителя. Видимо, так как от него и ждали, он писал: «Таким образом, ни на один вопрос антисоветского движения Лакоба не дал настоящего большевистского ответа; а по некоторым не только не дал отпора классовому врагу, но и сам, хотя и в завуалированной форме, согласился с ними. Этим самым все мероприятия партии и Советской власти в глазах крестьянства поставил под большое сомнение. Кулаки проводили его с любовью и криком «ура!». Так без выстрела (вот, что саднило в душе у контролера: получилось, что не кровью крестьян разрядили обстановку. – **В. Ч.**), мирно закончился антисоветский сход, но с большими минусами для парторганизации и Советской власти. Кулак остался не разоблачен, не изолирован, не разоружен (как, скажем, в России: не раскулачен, не сослан в Сибирь, не расстрелян. – **В. Ч.**), он почувствовал свою силу».

И далее все больше усиливает свой донос на Н. Лакоба наученный работник ЦК. И обком, и райкомы, которые вроде бы ему сподручнее проверять, проходят только по касательной, а в прицеле – глава Советской власти. Неспроста ведь это, мешает Нестор Аполлонович и Москве, и Тифлису проводить «сплошную коллективизацию», которая без него превратилась бы в «сплошную рубку» абхазского крестьянства, как кулачества, значит, классового врага. Вот и освободились бы большие вожделенные абхазские пространства для заселения грузинскими переселенцами.

Потому и старался инструктор ЦК, ведь сам вождь должен был ознакомиться с его докладной. Надо бы еще перцу добавить, – думалось, наверное, ему, например, об отсутствии классового сознания. И опять на мушке глава ЦИК республики, о нем же говорится следующее: «Наиболее характерным во всех этих событиях для парторганизации является то, что масса Советскую власть и парторганизацию видит в одном лице – Лакобы. РИК, советы и парторганизация – это нечто вроде приказчика Лакобы».

И что делать, если таков авторитет лидера в народе. Но не по нутру это чиновникам, хотя бы и от партии, что абхазского лидера почитают за понимание проблем народа, в частности, крестьянства. По Козлову это не что иное, как «безобразно извращенное толкование зажиточно – кулацкой верхушкой принципов Советской власти и роли парторганизации в массах (обратим внимание, что партий-

ный чиновник не любит слово «народ», ему роднее безликое определение «массы». – **В. Ч.**). И все это, дескать, «со стороны абхазского руководства не встречает должного отпора, оно принимает это как должное, прикрываясь и в этом случае обычаем». Но не должно быть так, как в Абхазии, по инструктору из ЦК ВКП (б), надо как в России, без учета ненавистных ему и его сотоварищам местных обычаев и условий, в чем и недорабатывают абхазские большевики.

Недостаточно жестка пролетарская система деревни, и в том, выходит, виновата абхазская власть. И о том доносит далее партийный посланец: «Ведь партия от классовой борьбы с кулаком (Лакоба же отмечал, что кулака в Абхазии нет. – **В. Ч.**), от проведения коллективизации, заготовок, строительства совхозов, внедрения табака и т. д., отказаться не может, а проводить их с успехом может только тогда, когда есть в деревне крепкая парторганизация и Советская власть, опирающаяся на пролетарскую и бедняцкую часть села».

Сей совет означает, что репрессировав самую деятельную часть крестьянства, следует опираться на «голытьбу», которая безлашадная, безынвентарная, а зачастую, и отлынивающая от крестьянского труда. И, оказывается, по автору записки, что именно «эти две организации своей работой обеспечивают вовлечение масс (для них – все массы, т. е. материал. – **В. Ч.**) в дело социалистического строительства».

Как обеспечивалась вся эта работа на селе в период Сталина, тому уже живых свидетелей нет. Зато русская классическая литература, имеем в виду не прикормленную Сталиными премиями, весьма убедительно живописует разрушение не только самодостаточной прежней сельской экономики, но и слом старого быта и уклада жизни российского крестьянства. В итоге часто случались голодные времена, в тот период жители села были прикованы к постоянному местожительству, т. е. не подлежали паспортизации.

Глава Абхазии той поры отвел многие беды от своей маленькой республики и ее малочисленного народа. Но самому спастись, и семью свою уберечь ему в тех условиях было не дано. Ибо силен был накал неприязни, переходящей в ненависть, многих его «сратников», как наверху, так и в «домашних» условиях. Неординарен был большевик Лакоба, человечен, почитал свой народ, за то сильно популярным и уважаемым слыл в абхазской среде, и, тем

самым, вызывал недоверие у обитателей высоких кабинетов, и, соответственно, зависть из числа местных деятелей, чего всегда и везде предостаточно. Вот и Козлов, что видно по его надуманной записке, черпал информацию от лиц, испытывавших недоверие и зависть к большой и нестандартной личности. Отсюда и такие шаблонные установочные характеристики Н. Лакоба, обычно используемые при выполнении специальных заданий. Эти лживые оценки, всецело направленные на его дискредитацию в качестве партийного и советского деятеля, впоследствии могли запросто обернуться репрессиями. Так обычно расправлялись в ту пору с людьми, как правило, ни в чем не повинными.

Обвинения были серьезными, например, о том, что «данное руководство Абхазии этих условий («вовлечение масс в дело социалистического строительства». – **В.Ч.**) не обеспечивает, авторитарность здесь обратилось в свою противоположность. Она тормозит рост парторганизации и сплочение пролетарско-бедняцких середняков против кулачества. Миролюбие к кулаку, желание жить со всеми в мире опирается на все слои населения (таковым же был упрек Сталина Лакобе в известном письме. – **В. Ч.**) в условиях классовой борьбы – означает не что иное, как сдача партийной позиции классовому врагу и потеря пролетарской опоры в деревне».

Можно сделать выводы, что в теории и на практике большевики той поры находились в состоянии войны со своим народом, которая называлась классовой, с десятками, сотнями тысяч жертв репрессии. И также добрались до Абхазии, где абхазов не десятки миллионов, а немногие тысячи, и тех хотели, разделив на классовых врагов: кулаков, середняков и бедняков, уполовинить ради торжества сухой и несбыточной схемы строительства сталинского социализма. И то, что в этом деле, в строительстве «колхозного» социализма не все в порядке, оказывается, «сигнализируют гудаутские события». И всему виной, получается, «оппортунистическое руководство Абхазии», не сделавшее «большевистского вывода из своих политических ошибок».

И вот, наконец, закономерные, с точки зрения сталинского большевизма рекомендации: «1. Предложить ЦК Грузии провести изъятие (этим словом подразумевалась ссылка или расстрел – **В.Ч.**) и ряд других репрессивных мер по отношению к кулакам и главарям

антисоветского движения. 2. Провести разоружение абхазской деревни (тем самым, организовать, как и при царизме, новое махаджирство, но уже не в Турцию, а в Сибирь. – **В. Ч.**). 3. Отозвать т. Лакоба в распоряжение ЦК Грузии, использовать его на руководящей советской работе в Закавказских организациях (так же нейтрализовали в свое время непокорного первого руководителя Советской Абхазии Е. Эшба. – **В. Ч.**). Взамен ему (т. е. Лакобе. – **В. Ч.**) обеспечить выдвижение на пост председателя ЦИКа стойкого большевика (безропотно выполняющего все установки партийных верхов – **В. Ч.**). 4. Обновить партруководство обкома, укрепив новыми работниками рабочий состав обкома, Гудаутского и Гагринского райкомов. 5. Культпропу ЦК командировать в Абхазию ответственного редактора газеты «Советская Абхазия» (за весь период Советской власти ни один абхаз не был назначен редактором этой газеты. – **В. Ч.**)¹.

Такие меры, конечно же, без ответной реакции со стороны абхазов провести вряд ли бы удалось, поскольку ситуация в ту пору была сильно осложнена крестьянскими волнениями. Только благодаря авторитету и выдержке Н. Лакоба, его знанию психологии абхазского крестьянина, с учетом чего и стал возможным компромисс в отношениях между участниками схода и правительством. О том, как Лакоба лично работал над проектами решений ЦИКа, пишет в своих воспоминаниях литератор, публицист и редактор газеты «Апсны капш» в те годы М. Хашба. Отметим также, что Хашба, будучи очевидцем происходивших в то время крестьянских волнений, не был волен написать ни строчки в своей же газете. Кстати, о тех массовых крестьянских выступлениях в Абхазии молчали не только местные газеты, но ничего не было отражено и средствами информации Грузии, Закавказья и всей Советской страны.

Словом, тогда Н. Лакобе удалось отразить большевистский натиск Кремля и защитить абхазский народ от репрессий. Сталин, учитывая, видимо, результаты автономизации Абхазии, отсрочил принятие мер наказания за «незаконные» массовые сходы абхазских крестьян на несколько лет, до изъятия (убийства на языке большевиков) абхазского лидера Н. Лакоба в декабре 1936 года. После того

¹ Материалы по истории Абхазии Советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921 – 1931 годы). Сборник документальных материалов. Т. I. Составитель: Куправа А. Э. Сухум – 2012. С. 356.

наступает самый мрачный период в истории абхазского народа, равнозначный по трагизму махаджирству. Отличительная особенность этого двадцатилетнего периода – регресс во всех сферах жизнедеятельности народа и республики.

Вскоре после гибели Н. Лакоба абхазские руководящие кадры, в основном, были репрессированы, а их места заняли мегрелы и грузины, пользовавшиеся доверием Берия. Так, только в 1937 – 1938 годах были арестованы и подвергнуты репрессиям более 2 тысяч человек (754 из них были расстреляны), подавляющее большинство из которых составляли цвет абхазской нации: руководители партийных, советских и хозяйственных структур, крестьянство, представители культуры и науки, писатели, поэты, публицисты...

Убедительным свидетельством беззакония и авторитаризма периода правления сталинского большевизма являются фальшивые судебные спектакли, организуемые лично Берия и его подручными из грузинской охраны над видными деятелями – верными сынами Абхазии. Целью этих циничных и жесточайших мероприятий, вне всякого сомнения, было стремление быстро и без сопротивления прибрать к рукам абхазов и их страну. Для того в первую очередь было решено на самом верху Сталиным и Берия обезглавить народ, и тем самым запугать его. Смерть Н. Лакоба положило этому начало. После взялись за его близкое окружение.

Так, например, по показательному делу 13-ти в г. Сухум в октябре – ноябре проходил открытый судебный процесс (В. Ладария, В. Лакоба, М. Лакоба, М. Чалмаз, К. Инал – ипа, Д. Джергения, М. Кишмария, П. Сейсян, С. Эбноу, А. Энгелов, С. Туркия и др.). Этим известных в народе людей приговорили к расстрелу. Все они якобы являлись «агентами иностранной разведки», «убийцами» и т. д. Процессы вершили новые органы «правосудия», так называемые тройки («Особые совещания»), созданные по инициативе Сталина в 1934 г. после убийства С. М. Кирова (по разным источникам им и организованном. – **В. Ч.**)¹.

Все кощунство организаторов «открытого» процесса состояло в том, что подсудимых готовили к нему долгие месяцы под пытками и истязаниями, они были лишены элементарной правовой защиты,

¹ О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум – 2015. С. 369 – 370.

а судей и прокуроров «наставляли» как вести дела лично Берия и его подручные. В помещении же, где проходили судебные процессы, находились люди, пришедшие по спискам НКВД. Отчеты о процессах публиковались под строгим контролем тех же спецслужб и партийных органов, где уже практически не было представителей абхазского народа.

Надо отметить, что с тех самых пор и надолго исчезла со страниц газет настоящая публицистика, способная реалистично отразить суть и причинно - следственные связи происходивших в обществе процессов и событий. Также на точке замерзания оказалась духовная, творческая и научная деятельность абхазских писателей, ученых, публицистов, большинство из которых подверглись репрессиям, а оставшиеся еще ожидали своей очереди.

О том, как грузинская клика «правила» бал в ту пору в Абхазии видно из воспоминаний абхазского писателя и публициста М. Хашба. Он пишет, что явился невольным свидетелем того, как высокопоставленный чин НКВД Абхазии в кабинете второго секретаря Абхазского обкома партии Платона Кикория излагал причину задержки уголовного процесса по делу В. К. Ладария, М. И. Чалмаз и других, обвиненных в покушении на убийство Л. Берия и А. Агрба (секретарь абхазского обкома партии. – **В. Ч.**). Им вменялось, что они, наряду с другими преступлениями, организовали засады под мостами в районе Аацы и Мчишты, откуда их люди должны были, встретив машины Берия и Агрба, расстрелять их. Но случилась накладка незадолго до начала судебного процесса – посадили уже самого А. Агрба, после чего, как говорил тот самый работник НКВД, была дана команда сверху, исключив его из обвинительного заключения, вместо него вписать Сталина¹.

Вот такая наглая, с позволения сказать, бериевская фальсификация, которая для людей посвященных и не составляла особой тайны. Создается впечатление, что для полноты картины о зловерных абхазах, коих следует примерно проучить, сам Сталин мог благословить инициативу своего подручного и оказаться в роли жертвы.

М. Хашба весьма подробно рассказывает и о том, как готовилась процедура проведения этих злодейских процессов. Об одном из

¹ М. Л. Хашба. Наследие. В двух книгах. Книга первая. На абхазском языке. Сухум – 2005. С. 287.

таких совещании в обкоме партии он поведал следующее: «За несколько дней до начала процесса меня пригласили в обком партии. Там были Нарком внутренних дел Жужунава со своим заместителем Волковским, прокурор Абхазии В. Шония, председатель Верховного Суда Т. Антия, ответственные партийные и советские работники, также руководители государственного театра. Секретарь обкома проинформировал, что на неделе начнется процесс по делу В. Ладария, М. Чалмаз и других, и обязал работников прокуратуры, суда, МВД, государственного театра, где будет проходить процесс, ответственно подойти к порученным участкам работы.

Затем, обратившись в сторону редакторов газет, обязал нас осветить весь процесс без задержки, причем в день начала процесса, – заметил он в приказном порядке, – необходимо опубликовать целиком обвинительное заключение.

– Сколько страниц составляет объем обвинительного заключения, – встав с места, задаю вопрос.

Секретарь обкома, подняв объемную кипу листов, и перелистав их, заметил: «Здесь сто восемьдесят страниц».

– Учитывая формат нашей газеты, мы и в течение недели не сможем все это опубликовать, если не разрешите увеличить объем газеты.

– Увеличение формата газеты не в нашей компетенции, – отвечал он, – может сократим заключение, и вопросительно посмотрел в сторону Жужунава.

– Спросим Тбилиси, – сказал в ответ Жужунава.

Там же поручили Волковскому (заместитель Наркома внутренних дел Абхазии. – **В. Ч.**), испросив разрешения у Тбилиси, подготовить для печати сокращенный вариант обвинительного заключения.

«Вечером того же дня, – вспоминал Хашба, – появляется тот же Волковский, предложив совместно поработать над сокращением обвинительного заключения для печати. Просматривая листы, я был сильно удивлен разношерстной компоновкой материала, видно было, что многие страницы не раз подвергались переделке, судя по многочисленным вставкам и правкам прямо на листах. Но впереди меня ожидало самое поразительное: читаю, что вот эти люди, далее перечислялись до двадцати фамилии – Ампар Вл., Василий Лакоба, Киут Лейуа и другие, в такой-то день у таких-то мостов сидели в засаде. Далее отмечалось, что они собирались убить Л. Берия и

А. Агрбу, проезжавших из Сухума в Гагру. При этом одно слово оказалось зачеркнуто черным карандашом. Вместо А. Агрба, но уже перед фамилией «Берия» от руки и в кавычках было вписано «И. В. Сталин». И тут я отчетливо вспомнил: о том же говорил недавно в моем присутствии в кабинете Платона Кикория один из руководителей Наркомата внутренних дел»¹.

Таким образом, не гнушаясь любых средств и способов, фабриковали грузинские шовинисты обвинения на абхазских политических, государственных, хозяйственных руководителей, представителей культуры и искусства. Репрессиям также были подвергнуты ни в чем не виновные представители крестьянства, уважаемые в народе, крепкие хозяйственники, искусные ораторы. Шло планомерное истребление наиболее активных слоев абхазского этноса.

Характерна для той трагической эпохи и ситуация с освобождением от должности секретаря обкома партии В. Ладария в связи с назначением на его место А. Агрба. Берия уже начал избавляться от соратников Н. Лакоба еще в начале 1936 года, тогда, в январе и состоялся пленум обкома, который фактически проводил председатель Совета народных комиссаров ГССР Мгалоблишвили.

Вот как о том вспоминал участник пленума М. Хашба: «В своей речи Мгалоблишвили говорил об успехах Абхазии во всех сферах – в промышленности, сельском хозяйстве, на культурном фронте. Отмечал, что все планы и задания выполняются с превышением, что является заслугой народа республики, руководимого обкомом партии, – подчеркивал он. И еще перечислив немало фактов из положительной работы партийной организации, в завершение посланец Тифлиса произносит следующие слова:

– По поручению бюро ЦК Компартии Грузии вношу предложение освободить товарища Ладария Владимира Константиновича от должности секретаря Абхазского обкома партии.

Члены обкома партии, оглушенные подобным предложением, сидели молча, словно онемевшие. Затем, после того, как начали спрашивать поименно – каково, мол, их мнение, многие выразили несогласие с освобождением В. К. Ладария. Были те, кто выступил в поддержку Ладария и с трибуны пленума».

¹ М. Л. Хашба. Наследие. В двух книгах. Книга первая. На абхазском языке. Сухум – 2005. С. 288- 290.

В связи с этими событиями М. Хашба приводит имена выступивших против предложения Грузинского ЦК, руководимого в ту пору Лаврентием Берия. Один являлся ответственным редактором «Советской Абхазии» и звали его Михаил Сергеевич Шалашников, другой – секретарь президиума Абхазского ЦИКа Валерий Григорьев. Тогда, по словам Хашба, М. Шалашников, обращаясь к представителю грузинского ЦК, сказал: «Вы отметили положительную деятельность Абхазского обкома, что все хозяйственные планы Абхазия выполняет с превышением, тогда почему мы должны согласиться с освобождением от должности В. К. Ладария. Я не согласен с предложением об освобождении Ладария. Против предложения Мгалоблишвили на пленуме также выступил В. Григорьев и другие»¹, – вспоминал М. Хашба. Однако «другие» имена так и не были названы. А в итоге, оказав соответствующее давление на членов обкома партии, Мгалоблишвили и иже с ними выполнили установку Л. Берия: В. Ладария освободили от должности, на его место заступил А. Агрба.

Заметим также, что М. Шалашников, не мешкая, написал по собственному желанию и был освобожден от редакторской должности. И сразу отбыл в Москву, что и спасло ему жизнь. Валерия Григорьева вскоре освободили от обязанностей секретаря Президиума ЦИКа, а в 1937 году и репрессировали. О дальнейшей судьбе его ничего не известно. Таковой была месть грузинских шовинистов по отношению к тем, кто не хотел смириться с их зловещными планами по покорению абхазской республики. Как абхазов, так и русских в Абхазии, не щадил кровожадный молох репрессий, запущенный «хозяином» Советской империи Сталиным и подобострастно подхваченный его сатрапом на Кавказе Берия.

Главная цель грузинского шовинизма, имевшего давние корни и достигшего пика в своем агрессивном развитии в период правления Сталина и Берия – это полное освоение не только территории Абхазии. Это и массовая ассимиляция абхазов с последующим растворением их в грузинском этническом массиве. Об этой опасности, которая реально ощущалась и в последующие годы, предупреждали в своем письме на имя XIX Всесоюзной партийной конференции (1988 г.) представители абхазского национально-освобо-

¹ М. Л. Хашба. Наследие. В двух книгах. Книга первая. На абхазском языке. Сухум – 2005. С. 298 – 299.

дительного движения. В документе отмечалось, что наступление на абхазов и их государственность было тщательно продуманным и спланированным процессом, проводившимся партийными и советскими структурами, одно время, в период правления Сталина, под его непосредственным руководством, позже это проводилось под началом партийно-советских лидеров Грузинской ССР. В частности, самым тяжелым и трагическим был 20-летний период махровых репрессий, начало которому положила гибель Н. Лакоба, вплоть до смерти И. Сталина в 1953 году. Именно в то время грузинский агрессивный национализм попытался и почти реализовал программу полного освоения Абхазии. Делалось это, как отмечалось в письме, руками Тифлиса, и под надежным прикрытием Кремлевского сидельца Сталина. Сверху ставилась задача, которая предполагала: «Физическое уничтожение абхазской интеллигенции, разрушение исторических связей в сознании абхазского народа с тем, чтобы вызвать у него деградацию национального самосознания, сужение, полное ограничение сферы распространения абхазского языка, разрушения элементов народной культуры абхазов...»

Намечались и реализовывались меры, которые должны были «оказать деструктивное влияние на развитие абхазского этноса: сохранение его численности, а также создание среди компактных масс абхазского населения грузинских анклавов в целях ассимиляции и растворения абхазского народа в грузинской этнокультурной среде»¹.

Убрав Н. Лакоба, как последнее защитное препятствие в вопросе ассимиляции абхазов в грузинском этническом массиве, Сталин и Берия поставили дело массового переселения грузин в Абхазию на государственные рельсы. Была создана на средства советского государства организация под совершенно ничем не обоснованным названием «Абхазпереселенстрой», учитывая, что целенаправленно и систематически, с большими финансовыми затратами переселяли жителей из внутренних районов Грузии на территорию Абхазии. Быть может, уже тогда замыслили уготовить абхазам ссылку в далекие веси, как это было сотворено с народами Северного Кавказа.

Автор этих строк, будучи в школьном возрасте, запомнил рассказ вернувшегося из Сталинских лагерей, после 10-летнего за-

¹ Абхазские письма (1947 – 1989). Том 1. Сухум – 1994. С. 404.

ключения, Езата Ф., который часто вспоминал об одном зловещем сообщении начальника лагеря, которое он тогда с содроганием выслушал где-то в начале 1950 – х годов, еще до смерти Сталина.

Езат говорил о том весьма подробно: «Я был физически сильным и выносливым заключенным, по сравнению с теми, которые, в большинстве своем еле влачили свое существование. И, как мне помнится, многие из заключенных не верили, что, дотянув свой срок, доживут до освобождения. Я был уже старожилом в лагере, который насчитывал до тысячи человек, в основном, оказавшихся там по политическим мотивам. Старался, как мог, помочь выжить товарищам по несчастью, используя неплохое отношение ко мне лагерного начальства. И вот, как-то раз вызывают меня к тому самому лагерному начальству, и прямо к главному, который по званию был полковником. Кстати, еще в начале своей отсидки я ему чем-то приглянулся: был молодым, статным и сильным, да и начальник лагеря был не хилым, вот и отличил меня, приказав назначить бригадиром. Я неплохо справлялся со своими обязанностями: начальство меня похваливало, да и заключенные были довольны – старался защитить их, слабых же пристраивал на работу, где легче.

И вот, в тот самый день, запомнившийся мне на всю жизнь, вхожу в кабинет и только собрался обратиться, как положению, с рапортом, дескать, заключенный номер такой-то прибыл по вызову, как полковник, кивнув головой, прерывает меня и довольно приветливо здоровается. Тогда я и обратил внимание, что он был в неплохом настроении, и, здороваясь со мной, что было редким явлением в лагере, к тому же припомнил мое довольно сложное для русского произношения имя, а не лагерный номер, чему я был также удивлен. И сказал: «Езат, я сообщу тебе радостную весть, но пока об этом никому в лагере не говори, это тебе мой приказ. Ты скоро увидишься со своими близкими – абхазцами. Их скоро привезут сюда. Получен приказ – готовить срочно бараки к зиме на несколько тысяч человек. Думаю, и наши соседние лагеря также примут твоих сородичей. Ты же рад тому, не так ли?» – вопрошал начальник лагеря, полагая, что он сообщает мне приятные вести.

Я же, тем временем, – продолжал свой рассказ бывший заключенный, – уже не слышал голоса полковника, оторопь, охватившая меня от неожиданного сообщения, так оглушила, что долго не мог

вымолвить ни слова. И тогда, когда молча, словно немой, удалялся из кабинета начальника, тот, дивясь моему состоянию, приговаривал: «Вот, однако, совсем обалдел человек от радости, что скоро увидит своих». И только тогда, поняв значение его слов, я пришел в себя, ощутив пронзительную боль от безысходного страха за судьбу наших людей, близких и родственников. Позже, после того разговора, были несколько месяцев тревожного ожидания, но начальник меня больше не вызывал, да и к строительству бараков мы также не приступили. Видимо, там, наверху, изменились планы по переселению абхазов. Наш Бог, как всегда, получается, защитил народ от большой беды», – так завершал всегда свое невеселое повествование в 60 - х годах прошлого века Езат Ф., родившийся в горном поселке Хабью Ачандарского сельсовета.

Вообще-то, по поводу решения «абхазской проблемы» в конце жизни и правления Сталина чаще всего высказываются два взгляда: есть мнение, что Берия был твердым сторонником высылки абхазов в холодные веси Сибири или горячие степи Казахстана, хотя и то, и другое, по присловью, хрен редьки не слаще. А вот Сталин-де, утверждают иные, учитывал активное участие малочисленного народа в Великой Отечественной войне, и потому, мол, заступился за абхазов. Наивное, заметим, заблуждение: вождю чужды были такие сантименты, как чувство благодарности, справедливости, жалости и прочие человеческие «слабости», когда любыми способами претворялись в жизнь грандиозные задачи социалистических преобразований. В экономике и социальной сфере до основания разрушались старые способы и формы жизни, на смену им, путем огромных издержек создавались новые, не всегда, однако, жизнеспособные. Преуспел отец народов в теории и практике национального вопроса: здесь, согласно его изысканиям, малые народы, за счет утери своей тысячелетней идентичности, должны были стать дополнительным материалом для становления и развития более продвинутых этносов, как, скажем, грузинский народ.

И когда решали судьбу абхазов, полагаем, что Иосиф Виссарионович весьма доходчиво разъяснил Лаврентию Павловичу, рьяному стороннику очищения Абхазии от ее коренного населения, что грузинам намного выгоднее пополнить за счет представителей небольшого абхазского народа грузинскую нацию. И что это вполне

разумно и достижимо, учитывая результаты ассимиляции абхазского населения в Гальском районе. Последний аргумент Сталина оказался железным и Берия, скрепя сердцем, вынужден был отказаться от планов поголовного изгнания абхазов со своей родины. Такой расклад, как нам кажется, более реальным, учитывая целенаправленное и систематическое освоение абхазской страны и его народа в экономическом, демографическом и культурно-духовном плане.

Надо отдать должное Сталину: он оказался более искусным политиком и, в какой-то мере «человечным», позволяя абхазам мирно ассимилироваться в домашних условиях, нежели алчный сатрап Берия, уже видевший наяву абхазскую землю, заполненную его сородичами – мегрелами. Как те самые меньшевистские идеологи, один из которых еще в 1919 году писал: «Чем большей территорией обладает нация, тем более она размножается и лучше питается. Прошлое человечества дает массу примеров, когда один народ нападал на другой и победители у побежденных истребляли всех мужчин. Это как будто можно объяснить дикостью и некультурностью. Это не объяснение. В основе лежит стремление к очищению территории для своего потомства»¹.

Разве не схожи подобные действия по отношению к абхазам, как меньшевиков, так и большевиков? Так же и пришедших им на смену, после крушения СССР, так называемых представителей «новой» грузинской демократии?

В период культа своей личности Сталин несколько видоизменил формулу прямого истребления этноса путем «очистки территории Абхазии от абхазов», запланированную Берия, сделав ставку на ассимиляцию коренного народа в грузинском этническом массиве. Для этого были созданы все условия. О массовом избиении кадров уже говорилось. В руководстве республикой абхазов, за исключением 2-3 человек, после смерти Лакоба и гибели его окружения, наблюдать не приходилось. И те были марионетками, руками которых командой Берия нередко реализовывались задачи по утверждению грузинского владычества в Абхазии: переводили абхазскую письменность на основу грузинской графики в 1937 году, закрыва-

¹ Абхазские письма (1947 – 1989). Том 1. Сухум – 1994. С. 405. // Газета «Эртоба», 26 марта 1919 года.

ли абхазские школы и переводили учебный процесс на грузинскую программу обучения в 1945 году. Ими же озвучивались псевдонаучные гипотезы по языку и национальной принадлежности абхазов к грузинской этнической группе и т. п. Таким образом, цинично, с использованием партийных и советских структур, оказавшихся надолго в узурпации грузинской клики в лице Сталина и Берия, закладывались основы для ускорения ассимиляционных процессов в среде абхазского общества. Безусловно, что нельзя «судить» с точки зрения сегодняшнего дня тех абхазских деятелей, которые принароновились к политической обстановке того периода, или же были сломлены жесткой системой власти. Они также оказались жертвой «большой политической игры», которая развернулась в Кавказском регионе и не могла миновать Абхазии. Все делалось для того, чтобы выпестовать единый картвельский этнос в образе первостатейной нации на всем Кавказском пространстве. Для того Сталинское НКВД поголовно выселяло из родных весей сотни тысяч чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, создавая тем самым жизненное пространство для «большой» Грузии. Абхамам в этом также отводилась «почетная» миссия – прирастить своим числом продвинутых сородичей вождя народов.

Территория Абхазии издавна была под прицелом собирателей грузинской «империи» на Кавказе. Немало ухищрений и усилий потратили на то руководители меньшевистской Грузии, оставшись в исторической памяти абхазов коварными поработителями. Но даже они не нанесли столько ущерба абхазскому народу, как это свершили палачи Сталина и Берия, уничтожившие цвет абхазской интеллигенции, руководящие кадры, лучшие производительные слои абхазского крестьянства. В этом ряду самое «идеальное» изобретение изощренного Сталинского ума, оказавшееся способным в короткие сроки изменить демографическую картину в абхазской республике – это созданная им же организация «Абхазпереселенстрой». Кстати, было бы правильным название «Грузпереселенстрой», но автор сего изобретения сделал это не без циничного подтекста, что, мол, никогда не поздно использовать организацию в соответствии с ее прямым предназначением. Это была угроза грузинских колонизаторов, с которой приходилось в то время серьезно считаться тем, кто выжил в той сталинско-бериевской мясорубке. Они могли толь-

ко безропотно наблюдать, как с использованием государственных средств из бюджета страны Советов реализуется Тифлисом грузинская переселенческая политика.

С каждым годом работы этой организации национальный состав абхазской республики быстро менялся. Уже после смерти вождя в «абхазских письмах» в адрес руководства СССР сообщалось о грузинской демографической экспансии, организованной Сталиным и Берия против немногочисленного абхазского народа, результаты которой в течение 20 лет самым трагическим образом отразились на сокращении коренного населения в своей республике. Отмечалось, что за два десятка лет, т. н. «переселенстрой», включая 1941 – 1945 гг., помог обустроиться в Абхазии ста тысячам грузинским переселенцам, которым бесплатно выделялись лучшие земли, строились жилища, представлялся хозяйственный инвентарь – все это за счет государства, тысячи городов и сел которого лежали в руинах. Страна обливалась кровью, а СНК Грузинской ССР в полную силу занимался переселением и обустройством грузин в пределах абхазской республики.

В 1942 г. в тяжелейший год войны на жизнеобеспечение только 526 семей переселенцев было затрачено 2. 851 тысяча рублей. Для этих же целей было выделено 1.000.000 штук кирпичей, 1700 куб. м. пиломатериалов, 50 тысяч тонн цемента, 350 тысяч драни, 180 тысяч шт. черепицы¹.

В этих денежных средствах и строительных материалах в ту пору остро нуждались на фронтах Великой Отечественной войны, но вождь Советского народа, видимо, считал, что это столь же необходимо для обустройства его сородичей на абхазской земле.

Таким образом, в годы сталинизма в Абхазии были размещены десятки грузинских поселений, причем они были целенаправленно обустроены в среде компактных масс абхазского населения. Одновременно с заселением грузин происходила и топонимическая экспансия. Еще при жизни Н. Лакоба за его отказ занять пост главы НКВД СССР, как мы полагаем, Сталин в отместку в 1935 году лично поручил Совнаркому страны изменить транскрипцию наименования столицы Абхазии: с тех пор Сухум стал именоваться на грузин-

¹ Абхазские письма (1947 – 1989). Том 1. Сухум – 1994. С. 405. С. 406.

ский лад – «Сухуми». Это была изоциренная месть в стиле отца народов, против которой в ту пору глава Абхазии был бессилён противостоять. Говорят же, лиха беда начало: дальше все пошло словно по накатанной дороге. За небольшой промежуток времени, с 1948 по 1951 гг., всего за 4 года, 147 абхазских населенных пунктов были переименованы на грузинский лад¹.

Надо также отметить, что все акции, которые проводились по освоению абхазской страны, тщательно планировались. По замыслу организаторов переселения, грузинские анклав, как правило, разделявшие крупные абхазские общины, должны были сыграть роль опорных пунктов по ассимиляции коренного населения автономной республики. Потому стремительно росло число механически переселяемых грузин, значительно опережая темпы естественного прироста абхазского населения. И впоследствии, к 1970 г., число грузин удвоилось, составив 199 595 человек². Абхазы на своей родине, по злой воле сталинизма, в то же время оказались в подавляющем меньшинстве, составляя около 77 тысяч человек. Утерев за период меньшевизма и большевизма свыше 30 тысяч абхазов, записанных в административном порядке грузинами в Галском районе.

Минимальным было представительство абхазов в органах власти и управления автономной республики, которая лишь по инерции называлась еще «абхазской». О том, что игнорирование коренной нации дошло до низшего предела, свидетельствует, например, состав Сухумского городского исполкома, опубликованный в газете «Советская Абхазия» (№2, 3 января 1949 года). Во властном органе абхазской столицы числились 13 человек, и, заметим – ни одного абхаза. Для убедительности торжества грузинского агрессивного национализма приведем имена тех, кто держал бразды правления в главном абхазском городе. Ими были: Т. Ригвава – председатель исполкома, Г. Хвингия – заместитель председателя, члены исполкома: А. Дмитренко, К. Бечвая, Ф. Гагуа, Н. Демьяновский, Н. Кемулария, Г. Цквитария, Э. Исаэнян, Э. Тутелян, А. Джомидава, Т. Киселева, О. Ивардава.

¹ Там же. С. 67. // Б. Е. Сагария. Воспитание историей. Газета «Бзыбь», № 76, 25 июня 1988 года.

² Там же. С. 407.

Такая же обстановка сложилась в городах и районах Абхазии. Уцелевшие от молоха репрессии общественные и творческие деятели, коих можно было пересчитать по пальцам руки, во второй половине 30-х годов тайно покидали свою страну и скрывались в республиках Северного Кавказа и других регионах России. Как это вынуждены были сделать видный ученый, доктор филологии К. Шакрыл, известный общественный деятель, юрист и публицист М. Тарнава и другие. Получалось, что абхазам для жизни и работы в своей отчизне места не находилось, а вот сложить свою голову они могли запросто. Как это случилось с вернувшимся, после долгих скитаний по чужим весям, на родину Михаилом Тарнава.

Словом, постепенно выветривался из абхазской страны дух ее сынов и дочерей, и менялся извечный климат древней земли на мегрело-грузинский колониальный лад, устроителями чего являлись отцы репрессий, пребывавшие в Кремле и в Тифлисе. Но, как говорится, сколь веревке не виться, а концу быть: умер Сталин в 1953 году, и явно не своей смертью, воздали по заслугам и Берии – расстрелян был русскими генералами в бункере. Наука впредь грузинам: не садиться не в свои сани, особенно в русские.

С приходом к власти в Советской стране Н. С. Хрущева, легче стало и абхазам: дуновением политического сквозняка вроде освежило абхазскую землю, но полностью очиститься от остатков затхлого мира грузинских оккупантов было непросто. Крепкими путями метрополии обложили они Абхазию: куда ни кинь взор, везде подвизались сталинско-бериевские кадры. Абхазов было совсем мало, однако и тех не допускали, по былой привычке, к властным структурам. Повсюду наблюдались прорехи и пустоты: в абхазской науке, творческой сфере, в том числе в публицистике и журналистике. Необходима была кардинальная перестройка всех сфер жизнедеятельности: экономики, культуры, социальной жизни абхазского народа. Передовые деятели абхазского общества, каким-то образом спасшиеся от репрессий, понимали: собственными силами, без помощи обновленного Кремлевского руководства, наследие Сталина и Берия им не преодолеть.

Но еще раньше, при жизни отцов репрессий, что, наверное, является уникальным случаем, к Кремлевскому руководству обратились абхазские ученые, протестовавшие против укоренившейся

в то время в Абхазии шовинистической национальной политики, целенаправленно проводимой грузинскими большевиками и их местными приспешниками из числа чиновных абхазов. Это обращение, подписанное кандидатами наук Г. Дзидзария, Б. Шинкуба и К. Шакрыл, было адресовано секретарю ЦК ВКП (б) А. А. Кузнецову. Позже это письмо публиковалось разными изданиями, в том числе цитировалось и в периодической печати, стало также серьезным подспорьем в последующих обращениях представителей абхазского национально-освободительного движения к руководству Советской страны и разные другие учреждения. Авторы письма, впервые со времени гибели Н. Лакоба и его соратников, протестовали против душающей абхазов социально-экономической и духовно-политической обстановки того периода. Они, тем самым, проявили не только принципиальную и бескомпромиссную позицию, но и большой публицистический талант, умение ясно и четко, с использованием неопровержимых аргументов и фактов, оружием слова донести до верхов информацию о трагической, по сути дела, обстановке в Абхазии. Тогда авторы письма чудом уцелели от мести тоталитарной системы, что было в порядке вещей в метрополии под патронажем Сталина.

А в письме как раз и сообщалось о деяниях партийных и советских органов, открыто попиравших права абхазского народа, лишая его родины, языка, идентичности. Приводились, в частности, такие факты: например, о том, что «в 1945/ 46 учебных годах абхазские школы были «реорганизованы», т. е. обучение в абхазских школах было переведено на грузинский язык... Отмечалось, что данное мероприятие было проведено сугубо секретно, если не считать нескольких человек из абхазской интеллигенции, которые были привлечены к его подготовке»¹.

В письме раскрывается совместная «кухня» грузинских властей автономии и их абхазских подпевал по «улучшению» качества обучения молодого абхазского поколения на основе грузинского школьного образования. О тех, кто обосновывал данное мероприятие с абхазской стороны, говорится следующее: «Лишь через год с лишним появилась официального характера статья Председателя

¹ Там же. С. 81.// «Абхазия: документы свидетельствуют. 1937 – 1953 гг.». Издательство «Алашара», Сухум – 1992. С. 531 – 536.

Президиума Верховного Совета Абхазской АССР М. Делба под названием: «К переводу обучения в абхазских школах на грузинский язык», в которой сообщались мотивы «реорганизации» абхазских школ».

Они, эти мотивы, как отмечают авторы обращения, формулировались псевдоученым в ранге высокого чиновника с утверждения, что «в деле развития культуры в Абхазской АССР у нас имеются величайшие успехи», созданы «абхазские национальные кадры» (выше отмечалось число репрессированных абхазов, составлявших подавляющее большинство национальных кадров. – **В. Ч.**). Обосновывается чиновником и закрытие абхазских школ по причине того, что «система преподавания, которая до сих пор существовала в абхазских школах, мешала, задерживала дальнейший рост культуры абхазского народа, тянула нас назад, противоречила постановлениям партии и правительства, направленным к улучшению преподавания и воспитания в школах». Цитируется также явно подсунутая грузинскими властями шпаргалка, которую «последний» из высоких абхазских чиновников озвучивает, нисколько не сомневаясь: «Программа в абхазских школах была поставлена неудовлетворительно», и что, мол, «вследствие обучения на трех языках учащиеся очень затруднялись, в успеваемости сильно отставали, поскольку они не владели тем языком, на котором обучали их с 5 класса (т.е. русским языком. – **В. Ч.**). Оказывалось, по Делбе, что виной всему «великий» и «могучий», впрочем, так ему, скорее всего, было велено озвучить очередную грузинскую акцию для ускорения процесса ассимиляции. И он приходит к нужному заключению: «преподавание в абхазских школах надо перевести на грузинский язык»¹.

В этой связи, заметим, что грузинские власти пытались привлечь к своей политике ассимиляции и представителей абхазской интеллигенции. Известно, что всегда найдутся некоторые и в просвещенных кругах послужить кому-нибудь или чему-нибудь, а уж сильным мира сего – и того лучше. Среди абхазов большого числа подобных прислужников не нашлось, но один - два оказались способными послужить той политике по убеждению. К слову, тот самый премьер автономии Делба в своей брошюре «К вопросу изучения языка и истории абхазов» (1952 г.) отмечал следующее: «В словарном фон-

де абхазского языка часто встречаются общие для грузинского и абхазского языков слова, относящиеся к глубокой древности, которые не могли быть просто продуктом обычных встреч, проникновения двух разных языков (стр. 9) и далее, на той же странице: «Абхазы, как грузинское племя, на всем протяжении истории были неотъемлемой частью грузинского народа»¹.

Получалось, что с абхазской стороны сей начальник был главным идейным пособником властей, и потому он фигурирует в письме «троих» довольно подробно. Однако было бы несправедливо вешать, как говорится, всех собак только на одну персону. Были и другие из интеллигенции, кто поддерживал подобную идею перехода на грузинскую систему обучения вполне осознанно, т. е. не под угрозой страшной кары, а по убеждению. Некоторые соглашались в силу слабости человеческой, что, полагаем, извинительно в условиях беспредельного авторитаризма власть предержащих, в одночасье решавших судьбы людские. Но в большинстве своем интеллигенция, безусловно, была против внедрения в абхазских школах грузинского, как языка обучения.

Так или иначе, как писали в своем обращении трое абхазских подвижников в Москву, «в результате «реорганизации» количество абхазских школ, особенно средних, резко сократилось. Например, в Очамчирском районе, в этом крупнейшем абхазском районе, в данное время функционируют только две абхазские средние школы. А в городах Абхазии и вовсе закрыты абхазские средние школы, в том числе и Сухумская средняя школа – одна из лучших и старейших школ, история которой еще восходит к 1863 году. На базе этой школы создана 1-я грузинская мужская средняя школа», – так, о создавшейся критической ситуации, сообщалось в письме (о том, как проводилась целенаправленная политика грузинизации абхазских школ, и об отношении к этой акции общественности и народа – в следующей главе исследования. – **В. Ч.**).

Сообщается в письме и о том, как целенаправленно создаются условия для вытеснения абхазского языка из сферы обращения даже в абхазской среде. В частности, авторы пишут, что уже «не го-

¹ Там же. С. 81 – 82.

¹ Там же. С. 146. // В редакцию газеты «Известия». Шакрыл Е. П., Шакрыл Т. П. 15 июня 1965.

товятся кадры преподавателей абхазского языка и литературы. Сухумское абхазское педучилище (открыто в 1915 г.), которое в основном давало преподавателей для начальных и неполных средних абхазских школ, в связи с общей «реорганизацией» абхазских школ, было слито с грузинским педучилищем...». Отмечалось также, что «при Сухумском госпединституте не только нет абхазского сектора, но с 1941 года прекращено преподавание абхазского языка и литературы, как дисциплины абхазским студентам». При этом подчеркивалось, что «Министерство просвещения Абхазской АССР не занимается переподготовкой преподавателей абхазского языка и литературы, да и в самом аппарате нет соответствующих специалистов (такие вот «величайшие успехи в деле развития культуры», как отмечал выше ответственный абхазский чиновник. – **В. Ч.**).

Авторы письма сообщали в ЦК ВКП (б) и о положении с печатью в автономной республике. Например, о том, что «в г. Сухуми выходят три областные газеты, из которых одна абхазская газета («Апсны капш»). Это, по существу, единственная абхазская газета – неполная четырехполосная (имеется в виду формат А-3 районной газеты. – **В. Ч.**), между тем как две другие областные – грузинская и русская газеты – являются полными четырехполосными (формат А-2. – **В. Ч.**). В Гудаутском и Очамчирском районах газеты перестали печатать материалы на абхазском языке. Примерно с 1941 года прекращена местная радиопередача на абхазском языке; передача проводится только на грузинском и русском языках»¹.

Приводились в письме также факты игнорирования абхазского государственного языка: «В июне 1946 года Совет Министров Абхазской АССР вынес постановление (не опубликовано) о том, что вывески государственных учреждений, организаций, промышленных и торгующих предприятий писать только на грузинском и русском языках. Вслед за этим по всей Абхазии были сняты вывески с абхазскими надписями...». Сообщалось также, что «Союз писателей не имеет печатного органа... Секретарь Абхазского обкома КП (б) Грузии по идеологии Т. Тускадзе (кстати, абхаз по национальности. – **В. Ч.**), в связи с единодушным требованием абхазских писателей о возобновлении выхода абхазского литературно-художественного

¹ Там же. С. С. 83 – 84. // В редакцию газеты «Известия». Шакрыл Е. П., Шакрыл Т. П. 15 июня 1965.

журнала, в присутствии б. редактора журнала «Дружба народов» т. Деева, прямо заявил: «В Абхазии пока, за исключением двух – трех лиц, нет настоящих писателей, когда они будут, тогда и подумаем насчет возобновления выхода журнала...».

Далее отмечалось, что «фактически на бумаге существует и Дом абхазского народного творчества. А между тем это учреждение, при правильной постановке дела, могло проделать очень полезную работу, если учесть объект его изучения – исключительно богатую и почти неисследованную духовную культуру абхазов (право слово, наивны были даже продвинутые абхазы: у них отбирают национальность, а они просят исследовать духовную культуру народа. – **В. Ч.**). И кто же будет работать в этом направлении, коли, как констатируют авторы письма, «среди работников Дома абхазского народного творчества не ни одного человека, знающего абхазский язык»¹.

В поле зрения авторов обращения в ЦК ВКП (б) и тотальное изменение абхазских топонимических наименований. Подчеркивается, что этому подверглись сотни абхазских городов, сел, местечек, заменены географические названия, меняются абхазские названия улиц, кинотеатров и т. д., что делается по произволу властей, без опубликования соответствующих официальных указов и постановлений.

Значительное место в письме отводится кадровой политике властей. Прямо говорится, что «в руководящие партийные и советские органы Абхазской АССР очень слабо привлекаются местные работники из абхазцев. Например, в аппарате Абхазского обкома партии в настоящее время работает всего лишь 5 человек, а в аппарате Абхазского обкома комсомола нет ни одного ответственного работника (то же самое было бы и в обкоме партии, если бы не подоспела кончина Сталина. – **В. Ч.**).

Отмечается также кадровое засилье грузин в Абхазии, что практикуется, по словам авторов письма, «особенно с 1944 года, систематическая т. н. мобилизация кадров из Грузии. За последнее время, таким образом, в Абхазию было направлено несколько тысяч человек. В связи с этим в городах Абхазии производилось чрезвычайное уплотнение населения, а также частичное отстранение местных работников с занимаемых должностей»².

¹ Там же. С. 84.

² Там же. С. 85 - 86.

Затрагивают авторы в письме и переселенческую политику, которая являлась краеугольным камнем, заложенным самим Сталиным, вождя программы по освоению абхазской территории и ассимиляции коренного народа. Отметив, что «за последнее время в Абхазии для переселенцев из районов Грузии выстроено 10 поселков. И что, «строительство продолжается», авторы доводят до сведения самого главного «строителя», что возводятся эти поселки «главным образом, в абхазских районах – Очамчирском и Гудаутском, а также в Гагринском районе». Также напоминают, что «плотность населения в этих районах не меньше и наличие свободных земель не больше, чем в других районах Абхазии и в некоторых районах Западной Грузии, например, в Мегрелии.

Завершают свое смелое письмо авторы сообщением, которое можно назвать квинтэссенцией всего повествования о трагедии Абхазии в эпоху владычества Сталина и Берия. И звучит она таким образом: «Примерно с 1940 года и само словосочетание абхазский народ «вышло» из официального употребления: абхазцев нельзя называть народом»¹.

Обычно в таких случаях говорят: комментарии излишне. Все же дадим слово человеку, знавшему о тех событиях не понаслышке, Георгию Дмитриевичу Гулиа. Он же по поводу письма своих современников отмечал следующее: «Поэт Баграт Шинкуба поехал в Москву. В шапке, словно кочубеевский гонец, он вез бумагу, в которой излагались безобразия, существующие в Абхазии. Это было, скажем прямо, небезопасно для ее авторов: Константина Шакрыл, Георгия Дзидзария и Шинкуба. Результаты жалобы были равны нулю. Однако эти трое были оставлены в живых. Все же прочие неудобства им пришлось пережить: они фактически были преданы остракизму, их сторонились, как прокаженных...»².

Сегодня трудно сказать, догадывались ли составители обращения, что играют, как говорится, с огнем, описывая подробнейшим образом факты того националистического произвола грузинских властей по отношению к абхазскому народу и его несправедливой го-

¹ Там же. С. 86. В редакцию газеты «Известия». Шакрыл Е. П., Шакрыл Т. П. 15 июня 1965.

² Там же. С. 87. // Георгий Гулиа. Дмитрий Гулиа. Повесть о моем отце. ЖЗЛ. Москва – 1965. С. 219.

сударственности. Ведь тогда верили в то, что происходящее на местах, может быть неизвестным центральным властям. Иначе как объяснить тот факт, что о грузинских бесчинствах в Абхазии трое абхазских интеллигентов писали в ведомство отца народов, который и благословил своих сородичей на расправу с абхазами. В то время авторы письма вряд ли могли подумать о том, что И. Сталину принадлежит идея о том, как наиболее рационально и выгодно для грузинской нации прибрать к рукам чужую территорию, да и самих абхазов. И тем не менее сама идея составления письма, и с подробными примерами произвола и бесправия по отношению к абхамам, творимых грузинскими шовинистами под прикрытием советской власти, это уже сродни подвигу во имя своего народа. Сам факт обращения в адрес ЦК ВКП (б), где полномочным хозяином пребывал И. Сталин, по воле которого и происходило обезличивание республики и размывание идентичности коренного народа, было поистине криком души абхазов, доведенным тремя подвижниками до слуха Кремлевских небожителей. Не снести бы им своих голов, да только Всевышний и удача, подвигнувшего самого опытного из них К. Шакрыла скрыться на время от ока спецслужб, позволило избежать гибели в то роковое время Г. Дзидзария и Б. Шинкуба.

Пятью годами позже, в ноябре 1952 года, молодые абхазские аспирантки Московского института языкознания решились на отчаянный шаг – обратились лично к главе Советского государства, партии и правительства с письмом, которое так и называлось: «Товарищу Сталину И. В.». Это были Екатерина и Тамара Шакрыл, только начинавшие прокладывать свой путь в науку, тем не менее, поставившие на первый план защиту законных интересов родины, попранных шовинистической политикой в годы репрессии. И, начиная свое обращение в письме словами «дорогой Иосиф Виссарионович!», они вряд ли полагали, что пишут о наболевшем вдохновителю «искривлений» партийной линии на местах. Ведь так думали многие, что, дескать, местные власти своевольничают, о чем далекий, но справедливый вождь просто в неведении. Только позже, после «революции» Н. С. Хрущева, стало ясно, что Сталин был самым информированным в СССР и зорко наблюдал за всеми процессами, происходившими в стране. Абхазия также не была исключением. Откуда же было о том знать молоденьким аспиранткам из Абхазии,

которую уже не один год терзали грузинские националисты. И они решились вступить за свой народ, сообщив лично Сталину о безобразиях, творимых властями Грузии на абхазской земле.

С самого начала излагалась просьба, которую Иосиф Виссарионович вряд ли бы удовлетворил. Она начиналась так: «Обращаемся к Вам с глубокой просьбой восстановить фактически уничтоженные права абхазского народа получать образование на родном языке, готовить специалистов по родному языку и развивать свою национальную культуру».

Затем сообщалась о том, о чем прекрасно был осведомлен Иосиф Виссарионович. К примеру, сестры Шакрыл, в надежде на справедливый советский центр, смело вскрывали недостатки Тифлиских исполнителей воли Сталина по освоению Абхазии. Они отмечали, что «сейчас в политике местных властей по отношению к абхазскому народу наблюдаются серьезные извращения советской политики по национальному вопросу». Напоминая вождю, что ранее обучение в школах велось на абхазском языке, издавались учебники на родном языке, готовились кадры преподавателей по языку, развивалась национальная печать, теперь же, после окончания Великой Отечественной войны, пишут авторы письма, все это кардинально изменилось. Например, «преподавание в школах Абхазии претерпело, как нам представляется, вредные преобразования. Обучение в абхазских школах было переведено на грузинский язык. Преподавание всех предметов в абхазской школе, начиная с первого класса, на незнакомом для учащихся грузинском языке ведет к срыву работы в школах, к провалу дела подготовки абхазских кадров»¹.

Сестры Е. и Т. Шакрыл поднимают схожие, в основном, проблемы из трагического периода Абхазии, о которых весьма подробно писали в своем обращении их дядя Константин Шакрыл, Баграт Шинкуба и Георгий Дзидзария. Тем не менее, несмотря на отсутствие результата, надо отдать должное мужеству, патриотизму, любви к своей растерзанной грузинскими шовинистами родине представительниц нового поколения абхазской интеллигенции. Нет сомнений, что Сталина непременно знакомили с протестными письмами абхазов, потому по ним не было никакого положительного

¹ Там же. С. 90. // Георгий Гулиа. Дмитрий Гулиа. Повесть о моем отце. ЖЗЛ. Москва – 1965. С. 219.

реагирования, кроме пересылки их в распоряжение грузинского руководства. Если за подобную позицию, что вытекало из содержания писем «троих», а затем и «двоих», раньше ставили к стенке и расстреливали, то теперь, когда политика освоения Абхазии, по мнению ее идеологов, шла к завершению, в том не было необходимости. В этой связи отметим призрачность бытующего до сего дня мнения о трагичном прошлом абхазов: о неких якобы противоречиях «хорошего» Сталина, но «плохого» Берия, что, дескать, вождь спасал абхазов, а деспот Лаврентий уничтожал. Явное заблуждение, имевшее место еще в 30-е и 40-е годы, вплоть до хрущевской оттепели. Немало тех, кто и ныне такого мнения, даже в среде вроде просвещенной аудитории.

Сталин, как ему и свойственно, был стратегом в решении «абхазского вопроса» в интересах Грузии. Берия же являлся лишь исполнителем его воли, но при том весьма изощренно жестоким и циничным. О том свидетельствуют документы Политбюро и ЦК партии под грифом «Совершенно секретно», которые были рассекречены не столь давно. О роли Сталина и Берия в судьбе Абхазии, о печальной участи ее руководителя Н. Лакоба, устраненного физически в результате сговора вождя и его верного прислужника, свидетельствует шифрограмма Сталина отправленная Берии в Тбилиси. Она содержит четкую установку о том, как провести показательный процесс против «врага народа» Лакоба в Сухуме. Сталин наставляет своего исполнителя таким образом: «Получена Ваша докладная записка. Доклад одобрен. Показательные суды по делам Лакобы и Закерия Лордкипнидзе нужно устроить. Провести их нужно с оговорками, изложенными в Вашей записке. Не возражаем против созыва расширенного пленума ЦК КП Грузии и подробного доклада на нем о вредителях, врагах народа. НР. 28/с – 1240/ш., 13. 08. 1937 г., 15 ч. 15 м., Сталин. Верно Сухова».

После постановочного суда над подло поверженным главой Абхазии и его соратниками, санкционированного вождем из Москвы, начался повальный террор в среде партийно-советских кадров, интеллигенции и крестьянства республики. Абхазии в очередной раз был нанесен невосполнимый людской, морально-психологический и экономический урон, на долгие десятилетия замедливший темпы национального развития и становления государства. Неко-

торый спад в репрессиях против абхазов наблюдался лишь после перевода Лаврентия Берия в Москву на должность вначале заместителя Наркома внутренних дел, а затем и главы этого печально известного ведомства. Здесь у него появилось более широкое поле деятельности: счет его жертвам, которых ему намечал стратег, шел уже не на тысячи, а на миллионы советских людей. Как ни странен будет этот вывод, но, полагаем, что именно «чрезмерная занятость» сталинского палача в масштабе огромной страны спасло абхазов от окончательного их уничтожения в лагерях Сибири или Казахстана. К тому же в Москве уже твердо полагали, что вопрос Абхазии решен окончательно и бесповоротно.

Потому письмо сестер Шакрыл, думается, было воспринято хоть из ряда вон выходящим, но все же, частным случаем, связанным с молодостью и неопытностью лиц, являвшихся, по мнению адресата, «последними могиканами» в прошлом свободного народа, ныне вполне положительно осваивающего грузинскую культуру, школу, язык, а значит, и самосознание.

О том же писали и сами протестующие, отмечая, что « во многих селах Абхазии нет ни русских школ, ни школ на родном для учащихся языке». И что подобное отношение властей «наблюдается по отношению к абхазской культуре и абхазскому языку». Далее авторы письма обвиняли местное правительство, которое, дескать, «оправдывая эти «мероприятия», пытается доказать, что абхазцы и грузины – это одна нация». Из этих слов обращения вождь еще раз убеждался, что его программа реализуется в правильном направлении, и ничего в том менять не надо.

Так оно и было: потому положительного реагирования на отмеченные выше письма не происходило, как и не последовало жестоких репрессий за подобное инакомыслие. Таким было отличие тоталитарного советского общества 30–50-х годов от Советской действительности более поздней поры. К примеру, после ряда протестных выступлений абхазского народа в 60-е и 70-х годах руководство страны, оставляя на мертвой точке вопрос государственно-правового устройства республики, в то же время принимало меры в области развития экономики и культуры Абхазии. В частности, тогда было принято решение на высшем уровне о создании национального телевидения, Абхазского университета,

увеличении объема печатных изданий, что коренным образом отличало политику и практику Сталинского периода, направленную на полное обезличивание народа и республики для инкорпорирования абхазов в этнический массив грузинской нации. Коренное отличие Советского периода, начиная со времени правления Н. Хрущева, от Сталинского заключается в том, что во времена тоталитаризма и культа личности на абхазский народ и его государственность наступление велось под руководством центральных властей страны. Ведь все происходило с ведома Сталина: и понижение государственно-правового статуса Абхазии, и включение абхазской республики в состав Грузии, и тотальное уничтожение абхазских руководящих кадров во главе с Н. Лакоба, и переселенческая политика. Как это было в царской России. Также и тогда, отменяли автономии абхазского княжества, выселяли непокорных абхазов за море, только после резолюций монарха. И оттого, как во времена махаджирства, стоял вопрос: быть или не быть абхазскому народу. Позже стало абхамам намного легче: в оппонентах оставался грузинский агрессивный национализм, время от времени, ограничиваемый Москвой, особенно тогда, когда проявления шовинизма принимали открытую форму. Постепенно, утерев отцов – покровителей в Кремле, Тбилиси «научился» скрытно осуществлять заветную мечту грузинских идеологов по обустройству «малой империи», естественно, за счет иных народов. Ясно, что Абхазия в том не была исключением. Но время на дворе уже было другое: стало возможным для абхазов, тем или иным способом, пытаться отстаивать свои права и свободы. И за это, как правило, не расстреливали, и даже не ссылали в далекую Сибирь. Как, скажем, в присно-памятное время, судя по мнению некоторых, «хорошего» для абхазов Сталина.

В 50-х годах XX в. появилась целая плеяда абхазских политических и общественных деятелей, выступивших в защиту попранных Грузией прав абхазского народа и его государственности. За исключением двух отмеченных выше писем, остальные обращения в адрес высших партийных и советских органов имели место после смерти И. Сталина и расстрела Л. Берия. Эти письма и обращения, речи и доклады на партийных пленумах и собраниях, позднее опубликованные в печати, вполне можно рассматривать в качестве проблемных публицистических выступлений.

Как публицистические произведения эти материалы увидели свет на страницах газет, также в изданных позже книгах, журналах, собраниях сочинений. Их авторами были писатели, общественные деятели, работники партийных и советских органов Абхазии. Это Дмитрий Гулиа, Иван Тарба, Архип Лабахуа, Аслан Отырба, Мирон Шамба, повторно обратились в ЦК КПСС Георгий Дзидзария и Баграт Шинкуба. В адрес Абхазского обкома КП Грузии покаянное письмо направил в октябре 1953 года и бывший Председатель Совета Министров Абхазской АССР М. К. Делба.

Вызывают интерес письма Д. И. Гулиа, как важные документы, в которых, главным образом, ведется речь не только о тяжелом уроке, который ощутили в 30 – 40-е годы народ и государственность Абхазии, а также о том, например, какими путями и способами восполнить этот чудовищный ущерб, нанесенный абхазской экономике, культуре, социальной сфере. Как, скажем, быть с кадрами, вырубленными почти на корню в годы репрессии? В то же время эти письма, опубликованные в книге «Абхазия: документы свидетельствуют. 1937 – 1953 гг.», также и в других изданиях, являются крупными по значению публицистическими материалами.

С 1954 года Дмитрий Иосифович написал четыре письма высшим инстанциям. Два из них адресованы Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову. Обратился же вначале Д. Гулиа с письмом в ЦК КПСС, озаглавленном: «О помехах в дальнейшем развитии культуры, просвещения абхазов». И довольно емко, глубоко, со знанием дела, в тоже время в сдержанной, лаконичной манере талантливого публициста, осветил тяжелое положение республики, особенно ее коренного народа, лишенного возможности полнокровно жить и работать, участвовать в социальной и культурной жизни своей маленькой страны.

Д. Гулиа писал, что «за последний год сделано много. Но нельзя сказать, что искривления национальной политики ликвидированы. Те, кто в прошлом нарушал грубо, сейчас действует осторожней, но все-таки мешает, чем и где может».

Он сообщает о том, что надо делать, то есть исправлять порушенное шовинистами. Например, говорит он, «надо вводить новый алфавит, до начала учебного года мало времени. Надо издавать все книги заново, надо вводить новые программы в школах, надо под-

нимать литературу, культуру, театр, доведенный до развала, хорошее искусство и т. д».

«Кто все это будет делать?» – задается он риторическим вопросом. И сам же отвечает на него, тем самым, как бы подсказывая высокому партийному начальству, от чего зависит решение проблем: – «Нужны люди, нужен продуманный план для осуществления всего этого. Но об этом там не заботятся», – пишет он в безличной форме, хотя ясно, кого он имеет в виду. Перечислив самые насущные вопросы, которые следовало бы решать в первую очередь, Гулиа уточняет: «Все это большие вопросы, коими в Абхазии не очень много занимаются, а в Тбилиси не очень поддерживают».

Отчего складывается подобная обстановка равнодушия к абхазским проблемам, Дмитрий Иосифович разъясняет в следующем абзаце: «Очень мало выдвигают на работу местных. Например, из 7 первых секретарей горкомов и райкомов Абхазии всего один абхазец, ни одного русского или армянина. И так почти повсюду. Не приглашают окончивших институты молодых людей из числа абхазцев, русских, армян». Даже не называя имени грузин, ясно кого привечают власти на работу в абхазской автономной республике. И тут же делает свое предложение Москве, которое, безусловно, придется сильно не по нраву грузинскому руководству: «Думается, что картина было бы куда правильной, если бы первым секретарем обкома был абхазец или русский из Москвы».

Мудрость патриарха абхазской словесности видна и в том, что Абхазии нужен «русский из Москвы», но никоим образом из Тбилиси. Кстати, подобное, то есть отправку номенклатурных работников из числа грузинских «русских» в Абхазию, позже практиковали довольно часто.

Образен язык Д. Гулиа, когда он говорит о переселенческой политике грузинских властей. Лаконичен стиль изложения, но вся проблема, ее замысел – словно на ладони. Это и есть мастерство опытного и одаренного публициста, коим превосходно владел Дмитрий Иосифович еще со времени его редакторства газетой «Апсны». Вот и теперь разговор о самой болевой точке абхазов, о планах их ассимиляции, Гулиа начинает с проблем села. Например, он сообщает, что «очень запутаны вопросы сельского хозяйства». И что, мол, «здесь долгое время преобладал не экономический подход, не це-

лесообразность, а нечто другое». И затем только о наболевшем, о том, что «переселение началось в Абхазию в 1938 году. Была забота о том, как бы погуще заселять абхазские села переселенцами исключительно из Грузии. И сейчас переселение в основном идет в абхазские села и на границе с РСФСР, в Гаграх, где нет свободной земли. Переселяют туда, где приходится вырубать ценные леса, даже виноградные лозы. Есть случаи, когда выкапывают даже покойников, чтобы поселить приезжих (село Отхара). В официальных докладах некоторых местных работников это именуется освоением залежных земель».

И снова практические советы о том, что следует делать впредь. В этом плане автор полагает, что «надо глубже изучить этот вопрос (переселенческий. – В. Ч.), целиком отбросить те цели (освоение Абхазии грузинами. – В. Ч.), которые ставились в связи с переселением в 1938 году...» (что продолжалось и в 40 – 50-е годы, вплоть до грузино-абхазской войны 1992 – 1993 гг. – В. Ч.).

В завершение автор задается вопросом «Что надо?». Сам же и отвечает на него, все же в надежде, что в главном штабе коммунистов прислушаются к его предложению. А оно таково: «На мой взгляд, – пишет Д. Гулиа, – необходим приезд из Москвы авторитетной комиссии. Надо кардинально решить вопросы, а иначе дело вечно будет тормозиться. Многие видят выход во включении Абхазии в состав РСФСР. Их радует обстановка подъема национальной культуры, которая царит там, где живут самые близкие родственные по языку абхазцам племена адыгейцев, черкесов, абазинцев, кабардинцев».

И как лейтмотив всему сказанному такой посыл: «Нужна помощь абхазскому народу быстрее устранить последствия нарушений национальной политики, которые были там до последнего года»¹.

Два письма Дмитрий Иосифович направил в середине 50-х годов в адрес К. Ворошилова, возглавлявшему тогда Президиум Верховного Совета СССР. Одно из них практически повторяло содержание письма в ЦК КПСС, другое – состоявшее из нескольких абзацев, сообщало о необоснованном переименовании столицы Абхазии и города абхазских горняков. По этому поводу Гулиа писал: «В 1936 году по инициативе врага народа Берия город Сухум – столица Абхазии – был переименован в Сухуми, а промышленный

¹ Там же. С. 110 – 111.

центр Абхазии Ткуарчал – в Ткварчели. Это было сделано для того, чтобы ущемить и принизить национальное достоинство абхазцев, для которых подчеркнута грузинское окончание «и» чуждо с точки зрения языка».

Далее Гулиа сообщал, что «в Абхазии уже многое исправлено благодаря помощи ЦК КПСС и Правительства СССР». И обращался с просьбой к Ворошилову, который много раз бывал в Абхазии, близко знал ее репрессированного руководителя Нестора Лакоба, помочь восстановить в интересах справедливости подлинные названия абхазских городов, «именно Сухум и Ткуарчал, как их именовали всегда». К сожалению, эта просьба так и осталась на бумаге. Ни ЦК КПСС, ни Правительство СССР, ни высокое ведомство Климента Ефремовича, не смогли, скорее, не захотели, дабы не вызвать излишнее недовольство грузин, решить эту проблему.

В 1957 году Д. Гулиа обращается уже к главе СССР Н. С. Хрущеву. В письме вновь излагаются не решенные к тому времени проблемы Абхазии. Но это не повторение текста предыдущих писем: многие вопросы поставлены острее и конкретнее. И надо отметить, как мы полагаем, что Никита Сергеевич прислушался к некоторым просьбам Народного поэта Абхазии, которому в то время исполнилось 84 года. О чем, кстати, он и сообщал лидеру Советской страны. К тому же, заметим, что письмо излагается не в форме бездушных партийных справок, а в стиле волнительного публицистического произведения, которое не может не вызвать сочувствия у неравнодушного читателя. А Хрущев, как известно, являясь большим партийно-советским деятелем, в человеческом плане был довольно эмоциональным. Опытный Гулиа, конечно, учитывал и эти черты характера нового советского лидера. Для того, полагаем, чтобы сдвинуть с мертвой точки решение кадровых проблем он и обращался к Никите Сергеевичу в расчете на его эмоциональную восприимчивость таким неординарным образом: «Может ли, например, абхазец в своей столице Сухуми, – экспрессивно вопрошал Дмитрий Иосифович, – как говорится, излить душу на родном языке, скажем перед первым секретарем обкома партии или первым секретарем Сухумского горкома партии, первым секретарем обкома комсомола, первым секретарем горкома комсомола, первым секретарем Сухумского райкома партии, первым секретарем райкома ком-

сомола, руководителем Совпрофа Абхазии? Могут ли крестьяне – абхазцы изъясняться с министром сельского хозяйства? Может ли абхазец поговорить на родном языке с директором абхазской национальной труппы, директором музыкального училища, краеведческого музея, председателем радиокомитета, руководителем Главлита, контролирующего, главным образом, издания на абхазском языке?»¹.

Только одна эта часть письма, мастерски изложенная с точки зрения качественной публицистики, при воздействии на столь высокого по рангу руководителя, могла многое поменять в абхазских реалиях того периода. И, думаем, что безысходная для абхазов ситуация с кадрами, талантливо изложенная Гулиа, также сказалась в последующем на расстановке партийно-советских работников из числа коренного народа.

Конечно, не могла пройти без внимания адресата прямая постановка вопроса, являвшаяся актуальной по времени, с которой Гулиа обращается к Хрущеву таким образом: «Нельзя ли, дорогой Никита Сергеевич, выдвинуть на пост первого секретаря Абхазского обкома партии товарища из абхазцев, достойного по своим политическим и деловым качествам, связанного с краем, его населением и культурой, хорошо знающего нужды республики, человека глубоко принципиального? Такие коммунисты, несомненно, имеются в Абхазии»².

Так, впервые, после гибели В. Ладария и А. Агрба, первым секретарем Абхазского обкома в 1958 году становится представитель абхазского народа М. Бгажба. И, полагаем, что неверна трактовка того, что Бгажба был «благословлен» Тбилиси, поскольку грузины вряд ли хотели бы расстаться добровольно с главной партийной должностью в Абхазии, которая «традиционно», еще со времени установления Советской власти, была закреплена за грузинами. Здесь все-таки Москва прислушалась к запросу абхазского общества и была реализована ее установка. И сделано это было не в один, как говорится, присест. Следует заглянуть в Абхазский биографический словарь (под редакцией В. Ш. Авидзба) и станет ясно,

¹ Там же. С. 136. // Газета «Алашара». М., № 9, сентябрь 1990 года. // «Абхазия: документы свидетельствуют. 1937 – 1953 гг.». Сухум – 1992. С. 562 – 565.

² Там же. С. 137.

что не Тбилиси по своей воле перевел Бгажба в грузинский ЦК партии в 1955 году. И здесь он долго не задержался, в том же году был переведен секретарем Абхазского обкома партии, в 1957 г. назначен главой Абхазского Совмина, а в следующем году он становится первым секретарем, заменив как раз креатуру грузинского ЦК. Что же, выходит, грузинское руководство, само себя и высекло? Нет, конечно: ларчик довольно просто открывался. О том, кстати, сообщается в указанном словаре, а именно, что Бгажба «поддерживал личные контакты с первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым...». Впрочем, по-другому столь стремительного номенклатурного роста никому не было дано, тем более абхазцу. Исследователям, полагающим иное, следовало бы знать, что абхазский «первый» – номенклатура в первую очередь ЦК КПСС. Другое дело, что Грузинский ЦК часто влиял на решения Москвы по Абхазии. Но в период правления Хрущева это было редким явлением. Грузин он явно недолюбливал: видимо, сказывались его весьма непростые отношения со Сталиным, а порой и издевательства Иосифа Виссарионовича над внешне простоватым украинским партийцем. И все же центральные власти, не желавшие сильного раздражения грузин, как в Тбилиси, так и в Абхазии, сами пошли на компромисс, позволив сделать «грузинской» должность председателя абхазского правительства.

Можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что личные, деловые и профессиональные качества абхазских назначенцев на высокие должности не всегда соответствовали, как требованиям времени, так и чаяниям народа. Впрочем, о том и Гулиа писал в своем письме, памятуя, наверное, о кадрах Сталинского периода. И потому, как нам кажется, как бы предупреждал высокого адресата таким пассажем: «Иногда у нас выдвигаются абхазы на различные посты. Но о некоторых из них, положив руку на сердце, скажешь: уж лучше бы такие не выдвигались! Ибо бросается в глаза, что наиболее идейно закаленные, принципиальные, уважаемые народом товарищи очень часто остаются в тени, в лучшем случае их держат на второстепенных должностях». Увы, и в дальнейшей кадровой практике в Абхазии таковые случаи, о чем повествовал многоопытный патриарх словесности, не стали исключением.

В завершение письма Д. Гулиа, обращаясь к главе Советской страны, искренне и с надеждой писал: «Я откровенно изложил,

дорогой Никита Сергеевич, свои некоторые мысли о положении в Абхазии. Это диктует мне моя партийная совесть. И я прошу Вас помочь нам в решении вопросов, по моему глубокому убеждению, имеющих жизненно важное значение для моего народа»¹.

В том письме Д. И. Гулиа содержатся и другие, весьма интересные наблюдения и рассуждения, которые были актуальными на протяжении всего советского периода.

Еще раз подчеркнем, что отмеченные выше письма увидели свет в ряде изданий, и посему, полагаем, являются публицистическими произведениями, внесенными, наряду с другими выступлениями в печати Д. Гулиа, значительный вклад в процесс становления советской абхазской публицистики.

Примерно в тот же постсталинский период имели место выступления и письма, отмечавшие трагические события 30 – 40-х годов XX столетия, когда были безвинно репрессированы абхазские руководители, деятели культуры и искусства, представители крестьянства. В этих письмах и выступлениях речь также шла о восстановлении репрессированных прав абхазского народа и его государственности, исправлении коренным образом положения дел в кадровой политике, в сфере экономике и культуры, реабилитации невинно осужденных сынов и дочерей Абхазии. Заметными в этом плане являлись выступления и письма А. М. Лабахуа, в бытность его управляющим трестом «Ткварчелуголь», а затем и председателем Совета Министров Абхазии.

Вызывает интерес речь А. Лабахуа на пленуме Абхазского обкома партии в октябре 1953 года. За несколько месяцев до того был ликвидирован Берия, а его приспешники в той же Абхазии восседали еще на своих постах. Так, первым секретарем обкома являлся Карчава, председателем Совмина – Делба, которого вскоре сменил А. Лабахуа. В ту пору о преступлениях, связанных с культом личности Сталина речь не шла. В этом плане на июльском 1953 года Пленуме ЦК КПСС «козлом отпущения» был объявлен наскоро расстрелянный Лаврентий Берия, бывший, разумеется, жестоким палачом, но всего лишь исполнителем воли почившего вождя.

И вот в такой обстановке, несмотря на то что А. Лабахуа выступал на пленуме в качестве руководителя одного из крупнейших в

¹ Там же. С. 137 – 138.

Абхазии, да и во всем Закавказье, угледобывающего предприятия, он много внимания в своей речи уделил, как сам и отмечал, извращению «национальной политики в Абхазской АССР». Архип Миرونвич подчеркивал, что «все эти, с позволения сказать, «мероприятия», проводимые в Абхазии за последние полтора десятка лет по инициативе, под непосредственным руководством и контролем негодяя и профессионального убийцы Берия, по переводу школ с абхазского, русского на грузинский язык, по переводу делопроизводства на грузинский язык в негрузинских районах, переводу абхазской письменности на грузинскую основу и другие «мероприятия», не говоря уже об изгнании и избииении местных кадров из абхазцев, ничего общего не имеют с ленинско-сталинской национальной политикой, идут в разрез с ней»¹.

Далее Лабахуа, напоминая об отрицательном последствии подобной политики, приведшей, по его словам, к бойкоту взрослым населением этих мероприятий, заключал: «Чем иначе объяснить, что абхазская газета «Апсны капш» выходит тиражом только 2700 экз. и читается, безусловно, и того меньше. Значит, взрослое население из абхазцев не читает абхазской газеты, не знакомится с абхазской литературой. Оно знакомится с произведениями народного поэта Абхазии Д. И. Гулиа, талантливых поэтов И. Тарба и Б. Шинкуба и многих других не в подлинниках, не на родном абхазском языке, а в переводе на русский язык, и то те, которые знают русский язык. Видно, такое положение устраивало кое-кого, недругов абхазского народа, да и грузинского народа, Советской власти. Совершенно ясно отношение абхазского народа к этому мероприятию. Необходимо удовлетворить требование абхазцев о переводе абхазской письменности на русскую основу».

Прозвучала из уст выступающего на пленуме и резкая, нелюбимая критика в адрес руководства ЦК Компартии Грузии и Абхазского обкома партии, что, полагаем, оказалось совершенно неожиданным явлением для партийных чиновников, которые привыкли слышать и воспринимать критику сверху, от вышестоящих руководителей, но не снизу, от подчиненных работников. Возражений, однако, не последовало, а Лабахуа, тем временем, приводил

¹ Там же. С. 100 – 101. // «Абхазия: документы свидетельствуют. 1937 – 1953 гг.». Сухум – 1992., С. 542 – 547.

конкретные факты бездеятельности партийных и советских организации и их лидеров.

Слова его принципиальной критики звучали с трибуны пленума таким, к примеру, образом: «Бюро ЦК и Абхазобком, его бюро, первый секретарь т. Карчава, Совмин Абхазии (т. Делба) робко, с оглядкой, нерешительно, со скрипом шли на разрешение вопросов, связанных с исправлением грубых извращений национальной политики в Абхазии. Казалось, что после снятия вето, наложенного презренным Берия на решение всех вопросов в Грузии, это не должно было иметь место, все вопросы должны были решаться в полном соответствии с политикой нашей партии. Но этого не произошло. Многие вопросы решались половинчато, бюро обкома не имело ясной программы по исправлению ошибок (полагаем, что не было намерения отменять все то, что делалось по освоению Абхазии Сталиным и его подручным Берия. – **В. Ч.**).

А. Лабахуа призывает активнее подключаться всех, в первую очередь руководителей партийно-советских органов, к исправлению того, что «извращено, что напутано» и делать это в соответствии с национальной политикой партии. И, обращаясь, по всему, к пленуму, вопрошает: «Разве этот вопрос надо было предоставлять самотеку? Более того, дело так было направлено, что в Абхазии об извращении национальной политики пока что говорили только абхазцы, как пострадавшие, а многие, кому следовало особо громко говорить (работники культурного фронта из грузин), пока что отмалчиваются. Особенно министр просвещения т. Сигуа. А великие вожди нашей партии и народа В. И. Ленин и И. В. Сталин считали борьбу с национализмом первейшей обязанностью коммунистов той национальности, у которой он (национализм) проявляется»¹.

Докладчик, ссылаясь на авторитет классиков, имел в виду, полагаем, грузинскую компартию, с которой обычно увязывались все «перегибы» в Абхазии. Сегодня же известно, что вместо установки на проведение правильной национальной политики, «милостью» самого вождя Сталина, грузинским партийцам дозволялось по отношению к абхазам исполнять меры негативно-репрессивного характера, превосходившие былые преступления меньшевиков Н. Жордания.

¹ Там же. С. 102 – 103.

Парадокс, однако, заключался в том, что министр – грузин Сигуа одно время был призван отменять все абхазское в просвещении, но никак не способен возвращать вновь на место, после смерти Сталина, попранное его сородичами. Другой не меньший парадокс того времени состоял в том, что даже видные абхазские деятели, апеллировавшие по поводу восстановления справедливости в отношении попранных прав и свобод тысяч репрессированных абхазов и сотен загубленных жизней в 30 – 40-е годы, исключали роль Сталина, как главного организатора трагедии народа и абхазской государственности. Они же часто ссылались на вождя, отмечая его интернационализм и верность марксистско-ленинским традициям. Некоторые исследователи полагают, что ссылка на Сталина, как на продолжателя дела Ленина в национальном вопросе, вынужденная мера, продиктованная реалиями обстановки пост тоталитаризма. Но все же, сопоставляя и анализируя ряд текстов выступлений и обращений в высшие органы страны 1947 – 1957 гг., нельзя не отметить, что многие авторы верили, или же, не оставляли веры, что, впрочем, почти едино, в непогрешимость Сталина, относя все беды абхазского народа на исполнителя Берия. Такое имело место, безусловно, не только в верхах абхазского общества, но и у представителей других народов, обитавших в пределах всей Советской страны. Для чего, видимо, и был созван Н. С. Хрущевым XX съезд КПСС (1956 г.), главной целью которого было разоблачение «культы личности» и других пороков и преступлений, связанных с периодом правления Сталина. После этого, как по команде, что, ясное дело, так и было, никто уже не апеллировал к Сталину, и не только как к «знатоку» национального вопроса, но и по другим проблемам, в роли непогрешимого остался В. И. Ленин, правда, иной раз в кампании Маркса и Энгельса.

Интересно и то, что в среде простых абхазов, большей частью малограмотных, можно было в 50-х годах минувшего века услышать в разговорах о Сталине и Берия, чему автор этих строк также был свидетель, весьма колоритные, произносимые с презрительным оттенком, прозвища. Такие, к примеру, как «апаца – ду», «апаца – киала» («большеусый» – о вожде), «абласаркиа» («очкастый» – о его подручном).

Вообще-то, думается, в характере абхазов отсутствует чрезмерный пиетет по отношению к лидерам и руководителям, даже к тем

из них, которые вполне достойно служили стране и народу. Законные требования абхазов и ожидание неукоснительного исполнения сего, намного перевешивают их чувства благодарности даже в случае положительного деяния того или иного деятеля. А уж к тем, кто привнес им в дом трагедию, к тому же неожиданную и коварную, таким персонам абхазы вряд ли простят подобное сотни лет. В этом ряду, разумеется, царизм, администраторы и генералы – вершители исхода абхазов на чужбину в 19-м веке. Также меньшевики Ноя Жордания. Затем, в советскую и пост советскую эпохи, это, безусловно, Сталин, Берия, Шеварднадзе и иже с ними. Но это – к слову.

Возвращаясь к временам 50-х годов, отметим, что крепкий хозяйственник А. М. Лабахуа, став в 1953 году председателем Совета Министров Абхазии, продолжил активную деятельность по восстановлению исторической справедливости, искоренению всего того, что сотворили местные грузинские шовинисты по наущению сверху с абхазскими кадрами, абхазской культурой, наукой, образованием. Все это надо было возвращать, как говорится, на круги своя, что, безусловно, было делом непростым, можно сказать, очень даже сложным. Союзников у Лабахуа было мало, поскольку абхазские руководители в большинстве своем были истреблены в 30 – 40-х годах. Руководители из числа грузин, как в Абхазии, так и Грузии – все сплошь известные деятели, прошедшие «школу» Берия. Однако же Архип Миронович, имевший горняцкую закалку, все так же идет в наступление, требуя восстановить то, что было отнято у абхазов. Максимум сделать, конечно, было невозможно: не было таких сил и возможностей у абхазов. Но требовать полной реабилитации надо было, хотя бы для того, чтобы решить главные проблемы: это абхазский язык и письменность, абхазская школа, кадры, вопросы культуры и образования и т. д.

В этом плане показательна речь А. Лабахуа на областной партийной конференции в январе 1954 года. Несмотря на некоторые стандартные для той поры экскурсы о «вековой дружбе», «совместной борьбе с врагами» и прочем, председатель абхазского правительства впервые за долгое время грузинского засилья в республике откровенно сообщал о вреде, нанесенном Абхазии Берия и его приспешниками. Многие из них все еще были участ-

никами партконференции и неприязненно воспринимали слова абхазского премьера.

А. М. Лабахуа же тем временем перечислял все злодеяния, содеянные над абхазским народом. К этому он причислял: «Закрытие абхазских школ для абхазских детей, в которых они могли бы учиться на абхазском языке», отмечая при этом, что «абхазский народ был против этого мероприятия, но оно было осуществлено принудительно. Более того, закрыв абхазские школы, – подчеркивал он, – детям абхазцев запрещалось учиться в русских школах, было закрыто также много русских школ в Абхазии, которые функционировали десятки лет перед этим».

В той своей речи он поднял вопросы отмены абхазского языка, изгнания абхазов из органов управления и власти республики, переименования топонимики Абхазии и другие проблемы. «Абхазский язык, – отмечал оратор, – язык народа, имя которого Советской властью еще в 1921 году присвоено автономной республике (на самом деле ССР Абхазия. – **В. Ч.**), изгонялся из употребления, принимались все меры, чтобы его предать забвению».

Напомнил докладчик и о кадровом произволе, отметив, что «стараниями Берия и его подручных абхазцы, по существу, были отстранены от управления Абхазской автономной республикой. Это осуществлялось по всем направлениям – по партийной, советской, хозяйственной, профсоюзной и др.».

А. Лабахуа подверг критике топонимические «преобразования», причем в присутствии тех, кто этим и занимался. В этом аспекте он говорил следующее: «С удивительной «оперативностью», поспешностью, глупо и по-вредительски было проведено массовое переименование населенных пунктов с абхазского, русского, армянского на грузинские, в большинстве случаев не вызываемые никакими здравыми соображениями, проведенные во многом по форме и содержанию оскорбляющими национальное достоинство и чувства указанных национальностей»¹.

Помимо критического анализа преступной деятельности грузинских властей в прошлом, А. Лабахуа сообщает о реальных делах по подготовке абхазских кадров республики. И констатирует, что поло-

¹ Там же. С. 106.

жение в этом плане не благополучное. Так, например, «последствия вражеской деятельности Берия дают в этом деле знать особенно ощутимо. Мало абхазцев инженеров, техников, врачей, агрономов и др. специальностей. И это вполне понятно, так как ставка делалась на это. Хуже того, молодые кадры слабо готовились и готовятся в вузах».

Далее Лабахуа приводит сведения по вузам Грузии и Абхазии, отмечая, что плохо обстоит дело с освоением технических специальностей. Например, в Тбилиси во втузах обучается всего 7 человек, в сельскохозяйственном вузе – 10, в мединституте – 12 студентов. В Москве и в других городах РСФСР, по словам докладчика, учится мало абхазцев.

«И еще более неблагоприятные данные по учебным заведениям в самой Абхазии, – озабоченно говорит глава правительства и зачитывает аудитории сведения о раскладе учащихся в вузах. Оказалось, что «в Сухумском пединституте учатся 74 студента из числа абхазцев, или 5,3 % всего состава, в Сухумском субтропическом техникуме всего 27 человек (4,8 %). В Сухумском индустриальном техникуме 7 человек (2 %). Это имеет место в 1953/54 учебном году, после решения июльского Пленума ЦК КПСС. Это недопустимо. Так нельзя исправить дело. Ведь дело касается народа, его кадров, следовательно, будущности этого народа, – это является главным, основным вопросом», – искренне, с большой ответственностью за судьбу народа обращается Архип Миронович Лабахуа к участникам партийной конференции.

Однако большой вопрос, насколько благожелательно и с желанием поскорей избавиться от тяжелого наследия Сталина и Берия, как и предлагал докладчик, воспринимали этот самый призыв Лабахуа ответственные работники, многие из которых были проводниками шовинистической политики. Полагаем все же, что в ту пору грузины, составлявшие подавляющее большинство номенклатурных работников, сугубо негативно отнеслись к выступлению председателя правительства автономии. А как иначе им было думать и действовать, если на месте А. Лабахуа недавно пребывал абхазский премьер, который так стелился перед Тифлисскими властями и их ставленниками в Абхазии, что за ним не поспевали даже и самые «правоверные» грузины – рьяные исполнители воли Берия. Они – то, с благословения их вышестоящих коллег в Грузии,

и тормозили все те процессы обновления в Абхазии, к чему настойчиво призывал Лабахуа.

В начале деятельности Архипа Мироновича на посту руководителя абхазского правительства абхазы, конечно, радовались, ожидая значительных перемен в их жизни. Грузины же, в массе своей, привыкшие к привилегированному положению со времени Сталина и Берия, недоумевали: о каких таких правах для абхазцев, мол, ведет речь новый руководитель? В грузинских верхах пока терпели речи Лабахуа, считая, что он тем самым набирает очки в своей новой должности, но вскоре хозяйственные проблемы и повседневная текучка заставят думать о других проблемах. И это были не безосновательные умонастроения, поскольку так случилось со многими руководителями. Однако грузинский ЦК партии ошибся в своих расчетах. И спохватился лишь тогда, когда А. М. Лабахуа в качестве председателя правительства Абхазии поставил свою подпись под письмом в Президиум ЦК КПСС. Подписался под письмом также секретарь по идеологии обкома партии И. Тарба, хотя там должна была стоять подпись, по общепринятой логике, первого секретаря Абхазского обкома партии. Шел 1957 год, Грузией правил В. П. Мжаванадзе, являвшийся близким родственником Н. С. Хрущева, и посему назначенный по его протекции первым секретарем Грузинской компартии. О том не мог не знать А. Лабахуа, уже четвертый год работавший председателем правительства Абхазии.

И тем не менее он взял на себя весь груз ответственности за будущую судьбу народа и республики, и бескомпромиссно, по форме и содержанию, излагал сведения о тяжелых реалиях Абхазии, которые не только не исправлялись, а наоборот, искусственно сдерживались руководством Грузинской ССР. Это был настоящий вызов не только грузинским лидерам, но и тем, получалось, кто определил их во власть. То есть, полагаем, что подобный анализ проявлений грузинского шовинизма по отношению к абхазам уже в постсталинский период, причем при пассивности, а порой и поддержке грузинского ЦК, а также информирование о том Московского руководства, разумеется, вызвала ярость, и далеко «не благородную», руководителей парторганизации Грузии. Мог быть раздражен и Никита Сергеевич, несший партийную ответственность за своего протеже

Василия Павловича, назначение которого в Грузию, скорее всего, состоялось по случаю того, что последний был свояком главы мировой державы.

А меж тем в письме из Абхазии нелюбезно отмечалось следующее: «Как известно, за период с 1937 года по 1953 год в Абхазской АССР имели место грубейшие нарушения ленинской национальной политики, выражающиеся во всесторонней дискриминации абхазского народа с целью его насильственной ассимиляции. Вдохновителями и проводниками этих нарушений являлись заклятый враг партии и советского народа Берия и его приспешники из бывших руководителей ЦК и Абхозобкома КП Грузии...».

Затем сообщалось, что «работа по исправлению указанных нарушений и извращений ведется далеко не всегда решительно и последовательно. Порой даже предпринимаются попытки возродить элементы осужденной буржуазно-националистической политики, особенно в области идеологии». И в качестве примера агрессивного национализма приводится «искусственно поднятая за последнее время отдельными грузинскими шовинистами шумиха по вопросу этнической принадлежности абхазцев и об их автохтонности на территории Абхазии...».

Далее в письме довольно подробно разъясняются положения вредоносной книги П. Ингорквва (изданной в Тбилиси 1954 году), искажающей «историческое прошлое абхазского народа». Например, тезис о том, что «территория Абхазии и Черноморского побережья до Геленджика являлась якобы коренной грузинской страной, населенной вплоть до позднего средневековья грузинами».

Все бы это ничего, если бы авторы письма не провели (может быть, невольно), параллели между прошлым и настоящим, по крайней мере, так это можно было воспринять по смыслу изложения обращения, чего, конечно, им бы не простили. Например, в письме утверждалось, что «антинаучные измышления П. Ингорквва по истории Абхазии еще в 1950 году публиковались в грузинском журнале «Мнатоби» (№1 – 3). Затем эти измышления были сразу же подхвачены бериевскими ассимиляторами, орудовавшими в то время в Абхазии. Они, в частности, рекламировали эти измышления и опирались на них, как якобы на научное обоснование проводившейся ими антипартийной политики».

Следующий абзац письма, совершенно обоснованный научно и практически, думается, не пришелся по вкусу абхазским оппонентам из числа как старого, так и «нового» состава чиновного аппарата ЦК и его руководства. Ведь в письме пренебрежительно отмечалось: «Эта научная писанина (труд Ингорквва. – **В. Ч.**) не только была переиздана, как ни странно, в 1954 г., но и провозглашается как поистине замечательный труд, представляющий собой большое явление с точки зрения развития грузинской науки, содержащий непоколебимые свидетельства, что якобы грузины являются исконными, первоначальными обитателями абхазской территории». Подчеркивалось также, что в научных кругах и в прессе представили книгу Ингорквва в качестве ценного труда по истории грузинской культуры. И что появление этой книги и ее восхваление «вызвало недовольство широких кругов общественности Абхазии». Получалось, что новое издание книги Ингорквва, столь любезной сердцу грузинских шовинистов – питомцев Сталина и Берия, вновь получила поддержку в научных и общественных кругах Грузии, и не только.

О том в письме сообщается таким образом: «Выражая мнение общественности, Абхазский обком КП Грузии и Совет Министров Абхазской АССР еще в 1955 году направили письмо в ЦК КП Грузии с решительным требованием осудить книгу Ингорквва как политически вредную. Кроме того, на XVII съезде Компартии Грузии в январе 1956 года делегатом Абхазии была подвергнута книга Ингорквва резкой критике. Между тем приходится отметить, что в отчетном докладе XVII съезду первый секретарь ЦК КП Грузии тов. В. П. Мжаванадзе дал весьма либеральную оценку книге Ингорквва (также настольной книги Берия и его приспешников. – **В. Ч.**), сведя антимарксистскую националистическую концепцию автора к тому, что отдельные положения Ингорквва являются спорными».

Выходило, таким образом, что в апологетах Ингорквва, наряду с бериевскими отщепенцами, находились грузинский ЦК и ее первый секретарь. Давали или нет себе отчет авторы письма в том, что, проводя столь одиозную связь, рискуют, если не своими головами, то уж точно постами, трудно сказать. Может, была надежда на то, что Хрущев не выказывал в ту пору своего особого расположения к Грузии и ее обитателям. Но ведь это не значило, что он не уважит и не возьмет под защиту родственника Мжаванадзе.

Думается, любой аналитик, знакомый с обстановкой того периода, ознакомившись с критикой грузинского руководства в письме абхазских лидеров, не преминет сделать выводы о том, что подписанты, как говорится, явно шли ва-банк, по-иному воспринимать обращение в адрес высшего руководства страны просто невозможно. Более того, критический накал с каждым абзацем все больше усиливался. В этом плане авторы письма в ЦК КПСС откровенно, без всякой ретуши, писали: «Вместо заслуженного осуждения книги Ингороква, бюро ЦК КП Грузии вопрос об этнической принадлежности абхазского народа и его автономной территории Абхазии, вопреки исторической правде и политической вредности, был объявлен дискуссионным. Мы категорически против какой-либо дискуссии, так как этот вопрос считали недискуссионным. Теперь под видом «научной» дискуссии протаскиваются явно нездоровые и вредные взгляды и настроения. И не только не способствующие разрешению вопроса, но и явно направленные на подрыв основ дружбы между грузинским и абхазским народами».

Подвергается серьезной критике в письме и секретарь грузинского ЦК по идеологии, по поводу которого отмечается следующее: «Особое возмущение вызывает то, что второй номер журнала «Мнатоби» открывается статьей секретаря ЦК КП Грузии Д. Мчедлишвили «Новая Советская Социалистическая Грузия», посвященная 36-летию Советской власти в Грузии. Автор этой статьи ни единственным словом не обмолвился о двух автономных республиках и автономной области, входящих в состав ГССР, достижениях их народов за годы Советской власти...».

Также были процитированы слова Мчедлишвили о том, что «некоторые исследователи именем науки посягали (?) на историческую истину единства нашей нации и бросали тень на историю нашего народа». И делался вывод, что высокий партийный чиновник объявляет писателей, по сути дела, в данном случае имеются в виду апологеты Ингороква, «барометром, глазом, ухом и сердцем своей страны и чувства своего народа, трибуной своей эпохи...».

Словом, в письме смелой критики было много, намного больше того объема, на наш взгляд, который был позже, в Брежневский период, допустим в форме щадящей критики и самокритики. А вот, скажем, тот объем претензий к грузинскому ЦК, высказанный в за-

вершение письма Лабахуа и Тарба, был, безусловно, чрезвычайно мужественным и решительным актом, возможным, вероятно, в бытность партийной демократии эпохи Ленина. Но это было давно, а тогда, в 1957 г. когда еще крепко цеплялись за власть наследники Сталина и Берия, абхазские лидеры снимали, как говорится, маски с грузинских псевдокоммунистов высокого ранга.

Так, обращаясь с надеждой о помощи к высшему руководству в лице Президиума ЦК КПСС, полагая обрести там поддержку, руководители репрессированной и неизлеченной от ран еще Абхазии писали: «К настоящему времени в Абхазии почти нет или совершенно мало из коренного местного населения – абхазцев специалистов высшей и средней квалификации: горных инженеров, инженеров – транспортников, архитекторов, врачей, до сих пор нет ни одного профессионального композитора, художника, искусствоведа, музыканта, хормейстера и др. Для исправления такого недопустимого положения с кадрами нужна была помощь нашей республике в их подготовке. Но такая помощь нам была не оказана в достаточной степени...».

По вине бюро ЦК КП Грузии до сих пор не было закончено восстановление наименований населенных пунктов, рек, железнодорожных станций на территории АССР, которые с вражеской целью в свое время переименовали с абхазских и русских на грузинские наименования¹.

После перечисления того, что не было сделано для реабилитации всего порушенного и исковерканного на грузинский лад в абхазской республике, авторы в своем письме обратили внимание главного штаба партии на состояние дел в самом грузинском ЦК партии. Очень смело для своего времени, что, разумеется, стало неожиданностью для грузинского руководства, они сообщали наверх следующее: «У бюро ЦК КП Грузии не нашлось большевистской смелости и решительности сделать соответствующие организационные выводы и оздоровить руководство идеологическим фронтом в Грузии, который возглавляют сегодня лица, по неизвестным нам причинам сами полностью не стоящие на коммунистических позициях (убийственное обвинение для партработника. – В. Ч.), не

¹ Там же. С. 132 – 133.

только не ведущие непримиримой борьбы с меньшевистскими тенденциями части грузинской интеллигенции, но во многом способствующие их распространению».

Конечно, обвинения в том, что настоящей партийной идеологии в Грузии нет, и что ее проводники, по сути дела, сами находятся под влиянием меньшевизма (социал-демократическое направление правого толка), им, разумеется, вряд ли бы простили. Скорее всего, авторы письма догадывались о том, на что подняли руку: вхож ведь был в семью Н. Хрущева глава грузинской компартии В. Мжаванадзе. Однако теперь уже, понимая безысходность ситуации, надо было идти дальше. И авторы рубили правду - матку таким образом: «Разве можно верить, что т. Мчедlishvili (секретарь ЦК КП Грузии по идеологии – **В. Ч.**) и другие руководители идеологического фронта способны поправить дела, прекратить отравление грузинской интеллигенции и учащейся молодежи ядом шовинизма и меньшевизма, когда вместо удаления с идеологического фронта не советский настроенных ученых представили слово против абхазского народа («Мнатоби», №2, февраль 1957 года) ярому меньшевику, белоэмигранту, прямо надо сказать, фашиствующему элементу – профессору Каухчишвили»¹.

Надо отметить, что «простить» столь откровенную критику партийных устоев даже не в очень-то любезной сердцу Хрущева Грузии, тогда еще власти были не способны. Правда, уже не «рубил» и голов за проступки, и на том, как говорится, спасибо. Так что авторы письма были довольно «своеобразно» наказаны: А. Лабахуа в том же 1957 году перевели в Тбилиси на «повышение»: местом ссылки до конца жизни ему определили столицу Грузии и почетную должность зампреда грузинского Совмина, И. Тарба чуть позже, в 1958 году, отправили на пенсионную должность в Совпроф Абхазии.

На этом примере можно заключить, что если раньше, в бытность Сталина и Берия, защитников законных интересов и прав абхазского народа ставили к стенке, а в лучшем случае ссылали на 10 – 15 лет в Сибирские вези, то теперь, в т. н. Хрущевскую оттепель, как видим, только перемещали по службе. Тем не менее, не опасаясь немилости вышестоящих властей, небольшое число абхазских кадровых

работников пытались замолвить слово за безвинно истребленных своих предшественников, исправить положение дел в автономной республике, очистить ее от страшного наследия сталинщины и бериевщины. Это, безусловно, в те годы являлось нелегкой и рискованной задачей. В ряду тех, кто активно боролся с проявлениями бериевщины, как в грузинской научной среде, так и в реальной жизни автономной республике были видные абхазские личности – А. Т. Отырба и М. М. Шамба. Их выступления в 1956 году на активе Абхазской областной партийной организации КП Грузии содержали мощный заряд нового протестного движения против грузинского засилья в Абхазии, как в прошлом, так и в последовавшем затем периоде т. н. оттепели.

До того времени, как известно, были письма в адрес вышестоящих властей о творившихся в Абхазии беззакониях, но откровенный разговор о преступлениях против абхазского народа в партийной аудитории зазвучал впервые из уст прокурора Абхазии и зав. отделом пропаганды и агитации областного комитета партии. Тогда эти должности занимали Мирон Михайлович Шамба и Аслан Тамшугович Отырба.

Речи выступивших на том активе, как и обращения, отмеченные выше, много позже, в 1990 годах опубликованы в печати, вошли в собрание сочинений, также выходили отдельными изданиями, и тем самым стали письменными публицистическими произведениями, получившими широкий общественный и исторический резонанс.

Следует, полагаем, отметить, что в своем выступлении М. Шамба, наряду с обобщением преступных деяний в Абхазии, приводил конкретные примеры, называя своими именами, как тех, кто оказался жертвами преступного режима, так же организаторов и исполнителей, выступавших в роли палачей. И еще одно, на наш взгляд, любопытное наблюдение: впервые, чего не наблюдалось в других письмах и обращениях 50-х годов, в речи прокурора М. Шамба имя «автора» злодеяний в Абхазии Берия названо в увязке с его покровителем и основателем репрессивной системы в масштабе всей Советской страны И. Сталиным.

Прокурор Абхазии отмечал это следующим образом: «Кто из нас на своих плечах не перенес горькие муки насильственной ассимиляции, кто не знает, как разбойничья шайка проводила в Абхазии

¹ Там же. С. 134.

ассимиляторскую, шовинистическую политику, как враг Берия, войдя в особое доверие к Сталину, с его ведома и согласия (в чем, между прочим, и сегодня некоторые сомневаются. – **В. Ч.**) вероломно истреблял вместе с видными деятелями Грузии лучшие партийные и советские кадры Абхазии, талантливых представителей абхазской интеллигенции, а затем как методически уничтожались национальные особенности абхазцев путем принудительного закрытия абхазских школ, запрещения изучения своего родного языка и литературы, дискриминации самих абхазцев в своей республике...».

Действительно, факты репрессий были и в Грузии, как о том сообщал в своем выступлении М. Шамба. Добавим лишь к тому, что там, в Грузии, расстреливали и ссылали старых большевиков, знавших «нежелательные» факты биографии вождя и его приспешника Берия. Сводили также счеты с лицами из разных структур, каким-то образом впавших в немилость к Берия или Сталину. В целом подобные люди и составляли плановую разнарядку по количеству лиц, подлежащих «изъятию» в рамках Грузии. Но никто ведь не покушался на грузинский язык, грузинские школы, грузинскую идентичность, пытаясь ассимилировать грузин, скажем, в русскоязычной среде. А такие действия являют собой не что иное, как формулу геноцида, что и применялось на практике по отношению к абхазам. И то, что ныне тбилисские оппоненты высказываются в том плане, что, дескать, под репрессиями были не только абхазы, но и в большей массе грузины, никакой критики не выдерживают. Да, репрессии имели там место, но они были ограничены определенными рамками, а уж о геноциде против народа и говорить не приходится. В том и есть различие между сталинско-бериевской политикой в Грузии и Абхазии. Впрочем, для сведущих грузин это не тайна за семью печатями, о том они прекрасно осведомлены, однако, как это водится в таких случаях, пытаются, как говорится, навести тень на плетень.

По поводу обстановки в стране в целом, сложившейся в период жестоких репрессий М. Шамба эмоционально сообщал партийно-советской аудитории следующее: «Становится жутко и невыносимо тяжело, когда изучаешь и анализируешь документы и обстоятельства, при которых жизнь тысяч (думается, все-таки миллионов. – **В.Ч.**) невинных советских людей загублена, а их осиротевшим семьям наклеивались ярлыки «семьи врагов народа».

Затем, остановившись подробно на абхазских трагических событиях, он возмущенно вопрошал: «Как могло случиться, что на пост Наркома внутренних дел Абхазии 25 июля 1937 года вступил выходец из социально чуждой, купеческой среды, не имевший никакой подготовки для партийной работы в органах НКВД, футболист по призванию, наскоро выпеченный кандидат партии – Пачулия Григорий, а аппарат НКВД оказался засоренным социально чуждыми элементами?»

И вновь горько заключал: «Как могло случиться, что такой опасный государственный преступник, как Пачулия, приговоренный 29 июня 1956 года Военным трибуналом Закавказского военного округа к высшей мере наказания – расстрелу, получил возможность в течение немногим более года своей работы в Абхазии подвергнуть аресту и репрессиям 2186 человек, из которых расстреляны 749, осуждены к длительным срокам наказания 794, а 559 человек впоследствии были освобождены как необоснованно арестованные?»

Основным условием создавшейся обстановки террора в тот период М. Шамба считал авторитарный стиль руководства в верхах СССР, переросший в культ личности вождя Советской страны: «Все это, как и многое другое, произошло в результате процветания культа личности Сталина, давшего возможность банде Берия творить свое черное дело и вероломно истреблять лучшие кадры нашей партии и страны по лимитам, испрашиваемым Берия и санкционируемым Сталиным». Добавим к тому, что лимиты эти Берия действительно усердно исполнял, как и его предшественники, а вот намечал норму истребления людей сам вождь советских народов.

Здесь, полагаем, будет уместно высказать суждение о том, что подавляющее большинство подвергшихся репрессиям партийно-советских работников, даже не из числа рядовых, до последнего верили, что вождь партии и страны находится в неведении о бесчинствах, творимых спецслужбами и их руководителями на местах. Эта вера в строгого, но справедливого Сталина, надо сказать, сохранялась в головах довольно солидного числа людей еще долго. И, как нам кажется, что и ныне, кстати, это также подтверждается неоднократными опросами, что эта вера, пронесенная через десятилетия, передалась определенным слоям современного поколения, особенно в Российской Федерации. Там, особенно в молодежной среде

наблюдается скорее, по незнанию трагических обстоятельств, связанных с правлением вождя страны советов, стремление к идеализации образа «отца народов» Сталина.

Сегодня трудно представить, что большое число людей, как репрессированных, так и тех, кто еще не оказался в смертельных жерновах беззакония, все-таки полагало зачинщиками и исполнителями всех этих арестов, допросов и приговоров, вплоть до расстрелов, не систему власти, а отдельных ее представителей из числа партийных, советских и НКВДшних работников. О чем, дескать, Сталин не ведал по причине своей чрезмерной загруженности государственными делами, а партия, мол, каким-то образом утеряла контроль над этим произволом.

О подобной «наивности» даже ответственных работников, имевшей место в тот период, сообщает прокурор Абхазии, излагая в качестве примера такой трагический факт: «Бывший секретарь Гудатского райкома партии тов. Барциц Виктор, арестованный врагом народа Пачулия и заключенный в водный карцер (чем не фашисты Гитлера. – **В. Ч.**), с гневом и возмущением описывает условия содержания в нем. По иронии судьбы свою жалобу т. Барциц адресует бывшему наркому внутренних дел Грузии Гоглидзе, проклятому сообщнику Берия. Полагая, что враг Гоглидзе является «большевистским» наркомом внутренних дел, т. Барциц просит обратить внимание на все те зверства, истязания и поругания, которым подвергались преданные партии кадры... и умоляет довести все это до сведения партии, до сведения Сталина. Тов. Барциц так и не узнал, что все эти зверства осуществлялись по указанию Гоглидзе и Берия, с ведома Сталина, и гневный возглас Виктора Барциц остался глазом вопиющего в стенах непроницаемого и бесконтрольного в то время НКВД Абхазии»¹.

Заметим также, что партийный актив Абхазии проходил в августе 1956 года, а как известно, несколько ранее, в феврале того же года, состоялся XX съезд КПСС, который, наряду с другими вопросами, рассмотрел и одобрил деятельность ЦК по преодолению культа личности Сталина и его последствий. Сразу отметим такое обстоятельство, которое нашими учеными не осмысленно в полной мере

с точки зрения будущности абхазского общества, если не была дана критическая оценка авторитаризму, произволу и, скажем, человеконенавистнической сталинской политике. Представим себе, не дай Бог, конечно, такой оборот дела, когда бы победила в тот период сталинская «старая гвардия», которая также была замешана в тех преступлениях, но не имела смелости, как Н. С. Хрущев, порвать с устоями прошлого. Тогда, вне всякого сомнения, абхазам пришлось бы намного тяжелее преодолеть последствия того самого культа личности, залечить глубокие раны общества, сильно обескровленного в трагический период. Да и вряд ли бы встал бы в таком ключе вопрос, учитывая подневольное положение абхазской автономии, поглощенной во всех отношениях грузинской советской метрополией. Ведь тогда и сегодня идеологи сталинизма находят схоластические формулы, за которыми пытаются всячески отвести вождя и его последователей от ответственности за многомиллионные жертвы репрессий, концентрационные лагеря с порядками, ничем не отличными от фашистских. Эти жертвы, как и Сталин, отмечают апологеты вождя, были востребованы Россией накануне жестоких испытаний. Так, положим, можно оправдать любые преступления вождей, начиная со средневековья, до тех, кто правит и в наше время. Так, например, как оправдывало «мировое сообщество» безызвестного отца грузинской агрессии Шеварднадзе, облачая его в тогу борца с «абхазским сепаратизмом». Да мало ли подобных примеров человеконенавистнической политики, чему, полагаем, нет ни снисхождения, ни прощения.

То же самое, уверены, относится и к периоду сталинского правления, когда люди тысячами и миллионами становились жертвами жесточайшей авторитарной системы. Это были люди невинные в своем подавляющем большинстве, о чем умалчивают сталинские доброхоты, и принесены они были в жертву не ради Отечества и народа, а в силу ложных схем и субъективных планов по построению основ именно сталинского, в корне отличного от подобию социалистического общества. Тем не менее, как ныне замечаем, защитников сталинской эпохи с ее явным волчьим оскалом, на постсоветском пространстве и ныне предостаточно.

Что же тогда говорить о том времени в Абхазии, когда только - только заговорили о порочности культа личности и авторитарных

¹ Там же. С. 120.

методов правления, о жертвах бывшего «хозяина» Кремля, только в масштабах маленькой Абхазии исчислявшихся тысячами загубленных душ, в числе которых были преданные делу зачинатели строительства новой советской общественной формации.

В Грузии информацию о разоблачениях культа личности, прозвучавших на XX съезде, восприняли, говоря образно, сквозь сжатые зубы. И никто из тамошних властей имущих коммунистов не спешил разворачивать борьбу за очищение от скверны, сотворенной Сталиным и его подручными, особенно в Абхазии. Хотя на то была директива Президиума ЦК КПСС, озаглавленная «Об ошибках и недостатках в работе ЦК КП Грузии» от 10. 06. 1956 года, что красноречиво свидетельствовало об отсутствии у грузинских партийцев желания сколь-нибудь очиститься от одиозного наследия Сталина и Берия.

К слову сказать, редко кто из ответственных работников того времени, сразу после разоблачения Н. С. Хрущевым культа личности Сталина, решался говорить вслух о политике репрессий и массовых беззакониях (как это делал прокурор М. Шамба), тем более, упоминая о роли в том самого вождя на официальных мероприятиях. Думается, полагали они: а вдруг все опять вернется на круги своя. Чем тогда все обернется? И многие, конечно, опасались возвращения тех же времен. Кстати, эти сомнения в дальнейшем оказались вовсе не беспочвенными: пришедшая к власти путем переворота группировка Л. И. Брежнева практически отказалась от оценки, возлагающей полную ответственность Сталина за трагические последствия репрессивной политики в период его правления. Тогда пришли к половинчатой, компромиссной формуле, устраивавших многих в партийных верхах: в одном случае «хорошего» вождя, в другом – «плохого». Мол, за создание крепкой промышленности и новых форм жизни на селе (практически закабаливших выживших крестьян), и за победу в войне, ему, мол, надо отдать должное, а за репрессии, жертвами чего оказались миллионы ни в чем не повинных людей, дескать, он должен нести ответственность. Вот таким образом, словно «двуликий Янус», в переносном смысле, разумеется, был скомпонован образ вождя для будущих поколений страны.

Абхазские лидеры периода 50-х годов в большинстве своем решительно отстаивали право абхазов на полную реабилитацию по-

руганных сталинизмом языка, письменности, школ, древней топонимики, всего того, что составляет духовную и культурную основу народа, его идентичность – отличие от иных этносов. Речь также шла о сотнях и тысячах репрессированных абхазах, о цвете абхазской нации, погибших в застенках НКВД, в Сибирских лесах и в степях Казахстана. Надо было бороться и за то, чтобы, оправдав их официально, вернуть им честные имена, и тем самым отдать им последний долг.

Вот и требовал абхазский прокурор от Тбилиси реагирования по этим вопросам, отмечая, что во всем этом разобрался Президиум Центрального Комитета КПСС, о чем свидетельствует его постановление от 10 июня 1956 года, требующее от ЦК КП Грузии принять решительные меры по ликвидации бериевщины. Но, как уже отмечалось, грузинское партийное руководство не спешило выполнять директиву Москвы. Больше того, Тбилиси всячески опекал активных проводников политики Сталина и Берия в Абхазии, назначая их на ответственные посты в системе партийно-советской и хозяйственной работы.

О подобной политике грузинских властей говорил в своем выступлении на активе М. Шамба, призвав Абхазский обком партии и ЦК КП Грузии «конкретно изучить «деятельность» этих «руководителей» Абхазии и дать возможность соответствующим органам применить к ним справедливый советский закон.

«Говоря о Мгеладзе, – продолжал свою речь Мирон Михайлович, – нельзя не упомянуть и о некоторых ярких его подхалимах и ревностных исполнителях его желаний и воли по осуществлению ассимиляторской политики в Абхазии. Я имею в виду в первую очередь бывшего секретаря обкома партии по пропаганде Тускадзе. Кто-кто, но Тускадзе (этнический абхаз. – **В. Ч.**) в этом вопросе должен быть поставлен в один ряд с Мгеладзе. Подобно хамелеону, подлаживаясь под обстановку и настроение, по его мнению, «сильных мира сего», Тускадзе с рвением проводил политику насильственной ассимиляции абхазцев, активно участвовал в избиении и преследовании местных кадров».

Несмотря на призывы Москвы привлекать к ответственности проводников репрессивной политики в Абхазии из числа бериевских ставленников, руководители грузинской компартии не только

не спрашивали с них за рвение в исполнении преступных указаний Берия, но и старались отвести их от заслуженного наказания. К тому же, многих из них определяли опять же к «теплым» и весьма ответственным должностям уже в пределах Грузии.

О том, как раз и сообщал в продолжение своей речи прокурор Абхазии. Он подчеркивал: «Партактив вправе был ожидать от ЦК и Абхазского обкома КП Грузии, что они изучат вопрос о характере и степени участия Тускадзе, вместе с Мгеладзе и Гетия (бывшие секретари Абхазского обкома партии. – **В. Ч.**), в нарушении линии партии по национальному вопросу и в грубом нарушении революционной законности, и примут должное решение. Однако получилось совершенно другое. Оказалось, что он (Тускадзе. – **В. Ч.**) под покровительством влиятельных лиц из Тбилиси (уцелевших бериевцев, разумеется. – **В. Ч.**) устроился начальником отдела кадров высших и средних учебных заведений Министерства культуры Грузинской ССР и оттуда руководит деятельностью Министерства культуры Абхазии, преуспевая на ниве искусства и культуры».

И далее в завершение речи Шамба М. М. с требовательной настойчивостью, призывал наказать ответственных за массовые репрессии в республике, проводимых с особой жестокостью. Обращаясь к участникам партийного актива, прокурор эмоционально вопрошал: «Разве не следует спросить ответ от Бечвая Кирилла (бывшего секретаря Абхазского обкома партии. – **В. Ч.**), и поныне состоящего в рядах КПСС? Разве не следует спросить ответ у многих провокаторов 1937–1938 гг., которые фальсифицировали следственные дела и путем применения недозволенных и строго запрещенных законом методов ведения следствия погубили жизни десятков невинных граждан? Разве не следует спросить ответ у многих лиц, которые в карьеристских целях доносили в органы НКВД ложные сведения или активно способствовали расправе над ни в чем не повинными советскими гражданами?»

Отдельно он остановился на персоне Делба, бывшем руководителе Абхазского Совмина, раскрывая его роль прислужника грузинского репрессивного режима таким образом: «Я полагаю далее, что необходимо спросить и с т. Делба М. К., выступавшего в качестве общественного обвинителя по сфабрикованному так называемому делу участников контрреволюционной диверсионно-вредитель-

ской террористическо-повстанческой шпионской организации в Абхазии. Всех по этому делу расстреляли, 10 лучших ни в чем не повинных коммунистов Абхазии во главе с бывшим секретарем Абхазского обкома партии Ладария Вл., бывшим наркомом земледелия Михаилом Чалмаз, старым революционером Василием Лакоба и другими».

Не следует ли спросить тов. Делба – из каких источников черпал он сведения, когда, перецеголяв государственного обвинителя и выходя за рамки обвинения, с угодническим пафосом охарактеризовал видного деятеля партии и государства, одного из организаторов советской власти в республике Нестора Лакоба, как «взбесившегося пса», «обер-бандита», как «убийцу и конокрада», «прожженного плута и пройдоху, алкоголика и казнокрада?». Полагаю, что следует спросить»¹.

К сожалению, не спросили по большому счету с исполнителей, что, впрочем, это происходило по всей стране. Корни сталинщины, безудержного авторитаризма оказались глубокими и живучими, поскольку питались благодатной почвой. Ностальгия по твердой руке не теряет своей востребованности и до сего дня. Немало сторонников того, кстати, мы наблюдаем и в Абхазии, также в других сопредельных странах и по всему миру.

Следует также отметить, что 30 – 50-е годы минувшего века явились преддверием начала нового этапа национально-освободительной борьбы абхазского народа от засилья грузинского агрессивного национализма, для победы которого в автономной республике в свое время приложили максимум усилий апологеты освоения Абхазии Сталин и Берия. С приходом хрущевской оттепели, недолгой по времени, стояла задача по преодолению их тлетворно-злодейского наследия, отбросившего на многие годы развитие абхазского народа. Это как раз и считали своим долгом немногочисленные, случайно уцелевшие представители абхазской элиты той поры, которые в своих выступлениях, обращениях и письмах отмечали настоятельную необходимость восстановления всех нарушенных прав абхазского народа, реабилитации жертв репрессий – сотен и тысяч ни в чем не виновных сынов и дочерей Абхазии.

¹ Там же. С. 117 – 122.

В 1956 году, как известно, XX съезд КПСС осудил «культ личности» Сталина и злодеяния Берия. Тем не менее грузинские шовинисты, судя по всему, не собирались отказываться от политики освоения Абхазии. Несмотря на указания ЦК КПСС, руководство грузинской компартии не только не избавлялось от Сталинского наследия в Абхазии, но вело дело к тому, чтобы закрепить на «достигнутых» командой Берия результатах. Всячески пыталось затормозить обновление культурно-духовного климата: реабилитацию абхазской топонимики, письменности, абхазских школ, их перевод в то состояние, в котором они пребывали в период правления Н. Лакоба. То же самое отношение было и к восстановлению честного имени сотен репрессированных и уничтоженных абхазских партийных, советских и хозяйственных кадров, но это от грузин уже не зависело. Здесь вопросы решались центральными властями, в частности, Генпрокуратурой СССР.

В этих условиях, когда происходил трудный процесс перехода от сталинского произвола и лихолетья ко времени оттепели Н. Хрущева, абхазским лидерам приходилось вновь находиться в состоянии борьбы с грузинским шовинизмом. В то время, впрочем, как и за весь период сожительства с грузинами, противостояние, говоря языком войны, шло по многим направлениям: по абхазским кадрам, защите абхазской экономике, демографии, культурно-духовной сферы.

На том же партийном активе, проходившем в 1956 году, в защиту абхазкой культурно-духовной составляющей от поползновений мракобесов грузинской исторической науки, оспаривавших идентичность абхазского народа, выступил крупный партийный работник того времени, заведующий отделом пропаганды и агитации Абхазского обкома КП Грузии А. Т. Отырба.

Естественно, что партийный деятель такого уровня вначале своего выступления не мог не сказать о задачах партийных организаций в свете решений XX съезда КПСС, четкого и ясного осмысления работниками идеологического фронта требований партии по реализации программы преобразований, связанных с развитием экономики и культуры автономной республики. А. Отырба напомнил участникам актива, что прошедший съезд партии подверг резкой критике недостатки идеологической работы и прежде всего отрыв

ее от жизни, от практических задач хозяйственного и культурного строительства страны. Сказал и о том, что большое внимание также было уделено критике чуждого марксизму-ленинизму культа личности. Здесь же подчеркнул, что партийные организации Абхазии, работники, занимающиеся идеологической работой, медленно перестраивают свою деятельность в этом направлении.

Не преминул оратор, что было обязательной нормой для партийной среды той поры, отметить значение борьбы «между господствующей социалистической идеологией и остатками буржуазной идеологии, за окончательное закрепление социалистической идеологии».

Затем докладчик увязывает отмеченное выше с ситуацией, имевшей место недавно в Грузии. Делает он это таким образом: «... Люди, недостаточно стойкие, слабо политически закаленные, способные при крутых поворотах проявить политическую неустойчивость, беспринципность, могут попасть под влияние случайных и враждебных элементов и стать на враждебный путь». И это логическая цепочка А. Отырба завершается закономерным с его точки зрения выводом о том, что «так и случилось у нас в Грузии».

И далее из выступления А. Отырба вытекает, что грузинская республика в лице ее руководства находится в состоянии инерции, здесь не ведется результативной деятельности по исправлению негативного наследия прошлого времени. Все это свидетельствует о том, сообщает оратор, что «ЦК КП Грузии не сделал всех необходимых политических выводов из дела Берия и не сумел поднять партийные организации на решительную ликвидацию последствий бериевщины».

Прежде чем перейти к фактам грубого искажения деятелями грузинской культурной и научной среды вопросов истории и происхождения абхазов, докладчик указывает, как ему это видится, на корни, откуда проистекают, вернее, вызревают эти самые псевдонаучные исследования, всяческого рода измышления и фальсификации. А ведь это происходит уже в постсталинский период, в то время, когда ЦК КПСС обязал руководство грузинской республики оперативно и решительно избавляться от наследия извращенного прошлого, в том числе и в Абхазии. Но агрессивные грузинские националисты из среды ученых при поддержке правящих кругов не

унимаются, продолжая свое черное дело, завещанное им бывшим вождем страны Советов, и его расстрелянным сатрапом Берия.

Об этом как раз и держал речь на партактиве А. Отырба. Отмечал при этом следующее: «ЦК КП Грузии не вел решительной и смелой борьбы с отдельными проявлениями буржуазно-националистической идеологии, не вникал в деятельность научных учреждений (грузинский ЦК, полагаем, иной раз и поощрял антиабхазские «изыскания». – **В. Ч.**), творческих организаций, вузов, школ и т. д.

Затем, обращаясь к участникам партийного актива, А. Отырба предупреждал: «Опасны не сами по себе эти отдельные проявления буржуазной идеологии у нас, опасно то, что, несмотря на наличие достаточного количества убедительных сигналов, ЦК КП Грузии и соответствующие научные организации не только не дают достаточного отпора, но, наоборот, проявляют полное терпимое отношение к ним».

Частое употребление в партийной аудитории понятия «буржуазная, или буржуазно-националистическая идеология» – следствие устоявшегося убеждения, что при социалистических общественных отношениях нет места национализму, кроме как буржуазного, разумеется. Соображение это, конечно, чисто идеалистическое, но общепринятое в ту эпоху. Хотя об обратном, о том, что грузинский агрессивный национализм выпестован не без содействия коммунистических руководителей Грузии, красноречиво свидетельствовала обстановка того времени. Понимал о том А. Отырба, но ему, как руководителю идеологической сферы абхазской республики, приходилось в борьбе с грузинским национализмом соблюдать правила игры.

Так, подвергая критике высшее партийное руководство Грузии, он называет их предшественников, заложивших основы шовинистической политики в отношении Абхазии. В этом плане он отмечал следующее: «Бывшее порочное, националистическое руководство республики пыталось «научно обосновать» проводившуюся им антипартийную подрывную политику в Абхазии. Этим духом пропитаны многие, с позволения сказать, «труды» того периода».

Далее А. Отырба приводит примеры того, как продолжает формироваться националистическая идеология грузинскими учеными при молчаливой позиции руководителей грузинской компартии. Говорит он о том таким образом: «Некоторые националистические настроения или же просто подхалимы и конъюнктурщики силились

«ликвидировать» национальное лицо абхазского народа. Именно этой политикой была порождена злополучная книга П. Ингорквва «Георгий Мерчуле», которую вот уже год, как склоняют по всем падежам, но этот голос не доходит еще до ЦК КП Грузии».

Затем оратор доводит до сведения актива, что бездеятельность грузинского ЦК приводит к тому, что вновь вводятся в оборот такие антиабхазские клише времен Берия, как пресловутая «теория» Ингорквва, подхваченная современными грузинскими учеными. Так сказать, происходит своеобразная преемственность шовинистических идей между поколениями грузинских ученых-фальсификаторов истории абхазского народа.

Докладчик, к примеру, обращает внимание аудитории на то, как академик Г. Хачапуридзе на страницах своей книги, посвященной истории Грузии XIX века, «торжественно объявил абхазцев одним из грузинских племен», а потом много говорил об этом своем «открытии», видимо, стремясь присвоить себе приоритет в этом нечестном деле. В 1954 году в Сухуми была издана под редакцией академика Н. Бердзенишвили книга А. Каландадзе «Археологические памятники Сухумской горы», в которой также безапелляционно предки абхазцев объявлялись грузинами».

А. Отырба в своей речи подвергает серьезной критике ЦК КП Грузии за соглашательскую, по существу, позицию в отношении грузинских ученых, извращающих абхазскую историю, язык, культуру, и, наконец, идентичность народа. Говоря об инертности грузинского руководства, оратор отмечал: «Ведь мы не ставили вопроса о том, чтобы помочь выяснить мнение кого бы то ни было о том, существует абхазский народ как самостоятельный народ или нет. Ведь этот вопрос не подлежит спору. Другое дело, если сами работники ЦК КП Грузии в этом не уверены и сомневаются. По-моему, пора уже примириться с фактом, что абхазский народ существовал и существует независимо от воли и сознания буржуазных (читай – грузинских. – **В. Ч.**) националистов и он успешно развивается, несмотря на чинимые препятствия на пути его развития»¹.

Как видим, писем и обращений в адрес высшего Советского руководства, докладов и речей на пленумах и активах партийных и со-

¹ Там же. С. 122 – 124. Газета «Единение», № 12, декабрь 1991 года.

ветских органов представителями абхазской элиты и руководства в 50-х годах 20-го века написано и сделано было немало. В этом плане можно уверенно говорить, что верхи, как центральные, так и грузинские, имели вполне достоверную и подробную информацию о прошлом и настоящем положении, в котором пребывал абхазский народ, пострадавший в период 30 – 40-х годов, как ни один этнос, существовавший в пределах Советской страны. Исключение, полагаем, составляют народы, выселенные Сталиным со своей родины в среднеазиатские степи. Верхи, положим, знали о том, что было содеяно с абхазами в прошлом. Имели представление и о том, что очень медленно, с неохотой грузинское руководство приступает к реабилитации исковерканного и поруганного абхазского общества: тех многих из элиты и крестьянства, кто были уничтожены, а язык абхазский и культура народа – репрессированы и подвергнуты огрузиниванию. О том, как отмечено выше, напоминали письма и выступления очевидцев той поры – представителей абхазской интеллигенции, руководства автономной республики из числа абхазов, чудом избежавших сталинско-бериевских застенков.

Позже наблюдатели и исследователи отмечали, что эффект от всего того, сделанного сообща представителями абхазского руководства и интеллигенции той поры, мол, был не особенно ощутим, некоторые же утверждали, что он, дескать, равнялся нулю. Позволим себе, однако, не согласиться с подобными, не совсем продуманными выводами. На первый взгляд, особенно сразу после хрущевской оттепели наверняка ощутимых изменений не последовало. Однако, после 5 – 10 лет, начиная с 60-х годов 20-го века абхазский народ, доведенный сатрапами Сталина в период репрессий почти до потери своей идентичности, стал постепенно обрывать заново утраченными признаками, присущими отдельному этносу: письменностью, государственным языком, национальной школой, национальной печатью и другими атрибутами, отнятыми у абхазов в недавние времена. Стали постепенно укореняться абхазские партийные, советские и хозяйственные кадры, на корню уничтоженные в известный период по указанию сверху, как элемент, не способный принять планы «отца советских народов» по добровольному слиянию «запоздалых» в цивилизационном отношении абхазов с «продвинутой» грузинской нацией. Такой была установка в решении на-

ционально - государственного устройства народов и наций в СССР. Подобную теорию и практику твердо и целенаправленно утверждал пролетарский интернационалист и главный знаток национального вопроса «марксист» Сталин, основатель, после смерти Ленина, такого государства, в котором нации и народы были разделены на низшие и высшие ранги. Была создана система иерархии народов, напоминавшая, так называемую, версию русской матрешки.

Этап второй.

Пером публициста: от хрущевской оттепели до развитого социализма (1960 – 1980 гг.)

После долгого пребывания в условиях разнузданного диктата центральных и грузинских властей, наконец, абхазское общество, как и вся страна в целом, ощутила некоторые послабления, связанные с наступлением периода т. н. хрущевской оттепели. Но не сразу новые веяния, ощущавшиеся в высших партийных и советских структурах, достигли Абхазии. Здесь еще определенное время в силе были старые порядки, за которые цепко держались провинциальные охранители сталинско-бериевских догматов по исполнению многоцелевой системы освоения автономной республики. Однако после XX съезда партии в 1956 году обстановка начала постепенно меняться. С того времени, надо отдать должное Н. С. Хрущеву, центр уделял внимание репрессированной Абхазии. Абхазы в ту пору, с начала оттепели, а затем уже в 60 – 70-е годы, получили жизненно необходимую передышку. Оживала абхазская интеллигенция, в ряде районов у власти встали абхазские партийные и советские руководители. В абхазском руководстве: в министерствах и ведомствах, в обкоме партии, в правительстве больше стало ответственных работников из числа коренной нации, многочисленнее стал и депутатский корпус.

По крупницам восстанавливались репрессированные объекты жизнедеятельности абхазского народа: экономика, культура, духовная сфера. Абхазский алфавит был переведен с грузинской графической основы на русскую, созданы в тот же период абхазское отделение на филологическом факультете, кафедра абхазского языка и

литературы в пединституте, вышли в свет первые номера журналов «Алашара» и «Амцабз», после продолжительного перерыва (с 1932 г.), в 1959 году состоялся второй съезд писателей Абхазии. С 60-х годов именами видных абхазских деятелей, в том числе и репрессированных стали называть объекты культурно - творческого назначения, им также устанавливались памятники. Так, имя Д. И. Гулиа было присвоено Абхазскому институту языка, литературы и истории, Дому народного творчества – И. Г. Корта, в Сухуме установлены бюсты С. Я. Чанба и памятники Н. А. Лакоба, Д. И. Гулиа, И. А. Когониа, в Агу-Бедиа – Е. А. Эшба, Кутоле – А. Е. Ласуриа. Шла борьба за восстановление в полном объеме абхазских топонимических названий.

Это также заслуга тех, кто, жертвуя своим благополучием, как личным, так и служебным, вступились за порушенные права абхазского народа, стремясь донести до центра, что абхазы, доведенные отцами репрессий до отчаяния ждут не дождутся справедливости от Москвы. Речь о тех, кто, как отмечено выше, решительно обращался в центральные партийные и советские структуры, причем, делая это с большой надеждой на понимание и помощь Абхазии от грузинского засилья.

Важно также обратить внимание и на такое обстоятельство. На то, что авторами обращений и писем в Москву, высшим органам Советской страны, являлись не последние люди Абхазии: это были известные и авторитетные руководители, видные деятели культуры и науки. И те документы: их письма и обращения, которые дошли до нашего времени, стали достоянием общественности, были опубликованы в средствах массовой информации отдельными изданиями значительно позже, нежели тогда, когда они высказывались в речах и докладах, или же отправлялись в высшие властные органы. Это к тому, что газеты Абхазии, даже в период оттепели, то есть в пост-сталинское время не располагали возможностью, в силу тотального грузинского контроля, опубликовать, скажем, обращение главы Абхазского правительства А. Лабахуа в ЦК КПСС. То же самое можно сказать в отношении писем народного поэта Абхазии Д. Гулиа в Советские руководящие инстанции, которые так же увидели свет много лет спустя. Что же тогда говорить о других документах, также написанных от всей души, но людьми менее известными? Например, в последние годы были рассекречены некоторые материалы подоб-

ного рода, правда, подписанные скромными служащими, рядовыми членами партии. Таковым, заметим, было смелое и довольно объемное письмо Н.С. Хрущеву от депутата Сухумского городского совета Гонджуа Михаила Харитоновича, датированное 9 мая 1956 года.

Полагаем, что это был необыкновенно активный и принципиальный гражданин и коммунист. Свидетельством тому и то обстоятельство, о котором Гонджуа также напоминает в своем обращении Никите Сергеевичу, что он писал в адрес Хрущева и Маленкова еще в сентябре 1953 года, сразу после разоблачения Л. Берия. Присовкупив там же, что так и не дождался ответа на свое обращение. В том первом письме, как отмечал автор, он постарался изложить «все факты грубого извращения национальной политики партии и советского государства в Абхазии, и о том, как и какими темпами идет ликвидация последствий этой вражеской деятельности агента международного империализма Берия в Абхазии и по всей Грузии после его разоблачения, о том, какую тяжесть испытывал и испытывает абхазский народ от бериевской банды в течение 16 – 17 лет».

Не получив тогда, в 1953 году, ответа на свое послание в адрес премьера Маленкова (в свое время был приятелем Берия, но «сдал» его под напором Хрущева. – **В. Ч.**) и секретаря ЦК КПСС Хрущева, М. Гонджуа снова, уже в 1956 году, обращается лично к Никите Сергеевичу, как главе партии и государства. Завидное упорство, заметим, со стороны скромного коммуниста и депутата горсовета. Одной из причин, подвигнувшей автора обратиться в ЦК КПСС, стало, как он сам и формулирует, «националистическое антисоветское выступление в Грузии под флагом Дня памяти И. В. Сталина 05.09.1956 г., которое было организовано еще почти нетронутыми охвостьями Берия. И направлено оно было против исторических решений XX съезда КПСС, против коллективного руководства Ленинского ЦК КПСС, благодаря попустительству партийных органов, в первую очередь ЦК КП Грузии и органов Госбезопасности Грузии».

И далее автор письма подвергает нелицеприятной критике руководство Грузии, которое, по его словам, не справляется с выполнением директив Москвы, или же просто не желает их исполнять. И объясняет это так: «Новое руководство ЦК КП Грузии и местные партийные организации, после разоблачения матерого агента империализма Берия (клише, запущенное партийными идеологами

центра. – **В. Ч.**), на мой взгляд, должны были обратить особое внимание на изгнание с руководящих постов его партийного, советского, хозяйственного и прочего охвостья. И, укрепив эти организаций честными, проверенными, и в первую очередь местными кадрами, вести решительную борьбу по ликвидации ранее имевшего место грубого извращения политики партии, в частности, в Абхазской АССР. Мероприятия по ликвидации последствий антипартийной шовинистической политики прежнего руководства ЦК КП Грузии носят чисто формальный характер. По существу, новое руководство ЦК КП Грузии от старого метода не сумело отойти».

Объемное цитирование этого письма служит весьма, на наш взгляд, важной цели – показать, что на передовой разоблачения политики репрессий, имевших место во всех сферах абхазской республики, находились, наряду с видными представителями элиты, и рядовые члены абхазского общества. Обращения и письма таких личностей, как, скажем, М. Гонджуа, также отличались смелой и довольно логичной аргументацией, насыщенностью убедительными фактами, постановкой задач, которые требовали безотлагательного решения. Вот от этого, как раз, несмотря на настойчивость в этом вопросе Москвы, Тбилиси уклонялся всячески, саботируя, выходит, выполнение поставленных ему центром задач.

О том и пишет Н. Хрущеву рядовой коммунист из Абхазии, напоминая лидеру партии и государства, что грузинское ЦК по существу игнорирует его указания. Так, М. Гонджуа сообщает о том, что «ЦК КП Грузии всячески сопротивлялся проведению в жизнь каких-либо серьезных мероприятий, определенных решением Июньского Пленума ЦК КПСС (постановлением, принятым в 1956 году «О преодолении культа личности и его последствий». – **В. Ч.**). Например, по линии народного образования, по восстановлению абхазских школ, выдвижению местных кадров, переименованию и пересмотру названий многих местностей Абхазии. Все это носило характер половинчатых решений, и таково же было их выполнение», – заключает автор письма. Подчеркивая и такую деталь, весьма характерную для грузинского ЦК во все времена, он сообщает следующее: «Было даже так, что ЦК КП Грузии, принимая решения по ряду вопросов, сам же потом игнорировал эти свои решения, например, по вопросу представления помещений для абхазских школ, выдвижению местных кадров и по ряду других вопросов».

Удивляет, а вместе с тем и восхищает гражданская принципиальность автора письма, когда он открыто, без всякой ретуши, характеризует в описываемое им время еще действующих во власти ставленников Л. Берия. Редкое, прямо скажем, явление для того переломного момента в жизни советского общества и государства, а уж в провинциальной Абхазии – и подавно. Это же надо иметь мужество, чтобы сообщать на самый верх столь негативные факты. О том, например, что «ЦК и Абхазобком партии по многим вопросам неправильно информировали отдельных работников ЦК КПСС, и потому вопросы разрешались также неправильно. Это – вопросы школьные, о проявлениях национализма на практике, греческий вопрос, о выдвижении местных абхазских кадров и многие другие. По всем этим животрепещущим вопросам, требующим немедленного пересмотра, по существу, остались в силе решения, принятые старым авантюристическим руководством ЦК КП Грузии – Берия, Чарквиани, Мгеладзе и др., что вызывает законное возмущение граждан негрузинской национальности. Дела бериевцев прославляются с целью создать впечатление, что при Берия и его провокаторах Мгеладзе и других было лучше».

Ниже автор письма на конкретных примерах из партийно-советской практики Тбилиси убедительно показывает преемственную связь политики прошлого с настоящей действительностью 50-х годов. В этом плане М. Гонджуа совершенно точно отражает реалии, чему он является непосредственным свидетелем. Он, к примеру, пишет: «Чтобы сохранить старые порядки в Абхазии, ЦК КП Грузии направляют в Абхазию на руководящую партийную и советскую работу воспитанники старого руководства ЦК КП Грузии, или воспитанники их охвостьев». Затем перечисляет тех номенклатурных работников, бывших ставленников режима Берия, и все еще продолжавших свою деятельность на ключевых постах автономной республики, также в ЦК компартии Грузии. Это – «бывший первый секретарь Абхазобкома партии (ныне зав. промышленным отделом ЦК) Гегешидзе Г. А., нынешний 2-й секретарь Абхазобкома Бондарев, председатель КГБ при Совете Министров Абхазии Кавтарадзе, секретарь Сухумского Горкома КП Грузии Чиковани и другие»¹.

¹ Игорь Марыхуба. Московские архивные документы об Абхазии XX века. Сухум – 2008. С. 86 – 98.

В письме освещаются и некоторые другие факты и события, которые, несомненно, заинтересуют исследователей того мрачного периода в жизни нашего народа. Думается, стоило бы также привлечь внимание средств информации к этому рассекреченному в наше время документу и сделать его, приобщив сюда биографию автора – незаурядной личности минувшей эпохи, достоянием широкой общественности.

Интересен, на наш взгляд, и такой факт того периода. Во многих документах, обращениях и докладах, в том числе и в письме Гонджуа, наряду с отъявленными ставленниками Берия в Абхазии, называется имя секретаря по идеологии Абхазского обкома партии Тускадзе. Дело в том, что он считал себя этническим абхазом, так, видимо, и отмечался в анкетах. Но иного мнения о нем был самый одиозный приспешник Берия, в свое время возглавлявший Абхазский обком партии А. Мгеладзе. Любопытна его характеристика, которую он дает в письме И. В. Сталину уже в качестве первого секретаря ЦК Компартии Грузии своим подопечным чиновникам – абхазам. Обосновывая перевод обучения абхазских учащихся на грузинский язык, Мгеладзе, в частности, пишет: «После установления Советской власти высшее образование получили только те абхазы, которые окончили в Абхазии грузинскую или русскую средние школы, а затем продолжили образование на грузинском или русском языке в городах Тбилиси или Москве».

Далее он же отмечает: «Их тоже – единицы: это тов. Делба (председатель Совета Министров Абхазской АССР), тов. Ласуриа (министр юстиции), тов. Маргания (зам. министра госбезопасности), тов. Кемулариа (председатель Госплана), тов. Тускадзе (заместитель Председателя Совета Министров), тов. Хашба (секретарь Президиума Верховного Совета), тов. С. Аршба (доктор медицинских наук)».

И еще небольшой комментарий Мгеладзе: «Тов. Тускадзе считает себя абхазом, хотя он имеретинец, тов. Ласуриа тоже считается абхазом, хотя он мегрел. Таких считающих себя абхазами людей в Абхазии немало», – с досадой констатировал Мгеладзе¹.

¹ Совершенно секретно: докладная записка секретаря ЦК Компартии Грузии А. Мгеладзе Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) И. В. Сталину о проблеме Абхазии. 4 декабря 1952 года, г. Тбилиси. Грузинформ, 27 ноября.

Такая вот оценка персон из абхазского правительства той поры. Ничего не скажешь, и тут веет махровым национализмом от первого лица Грузии: мол, хоть разбейтесь в лепешку, а веры вам все равно нет, коль не записались грузинами.

И тем не менее, будучи опубликованными через десятилетия, эти материалы, как и письмо Гонджуа, реально, из первых рук, освещавшие значительный жизненный пласт абхазского народа и перипетии его государственности, также являлись крупными публицистическими произведениями, внесшими ценный вклад в познании исторических событий и фактов того периода.

Таким было преддверие 60-х и 70-х годов, которое оказалось своеобразным связующим звеном между разными временными отрезками абхазской истории, и, соответственно, отечественной публицистики.

Наступило новое время, но напряжение в абхазском обществе не спадало. Иной же раз, через определенные промежутки, общественно-политическая ситуация вновь обострялась протестными выступлениями абхазского населения против ползучего грузинского шовинизма, основная цель которого – продолжение политики и практики освоения страны абхазов уже в новых условиях. То есть задачи агрессивного грузинского национализма оставались прежними, изменились лишь формы и методы их реализации. Ведь теперь не было Сталина и Берия – главных идеологов и организаторов силовой политики по демонтажу абхазской государственности и ассимиляции народа, что происходило в известный период путем репрессий и прямого геноцида. Опасность ныне заключалась в том, что освоение абхазской территории Тбилиси осуществлял в скрытой форме – путем экономической и демографической экспансий, и, что осложняло абхазское сопротивление, при соглашательской позиции центральных властей. Устоявшиеся партийные догмы, особенно в области национальных отношений, также и советская практика сожительства народов, обустроенная еще со времени Сталина, становились преградой на пути борьбы абхазов за свое национальное достоинство, за право жить на равных со всеми народами Советской страны.

Надо отметить и то, что, несмотря на определенные подвижки по раскрепощению общественной жизни общества в период от-

тепели, со второй половины 60-х, с приходом во власть команды Брежнева и Суслова, вновь стали, образно говоря, закручиваться гайки в области идеологии. Ужесточался контроль, окончательно заглушивший ростки свободы слова: органы печати, радио и телевидение работали под опекой партийных комитетов. В ту пору, отмечу как непосредственный свидетель тому, деятельность партийно-советской журналистики была регламентирована, а тематика выступлений редакций находилась под постоянным контролем партийных организаций, выступавших в качестве издателей и кураторов органов печати, радио и телевидения. Таким образом, в средствах информации того периода исключительно редкими становились публикации, отмечавшие насущные проблемы и «болевы точки» абхазского общества. В стране победившего социализма и всеобщего национального мира говорить о межнациональных противоречиях, и тем более сообщать о поползновениях грузинского шовинизма, считалось нонсенсом, действием, не совместимым с советской действительностью. За это, правда, уже к стенке не ставили, даже не ссылали в дальние веси, но можно было поплатиться партийным билетом, работой и прочими неудобствами в дальнейшей жизни.

И тем не менее публицистика все же существовала, но она была ограничена освещением проблем советских реалий, в которых действующими лицами или персонажами являлись строители новых социалистических отношений, как в городе, так и в деревне. И там ведь были свои коллизии, проблемы, успехи, нерешенные задачи, о которых журналист и писатель имел полное право сообщать обществу, разумеется, в рамках содержания, дозволенного властью имущими. В этом плане официальные средства информации, после гибели Н. Лакоба, так и не стали реальной поддержкой в борьбе абхазов за свои права и интересы. А зачастую, подневольно, конечно, выступали проводниками идеологии и практики грузинского махрового шовинизма. Все это и обусловило в дальнейшем образование печати нового типа – средств информации, разделявших идеи национально-освободительного движения. Но это было позже.

И все же, в период правления Л. И. Брежнева, названного временем развитого социализма, происходило становление абхазского общества, крепла его авангардная часть – творческая и научная

интеллигенция, возглавившая борьбу народа за расширение прав абхазов в рамках советской системы, а позже, вне лона Грузинской ССР. На партийных активах и пленумах, собраниях общественности, в печати, на телевидении и радио периодически выступали абхазские писатели, ученые, общественные деятели, пропагандировавшие достижения абхазской культуры и научной мысли. Публицисты той поры освещали проблемы культуры и истории народа, пути дальнейшего развития духовной жизни абхазов. В этих произведениях авторы отмечали определенные успехи и положительные явления в жизни абхазского общества, но так же подчеркивали то, что тормозило продвижение вперед к тому, чтобы выровняться с теми народами СССР, имевшими в ту пору лучшие показатели в различных областях жизни. Развитие процессов экономики, культуры и науки в абхазской автономии происходило явно невысокими темпами. На то были причины, о чем говорилось выше: репрессии, связанные с большими человеческими потерями, культурно-духовный геноцид, демографическая экспансия и прочие «задумки», направленные на ликвидацию народа и абхазской государственности. Сказать о том прямо на страницах партийно-советской печати – было делом практически невозможным. Средства информации абхазской республики были подконтрольны идеологическим органам и спецслужбам грузинской метрополии. И посему не допускали «инакомыслия» на страницах газет, в программах радио и телевидения, идущих в разрез с «великодержавной» политикой Тбилиси. Но находились иные формы выражения собственного мнения по проблемам, беспокоившим абхазское общество. Например, таким способом, как это сделал абхазский поэт Алексей Джонуа.

Редким по смелости и остроте, надо сказать, по тем временам было выступление председателя Союза писателей Абхазии А. Н. Джонуа на республиканской партийной конференции во второй половине 80-х годов 20-го века. Он открыто, без ретуши, говорил ответственным работникам о том, что рецидивы прошлых негативных явлений имеют место в автономной республике и после осуждения «культы личности», и что это свидетельство того, что так и не были изжиты в абхазском обществе результаты преступлений против абхазского народа. Забегая вперед, отмечу, что Алексей Несторович, понимая, что сказанное им не будет опубликовано в партийной пе-

чати, текст выступления передал мне, как работнику идеологического отдела обкома партии. И вот теперь, отдавая дань поступку этого мужественного человека, прошедшего, кстати, Великую Отечественную войну, полагаю, что будет верным подробно осветить яркую и смелую речь талантливого публициста, поэта и писателя.

...Это было время грузино-абхазского противостояния. До прямых столкновений еще не доходило, но политическая атмосфера с каждым днем становилась все более напряженной. Если в семидесятых годах на абхазское протестное движение грузинские массы особо не реагировали, то теперь, под воздействием неформальных организаций, с одной стороны, и при негласной поддержке официальных властей – с другой, грузинская община, ведомая экстремистски настроенной элитой, явно вступала на «тропу войны» с абхазами.

В такой обстановке, взойдя на партийную трибуну, А. Джонуа, неожиданно для руководящих партийных и советских работников, сразу, как говорится, взяв быка за рога, заговорил о самых болезненных для абхазов проблемах: «Коснусь некоторых вопросов, связанных с развитием национальной культуры абхазского народа, – так начал он. И продолжил: – Ее завоевания велики и бесспорны. Думаю, однако, не ошибусь, если скажу, что в этом важном для нас деле существует немало нерешенных вопросов, уже много лет волнующих наших граждан, с полным осознанием своей ответственности выступающих за дальнейшее укрепление основ, обеспечивающих гармоничное развитие абхазской социалистической нации».

Мы – партработники абхазы, сидевшие в зале, насторожились: только, что выступал директор АБИГИ им. Д. И. Гулиа, доктор исторических наук В. Г. Ардзинба, выступление которого, направленное против грузинских фальсификаторов абхазской истории, привело в замешательство партийно-советскую аудиторию конференции. Так неужели будет продолжение темы? – задавались вопросом, полагаю, не только мы – абхазы, но и, удрученные уже услышанным недавно, грузинские партийцы.

Так оно и оказалось. Алексей Несторович, получалось, что продолжил линию Ардзинба, раз за разом перечисляя абхазские болевые точки. Так, он подчеркивал, что «речь идет, прежде всего, о кардинальном упорядочении статуса автономной республики, ста-

туса абхазского языка как одного из трех государственных наших языков, об улучшении его изучения в детских садах, школах, других учебных заведениях, его научной разработке с соблюдением его норм в издательской, культурно - просветительской и другой практике». Постановка проблемы абхазского языка А. Джонуа была актуальной в том плане, что в ту пору Тбилиси вовсю пытался внедрить делопроизводство в Абхазии на грузинском языке. И лидер абхазских писателей давал знать, что «больше внимания должно уделяться в республике языку коренного народа, а это было возможно при соблюдении его статуса как полноправного государственного языка». А он ведь не столь давно был репрессирован, переведен на грузинскую графическую основу, тем самым языку был нанесен большой ущерб, ощутимый и десятилетиями позднее.

Злонамеренно поступили в те лихие времена и с абхазской топонимикой, сплошь, без всякого на то основания, замененной на грузинские названия. И о том звучала на конференции справедливая критика, касавшаяся грузинских верхов, коих мало заботило исправление всего того, что сотворили их предшественники. Такая постановка проблемы вызвала, что было видно воочию, оживление в абхазской части аудитории, как удивление и недовольство грузинских функционеров. Оратор тем временем продолжил развивать свое выступление. И таким образом: «Другой вопрос давно, как говорится, набивший оскомину, топонимика. Речь об этих изменениях идет годами, но практически почти ничего не решается. Больше десяти лет тому назад была создана представительная комиссия по этому вопросу. Но об осуществлении выдвинутых ею предложений ничего не слышно. Конечно, мы прекрасно понимаем, что дело это требует большой взвешенности, осмотрительности. Но надо когда-нибудь начать эту работу. Ведь волнующие людей вопросы повисли в воздухе. И чем скорее этот вопрос решится, тем лучше. Эти исторические названия сохранили махаджиры, даже живущие в Турции на чужбине. Там есть названия: Дал и Цабал, Лата и Цандрипш, Джгерда и Члоу. Это лишний раз подтверждает живучесть, а может быть, и вечную жизнь в сердце человека, тоскующего по родине со своими историческими исконными названиями. Так, давайте рассуждать здраво, смело решать эти вопросы, ибо, рано или поздно, все равно воскреснут эти названия».

Ну, прямо-таки, словно в воду смотрел умудренный годами мастер слова. Правда, Алексею Несторовичу не довелось дожить до того времени, когда, по его же словам, «воскресли» исконные абхазские названия, а те, кто противились тому, отправились на исконную родину – Сакартвело.

Затронул тогда и еще один болезненный вопрос Алексей Несторович, что также не могло не задеть участников конференции, как абхазов, так и грузин. Ведь речь шла об ассимилированных волевым путем (произвольной заменой паспортов с прописанной заранее национальностью «грузин») в 30-х годах самурзаканских абхазах. По этому поводу А. Джонуа, напомнив об абхазских корнях десятков тысяч самурзаканцев, призвал принять следующие меры: «Исходя из сельского календаря переписи 1922 года в Самурзаканском уезде, т. е. в сегодняшнем Гальском районе, только в сельской местности проживало 30 тысяч абхазцев, – констатировал он. – Однако сегодня их нет по известным причинам. Хотя бы из уважения к тогдашнему 36-тысячному населению абхазцев Самурзаканского уезда определили бы одного – двух работников (имеется в виду из числа абхазов. – **В. Ч.**) в руководящем составе сегодняшнего Гальского района. Такое же желание и в Сухумском районе. Надо ли думать об этом? Да, надо...», – твердо, с нажимом, говорил о том оратор.

Еще один щепетильный вопрос поднял глава абхазских писателей. Он выступил и в защиту русского языка, который в ту пору сильно мешал грузинским шовинистам проводить эффективно политику огрузинивания в Абхазии. И начиная разговор о том, А. Джонуа не преминул упомянуть, что корни этой проблемы находятся в самой Грузии. Начал свою речь таким манером: «Нас волнует еще один вопрос. Это вопрос о том, что некоторые товарищи говорят, якобы русский язык становится слишком господствующим языком в Грузии, особенно в Абхазии, и что русские школы притесняют или вытесняют национальные школы. Русский язык вовсе не нуждается в защите Джонуа или кого-либо другого. Он всегда может себя защитить. Здесь надо понять другое. В нашем большем государственном многонациональном составе должен быть один общий язык, после родного языка вторым языком, языком общения и взаимопонимания, языком дружбы и братства. Он должен быть и для грузина, и для абхазца, и для армянина, и для осетина...».

Затем Алексей Несторович приводит факты агрессивной, националистической идеологии, исходившие от его грузинских «коллег»-писателей, публицистика которых в ту пору изобиловала антиабхазскими выпадами. Отмечая, что «публицистика сегодня становится подлинным выразителем общественного мнения», он также задается вопросом: «Но выражают ли общественное мнение некоторые статьи, преподнесенные читателям?». И сам же однозначно отвечает: «Нет, далеко не выражают. Я имею в виду статью Тариэла Кванчилашвили «Что будет потом» в «Литературули Сакартвело» от 30. 09. 88 года, статью под названием «Из архивного сундука» Александра Барамидзе в той же газете от 14 октября 1988 года, статью Аполлона Силагадзе «А затем разберитесь изнутри...».

По поводу же статьи известного грузинского писателя Г. Панджикидзе («Литературули Сакартвело», 28 октября 1988 г.) оратор отмечал следующее: «Я имею в виду статью, где сказано: «Не в Тбилиси родился Берия. Так за что же он обрушился на тбилисцев, вообще на грузин? Он, мне кажется, уничтожил столько грузин, сколько нет абхазцев в целом...». Что могут дать такие статьи с такими суждениями? Кроме вреда, ничего! Эти статьи не способствуют оздоровлению атмосферы, а только дают отрицательную реакцию, вызывают недовольство. И редакторы этих газет остаются ненаказанными, видимо, газеты эти превращены в их собственность».

Лидер абхазских литераторов завершал свое выступление на партийной конференции далеко не на оптимистической ноте, как это было свойственно на политических мероприятиях того времени. Он клеймил шовинизм и экстремизм, ясное дело, в то время исходивший из недр грузинской метрополии. Все участники партийного форума выслушали Алексея Несторовича в глубоком молчании, понимая, о ком ведет речь ветеран абхазской словесности. А. Джонуа говорил, возвысив голос, словно предупреждая о грядущей катастрофе такими словами: «Жизнь убедительно показывает, в какие тупики махрового мракобесия и изуверства могут завести такие проявления. Носители подобных настроений не могут быть действительными представителями той или иной нации. Зачастую они выступают под обманными лозунгами и желтыми флагами с черными крестами (атрибутика ненавистной абхазам меньшевистской Грузии. – **В. Ч.**). Я имею в виду никем не санкционированные митинги в г. Кутаиси и Сухуми...».

Разумные призывы к грузинской части населения Абхазии одуматься и не следовать экстремистским призывам сородичей из метрополии, как известно, в ту пору и в дальнейшем не оказали особого влияния. Реалии оказались таковыми, что все стремительно вело к той катастрофе, о которой предупреждал мудрый абхаз, поэт и гражданин Алексей Несторович Джонуа.

В ту пору (в 60–70-х годах прошлого столетия) активным публицистом, часто выступавшим на страницах различных газет и журналов, был Г. А. Дзидзария. Его статьи, очерки, заметки, рассказывали о выдающихся абхазских деятелях, как правило, находившихся в прошлом и настоящем на острие борьбы за свободу народа, представителей науки и культуры, являвшихся первыми просвещенцами и подвижниками в деле становления образования и культурного строительства в абхазской среде. Только в первой половине 60-х годов Георгий Алексеевич опубликовал большое число материалов, содержащих в себе значительный заряд общественно-политической и научной значимости. Диапазон его сотрудничества со средствами информации был весьма широк: это печать Абхазии, Грузии, центральные газеты.

Так, в газете «Известия» (5. 05. 1963 г.), в редакциях грузинских газет «Заря Востока», «Коммунисти» (30. 04. 1963 г.) были опубликованы материалы, посвященные выдающемуся государственному деятелю, главе абхазской советской республики Н. А. Лакоба. Статьи, рассказывавшие о деятельности замечательного абхазского публициста, видного деятеля абхазской науки и культуры, основателя и первого руководителя Абхазского Народного Совета Симона Басариа были напечатаны в журнале «Алашара» (№2, 1965 г. – на абх. яз.), в газетах «Советская Абхазия», «Апсны», «Сабчота Абхазети» (4. 04. 1965 г.). Первому руководителю Советской Абхазии Ефрему Эшба посвящалась статья, опубликованная в газете «Заря Востока» (20. 03. 1968 г.). В том же году Г. Дзидзария (совместно с В. Пачулия), в «Советской Абхазии» (08. 05. 1968 г.) был напечатан материал под заголовком «Бережь памятники культуры».

Весьма плодотворными в плане публицистической деятельности Георгия Алексеевича были и 70-е годы минувшего столетия. В тот же период выдающийся ученый опубликовал свой основополагающий труд по истории Абхазии и Кавказа «Махаджирство и

проблемы истории Абхазии XIX столетия». Также увидело свет его крупнейшее исследование «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции».

Одновременно с созданием капитальных исследований по истории абхазского народа, Г. Дзидзария писал в различные газеты и журналы научные и публицистические статьи и очерки, выступал в качестве редактора большего числа исследований, выходявших в Абхазии. Так, в отмеченном периоде им опубликованы такие заметные и общественно значимые материалы: очерк «Из истории абхазской интеллигенции XIX века» (журнал «Алашара», №11, 1971 г.), публикация, освещавшая роль военизированной крестьянской организации «Киараз» в национально-освободительном движении абхазского народа (газета «Апсны капш», 05. 02. 1971 г.). А также статьи: «В борьбе за власть Советов» (газета «Бзыбь», 03. 03. 1973 г.), «Ученые Абхазии – народному хозяйству» («Советская Абхазия», 28. 03. 1972 г.), «Советская автономия и ее сущность» (газета «Советская Абхазия», 15. 07. 1977.). Ряд выступлений Г. Дзидзария в печати посвящался видным ученым, общественным деятелям и публицистам М. К. Маргания («Исследователь Востока», газета «Советская Абхазия», 13. 06. 1978 г.), А. М. Эмухвари («Педагог, публицист, краевед», газета «Советская Абхазия», 19. 09. 1978.), «О ранней публицистике С.Я. Чанба» («Советская Абхазия», 18. 07. 1978 г.) и многие другие.

В научной и публицистической деятельности Георгия Алексеевича важное место занимают исследования и воспоминания о Д. И. Гулиа, его выдающейся роли в качестве основателя абхазской словесности, внесшего огромный вклад в культурное и духовное возрождение абхазов, в приобщении народа к передовым процессам, активно проходившим в мировом цивилизационном русле. В то же время, публицистика ученого отличается показом не только больших свершений Дмитрия Иосифовича, но также сообщением о его внутреннем мироощущении, о его человечности и простоте, умении находить контакты с людьми, как науки и творчества, так и с простыми тружениками.

Возьмем, к примеру, его очерк «Незабываемые встречи», посвященный 100-летию со дня рождения неустанного подвижника абхазского просвещения и культуры Д. И. Гулиа. Просто, в то же

время доходчиво и завлекательно приступает он к раскрытию образа и значения патриарха абхазской культуры и литературы. На собственном примере передает Дзидзария свое изначальное ощущение влияния личности Гулиа: «Мне сейчас трудно припомнить, когда я впервые услышал о Дмитрие Иосифовиче Гулиа. Его стихи я впитал с молоком матери, с первыми словами, произнесенными на языке моего родного народа. Кто из моих современников в молодые годы не твердил сатирические строки:

Мне нравится Ходжан Большой;
Хозяйство, дом, чулан большой,
Битком набит карман большой,
Сам спесью обуян большой».

И вот совсем юный Дзидзария сталкивается, как ему представляется, почти с персонажем этих самых строк, о котором он вспоминает так: «Как-то меня, мальчика, на гудаутском базаре обсчитал торгаш. Возмущенный его наглостью, я гневно выпалил: «Ходжанду ты, больше никто!». Позже я узнал, что эти стихи, которые стали народными, написал Дмитрий Гулиа».

Таким образом, получалось, что в среде народа известны были образы и персонажи, верно списанные поэтом из гущи жизни, а затем талантливо отображенные в литературной форме. Его литературных персонажей знали, а вот сам он лично не был знаком всем. В том, как это водится, и заключается незаурядность творческой личности, ее близость и неразрывное единство с чаяниями и помыслами общества. Не был знаком также и молодой Дзидзария с Дмитрием Иосифовичем в годы учебы, в то время, когда Гулиа уже был маститым литератором и большим деятелем культурной и духовной жизни абхазского общества. И в один раз эта встреча, вызвавшая сложные чувства, все-таки состоялась. О ней Георгий Алексеевич пишет так: «Впервые я увидел Д. И. Гулиа в 1929 году, будучи учеником сухумской школы-интерната имени Н. А. Лакоба. Встреча с поэтом меня поначалу разочаровала: вместо исполина, каким он мне всегда казался, я вдруг увидел человека небольшого роста, совсем обыкновенного. И каково было мое удивление, когда я заметил, с каким огромным уважением наш строгий директор Кондрат

Федорович Дзидзария, перед которым мы прямо-таки трепетали, обращается к этому «совсем обыкновенному» человеку!».

Тепло повествует Г. Дзидзария о совместной работе с Д. И. Гулиа в стенах Абхазского научно-исследовательского института. Тогда, в 1939 году будущий корифей абхазской исторической науки только начинал свою исследовательскую деятельность. После завершения учебы в Московском институте истории, философии и литературы, он был направлен в Сухум, в Абхазский НИИ, которым руководил в то время крупный просветитель и общественный деятель А. М. Чочуа. О том времени Г. А. Дзидзария вспоминал следующее: «И вот волею судьбы я стал коллегой Д. И. Гулиа. Однажды Дмитрий Иосифович неслышно вошел в кабинет историков и подсел ко мне. Сердце мое тревожно затрепетало. Но я тотчас успокоился, почувствовав дружелюбие собеседника. Он осведомился о моих научных интересах, дал совет, который я запомнил на всю жизнь, – прежде всего надо накопить фактический материал, искать и искать – в книгах, в архивах...».

Интересна также и оценка Дмитрием Иосифовичем своих современников – видных деятелей общественно-политической жизни, культуры и науки той поры, оставивших заметный след в истории Абхазии. О том Гулиа, по всему не раз делился с Георгием Алексеевичем, о чем Дзидзария и сообщает читателям. Он отмечал: «Д. Гулиа часто подчеркивал, что он не был одиноким на столбовой дорожке становления новой абхазской культуры. Он высоко отзывался о многих представителях абхазской интеллигенции старшего поколения: С. Я. Чанба, А. М. Чочуа, Д. Г. Аджамове, А. И. Чукбаре, С. М. Ашхацава, С. П. Басариа и др. Д. Гулиа отдавал должное и плодотворной деятельности в Абхазии К. Д. Мачавариани, Н. С. Джанашия, П. Г. Чарая и других прогрессивных грузинских просветителей».

В очерке приводились примеры того, как строились взаимоотношения Д. И. Гулиа с молодыми учеными, с теми из них, кто нуждался в помощи и квалифицированном совете. Г. Дзидзария пишет о том, основываясь на личном примере. И приводит такой случай: ему предстояло выбрать тему для научного исследования – дело оказалось трудным. Тогда, говорит он, «обращаюсь к Дмитрию Иосифовичу, который для нас, молодых научных работников, всегда оставался наставником и универсальным советчиком. Слушал меня

Д. И. Гулиа предельно внимательно. Когда я рассказал о своей давно вынашиваемой мечте исследовать историю Лыхненского восстания, он даже засиял и горячо посоветовал безотлагательно заняться этой темой.

– Только вот что, – говорил он. – Лыхненское восстание... это все-таки всеабхазское... Кстати, разыщи мою запись одного сказания об этом восстании. Может, пригодится.

Словом, Д. И. Гулиа сам увлекся. Я был удивлен, что он так много знает об этом историческом восстании».

Надо отметить, что довольно скоро просьбу Гулиа не затягивать с работой по тому исследованию молодой ученый выполнил. Не забыл он и того, кто, горячо поддержав его, давал ему также и ценные советы. Георгий Алексеевич по этому поводу в очерке отмечал: «В 1955 году вышла моя монография «Восстание 1866 года в Абхазии. Естественно, первый экземпляр книги был преподнесен Дмитрию Иосифовичу. Принимая ее, он сказал шутливым тоном: «Чтобы твою следующую книгу мне трудно было поднять не из-за моей немощности, а из-за ее тяжести и мудрости».

Д. Гулиа, как известно, любил острое слово, юмор и шутку. Вспоминал о том и Георгий Алексеевич: «Однажды кто-то спросил Д. И. Гулиа, за какой такой грех подверглась жесткой критике книга одного близкого ему человека. Дмитрий Иосифович, хитро покрутив свои седые пышные усы, словно пытаясь выжать из них самый меткий ответ, произнес:

– Видите ли, книга, в общем, хорошая, но сказали, что надо было написать еще лучше. Что ж, это верно. Очень верно.

Д. И. Гулиа постоянно носил с собой кепку, хотя почти никогда не надевал ее. Он сравнивал ее с некоторыми людьми, от которых нет большой пользы, но без которых, кажется, жить невозможно».

Отмечая последние годы жизни Д. И. Гулиа, автор очерка, полагаем, одного из лучших в ряду публицистических произведений о выдающемся деятеле абхазской литературы, науки и образования, сообщал, что, несмотря на преклонный возраст Дмитрия Иосифовича, он «по-прежнему работает вдохновенно. По-прежнему многогранно его творчество, широк круг занятий...

...Поражали не только неиссякаемая энергия Д. Гулиа, но и его чрезвычайная организованность, самодисциплина и точность...

Д. Гулиа отличался также внешней опрятностью и подтянутостью. Ему, например, очень шел всегда безукоризненно выглаженный летний белый костюм со светлым галстуком. А в молодости, как он сам вспоминал, он любил носить черкеску и все атрибуты к ней – кинжал, шашку и... револьвер».

Г. Дзидзария, завершая свои очерковые заметки высоким пассажем, выпукло отражающим главные личные качества патриарха, на чем зиждились мировоззрение, смысл и цель всей его жизни, общал: «Д. И. Гулиа был патриотом в самом высоком смысле этого слова. Истинным интернационалистом. В этом духе он неизменно воспитывал и окружающих людей. Когда я прохожу мимо памятника Д. И. Гулиа (мог ли подумать великий абхазский историк о том, что грузины способны оскорбить память патриарха. – **В. Ч.**), воздвигнутого в одном из живописных уголков Сухума, мне кажется, что мудрый старец продолжает думать о будущем родного народа. Памятник, по-моему, прекрасен. И мне хочется, чтобы на гранитной глыбе был также высечен корабль, который, рассекая волны, стремительно несется вперед»¹.

Как уже отмечалось, Георгий Алексеевич Дзидзария публиковался и в российских средствах информации. Так, в «Литературной газете» им, совместно с Ш. Инал-ипа и М. Трапш, была опубликована статья под заголовком «Майкопская находка», рассказавшая о том, как была открыта древнейшая письменность на Кавказе известным русским ученым – эпиграфистом Георгием Федоровичем Турчаниновым. Авторы публикации сообщали, что после дешифровки Майкопской плиты, ученый приходит к выводу, что это древне абхазское (ашуйское) письмо. В труде под названием «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа» Г. Ф. Турчанинов отмечал, что древнее абхазское письмо охватывает по времени огромный период – с середины III тыс. до н. э. (энеолит) по IV – V вв. н. э. (время поздней античности). И заключал: «Ни один из народов Кавказа не обладал в прошлом письменностью такой давности и в таком количестве столь древних памятников. Самые старые памятники государства Урарту датируются IX в. до

¹ Газета «Советская Абхазия», 25 января 1974 года. // Диалог времен. Альманах №1. История. Традиций. Культура. Сухум - 2016. С. 62 – 68.

н. э., самые ранние памятники армянской письменности восходят к IV в., а грузинской к V в. н. э.»¹.

Это обстоятельство – открытие более древнего памятника абхазского письма, нежели время зарождения грузинского письма, стало камнем преткновения в деле издания исследовательского труда ученого, пролежавшего в одном из центральных издательств Советской страны более 30 лет. В связи с препонами к изданию, создаваемыми грузинскими властями, исследователь вынужден был обратиться с письмом к первому секретарю Абхазского обкома партии, но грузинское влияние тогда обойти не удалось. И только после войны, при спонсорской поддержке В. Абазы и В. Кецаба, книга Г. Ф. Турчанинова увидела свет в 1999 году. И потому надо отдать должное публикации Г. Дзидзария и его коллег, которые посредством огромного тиража «Литературной газеты» и ее авторитета, невзирая на недовольство Тбилиси, способствовали популяризации столь важного открытия в среде советской общественности.

Кстати, этой теме посвящалось также выступление в печати известного писателя и публициста, члена редколлегии «ЛГ», Георгия Дмитриевича Гулиа. Ровно через год после отмеченной выше публикации, видимо, с целью напомнить о столь важном научном открытии, как древняя абхазская письменность, Гулиа публикует в популярном и большом тиражном издании – журнале «Техника – молодежи» (№11, 1964 г., с. 9.) свои заметки под заголовком «Вестник из далекого детства».

Излагая суть события привлекательным научно-популярным языком, автор представил читателям объемную картину знаменательного открытия ученого, невидимыми нитями – «странными письменами» – соединенными в некое целое древней Финикии и современной Абхазии. По этому поводу Гулиа писал: «Г. Ф. Турчанинов определил, что большинство знаков соответствует так называемому библскому псевдоиероглифическому письму и читается справа налево... Библ – древний город теперь не существующей Финикии. Далее автор повествует о том, как автор «попытался прочесть надпись по-финикийски, и это было вполне естественно: ведь

¹ Г. Ф. Турчанинов. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. Институт языкознания Российской Академии Наук. Московский исследовательский центр абхазоведения. Москва – 1999. С. 18.

письмена-то библские! И ничего не получилось. Затем он предположил, что, поскольку плита была найдена в Майкопе, в Адыгее, ее можно прочесть на адыгейском.

Но тоже никаких результатов! Тогда ученый рассудил так: известно из истории, что на юг от древней Адыгеи, включая саму Адыгею, простиралось сильное Колхидское царство с административным центром в древней Абхазии. Нельзя ли, подумал Г. Ф. Турчанинов, интерпретировать, то есть объяснить, майкопскую надпись по-абхазски? И тут результат изысканий оказался неожиданным: да, надпись читается по-абхазски, и ее с трудом, но понимают нынешние абхазцы. Свои выводы Г. Ф. Турчанинов доложил ученым ряда республик в Сухуми в 1962 году и подготовил для печати подробные научные изыскания о Майкопской плите (пролежавшие без движения, как отмечалось выше, несколько десятилетий. – **В. Ч.**).

В завершение публикации Г. Гулиа, отмечая главный смысл открытия Георгия Федоровича Турчанинова, заключал: «Уже и теперь можно утверждать, что перед нами – самая древняя письменность в Советском Союзе: написали ее в Колхиде колхидским письмом 3200 лет тому назад».

Абхазская публицистика того времени, в 60–80-е годы, в основном, основательно контролировалась партийно-советскими органами. Тематика ее была весьма далека от освещения настоящих реалий жизни современного абхазского общества. До принципиальной полемики с тбилисскими оппонентами по широкому кругу вопросов, в том числе по древней истории, самобытности и идентичности абхазов, на что часто происходили налеты грузинской ученой элиты, редко доходило дело. Абхазские средства массовой информации, в силу бесправия самой автономии, не могли позволить себе печатать публицистов, которые со всей принципиальностью отстаивали бы абхазскую точку зрения в дискуссиях с грузинскими авторами. И тем самым противостоять ползучему грузинскому экспансионизму. Может кто-то задастся вопросом – отчего, дескать, такое определение, в чем видится автору этих строк «экспансионизм», к тому же и «ползучий»? Ответ на то будет несложный: под этим словом толкуется «агрессивная политика распространения своего политического и экономического влияния на другие страны вплоть до насильственного захвата чужих территорий». А разве этого не было

в 1918 – 1921 годах при грузинских меньшевиках, прибравших к рукам тогда Абхазию? Это повторилось и в 1992 году агрессией Шеварднадзе. То же самое можно сказать и об обстановке 30-х и 40-х годов в Абхазии, когда здесь господствовал в откровенной форме грузинский террор под прикрытием Сталина и Берия. Не будем подробно повторяться, во что это вылилось тогда, лишь заметим кратко: у небольшого 60-тысячного народа были пущены в расход сотни человек из небольшой элиты, тысячи репрессированы и сосланы по лагерям Сибири и Казахстана. Отняли язык, школы, названия городов и сел, в целом покусились на идентичность народа и его государственность. Вместо всего этого силком внедряли только грузинское: язык, топонимику, образование, кадры, десятки тысяч переселенцев из «малоземельных районов Грузии». Оказывается, в маленькой Абхазии земли было больше, чем в 4-миллионной тогда Сакартвело. Это был форменный геноцид абхазского народа.

Прошло время. Сталин, вдохновитель всех бед абхазов, откинулся в мир иной. Берия, как самый близкий вождю палач, был расстрелян в военном бункере. Абхазы, каким-то чудом выскользнув из когтей этих двух вампиров, выжили, однако с большими потерями. О том хорошо знали и наверху, в Кремле. Но извечным несчастьем абхазов было соседство с Грузией, особенно в своей новейшей истории. Н. С. Хрущев пытался помочь абхазам, часто приезжал в Абхазию, поддерживал близкие отношения с партийным руководителем республики М. Бгажба, которого сам и определил на эту должность. Но обособиться от грузин было нелегко: мешали малочисленность абхазов и закостеневшая советская идеология по национальному вопросу. Того уже и Хрущев не мог поломать. Скоро, однако, и его сместили: предали близкие друзья, когда он отдыхал на Пицунде. Самым близким из них был старый большевик Анастас Микоян, переживший Сталина и Берия. Такие порядки и нравы были в норме в высшем партийном руководстве. Хорошо, что хоть в живых оставили Никиту Сергеевича.

Наступили 70-е годы. Тогда всех в стране убеждали, что советские люди живут в условиях зрелого социализма. Затем, спохватившись, ввели в оборот слово «развитого», поскольку появились как всегда остряки, и немало их оказалось, что непрочь были и позубоскалить. Мол, и вправду зрелый, а может, и перезрелый...

Но абхазам было не до шуток. Грузины опять наступали, не нагло, правда, без смертоубийства, как при Сталине и Берия. Однако в плановом порядке, методично и целенаправленно – в кадровых вопросах, экономике, демографии, языковой политике. Много, оставшееся в наследство от лихих годов, топонимика, например, все также было на «мертвой» точке. Нельзя сказать, что режим Л. И. Брежнева, то есть центр, ущемлял абхазов. Этого не было, но происходило при том иное: грузинское руководство, понимая, что былое кремлевское прикрытие уже отсутствует, проводило экспансионистскую политику освоения Абхазии в скрытой форме. Для этого было много способов: это стройки, фабрики и заводы, учебные заведения, сотни контор и организаций, дислоцированные на абхазской земле, а при них рабочие, студенты, аппаратные работники, разумеется, из числа приезжих грузин. Таким образом, снова копилась грузины в Абхазии не один год. Абхазы, конечно, протестовали, посылали письма и ходоков в Москву. Там их принимали, говорили по душам и... все оставалось по-старому. Только письма затем из центра пересылались в Тбилиси, а оттуда еще ниже – в Сухум. Что это, если не «ползучий» экспансионизм?

В то же время люди, даже из элиты, кто писал разные обращения и письма наверх, часто не представляли порочность бюрократической системы, которая, не будучи характерной для партийной массы, всецело была присуща аппарату партии. И в этом, думается, причина крушения КПСС и советской власти. В этой связи помнится мне случай, рассказанный одним старшим коллегой по обкому партии. Причем, сказывал мне о том человек, который, как говорят, по жизни и складу характера и муху не обидел бы. Но тем не менее взъелась на него одна дама преклонного возраста: жаловалась постоянно на то, что никакого криминала не составляло, по крайней мере, с точки зрения инструктора обкома. Обстоятельные разъяснения, причем неоднократные, энергичная не в меру жалобщица, не воспринимала. И, в конце концов, заявила: «Буду лично на вас жаловаться в Москву, в ЦК КПСС». Коллега мой опять попытался объяснить, мол, не стоит дело того, но, видя упорство собеседницы, развел руками: дескать, ваше право. Так и расстались, не договорившись. Прошел месяц или два. Однажды призывает секретарь обкома к себе моего товарища и

говорит: «Вот жалоба пришла сверху, вызови автора и разберись, как положено».

«И что было дальше», – спрашиваю, хотя сам уже догадываюсь о развязке «дела». – «А что могло быть?» – пожав плечами, продолжил свой рассказ коллега. – «Случилось то, что я и предполагал: ко мне пришла та самая жалоба, отписанная моей несговорчивой «клиенткой» в высокую инстанцию. Первая страница письма была вся испещрена, сверху до самого низа, автографами самых больших партийных начальников страны. Представь себе: ЦК КПСС отсылает жалобу ЦК КП Грузии, первому секретарю Шеварднадзе, тот отписывает то же самое секретарю по идеологии Енукидзе. Последний в свою очередь отправляет жалобу первому секретарю обкома Адлейба. Борис Викторович, как положено, направляет бумагу нашему шефу Бутба. Руфет Махтович вызывает меня и вручает жалобу, пояснив, что она на контроле. О том я уже говорил. И никто не обратил внимания, что в жалобе заявителя речь идет о моей персоне. Зато на той же странице, где значились имена столь высоких лиц, размашисто прописанной оказалась и моя фамилия. В том смысле, что мне поручено разобраться с этой самой жалобой. Пригласил я, значит, вскоре автора жалобы и без всякого вступления, просто вручил письмо, попросив внимательно прочесть первую страницу. Когда жалобщица, ознакомившись со всеми автографами, я следил за ее лицом, дошла до моей персоны, которой и вменялась в конечном итоге ответить на ее жалобу, изумлению ее не было предела. Посидев еще с минуту бездвигательно, она встала и заявила тихим, убитым голосом: «Терентий Михайлович, можете передать начальству, что отказываюсь от жалобы, также даю слово, что больше никогда не буду вас беспокоить». И действительно, после той встречи больше мы с ней не виделись».

Такова была система, прямо-таки на руку грузинам, и те ею пользовались так, как хотели – к своей выгоде. Центральное руководство им особо не мешало, в ту пору оно сквозь пальцы смотрело на бесценно красноречивую грузинскую республику, из года в год награждаемую за «успехи» в строительстве развитого социализма. Победы эти добывались за большую мзду, разумеется. Злые языки среди партработников той поры даже называли имя того самого добытчика этих знамен – Солико Хабеишвили, секретаря грузин-

ского ЦК и человека Шеварднадзе. И такое практиковали на самом верху. А на систематические вылазки грузин в Абхазии часто просто закрывали глаза.

И все равно, невзирая на грузинское влияние в высших партийных и советских верхах, абхазское протестное движение набирало силу. Особенно острой была реакция абхазской общественности на выпады грузинских ученых и публицистов – авторов псевдонаучных концепций и измышлений о происхождении народа, о том, что искони на территории Абхазии проживали грузинские племена, отрицая, тем самым, за абхазами их автохтонность на родине. Начиная с 1957 года, а также в 60-х и 70-х годах состоялось несколько мощных абхазских выступлений против дискредитации истории и культуры абхазов, и в целом грузинской колонизаторской политики в Абхазии.

Это было началом периода, названного по классификации историка И. Цушба восьмой экспансией Грузии против Абхазии, продолжительностью до 1988 года. «Началось все с идеологической диверсии в конце 60-х, – отмечал Иван Шаибович. – В 1967 году пустили яд: вышел в свет III том сочинений академика Н. Бердзенишвили (его издали после смерти автора), в который вошли статьи, голословно и бездоказательно утверждавшие, что коренное население Абхазии – абхазы – представляют собой не что иное, как одно из грузинских племен, что современную территорию Абхазии издревле населяли грузины. Как полагал автор (Бердзенишвили. – **В. Ч.**), эти грузины были ассимилированы неизвестно откуда пришедшими абхазскими племенами».

Тогда, по словам И. Цушба, «началась настоящая национально-освободительная борьба. Проводились массовые сходы абхазского народа. Бюро ЦК КП Грузии дважды обсуждало события в Абхазии на основе докладной записки бюро Абхазского обкома партии, в которой излагались все требования народа»¹.

Но события той поры не ограничивались атаками Тбилиси идейно-психологического характера. Это была, говоря военной терминологией, своего рода разведка «боем», предварявшая последую-

¹ Иван Цушба. О праве нации или народов на самоопределение и проблема независимости Абхазии. Сухум – 2003. С. 35.

щие запрограммированные цели грузинской экспансии. Главной целью, по мнению И. Цушба, было следующее: «Правительство Грузии начало наращивать темпы демографического нашествия на Абхазию. 3 августа 1976 года Совмин Грузинской ССР принял постановление за №533 «Основные положения схемы районной планировки Абхазской АССР», подготовленной институтом «Грузгипросельстрой». Согласно этому постановлению в 1980 году в различные районы Абхазии должно были переселиться из Грузии около 60 тысяч человек, к 1990 году – 160 тысяч человек, а к 2000 году – 250 тысяч человек. А по статистическим данным в 1980 году естественный прирост в Абхазии составлял 4 – 10 тысяч человек».

Эти планы новой волны сплошной грузинской оккупации Абхазии были восприняты общественностью и народом как продолжение политики Сталина и Берия по полному освоению абхазской республики и подавлению ее коренного народа. В 1977 году большая группа абхазской общественности (130 человек) обратилась к руководству СССР с требованием оградить абхазов и их государственность от грузинских национал-шовинистов. Следующий 1978 год ознаменовался невиданным доселе размахом народных волнений, основным требованием чего были восстановление репрессированной Сталиным ССР Абхазии и выход абхазской республики из состава Грузии. Перед такими проблемами национально - государственного свойства Кремль еще не становился. Поэтому, после некоторой растерянности (то ли силу применить, то ли уговоры) в маленькую республику небольшого народа была направлена довольно солидная делегация из Москвы, возглавляемая секретарем ЦК КПСС И. Капитоновым. Ситуация тем не менее оставалась взрывоопасной: абхазы отказывались принимать новую конституцию, сконструированную по старым грузинским лекалам. Сроки ее принятия запаздывали, но уговоры представителей Москвы не помогали. Абхазы стояли на своем. Тогда придумали «ловкий» ход: принародно объявили об отсрочке принятия Основного закона. Но через несколько дней, неожиданно для народа, впопыхах собрав сессию Верховного Совета Абхазии и окружив ее частоколом из советских армейских штыков, утвердили конституцию республики голосами пришельцев на жительство в Абхазии, а не по воле коренного народа.

Тбилиси тогда праздновал победу, временно затих, затаив обиду грузинский лидер Шеварднадзе, сбежавший с 30-тысячного митинга в Сухуме под грозный гул разгневанных абхазов. В Москве же, думается, после объективного доклада об «абхазской проблеме» зам. заведующего организационным отделом ЦК КПСС В. Бровикова, руководство прониклось неким подобием угрызений совести. И по записке того самого Бровикова, родилось, как нам видится, известное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры Абхазской АССР». Внешне этот документ, безусловно, вызвал положительную реакцию абхазов. А вот на деле оказалось то, о чем часто повторял тот же Черномырдин: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

Вот как о том писал И. Цушба: «Абхазская общественность, интеллигенция, особенно участники национально-освободительного движения в те дни ликовали, приняв этот документ за «победу». В нем 4 пункта: создание абхазского телевидения, расширение полиграфической базы, подготовка местных кадров и открытие университета, шли в пользу абхазского народа, а остальные все пункты постановления искусно служили интересам Грузии и грузинского народа. Тогда было построено очень много объектов промышленности, транспорта, строительства и курортов, обеспечивавшие увеличение грузинского населения Абхазии из районов Грузии. То, что руководство Грузии не смогло сделать постановлением Совмина Грузии, оно сделало постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР»¹.

Получалось, выходит, для абхазов, как по русскому присловию: дескать, «куда не кинь – везде клин!». Наступали грузины по всем направлениям: фальсифицировали историю и культуру абхазов, форсировали заселение автономии выходцами из Грузии, прибрали к рукам экономику и финансы Абхазии. Что еще оставалось остальному негрузинскому населению республики, составлявшему 60 процентов? Практически крохи со «стола» грузин, также милостиво ими распределяемые. При всем этом, невзирая на нанесенные обиды и постоянно выказываемое превосходство первостатейной на-

¹ Иван Цушба. О праве нации или народов на самоопределение и проблема независимости Абхазии. Сухум – 2003. С. 36 – 37.

ции, от абхазов требовалось быть рассудительным и уважительным «младшим» братом, радоваться тому, что дозволено, пока хорошие, проживать на богом избранной грузинской земле, которая почему-то зовется Абхазией.

Отвечать, хотя бы словом публициста, на все это в ту пору не было возможности: ни ученым, ни писателям, ни представителям общественности. СМИ находились под жесточайшим контролем партийных органов. Автор этих строк почти 10 лет курировал в обкоме партии деятельность средств информации Абхазии. Редакциями республиканских газет (Тбилиси их упорно называл областными) ежемесячно составлялся план работы, в котором отмечались темы будущих публикаций и их авторы. И все это утверждалось решением бюро обкома. В ряду подобных материалов на производственно-колхозную тематику вряд ли могла появиться содержательная и принципиальная публицистика, защищающая интересы абхазского народа. То, что способен был наладить Д. Гулиа в газете «Апсны» при меньшевиках, то есть свободно писать о насущной абхазской проблематике, невозможно было представить в партийной печати 60-х и 70-х годов. Скажем, те же обращения и письма абхазской интеллигенции и общественности (т.н. «абхазские письма») той поры в адрес высших руководителей Советской страны, самые настоящие публицистические произведения, как групповые, так и индивидуальные, не подлежали публикации ни в центре, ни в автономной республике. Более того, они считались интеллектуальным продуктом, чуждым советской идеологии и практики, за что могло быть и уголовное наказание. За ними, этими документами, «охотились» спецслужбы страны, особенно грузинские. Как, впрочем, и за их составителями и авторами.

В последние годы, как отмечалось, в Московских архивах абхазским историком И. Марыхуба были обнаружены некоторые документы, ранее не известные, как исследователям, так и общественности. Среди них обращение известного абхазского ученого, директора Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, профессора Г. А. Дзидзария секретарю ЦК КПСС М. В. Зимянину. Данное письмо, датированное 1978 годом, было опубликовано в книжке указанного исследователя «Московские архивные документы об Абхазии XX века» (Акуа (Сухум) – 2008)

и по праву является публицистическим произведением, принадлежащим перу основателя абхазской исторической науки.

Напрашивается вопрос – как могло случиться, что столь важный вопрос (проект создания многотомной истории народов Закавказья), о чем писал известный ученый, не получил не только своего разрешения, но даже не был опубликован в печати Абхазии? Причина тому, что являлось негласным правилом в то время, охранительная политика грузинских властей, никому не позволявших выхода за рамки дозволенного метрополией «свободы действий и слова», даже если это пытался сделать крупный научный деятель в своем обращении к руководству Советской страны. Г. Дзидзария, безусловно, знал о грузинском влиянии на кремлевские властные круги, и потому попытался обойти это самое грузинское «табу» на абхазские инициативы приватным путем. Полагаем, что, будучи знакомым с секретарем ЦК КПСС, он выступил инициатором дальнейшей реализации весьма перспективной идеи – создания «Истории народов Закавказья с древнейших времен до наших дней» в 4-х томах. Он также убеждал секретаря ЦК, что этот проект – не какая-то местная инициатива, а серьезное дело. И что в нем «руководящее участие принимает Институт истории СССР АН СССР во главе с его директором академиком А. Л. Нарочницким, а также институты Востоковедения, археологии, этнографии АН СССР, институты истории академии наук закавказских республик и соответствующие научно-исследовательские учреждения автономных республик этого региона».

Г. Дзидзария также ставил в известность адресата, что уже «проведена по строго продуманному плану огромная организационно-творческая работа. Прежде всего, создан многочисленный авторский коллектив и редколлегия томов из видных специалистов – кавказоведов. Проведено несколько совещаний членов этих коллективов (Москва, Ереван, Баку, Сухуми). Причем, некоторые из авторов, работающие в системе Академии наук Грузинской ССР, в частности, в Абхазском институте в свою очередь встречались, обменивались мнениями, опытом работы ит. д.».

Здесь следует обратить внимание, что Георгий Алексеевич пытается обойти такое немаловажное обстоятельство, как пассивность в этом вопросе грузинских ученых. Так, например, упоминая об Академии наук Грузии, он говорит об участии в работе над проек-

том «коллективно создаваемой истории» только абхазских ученых. Тому свидетельством и перечень городов, где проходили совещания ученых по данной проблеме – Тбилиси в том перечне отсутствует. Это, разумеется, воспринималось абхазским ученым как плохой знак в деле реализации указанной программы.

И далее, перечисляя проделанную учеными подготовительную работу, Г. А. Дзидзария высказывает секретарю ЦК партии, ведающему вопросами науки, следующее тревожное обстоятельство: «К великому сожалению, работа, по непонятным мне и моим коллегам из абхазского института причинам, затормозилась. В настоящее время она, кажется, и вовсе не продвигается».

Значительное место отводит абхазский ученый обоснованию важности данного проекта, подчеркивая соответствие будущего коллективного труда, как ожиданиям научной и творческой интеллигенции, в целом всей общественности, так и партийно-советской идеологии. Об актуальности этой работы он пишет таким образом: «Впервые разрабатывается обобщающая история закавказских народов, созданная на основе марксистско-ленинской методологии, отражающая современный уровень развития советской исторической науки, которая будет иметь огромное идейно-политическое и научное значение, в частности, в деле укрепления дружбы и братства наших народов и интернационально-патриотического воспитания подрастающего поколения».

Историку Дзидзария приходилось в условиях своего времени быть и гибким политиком, если дело того требовало. Догадывался, конечно, Георгий Алексеевич, что важная для Абхазии проблема тормозится только по вине грузинских историков, опекаемых партийной верхушкой Грузии. И потому пытается убедить Зимянина в обратном, напоминая ему о научно-практической конференции, проведенной в Тбилиси в 1976 году, на которой, по словам Дзидзария, «об этих задачах хорошо было сказано».

Таким образом, стараясь убедить высокого партийного чиновника в важности поставленной задачи, Г. А. Дзидзария в завершение своего обращения настоятельно заключал: «Принимая все это во внимание, прошу Вас, глубокоуважаемый Михаил Васильевич, принять необходимые меры по быстрейшему изданию четырехтомной региональной истории братских народов Закавказья, которая, не-

сомненно, явится настольной книгой миллионов читателей нашей страны и за ее пределами».

Сей конструктивный проект, безусловно, поддержан был всеми историками Закавказья, за исключением, разумеется, грузинских ученых. В случае если была бы реализована эта идея, которую пытался протолкнуть Георгий Алексеевич, абхазы в составлении своей истории получили бы коллективную поддержку историков Закавказья, а грузинские фальсификаторы оказались бы не у дел. К сожалению, это понимал и Зимянин, который, видимо, побаивался коварного грузинского руководства, или же осторожничал, что было свойством всех партработников, а уж которые из высшего звена – тем более перестраховывались многократно.

О том, как спустили с тормозов эту инициативу, могу догадываться как бывший партийный работник. Несмотря на различие по рангам партийных органов, технология аппаратной работы в принципе была почти одинаковой. Также и в ЦК, как в случае с секретарем Зимяниным, который поручает своему заместителю запросить Академию наук и головной институт истории, разумеется, предворительно обговорив вопрос с директором. И затем только появляется нужная страховочная отписка зам. заведующего Отделом науки и учебных заведений Р. Яновского своему шефу – секретарю ЦК КПСС Зимянину. В ней, словно о том писали в грузинском ЦК, отмечается: «Академия наук СССР (т. Федосеев) полагает, что на данном этапе целесообразнее было бы ограничиться подготовкой отдельных работ по наиболее актуальным проблемам истории народов этого региона (попробуй, напиши в то время историю Абхазии, минуя око метрополии – **В. Ч.**). Они могли бы послужить научной основой для последующей работы над историей народов Закавказья. С директором Института истории народов СССР акад. Нарочницким А. Л. по данному вопросу состоялась беседа (уговорили и того. – **В. Ч.**). Автору письма через Абхазский обком партии (т. Маршания) сообщено».

Таковой была технология снятия с повестки дня нужных для народа, но проблемных для начальства, вопросов. И верхи с этим весьма удачно справлялись. Правда, до поры, как говорить, до времени. Оттого, когда разрушалась рукотворно эта советская система, волей ее же чиновных представителей, народные массы отнеслись к тому без особого энтузиазма – повсему много накопилась

в людях обид. То же самое, полагаем, ощущали и в абхазском обществе. Но это – к слову.

Пока же это время только наступало: вместо эпохи развитого социализма советские люди вступили в период перестройки и нового мышления, не представляя еще, что осталось совсем немного лет до завершения, провалом, разумеется, величайшего в мире эксперимента по построению «общества всеобщего счастья и благоденствия» в отдельно взятой стране. Не представляли себе, конечно, что так скоро рухнет красная империя и в Абхазии, где набирали силу общественно-политические процессы завершающего этапа освободительной борьбы против всевластия метрополии. Причем, абхазское протестное движение все еще всецело лелеяло надежды на смену политической ситуации в республике именно в увязке с процессами реформирования государственно-правовой системы, как самого Союза СССР, так и изменения государственного статуса абхазской автономии до суверенной республики в составе Советской страны. Одним словом, все чаяния абхазов в этом плане были связаны, как в 80-х, так и в начале 90-х, все также с Москвой.

Свидетельством тому письма и обращения, групповые и коллективные, представителей абхазской интеллигенции руководству СССР в период 1983 – 1985 годов. Сразу же отметим, что данные обращения также не увидели свет в периодической печати республики. Позже эти письма были опубликованы в томе первом «Абхазских писем»¹.

Речь идет о т. н. «письме двенадцати», адресованном Генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. В. Андропову, но, на самом деле, подписанном восемью представителями абхазской научной интеллигенции. Другое обращение, подписанное абхазскими литераторами (Г. Ш. Аламиа, Р. Х. Смыр, Д. К. Чачхалия), было направлено XXVII съезду КПСС.

В письме Ю. Андропову авторы обращения, научные сотрудники Абхазского НИИ языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа подвергают принципиальному критическому анализу содержание

¹ «Абхазские письма (1947 – 1989)». Абхазия в Советскую эпоху. Сборник документов. Том I. Составитель, автор предисловия и комментария И. Марыхуба. Сухум – 1994.

Грузинской Советской энциклопедии (Тбилиси, 1981 г.), в части, касающейся сведений об Абхазской АССР. Как отмечают ученые, в справочнике «преднамеренно искажается и умаляется история и культура самобытного абхазского народа, древнего коренного населения Абхазской АССР, входящей в Грузинскую Советскую Социалистическую Республику».

Сообщая также, что «извращения и ошибки в освещении истории абхазов имели место и ранее», авторы письма подчеркивают: «Еще не было такой работы, где тенденциозность охватывала бы все стороны материальной и духовной культуры абхазов, как это имеет место в указанном справочнике, изданном к 60-летию образования ГССР и Коммунистической партии Грузии. Затем довольно обстоятельно перечислив многочисленные факты искажений в области истории и культуры абхазского народа, допущенные главной научной редакцией грузинского справочника, авторы обращения, напоминая слова из доклада самого Ю. Андропова, посвященного 60-летию образования СССР. Генсек партии, отмечая тогда значение национального вопроса, говорил: «Здесь, товарищи, нет мелочей. Здесь важно все – и отношение к языку, и к памятникам прошлого, и трактовка исторических событий...».

Ссылаясь на эти установки лидера страны, авторы завершают свое обращение таким образом: «Вышеизложенное заставляет нас обратиться к Вам с убедительной просьбой принять соответствующие меры по поднятым нами вопросам во имя дружбы народов»¹.

Подписываются под этим обращением М. М. Гунба, Р. К. Чанба, Б. М. Аджинджал, А. А. Аншба, Н. В. Аршба, Ю. Н. Воронов, С. З. Лакоба, В. Л. Цвинария – научные сотрудники АБНИИ имени Д. И. Гулиа.

В обращении к XXVII съезду КПСС, подписанным тремя абхазскими литераторами, сообщалось о доведении Абхазской автономной республики, в сущности, до колониального состояния в составе Грузинской ССР по вине руководства грузинской метрополии. Вначале был сделан краткий исторический экскурс: волевым преобразованием ССР Абхазии в автономную в составе Грузии, последующие репрессии, захват и огрузинивание республики, культурный геноцид, связанный с запретом абхазского языка, письменности, абхазских школ, массовые топонимические переименования и т.д.

¹ Там же. С. 363 – 373.

Затем авторы письма обратились к негативным процессам, имевшим место в описываемое ими время. Это продолжение демографической и языковой экспансии метрополии, отставание по этой причине абхазов по образовательному уровню в целом от общесоюзных показателей, преобладание грузин над абхазами в органах власти и управления, начиная с бюро Абхазского обкома партии, также в большинстве райкомов и райисполкомов. Авторы письма констатируют в итоге, что «Абхазия – это грузинская автономия внутри Грузинской республики. И то, что она более грузинская, нежели абхазская, видно во всем. Лишилось смысла само образование Абхазской автономной республики. И в таком виде она не может решать социально-экономические и культурные проблемы развития абхазской социалистической нации. Это показывает практика, об этом свидетельствуют цифры...».

Далее следует вывод, основанный, как отмечают авторы обращения, на многочисленных абхазских сходах, личных и коллективных письмах представителей партийной, советской общественности, научной и творческой интеллигенции о том, что «подчинение Абхазии Грузии не только не оправдало себя, но показало всю вредность такой подчиненности».

В качестве исправления этой нездоровой обстановки, и с целью защиты малочисленного абхазского народа от грузинского агрессивного национализма, авторы письма предлагают высшему форуму – съезду Компартии Советского Союза следующую меру: «Восстановить абхазскую социалистическую нацию в ее правах, в культурном и политическом отношении, выправить все то, что было извращено здесь врагами народа можно лишь при одном условии – восстановить Абхазию в виде Абхазской Советской Социалистической Республики, каковой она была до 1931 года»¹.

Эти письма также были опубликованы много лет спустя. Публицистика той поры была весьма скудной, особенно если речь шла о произведениях, направленных в защиту законных интересов абхазов и их государственности. Письма и обращения в адрес высших органов Советской страны свидетельствовали, что абхазский на-

¹ «Абхазские письма (1947 – 1989)». Абхазия в Советскую эпоху. Сборник документов. Том I. Составитель, автор предисловия и комментария И. Марыхуба. Сухум – 1994. С. 374 – 382.

род к 60-м и 70-м годам минувшего столетия располагал достаточно эрудированной элитой, способной ставить жизненно важные проблемы, без решения которых стопорилось дальнейшее развитие экономики, становление культуры и духовной жизни абхазского общества. Лучшие силы интеллигенции готовы и рады были бы послужить отечеству, в том числе и публицистическим словом, да вот средства информации с прохладцей относились к их такому рвению. А как иначе, если вся партийно-советская печать, а иной тогда не было, контролировалась грузинской метрополией.

На примере публицистики известного писателя Д. Ахуба особо зримо просматривается безысходность тех творческих сил, не имевших доступа к средствам массовой информации для реализации своей гражданской и патриотической позиции. Писатель, являясь одним из активных участников событий 1977 – 1978 годов, принимал также самое деятельное участие в составлении письма абхазской интеллигенции (т. н. «Письмо 130-ти») в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Вскоре написал по горячим следам событий аналитические заметки, которые, по логике вещей, следовало опубликовать в абхазской печати. Но это оказалось невозможным, и посему талантливому литератору и публицисту пришлось изыскать иную форму. Она звучала так: «Письмо другу. (К событиям 1978 года в Абхазии). Этот солидный очерк, действительно, был написан в форме послания близкому другу Д. Ахуба, одному из крупнейших российских социологов В. А. Ядову, подвергавшемуся притеснениям в Сталинскую эпоху.

Публицист, как говорится, с места в карьер, спешит сообщить другу последние новости из Абхазии. Он начинает так: «Мой бесценный, Володя! Ты всегда живо интересовался положением дел в Абхазии. Будучи в Ленинграде, я рассказывал о некоторых фактах нарушения национальной политики, о том, что у нынешнего руководства ЦК КП Грузии слова расходятся с делом. Двуручничество демагога (Первого секретаря Шеварднадзе) все больше возрастало. В России он клялся в любви к русскому народу, в Грузии, на деле, проводил (и проводит) антирусскую политику; в Абхазии он заверял и заверяет в искренних братских чувствах, а на деле (уйма фактов, о них ниже) обезличивал абхазское правительство, ущемлял национальные интересы, разрабатывал тайно планы массового

переселения грузин в Абхазию, под видом обмена кадрами, засылал в Абхазию оголтелых шовинистов и взяточников и т. д. и т. п.»¹.

Далее Д. Ахуба сообщает о предыстории событий 1977 – 1978 годов, отмечая, что «факты накапливались, национальные отношения все более и более накалялись. Участились случаи физических столкновений: сначала отдельных людей, а затем и массовых...». Здесь же он подчеркивает роль грузинских властей и элиты, которые усердно и постоянно подогревали грузино-абхазские противоречия. Больше того, надо сказать, что прямо-таки пестовали это состояние напряженного противостояния, видимо, в надежде на то, что малочисленные абхазы, по сравнению с намного превосходившим по численности грузинским населением, не выдержат агрессивного напора и сломаются.

И делалось это, по словам автора, таким образом: «Не дремала в это время и шовинистическая грузинская лженаука, поддержанная, получившая направление от самого демагога («абхазцы под солнцем Грузии», «абхазцы нашли вторую родину в Грузии», «лучшие абхазские писатели – это грузинские писатели» и т. д.) и секретаря по идеологии, отъявленной шовинистки Сирадзе. Словом, и пресса, и наука – все было, когда открыто, когда незаметно, направлено против Абхазии для продолжения политики меньшевиков и Берия в деле огрузинивания абхазов. Все это и многие другие факты послужили толчком, поводом к написанию коллективного письма...».

Д. Ахуба обращает внимание своего друга на «болевые» точки абхазского общества, отраженные в коллективном письме, направленном в Москву, как в последнюю инстанцию, от которой зависит дальнейшая судьба абхазов. Их почти три десятка, но, полагаем, что вполне достаточно перечислить в сжатой форме некоторые основные из них. Это – искусственное переселение и перенаселение автономной республики, восстановление исконных названий многих населенных пунктов, прекращение фальсификации грузинскими учеными истории Абхазии, создание абхазского телевидения, неправомерность подчинения объектов экономики и сферы культуры республиканским (грузинским) ведомствам, подбор и расстановка местных кадров и другие.

¹ Джума Ахуба. Чтоб далеко пойти... Издательство «Алашара». Сухум – 2003. С. 422.

Любопытно, конечно, было знать доктору наук, профессору, директору Института социологии Академии наук РФ В. Ядову о том, по какому случаю и как собираются в Абхазии народные сходы, причем, из уст своего друга – писателя и общественного деятеля. И Джума Виссарионович не скупился на подробности. Он писал: «Великий демагог (своим нажимом) здорово поработал для того, чтобы поднялся абхазский народ. Я страшно боялся сходов (и понятно почему: ведь со времени Лыхненского схода 1866 года, спровоцированного в побоище, начался очередной виток абхазской трагедии – (вынужденный исход абхазов на чужбину. – **В. Ч.**)...».

...«Народ стал собираться, особенно в тех трех селах, откуда выходцами были трое снятые (с работы. – **В. Ч.**) и исключенные из партии. «Наших бьют за наше родное дело. Трех уже убрали, расправляются и с остальными». А глупое правительство, способствовавшее всему, и на этот раз совершает очередную ошибку. Не считается с народом. Никто к ним не приезжает и ничего не объясняет. Собирают просто активы райкомов – и все. Терпение лопнуло. Был назначен срок: в понедельник провести общенародное собрание в Лыхны...».

И снова публицист, не скупясь на слова и эмоции, повторяет все те моменты, что подвигли людей собраться мощной силой, как это свершали в старину, против произвола царских властей. А теперь уже – против грузинских, манипулировавших именем партии и советов. Живым, завлекательным словом участника событий, он до «мелочей» вспоминал о той ситуации: «С раннего утра народ стал собираться. К обеду перевалило за десять тысяч. Поставили микрофоны. Сделали трибуну. Потребовали приезда правительства. Требования: считать письмо выражением воли народа, снятых с работы восстановить и на работе, и в партии».

Напомнил автор о главном мотиве событий, о том, что является причиной, вызвавшей написание письма и сегодняшнего собрания. Это, как он отмечает, «грубейшая ошибка, которая не исправлена с 1931 года, – присоединение Абхазии к Грузии, всегда отличавшейся крайней нетерпимостью к соседним народам. Попраение национальных прав за последние годы. Непрекращающееся переселение грузин в Абхазию. Под видом обмена национальными кадрами слишком большое количество людей присылается в Абхазию. Словом, к незаживающим глубоким ранам периода Берия, когда были

закрывают школы и попраны все национальные права, были истреблены тысячи лучших сынов, вернее, вся интеллигенция, на эти раны стали посыпать соль, а, говоря по-абхазски, притрагиваться перцем».

Скупыми штрихами, но довольно убедительно показывает публицист бездарность и подневольность абхазских властей, кои были угодны своим патронам до тех пор, пока они неукоснительно исполняли волю метрополии. А затем, коли не справились с обязанностями в качестве партийных и советских прислужников вышестоящих начальников, их переводили за ненужностью на второстепенные, и ниже, должности, иной раз и в саму метрополию.

О таких именно «деятелях» абхазской власти той поры и сообщает живописно своему другу Д. Ахуба: «Сход в Лыхны. «За шкирку» привели все местное правительство. Огромное количество милиции. Говорили, что неподолеку стоял наготове восьмой полк внутренних войск. Приехали, конечно, все четыре секретаря Абхазского обкома. Все четверо – ни бум - бум по-абхазски. Это еще одна причина того, что они не могли взять в руки и повести собрание. Подсудимые – правительство. Мнение народа: «Вы не правительство нам, мы вам не верим, вы не защищаете интересы народа».

И дальше – продолжение такого вот эмоционального монолога, как обращение к другу, публицистическим словом высшего качества: «Дорогой, Володя, все это записано на магнитофон, сейчас наши ребята перенесут на бумагу. Надеюсь перепечатать. Если литературно отшлифовать и издать как документ о борьбе абхазского народа за свое место под луной, лучшее свидетельство вряд ли можно найти. И мужество, и бессилие, и комическое, и трагическое, и величайшая народная мудрость, и прелестная наивность, и тонкие психологические моменты, и прочая, и прочая – словом, огромный материал для любого научного и творческого человека. Вот бы прожить долгие годы, дожить бы до тех времен, когда все это возможно будет опубликовать».

Такой вот крик души литератора и публициста, обращенный к своему другу. Крик о том, что его мысли и чаяния, как и помыслы его коллег по перу, не могут быть обнародованы на родной стороне, в абхазской печати. Таковыми были те суровые реалии, которые, если о том не напоминать периодически, вполне могут кануть в вечность. А вспоминать и писать о том следует для того, чтобы не

столкнуться обществу на новом витке истории с прошлыми «родимыми пятнами», с теми же проблемами, с необузданным соседом, с внутренними противоречиями, всегда гибельными для любого человеческого сообщества.

Тому примером выводы публициста Д. Ахуба, отметившего и такой момент: «Есть еще один документ. Тоже удивительный документ о том, как перегрызают горло друг друга люди одной партии (полагаем, правомерным добавить «люди одного племени». – **В. Ч.**) одного мышления, казалось бы. Но как бы ни была права одна сторона, если она не обладает властью, то никоим образом не сможет ни доказать, ни защитить свою правду... Другая сторона, совершенно не будучи правой, стоя на ложных позициях, но обладая властью, под видом учения Ленина, может устроить судилище. Этот документ – протокол заседания бюро обкома партии, когда наших, некоторых, «судили», исключали из партии... Если когда-нибудь возможно будет его опубликовать, страшнее документа не может быть. И будут со слезами вспоминать наши потомки, в какое трудное время мы жили и боролись».

В «Письме другу», довольно объемных публицистических заметках, опубликованных десятилетия спустя в послевоенном сборнике Д. Ахуба, много ценных наблюдений, остро и верно описанных событий и фактов. Нельзя не отметить глубину выводов и обобщений, вытекавших из анализа той бурной ситуации, немало из того, полагаем, ценно и для нынешних и будущих реалий. Ведь недаром говорится, что обладая знаниями прошлого, легче ориентироваться в настоящем. Поскольку здесь не стоит задача осветить буквально весь многообразный перечень проблем, о коих ведет речь в своей публикации автор, ограничимся в завершение таким поучительным моментом, весьма характерным для осознания грузино-абхазских отношений, не в парадном облачении, как это преподносилось в прошлом, а в самом реалистичном ракурсе. О том Джума Виссарионович писал таким образом: «Вчера (5 апреля 1978 года. – **В. Ч.**) был новый сход. В другом районе. А 4 - го к вечеру (4 апреля 1978 года. – **В. Ч.**) правительство пронюхало, срочно собралось. Предсовмина Грузии стал требовать расстрела демонстрантов (участников схода. – **В. Ч.**). Одна женщина, министр, заплакала. Представитель ЦК КПСС категорически возразил. Вот и получилось: грузин хотел в нас стре-

лять, убивать, а русский спас. Утверждали, что так это было. А если и не было, но присочинили, то и здесь выражена ненависть народа к грузинскому шовинизму и любовь к лучшей части России»¹.

Д. Ахуба изредка публиковался в тот период в партийно-советских СМИ Абхазии, в частности, в газете «Советская Абхазия» на тему общественно-политической и культурной жизни в автономной республике. В той своей публицистике, например, как ведущий и участник ряда «круглых столов» в упомянутой газете, он не мог выйти за рамки дозволенного идеологическими установками власти, и посему содержание этих выступлений разительно отличалось от выше отмеченного произведения. Писатель много писал в качестве публициста также в период войны и в послевоенное время. Как ему было свойственно, выступал он остро и откровенно, в этом плане публицист вносил свой полезный вклад в созидание новых общественных отношений в абхазском обществе. Ряд выступлений, опубликованных в т. н. независимой прессе, особенно в период экономических и политических санкций, объявленных мировым сообществом обескровленной войной Абхазии, на наш взгляд, являлись спорными, а некоторые, заметим, и вовсе несущими налет тенденциозности и личной предвзятости по отношению к властям страны. Это было уже в свободном абхазском обществе, в котором укоренились плюрализм мнений и демократические ценности. Все это разительно отличалось от того времени, когда отечественные публицисты, том числе Д. Ахуба, в условиях метрополии, отчужденные от средств информации, вынуждены были писать «в стол», как говориться, в надежде на лучшие времена.

Свидетельством тому и публицистика А. Гогуа 70 – 90-х годов, изданная отдельным сборником много позже, в 2004 году. Вот, что пишет в предисловии по поводу материалов сборника сам Алексей Ночевич: «В книге собрана только третья часть из всего объема публицистики, созданной на протяжении многих лет. Именно та часть, которая, как я считаю, еще интересна и актуальна ныне. Здесь собраны материалы, написанные в жанре статьи, очерка, а также материалы, посвященные вопросам литературы, писателям и их твор-

¹ Джума Ахуба. Чтоб далеко пойти... Издательство «Алашара». Сухум – 2003. С. 423 – 433.

честву. Полагаю также, что статьи на литературные темы ближе по жанру к публицистике, нежели к литературоведению или литературной критике. Словом, все произведения сборника объединены здесь жанром публицистики»¹.

Публицистика А. Гогуа тех лет, в основном, исследует прошлое и настоящее абхазской литературы, тенденции ее развития, анализирует жанры, от рассказа до романа. В этом плане весьма показательны глубина познания и высокий профессионализм в изложении проблем проистекавшего в ту пору литературного процесса, запечатленных А. Гогуа в публицистических заметках под заголовком «Глагол». В частности, становление такого жанра абхазской литературы, как рассказ, А. Гогуа относит за счет определяющего влияния произведения Д. И. Гулиа «Под чужим небом». Впрочем, как он утверждает, также и остальные жанры абхазской прозы, включая сюда и роман, результат непререкаемого влияния таланта первоходца абхазской словесности. Именно два выдающихся корифея художественного слова – Д. Гулиа и С. Чанба своими произведениями положили основание для развития абхазской литературы. Таким образом, абхазская литература прошла непростой путь, начиная отчет со сложных 20-х годов, трагических 30 и 40-х, до дня существования независимой Абхазии.

Рассказ, по словам А. Гогуа, это жанр прозы, который занимает ответственное и значительное место в литературном творчестве многих абхазских мастеров слова. С рассказа начинал литературную деятельность известный писатель И. Папаскир, в том жанре творили и молодые в 30-х годах 20-го столетия – Д. Дарсалия, С. Кучберия, К. Агумаа и другие. В том же плане следует воспринимать новеллы М. Лакербай, значительная часть которых создана на основе фольклора и народного творчества. А. Гогуа заостряет внимание на том, что современный рассказ, излагая фактологический материал, в то же время значительное место обязан отводить показу внутреннего мира. Это, по мысли писателя, как раз и отличает публицистику от рассказа, и оно заключается в том, что, если в первом случае речь идет о характеристике факта или события, то во втором – об истоках, происхождении, то есть, во внутреннем мире.

¹ А. Гогуа. Глагол. Публицистика (На абазском и русском языках). Сухум – 2004.

В довольно объемной статье, посвященной прошлому и настоящему абхазской литературы, писатель – прозаик А. Гогуа пером публициста подтверждает, что в целом в абхазской литературе происходит благотворный процесс становления и развития младописьменной абхазской словесности во всех ее жанрах – от рассказа до романа. Таковы только некоторые аспекты большого аналитического материала публициста и писателя А. Гогуа по проблеме развития абхазской прозы, в частности, абхазского рассказа в период со времени выхода в свет сто лет тому назад известного произведения Д. И. Гулиа «Под чужим небом».

Среди материалов, вышедших из-под пера маститого писателя, выделяется глубиной анализа исследование, посвященное становлению и развитию абхазской поэзии. В статье «Дороги, которые пройдены, и те, которые впереди» (1984 год) взгляд прозаика А. Гогуа на творчество своих коллег – поэтов весьма взыскателен, можно сказать, совершенно лишен хвалебного пафоса, что, к сожалению, свойственно иной раз отечественным мастерам слова. Он точно и бескомпромиссно расставляет акценты: выявляет слабые места жанра, указывает на конкретные недостатки в работе над словом, образностью поэтического языка, умением найти свой путь, отличный от других форм самовыражения. В то же время А. Гогуа не скупится на заслуженную похвалу, коли для того есть основания, выделяя в каждом этапе, а их, по определению автора, три периода времени, в каждом из которых творчество тех личностей, как раз определяющих развитие абхазской поэзии на каждом временном отрезке.

Без всякого сомнения, основателями и зачинателями первого этапа публицист считает Д. Гулиа, С. Чанба, И. Когониа. К тому же, полагает автор, Д. Гулиа в то время не мог ограничиваться только поэтическим творчеством, круг его интересов был гораздо шире – это воспитательная и образовательная миссия, этнография и многое другое, в котором поэзия не всегда оказывалась на первом плане. Весом здесь и вклад поэтического творчества С. Чанба, особенно его поэмы «Дева гор». Иуа Когониа, в свою очередь, отмечает А. Гогуа, очень удачно использовал устное народное творчество и эпические сказания в создании своих поэм, обогатив их ритмически, чего не было в устных народных сказаниях. Тем самым зарож-

дался поэтический язык, что и диктовалось литературной печатной традицией того времени.

Непросто проходило становление абхазской поэзии в 30-х годах, отсутствовала традиционная творческая связь разных поколений, как, к примеру, то самое было в советской русской поэзии, подкрепленной поэтическим творчеством предыдущих поколений. В этом плане А. Гогуа отмечал, что «если творчество Маяковского сотрясало страну, звучало голосом революции, улиц и площадей, демонстрируя высокий дух и энтузиазм той поры, также и потому, что это звучание было обусловлено столетними традициями русской поэзии. Начиная с Ломоносова, народного Некрасова, включая художественное новаторство Хлебникова. Все это подняло талант Маяковского на высшую ступень, сделало его творчество со звучным времени»¹.

В абхазской поэзии традиции Маяковского пытался воспроизвести Л. Квициния, особенно в своих первых поэмах. Но, по словам А. Гогуа, несмотря на внешнее соответствие поэтической формы, также и на содержание – работу заводов, фабрик, зарождение нового мира, и все же качественной поэтической продукции не получилось. Поэт, особо не зацкливаясь на своих опытах, вскоре возвращается к языку беседы, форму которой он использовал в своих лучших произведениях. Наряду с ним в становление второго этапа абхазской поэзии внесли свою лепту и Л. Лабахуа и К. Агумаа.

Начало третьего этапа, как подчеркивал Алексей Ночевич, явилось своеобразным подытоживанием сделанного в поэтическом творчестве за минувшие предыдущие временные отрезки. Но и этого было недостаточно, надо было также сделать выбор, как по языку, так и в реальной жизни, по какому пути развиваться дальше. Ясное дело, что надо, но кто делает этот выбор? Ведь это под силу лишь большому таланту. И таким поэтом, пишет А. Гогуа, явился в то время Б. Шинкуба.

Баграт Шинкуба, констатирует публицист, «не изменил тематику абхазской поэзии, лишь прибавил, углубил и расширил ее творческие рамки, обогатив своим особым духовным миром и художественным словом...».

¹ А. Гогуа. Глагол. Публицистика (На абазском и русском языках). Сухум – 2004. С. 153.

Необходимо отметить, что, как образно пишет А. Гогуа, путь, избранный Б. Шинкуба в деле развития абхазской поэзии, «вскоре явился своеобразной «галактикой», создающей свои поэтические «планеты». – И, как я полагаю, – утверждает Алексей Ночевич, – таковыми являются известные абхазские поэты Ч. Джонуа, М. Ласуриа, В. Амаршан, Т. Аджба, Р. Ласуриа, Р. Смыр, В. Ахиба...».

Далее автор статьи весьма подробно, на высоком профессиональном уровне исследует различные направления отечественной поэзии, дает оценку поэтическому творчеству известных абхазских мастеров слова, предостерегает от попыток найти «легкие пути» в творческом процессе, считает необходимым условием успеха, наряду с талантом и трудолюбием, также и такую духовную составляющую, как честность и совесть.

В ряде материалов сборника, также словом публициста, А. Гогуа напоминает читателям о большом вкладе тружеников пера в культурную и духовную жизнь абхазского народа. Это статьи, приуроченные к датам рождения прозаика Ивана Папаскир, автора первого абхазского романа, а также видного абхазского поэта, безвременно ушедшего из жизни Алексея Ласуриа и других.

В публикации, посвященной 95-летию со дня рождения Д.И. Гулиа, отмечается великое значение роли патриарха абхазской словесности в возрождении абхазского этноса после катастрофических последствий Русско-кавказкой войны и трагических процессов махаджирства. Писатель и публицист с убедительной силой напоминает о титанической деятельности Д. Гулиа, отдававшего все свои способности и знания, кипучую энергию на то, чтобы вывести усталый и обескровленный народ на столбовую дорожку просвещения и образования, без чего абхазы, оказавшись вне цивилизационных рамок, вполне могли исчезнуть с карты мира в качестве этноса. В этом плане полагаем совершенно справедливыми слова автора о том, что «сколько бы достойных людей не родила абхазская земля, но имя Дмитрия Гулиа останется самым значимым, и всегда будет произноситься с особым благоговением и почетом»¹.

Оценивая качество и действенность абхазской публицистики советского периода, начиная с 1921 г. по первую половину 80-х го-

¹ А. Гогуа. Глагол. Публицистика (На абазском и русском языках). Сухум – 2004. С. 119.

дов 20-го столетия, можно сделать выводы, что ее влияние на социально-экономические и духовные отношения в абхазском обществе могут рассматриваться неоднозначно. Например, следует отметить, что, несмотря на регулярное освещение журналистами и публицистами проблематики абхазских производственных, культурных и идейно-воспитательных реалий, естественно, в рамках партийно-советской идеологии, тем не менее, оставались вне СМИ краеугольные проблемы и животрепещущие вопросы в первую очередь беспокоившие абхазское общество. Ведущие средства информации автономной республики, после гибели Н. Лакоба, вплоть до прихода к власти в Абхазии В. Ардзинба, «в соответствии с партийными директивами, вынуждены были проводить прогрузинскую информационную политику, таким образом, обслуживая цели и задачи метрополии»¹.

Тому свидетельством такой факт. Известно, что на протяжении десятилетий советской власти в Абхазии имели место беспрецедентные по масштабам народные протесты – сходы, начинавшиеся еще в правление диктатора Сталина и продолжавшиеся в период так называемого развитого социализма (Брежневское время). Эти протесты, как правило, сопровождались документальными обращениями и письмами в адрес руководителей Советской страны, причем, созданными видными абхазскими учеными, заметными представителями культуры и искусства, общественными деятелями. Эти документы, являющиеся ныне также и произведениями публицистики, не допускались в течение всего советского периода на страницы СМИ Абхазии, за исключением (в последние 10–15 лет) Гудаутской газеты «Бзыбь».

Но уже чувствовалось приближение нового времени: общество вступало во вторую половину 80-х годов, период, наполненный «ветром перемен», который и стал преддверием крушения незыблемой, как казалось всем, Советской империи.

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум – 2017. С. 12.

• ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ •

АБХАЗСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ (1988 – 1993)

Этап первый. Формирование публицистики нового типа (1988 – 1992)

Новый подъем абхазского национально-освободительного движения пришелся на вторую половину 80-х годов 20 века и завершился рождением независимого абхазского государственного образования – Республики Абхазия. Примерно с того времени, с 1985 года, в Советской стране наступила эпоха перемен, был объявлен переход к перестройке и гласности. Привлекательный для масс призыв, инициированный новоизбранным Генсеком КПСС М. С. Горбачевым, и последовавшие затем события, всколыхнули общественную жизнь, как во всей Советской стране, так в Грузии и Абхазии. Первым делом, почувствовав некое благорасположение центральных властей, подняли голову, «полудремавшие» ранее под неусыпным оком КГБ, националистические, с большой долей примеси шовинизма, организации и союзы, окопавшиеся в союзных республиках. Грузия была первой в ряду этих республик, замысливших дать, как говорится, стрекача «на волю», благо, как виделось продвинутым грузинам, обстановка позволяла. На теле «вечного и нерушимого», как казалось, Советского государства, уже проступили четко видимые трещины и линии разлома по контуру этих самых союзных республик, коих в свое время скрепил в единое целое «отец» этих самых народов Иосиф Сталин. Но, позабыв все его заветы, на поверку, скорее, являвшиеся запретами, теперь республики

стремились поспеть к «поезду» свободы, вскочить хотя бы на подножку последнего вагона, дабы не запоздать и не утратить шанса стать суверенными и независимыми странами.

Как раз для Грузии этот шанс мог не состояться. Ведь сильно тормозили стремление грузинских сепаратистов отпочковаться от страны Советов те самые непокорные автономии, не имевшие никакого желания следовать за метрополией. Создавалась ситуация, что тот самый «поезд» свободы мог и не дождаться Сакартвело. Уж чересчур сильно обросла и отяжелела она от несправедного груза чужих территорий. Добровольно же отказаться от такого лакомого приобретения времен Сталина и его присных, как, скажем, Абхазия – было немыслимо для Тбилиси. Скорее, следовало убедить мир в том, что такого народа, как абхазы, не существует.

Это происходило в сложное и опасное время перемен. Как раз для грузинских властей и элиты очень удобное время: ныне, дескать, до абхазов никому нет дела, в Москве свои разборки. И в едином агрессивном порыве ученые мужи, при поддержке властных СМИ, наставляли весь цивилизованный мир, а заодно, и соплеменников, в таком ключе: они - де (абхазы) те самые древние грузинские племена, и что в Грузии нет ни клочка не грузинской земли, как и иного народа. О том, дескать, мы, грузинские ученые, твердим давно, что даже набили себе оскомину. И пора всем понять: кто разделяет эту историческую аксиому, имеет право на проживание в независимой Грузии, которые же не соглашаются с этим тезисом – это, значит, апсуйцы, не так давно спустившиеся с гор и присвоившие себе автономию без всякого на то права. Ответ наш твердый им: пусть убираются на все четыре стороны с грузинской земли, хотя бы и в Россию. Тогда уж точно аннулируем эту самую автономию: того же добивались Сталин и Берия, да времени Бог им не дал, к сожалению.

Так наверняка сожалели грузинские шовинисты новейшего времени, что их высокопоставленные соплеменники не довели дело огрузинивания народа и страны абхазов до логического завершения. Мы же отмечаем, что, к счастью, абхазы, по воле Божьей, все же избежали полного исчезновения в лоне Грузии. И вот, когда пришло время завершающего этапа абхазского национально-освободительного движения, нет у нас морального права не вспом-

нить о борьбе за права и свободы народа десятилетия тому назад, в тяжелейшие годы репрессий в Абхазии. Страшные времена, 30-е и 40-е годы, поглотили тысячи абхазских подвижников, посмеявших поднять голос в защиту своего народа. Но эти потери были не напрасными. Тот жертвенный протест ушедших в небытие, воспринятый народом в лихую годину, был передан последующим поколениям абхазов. Это и стало той искрой протеста, вспыхнувшей многие годы спустя ярким пламенем борьбы, прокладывая путь к свободе и независимости. Безусловно, что постоянно набравшее силу абхазское освободительное движение являлось естественным продолжением прошлой отчаянной борьбы абхазских патриотов, в большинстве своем поплатившихся жизнью. И о том, конечно, забывать нельзя.

Цели и задачи грузинского руководства и элиты, невзирая на различие государственных устоев (без разницы – большевизм или меньшевизм), на протяжении 20-го столетия предполагали захват и грузинизацию Абхазии, доведения ее до уровня одной из провинций Грузии, на манер Кахети, Картли, Мегрелии и т. д.

Такие же цели преследовали, так же мыслили и рассуждали в пору завершающего этапа освободительного движения абхазов (вторая половина 80-х и начало 90-х годов) коммунистические и посткоммунистические руководители Грузии. О том же с пеной у рта твердили борцы с абхазским «сепаратизмом» из разномастных неформальных организаций. Следует отметить, что в эти же годы, со второй половины 80-х, в позиции грузинской общины Абхазии произошли кардинальные изменения, связанные с ее поведенческим аспектом. Так, исследователь, академик Т. Ачугба рассматривая эту проблему, заключал следующее: «Грузинское население Абхазии, благодаря активной идеологической обработке эмигрантами из Тбилиси, постепенно втянулось в антиабхазское движение. Такая тенденция в поведении местного грузинского населения отличалась от позиции, которую оно занимало в недалеком прошлом, т.е. в 50-е, 60-е, 70-е годы, когда борьба шла между абхазской интеллигенцией и властями Грузии. Тогда грузины Абхазии в принципе занимали нейтральную позицию. На этот раз, используя слабость центральных властей СССР, апологеты грузинского агрессивного национализма проявили максимум

усилий для обострения грузино-абхазских межнациональных отношений. Они ни чем не брезговали ради того, чтобы грузинское население Абхазии встало в авангарде борьбы за удержание Абхазии в составе Грузии»¹.

Центростремительные процессы набирали силу и в ряде других союзных республик. Параллельно нарастала напряженность между различными, неродственными народами, сосуществовавшими в автономных и союзных республиках. Имевшиеся в этих государственных образованиях изначально, как, скажем, в Абхазии и Грузии, межнациональные противоречия, готовы были перейти вскоре в горячую фазу. Это не исключалось, поскольку на предложение абхазов установить равноправные отношения, ответом грузин был категорический отказ. Метрополия не хотела поступаться имперскими амбициями, делегированными ей в свое время Сталиным и Берия. По этому поводу правозащитник, академик А. Сахаров отмечал: «Мы получили в наследство от сталинизма имперскую систему с имперской идеологией, с имперской политикой «разделяй и властвуй»... Всем республикам – союзным и автономным, автономным областям, национальным округам – надо предоставить равные права с сохранением нынешних территориальных границ. Все они должны получить максимальную степень независимости. Только так можно решить национальную проблему в малых империях, которыми, по-существу, являются союзные республики, например, Грузия, включающая в свой состав Абхазию, Осетию и другие национальные образования»². За это свое честное высказывание выдающийся российский ученый был предан остракизму грузинской шовинистической элитой и властями «единой и неделимой».

По поводу проявлений грузинского агрессивного национализма профессор С. Лакоба указывал на такие, к примеру, авторитетные свидетельства: «Известные правозащитники Лев Копелев и Раиса Орлова позднее вспоминали о Гамсахурдия: «Нас отталкивал его беззастенчивый шовинизм, злая неприязнь к армянам, к абхазцам, к русским. Известный русский писатель грузинского происхождения

¹ Т. А. Ачугба. Этнополитические процессы в Абхазии в контексте грузино – абхазского конфликта. Сухум – 2007. С. 6.

² Журнал «Огонек», № 31, июль 1989. С. 26 -27.

ния Булат Окуджава поражался непримиримости интеллигентных, просвещенных грузин, у которых, когда «заходит речь об абхазах, глаза тускнеют».

И сами наши соседи не переставали удивлять мировую общественность шовинистическими выходками. Отличились в этом плане и тамошние «инженеры человеческих душ, о которых С. Лакоба сообщал следующее: «Эти «просвещенные» грузины не постеснялись в 1989 г. на обложке журнала Союза писателей Грузии напечатать провокационный призыв: «Пусть не вынуждают нас, а то в один прекрасный день мы тоже возьмем в руки оружие и, так как для вас нет справедливости, гостю укажем дорогу туда, откуда он прибыл пару веков назад. В этот же период на страницах газеты «Советская Абхазия» сторонник Гамсахурдия, депутат грузинской фракции парламента Абхазии историк Д. Гамахария заявил: «Права грузинской нации шире прав человека»¹.

Станислав Лакоба отмечал также, что «грубым нападкам подвергся академик Андрей Сахаров за то, что высказался в защиту прав абхазского народа»².

Кстати, автор данного исследования был свидетелем такого случая: в Москве, на одном общественном мероприятии, С. Лакоба, миновав плотное окружение сторонников Сахарова, представившись, поблагодарил его за поддержку абхазов в тяжелое время. Помнится также, что, несмотря на спонтанность встречи, Андрей Дмитриевич тепло и подробно интересовался ситуацией в Абхазии.

Время в ту пору было сложным и непредсказуемым. Стремительно нарастала межнациональная напряженность между грузинами и абхазами, изоощренно инспирируемая правящей верхушкой метрополии и лидерами неформальных общественно-политических организаций. Усердно подливали масло в огонь противоречий грузинские средства информации, как провластные, так и общественно-политические.

Думается, излишне будет привести здесь отдельные оценки и суждения о реалиях той обстановки одного из влиятельных грузин-

¹ Станислав Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? (О политике России в Абхазии в постсоветский период. 1991 – 2000 гг.). Саппоро – 2001. С. 8.

² Там же. С. 8.

ских политиков в Абхазии, депутата грузинской фракции Абхазского парламента Напо Месхия. Врач по профессии, зав. нейрохирургическим отделением Республиканской больницы, Н. Месхия среди своих грузинских коллег являлся наиболее реально мыслящим и действующим политиком. Но это совершенно не означает, что он был и остается «проабхазским» деятелем. Скорее всего, Н. Месхия оказался прозорливее своих самоуверенных и недалеких коллег – соплеменников, рассчитывавших только на грубую силу и численное превосходство, что, как известно, не всегда является фактором, ведущим к успеху.

В своих послевоенных воспоминаниях, изданных отдельной книгой, бывший депутат, анализируя истоки грузино-абхазских противоречий, писал: «... Но главная причина (хотим мы того или не хотим понять!) состояла в том, что на протяжении многих десятилетий грузинский народ и его лидеры ничего разумного и действительного не сумели предложить и противопоставить с каждым годом возрастающим и усиливающимся антигрузинским настроениям и антигрузинской идеологии в Абхазии...

... В те годы часто можно было услышать возгласы горе-политиков: «Кто такие они, эти абхазы? Что хотят, более того, что имеют?! Абхазия – это что, ихняя собственность? Что, в Грузии больше нет дел?! Если не будут вести себя нормально, приведем в порядок и т. д.». Поверьте, все это не могло иметь ничего общего с дальновидной и хорошо продуманной политикой».

Безусловно, Н. Месхия также был не чужд, как и его грузинские коллеги, шаблонных умозаключений и выводов. Вот некоторые из них. Так, отмечая, что период гласности и перестройки в Абхазии был ознаменован усилением мононациональных настроений и тенденций, Месхия почему-то посчитал Конфедерацию народов Северного Кавказа созданной «спецслужбами бывшей империи». По нему выходило, что Россия сама себе подкладывала бомбу. Абсурд, разумеется, но такого рода обвинениями были увлечены тогда все грузинские политики. Им, как и Месхия, виделись сплошные козни Москвы, предпринимаемые «специально и целенаправленно для подрывных действий в Грузии». И Абхазия в том не была для них исключением, где, по словам наших оппонентов, «были сформированы, управляемые извне, сепаратистские группировки, которые

были объединены в политические организации «Аидгылара», «Славянский дом» и «Крунк»¹.

Но, в отличие от своих «единомышленников», Н. Месхия подмечал и факты несправедливого отношения к абхазам, их ущемленного состояния в социально-экономическом плане, в вопросах развития культуры и науки. В частности, вспоминая о своей работе в России, он писал: «Приходилось вылетать в такую глухомань, как Калмыкия, Мордовия и Чувашия. Слушая в гостинице телепередачи, я обратил тогда внимание на то, что в течение нескольких часов телевещание велось на непонятном мне, калмыцком, мордовском и чувашском языках. Знакомясь с достопримечательностями их столиц – Элисты, Саранска и Чебоксар, я также обратил внимание, что все они имеют университет с широким спектром различных факультетов, в том числе и медицинский. Это было в 1968 – 1970 гг. Об этом я часто вспоминал потом, спустя многие годы, будучи уже в Абхазии, и был удивлен, что в Абхазии всего этого еще не было: не было ни собственного телевидения, ни собственного университета, которыми давно уже пользовались эти, ничем уже не примечательные автономии Российской Федерации».

И затем автор воспоминаний эмоционально вопрошал: «А чем же провинилась Абхазия, и чем она была ниже их?! – не раз я думал об этом про себя в те годы. И, в самом деле, неужели нужны были политические волнения 1978 года и Лыхненские выступления 1988 г., чтобы, спустя годы, занять телевещание на своем абхазском языке и свой университет, с последующим трагическим его разделом на части – на грузинский и абхазский».

Небезынтересным будет и такое заключение Н. Месхия, исключительно редко встречающееся в среде грузинской элиты, и, полагаем, воспринятое ею в штыки. Обобщая предыдущие рассуждения, он отмечал: «Мы часто говорим о том, как были угнетены народы союзных республик, в том числе и грузины, и забываем при этом или полностью упускаем из виду состояние дел в бывших автономиях, обижаемся, когда нас называют малой империей, хотя характерные черты и признаки таковой, безусловно, были налицо. Их можно было заметить, если повнимательней и попристальней заглянуть правде в глаза!»².

¹ Напо Месхия. Как отторгалась Абхазия. Тбилиси – 2011. С. 17.

² Там же. С. 20.

Но власти Советской страны, и Грузии, тем более, не хотели замечать наличие советской колониальной системы в абхазской автономной республике. Автономия, надо прямо сказать, была чисто номинальной. Абхазия лишена была права решать кадровые вопросы во всех сферах жизнедеятельности, включая сюда рядовые должности. Все отрасли экономики являлись подконтрольными Тбилиси, за исключением некоторых предприятий местной промышленности и бытового обслуживания. Финансы контролировались на 90 процентов, железная дорога – на 100 процентов, почти то же самое и связь. Дабы не прослыть голословным приведу такой пример. В свое время, если память не изменяет, в середине 80-х годов в Сухум из Гудауты был переведен машинистом «кукушки» – привокзального маневрового электровоза, родственник автора этих строк. К тому времени заслуженный машинист, но единственный абхаз во всей железнодорожной системе Абхазии, ушел на повышение, если не ошибаюсь, на профсоюзную работу. И вот обращается ко мне за помощью, как к работнику обкома партии, тот самый родственник из Гудауты: помоги, дескать, прояснить причину – за что гнобят меня на работе. Мне спросить некого – кругом грузины, которые не снисходят до разговора со мной. Я обратился к заведующему отделом транспорта обкома и попросил его вмешаться, пояснив, что мой родич переведен из района в тысячный коллектив, и не на самую престижную должность. При мне же состоялся, я сам слышал, нелюбезный разговор моего коллеги с железнодорожным начальством. Проблема казалась исчерпанной. Через несколько месяцев, встретив по случаю родственника в Гудауте, спрашиваю: «Как идут дела в Сухуме?». – «О делах в Сухуме сказать ничего не могу, а в Гудауте – вроде неплохо», – отвечает он. Оказалось, что мой родственник все же вынужден был вернуться на старое место в родной город: не ужились с ним, единственным абхазом – машинистом старенького электровоза, в стопроцентном грузинском коллективе.

Это всего лишь один пример из той обстановки ожесточенной национальной непримиримости, жертвами чего становились представители национальных меньшинств в коллективах, преимущественное большинство которых составляли грузины. И это нездоровое положение не только не оздоравливалось, но, наоборот, с каж-

дым днем все больше обострялось с подачи лидеров грузинского агрессивного национализма.

По словам С. Лакоба, в начале 1989 года З. Гамсахурдия еще больше подлил масла в огонь, когда распространил среди картвельского населения (в основном мегрелов и сванов) Абхазии своеобразную инструкцию поведения (под которую подпал и Гудаутский машинист – **В. Ч.**) по отношению к абхазам под названием: «К грузинам Северо-Западной Грузии»¹.

Письмо Гамсахурдия, являвшееся наставлением для экстремистов в борьбе с абхазами, также и другие воззвания лидеров различных неформальных групп и сообществ, воспринимались большинством грузинской общины как призыв к открытой конфронтации с коренным населением. Основная цель этой акции – запугать абхазское население, продемонстрировав тем самым, кто в доме хозяин.

«На этом неблагоприятном фоне, как отмечал С. Лакоба, нарастала волна новой грузинизации Абхазии, открывались разные демографические фонды, скупались за бесценок дома, земли, квартиры, из районов Грузии в Абхазию устремился новый поток переселенцев. Сванам стали внушать, что это их земля».

Исследователь, напомнив результаты грузинизации абхазской земли, указал на связь между количественным ростом переселенцев и возрастанием их агрессии и шовинизма по отношению к коренному абхазскому населению. К примеру, это происходило, по словам ученого, следующим образом: «За последние сто лет в результате грузинской колонизации этнодемографическая ситуация в Абхазии коренным образом изменилась. Так, в 1886 г. абхазы составляли здесь 85, 7% всего населения, а картвелы (грузины, мегрелы, сваны) – 6%. В 1989 г. положение выглядело следующим образом: абхазы составляли 17, 8%, а грузины – 45, 7%. Почувствовав численное преимущество, грузины стали заявлять, что это их земля, что абхазы – «пришельцы с гор» и вообще не народ, так как их «мало»².

Все же следует отметить, что, несмотря на складывавшуюся тревожную ситуацию, во второй половине 80-х годов и вплоть до раз-

¹ Станислав Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? (О политике России в Абхазии в постсоветский период. 1991 – 2000 гг.). Сапоро – 2001. С. 9.

² Там же. С. 9.

вала СССР, абхазское население и его освободительное движение определенные надежды возлагали на центральные власти страны, в частности, на XIX Всесоюзную конференцию КПСС, пленум ЦК по национальному вопросу. В адрес конференции было направлено в 1988 году обращение группы абхазской интеллигенции, так называемое письмо «шестидесяти». О том, что ожидания абхазов от этого партийного форума, как и всех советских людей, были большие, свидетельствуют строки из письма, предворявшие само содержание послания. Полагаясь на объективность «нового» советского руководства, представители абхазской научной и творческой элиты с искренней надеждой писали: «Сегодня, благодаря историческим решениям XXVII съезда КПСС и последующих пленумов ЦК КПСС, наметившими курс на перестройку всех сторон жизни нашей страны, происходят большие благотворные изменения в экономике, политике, идеологии, культуре советских народов. Гласность становится нормой жизни советских людей, стимулируя их социально-политическую активность. В такой многонациональной стране, как СССР, процесс перестройки не может не коснуться и вопросов усовершенствования национальных отношений. И не случайно ЦК КПСС намерен один из ближайших пленумов посвятить проблемам национальной политики»¹.

Забегая вперед, отметим, что и конференция, и состоявшийся в 1989 году пленум ЦК КПСС по национальному вопросу, никаких полезных изменений, несмотря на обещания Горбачева и его соратников, в жизнь советских людей, в том числе и абхазов, не привнесли. Наоборот, обстановка в целом по стране становилась все более неустойчивой и тревожной. Исследователь И. Цушба по этому поводу отмечал: «Горбачев был убежден, что после реформы, проведенной «сверху», страна обретет второе дыхание. Провозглашая курс на ускорение, он, видимо, надеялся с минимальными затратами за счет «скрытых резервов» в короткий срок добиться подъема экономики. Однако все попытки провести преобразования без глубоко продуманной концепции были обречены на провал...».

Но дела шли неважно не только в сфере экономики, а также и в области идеологии, национальной политики, в культурной и духов-

¹ Абхазские письма (1947 – 1989). Сборник документов. Том 1. Сухум – 1994. С. 383.

ной сферах. Явно искусственно подогревались с использованием СМИ сепаратистские тенденции в союзных республиках, разрушались худо-бедно существовавшие скрепы советской общности, активизировался процесс разочарования социалистическими ценностями и постулатами в широких кругах советского общества. Этому способствовали крупные партийные идеологи и практики, такие, как Яковлев, Ельцин, Шеварднадзе, с самим Горбачевым во главе, который вольно или невольно являлся главным застрельщиком процессов, ставших, в конечном счете, гибельными для Советской страны.

В этой связи И. Цушба подчеркивал, что в республиках СССР нарастала национальная напряженность (конфликты в Азербайджане, Узбекистане, Таджикистане, митинги и демонстрации в прибалтийских республиках, Грузии, Молдове. – **В. Ч.**). Выдвигались требования о признании государственного статуса национальных языков, возвращения на историческую родину депортированных народов (в частности, турок-месхетинцев в Грузию. – **В. Ч.**), выводе советских войск и российских «мигрантов» из республик (Грузия, прибалтийские республики. – **В. Ч.**). С 1988 года начинается череда межнациональных вооруженных столкновений».

Отмечал исследователь и резкое, с началом перестройки и гласности, изменение политического ландшафта почти во всех республиках Советского Союза. Он характеризовал этот процесс таким образом: «Политическая либерализация привела к росту числа неформальных группировок, с 1988 года включившихся в политическую деятельность. Праобразамы будущих политических партий стали союзы, ассоциаций и народные фронты разных направлений (националистические, патриотические, либеральные, демократические и т. п.). Традиционные политические институты утрачивали свою власть, уступая ее этим новообразованиям. Монополия КПСС на власть утрачивалась, с середины 1990 года начался быстрый переход к многопартийности. Эти процессы протекали на фоне «бархатной революции» в Чехословакии (1989 г.), объединения Германии и исчезновения ГДР (1990 г.), – реформ в Венгрии, Польше и Болгарии. Соцлагерь распался»¹.

¹ Иван Цушба. Национальный вопрос в России. Сухум – 2004. С. 193 – 195.

В этих условиях, когда на центр слаба была надежда, абхазам пришлось защищаться, как в физическом плане, так и психологическом, духовным смысле. Во второй половине 80-х активом абхазского национально-освободительного движения создается общественно-политическая организация Народный Форум Абхазии (декабрь 1988 года), куда вскоре вошли и представители общественных организаций всех национальных общин автономной республики, кроме грузинской общины. НФА также выступает инициатором образования Конфедерации Горских Народов Кавказа и, вместе с братскими народами Северного Кавказа, становится ее полноправным членом. Создаются также средства информации Народного Форума на двух языках: с 1989 года выходят печатные издания «Аидгылара» (на абхазском языке, редактор – Г. Аламиа), «Единение» (на русском языке, редактор – Н. Джонуа).

За все время советской власти, за исключением, в определенной степени, десятилетнего периода существования ССРА, СМИ Абхазии находились под жестким контролем партийно-советских органов грузинской метрополии. Главные редакторы трех республиканских газет (грузинские и абхазские партийные власти упорно называли газеты областными) назначались вначале секретариатом ЦК КП Грузии (т. е. узким кругом секретарей ЦК. – **В. Ч.**), а только затем происходило утверждение (дублирование) редакторов на бюро Абхазского обкома партии. Утверждаю сие не понаслышке, а как куратор СМИ Абхазии на партийной работе в обкоме партии. Такое положение, разумеется, обязывало редакторов партийно-советских газет постоянно оглядываться на грузинские власти, поскольку абхазское руководство не имело ни прав, ни желания проводить собственную информационную политику. А, значит, местные власти не могли быть защитой собственных средств информации и их руководителей. Отсюда, мягко говоря, неприятие редакциями печатных изданий материалов абхазских публицистов, пытавшихся противодействовать разнузданной антиабхазской пропагандистской кампании с участием представителей грузинской элиты. Большинство полемических материалов, подготовленных абхазскими учеными, деятелями литературы и искусства, как правило, отвергались редакциями абхазских средств информации, или же надолго отправлялись в редакционный портфель. Но было одно исключе-

ние: это газета «Бзыбь» – печатное издание, выходившее в Гудаутском районе. В этой газете печатались многие публицисты, ученые, общественные деятели, активисты освободительного движения на протяжении десятилетий. Это было непросто в ситуации, когда на районное печатное издание оказывалось сильнейшее административное и психологическое давление партийно-советских верхов Грузии. Но руководство редакции в лице редактора, его заместителя – Н. Лушба и А. Возба, коллектив газеты, ни на йоту не отступили от поддержки права абхазской общественности на свободу слова, выражавшейся в публикации материалов, направленных в защиту абхазской государственности, культуры и истории коренного народа.

Позже появились республиканские газеты «Абхазия» (1989 г.) и «Республика Абхазия» (1991 г.), были также реформированы и другие средства информации, т. е. они были переведены в подчинение Верховного Совета Абхазии, возглавляемого В. Г. Ардзинба. Эти перемены определили коренной перелом в освещении злободневных проблем автономной республики, что уже происходило вне рамок контроля и опеки грузинской метрополии. Безусловно, решительная деятельность нового главы Абхазии по реформированию политических, экономических, информационных основ суверенитета автономии, не позволяла Тбилиси распространять свое влияние на структуры жизнедеятельности республики, в том числе и на средства массовой информации Абхазии, кроме тех из них, которые выходили на грузинском языке.

Таким образом, во второй половине 80-х и в начале 90-х годов кардинально изменилось в лучшую сторону разумеется, положение национально-патриотических сил автономной республики, получивших возможность свободно отстаивать права, свободу и честь абхазского народа, отвечать печатным словом на инсинуации, клевету и откровенную ложь фальсификаторов из Тбилиси. Теперь уже абхазы обрели те самые возможности свободы слова и мысли, которых так долго, на протяжении десятилетий советской власти, были напрочь лишены. Источники – документы, письма, обращения лидеров и активистов национального движения, опубликованные после грузино-абхазской войны, наглядно показывают, что в прошлом не было возможности ознакомить общественность через средства информации о проводимой абхазскими патриотами

деятельности: о том, как проходили сходы, собрания и встречи, о принимаемых на них решениях, о содержании десятков писем и обращений в адрес высших органов власти. С другой стороны, когда власти обрушивали на активистов движения град обвинений: в клевете на грузинское руководство, в антисоветизме, якобы извращении национальной политики партии и прочих прегрешениях, как правило, публикуемых на страницах подконтрольной печати, обвиняемые не имели возможности оппонировать своим обвинителям. И это длилось не одно десятилетие.

Выше отмечалось, что, начиная с постсталинской эпохи, когда наверх, руководству СССР, писали письма и обращения даже высокопоставленные руководители Абхазии, эти материалы не могли быть опубликованными, как в местных средствах информации, так и центральной советской прессой. То же самое происходило и в период так называемой «оттепели», в те же Брежневские времена развитого социализма, вплоть до второй половины 80-х годов 20-го столетия. И потому, с полным на то основанием можно заключить, что тематика национально-освободительного движения, за редким исключением, оказалась неподъемной для абхазской публицистики в рамках почти всего срока советской власти. Безусловно, такое имело место не по вине самих пишущих. Средства информации автономии, повторимся, будучи зависимыми от властей метрополии, не решались на публикацию материалов, отмечавших необходимость расширения прав абхазского народа и представление республике реальных полномочий в решении экономических, социальных и культурных вопросов. Потому на страницах ведущих печатных органов того периода полностью отсутствовали публикации, которые сообщали бы общественности о содержании и смысле деятельности освободительного движения, о его противостоянии планам руководства грузинской метрополии, направленных, как и во времена господства тоталитарного режима, на полное освоение грузинами абхазской республики.

В таких условиях функции по гласной защите прав и интересов коренного народа, как отмечалось выше, стали выполнять печатные издания Народного Форума. Еще раньше аналогичные материалы публиковались на страницах районной газеты «Бзыбь». Позже, наряду с указанными печатными изданиями, подключились к этой

деятельности средства информации, созданные заново и реформированные В. Г. Ардзинба в начале 90-х годов. Они, эти издания, уже были независимы в организационном и идейно-политическом отношении от грузинской власти и элиты, более того, разделяли чаяния и настроения освободительного движения – передового, пассивного авангарда абхазского народа.

К тому времени, что важно отметить, национально-освободительное движение претерпело значительную трансформацию. То есть, движение из сугубо национальной общественно-политической силы превращается в союз всех представителей национальных общин Абхазии, кроме грузинского населения. Это стало большим политическим достижением Народного Форума и лидера Абхазии В. Ардзинба, сумевших привлечь умы и сердца русских, армян, греков и других политической и экономической программой, основанной, в отличие от грузинских национал-радикалов, на интернационализме и ориентации на СССР, а позже – на Российскую Федерацию. Объединяются в едином блоке «Союз» Народный Форум «Аидгылара», «Славянский дом», общественная организация армян «Крунк», Демократическая партия, Сухумское общество интернационалистов, Народный союз «Абхазия» и другие.

Немногом ранее происходит знаменательное событие, ставшее поистине историческим по своему значению. Так, создание на первом съезде братских северокавказских народов (август 1989 года) Ассамблеи горских народов Кавказа во главе с Ю. Шанибовым оказалось сильнейшим подспорьем для абхазского освободительного движения. Вскоре ареал влияния и политические масштабы этой организации расширяются и усиливаются. В ходе второго съезда (октябрь 1990 года) Ассамблея преобразовывается в Конфедерацию народов Кавказа (КНК). Членами Конфедерации также становятся казаки Ставрополя, Кубани и Дона...»¹.

В тот период власти Тбилиси и шовинистическая элита, уверенные в своей мощи, а, значит, и в способности, в силу численного большинства, подавить любое противостояние грузинским планам отсоединения от Советской страны вместе с автономиями, развязывают агрессивную пропангандистскую войну. Это демонстрации,

митинги, сидячие забастовки, инспирируемые силами метрополии, а также идейно-психологические атаки грузинских фальсификаторов абхазской истории, культуры, языка. Запугать во что бы то ни стало всех: абхазов, осетин, русских армян. И заставить их поверить, что нет иного выбора, кроме цели, означенной грузинским агрессивным националистическим большинством. К этой, далеко не благородной деятельности были подключены именитые грузинские историки, известные писатели, публицисты, общественные и политические лидеры.

Такова, к примеру, оценка отмеченного периода одним из лидеров освободительного движения С. Шамба: «После народного схода в селе Лыхны общественно-политическая обстановка в Грузии и Абхазии становится еще более напряженной. Республику захлестывает новая волна митингов и забастовок, проводимых грузинскими неформальными организациями. На них все резче и откровеннее звучат требования об упразднении Абхазской автономной республики, о снятии с занимаемых должностей ряда ответственных работников, подписавших Лыхненское обращение. Грузинская пресса продолжает раздувать антиабхазскую истерию. Даже официальные грузинские печатные издания, ничем не гнушаясь, публикуют нацистские призывы».

Однако намерения грузинских неформалов, задуманные как способ устрашения «инакомыслящих», наоборот, приводят к иному результату. О том доктор исторических наук С. Шамба сообщает следующее: «В этой фазе грузино-абхазского политического противостояния формируется массовое восприятие общности «народ Абхазии», когда большая часть населения начинает разделять идеи национально-освободительного движения. Составной частью этих новых общественных веяний становится реакция на агрессивный грузинский шовинизм. Ярким примером настроений, царивших в это время в Грузии, является высказывание писателя А. Силагадзе в газете «Литературели Сакартвело» от 11 сентября 1988 года, который пишет: «В Грузии ничего негрузинского не должно быть. Не грузин тоже должен стать грузином в Грузии...».

Другой, не менее известный литератор и публицист, Чабуа Амиреджиби, которого цитирует С. Шамба, выражался почти на грани площадной брани, утверждая, что «Абхазы – грузинское племя. А

¹ С. Шамба. «Аидгылара» - 20 лет». Сухум – 2009. С. 17.

те, кто пришел к нам с Северного Кавказа, – всякая шваль, адыгея, убийцы и полудикие племена...».

То же самое твердили по поводу истории абхазского народа и другие сотоварищи Амирэджиби по литературному цеху, отмечавшие, что «пару веков тому назад с Северного Кавказа к нам пришли адыгские племена (апсилы и абазги). Мы пригрели их на нашей грузинской земле...». И теперь, мол, «пришелец из-за гор, покрывший мхом нашу национальную плоть, оспаривает нашу землю». (Газета «Ахалгазрда коммунисти», 6 мая 1989 года)¹.

Дальше всех пошел в своих измышлениях писатель Р. Мишвеладзе, направивший открытое послание известному абхазскому и российскому литератору Ф. Искандеру. В письме, в частности, в беззастенчиво-лживой манере грузинской элиты, отмечалось: «... в природе никогда и нигде не существовали ни абхазский язык, ни абхазская культура, а проклятые большевики ввели в заблуждение наивных адыгейцев, придумали для них на территории Грузии абхазскую автономию, в паспортах записали несуществующую национальность «абхаз»².

Десятки подобных материалов каждодневно заполняли страницы грузинских печатных изданий. Но уже в отличие от предыдущих периодов советской истории Абхазии эти пасквили во второй половине 80-х и в начале 90-х годов безответными не оставались. Абхазская публицистика, представленная довольно значительным числом деятелей науки, культуры и творчества, весьма результативно отвечала на враждебные выпады абхазских оппонентов. И самое главное, что к тому времени постепенно укреплялись и расширялись ряды тех, кто готов был дать отпор грузинскому шовинизму, в том числе и на страницах печати. С начала 90-х также в наличии были уже и средства информации, реформированные В. Г. Ардзинба, и потому готовые защитить абхазские интересы.

И все же до конца 80-х годов активными проводниками идеологии освободительного движения были лишь газеты Народного Форума, Гудаутская районная газета «Бзыбь», русская и абхазская редакций гагрской городской газеты «Авангард». В то же время пу-

бликации грузинской части редакции «Авангарда» отличались сугубо антиабхазской направленностью. Аналогичной была позиция и республиканской газеты «Сабчота Абхазети», некоторых районных газет, выходивших на грузинском языке. Солидарную же с абхазами позицию занимали также некоторые издания общественно-политических организаций, сформированных негрузинскими национальными общинами Абхазии. И даже в таких стесненных условиях абхазские публицисты не оставляли без внимания ни одного злобного выпада апологетов грузинского агрессивного национализма. Да они и не могли не оказаться в поле зрения абхазской общественности, поскольку все грузинские СМИ считали своим неременным долгом пройтись публицистическим «кнутом» метрополии по абхазским «сепаратистам».

Но время-то было уже другим: тоталитарный режим Сталина и Берия канул в вечность, вместо уничтоженной ими почти на корню абхазской элиты, постепенно, преодолевая препятствия и трудности, вырастала новая плеяда интеллигенции. Уже были силы, старшее и молодое поколение представителей научной и творческой среды, вполне квалифицированно и достойно отстаивавших принципы честности и достоверности в освещении проблем абхазской истории и культуры, языка народа и его государственности. Это был тот перечень вопросов, которой нещадно подвергался преднамеренной фальсификации грузинскими учеными, писателями и публицистами. Наряду со старшими коллегами: Ш. Инал - ипа, Б. Сагария, Т. Шакрыл, Н. Тарба, А. Гогуа, Д. Ахуба, О. Шамба, И. Марыхуба, Г. Шамба, С. Зухба, Е. Аджинджал, А. Возба, Ю. Лакербай, З. Агрба и другими, в идейно-психологической борьбе с грузинскими оппонентами активное участие принимало и младшее поколение представителей абхазской научной и творческой элиты. Весомый вклад в духовно - психологическую поддержку освободительного движения внесли в ту пору научно - публицистические выступления С. Лакоба, Ю. Воронова, С. Шамба, В. Цвинария, В. Кварчия, Н. Джонуа, Г. Аламиа, В. Бганба, В. Бутба и других.

Следует отметить, что произведения абхазских публицистов, в бескомпромиссном полемическом споре освещавших вопросы отечественной истории, культуры, этнографии, а также политики и экономики, были созданы на высоком профессиональном уровне,

¹ С. Шамба. «Аидгылара» - 20 лет». Сухум – 2009. С. 15.

² Там же. С. 15. // Газета «Ахалгазрда ивериели», 11 декабря 1990 года.

обладали убедительной аргументацией, выверенной логикой, достоверными фактами и свидетельствами. Материалы, в основном полемического характера, написанные в свободной манере, на хорошем литературном языке для читателя были доходчивы и привлекательны. Это было особенно важно, поскольку в читательской аудитории Абхазии грузины занимали солидную нишу. Нет сомнения, что они, поглащая печатные пасквили своих духовных «гуру», также не оставляли без внимания и ответные, как правило, острые и нелицеприятные для них по своей правдивости, потому и привлекательные, публикации абхазских авторов.

Внимание абхазских и грузинских публицистов долгое время было приковано к событиям, имевшим место в Абхазии в 1989 году. Это – всенародный Лыхненский сход 18 марта, выступление В. Г. Ардзинба на первом съезде народных депутатов СССР 2 июня, столкновения 15 – 16 июля в Сухуме, справоцированные властями грузинской метрополии. Два эпохальных события – Лыхненское обращение и выступление В. Ардзинба – «имели целью в рамках Советского государства ослабить цепкую хватку грузинской «малой империи», и с помощью центральных партийных и советских органов наполнить номинальные властные полномочия абхазской автономии суверенитетом и правами, коими в ту пору обладали союзные республики. Таким образом, можно констатировать, что на излете 80-х годов прошлого века национально-освободительное движение имело программной целью освобождение абхазского народа от грузинской колониальной зависимости»¹.

О том свидетельствует лейтмотив Обращения (историческая справка документа подготовлена под редакцией С. З. Лакоба) многотысячного народного схода, который констатировал: «Весь многолетний опыт вхождения Абхазии на правах автономной республики в Грузинскую ССР показал невозможность их равноправного сосуществования без восстановления изначальных ленинских принципов советской федерации, союза республик, обладающих реальным суверенитетом во всех сферах государственной жизни»².

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005). Сухум – 2017. С. 36.

² Страницы грузино-абхазской информационной войны. Документы и материалы. Том I. Составители: Т. А. Ачугба, Д. Т. Ачугба. Сухум – 2015. С. 34.

Таким образом, отметив «невозможность равноправного сосуществования» на основе многолетнего опыта советской власти, сход постановил просить высшие партийные и советские органы СССР «восстановить статус Советской Социалистической Республики Абхазии, каковой она была провозглашена в 1921 году при жизни В. И. Ленина».

Выше отмеченный пункт документа касался конкретно Абхазии. Но мало кто из исследователей обращает должное внимание на следующее предложение схода, адресованное вниманию высоких советских инстанций. В нем как раз и закладывалась основа, которая предотвращала бы впредь злоупотребления власть предержащих, намеренно понижавших, как это было в прошлом, государственно-правовой статус абхазской республики. Так, народный сход, выходя за рамки собственной проблемы, предлагал Москве «пересмотреть многократную систему неоднородных государственных образований, подрывающую ленинские принципы равноправия народов СССР». Тем самым, Обращение напоминало о необходимости возвращения к основополагающим принципам «Декларации прав народов России» (2 ноября 1917 года).

Заметим, что этот акт Российского правительства того времени был одним из самых, наряду с Декретами о мире и земле, революционных и справедливых решений по национально-территориальному обустройству огромной страны. Он отмечал равенство и суверенность народов России, право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России¹.

Таковой вначале, на заре советской власти, была концепция федерации равноправных народов России. Но буквально через пару месяцев, большевики отказываются от провозглашенного лозунга, опасаясь, как полагаем, свободы народов, построенной на принципах этнического федерализма. Уже тогда, видимо, сомнения Ленина в верности такой постановки национального вопроса вылились в ее

¹ Иван Цушба. Национальный вопрос в России. Сухум – 2004. С. 103.

модернизацию в следующем виде: «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». И, как справедливо отмечает историк И. Цушба, разница между первым и вторым вариантом была весьма существенной. В документе, подготовленном лично В. И. Лениным в январе 1918 года, утверждалась свобода прав именно «трудящегося и эксплуатируемого народа, а не в целом народов»¹.

Исследователь также отмечает, что Ленин «предложил Всенародному Учредительному собранию принять эту декларацию и признать декреты советской власти. Когда же делегаты Учредительного собрания не приняли Декларацию и не признали декреты Советского государства, большевики силой разогнали Учредительное собрание. Этим и завершился окончательно и бесповоротно период Российской демократии»².

Однако трансформация «прав народов России» происходила и в дальнейшем. В январе 1918 года была принята на третьем Всероссийском съезде Советов Ленинская «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, провозгласившая, что Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация национальных республик. Но первая Советская Конституция (принята 4 июля 1918 года) закрепила Сталинский национально-территориальный принцип формирования Российской Федерации. Таким образом, по словам И. Цушба, «Ленинская декларация (прав трудящегося и эксплуатируемого народа. – **В. Ч.**) похоронила «Декларацию прав народов России», требовавшую этнического федерализма в Советской России, и она, Ленинская Декларация, дала возможность Сталину организовать стратификацию народов, подчинить одни народы другим, объединить этнически далекие народы в одну республику, соединить не соединимое»³.

И вот, по прошествии десятилетий советской власти, сход абхазского народа в марте 1989 года предлагал вернуться к изначальному принципу свободного и равноправного государственнообразующего союза народов великой страны. В том, видимо, абхазы предвидели гарантии сохранения великой державы, которую уже

¹ Иван Цушба. Национальный вопрос в России. Сухум – 2004. С. 104.

² Там же. С. 104.

³ Там же. С. 105 – 106.

расшатывали объективные и субъективные обстоятельства, как в экономической области, так и в сфере национально - государственного обустройства советских народов, скрепленных еще тоталитарным сталинским форматом.

Стремление абхазского народа обрести утраченный статус суверенной советской республики и освободиться от пут грузинской метрополии, наглядно продемонстрированный 37-тысячным Лыхненским сходом – плебисцитом населения, развил и озвучил на всю Советскую страну народный депутат СССР от Абхазии В. Г. Ардзинба. Ученый – хеттолог, доктор исторических наук, волею providения призванный к служению отечеству, тогда, на первом съезде народных депутатов СССР, неимоверным усилием добившись слова, и взойдя на Всесоюзную трибуну, произнес ту самую эпохальную речь, ставшую сразу же выдающимся публицистическим произведением в новейшей абхазской истории. Ибо таково было содержание самой речи, значение ее воздействия на многомиллионную советскую аудиторию. И тем самым В. Ардзинба, после его эпохальной речи, доселе больше известный как ученый, вошел в число влиятельных политиков не только своей небольшой страны, но и в масштабе всего Советского Союза.

Отметим несколько аспектов выступления Ардзинба, которые убедительно доказывали правомерность массового абхазского протестного выступления, вызванного давними колониальными порядками грузинской метрополии, установленными еще в период тоталитарного режима. Тогда на съезде В. Ардзинба, сделав вначале исторический экскурс, состоявший из негативных, а большей частью, примеров ущемления прав и интересов, массовых репрессий против абхазского народа и его урезанной государственности в составе Грузинской ССР, напомнил, что руководители союзной республики так и не извлекли уроков из прошлого. Более того, продолжил он, не прислушиваются они и к нынешним требованиям абхазского народа, обеспокоенного действиями в Абхазии т. н. поборников «демократии» из Тбилиси, пытающихся силой навязать свои новые идеи и порядки на абхазской земле. «Все это вместе взятое, – отмечал Ардзинба, – стало причиной того, что 18 марта 1989 года в селе Лыхны на исторической площади, где издревле решались важные для судеб народа вопросы, был проведен санкционированный

митинг, на котором было принято Обращение, направленное Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР и ряду научных учреждений... В нем была высказана просьба восстановить статус Советской Социалистической Республики, который Абхазия имела в 1921 году...»¹.

В том своем выступлении Владислав Григорьевич учитывал обстановку, которая в ту пору была весьма неустойчивой и опасной. Ему, ясное дело, необходимо было проводить гибкую и осмотрительную политику в борьбе с все более набравшим силу грузинским экстремизмом, имевшим, как государственную подпитку, так и поддержку различных неформальных организаций. И чтобы уберечь абхазскую республику от излишней конфронтации с агрессивными кругами метрополии, В. Ардзинба в дипломатичной облатке разъяснял главный мотив Лыхненского обращения. Например, по поводу независимого от Грузии статуса Абхазии, он констатировал следующее: «Вопреки утверждениям это означает не выход, а восстановление статуса договорной Абхазии. Такой статус, согласно договору 1921 года между Социалистической Советской Республикой Абхазия и Советской Социалистической Республикой Грузия, давал возможность Абхазии самостоятельно решать свою судьбу в случае возникновения вопроса о выходе другой союзной республики из СССР, потому что абхазский народ считает нахождение в СССР единственно возможным способом сохранения своей национальной самобытности».

В. Ардзинба, составляя свою речь, безусловно, учитывал многие факторы: и аудиторию съезда, политическую ситуацию, как в Союзе ССР, так и в Грузии, Абхазии. Было заметно, что его выступление воспринималось большинством народных депутатов одобрительно. Свидетельством тому аплодисменты, которыми завершались многие его тезисы. Но в речи Владислава не было ни грана популизма, чем частенько злоупотребляли некоторые известные народные депутаты той поры. Перед В. Ардзинба стояли иные задачи. Он, полагая, готовясь к выступлению, скрупулезно рассчитывал и последующий эффект от сказанного им. О том, как будут восприняты его

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум – 2017. С. 36 – 37.

слова абхазами, агрессивной Грузией, также о реакции на выступление влиятельных политических кругов Советской государственности, от которых, в конечном счете, и зависело решение вопроса, как Абхазии, так и других автономных образований страны.

Например, один из посылов той речи был направлен на то, чтобы упредить обвинения грузинской стороны, также и их союзников и покровителей, в, дескать, эгоистическом национализме титульного народа, пожелавшего обрести некие политические дивиденды за счет других национальных групп населения. По этому поводу В. Ардзинба, настойчиво убеждая не только народных депутатов, но, как полагаем, и население Абхазии и Грузии, отмечал: «... Расширение прав республики – в интересах всего многонационального населения Абхазской АССР и не создает преимуществ какому-либо народу. Обращение ни в коей мере не направлено против грузинского народа, с которым мы желаем и в дальнейшем жить в мире и дружбе»¹.

Однако ни власти Грузии, ни лидеры неформальных организаций и обществ не приняли к сведению разумные разъяснения народного депутата Союзного парламента от Абхазии, ставшего вскоре главой абхазской республики. Более того, осатаневшая от Лыхненского обращения и выступления на съезде В. Ардзинба, грузинская шовинистическая элита, при поддержке безвольного руководителя грузинской компартии Г. Гумбаридзе, стала проводить еще более жесткую кампанию по дискредитации истории и культуры абхазов, языка и государственности. В первой шеренге провокаторов, раздувавших антиабхазскую истерию, находились Гамсахурдия, Костава, Церетели, Чантурия, Натадзе – руководители ведущих общественно-политических объединений Грузии. Им подпевали (а по меткому выражению В. В. Путина – «подхрюкивали») грузинские историки и литераторы, публицисты и журналисты: каждый из них спешил кинуть камень в огород абхазов, дабы заработать похвалу неформалов. В том пытались с рвением преуспеть ученые с академическими регалиями, доктора наук, классики грузинской прозы и поэзии – все они ринулись на газетные и журнальные страницы, дабы публицистическим словом поразить неблагодарных абхазских «сепаратистов». Кстати, позабыв при этом, что сами-то во всю прыть стремились отделиться от великой страны, которая и произ-

¹ Там же. С. 37 – 38.

вела грузинскую разрозненную вотчину, за счет других земель и народов, в компактную советскую республику. А самих разноплеменных картвелов – в единый и «неделимый» этнос.

Но говорят же, в своем глазу бревно, что соломинка в чужом, так и у грузин случилось. Взъелись тогда на абхазов сильно: мол, отделиться захотели, не спросясь. А по какому праву? Земля-то издревле грузинская, а вы, дескать, пришельцы. В таком разе – век вам свободы не видать! Примерно таким был лексикон самых продвинутых грузин – деятелей от науки и культуры. Тогда в публицистику выше отмеченных цветов ударились титулованные ученые, академики, профессора, известные литераторы и филологи, весь цвет грузинской науки и творчества. Полосы газет пестрели громкими именами, стоявшими под антиабхазскими пасквилями и измышлениями: Гамкрелидзе, Георгадзе, Ломоури, Чантурия, Гванцеладзе, Бакрадзе, Лордкипанидзе, Качарава, Стураа...

Да кто только не упражнялся на антиабхазской стезе. Готовясь к ликвидации абхазской государственности, грузинская шовинистическая научная и творческая элита (оказывается, и такое – шовинизм и творчество – вполне совместимые качества, по крайней мере, в условиях Грузии), также по-своему пыталась научно обосновать отъем у абхазов их Отчизны. И лейтмотив «сочинений» заядлых фальсификаторов, уже не довольствовавшихся пресловутой теорией дваборигенности, в обобщенной форме был таким: «Племена, пришедшие в гости, назвали себя именем древнейшего грузинского племени – абхазы, пользуясь нашей наивной добротой, навязали свой адыгейский язык грузинскому абхазу, который тысячелетиями говорил только на грузинском языке»¹.

Как уже отмечалось, в тот период, до прихода во власть в Абхазии В. Г. Ардзинба в декабре 1990 года, отвечать на подобные оскорбительные выпады «интеллигентных» грузин со страниц ведущих абхазских СМИ было весьма сложно, поскольку они подчинялись больше Тбилиси, нежели Сухуму. Получалось, что для отпора грузинским наветам у абхазских публицистов в конце 80-х была только одна возможность – обращение к изданиям Народного Форума и Гудаутской газете «Бзыбь». И этим путем прошли все те, кто

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум – 2017. С. 43.

не побоялся вступить в единоборство с охранительной идеологией и практикой грузинской метрополии. Среди них были и представители старшего поколения абхазской интеллигенции, и те, кто принял последующую эстафету борьбы за освобождение родины от грузинской колониальной зависимости.

Академик, профессор, доктор исторических наук Б. Е. Сагария (1.05. 1926 – 16. 11. 2005) был не только крупным ученым-историком, но также активным публицистом, печатавшимся в различных изданиях республики. Баджгур Еснатович в отмеченное время, будучи доктором исторических наук, лауреатом Государственной премии имени Д. И. Гулиа, отнес свою довольно объемную статью, озаглавленную «О белых и черных пятнах в истории Абхазии», не в полноформатные республиканские издания абхазских властей, а в редакцию газеты «Единение», выходившей под эгидой Народного Форума. Ибо он знал, что его «проабхазская» статья здесь не заложится, не будет отправлена в редакционный портфель, как это случилось с его материалами в той же «Советской Абхазии».

Впрочем, ничего проабхазского в той публикации не было. Ученый-историк, скурупулезно поработав над источниками, кои не всем были доступны, явил на суд общественности трагическую картину Абхазии эпохи Сталина и Берия. Со всеми расстрелами, тюремными истязаниями, закрытием абхазских школ, заменой абхазского алфавита и топонимических названий и прочими черными делами бериевской шайки после гибели Н. Лакоба. Наряду с тем автором приводились в печати неизвестные в тот период общественности сведения о широкомасштабной демографической диверсии против абхазского народа, спланированной в штаб-квартире Сталина в Москве под кодовым названием «Абхазпереселенстрой». Для создания условий быстрой ассимиляции абхазов во второй половине 30-х годов было сформировано специальное подразделение. Называлась эта государственная организация, словно в насмешку, но, полагаем, скорее, в угрозу, «Абхазпереселенстрой», хотя призвана была переселить десятки тысяч жителей из «малоземельных» районов Грузии на «веками заброшенные» земли Абхазии. Соответствующая организация была создана также и в Грузии, а позже в Москве – управление при Совнаркомом СССР. На таком высоком официальном уровне вели дела тогдашние власти Грузии и Абхазии. Здесь

же выскажем и такое предположение, возможно, парадоксальное, о том, что решение Сталина об ассимиляции абхазов в грузинской среде предотвратило и такой чудовищный акт, как выселение абхазов, причем много раньше, чем балкарцев, чеченцев, ингушей, крымских татар и др. этносов в сибирские или казахстанские просторы. Что было бы предпочтительней, коли то или другое свершилось – сегодня трудно сказать. Ясно одно – что гибель народа была бы неминуема в любом случае.

О том, как шел процесс массового заселения Абхазии грузинскими колонистами академик Б. Сагария писал следующее: «С 1937 года началось практическое осуществление не только переселенческой политики, но и всего комплекса мероприятий, о чем мечтали Н. Жордания, Н. Рамишвили и др. Вдохновителем и организатором этой гнусной шовинистической политики был Берия (полагаем, что последний все же был «гнусным» исполнителем, а вдохновителем, скорее всего, являлся Кремлевский сиделец Сталин. – **В. Ч.**). Массовое переселение колхозников из западных районов Грузии началось с 1937 года и продолжалось до середины 1950-х гг. Коснулись лишь мероприятий по переселению в Абхазию с конца 30-х годов до 1944 года. В докладе Госплана Абхазии правительству по поводу переселенческих мероприятий говорилось: «По инициативе любимого сына грузинского народа Л. П. Берия (странно все-таки, что грузинами любим мегрел Берия, а русскими – грузин Сталин. – **В. Ч.**) в Абхазию переселяются из малоземельных районов Грузии тысячи крестьянских хозяйств, которые осваивают огромное количество веками заброшенных земель. Организовано 11 новых переселенческих колхозов, из малоземельных районов Грузинской ССР переселено 1.650 крестьянских хозяйств и к концу 1944 г. количество переселенческих хозяйств достигнет 5. 404». Далее отмечалось, что «всего за три года число переселенческих хозяйств составило 2. 120, а количество переселенцев свыше 10. 600 человек. На эти переселенческие мероприятия с 1939-го по 1940 годы было затрачено 32, 2 млн. рублей, а для благоустройства территорий правлений новых колхозов 5, 5 млн. рублей (вместо того, чтобы укреплять Красную Армию накануне фашистской агрессии, «рачительный» Сталин щедро финансировал переселенческую кампанию своих соплеменников. – **В. Ч.**)».

Автор показывает, как подобострастно рапортовал о достижениях в переселении грузин номинально абхазский Госплан почти на сто процентов грузинскому правительству Абхазии, колонизированной к тому времени Тифлисом абхазской республики. То же самое безропотное согласие изъявляли, ясное дело, и руководители рангом пониже. Как отмечал публицист, «председатели Гудаутского, Гагрского и Очамчирского исполкомов начинали свои речи с того, что «начатое по инициативе тов. Л. Берия в 1937 году переселение в Абхазию колхозников из малоземельных районов Грузии успешно продолжается». Так, например, в Гудаутском районе уже построено до 300 домов, созданы два новых колхоза – им. Чарквиани и «Акита чиц» (ныне колхоз им. Орджоникидзе. – **В. Ч.**)». Такие же «успехи», по словам публициста, отмечал и председатель Очамчирского райисполкома, докладывавший, что «уже было построено 600 домов для переселенцев. Планом же предусмотрено строительство еще 400 новых домов в селах Беслахуба, Акуаскья и Тамыш (там и шли самые ожесточенные бои в 1992–1993 гг. на Восточном фронте с потопками этих самых переселенцев. – **В. Ч.**)».

Б. Сагария приводит также из ряда вон выходящий случай, когда руководитель высокого ранга, причем абхаз по национальности, выразил протест в связи с переселенческой политикой властей Грузии и Абхазии. На такой поступок в те суровые времена могла решиться только сильная личность, для которой судьба народа и страны оказались важнее, нежели личное благополучие и безопасность. И такой мужественной поступок совершил Народный комиссар земледелия, зам. Председателя СНК Абхазской АССР Т. Ч. Бганба. Он официально заявил о своей несогласии с проводимой переселенческой политикой в Абхазии, утверждая, что в республике нет лишней площади земли, вопреки утверждениям о «веками заброшенных плодородных землях». При этом привел пример того, что «в 1940 году посевные площади Абхазии составляли около 60 тыс. га, примерно столько, сколько в Цулукидзевском и Абашском районах (Грузинской ССР. – **В. Ч.**)».

И, как отмечал Б. Сагария, «тогдашнее руководство не могло простить Темуру Чичиковичу Бганба этого заявления. Указом Президиума Верховного Совета Абхазской АССР от 14 декабря 1940 г. (который, к слову, возглавлял абхаз Делба М. – **В. Ч.**) он был снят с

поста заместителя Председателя Совнаркома и Наркома земледелия Абхазской АССР «за совершенно неудовлетворительную работу и неисполнение конкретных указаний правительства»¹.

Надо сказать, что Т. Бганба некоторым образом повезло: он избег участия многих своих предшественников – абхазских партийных и советских работников, подвергнутых по воле Сталина и Берии жестоким репрессиям. Здесь, наверное, сказался и такой фактор, что переселение, причем массовое, грузин в Абхазию вряд ли приветствовалось всеми соратниками вождя, но перечить ему в том никто не решался. И потому, как кажется, излишней информации вокруг реализации этого важного для грузин переселенческого вопроса его организаторы Сталин и Берия попросту избегали.

Вскоре Советская страна оказалась в состоянии войны с грозным немецко - фашистским противником, причем, не на жизнь, а на смерть. Здесь, как говорится, должно бы не до грузинских планов по освоению Абхазии – самим вождям живыми бы остаться. Вначале так и казалось. Особенно после того, пишет Б. Сагария, как СНК СССР от 25 июля 1941 года принял постановление: «Отбор и переселение приостановить впредь до особого распоряжения». Однако правительство Абхазии (К. Чичинадзе, М. Барамия и др.), сделав вид, будто не получало этого постановления, преспокойно продолжало свою переселенческую политику». Далее автор отмечает, что только в декабре 1941 года, в то время, когда под Москвой давно шли тяжелейшие кровопролитные сражения с врагом, СНК Абхазии и Абхазский обком приняли совместное Постановление, в котором сказано: «1. Строительство домов переселенческих колхозов приостановить. 2. Абхазскую строительную контору переселенческих колхозов с 10 декабря 1941 года ликвидировать»².

Спрашивается, это какую надо иметь смелость грузинским властям Абхазии, чтобы решение Совнаркома СССР от июля 1941 года не исполнять до декабря того же года? Но и после, как отмечает автор, «вместо того, чтобы выполнить постановление СНК СССР и собственное решение, правительство Абхазии спокойно продол-

¹ Страницы грузино-абхазской войны. Документы и материалы. Том I. Составители: Т. А. Ачугба, Д. Т. Ачугба. Сухум – 2015. С. 297. // Газета «Единение», №1, январь 1990 года.

² Там же. С. 298.

жало начатое дело (то есть переселение тысяч грузин на абхазские земли. – **В. Ч.**), оставив в стороне интересы обороноспособности страны, защиты Родины от фашистских захватчиков».

Безусловно, что за продолжением переселенческой политики в Абхазии стояли далеко не самостоятельные и инициативные личности, способные игнорировать документы правительства страны, руководимого самим Сталиным. Судя по всему, эти бериевские прихвостни, помимо официальных посланий, продолжали переселенческую кампанию по личному указанию самого организатора и вдохновителя процесса колонизации Абхазии – Иосифа Виссарионовича. Иначе как могло быть, что переселенческая политика длилась, захватывая и весь период войны, с 1937 года по 1953 год. И слабо верится, что даже указание такой высокой организации, как Совет Народных Комиссаров СССР, возглавляемый с 1941 года также самим вождем, «не смогло» хотя бы приостановить сей дорогостоящий проект, причем в самый критический момент для страны. Кто же, кроме Сталина, кстати, лицемерно писавшего Лакобе, что обязательно оплатит запрошенные им цитрусовые поштучно, покрыл бы те астрономические суммы, затраченные на переселение грузин в Абхазию. По поводу же немалых истраченных средств на дело грузинской колонизации Абхазии исследователем Б. Сагария приводились сведения, что «за период с 1937-го по 1953 годы на строительство домов и хозобзаведений переселенцев использован долгосрочный кредит сельхозбанка в сумме 191,0 млн. рублей...»¹.

И вряд ли кто из переселенцев и организаторов этой кампании собирался вернуть столь солидные средства – потраченные не на военные цели, не на послевоенное восстановление страны, а на поглощение Абхазии «миниимперской» Грузией. А такой она действительно создавалась изначально, с первых лет Советской власти, под крышей грузинской клики в верхах Российской большевистской партии (Сталин, Орджоникидзе, Енукидзе, Берия и другие рангом помельче). Малая родина хозяина Кремля с его «легкой» руки позимствовала немало земель почти всех соседних народов: Армении, Азербайджана, республик Северного Кавказа. Абхазию же она поглотила целиком. И того грузинам было мало: все пристальнее они

¹ Там же. С. 303.

зарились на земли Турции и России, только кончина благодетеля попридержала их неумные аппетиты. Да и отыграть им пришлось кое-где: с Северного Кавказа выперли обратно грузинских переселенцев. Многие, к несчастью, тогда, в середине 50-х, осели в пределах Абхазии. Сил не было еще у абхазов для сопротивления тому: цепко, до последнего держались в Абхазии бериевские кадры.

Также значительное внимание уделил автор публикации в газете «Единение» анализу репрессий против абхазского языка и абхазских школ, предпринятых в контексте реализации программы ассимиляции абхазского народа. Идейным вдохновителем и этой инициативы, как уже отмечалось, был вождь страны Советов Сталин, убедивший Берия заменить план ссылки абхазов на ассимиляцию в грузинской среде, как это свершили с абхазским населением Гальского района. Наступление на абхазский язык грузины начали с «разведки боем» со второй половины 30-х годов, причем для маскировки своих зловещих планов подключили к «делу» запуганную убийством Н. Лакоба, повальными репрессиями против его соратников и потому безропотную часть абхазской интеллигенции. В мае 1937 года Абхазская областная партконференция, подчищенная капитально от абхазов, «признала целесообразным переход на новый алфавит, в основу которого положены грузинские буквенные начертания. Ускоренными темпами началась подготовка к осуществлению данного мероприятия».

И, как отмечает академик Б. Сагария, «срочным порядком в Тбилиси был приглашен (скорее, вызван. – **В. Ч.**) Д. И. Гулиа, который имел беседу с С. Джанашиа и А. Шанидзе. Активно к этому делу подключилось новое руководство Наркомпроса Абхазии во главе с М. Делба (общественный обвинитель на процессе соратников Н. Лакоба, назвавший абхазского лидера «обер-бандитом» и прочими оскорбительными эпитетами. – **В. Ч.**). В число составителей нового абхазского алфавита были включены П. Шария (партийный идеолог, приближенный Берия. – **В. Ч.**), С. Джанашиа, А. Шанидзе, А. Чикобава и В. Топурия (крупные грузинские ученые – языковеды. – **В. Ч.**). Были представлены два варианта. Первый составили А. Шанидзе, С. Джанашиа и Д. Гулиа. Второй – А. Хашба (первый директор АбНИИКа, репрессирован в 1938 году как один из идеологов создания Горской республики. – **В. Ч.**), М. Хашба (с 1938 года секретарь Президиума Верховного Совета Абхазской

АССР – **В. Ч.**) и Д. Чагава (с 1937 года Нарком просвещения, в том же году расстрелян палачами Берия. – **В. Ч.**).

Далее автор сообщает, что «за основу был взят первый вариант. Сводный вариант алфавита был рассмотрен и утвержден Абхазским обкомом партии и ЦИК Абхазской АССР в 1938 году. В том же году под руководством С. Джанашиа и при участии Б. Джанашиа и Д. Гулиа был составлен и издан «Грузинский язык для абхазских школ (первый год обучения)». (Учебник издавался потом дважды в 1939 и 1944 гг. и был снабжен словарем. – **Б. С.**).

Здесь необходимо все же отметить, что не все участники этого пресловутого процесса перевода «запоздалого абхазского народа» по выражению Сталина, в лоно «продвинутой грузинской нации» добровольно участвовали в мероприятии по отъему не менее древнего, чем грузинский, языка абхазского этноса. Ведь все ведали, что член той самой языковой комиссии, продуманной в недрах НКВД, ученый – философ Чагава, преподававший в промакадемии в Москве, недавно был безвинно расстрелян бериевскими сатрапами. Нет сомнения, что в устрашение остальным его коллегам это было сделано. Ясно, что ситуация оказалась чудовищной и безвыходной...

Правда, были и такие, кто не подневольно, а скорее, охотно сотрудничал с грузинскими оккупантами Абхазии. Это было эпизодическим явлением, но все же грузинские власти находили сторонников своей политики, особенно тогда, когда интенсивно шел процесс огрузинивания абхазского народа: его языка, культуры, истории, образовательной системы, топонимики и т. д. Об этом как раз пишет профессор Сагария, подчеркивая излишнее рвение некоторых абхазских деятелей: «Пропагандисты нового алфавита, в том числе некоторые из его составителей (из числа абхазов. – **В. Ч.**), упорно доказывали, что азбука Услара носила русификаторский характер. «Созданный царскими генералами и чиновниками в конце 19 века в целях русификаторской политики, абхазский алфавит не имел широкого распространения в народе», – писал автор статьи «Об изучении нового абхазского алфавита», опубликованной в газете «Советская Абхазия» 23 марта 1938 года. Тот же самый автор (Нарком просвещения Абхазской АССР М. Делба. – **В. Ч.**), впоследствии один из активных проводников реорганизации абхазских школ, писал: «Алфавит этот сыграл большую положительную роль при перево-

де обучения абхазских школ на грузинский язык». Мало кто из составителей нового алфавита думал о далеко идущих политических последствиях проведения такого мероприятия»¹.

Исследователь, полагаем, несколько смягчает ответственность отдельных личностей, возносивших до небес в своих псевдочуждых опусах «братскую» заботу колонизаторов в деле «просвещения» абхазов. Понятно, когда едва уцелевших абхазских интеллигентов вынуждали читать в поддержку одиозной грузинской акции по бумажкам, написанным грузинскими шовинистами в кабинетах Обкома или Совнаркома. Но были и те, кто проявлял угодную властям инициативу. В частности, «Б. Кацья, А. Маргания, С. Ашванба, считали, по словам ученого, что «будто обучение в абхазских школах, сначала на родном языке, а с 5-го класса на русском, мешает учащимся получать необходимые знания, и после окончания средней школы они не могут поступать в высшие учебные заведения». Что здесь можно отметить? Только то, что хорошо организованный процесс обучения на базе двуязычия как раз способствует ускоренному развитию интеллекта, освоению образовательной программы эффективным образом. Переход же, причем вынужденный, на чужой язык обучения, как правило, вредоносен, и пользы никакой не мог принести. Ведь целое поколение абхазов впоследствии оказалось лишено элементарных знаний, необходимых не только высшему, но и среднему образованию. Потому трудно понять, зачем понадобилось упражняться в славословии выше поименованным «специалистам», вдохновленным сталинской концепцией вовлечения «запоздалых наций» в «русло высшей культуры», и посему исходившим елеем: мол, «грузинская культура, как неизменно более высокая по отношению к абхазской, оказывает на нее непосредственное влияние и обогащает ее». Не лучше ли было бы им просто промолчать? Однако, как утверждает Б. Сагария они, эти деятели, считали перевод абхазских школ на грузинский язык весьма «своевременным и назревшим». Вроде их-то за язык никто не тянул, сами, выходит, проявили инициативу. Что же, и такое имело место тогда, как, впрочем, случалось во все времена.

¹ Страницы грузино-абхазской войны. Документы и материалы. Том I. Составители: Т. А. Ачугба, Д. Т. Ачугба. Сухум – 2015. С. 303 – 304.

Великая Отечественная война отодвинула исполнение плана грузинских «державников» по закрытию абхазских школ. Но с 1944 года грузинские власти вновь вернулись к исполнению приостановленного задания. Исполнителями задуманного в верхах верного способа ассимиляции абхазов, начиная с подрастающего поколения, выступали партийные и советские работники, ведомые секретарями Абхазского (номинально) обкома А. Мгеладзе (с 1943 года), И. Тускадзе (секретарь по идеологии, писался абхазом), Г. Карчава. Они составляли комиссии из представителей интеллигенции, которых обрабатывали соответствующим образом и вынуждали тем самым выносить на «суд общественности» нужные предложения. Скажем, собирались вначале обсудить проблему «улучшения учебно-воспитательной работы», а в итоге выносили представление, явно под диктовку Абхазобкома партии «о закрытии абхазских школ». В заключении подобной комиссии от 12 марта 1945 года, приводимой в статье Б. Сагария, читаем: «Знание грузинского языка значительной частью абхазского народа (явная ложь. – **В. Ч.**), единый алфавит (внедрен по указанию Сталина. – **В. Ч.**) диктуют необходимость перевода обучения абхазских школ на грузинский язык». И затем, дабы «облагородить» антиабхазскую языковую диверсию, заключение отмечает: «Перевод обучения в абхазских школах на грузинский язык обучения при хорошей организации учебно-воспитательной работы значительно облегчит абхазским детям изучение основ наук в объеме программ средних школ и откроет им путь (а русский язык, этот путь, выходит, закрывал. – **В. Ч.**) для продолжения учебы в вузах». И что, мол, «перевод обучения в абхазских школах на грузинский язык явится большим стимулом в успешном развитии культуры абхазского народа».

Так, руками отдельных представителей абхазской научной и творческой интеллигенции, в основном, путем выкручивания рук исполнители этой гнусной политической акции добивались нужных рекомендаций и заключений. Как и в указанном случае, по результатам которого было принято постановление бюро Абхазского обкома партии (13 марта 1945 года) под цинично-лживым названием «О мероприятиях по улучшению качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР». Профессор Б. Сагария посчитал полезным, дабы будущие поколения абхазов имели представление

о тяжелом прошлом народа, процитировать отдельные места отмеченного постановления. В нем утверждалось следующее: «С целью улучшения качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР, подготовки квалифицированных кадров из числа абхазов и идя навстречу пожеланиям широких масс абхазской интеллигенции, самих учащихся и их родителей (цинизму бериевских властей не было предела. – **В. Ч.**), отменить существующую систему (абхазский язык. – **В. Ч.**) в абхазских школах». И далее, в том же казуистическом свете следует продолжение: «Учитывая наличие общего алфавита и лексическое сходство грузинского и абхазского языков, а также знание значительной частью абхазского населения грузинского языка, общность материальной и духовной культуры родственных грузинского и абхазского народов, перевести обучение в абхазских школах с 1945 – 1946 учебного года на грузинский язык».

В ходе т. н. реорганизации, отмечал публицист, «судьба абхазской школы, судьба родного языка была решена». Это означало, что поставленные перед грузинскими властями задачи по проведению скорой ассимиляции абхазов в грузинской среде явно могли быть решены положительно, так, как это задумал Сталин. В таком случае, кроме практического значения – укрепления грузинского этноса, впервые получило бы свое подтверждение теоретическое предвидение вождя, его постулат о том, что «запоздалые народы» должны обрести свою судьбу в лоне более продвинутых наций. Как это мыслилось в эксперименте, проводимом в грузино-абхазских рамках. Заметим, что этот смертельный для абхазской нации эксперимент оборвала только кончина Кремлевского властителя. Но за то время, что он правил Советской страной, вождь вселил на территорию Абхазии, поломав судьбы тысяч ее коренных жителей, десятки тысяч своих соплеменников. Только за период с 1939-го по 1959 год, как пишет Б. Сагария, грузинское население увеличилось на 66. 254 чел., число же абхазов выросло (за те же временные рамки. – **В. Ч.**) только на 4. 995 человек¹.

Ученый – публицист профессор Баджгур Еснатович Сагария сотрудничал со многими печатными изданиями Абхазии. Вначале это

¹ Страницы грузино- абхазской войны. Документы и материалы. Том I. Составители: Т. А. Ачугба, Д. Т. Ачугба. Сухум – 2015. С. 306 – 307.

были газеты «Единение», Гудаутская «Бзыбь», поскольку его реалистичные «проабхазские» материалы там никогда не залеживались. Затем, с укреплением позиции нового лидера Абхазии В. Г. Ардзинба, Б. Сагария активно печатался на страницах вновь созданных республиканских газет «Абхазия», «Республика Абхазия», принимал участие в передачах радио и телевидения республики. Он, таким образом, привнес много полезного и познавательного в современную жизнь абхазов, осветив те самые «белые» и «черные» пятна недавнего прошлого коренного народа.

Вторая половина 80-х и начало 90-х годов отмечены резонансными выступлениями в печати С. Лакоба (23. 02. 1953, г. Сухум) – видного абхазского историка, литератора и публициста. Его аналитические очерки, статьи, заметки, комментарии и обзоры, опубликованные в газетах «Единение», «Абхазия», «Республика Абхазия», «Бзыбь» и других изданиях, стали заметным явлением в общественно-политической жизни той поры. Публицистические произведения С. Лакоба, увидели свет, как это принято отмечать, в нужное, архиважное время и заняли столь же значимое место в идеологии освободительного движения. И, на наш взгляд, внесли весомый вклад в идейно-психологическую составляющую борьбы за освобождение от грузинского имперского диктата.

В том убеждает объемная публикация С. Лакоба в газете «Абхазия» – издании Верховного Совета Абхазии, озаглавленная «Абхазия – Грузия: 1918 – 1921 годы...» Это был отклик, как пишет Станислав Зосимович, на статью в газете «Окрос сацмиси» (1991, №2, март) «Аннексия Грузии и «абхазский вопрос» за подписью: «кандидат исторических наук, доцент Д. Гамахария».

Комментируя отношение мегрела Гамахария, трансформировавшегося в грузина, к видному деятелю мегрельской интеллигенции, репрессированному по «мегрельскому делу», С. Лакоба подчеркивает: «Особенно впечатляет своеобразная, я бы сказал, кровожадная лексика автора: «агенты», «провокаторы», «современные сепаратисты», «враг», «подстрекатели» и даже вот такое – «злейший враг и предатель «собственного народа» И. Жвания!». Только вот не совсем понятно, «предателем», собственно, какого «собственного народа» был Исаак Жвания? Даже Берия, расстрелявший Жвания, позавидовал бы столь удачной формулировке нашего историка. Впрочем,

приходится гадать, от имени, собственно, какого «собственного народа» пишет все это сам доцент!».

Здесь С. Лакоба раскрывает внутреннюю сущность личности одного из злейших абхазских оппонентов, вскормленного, впрочем, абхазской же землей. Дело в том, что абхазскую прессу внимательно читала и грузинская аудитория, в том числе и в Тбилиси, где не очень-то привечали мегрелов. Потому Гамахария и его соплеменники – мегрелы старались всюду казаться истинными грузинами, отрешившись от своих корней. И вот Лакоба, на примере предательского отношения к памяти репрессированного борца за культурно-национальную автономию Мегрелии И. Жвания, образно показывает двурушническую позицию новоявленного «грузина» Гамахария. Именно такие моменты были самыми чувствительными для недоброжелателей Абхазии, подобных флюгерному историку, с мегрельскими корнями.

В одном из своих тезисов Гамахария утверждал, что грузинские меньшевики в указанное выше время обладали довольно значительной поддержкой в Абхазии, на что С. Лакоба отвечает следующим образом: «В чрезмерно розовом цвете уважаемый доцент преподносит период Грузинской демократической республики 1918 – 1921 гг. «Позиции последней были очень сильны в Абхазии, – пишет он. – Республику поддерживало большинство населения – грузины, значительная часть абхазов, армян, греки...». Что можно сказать по поводу этой крайне необъективной оценки? Со второй половины июня 1918 г. Абхазия была оккупирована войсками Грузинской республики. Абхазский народ и абхазская интеллигенция проявляли явное недовольство сложившимся положением, а вот некоторая часть абхазов (членов грузинской социал-демократической партии, меньшевики) в руководстве второго и третьего Абхазского Народного Совета (АНС) действительно поддерживала до поры политику Тифлиса».

Затем абхазский исследователь убедительно, на фактологическом материале, раскрывает истинную картину тяжелейшей ситуации, жертвами которой становились не только абхазы, но и прочие народы, за исключением грузин, не так уж давно заселивших Абхазию. Получалось, что та прошлая действительность была очень уж схожей с теми реалиями грузинского реваншизма 90-х, идеологию

которого и обслуживал Гамахария, и с чем было вынуждено жить негрузинское население, как Грузии, так и Абхазии. Именно такую последовательность событий представляет читатель, и не только абхазский, знакомясь с аргументами и фактами абхазского историка.

Так, напоминая о ситуации, связанной с меньшевистским правлением, С. Лакоба констатирует: «Многие армяне и греки покинули в этот период Абхазию. Происходил отток русского населения. Деятельность этой республики (Грузинской демократической республики. – В. Ч.) не пользовалась серьезной поддержкой и местного грузинского (в основном мегрельского) населения. Не считаясь со спецификой Абхазии, где большинство говорило (и говорит) на русском языке, правительство Грузии в целях осуществления программы «национализации» края, навязывало школам «обязательное изучение грузинского (государственного) языка. («Наше слово», 1919, 20. 11).

Удивительно, но факт. Грузинские большевики, вдохновленные Сталиным и Берия, довели до «логического завершения» те самые наметки своих предшественников – меньшевиков: внедрились, отменив абхазскую, грузинскую азбуку, перевели обучение в абхазских школах на грузинский язык. Изменили на грузинский лад абхазскую топонимику, форсированно вели демографическую оккупацию. Словом, грузинизация абхазской республики весьма удачно укладывалась в прокрустово ложе Сталинского учения по национальному вопросу. Все шло так, как было предопределено в отношении малочисленных абхазов: коим предстояло в свете его установки о «запоздалых народах» пополнить числом и качеством продвинутую грузинскую нацию. Конечно, следует учесть, что все это проделывалось после страшной зачистки абхазской руководящей и творческой элиты, передовых слоев абхазского крестьянства. Именно таким образом претворялись планы и намерения меньшевиков, которые не были реализованы режимом Н. Жордания по причине лимита времени, ограниченного по стечению обстоятельств другим социал-демократическим течением (большевиками). А им, большевикам, перечить – было делом практически невозможным. Ибо на кону в таких случаях стояла человеческая жизнь, которая для вождей страны советов была лишь несущественным винтиком огромной системы, т. н. приводного ремня соцобщества. Люди – это всего лишь материал для исполнения той ли иной, освященной

верхушкой, установки, подаваемой от лица партии. Такой же была установка, правда, не гласная, по проведению экспериментального опыта по приобщению «запоздалых» абхазов к культурно-духовным ценностям самых «цивилизованных», в рамках всего Закавказья, соплеменников советского вождя.

Все это, однако, не было каким-то открытием. Такая же политика апробировалась в правление меньшевиков, в частности, такие задачи ставились по внедрению грузинского делопроизводства, демографической и экономической экспансии, проводимой Тифлисом в ту пору в Абхазии. И нет сомнений, что население категорически отвергало эти «инициативы» грузинского меньшевистского правительства. По этому вопросу С. Лакоба, опровергая постулаты грузинского историка о «поддержке населением Абхазии Тифлиского правительства», пишет: «Минуя местный законодательный орган – Народный Совет Абхазии, власти приступили в 1920 г. к заселению освобождаемых земель (вместо греков и армян) Гагринского и Гумистинского уездов выходцами из Западной Грузии (см. Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии 1910 – 1921. Тбилиси, 1963, с. 325 – 326; Сагария Б. Е. История повторяется. – Бзыбь, 1989, 30 ноября). В защиту армянского населения Сухумского округа 26 февраля 1919 г. к начальнику британской миссии генералу Бриггсу обратился генерал Деникин, который, в частности, отмечал: «Прошу Ваше превосходительство довести до сведения высшего британского командования в Закавказье мой протест по поводу чинимого насилия над беззащитным армянским населением и просьбу энергичного давления на грузинское правительство для прекращения зверств» (Деникин – Юденич – Врангель. М. – Л., 1927, с. 96).

Кроме официальных документов командования «белой армии», сохранились также архивные источники, сообщавшие о массовом беззаконии, творившемся с населением абхазских, армянских, греческих, русских сел. В частности, С. Лакоба приводит сведения о том, что «с жалобой в Народный Совет Абхазии 21 января 1920 г. обратились официальные представители армянской общины Гагринского уезда, сообщившие о грабежах, насилиях и убийствах. Грузинские военные, писали они, «постоянно беспокоят нас – крестьян: по ночам нападают на наших мирных жителей и, угрожая расстрелять, требуют деньги, получают несколько тысяч рублей (каждый раз)

и уходят, а в противном случае убивают наших братьев (было несколько случаев). В наших селеньях солдаты почти постоянно стреляют из оружия, то убивают быка, обещают вознаграждения, но ничего не дают, то требуют съестные припасы – хлеб, масло, молоко, яйца и т. д. – что мы имеем, с удовольствием даем, кормим, сколько мы в состоянии, угрожают убийством и уходят. Обращение и солдат, и офицеров вообще глубоко презрительно-обидное к нам – армянам, и угрожающее... Так дальше жить мы не можем».

Исследователь также отмечал, что «тогда же по поручению Народного Совета Абхазии его председатель Варлам Шервашидзе обратился к депутату И. И. Рамишвили (политическому представителю грузинского правительства. – В. Ч.) с поручением: «Войти с докладом по существу настоящего заявления к военному министру Республики с просьбой принять срочно меры к расследованию и привлечению к ответственности виновных в насилиях, и ограждению впредь мирного населения от насилий». (ЦГА Абх. АССР, ф. И – 39, д. 22, лл. 7 – 8).

Это обращение армянского населения, как и жалобы прочих общин, никакого результата не возымели. Правительство было глухо и немо к гласу «инородцев». Его больше заботили иные, «великодержавные» планы, связанные с приращением к Сакартвело чужих земель, расширением ареала расселения надежного грузинского элемента в стратегически важных зонах. На произвол и беззаконие же Тифлис не реагировал, считая, как полагаем, сие всего лишь издержками. На манер Сталинского присловья: «Лес рубят – щепки летят», что, дескать, вполне оправдано при выполнении великой миссии по возрождению грузинской имперской нации и соответствующего самодостаточного государства.

Несостоятельность утверждений грузинского историка о привлекательности для населения Абхазии режима Грузинской Демократической Республики можно было бы опровергнуть исходя из уже давно известных фактов и свидетельств колонизаторской политики меньшевиков. Их деяния закономерно вызвали повсеместное возмущение жителей края. Тифлис и его ставленники в крае, не найдя общего языка с коренным абхазским населением, вскоре приступили к проведению экзекуций, то есть физическому насилию над населением отдельных сел, поджогам усадеб противников режима, арестам и расстрелам особо несговорчивых противников.

С. Лакоба, опровергая оппонента, высказал по отношению сложившейся тогда ситуации суждения, весьма оригинальные и не всегда совпадавшие с взглядами официальной советской историографии. Например, о том, что «... в 1918 году идея советской власти не получила поддержки у народов Абхазии, однако уже к 1921 г. условия общественно-политической жизни здесь в корне изменились и прежде всего благодаря шовинистической политике Грузии, вызвавшей крайнее недовольство не только абхазского народа, но и всего многонационального населения Абхазии. Именно это обстоятельство в немалой степени облегчило установление советской власти (помимо участия 9-й Красной Армии) в крае 4 марта 1921 г., утверждение которой воспринималось местными народами как избавление от репрессий и вооруженного вмешательства Грузинской республики».

Исследователь также напомнил, что «известный абхазский политический деятель Семен Ашхацава в октябре 1918 года предупредил: существующий порядок не может больше продолжаться. Если дальше так будет продолжаться, то действительно народ примет, какую угодно ориентацию, не только турецкую (в том упрекали меньшевики сторонников горской ориентации. – **В. Ч.**), даже дьявольскую, лишь бы избавиться от захватчиков». Это и произошло...». С. Лакоба еще раз подчеркивает то, что официальная советская, в том числе и грузинская, историография старательно затушевывала. По этому поводу он говорит: «Еще раз хочу особо отметить, что каких-то глубоких революционных марксистских корней у того, что произошло в марте 1921 г. – не было. Но была национально-освободительная борьба. Что касается Эшба и Лакоба, то крестьяне воспринимали их, прежде всего, как абхазцев».

С. Лакоба также раскрывает причинно-следственную связь обстоятельств, действовавших на понижение статуса ССР Абхазии в 20-х годах. Он отмечал, что это происходило под натиском грузинского большевистского тандема Сталина и Орджоникидзе, отразившегося и на позиции по этому вопросу вождя Советской страны В. И. Ленина. Исследователь считал, что провозглашение ССР Абхазия произошло не без согласия вождя революции, и увязывает это с заключением советско-турецкого договора. Отвечая же на тезис Гамахория о том, почему, дескать, Ленин в своем письме от 14 апреля

1921 года при составлении проекта ЦК ВКП (б) о федерации Закавказских республик 28 ноября 1921 г. забыл о независимой Абхазии, С. Лакоба сообщает следующее: «Можно представить себе, какое сопротивление было встречено со стороны ближайших соратников Ленина – наркомнаца Сталина и секретаря Кавбюро Орджоникидзе («Хозяином Кавказа являлось Кавбюро ЦК ВКП (б)», – пишет доцент), не признававших Абхазию независимой республикой, хотя в мае 1921 г. Ревком Грузии признал официально ССР Абхазию. А от личных отношений, как известно, в большевистском руководстве зависело и зависит очень многое. Сталин и Орджоникидзе, конечно же, больше значили для Ленина, чем Эшба, а Лакоба он вообще не знал».

В статье С. Лакоба красной нитью проходит мысль, что ожесточенное сопротивление становлению абхазской советской государственности на заре Советской власти оказывали мощные силы из большевистского руководства в лице Сталина и Орджоникидзе. И последующее свертывание абхазской независимости, доведение ее до автономии в составе Грузии – результат совместной политики Москвы и Тифлиса, сопротивлению которому в годы репрессий обернулось жесточайшей зачисткой Абхазии.

Еще раньше, к большому неудовольствию центра оба руководителя Абхазии, Эшба и Лакоба, как доносила сталинская охранка, были далеки от фанатичного исполнения всех установок партии. Это свидетельствует из сведений, приведенных грузинским историком А. Ментешавили, которого цитирует С. Лакоба. Например, охранка доносила, что «Тов. Лакоба – узкий дуалист, своеобразный коммунист. Он своими действиями противоречит постановлениям III Коммунистического Интернационала: не идти ни в какое согласие с социалистами – соглашателями, с буржуазией и т. п. гадами, а он, тов. Лакоба, наоборот, посещает и здоровается с заключенными меньшевиками.., входит с ними в разные дружеские разговоры. Видя такие дружеские отношения между представителями республики и арестантами, надзиратели держат наших порабощенных в свободе, доставляют им в камеру много разных крепких напитков. Вот на какую основу кладет советской республики (так в тексте. – **С.Л.**) Абхазии т. Лакоба» (Ментешавили А., с. 55).

Комментируя донесение ЧК, С. Лакоба подчеркивает, что «все это, как видим, было написано ради этой последней фразы: Лако-

ба и другие закладывают не ту, не советскую основу независимой Абхазской республике. Тот же мотив звучит и в характеристике, данной Ефрему Эшба: «К делу советского строительства и к основе коммунизма относится не очень коммунистично» (там же). Так «независимые» лидеры Абхазской республики по указанию «сверху» оказались под плотным чекистским колпаком»¹.

Прошло совсем немного времени и наступило лихолетье в Абхазии: сотни и тысячи представителей абхазского народа, из числа руководящей элиты, интеллигенции, крестьян – поглотила преднамеренная репрессивная кампания, развернутая в Абхазии по личному указанию Сталина. Эта была изощренная месть злопамятного вождя красной империи абхазским лидерам Эшба, Лакоба и их соратникам, изначально противившимся плану огрузинивания Абхазии. Жестоко припомнил злобный Кремлевский властитель абхазскому крестьянству восстание в 1931 году против сталинской бездумной сплошной коллективизации, в одночасье подминавшей вековые традиции и устои абхазского уклада жизни. Таким образом, наступили трагические времена, по своей кровавой жатве намного превосшедшие то самое памятное господство в Абхазии грузинских меньшевиков. О чем и вел бескомпромиссную полемику с одним из апологетов агрессивного грузинского национализма Д. Гамахария известный абхазский историк, профессор С. З. Лакоба.

В публикации под заголовком «Ключ к решению проблемы? По поводу одного выступления», С. Лакоба подвергает критическому анализу выступление первого секретаря ЦК Компартии Грузии Г. Г. Гумбаридзе на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС, обсуждавшем национальную политику партии в современных условиях. Оценки и выводы видного абхазского историка и публициста четко и ясно разъясняли суть основных тезисов речи грузинского партийного руководителя. Из анализа уже можно было сделать выводы и абхазскому обществу, и активу национально-освободительного движения, что нельзя переоценивать, как сами решения Пленума ЦК КПСС, так и намерения грузинского руководства. А ведь в ту пору абхазская общественность, как, впрочем, народы всей страны, полны были ожиданиями перемен к лучшему: многие полагали, что

процессы перестройки и «нового мышления» обязательно создадут необходимые предпосылки для представления народам реального суверенитета и больших прав. Но долго обманываться сомнительными ожиданиями, особенно в условиях грузино-абхазских реалий, было нельзя. Это было бы только в интересах «единой и неделимой» Грузии, лидеры которой, вкуче с неформалами, видели перспективу лишь в ужесточении унитарной формы государственного устройства союзной республики.

С самого начала своих аналитических заметок С. Лакоба заостряет внимание общественности на реальном положении дел. Так, говоря об итогах Пленума Центрального Комитета партии, он однозначно заключает: «Многие выступления и предложения, прозвучавшие на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС, оказались более актуальными и конструктивными, чем принятая платформа КПСС «О национальной политике партии в современных условиях». Платформа (буквально переводится с французского как «плоская форма») закрепила, по сути, сталинскую 4-ступенчатую иерархию национально-государственного устройства, представив самые широкие полномочия союзным республикам, что, безусловно, скажется на дальнейшем усилении режима бесправия автономных формирований».

По иному, однако, в то время и быть не могло, поскольку членами ЦК были в большинстве своем представители союзных республик, мыслившие и действовавшие примерно так, как их грузинский «товарищ» Гумбаридзе, руководитель партийной организации Грузии. И «усиление режима бесправия автономных формирований» Лакоба усматривал также и в выступлении Гумбаридзе, который, как отмечает публицист, «стыдливо умолчал о слове «интернационализм» и лишь однажды назвал Грузию Грузинской ССР. Лидер грузинских коммунистов ничего не сказал о проблеме турок-месхетинцев, расширении прав автономных образований, роли русского языка как языка межнационального общения, о том, что абхазы – коренное население республики и др».

Выше автором перечислены главные болевые точки того времени. Турки-месхетинцы в ту пору рвались на родину, пытались они это сделать шествием через Абхазию, чем могли воспользоваться грузинские провокаторы – разжечь здесь конфликтную ситуацию. В

¹ Газета «Абхазия», №21, 19 мая 1921 года.

ходу также была известная формула грузинской элиты об избыточности для «единой и неделимой» Сакартвело трех автономий, две из которых подлежали демонтажу, а абхазам милостиво представлялась культурная автономия в районах их проживания. Наступление тогда велось и на русский язык, Тбилиси в законном порядке регламентировал властям автономий, в том числе Абхазии, языком делопроизводства всецело использовать грузинский язык. Не «вспомнил», разумеется, Гумбаридзе о том, что «абхазы – коренное население республики...». А как же ему о том было вспомнить, коли грузинская шовинистическая ученая элита – историки, филологи, писатели, публицисты и прочие, оставив в стороне пресловутую теорию о двуаборигенности абхазов и грузин на абхазской земле, теперь только и вещали со страниц грузинских СМИ об изначально грузинской Абхазии. О том, что абхазы – это древнее название грузин, пару веков тому назад, присвоенное пришедшими с гор апсуйцами. Словом, в делах и намерениях своих в ту пору грузинское общество жаждало реванша: чтобы все было так, как при меньшевиках Ноя Жордания, или же, что так же неплохо, при большевиках Иосифа Сталина и Лаврентия Берия.

Об автономиях грузинский лидер, конечно, не вспоминал, а вот по поводу политической выгоды сородичей не забывал высказать Москве свое мнение, в том числе и с высокой трибуны Пленума ЦК. О том как раз и напоминает С. Лакоба, таким образом: «Первый секретарь предложил начать перестройку национальной политики с расширения прав и полномочий союзных республик – «настоящему суверенных государств». С этой целью ЦК КП Грузии уже разработан проект концепции национального развития Грузинской ССР. «Принципиально важно, – отмечает Гумбаридзе, – что в основу этого документа положена задача – органически включить все проживающие в Грузии (а не в Грузинской ССР. – С. Л.) народы в процесс общенационального созидания. На наш взгляд, это должно реально способствовать снижению межнациональной напряженности...».

Такие вот слова грузинского лидера, связанные с заботой о своем народе и «настоящем суверенном государстве», грузинском, разумеется. А что же абхазы, в таком случае? С. Лакоба же по поводу высказывания Гумбаридзе отмечает следующее: «Этот весьма подозрительный тезис имеет, по-видимому, самое непосредственное от-

ношение не к органической, а к неорганической химии. Что это, красиво названный процесс предстоящей ассимиляции?.. В таком случае сторонник рискованного проекта очень просто предлагает реально снять с повестки дня вопрос о неудобных малочисленных народах и разрядить межнациональную напряженность в стране... Что подразумевается под туманным «общенациональным созиданием»?

Ученый подчеркивает, что грузинский лидер, характеризуя ситуацию в абхазской автономии, часто, мягко говоря, манипулировал фактами и цифрами. Партийная аудитория, как это повелось со времени советского кормчего с грузинскими корнями, безропотно принимала все это к сведению, а представитель парторганизации Абхазии так и не был допущен к трибуне. В таких условиях Гумбаридзе, личность явно бездарная, по воле случая оказавшаяся во власти, не считал зазорным пройтись, вроде ненароком, по Абхазии. Во всей его речи не прозвучало, хотя бы ради приличия, ни слова теплоты и доброжелательности относительно Абхазии и коренных ее жителей. Этого в условиях того времени нельзя было оставлять втуне, что прекрасно осознавал С. Лакоба, снабдивший соответствующей оценкой каждый антиабхазский тезис грузинского оратора.

Например, он обращал внимание читателя на то, что на том самом Пленуме ЦК Гумбаридзе с заметным раздражением говорил: «Надо с большим пониманием подходить к проблемам небольшой республики, имеющей, тем не менее, в своем составе три автономии: Абхазскую, Аджарскую автономные республики, Юго-Осетинскую автономную область...».

«Непонятно здесь, например, «тем не менее», – подмечает публицист. – И с сарказмом вопрошает: – «Неужели первый секретарь считает это недоразумением или подачкой? Между тем недоразумением надо считать то, – продолжает Лакоба, – что независимая ССР Абхазия стала договорной, а в 1931 году как автономная республика была включена Сталиным в состав Грузинской ССР».

Однако, не довольствуясь сделанной отповедью, Лакоба обращается и к исторической ретроспективе. Видимо, полагал полезным освежить память читателей, особенно из числа грузин, следующими сведениями: «Следует напомнить, – отмечает он, – и такой исторический факт. С 1810 по 1864 гг. Абхазское княжество на правах автономии непосредственно входило в состав Российской

империи и просуществовало дольше других не только в Грузии, но и вообще на Кавказе. Можно вспомнить и более ранние времена, когда вся Грузия была в составе Абхазского царства (8 – 10 вв.)».

Надо сказать, что материалы абхазских публицистов, особенно тех, кто был на острие освободительного движения, читали не только в Абхазии. И в Тбилиси, каким-то образом, поступали крамольные для грузин, но все же притягательные абхазские печатные издания – «Бзыбь» и «Единение». Силы, конечно, были неравные: все грузинские СМИ, государственные и неформальных организаций, были в едином строю – состояли на службе агрессивного грузинского национализма. Так называемое идейно-психологическое воздействие, в просторечье оболванивание голов простых грузин, легко возбуждаемых в националистическом плане, шло полным ходом. Это было видно, как говорится, невооруженным взглядом. И при небольших абхазских возможностях публицисты старались как можно больше правдивой информации донести и до грузинской читательской аудитории.

А ведь в таком ракурсе, как это делал С. Лакоба, речь партийного лидера Грузии никто бы не подал. В этом плане на очередной тезис Гумбаридзе публицист отвечал таким образом: «Первый секретарь совершенно неожиданно преподнес и очевидный аргумент: «Было бы несправедливо не замечать всего того, что дала Советская власть Абхазии (что дала Советская власть Грузии, об этом в речи нет ни слова. – **С. Л.**) за десятилетия своего существования и в первую очередь в национальном развитии в условиях автономии». Прочитав эту сентенцию грузинского секретаря, Лакоба продолжил свой комментарий: «В этой связи необходимо уточнить слова товарища Гумбаридзе. Во-первых, Советская власть дала Абхазии независимость и провозгласила в марте 1921 г. ССР Абхазию, а сталинская власть, что, конечно же, не одно и то же, подменила ее автономией. Во-вторых, не следует прибегать к сомнительным приемам и наводить тень на плетень, т. к. никто из абхазов не отрицал роли Советской власти».

Весьма подробно остановился С. Лакоба на освещении грузинской демографической экспансии в Абхазии. И сделано это было в контексте выступления грузинского партийного лидера, отметившего малочисленность абхазов в своей республике, не обосновав

предысторию такого положения. Более того, Гумбаридзе выставил Тбилиси чуть ли не благодетелем «бедных» абхазов, заявив примерно в таком ракурсе: «Разве не о многом говорит тот факт, – подчеркнул он, – что в настоящее время в многонациональной Абхазии, где абхазы составляют не многим более 17 процентов, национальные абхазские кадры занимают до 40 процентов в местных выборных органах и свыше половины руководящих политических и хозяйственных постов».

На что С. Лакоба отвечал убедительными свидетельствами недавней абхазской истории, о чем всегда умалчивали грузинские лидеры: «Признаемся, этот факт на самом деле говорит о многом. Ведь действительно любопытно, каким образом удельный вес абхазов на своей родине стал составлять 17 процентов. В 1886 г., например, их было 85, 7 проц., а грузин, преимущественно мегрелов – 6, 0 проц. Первые же массовые мегрельские поселения в Абхазии появились после Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. и выселения 50 тыс. абхазов в Турцию. Оставшееся же на родине абхазское население было объявлено царизмом «виновным». По первой Всероссийской переписи населения 1897 г. абхазы составляли уже 55, 3 проц., в то время как грузины 24, 4 проц., а в 1926 г. численность грузинского населения Абхазии, за счет все возраставшего неестественного притока, превысила численность абхазов».

«Не вспомнил первый секретарь, – писал ученый, – и о трагических 30 – 50-х годах, когда проводилось насильственное переселение, закрывались абхазские школы, менялись географические названия, поощрялась политическая дискриминация. Почему первый секретарь не подсчитал, каков был тогда, при Берия, процент абхазов в руководящих органах их республики. Для этого хватило бы даже пальцев. Почему бы ему прямо не сказать: каким образом между всесоюзными переписями 1926 и 1979 гг. численность грузин в Абхазии увеличилась почти на 146 тыс. человек?».

Выделим еще несколько тезисов из статьи С. Лакоба, убедительно отмечавших тенденциозность высказываний на Пленуме ЦК КПСС лидера грузинской компартии в адрес автономной республики и абхазского народа. Так, например:

«Почему первый секретарь ничего не говорит об освещении июльских событий (1989 года. – **В. Ч.**) в Абхазии средствами мас-

совой информации Грузии, которые прямо оскорбляли и унижали достоинство абхазов, называя их «бандитами», «экстремистами» и т.д. Или они, как всегда, были на должной «патриотической» высоте вместе с грузинской милицией и прокуратурой? Впрочем, сейчас уже мало кто удивляется парадоксу: все, что сообщают грузинская пресса и телевидение – все это правда и истина в последней инстанции, а все, что исходит от всесоюзных и зарубежных средств массовой информации, от Сахарова и Хьюита – все ложь и дезинформация. Однако со стороны, как говорится, виднее».

«Почему в межнациональных конфликтах в Грузинской ССР виновными всегда оказываются азербайджанцы, абхазы, осетины? Кому здесь, а не где-то там «явно изменяет политическое чутье»?

«Можно себе представить, что будет происходить в союзной республике, особенно в ее автономиях, если она сама будет регулировать межнациональные отношения. В этом Г. Г. Гумбаридзе видит «ключ к решению проблемы». Скорее всего, это «ключ» к подавлению абхазов, других народов и ликвидации автономии Абхазии».

«В последнее время создается впечатление, что острые проблемы Грузии и Абхазии решаются чуть ли не на уровне министерства иностранных дел (где министром Э. Шеварднадзе. – **В. Ч.**). И еще одно. Почему, как только нарком внутренних дел Грузинской ССР становится членом Политбюро (прямая аналогия Берии и Шеварднадзе. – **В. Ч.**), под вопросом оказывается будущее абхазского народа?».

Таким образом, историк и публицист С. Лакоба в ту пору, когда о грузино-абхазских отношениях широкая общественность знала лишь понаслышке, или же с подачи грузинских СМИ, в своих публикациях убедительно, на конкретных фактах исторического прошлого и событиях более позднего периода, раскрывал истинные цели и мотивы метрополии. Главный лейтмотив его публикаций – это защита Абхазии, ее народа от давнего, начиная с 19-го века, стремления Тбилиси освоить территориально, духовно-психологически, социально-экономически соседнюю страну и ее народ, включая в эти временные рамки все семь десятков лет Советской власти.

С. З. Лакоба, как автор замечательных публицистических произведений, всегда отличается гражданским, вместе с тем патриотическим пафосом, аналитичностью, блестящим творческим профессионализмом. Постоянный интерес аудитории к печатному слову

С. Лакоба вызван, полагаем, также и тем, что его публикации достоверны, глубоки и читабельны. Можно сказать, что публицистика Лакоба – исторична, а его история – публицистична. Тем самым Станислав Лакоба своими произведениями, наряду с виднейшими абхазскими публицистами 20-го столетия, внес большой вклад в поддержку национально-освободительного движения абхазского народа и становление новой абхазской государственности.

В замечательную плеяду известных абхазских публицистов по праву входит активный участник национально-освободительного движения, правозащитник, ученый – лингвист Тамара Платоновна Шакрыл (2. 09. 1926 – 12. 11. 2004), публицистика которой, как полагаем, вправе начинать свой отчет с известного письма в адрес вождя Советской страны И. Сталина в 1952 году. И в дальнейшем, наряду с научной работой в области языкознания, Т. Шакрыл периодически выступала на страницах абхазских СМИ, главным образом по проблематике грузино-абхазских взаимоотношений, принципиально, на высоком профессиональном уровне отстаивая национальное достоинство, права и свободы родного народа.

На рубеже завершающего этапа освободительного движения абхазского народа значительным публицистическим произведением Т. Шакрыл стало «Открытое письмо председателю Верховного Совета Республики Грузия Звиаду Гамсахурдия», опубликованное на страницах газеты «Единение» (№2, февраль 1991 года). Забегая вперед, отметим, что в то время З. Гамсахурдия по-праву, так сказать, пополнил список самых влиятельных оппонентов свободы и независимости абхазов, в ряду которых уже побывали Жордания, Сталин, Берия, Шеварднадзе, которому суждено было вновь встать у руля управления Грузией и развязать кровопролитную войну.

Но это было после, полтора года спустя, а тогда, в 1991 году у власти в Тбилиси пребывал «правозащитник» и известный «демократ» Гамсахурдия, постоянно угрожавший автономиям Грузии суровыми карами, вплоть до свертывания этих призрачных, и, по сути дела, колониальных государственных образований. Впрочем, такое поведение лидера «новой» Грузии проистекало не только вследствие его мировоззренческих взглядов, но и в целом по причине сильного перегрева в грузинском обществе и усилении шовинистической идеологии. В результате все ключевые посты в государстве оказа-

лись в руках агрессивных националистов. И целью их разрушительной энергии становились вначале партийно-советский режим, а после его падения, беззащитные автономные образования.

Надо также отметить, что грузинские лидеры из числа «новой демократической формации» не терпели инакомыслия и альтернативных взглядов, отличных от собственных догм и установок, как правило, имевших имперскую и колониальную сущность. И гневу метрополии не было предела, коли «подвластные» народы становились на иной путь существования и развития, как пытались сделать это народы и автономии, ранее входившие в Грузинскую ССР. Первой жертвой в этом плане стала Южная Осетия, решением новых властей Грузии лишённая автономной государственности, и вследствие того прозываемая тбилисскими шовинистами регионом «Самачабло». На очереди после того, как мыслили грузинские экстремисты, была Абхазия: речь грузинского лидера звучала с каждым днем все яростней, а действия военщины «малой империи» становились все более непредсказуемыми.

В такое тревожное время Т. П. Шакрыл решила обратиться с открытым письмом к лидеру Грузии, начало которого построено на основе сарказма и показа пещерных идей и взглядов главного грузинского демократа. Публицист начинает так: «Уважаемый батона Звиад! Да, я не оговорила, – уважаемый, и это не дань корректности. Уважаемый за то, что Вы не прячетесь за высокопарные фразы, якобы исповедуете коммунистическую мораль, как это делал Ваш предшественник Гиви Гумбаридзе (в ноябре 1989 года Т. Шакрыл выступила с открытым письмом в адрес названного коммунистического лидера Грузии)»¹. Уважаемый за то, что у Вас достаёт, скажем так, смелости открыто провозгласить подлинно варварскую суть своей морали, о шовинистических намерениях при осуществлении своих имперских амбиций ценой крови, гибели, как своих сородичей, так и представителей неугодных Вам народов. Разве не об этом свидетельствуют Ваши слова: «Я приведу двухсоттысячную армию. Ни одного осетина не будет на земле Самачабло» (Выступление 12 декабря 1990 г. в ЦК КП Грузии)».

Гамсахурдия и его соратники всегда выступали якобы оппонентами грузинских коммунистов и по своим взглядам и по практиче-

¹ Тамара Шакрыл. Газета «Единение», №2, 26 ноября 1989 года.

ским действиям. На самом деле, по крайней мере, по национальному вопросу и сожительству с негрузинскими народами, особых отличий между этими режимами наблюдать не приходилось. Разница меж ними была в том, что коммунистических шовинистов, в отличие от «демократов» Гамсахурдия, Костава и прочих, в какой-то мере сдерживал советский центр, в постсталинский период, разумеется. Тамара Платоновна логикой и убедительностью изложения фактов, сведений и источников доказывала имперскую сущность грузинского государства по отношению к малочисленным народам, несмотря на то кто у власти в Тбилиси: коммунисты или демократы.

В доказательство этого своего тезиса, Т. Шакрыл, обращаясь к «демократу» Гамсахурдия, эмоционально писала: «О, карать других за их свободолюбие Вы умеете! В этом мы уже убедились в те июльские дни 89 - го в Абхазии (во время правления коммунистического режима Гумбаридзе. – **В. Ч.**), когда из Тбилиси в Сухум была ввезена грузинская т. н. милиция, а точнее – карательные органы; первое, что было сделано ими, – разоружены милиционеры абхазской национальности, розданы автоматы своим милиционерам грузинам. Последние с хладнокровием, достойным лучшего применения, спокойно взирали на то, как вооруженные до зубов полуобнаженные грузинские боевики на грузовых машинах, беспрепятственно проехав мимо них, надвигались на нас, безоружных женщин, детей и других, стоявших на площади Ленина».

О качестве и ценностях демократизма грузинских цветов, который восторжествовал после краха режима коммунистов, публицист сообщает своему визави в таком контексте: «Вас и некоторых Ваших приспешников оскорбили слова А. Сахарова, открыто указавшего Вам на империалистическую суть устройства Грузии. Вы же стремитесь хотя бы выдавать себя за демократов. Но в чем заключается Ваш демократизм? Не в том ли, что Вы создаете режим, ставящий Ваш народ в привилегированное положение даже на чужой территории, которую вы сможете заполнить и захватить любой ценой, любыми неправдами, в ущерб народам, подлинным хозяевам этих территорий. Иначе – установить «демократию по - грузински», как власть агрессивного большинства. Интересно, Вам не приходит в голову, что подобная демократия сродни рабовладельческому обществу? А если обратиться к опыту нашего века, то – фашизму?».

И совсем уж ироничное, но близкое к истине, рассуждение Т. Шакрыл, обращенное непосредственно к личности Звиада Константиновича по поводу его способности выстраивать цивилизованные отношения в подопечном ему обществе. Звучит оно таким образом: «Я понимаю, Вы – филолог, тонкости политологии – стихия не Ваша: печь пироги – не тачать сапоги. Но коль скоро назвался груздем, ничего не попишешь, надо, голубчик, надо лезть в кузов. Так что, надо хоть изредка заглядывать в анналы, хранящие опыт человеческой мудрости, прежде чем брать на себя смелость судить о правовых нормах, даже устанавливая их, и поразмыслить над тем, чем кончались учреждения подобных прав. Или опыт мировой истории Вам не указ?».

Следует напомнить, полагаем, о таком обстоятельстве. О том, например, что в большинстве своем представители грузинской политической и творческой элиты держали в поле зрения ситуацию в «абхазском регионе» Грузии. Следили весьма внимательно за настроениями и обстановкой в целом в пестром по национальному составу абхазском обществе. Но основное предпочтение, конечно, отдавали информации, определявшей общественно-политическую обстановку в среде абхазского этноса, состояние и процессы, происходившие в тот период в национально-освободительном движении. Публикаций же видных абхазских идеологов этого самого движения, безусловно, не оставались без внимания, как грузинской научной и творческой элиты, так и представителей властных структур.

Поэтому, полагаем, что публицист, обращаясь печатно к Гамсахурдия, имеет целью таким образом повлиять на мировоззрение широких кругов грузинской интеллигенции, политических и общественных деятелей, еще, может быть, не до конца охваченных, как многие их коллеги, необузданным националистическим угаром. Ясно, что эти силы никоим образом не желают признавать законные права и свободы негрузинских народов, по воле случая или же, скорее, по злой прихоти советского вождя оказавшихся в лоне Тбилисской метрополии. Но, как говорится, вода и камень точит, посему Тамара Платоновна считает, что мнение о правах и свободах коренного этноса Абхазии должно быть доведено до тех, кто у власти в Грузии, и ее широкой общественности. А оно, это мнение, состоит

в том, чтобы сама Грузия, определяя свою дальнейшую судьбу, не указывала никоим образом другим народам, как им обустраивать собственную жизнь в пределах грузинской мини-империи.

О том, как, в частности, формировалась минимперская идеология подавления «инородцев», со знанием дела сообщает читателям ученый и публицист Т. Шакрыл. Она, словно бы сочувствуя, утверждает: «Ведь, к сожалению, на протяжении многих десятилетий представителями не лучшей части Вашего народа (понятно, что речь также и о Гамсахурдия. – **В. Ч.**) удавалось внушать своему подрастающему поколению, что грузины – представители высшей расы. Другие народы – дикари, которых надо уничтожить, или, в крайнем случае, ассимилировав, подчинить себе. Разве не об этом свидетельствуют Ваши изречения: «Осетины – необразованный, дикий народ» (из интервью «Затердаге Виджвостгеель». Голландия); пусть никто не питает иллюзий, что в Абхазии и Южной Осетии будут созданы какие-то особые республики и они будут отторгнуты от Грузии. Там есть автономии, и этого достаточно. А если абхазы и осетины будут продолжать сепаратистскую деятельность, то потеряют и это» (из интервью «Московским новостям»).

И только затем, выдав читателям позицию грузинского лидера в отношении автономий, публицист уже защищает права абхазов и осетин от диктатора Гамсахурдия, вопрошая в эмоциональном порыве: «Но позвольте Вас спросить, по какому праву Вы разрешаете себе говорить с осетинским и абхазским народами тоном диктатора? Кто Вас уполномочил решать наши дела? Можно подумать, что абхазы уже безоговорочно признали над собой Вашу власть, чтобы Вы могли определять, что нам, как Вы изволили выразиться, «и этого достаточно»? Чего «этого»? Фальшивой автономности, сталинской формы закрепощения одних народов другими под прикрытием ложных эпитетов?!».

И снова, рефреном, публицист подчеркивает неправомочность и необоснованность поведения главы Верховного Совета Грузии, тем самым, демонстрируя обществу, как грузинскому, так и абхазскому, несбыточность его «великодержавных» устремлений. С подчеркнутым намеком на врожденный цезаризм грузинского лидера, Т. Шакрыл риторически восклицает: «Хотелось бы знать, с какого Олимпа Вы спустились, чтобы позволять себе так разговаривать с

народами, мановением своего перста решать их судьбы, словно Вашей всемогущей волей обусловлено их появление на Божий свет!».

Несмотря на заданную форму сдержанной вежливости, с элементами сарказма, полемика Т. Шакрыл с главой парламента Грузии явно наступательная и бескомпромиссная. Священное право абхазов на свободу и независимость не подлежит обсуждению, – таков лейтмотив открытого письма видного деятеля освободительного движения Т. Шакрыл. Здесь у нее нет никаких сомнений, и она эту веру в торжество справедливости пытается вложить в головы читающей публики. Несмотря на потуги властей «малой империи», правда, вне всякого сомнения, на стороне абхазов и осетин, – такова основная идея полемики, красной нитью скрепляющая программные тезисы и выводы абхазского публициста.

Видное место в абхазской публицистике последней трети 20-го века принадлежит выдающемуся ученому – кавказаведу, активному участнику национально-освободительного движения, крупному государственному и общественному деятелю Абхазии Юрию Николаевичу Воронову (1941 – 1995 гг.). В диапазон публицистических интересов Ю. Воронова весьма органично вписывались проблемы науки, политики, общественной жизни, освободительной борьбы, правозащитной деятельности и т. д. Особый вклад он внес в идейную и психологическую поддержку освободительного движения на его завершающем этапе (1988 – 1993 гг.), приняв самое активное участие в «битве» интеллектуальных элит Грузии и Абхазии. Наряду с тем, политическая и общественная деятельность Юрия Николаевича, его организационные способности, позволили в сложное время начала 90-х сплотить русскую общину Абхазии в рамках общенационального сопротивления планам метрополии по упрочению бесправного колониального состояния народов абхазской автономной республики.

После июльских событий 1989 года на принципиального ученого, отвергавшего грузинскую историческую мифологию, обрушились злобные нападки тбилисских ученых. О чем и сообщал Ю. Н. Воронов в статье «Абхазский синдром» (исповедь археолога) в Гудаутской районной газете «Бзыбь», поскольку республиканские абхазские издания не осмеливались дать слово «опальному» историку. О перипетиях того периода Юрий Николаевич писал следующее:

«Среди представителей определенных и достаточно влиятельных кругов нынешней Грузинской ССР бытует широко распространяемое местными средствами массовой информации мнение о том, что межнациональные конфликты в различных уголках республики организуются некоей «третьей стороной», третьей силой», Россией, Кремлем, Москвой, которую, в частности, называют «инспириатором абхазского этнокризиса» (газета «Ленинское знамя», 20 августа 1989 г.). Мне же, как русскому ученому – кавказаведу, отводится в этой ситуации роль одного из исполнителей замыслов этой мифической «третьей силы», хотя, по моему глубокому убеждению, в основе всех этих абсурдных умозаключений лежат интересы «второй силы», а именно определенных грузинских административных и около административных группировок, организовавших заговор в первую очередь против грузинского же народа, чье национальное самосознание искусственно стимулируется и используется этими группировками в интересах перераспределения власти».

Принципиальная и реалистичная позиция Ю. Воронова как в области исторической науки, так и в оценке всего спектра грузино-абхазских противоречий, не могла не вызвать соответствующей негативной реакции в грузинских верхах. Это, безусловно, передавалось по наущению тех же влиятельных сил в низы, дремучие инстинкты которых и были направлены на расправу с неугодными грузинской власти персоналиями, особенно с людьми интеллигентных профессий. Одним из таких крупных интеллектуалов того периода, причем, никоим образом не согласный с проводимой миниимперской политикой и практикой метрополии в отношении Абхазии, был Ю. Н. Воронов – потомок известных русских интеллигентов – просветителей и демократов Вороновых.

Этого ему, разумеется, не простили. И о том, во что это вылилось, Юрий Николаевич повествовал следующее: «Нагнетание обстановки вокруг моего имени через грузинскую прессу, радио, телевидение и прокламаций привело к тому, что во время кровопролития 15 – 16 июля (1989 года. – В. Ч.) в Абхазии вооруженные «патриоты» совершили разбойное нападение на историко – революционный мемориальный музей в древне-абхазском селе Цебельда, посвященный моим предкам революционерам, ученым-кавказоведам, педагогам, журналистам... Остающиеся до сих пор неизвестными,

налетчики ставили своей целью физическую расправу со мною, однако, поскольку я успел скрыться, ограничились стрельбой по кустам, погромом и поджогом экспозиционного здания».

Таким вот также способом защитники «единой и неделимой» пытались расправиться с личностями, как ученый Ю. Воронов, не согласными с псевдоисторическими постулатами грузинской науки, отрицавшей автохтонность абхазов на своей земле, самобытность языка и культуры, отписывая все это без изъятия в собственность своего народа. Были, конечно, и те, кто ломался под натиском «научного» экстремизма, а кто каким-то образом уживался за счет компромисса с теми же грузинскими историками – экстремистами. Кстати, в прошлом это было нередким явлением в отечественной исторической науке, к примеру: «По форме – Абхазское царство, а по содержанию – западногрузинское государство». Чистейшей воды, как говорится, нелепость, но это определение в ходу до сего дня в грузинской историографии.

В конце 80-х годов материалы по фальсификации истории Абхазии стали появляться на страницах грузинских газет прямо-таки конвейрным способом. На темы истории расписались, наряду с историками, грузинские литераторы, публицисты, журналисты, общественные деятели и все прочие, кому было не лень бросить камень в адрес абхазского народа. Конечно, ответить всем злопыхателям не было ни возможности, да также и особой необходимости. Потому, видимо, Ю. Воронов, отмечал в своей публикации, что считает «необходимым остановиться на кратком анализе ряда тезисов, распространяемых средствами массовой информации Грузинской ССР в последние месяцы и призванных обосновать отказ коренному населению Абхазской АССР в праве на самоопределение, даже на уровне самосознания».

Следует также отметить, что Ю. Воронову – высокому профессионалу и талантливому публицисту, обладавшему отменными способностями, было несложно, на основе логически выверенных фактов и сведений, развенчать надуманные мифы о древней истории грузинского этноса. Его методика построения материала была насколько проста, настолько и убедительна: автор цитирует вначале расхожий тезис грузинских фальсификаторов, затем примерами из классической истории опровергает измышления тбилисских исто-

риков. Таким образом, Ю. Воронов исследует шесть тезисов грузинской псевдоисторической науки, вокруг которых базировались всегда лживые постулаты грузинских мастеров фальсификации о прошлом абхазов, абхазской культуре, языке и т. д.

К примеру, тезис первый грузинских историков: территория нынешней Абхазии «издревле была заселена грузинскими племенами», а «отец истории» Геродот и географ Страбон, жившие соответственно в V веке до н. э. и в начале н. э., сохранили сведения о «могущественном царстве колхов», под юрисдикцией которого находилась и упомянутая территория (газета «Заря Востока», 21 июля 1989 г. и др.).

Затем следует комментарий исследователя, в котором подчеркивается, что «в действительности, ни Геродот, ни другие источники не содержат реальных сведений о «Колхидском царстве», гипотеза о котором была сформулирована на основе древнегреческих мифов лишь в эпоху Лаврентия Берия. Что же касается полумифических колхов, те как Геродот, так и ряд других, заслуживающих наибольшего доверия авторов (Ксенофонт, Псевдо Гиппократ, Аристотель) их не знают ни в долине реки Фасис (совр. Риони), ни к северу от нее, помещая там племена, принадлежность которых к грузинскому этническому миру проблематична...».

«... В то же время, – продолжает Воронов, – аборигенное население края, получившее от эллинов мифологическое имя гениохов (их считали потомками возниц братьев Диоскуров) и заставшие его здесь милетские греки являются древнейшими народами, отмеченными на территории нынешней Абхазской АССР в письменных источниках».

Тезис второй грузинских ученых утверждал: «Локализованные римскими источниками I и II веков н. э. на рассматриваемой территории апсилы, абасги и саниги были либо «грузинскими племенами», либо абхазскими племенами, проникнувшими сюда на рубеже н. э. и с того момента входившими «в состав грузинского государства и в грузинский культурно - исторический мир» (газета «Литератури Сакартвело», 7 апреля 1989 г. и др.).

На что Ю. Воронов отвечал следующее: «В действительности письменные источники и данные археологии свидетельствуют о раздельном существовании до начала VI века «царств» апсилы,

абазгов, санигов и примыкавшего к юго-восточным пределам нынешней Абхазии западногрузинского «царства» лавов, об их культурно-политической зависимости от Римской, а затем и Византийской империи...».

«...Преемственность в названиях племен, – включает далее историк, – прослеживаемая на этой территории до XX века (саниги – садзы, апсилы – апсуа, абасги – абхазы), результаты археологических раскопок, показавшие непрерывность использования общинных поселений и кладбищ в центральной Апсилии (Цебельда) с VIII века до н. э. до VIII века н. э. и другие факты не оставляют никакого сомнения в ложности и тезиса второго».

Тезис третий: «Абхазское царство конца VIII – конца X веков следует назвать Западногрузинским (о том нами также упоминалось. – **В. Ч.**), поскольку таков был его характер, а абхазские цари проводили «грузинскую внешнюю и внутреннюю политику» (газета «Заря Востока», 28 июля 1989 г.).

И эти утверждения грузинских фальсификаторов легко разрушались при соприкосновении с блестящей логикой и убедительными историческими сведениями исследователя. Так, Юрий Николаевич тонко подмечал, что « в этом тезисе ясно просматриваются амбиции конца XX столетия, поскольку древнегрузинским источникам иного названия этого политического образования – кроме как «Абхазское царство», не известно. Здесь игнорируется широкий круг древнегрузинских и византийских источников, согласно которым объединение Западного Закавказья правителем абасгов Леоном I прошло при активной поддержке и в интересах Византии, отделение же Леона II было осуществлено в рамках активизации в этом регионе политики, соперничавшего с Византией Хазарского каганата. В период своего наивысшего могущества в конце IX – середине X веков многоязычное Абхазское царство вновь пользовалось самой широкой поддержкой Византии, служило проводником ее интересов на Кавказе. Не случайно весь период языком письменной культуры на территории собственно Абхазии оставался греческий».

И затем следует неопровержимое, с точки зрения здравой логики, заключение Ю. Воронова, который отмечал, что «с позиции подлинной науки несостоятелен и этот тезис «патриотов», пытающихся обосновать единственный в мировой истории феномен, когда

феодалная администрация действует не в интересах собственной власти или власти реально существующего сюзерена (например, Византийского царства – **В. Ч.**), а старается для нее тогда еще неизвестного политического образования, наименование и этническое содержание которого будет сформулировано и сформировано несколько столетий спустя (когда только в обиход входит понятие «Грузия». – **В. Ч.**)».

Тезис четвертый: «В конце X–XIII веках собственно Абхазия представляла собой одну из 10 провинций Грузии, а «абхаз этнокультурно был неотделимой частью грузинского мира (газета «Литератури Сакартвело», 21 июня 1989 г., газета «Заря Востока», 28 июля 1989 г.)».

Ю. Воронов по этому поводу сообщал, в частности, следующее: «Место Абхазии и абхазов в тогдашней истории Грузии достаточно ясно определяется источниками. Это и почитание до конца XII века при дворе царицы Тамары абхазского (апсарского) языка, из которого было заимствовано второе имя ее сына, царевича Георгия (Лаша). Это и тридцатилетнее господство Византии в центральной Абхазии в XI веке, и титулатура продолжавших политику абхазской династии грузинских царей («Царь абхазов», куропалат, новелисимус, севаст и т. д.). Это и постоянно отмечаемое грузинскими летописцами участие собственно абхазов во всех важнейших событиях истории Грузии XI – XIII веков, в том числе и их регулярный сепаратизм по отношению к центральной власти (смута, заставившая Давида Строителя в начале XII века совершить свой единственный поход до района современной Пицунды, поддержка Юрия Боголюбского, вступившего в конфликт со своей царственной супругой Тамарой и др.). Это, наконец, и осуществлявшаяся до XIV века через территорию современной Абхазии постоянная связь Константинопольского патриархата с северокавказской митрополией Алании, которая иногда идентифицировалась с собственно Абхазией и т. д.».

Тезис пятый: «В XIV веке население Абхазии «предстанет перед нами в качестве не земледельческого, а в основном скотоводческого, не христианского, а языческого». Этот «регресс» объясняется вторжением анонимных горцев, ассимилировавших население края и этим давших исток современным абхазам» (газета «Заря Востока», 28 июля 1989 г.)».

Историк и публицист Воронов утверждает, что «и этот тезис не выдерживает испытания фактами». И приводит следующие сведения: «В действительности территория современной Абхазии в тот период находилась в разных степенях зависимости от Мегрельского княжества (Сабедиано). Не только в XIV – XV веках, но и позднее, до XVII века резиденция Абхазского каталикоса, осуществлявшего верховную церковную власть над всем Западным Закавказьем, находилась в Пицунде (западный район Абхазского воеводства). В 1459 году Бургундский герцог Филипп получил несколько писем, в которых фигурирует христианский «герцог абхазов» Раба с 30-тысячным войском».

Юрий Николаевич отмечает также в тот исторический период оживление хозяйственных процессов, развитие культуры, значительный рост населения страны. Обосновывает он эти тенденции таким образом: «Археологические же источники свидетельствуют, что в этот период в условиях широких связей с европейским миром (через фактории генуэзцев) оживают перевальные пути, население низменных и долинных районов входит в полосу экономического расцвета, строятся десятки новых христианских храмов и реконструируются старые, в глубине ущелий основываются монастыри, отмечается естественный прирост населения, в быту которого широко распространяются предметы импорта. Именно на этот период падает всем известное переселение части абхазов на Северный Кавказ – где формируется абазинская народность. И ни одного намека на обратное движение...».

Тезис шестой: «Святые апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит в I веке н. э. застали на территории Абхазии грузинское население, для которого тут же организовали «письменность и книгописание» на грузинском языке; богослужение в храмах Абхазии с V по XIX века велось на грузинском языке, а сами эти храмы образуют своеобразную местную школу грузинского зодчества, возникнув на «общегрузинской почве» (газета «Литератури Сакартвело», 31 марта 1989 г. – газета «Заря Востока», 7 апреля 1989 г. и др.)».

На столь беззастенчивую ложь грузинских «ученых мужей» доктор исторических наук Ю. Воронов весьма лаконично заключает: «Все эти утверждения, к сожалению, ничего кроме невежества их высказывающих и публикующих лиц, не отражают». И затем иссле-

дователь просто и доходчиво растолковывает суть происходивших в незапамятные времена событий. В частности, напоминая своим «забывчивым» тбилисским оппонентам некоторые реалии далеких времен, он заключал: «Сказ о проповедях святых апостолов на Западном Кавказе сформировался лишь в начале IX века, когда Константинопольскому патриархату понабилось обосновать свои притязания на эту территорию. Поскольку все известные в Абхазии христианские и бытовые надписи IV – X веков исполнены на греческом языке, то он и был тогда языком официальных документов и богослужения на этой территории. Судя по тем же надписям, греческий язык использовался при богослужении наряду с грузинским вплоть до XVI века. Нет никаких данных и о том, что в конце XVII – первой половине XIX веков в условиях распространения мусульманства и язычества, здесь регулярно велось грузинское богослужение».

Ю. Воронов не ограничивается рамками чисто исторической полемики, смело и четко разъясняет цели и задачи низкопробной и в то же время агрессивной продукции грузинских шовинистов от науки. В этом плане он отмечает следующие моменты: «... Авторы пространных публикаций, вызванных «абхазским синдромом» предлагают читателям наспех, «на потребу дня» сработанные конструкции, не очень утруждая себя безупречным отношением к источникам, обходя молчанием дискуссионность многих своих утверждений, а временами идя на прямой подлог. Иного и не требуется: ложь уже влита в сознание миллионов, она приобрела форму правды, она стала материальной силой...»¹.

Прав оказался Юрий Николаевич в своих выводах. Он точно подметил ту самую «материальную силу», ставшую идейной основой грузинской агрессивной практики предвоенной поры, которая позже оказалась составной частью, скорее, идеологическим обеспечением захватнической войны Грузии против Абхазии.

О том, что в тот период активно шел процесс фашизации грузинского общества, свидетельствуют опубликованные в СМИ программные установки грузинских партий и общественных движений, процитированные Ю. Вороновым в своей публикации. Приведем лишь некоторые из них, где властям однозначно предписывается:

¹ Юрий Воронов. Газета «Бзыбь», №№ 114, 115 (21 – 23 сентября) 1989 г.

«Для сбалансированного размножения отдельных наций, проживающих в Грузии, придерживаться предельного уровня их простого воспроизводства (предельный уровень двое детей). Желающим расширенного воспроизводства предоставить право выехать на место жительства за пределы республики» (газ. «Комунисти, 21 ноября 1988 г.); «Интернационализм требует уважения и элементарных знаний грузинского языка для всех некартвельских народов, проживающих в Грузии» (газета «Литератури Сакартвело», 2 декабря 1989 г.); «долгой русских и армян, а греки сами уберутся!» (из листовки, распространявшейся на предприятиях города Сухуми в марте 1989 г.); «Должны быть сняты с должностей агенты Москвы, абхазцы и поддерживающие их провокаторы» (из заявления Главного Комитета Грузинской национал-демократической партии, 18 июля 1989 г.); «Рука, которая управляла абхазскими событиями, крутилась где-то там, в зале съезда народных депутатов» (газета «Литератури Сакартвело», 21 июля 1989 г.); «Мы всячески должны стараться, чтобы процентный состав грузин в Грузии (ныне составляет 61 процент) поднять до 95 процентов... Грузия может терпеть не более 5 процентов гостей, ни в коем случае не больше. В состав 5-ти процентов населения должны войти только те гости, которые знают грузинский язык, которые должным образом уважают Грузию, которые выросли под влиянием грузинского национального феномена...» (газета «Ахалгазда комунисти», 29 июля 1989 г.) и др.

И, словно провидец, Юрий Николаевич Воронов из всего сказанного выше делает следующие выводы: «Дорога, устланная трупами жертв национальной злободневности, окруженная взорванными и оскверненными памятниками и могилами, сожженными музеями и толпами обманутых, никогда не приведет к Храму».

Безусловно, такова и по сей день идеология и практика «новой» Сакартвело, возродившейся, «словно Феникс», из чрева почившей в 1921 году меньшевистской Грузии. И эту нечеловечески жестокую программу действий, в чем убеждает публикация Ю. Воронова, метрополия пыталась реализовать в конце 80-х и в начале 90-х годов в абхазской среде. Тбилиссские шовинисты ожидали, коли численное превосходство на их стороне, легких побед и покорного смирения абхазов. Но грузинские экстремисты за год-два до войны, получили организованный отпор по всем направлениям: со стороны власт-

ных структур автономии, национальных общин республики, интеллигенции. И это было не спонтанным явлением, поскольку у руля автономии находились не покорные партийно-советские структуры, а национальный лидер В. Г. Ардзинба и представители общенародного движения – НФА «Аидгылара».

С начала 90-х годов практически полностью изменились формы и методы управленческой деятельности руководства Абхазской автономии, основной целью которого на том этапе стало установление отношений с грузинской метрополией на равноправных началах. Это сразу же было воспринято в штыки «демократическим» правительством Звиада Гамсахурдия. Еще больше омрачили и так непростые отношения назначение решением Президиума Верховного Совета Грузии префекта Гальского района Абхазии, что было сделано в нарушение даже законодательства самой РФ. По этому, также и другим вопросам, главы Грузии и Абхазии в марте 1991 года обменялись письменными обращениями, опубликованными в средствах массовой информации республик.

Учитывая чрезмерное самолюбие З. Гамсахурдия, полагаем, что ему вряд ли пришлось по душе даже любезное начало послания В. Ардзинба, в котором абхазский лидер в кавказских традициях писал своему визави: «Целиком и полностью разделяю ту часть Вашего обращения к абхазскому народу, в котором говорится о многовековых добрососедских отношениях абхазского и грузинского народов, о тесной связи их самобытных культур и близости национальных традиций». Далее Владислав Григорьевич сообщал грузинскому коллеге, что он, как Председатель Верховного Совета Абхазии, делает и готов делать в будущем все от него зависящее, «чтобы между Абхазией и Грузией царил мир и согласие, основанные на твердых договорных отношениях равноправных республик. Мир и согласие могут быть достигнуты с учетом интересов каждого народа».

Нет сомнения, что глава Абхазии, напомнив о необходимости выстраивания «равноправных отношений» между республиками, к тому же «с учетом интересов каждого народа», вызвал сильное раздражение Гамсахурдия, всегда отводившего абхазскому народу в грузинском государстве разве лишь культурно-национальную автономию в пределах компактного проживания абхазов – в Гудаутском и Очамчирском районах. Таким образом, можно констатировать, что

любезное начало обращения довольно скоро перешло в русло принципиального, а порой и нелицеприятного монолога В. Ардзинба.

Так, комментируя заявления Гамсахурдия о выходе Грузии из состава СССР, причем, подразумевалось, что тому же будет следовать и Абхазия, Ардзинба писал: «... Вы в своих последних заявлениях утверждаете, что законы СССР на территории Грузии не действуют. Мы же считаем Абхазию составной частью Союза ССР, на которую распространяется его юрисдикция». Затем он отмечал, что «Верховным Советом СССР был принят ряд основополагающих законов, существенно расширявших полномочия автономных республик (созданы и приняты законы при непосредственном участии Владислава Григорьевича. – В. Ч.). Более того, согласно недавно опубликованному проекту Союзного Договора всем республикам – и союзным и автономным – предоставляются равные права в новой федерации».

Конечно, о том, что сообщал Ардзинба, грузинский лидер был прекрасно осведомлен. Но главе Абхазии это было нужно для того, чтобы продемонстрировать, и не столько Гамсахурдия, сколько людям в Абхазии и Грузии, о нежелании Тбилиси выстраивать с Сухумом цивилизованные отношения в тех рамках, на которые уже был согласен Советский центр. Именно на это делал упор Ардзинба, когда он прямо обращаясь к главе Грузии, утверждал: «Между тем, парламентом Республики Грузия приняты законодательные акты, ущемляющие даже сегодняшние конституционные права Абхазии. Таким образом, Ваши заверения в уважении национальных и культурных прав абхазского народа, нашей государственности вновь остаются просто словами». И то, что кроется за этими «просто словами» Владиславом отмечается ниже: «Смысл последних законов Республики Грузия характеризуется откровенным стремлением фактически приравнять Абхазию, являющуюся сегодня государством, к обычной административно-территориальной единице. Одним из наглядных примеров этому может служить закон «О местном управлении в переходный период». Согласно Конституции Абхазской АССР изменение политической системы относится к исключительной компетенции автономной республики в лице ее высших органов. Распространение же действия упомянутого закона и его реализация в виде назначения префекта Гальского района является началом ликвидации органов Советской власти, которые

согласно нашей Конституции, составляют основу политической системы. Вопрос о структуре органов государственной власти в Абхазии может решать только ее народ, и никто другой».

На такой твердой ноте объясняет Ардзинба нагнетание ситуации властями Грузии в связи с назначением префекта (главы) Гальского района Абхазии. В то же время это не просто «разъяснение» того, что незаконно осуществила метрополия. Это предупреждение, причем на уровне руководителя Грузии, что впредь Абхазия не собирается мириться с нарушением ее государственного суверенитета. При этом следует отметить, что с руководством Грузии в таком равноправном формате лидеры Абхазии не вели диалога, наверное, с момента первых дней установления Советской власти в 1921 году. Если прикинуть, что на дворе тогда, в период обмена посланиями глав Абхазии и Грузии, стоял 1991 год, то получается ровно 70 лет грузинского произвола и диктата. Правда, Эшба и Лакоба пытались дать отпор грузинскому агрессивному «большевизму» во времена засилья Сталина и Берия, за то и поплатились жизнями, как своими, так и близких им людей.

Но тогда была диктатура большевистской власти, а в 90-х Гамсахурдия и его окружение убеждали мировое сообщество, что с приходом их к власти в Грузии, здесь воцарилась образцовая демократия, покончившая с прошлым тоталитаризмом. Вот и Ардзинба, намекая на эту самую риторику грузинских властей, прямо указывал грузинскому лидеру: «И, наверное, если мы заявляем, что стремимся к построению демократического, правового общества, следовало бы решить вопрос о внесении соответствующих изменений в Конституцию Абхазии (грузинская фракция часто саботировала законотворческую деятельность Абхазского парламента по указке из Тбилиси. – В. Ч.), а затем уже вводить в ее городах и районах новую форму самоуправления. И дабы не было никаких сомнений, что абхазская сторона больше не потерпит диктата Тбилиси, В. Ардзинба, обращаясь к Гамсахурдия, полагаем также, и к грузинскому обществу, четко и однозначно заявлял: «Конституционная власть в Абхазии осуществлялась и будет осуществляться через Советы народных депутатов. И никому, кроме высшего органа государственной власти в лице Верховного Совета Абхазской АССР, не дано права решать вопросы их упразднения».

Владислав Григорьевич в своем послании не преминул предупредить грузинское руководство, что для него не являются секретными замыслы метрополии в отношении Абхазской республики. Такие выводы напрашиваются после его следующего послания грузинскому лидеру, в котором отмечается, что «назначение префекта Гальского района не может быть расценено иначе, как несоблюдение высшими органами государственной власти Республики Грузия элементарной правовой этики». И затем, подчеркивая подводную составляющую этого деструктивного решения грузинских властей, Ардзинба констатирует: «Выведение одного из регионов автономной республики из-под юрисдикции Верховного Совета Абхазской АССР – первый шаг на пути к ликвидации конституционных структур, а затем и государственности Абхазии. И не надо быть большим политиком, чтобы понять, откуда исходит реальная угроза государственному строю Абхазии и кто сегодня взял на себя роль «комитетов спасения».

Следующие критические «стрелы» Ардзинба были призваны показать общественности, в большей степени абхазской, несостоятельность политики и практики грузинского руководителя, делавшего ставку, как и его предшественники, на силовое решение проблем взаимоотношений Грузии и Абхазии. Это был ответ абхазского лидера на откровенные угрозы Гамсахурдия в адрес абхазов, других национальных общин, сконсолидовавшихся вокруг Народного Форума Абхазии (НФА) «Аидгылара». За исключением, разумеется, грузинской части населения автономной республики. Владислав Григорьевич, беря под защиту абхазское общество, интернациональное, по существу, формулировал свою позицию таким образом: «... Нелепыми и необоснованными выглядят Ваши обвинения в адрес блока «Союз», объединившего на добровольных началах абхазцев, армян, русских, греков и многих других в стремлении сохранить наше государство (Советский Союз – В.Ч.), преобразовав его из фактически унитарного в федерацию государств».

«... Не кажется ли Вам, – продолжал наступать на своего оппонента Ардзинба, – что постоянные поиски агентов и врагов народа восстанавливают печально известные времена гонений на всех инакомыслящих, как правило, завершающиеся, установлением открытой диктатуры?». И, понимая, что вряд ли дождется вразумительного ответа на поставленный вопрос, сообщает свое мнение:

«В Абхазии мы не ищем врагов. Аресты и политическая анафема не могут служить основой диалога с оппонентами в поисках путей процветания народа. В условиях грубого диктата политических решений и акций, разжигающих межнациональную рознь в Абхазии, мы принимаем, и будем принимать все необходимые меры для защиты интересов ее многонационального населения».

Известно, что весной 1991 года правительство Гамсахурдия в ультимативной форме потребовало от населения Абхазии отказаться от участия во Всесоюзном референдуме (проведен 17 марта 1991 года), на котором стоял вопрос сохранения Союза ССР. После того, как большинство населения Абхазии высказалось в поддержку обновленного СССР, Тбилиси метал громы и молнии на головы руководства автономии, способствовавших организации проведения референдума, также и на активных участников этой масштабной акции. Это была очередная попытка столкнуть национальные общины, принимавшие участие во Всесоюзном референдуме, с грузинской частью населения Абхазии, поддерживавшей выход Грузии из СССР. В случае конфликта, как полагали в руководстве метрополии, явится законная возможность ввести военных на территорию Абхазии и хорошенько проучить «сепаратистов», чтобы им неповадно было даже мыслить об отделении от Сакартвелло.

Предвосхищая подобные замыслы, В. Ардзинба, уже далеко не в любезном тоне, указывал грузинскому лидеру на опрометчивость его слов и действий. Владислав по этому поводу отмечал: «Нас уже не удивляет поучительный тон Ваших обращений, но вряд ли сегодня можно запугать народ любыми угрожающими заявлениями. Участие граждан Абхазии в решении о будущем Советского Союза – их неотъемлемое право, гарантированное Конституцией, Всеобщей декларацией прав человека и Международным пактом о гражданских и политических правах. Не трудно увидеть прямую связь между Вашей оценкой общесоюзного референдума и агрессивной кампанией его бойкота. Людям угрожают физической расправой, увольнением с работы, сожжением домов – это, а не неучастие населения в референдуме может вновь разжечь с таким трудом погашенный огонь межнационального конфликта».

В завершение своего обращения Владислав Ардзинба, говоря о подлинной самостоятельности Абхазии, которая, по его словам,

вряд ли будет достигнута «в независимой Грузии», сообщил З. Гамсахурдия следующее: «Не к самоуправлению, как Вы полагаете, в качестве административно - территориальной единицы Грузии стремится наш народ. Он выступает за сохранение Союза Суверенных государств, в котором Абхазия будет одной из равноправных суверенных республик»¹.

Уверенность и наступательность абхазского лидера в полемике с импульсивным Гамсахурдия имела серьезные основания: Грузия предпринимала всевозможные меры, в том числе и правового характера, чтобы быстрее разорвать отношения с СССР, Абхазия же, наоборот, устами своих руководителей неоднократно заявляла о своем стремлении стать субъектом обновленного Союза суверенных государств. Владислав Григорьевич, как известно, в Верховном Совете СССР был одним из разработчиков нового государственного договора, в котором бывшие автономии приравнивались к союзным республикам. И оттого питал огромные надежды на скорый выход Абхазии из грузинской метрополии. Причем, мирным путем.

О том, какими видит В. Ардзинба государственно-правовой формат Абхазии в составе обновленного Союза, отношения с грузинской республикой, ситуацию, связанную с проведенным в марте Всесоюзным референдумом и некоторые другие проблемы осветила газета «Красная звезда» (23 апреля 1991 года).

«Абхазия стремится выступить субъектом договора о Союзе суверенных республик. В то же время парламент Грузии, куда входит ваша автономная республика, принял решение не подписывать этот договор. Можно ли разрешить это противоречие?» – ставила вопрос газета.

Ответ Владислава был однозначным, отметив, что «здесь нет противоречия». И разъяснил свою позицию таким образом: «С моей точки зрения, каждый народ должен самостоятельно решать свою судьбу. В данном случае это выглядит так: именно народ определяет, быть ему в составе Союза, или он выбирает путь полной независимости. Я лично поддерживаю принцип самоопределения, но при этом любое решение в итоге принимает не парламент, не пра-

вительство, а именно народ. В первую очередь нужно спросить его. Причем, в очень спокойной обстановке...».

На вопрос о том, «почему Абхазия избрала свое будущее в составе Союза», В. Ардзинба ответил так: «Это, наверное, естественно, поскольку речь идет о федерации равноправных суверенных республик. Долгое время Абхазия такой и была. Она возникла в 21-м году как суверенная республика. Она имела договорные отношения с Грузией. И только в 1931 году Абхазия преобразуется в автономную республику».

Интересны также ответы В. Ардзинба по поводу союзного референдума, его оценка условий проведения этой политической акции. Владислав Григорьевич вначале пояснил, что лидер Грузии Гамсахурдия вполне откровенно пригрозил: «Мы не допустим проведения союзного референдума на территории Абхазии. Кроме того, им высказывались мысли, что если, представители «иноязычного населения Абхазии» будут выступать за Союз, то они могут лишиться гражданства, земли. Словом, проводилась тактика запугивания населения». И при таких условиях, отмечал абхазский лидер, «52,3 процента взрослого населения Абхазии приняло участие в референдуме СССР, из них 98,6 процента сказали «да» Союзу».

Владислав приводит любопытную цитату из обращения З. К. Гамсахурдия к абхазскому народу накануне референдума: «Мы должны напомнить ему (Ардзинбе. – **Прим. ред.**), что коммунистическая система и советская империя обречены, и тщетно старается кое-кто повернуть колесо истории вспять. Рано или поздно поработанные народы Советского Союза сбросят ярмо коммунистической диктатуры, и тогда Ардзинба и ему подобные деятели будут расцениваться как предатели своих же народов...».

Говоря о личных контактах с главой Грузии, В. Ардзинба сообщал следующее: «Да, у нас была одна встреча. Почти сразу после моего избрания (было еще одно неофициальное randevu в Тбилиси, где Ардзинба и Гамсахурдия обговорили и решили проблему квот по выборам абхазского парламента. – **В. Ч.**) Надо сказать, встреча прошла в нормальной обстановке. Был спокойный разговор. Но с тех пор, к большому сожалению, появляется все больше ультимативных требований с его стороны. Вот несколько дней тому назад пришло письмо от Звиада Константиновича, в котором он ставит вопросы

¹ Газета «Абхазия», № 11 – 12, 26 марта 1991 года.

об изменении нашей Конституции, отмене политической системы Абхазии. То есть, уже идет разговор о том, чтобы у нас упразднить местные Советы».

На вопрос о том, «какова точка зрения абхазского парламента», Владислав отвечал, что «недавно Верховный Совет Абхазии принял Закон о выборах местных Советов народных депутатов республики. То есть парламент – причем единогласно – подтвердил, что у нас основой политической системы остаются Советы. С этим нужно считаться», – резюмировал В. Ардзинба.

В завершение беседы Владиславу был задан вопрос об его отношении к той жесточайшей критике «со стороны некоторых руководителей союзных республик», которой подвергаются автономные республики за участие в договорном процессе по созданию нового Союза. На что глава Абхазии отвечал таким образом: «Мое видение проблемы таково. Отправной точкой здесь должны стать не автономии как таковые, а народы. Если мы исходим из принципа равноправия народов, значит, все автономии – это форма самоопределения конкретных народов, это их государственность. Если мы ставим народы в равное положение, то мы должны и их государственность поставить в равное положение. Другого, на мой взгляд, выхода нет. Это никоим образом не является разрушительным процессом. Как раз наоборот. Такой процесс сплачивает Союз»¹.

Таковой была в ту пору программа самоопределения Абхазии в рамках нового Союзного договора и мирного «развода» с Грузией, на что рассчитывал В. Г. Ардзинба вплоть до развала СССР. Для этого у него были все основания. К тому времени были приняты законы Союза ССР (апрель 1990 года), инициатором которых был Ардзинба и его коллеги по Верховному Совету страны. Эти законы позволяли автономным республикам самостоятельно определиться при выходе союзной республики из состава советского государства: оставаться в Союзе ССР или же следовать за метрополией. Однако вскоре не стало Советской страны. И в то же время все активнее нарастала агрессивность грузинских шовинистов. Тогда уже главе Абхазии приходилось отстаивать интересы народа и республики уже в ином ключе: Владислав Григорьевич больше внимания акцентировал, как мне представлялось, на вопросах укрепления полити-

ческого и экономического суверенитета абхазской республики. Это с одной стороны, с другой – велась подготовка, большей частью негласно, к возможной попытке Грузии установить контроль над Абхазией военным путем. Официально был принят Верховным Советом комплекс мер «по переподчинению властям абхазской республики всех силовых структур – воинских формирований, КГБ, МВД, прокуратуры, военных комиссариатов – реализованных в течение ноября 1991 года по март 1992 года...».

В то же время были приняты «важные решения в сфере безопасности абхазской государственности. Таковыми были постановления Президиума Верховного Совета Абхазии о создании при его Председателе Временного Совета по координации деятельности и переподчинении воинских и милицейских частей, дислоцированных на территории Абхазии, о призыве на военную службу и мерах по соблюдению закона «О всеобщей воинской обязанности». Отныне все граждане обязаны были служить в своей республике». Наряду с этими мерами предосторожности, особой службе Народного Форума была поставлена задача по подготовке резерва на случай часа «икс», с соответствующей экипировкой и вооружением.

И все же, надо полагать, что у главы Абхазии не было твердой уверенности, что напряженное противостояние в Абхазии обойдется без вмешательства Тбилиси. Ведь эту самую острую ситуацию подогревали как раз из метрополии, чтобы была возможность в удобный момент разжечь конфликт, а после наводить «порядок» силами разбойных отрядов Иоселиани и Китовани. А заодно и сместить строптивное руководство автономии.

Эти сомнения обязывали лидера небольшой республики проводить осторожную политическую и практическую деятельность, особенно когда рядом хищник, повадки которого абхазы познали издавна – со времени оккупации Абхазии меньшевистской Грузией в 1921 году, в зловещие времена сталинско-бериевских репрессий 30-х и 40-х годов. По всему подобная политическая гибкость и осмотрительность присутствует в интервью В. Ардзинба «Независимой газете» (9 ноября 1991 года). На вопрос корреспондента В. Портникова о том, «как руководитель Абхазии представляет дальнейшие отношения с Грузией в отсутствие Союзного договора, Владислав Григорьевич, в частности, отмечал: «Мы должны решать

¹ Газета «Абхазия», 23 апреля 1991 года.

наши проблемы путем непосредственных контактов и переговоров с руководством Грузии, других республик. Суверенное право принадлежит не какому-то одному народу (абхазский народ не лишен суверенных прав), имеет права и республика, которая является формой его самоопределения. При понимании и учете интересов абхазского народа, его государственности и при понимании и учете грузинской государственности мы можем искать здесь точки соприкосновения. Хотя ощущается и грубый диктат, и давление на нас, мы в Абхазии ищем компромиссы. Пока это удастся. Мы бы хотели, чтобы в Абхазии царили мир и спокойствие. Сейчас спокойствие есть, но сказать, что люди спокойны, я не могу. Потому, что я не спокоен, и они не спокойны. А как можно быть спокойным в такой ответственный момент нашей истории»¹.

Надо отметить, что предвоенное время (1991–1992 годы) ознаменовалось сильнейшим витком напряженности в отношениях абхазского руководства с правителями Грузии, вначале с Гамсахурдия, а затем, после его свержения, и временным военным Советом (Иоселиани, Китовани, Сигуа), и прибывшим позже в Тбилиси вдохновителем переворота Э. Шеварднадзе. Начало его правления отмечалось тем, что из названия органа управления страной было удалено определение «военный», замененное более благозвучным, как казалось, словом – «государственный» Совет Грузии. Но, как выражаются русские, хрен редьки не слаще оказался, как всегда, для абхазов. Хоть и перегрызлись в кровавой расправе грузинские верхи, но в отношении к «абхазскому вопросу» никаких изменений не предвиделось. Более того, вскоре развеялись и некоторая иллюзия в абхазском обществе, связанные с приходом во власть в Тбилиси «демократа» и «перестройщика» Шеварднадзе, который, в отличие от своего предшественника, методично и целенаправленно усиливал давление на Абхазию. Он был опасен тем, что знал «слабые» места абхазского общества, большинство руководящей номенклатуры (высшего звена) так или иначе было ему знакомо, испытывало его влияние. К несчастью для Абхазии, его политическими подельниками к тому времени являлись руководители мирового масштаба

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум – 2017. С. 113 – 114.

– Борис Ельцин, Джордж Буш, Джеймс Бейкер, Гельмут Коль и другие, рангом помельче. Это, в конце концов, позволило ему решиться в час «икс» на блиц-криг, на что его друзья и покровители просто закрыли глаза. А российский президент к тому же, представил грузинскому лидеру и карт-бланш, согласовав с ним в Дагомысе 24 июня 1992 года сроки «наведения порядка» в Абхазии военным путем.

Но до начала грузинской агрессии Тбилиси наметил подготовительный период, в ходе которого шла идеологическая обработка «пятой колонны» в Абхазии. Грузинскому населению автономии, в большинстве своем поддерживавшему первого президента Гамсахурдия, всеми средствами метрополии внушалась необходимость борьбы с абхазским сепаратизмом, который, дескать, угрожает национальным интересам единой Грузии, также и правам грузинского населения Абхазии, которое может утратить свое привилегированное положение в автономии. Таким образом, Шеварднадзе полагал, что «небольшая» военная операция усмирит абхазов, с одной стороны, с другой – привлечет звиадистов, уstraшенных абхазской опасностью, на его сторону, и тем самым объединит расколовшееся грузинское общество и страну.

Эти намерения, думается, не были секретом для главы Абхазии В. Ардзинба, который предпринимал все возможные политические, экономические и правовые решения по упреждению реализации грузинских планов. Однако одно дело – внутренние проблемы, но были такие обстоятельства, разрешить которые не представлялось возможным. Не секрет, скажем, то, что Шеварднадзе объявился в Тбилиси не без помощи Москвы. И основная цель такого политического кульбита: изгнание Гамсахурдия, объявившего «об оккупационном характере находящейся на территории республики русской армии», и приход к власти экс-министра иностранных дел бывшего СССР, отменившего решение своего предшественника – это «укрепление российских позиций в Грузии». И ясное дело, что «в знак благодарности армия СНГ передала Грузии часть своих вооружений для упрочения положения нового руководства, уstraшения и подавления различных национальных меньшинств...»¹.

¹ Станислав Лакоба. Восток и Запад: между молотом и наковальней. Газета «Республика Абхазия», 29 февраля 1992 года.

В ком же из «национальных меньшинств» Тбилиси и его союзники видели наибольшую опасность? Вопрос риторический, известно же, что Шеварднадзе, в свою бытность партийным лидером Грузии, не раз убеждался в решимости абхазского народа отстоять свою независимость от грузинской метрополии. И вот теперь он выторговывал защиту от коварных сепаратистов. И, как отмечал С. Лакоба, «достаточно вспомнить здесь факт передачи в Сухуми десантно-штурмовым батальоном СНГ трех боевых машин пехоты (легких танков) для нужд национальной гвардии Грузии...». И далее исследователь подчеркивает следующий безусловный фактор, осложнявший отношения с грузинской стороной. Например, как отмечал С. Лакоба, «чтобы замкнуть Абхазию на ключ, новое руководство Грузии пытается усилить здесь свое присутствие при прямой поддержке военной машины СНГ. Буквально на днях (февраль 1992 года. – **В. Ч.**) Временное правительство Грузии заручилось всемерным экономическим содействием России на льготных условиях СНГ, используя представленную помощь как средство экономического и политического давления на абхазскую республику. На Абхазию, которую Россия с 1989 г. отталкивает от себя и народ, который с 1810 г. находился под покровительством России»¹.

Со времени прихода во власть в «демократической» уже Грузии Э. Шеварднадзе прекрасно осознавал, что проблему Абхазии придется решать в ближайшем будущем, но в методах – силовым или «мирным» путем – полагаем, он еще не определился. К тому же, тогда на первом плане жгучей была задача усмирения звиадистов, кои числом составляя не менее чем полстраны, приняли в «штыки» изгнание первого президента Грузии. Вскоре, однако, страсти приутихли, а в Абхазии Шеварднадзе смог заручиться и поддержкой политиков – «звядистов», еще совсем недавно преданных Гамсахурдия. Получалось, что заклятых «идейных» противников объединила ловко сработанная «новым» грузинским лидером идеология противостояния абхазскому «сепаратизму». Впрочем, абхазская проблема во все времена приводила к подобному консенсусу весьма разнородные политические группировки грузинского общества.

¹ Станислав Лакоба. Восток и Запад: между молотом и наковальней. Газета «Республика Абхазия», 29 февраля 1992 года.

К силовому же варианту «замирения» абхазского общества глава Грузии, по-всему, склонился после встречи с российским президентом Б. Ельциным в Дагомысе в июне 1992 года. Позже, после войны, проявилась подоплека сговора российско-грузинских верхов: Грузия все так же не намеревалась вступать в СНГ, и потому следовало создать такую обстановку, хотя бы и небольшой конфликт, который поспособствовал изменению политического курса Тбилиси, и не на Запад, как думалось «хитрому лису», а на Север, для чего ему, то есть Шеварднадзе, позволили свергнуть законного предшественника.

При накаленной абхазской атмосфере такую комбинацию разыграть не составляло большого труда. Для заказчика не было дефицита в рьяных исполнителях. «Свидетельством тому совещание с участием грузинского руководства (Шеварднадзе, Сигуа, Иоселиани, Китовани) и «абхазских представителей» из числа местных грузин, состоявшееся в конце июня в Тбилиси. Один из участников совещания – влиятельный депутат грузинской фракции Верховного Совета Абхазии Наполеон Месхия в свое время отмечал: «После очень эмоциональных антиабхазских выступлений я с не меньшей эмоциональностью изложил свое видение. Главный тезис – исключить силовой метод». Согласно логике, напрашивается вопрос: к чему бы Месхия эмоционально возражать против войны с абхазами, если на встрече с руководством Грузии о том (о войне с абхазами) не велась бы речь?!»¹.

Надо полагать, что Владислав Григорьевич, которого российский лидер обнадежил (на неофициальной встрече в Сочи в марте 1992 года), на словах, разумеется, о защите Абхазии против поповозовцев Тбилиси, не исключал провокаций с целью ввода грузинских войск в абхазскую республику. Ведь прямо перед его глазами происходил демарш его первого зама Т. Надарейшвили, лидера грузинской фракции абхазского парламента, который уже с 26 июня 1992 года призывал (а встреча Ельцина и Шеварднадзе в Дагомысе состоялась двумя днями раньше) не идти на сессию. И разъяснял этот свой призыв таким образом: «Если мы решим соз-

¹ А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992 – 1993 гг.). Книга I. Сухум – 2013. С. 443. // Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум – 2017. С. 122.

дать параллельные структуры, нас профинансирует Тбилиси...». Он также сообщил, что в Абхазии будет дислоцировано 5 батальонов грузинской гвардии. После этого 29 июня грузинское население начало акцию неповиновения¹.

Чтобы снизить градус противостояния Тбилиси и Сухума, и лишить грузинское руководство оснований для демонстрации силы, В. Ардзинба, хоть и с сомнением (о чем скажем ниже), но все же принял решение начать обсуждение на сессии Верховного Совета проекта Т. Шамба о федеративных отношениях Абхазии с Грузией. Из личной беседы с Владиславом Григорьевичем накануне публикации данного документа в печати, я вынес мнение, что публикация и обсуждение проекта о федеративном формате грузино-абхазской государственности – это всего лишь оттяжка времени с целью избежать конфликта с Тбилиси. В том же состоявшемся между нами разговоре В. Ардзинба не считал необходимым публикацию данного проекта договора в государственной газете «Республика Абхазия», заявив, что вполне достаточно, если его напечатает общественно-политическое издание «Абхазия». Последней попыткой оттянуть грузинскую агрессию стало обращение Абхазского парламента 12 августа 1992 года к Госсовету Грузии, в котором отмечалось: «Верховный Совет Республики Абхазия вновь заявляет о своем желании сохранить связи с Грузией, твердо выступает за их установление на новых, цивилизованных и равноправных основах, которые исключают диктат и подчинение, омрачавшие на протяжении десятилетий отношения между абхазским и грузинским народами. Мы, депутаты Верховного Совета Республики Абхазия, заявляем, что свою часть пути в направлении возрождения добрых отношений между абхазским и грузинским народами, пройдем без оглядки. При этом надеемся, что протянутая для пожатия наша рука не повиснет в воздухе»².

Но отвлечь Шеварднадзе мирными предложениями не удалось, он, скорее всего, торопился воспользоваться благоприятной политической обстановкой, чтобы обуздать стремление абхазов к независимости. Ведь в тот период председатель Госсовета Грузии ощущал всемерную поддержку самых влиятельных сил мира – ру-

ководителей ведущих стран Запада и России. Все известные политики планеты высоко ценили его вклад в развал великой державы, в Кремле пребывал также его союзник, поощрявший к наведению «порядка» в Абхазии. Таким образом, никаких сомнений в исходе задуманного военного сценария по покорению абхазов и быть не могло, а этот успех был нужен, как воздух, для прочного воссоединения расколотого грузинского общества, на развалинах, как виделось грузинскому лидеру, абхазской мечты о свободе и независимости.

Потому «протянутая для пожатия рука» Абхазии повисла в воздухе. Тбилиси уже давно замыслил иное. «Вопрос войны был решен положительно еще раньше, и теми силами, кто не привык менять своих намерений. Так маленькая страна стала разменной монетой в «состязаний» интересов двух империй – «малой» и большой. И вскоре на землю Абхазии пришла война. Владислав Ардзинба не мог ее предотвратить. А вот сделать ее победоносной для абхазов, дано было только ему. Таким образом, абхазское общество за свое стремление к идеалам лучшей жизни вне метрополии, было наказано лихолетьем войны, развязанной грузинской «малой империей» 14 августа 1992 года»¹.

Этап второй.

Оружием слова – в поддержку Отечества (1992 – 1993)

Безусловно, с началом войны первостепенное значение имела организация военного сопротивления агрессору, также важным было перестроить все структуры абхазского государства и общества на обеспечение обороноспособности республики. В этом плане глава Абхазии, наряду с другими проблемами, уделял большое внимание политико-идеологической составляющей оборонительной войны, призванной разъяснить цели и задачи абхазского общества в столь трудное время, с одной стороны, с другой – явить мировому сообществу агрессивную сущность Тбилисского руководства, задумавшего силовым путем подавить ради имперских целей

¹ Там же. С. 443.

² «Аидгылара» – 20 лет. Сборник выступлений и докладов. Сухум – 2009. С. 23.

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум – 2017. С. 143 – 144.

малочисленный абхазский народ. Нужно было в первую очередь объяснить, как своему народу, так и мировому сообществу – отчего абхазский лидер однозначно призвал к решительной оборонительной войне с оккупантами. Даже в абхазской среде, не говоря о мировом зарубежье, в ту пору верили в «демократа» Шеварднадзе, прораба перестройки с «новым» мышлением. Вот и следовало пояснить, что грузинские войска вторглись не ради прогулки и не с целью «косметического обновления абхазской автономии», как рассуждал кое-кто из «соратников» абхазского лидера. Стояла задача – подавить и искоренить абхазский народ, разрушить раз и навсегда абхазскую государственность¹.

Ясно и четко осознавая, что в данной трагической коллизии нет пути к компромиссам и отступлению, В. Ардзинба призвал свой народ дать решительный бой агрессору. С первых часов войны зазвучал с телеэкрана призывный голос лидера: «Уважаемые граждане Абхазии! Я обращаюсь к вам в этот трудный час. На нашу землю вторглись вооруженные формирования Госсовета Грузии... На наши предложения решить вопросы взаимоотношений мирным, цивилизованным путем нам ответили танками, самолетами, пушками, убийствами и грабежами... Я думаю, что мы должны выстоять в этот очень трудный час, и мы выстоим, мы нанесем поражение тем, кто сеет смерть и разрушения в Абхазии»².

Шел тяжелейший первый месяц войны. Несмотря на то что Абхазия была разделена тремя оборонительными рубежами, военное положение начало стабилизироваться. Враг был остановлен тремя фронтами: Гумистинским, Восточным и Гагринским. Отступлений больше не было, начались контратаки абхазского ополчения и добровольцев. Вместе с тем грузинское руководство, используя свое влияние на лидеров России и ряда государств Европы и Америки, первое время усилило информационную блокаду Абхазии. В средствах массовой информации Запада и России был дан «зеленый свет» в основном грузинским печатным сообщениям и публицистическим материалам, а из Абхазии в той же России и в странах запада информация была редкой и весьма лаконичной.

¹ Там же. С. 147.

² Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 в документах. Сухум – 2004. С. 5.

Глава Абхазии, внимательно отслеживая военную ситуацию, наметил и начал реализацию программы по преодолению информационной блокады. Он решил напрямую обратиться к международным и общественным организациям, руководителям ведущих стран мира, известным государственным деятелям. Письма и обращения В. Ардзинба, являвшиеся политической публицистикой военной поры, были направлены в десятки адресов уже с 16 по 28 августа 1992 года. В тот критический период абхазский лидер обращался, порой, неоднократно, к российскому президенту и Верховному Совету Российской Федерации, Генеральному секретарю ООН, к руководству Международной Хельсинкской Федерации, Международного Красного Креста, Организации Непредставленных Народов, ЮНЕСКО, Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, председателю Всемирной черкесской ассоциации, парламентам, президентам и народам мира. За тот же период он принял ряд обращений к народам Северного Кавказа, руководителям северо-кавказских республик и многим другим инстанциям.

Это, надо полагать, стало началом прорыва информационной блокады, устроенной сильными мира сего по просьбе «друга» Шеварднадзе. Думается, эти «обращения, письма и заявления руководителя борющейся не на жизнь, а на смерть абхазской республики рассматривались под пристальным вниманием не только Грузии и России, но и ведущих стран Запада: США, Германии, Франции, Великобритании, Турции... Не на все документы абхазского лидера реагировали адресаты, но то, что они тщательно изучали послания – это факт. Хотя бы с той целью, чтобы сделать по содержательной части писем и обращений выводы о силе духа, политической воле и решимости главы Абхазии продолжать сопротивление намерениям грузинского лидера и его союзников навести «демократический» порядок в бывшей автономии Грузии»¹.

Такая твердая позиция В. Ардзинба, а также затянувшийся по срокам план по покорению строптивой автономии, отчаянное упорство защитников Абхазии, породили, безусловно, определенные сомнения в успешности данной военной операции у Кремлев-

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум – 2017. С. 155.

ского «союзника» Грузии. Президент России Б. Ельцин 26 августа 1992 года выступил с Обращением к «руководству Грузии и Абхазии» с предложением «незамедлительно прекратить боевые действия, использование военной силы с обеих сторон». И удивительно, но факт, что далее российский лидер продекларировал то, что не раз предлагал В. Ардзинба грузинским политикам: «Мы убеждены, – констатировал Ельцин, – в необходимости незамедлительного вывода войск и прекращения боевых действий...»¹.

При этом следует отметить, что российский президент отмалчивался с 14 августа и не подходил к аппарату «ВЧ» даже по просьбе В. Ардзинба, которого он дважды, весной и летом 1992 года, обнадежил в личной беседе по поводу безопасности абхазской республики от вторжения грузинской метрополии. Минуло 12 дней грузинской агрессии, и глава России Б. Ельцин впервые выступил, на первый взгляд, с довольно конструктивными предложениями. Но абхазский лидер, уже наученный горьким опытом первых дней войны, переставал верить словам, больше доверяя конкретным делам. И чтобы у населения республики не создавалось иллюзии легкого завершения агрессии, во что могли поверить многие после обращения Б. Ельцина, в тот же день, 26 августа, В. Ардзинба проводит большую пресс-конференцию с участием абхазских и зарубежных журналистов. На ней, как виделось тогда автору этих строк, глава Абхазии, рассказывая о военной ситуации, подчеркивал конкретными примерами поддержку Москвой режима Шеварднадзе, подтверждая, тем самым то обстоятельство, что сговор Тбилиси с Кремлем уже не является тайной, как говорится, за семью печатями. В ответах В. Ардзинба также ощущалось, что абхазский лидер, ясно осознавая критичность военного положения, предупреждал агрессора и его сторонников, что для них здесь легкой победы не будет.

В начале своего выступления В. Ардзинба коротко формулирует основные обстоятельства, подвигнувшие грузинское руководство решиться на агрессию. Например, он отмечал, что «цель этой акции – оккупация Абхазии, создание неконституционных структур власти и, если говорить откровенно, то, судя по некоторым заявлениям

¹ Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 гг. в документах. Сухум – 2004. С. 162.

грузинских лидеров, в частности, командующего войсками Госсовета в Абхазии Георгия Каркарашвили, ликвидация абхазского народа. Заодно решается задача изгнания из Абхазии другого негрузинского населения. Таким образом, претворяется в жизнь бредовая идея создания моноэтнической Грузии».

Затем глава Абхазии заостряет внимание на союзнике агрессора, вооружившего и тем самым поощрившего последнего развязать кровопролитную войну. По этому поводу он сообщал следующее: «Совершенно определенная ответственность за все это ложится и на тех, кто снабдил войска Госсовета оружием. Нам известно, что за несколько дней до вторжения в Абхазию, войскам Госсовета из Ахалцихе была передана танковая дивизия (вначале советское, затем российское войсковое соединение. – В. Ч.). Сейчас сюда перебрасывается и такое оружие массового уничтожения, как ракеты «Град» (переданные командованием российской группы войск в Закавказье. – В. Ч.)». Акцентируя внимание на том, что «мир должен знать о том, что 80 процентов погибших в Абхазии – это мирные жители», Владислав Григорьевич в то же время подчеркивал, к примеру, такое обстоятельство: «И вот, когда в руки одних вкладывается оружие, обороняющейся стороне не только не помогают, но и препятствуют приезду честных людей разных национальностей, которые не могут оставить народ Абхазии в беде и спешат в эти дни ей на помощь».

Касаясь обращения российского лидера и намечаемых переговоров, В. Ардзинба обращает внимание журналистов на определенную двусмысленность ситуации. Как сообщалось автором этих строк в отчете с пресс-конференции в газете «Республика Абхазия», глава Абхазии, в частности, отметил, что «о намеченных переговорах его, Ельцина и Шеварднадзе он узнал из средств массовой информации, официально к нему относительно этого никто не обращался. Перенос этих переговоров с первоначальной даты – 28 августа на третье сентября он расценил, как возможную попытку Грузии решить за это время проблему военным путем».

Наверняка Ардзинба догадывался о том, что Москва предоставляла Шеварднадзе, наряду с приглашением к мирным переговорам, также еще один шанс дожать военным путем строптивую Абхазию. Тогда, как виделась перспектива политическим поделщикам,

Абхазия вынуждена была бы, отказавшись от провозглашенного государственного суверенитета в июле 1992 года, однозначно согласиться на прежние колониальные условия сосуществования с Грузией. Такая опасность, безусловна, существовала. И не только извне. И в Абхазии были затаившиеся приверженцы замирения с Грузией на условиях Тбилиси. Оппонентам В. Ардзинба из числа влиятельных руководящих работников республики, ранне бывших подопечными партийно-советскими чиновниками Шеварднадзе (секретарями ряда райкомов партий автономии, вице-премьерами грузинского правительства), метрополия гарантировала сохранение за Абхазией формата автономии советских образцов. Потому весьма непросто был ответ на вопрос журналистов – сумеет ли абхазское ополчение противостоять войскам Госсовета в случае если будет предпринята попытка захватить контролируемую им территорию от Эшеры и до Пицунды?

И в этом разе В. Ардзинба твердо и недвусмысленно доводил до сведения не только общественности, но и недругов Абхазии, что для грузин и их союзников легкой войны в Абхазии не будет. Смысл ответа абхазского лидера, как это отражено в печати, был таковой: «Вообще, эта борьба хорошо вооруженной и обученной армии (с учетом российского вооружения и техники, советников и специалистов. – **В. Ч.**) против, по сути, гражданского населения – глубоко безнравственна, бесчеловечна. И дословно завершил он свою мысль так: «Мы будем защищать родину до конца, в случае необходимости уйдем в горы, и будем вести партизанскую войну».

Давал В. Ардзинба знать своим оппонентам также о том, что никакой слабину, несмотря на агрессию, в воззрениях на государственно-правовые взаимоотношения Грузии и Абхазии, абхазское руководство не испытывает. Так, отвечая на просьбу прокомментировать слова Ельцина о том, что «он стремится сохранить мир и одновременно – гарантировать целостность грузинского государства», Владислав сказал, что «ничего не имеет против целостности Грузии как таковой, но Абхазия и Грузия – это два государства, представляющих два различных народа и имеющих между собой определенные отношения». И тут же присовокупил свое, наболевшее, подчеркнув: «Разделять же, кстати, как это сейчас пытаются сделать, абхазов и близкородственные им народы Северного Кавка-

за, – всегда испытывавшие тяготение друг другу, укрепляя границу, которая в советское время хоть и проводилась произвольно, но, в общем-то, была условной, – все равно, что резать по живому»¹.

В период войны В. Г. Ардзинба вел не только выверенную информационную политику, но и выступал в роли самого активного абхазского публициста. Этот вывод подтверждают его многочисленные выступления, как в местных средствах информации, так и в зарубежных изданиях, особенно российских, поскольку успешность информационной войны определялась на полях публицистических баталий самого влиятельного игрока в той военно-политической ситуации – Российской Федерации. Интервью, беседы, пресс-конференции абхазского лидера передавались в передачах абхазского и российского ТВ и РВ, публиковались такими влиятельными изданиями, как «Независимая газета», «Экспресс-Хроника», «Московские новости», «Литературная газета», «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия», «Известия», «Комсомольская правда», «Нарт», журнал «Столица», Агентства ИТАР - ТАСС, «Интерфакс», Би-Би-Си, «Рейтер» и другими.

Публицистическая деятельность В. Г. Ардзинба на страницах различных газет, в передачах радио и телевидения отражена в ряде сборников и исследований. К примеру, в сборнике «Мы шли на смерть, чтобы жить» (составитель Л. К. Ардзинба), в книге «Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.)» (автор В. Чамагуа) и других. Меньше известна и исследована такая сторона деятельности главы Абхазии, которая не менее важна и трудоемка, как работа с документами: письмами, заявлениями и обращениями, коих только за время войны В. Ардзинба отработал на высоком профессиональном уровне много десятков. А ведь это приходилось делать, не отрываясь от главной заботы – управления властными и военными структурами республики. Все эти документы сразу или впоследствии увидели свет в различных СМИ, книгах, исследованиях и тем самым являются полноправными публицистическими произведениями.

¹ Газета Республика Абхазия», 26 августа 1992 года. // В. Г. Ардзинба. Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений 1992 – 2005. Сухум – 2011. С. 20 – 21.

По этим письмам и обращениям можно сделать выводы о том, что в политическом плане абхазский лидер все же определенно надеялся воздействовать, таким образом, на руководство ООН и Российской Федерации с целью обуздания агрессора и прекращения кровопролитной войны. А как иначе можно объяснить составление 16 обращений в адрес руководства Организации Объединенных Наций, на которые тратились бесценное время и умственная энергия, с чем также связывались определенные ожидания и настроения.

Рассматривая эти письма в канве изменений военной и политической ситуации в сложный для абхазской страны период, нельзя не отметить определенную трансформацию лейтмотива и содержания этих обращений в адрес руководства ООН. Например, в первом письме Генсеку ООН Бутросу Бутросу Гали (27 августа 1992 г.), весьма лаконичном по объему, дается краткая историческая справка и информация о государственно-правовом положении Абхазии на момент начала войны. В этом плане В. Ардзинба отмечал, что «в феврале 1992 года на территории Грузии было возобновлено действие Конституции Грузинской Демократической Республики 1921 г., в результате этого Грузинская Советская Социалистическая Республика, с которой Абхазская АССР находилась в государственно-правовых отношениях, перестала существовать. Абхазская АССР, согласно Конституции Грузии 1921 г., не предусматривалась. Следовательно, Грузия в одностороннем порядке прекратила с Абхазией государственно-правовые отношения».

Далее Владислав Григорьевич доводил до сведения главы ООН реакцию на то абхазской стороны, принявшей вполне законные ответные меры. Абхазия, по словам Ардзинба, была вынуждена восстановить на своей территории действие Конституции 1925 г. (ССР Абхазии. – **В. Ч.**), согласно которой она на договорных началах объединялась с Грузией. В письме также подчеркивалось, что «14 августа 1992 г. Верховный Совет Абхазии должен был на своем заседании рассмотреть проект федеративного Договора с Грузией, и именно в этот день войска последней вторглись в Абхазию». Из сказанного следовал вывод, что «... на день вторжения грузинских войск в Абхазию она являлась суверенным государством, субъектом международного права». При этих обстоятельствах, по мнению В.

Ардзинба, вторжение войск Госсовета Грузии на территорию Абхазии, согласно определению ООН, является актом агрессии...».

Затем глава Абхазии, процитировав дословно все пункты определений высокой международной организации, характеризующих акт агрессии, обращается к Генеральному секретарю с просьбой – поставить перед Советом Безопасности ООН вопрос о принятии мер, предусмотренных Уставом ООН в отношении агрессора.

Казалось, что на какое - то время этот вопрос абхазским лидером мог бы не подниматься. Особенно с учетом его страшной загруженностью проблемами реалий первых недель войны. Но обратим внимание на то обстоятельство, что уже на следующий день, то есть 28 августа, Владислав Григорьевич пишет, вдогонку к первому, уже второе письмо тому же Б. Гали. Оно еще более сжато по объему, можно сказать, довольно эмоционально по стилю и содержанию, что объясняется трагической ситуацией, в которой оказались маленькая республика и ее лидер. Здесь уже нет исторических коллизий, акцент делается на современные правовые и политические принципы международного права, за соблюдением которых призвана следить ООН. Судя по всему, В. Ардзинба был не совсем удовлетворен содержательной частью первого обращения, в котором больше внимания уделялось истории абхазской государственности и прошлым взаимоотношениям Грузии и Абхазии. Этот вывод вытекает из того факта, что во втором послании Генсеку ООН тематика несколько иная: абхазский лидер в основном указывает на деструктивную роль руководства Грузии, избравшего, вместо мирного разрешения межгосударственных проблем, путь военной агрессии и силового подавления соседнего малочисленного народа. Оно так и начинается: «Пошла уже третья неделя со дня агрессии, совершенной нелегитимным руководством Республики Грузия против суверенного государства – Республики Абхазия. Как я уже Вам сообщал в своих предыдущих письмах (в Комитеты ООН. – **В. Ч.**) на оккупированной территории вооруженными формированиями Республики Грузия осуществляется геноцид абхазского народа, массовое нарушение прав человека».

Называется и причина подобного агрессивного поведения Грузии, руководимой продвинутым, как считалось на западе, демократом Э. Шеварднадзе. По утверждению В. Ардзинба, «единственной

виной правительства и народов Абхазии является то, что они хотят сами определять свою судьбу, решить вопрос о сохранении своей государственности и на равных определить уровень государственно-правовых взаимоотношений между Абхазией и Грузией».

Глава Абхазии указывает на нарушение Грузией таких основополагающих принципов ООН, как соблюдение прав больших и малых народов, равноправия и самоопределения народов, прав человека и основных свобод в соответствии с Уставом ООН. И тем самым обосновывает необходимость безотлагательного вмешательства следующим призывом к Генсеку ООН: «Прошу Вас поставить перед Советом Безопасности вопрос о применении в отношении Грузии как государства, совершившего агрессию, осуществляющего геноцид абхазского народа и массовое нарушение прав человека, международно-правовых санкций». Завершается обращение эмоциональным посылом, отмечавшим трагизм малочисленного народа, оказавшегося жертвой агрессии. С надеждой на понимание главы ООН В. Ардзинба писал: «Прошу незамедлительно принять меры, так как 100-тысячному абхазскому народу трудно противостоять 4-миллионному народу, вооруженному командованием Закавказского военного округа танками, артиллерией, авиацией и другой тяжелой техникой»¹.

Совершенно иной была тональность, например, последнего из 16 писем В. Ардзинба в адрес ООН, на имя уже нового Генерального секретаря Кофи Аннана от 16 сентября 1993 года. Обращение отправлено в самый канун судьбоносного наступления абхазских войск на Сухум. Надо также отметить, что сим письмом абхазский лидер обосновывал вынужденные военные действия против грузинских вооруженных сил, которые уже должны были развернуться в момент прочтения данного послания высокими чиновниками ООН. И они, по мнению В. Ардзинба, должны были иметь представление о том, чем обусловлено последнее абхазское наступление, «нарушившее» ранее принятое Соглашение о прекращении огня. Следует обратить внимание на тональность языка письма, доводы и аргументы которого убедительны, а критические оценки решений и высказываний ООН вполне обоснованы и принципиальны.

¹ Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 г.г. в документах. Сухум – 2004. С. 54 – 55.

В целом Обращение демонстрирует своим содержанием твердую уверенность руководителя борющейся с агрессором страны в правоте своих намерений и действий по освобождению абхазской республики от оккупантов.

Так, в начале своего Обращения В. Ардзинба констатирует, что «Соглашение от 27 июля (1993 года. – **В. Ч.**) постоянно нарушается грузинской стороной, что служит препятствием к установлению прочного мира. Люди на оккупированных территориях все еще страдают от беззакония и произвола. Продолжаются грубейшие нарушения прав человека – депортация греков, армян, русских, убийства мирных граждан, захват заложников, изнасилования женщин, грабежи и другие преступления. Удивительно, но все это происходит на глазах наблюдателей ООН и СБСЕ».

Нелицеприятной критике подвергает В. Ардзинба некоторые официальные высказывания руководства ООН по поводу абхазских властей. Например, в этом плане он отмечал следующее: «Необходимо отметить, что ознакомившись с Вашим письмом и Докладом Генерального секретаря во исполнение резолюции 849 (1993) Совета Безопасности, я был удивлен и озабочен некоторыми неточностями, а может быть и искажениями духа и буквы Соглашения от 27 июля. Прежде всего, я имею в виду упоминание о неких «абхазских властях в Гудаута» (пп. 3, 11, 17 Доклада). Я не знаю, кого подразумевает Генеральный секретарь – местную администрацию в г. Гудаута или же временно находящийся в г. Гудаута и избранный в результате демократических законных выборов Парламент (Верховный Совет), а также назначенное им в соответствии с Конституцией Республики Абхазия Правительство. Хотелось бы получить разъяснения на сей счет», – таковую претензию Генеральному секретарю высказывал Владислав Ардзинба.

Глава Абхазии выражает свое несогласие и по другим аспектам Доклада Генерального секретаря, убедительно, в правовом и политическом плане, аргументирует несостоятельность ряда оценок Доклада ООН по ситуации, сложившейся после принятия Сочинского Соглашения от 27 июля 1993 года. К примеру, В. Ардзинба свою точку зрения аргументировал следующим образом: «Вызывает сомнение и толкование докладчиком роли г-на Пастухова – личного представителя Президента России, который выступает в роли

посредника, а не «оказывает содействие» (П. 3). В Соглашении от 27 июля говорится: «К поддержанию режима прекращения огня и правопорядка привлекаются международные миротворческие силы, а также, по консультации с ООН, российский воинский контингент, временно расположенный в зоне конфликта» (С. 6). В то же время п. 6 Доклада говорит, что привлечение российского контингента всего лишь возможно». В п. 10 Доклада речь идет о мнении грузинских должностных лиц относительно необходимости эффективного перекрытия российско-абхазской границы, что не предусмотрено текстом Соглашения и вряд ли входит в компетенцию ООН и руководства Грузии. Утверждение о том, что «абхазские власти в Гудаута скептически отозвались о необходимости вовлечения ООН в конфликт» (П.11 Доклада) выглядит весьма странным после многочисленных официальных и неофициальных контактов руководства Республики Абхазия с представителями ООН различного уровня. Эти контакты имели место в г. Гудаута, Нью-Йорке и Сочи и способствовали выработке конструктивных решений, итогом которых и стало Соглашение от 27 июля с. г.».

Трудно, или, что вернее, вряд ли возможно оспорить и выводы Владислава Григорьевича о том, что послужило определенной односторонней политикой ООН по отношению к Абхазии. «Подобные высказывания, – по мнению В. Ардзинба, – являются свидетельством некоторой предвзятости ООН, что, впрочем вполне объясняется тем, что 1) Грузия является членом ООН, а Абхазия – нет; 2) в Грузии находится представительство ООН, а Нью-Йорке, в штаб-квартире ООН есть грузинская миссия, что создает условия для постоянных тесных контактов; 3) нестабильная ситуация и рост терроризма в Грузии являются факторами, создающими определенный прессинг на представителей ООН и других международных организаций. Достаточно напомнить факт обстрела в Сухуме 11 августа (1993 года, во время грузинской оккупации города. – В. Ч.) группы наблюдателей во главе с майором Солби и флага ООН из автоматического оружия, что не является единичным случаем».

Из всего этого следует, утверждает В. Ардзинба, что «подобный односторонний, не вполне беспристрастный подход подрывает веру многих людей в Абхазии в способность ООН подняться «над схваткой» и принести на эту истерзанную войной землю мир и согласие».

В своем письме абхазский лидер предупреждает Генсека о том, что тревожит абхазскую сторону: «Это явно просматривающаяся как со стороны ООН, так и со стороны Грузии, тенденция к пересмотру Соглашения от 27 июля с. г., что совершенно не приемлемо для многонационального народа Абхазии...». И предупреждает высокую организацию, что «было бы неппростительной ошибкой, если бы военные наблюдатели или миротворческие силы ООН делали «грязную работу» для генерала Каркаршвили (министр обороны Грузии. – В. Ч.) в целях очистки Абхазии от негрузин и недопущения законных органов власти в столицу – г. Сухум».

В заключение последнего в ходе войны сентябрьского Обращения В. Ардзинба в Организацию Объединенных Наций акцентировал внимание главы ООН на весьма символической детали, давая знать, тем самым, что она не что иное, как грузинская инициатива. И отмечал по этому поводу следующее: «Особо, на наш взгляд, следует сказать и о карте, прилагаемой к Докладу Генерального секретаря ООН, на которой Республика Абхазия изображена подчеркнута разделенной по реке Гумиста и с грузинским названием «Абхазети». Эта карта подтверждает не скрываемое намерение руководства Грузии в отношении территории Абхазии – разделение ее на две части с осуществлением этнической чистки. Остается только сожалеть, что такая карта тиражируется в официальных документах ООН».

Завершает свое послание абхазский лидер уверением, что «руководство Абхазии готово и далее сотрудничать с теми представителями ООН и других международных организаций, которые проявляют уважение к государственности Абхазии, ее конституционным органам власти», – так, как и подобает главе независимого и суверенного государства, заключил свое письмо в ООН В. Ардзинба. И, видимо, дабы еще раз напомнить о вреде односторонней прогрузинской политики, проводимой ООН, Владислав Григорьевич не преминул добавить к посланию следующее послесловие: «Посылаем Вам карту Республики Абхазия, чтобы Вы получили более точное представление о географии региона»¹.

Отметим все же, что приведенные выше письма, как и все остальные, написанные в продолжение более чем года войны, оказались

¹ Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 г.г. в документах. Сухум – 2004. С. 386 – 387.

сродни гласу вопиющего в пустыне: в ответ было лишь глухое молчание Организации Объединенных Наций и ее руководителей. Правда, наезжали иной раз, как правило, через Грузию, посланцы высокой международной организации в борющуюся Абхазию, но пользы от того не было никакой.

В реальной же действительности, как это принято называть, «ключи» от разрешения грузинской агрессии находились в ту пору в Кремле. Отчетливо осознавая это обстоятельство, Владислав Ардзинба большое значение придавал роли исполнительной власти России, ее президента Б. Ельцина, которому глава Абхазии за все время войны направил более 20 писем, телеграмм и обращений. И надо отметить, что за исключением первых двух недель войны, российский руководитель и его администрация не оставляли без внимания обращения абхазского лидера. Переписки между ними не было, но сказывалась реакция Москвы на ту или иную ситуацию в зоне грузино-абхазского противостояния. Это отнюдь не означало, что российская исполнительная власть была на стороне справедливого дела абхазов. Чаще было наоборот, Кремль тогда оказывал предпочтение несправедливым замыслам Шеварднадзе и кампании. Но и вовсе отдать Абхазию на откуп грузинам, особенно после того, как Тбилиси завяз в войне, Россия уже не могла. Тому мешали многие существенные факторы, важнейшим из которых представлялся Северо-Кавказский регион – подбрюшие России, населенный родственными абхазам народами.

В первые дни грузинской агрессии Владислав Григорьевич пытался связаться с главой России по высокочастотному телефону (ВЧ), но оказывавшиеся у аппарата помощники, явно проинструктированные, отвечали «казенным» языком, что президент Ельцин «вне зоны действия телефонной связи». Хотя позже стало известно, что в то самое время Борис Николаевич принимал солнечные ванны на пляже госдачи «Бочаров ручей». Наверное, все же потому свое первое Обращение в связи с военной агрессией Грузии против Абхазии В. Ардзинба 18 августа 1992 года направил Верховному Совету Российской Федерации. И только затем, окончательно осознав, что от прямого диалога российский руководитель уклоняется, уже 19 августа абхазский лидер обратился с письмом к президенту России Б. Ельцину.

В отличие от аналогичных обращений в ООН, первое послание российскому президенту настолько лаконично, что напоминает сжатую до предела телеграфную форму изложения трагической ситуации. Оно состоит всего из шести абзацев, сообщающих о предельно критическом положении в республике в связи с широко-масштабной агрессией грузинской военщины в Абхазии.

Глава Абхазии, без всяких предисловий, доводил до сведения Б. Ельцина, что «в результате варварской операции, осуществленной руководством Госсовета Грузии, в Республике Абхазия создано катастрофическое положение. Населению республики, в которой проживают до 90 тыс. русских, а также многочисленным отдыхающим, членам семей военнослужащих грозит гибель не только от пуль бандитов грузинской гвардии, но и от голода. По указанию Тбилиси отключена электроэнергия, нет горюче-смазочных материалов, эпидемиологическая обстановка резко ухудшилась...».

В письме также отмечается, что «после блокады железной и шоссейной дорог, захвата аэропорта в г. Сухуме, остался единственный путь доставки грузов с продовольствием, в том числе гуманитарной помощи, направляемой в Абхазию из республик СНГ и из-за границы, – военный аэродром в г. Гудаута».

В связи с этим, В. Ардзинба просит президента РФ дать указание министру обороны П. С. Грачеву «о даче разрешения на прием самолетов» на аэродроме в г. Гудаута, также для вывоза раненых «выделить один вертолет Ми - 8».

В заключение письма, сообщая о продовольственном кризисе в республике, В. Ардзинба просил главу России принять срочные меры помощи.

Иным по форме и содержанию было обращение В. Г. Ардзинба Верховному Совету Российской Федерации от 18 августа 1992 года. В своем послании российскому парламенту, более расположенному, нежели исполнительная власть, к решению «абхазской проблематики» в справедливом русле, Владислав Григорьевич делает основной упор на постановку задач политического характера.

В начале обращения В. Ардзинба затрагивает пограничную проблематику, напоминая Верховному Совету РФ о том, что «в ближайшее время предполагается подписание договора между Россией и Грузией и установление между ними государственной границы по

линии прежней границы Грузинской ССР». Он также отмечает, что вполне понятно стремление России и Грузии урегулировать свои взаимоотношения после распада СССР. И в то же время В. Ардзинба доводит до сведения российских парламентариев мнение по этому вопросу абхазской стороны, которое заключается в следующем: «...Такое решение о границе (проведение ее на абхазском участке по линии прежней границы Грузинской ССР. – **В. Ч.**) будет в корне неверным, поскольку при этом не могут быть учтены интересы суверенной Абхазии».

Далее Владислав Григорьевич излагает краткую историческую справку, в которой напоминает о государственно-правовых взаимоотношениях Абхазии с Грузией и Россией в прошлом и настоящем времени. Эти обстоятельства он трактует таким образом: «Сегодня не существует юридических документов, определяющих положение Республики Абхазия в составе Республики Грузия. Вместе с тем никем не отменена Грамота от 17 февраля 1810 г., подписанная российским императором Александром I, согласно которой Абхазия находится «под Верховным покровительством, державою и защитою» России...». Затем характеризуется советский период и короткое постсоветское время, когда 23 июля 1992 года, была восстановлена Конституция ССР Абхазии 1925 года, согласно которой «Абхазия есть суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от какой-либо другой власти».

Основываясь на вышеотмеченных государственно-правовых актах, В. Ардзинба, обращаясь к Верховному Совету РФ, заявляет, что «установление границы между Россией и Грузией по границам России и Абхазии означает нарушение норм международного права и идет вразрез с жизненными интересами многонационального населения Республики Абхазия». И объясняет, в чем оно, это нарушение норм права, заключается. «В первую очередь, – по словам абхазского лидера, – от такого недопустимого вмешательства в дела республики страдает ее многонациональное население, культурно и исторически связанное с Россией и народами Северного Кавказа».

Заключительные строки послания, в отличие от писем и обращений, приведенных выше, несли действенный и убедительный заряд искренней публицистичности. Абхазский лидер, обращаясь

к российским парламентариям от имени Верховного Совета Республики Абхазия, призывал: «... Не резать по живому, не отталкивать государство и народ, стремящиеся к равноправному сотрудничеству со всеми своими соседями, не исключать Абхазию из рублевой зоны и экономического пространства СНГ, не ставить на реке Псоу без согласования с Верховным Советом и правительством Республики Абхазия погранзастав и таможен».

Даже в той ситуации, близкой к безысходности, В. Ардзинба не терял веры в то, что «голос Верховного Совета Республики Абхазия будет услышан, и в этот трудный час Россия войдет в положение народа Абхазии, оказав ему всевозможную поддержку в его справедливой борьбе за Свободу и Демократию»¹.

Забегая вперед, отметим, что Верховный Совет России действительно протянул руку дружеской помощи Абхазии в тяжелейшее для нее время. В первые дни войны две делегации российских парламентариев прибыли в Абхазию, встречались с В. Г. Ардзинба, с представителями общественности, населением. Депутатами тогда была оказана реальная помощь по многим животрепещущим вопросам, ими же ситуация в Абхазии была вынесена на обсуждение в комиссиях и комитетах Верховного Совета, на страницы российской печати. В сентябре 1992 года, невзирая на недовольство Кремля, Верховный Совет РФ принял важнейшее Постановление, в котором отмечалось «необходимость безоговорочного вывода грузинских войск с территории Абхазии и восстановления законных органов власти»².

То был первый звонок для грузинских агрессоров, вызвавший шок в Тбилисских верхах. Ведь там были уверены в том, что Дагомысский сговор Шеварднадзе и Ельцина по абхазскому вопросу, приведший к военно-политическому альянсу названных персон, обсуждению не подлежит. И что все структуры власти, по указке Кремля, будут потворствовать грузинским планам силового решения абхазской проблемы. И о том, что это большое заблуждение грузинскому руководству напомнил первым именно Верховный Совет

¹ Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 г.г. в документах. Сухум – 2004. С. 20 – 21.

² Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). С. 208.

Российской Федерации. Как видим, в том также сыграли большую роль письма и обращения в адрес российского парламента главы Абхазии В. Ардзинба.

Заметим также, что большое число писем и обращений, написанных абхазским лидером в ходе войны и направленных в адрес видных политических, государственных и общественных деятелей, составляет значительный объем политической публицистики В. Ардзинба. Эта часть его публицистической деятельности мало исследована, материалы в виде посланий и обращений периода войны опубликованы лишь в единственном сборнике, вышедшем под редакцией самого В. Г. Ардзинба. Думается, было бы правомерным и полезным при исследовании подобной публицистики снабдить письма и обращения комментариями, которые поведали бы о персоналиях, коим предназначались эти послания, и пояснениями, например, о том, чем было вызвано обращение абхазского лидера в тяжелое для его страны время именно к этим личностям. Следует отметить, что некоторые документы подобного свойства, созданные в различные периоды правления национального лидера, приводятся в недавно вышедшей книге воспоминаний В. Г. Ардзинба «Моя жизнь».

Как уже отмечалось, глава Абхазии понимал, что сиюминутного отклика на его письма и обращения тем или иным персонам и структурам не будет. Но он все же считал важной задачей информирование высоких адресатов о ситуации в борющейся с агрессором маленькой стране. Действительно, к мнению руководства Абхазии сильные мира сего прислушивались весьма неохотно, как это было свойственно ООН, ОБСЕ, Российской исполнительной власти. Более позитивными складывались отношения с Верховным Советом Российской Федерации, с такими международными организациями, как ООН (Организация Непредставленных Народов), «Врачи без границ», Организация Красного Креста и другими.

Также надо отдать должное силе воли Владислава Григорьевича, сумевшего, поборов свое чувство негодования, только во второй половине августа (16-го и 19-го) дважды обратиться к главе Госсовета Грузии Э. Шеварднадзе. Абхазский лидер готов был поступиться всем, кроме, разумеется, согласия жить вновь по правилам метрополии и колонии, только бы остановить кровопролитную войну. Он,

безусловно, изначально представлял: грузинские политики, развязывая агрессию, готовы были сознательно пожертвовать тысячами грузин с целью уничтожения самой активной части абхазов, что могло оказаться губительным для небольшого народа.

Уже на третий день войны, 16 августа, Владислав направляет послание Шеварднадзе. Его обращение состоит из двух абзацев. Ему нужна встреча и переговоры с организатором агрессии, а там он еще надеется убедить его каким-либо образом прекратить войну. В первом абзаце послания говорится следующее: «Вопреки достигнутым договоренностям (имеются в виду переговоры в Сухуме с грузинским командованием. – **В. Ч.**) продолжается бомбардировка с воздуха городов и районов Абхазии, в результате которой имеются многочисленные жертвы среди мирного населения». Завершается же обращение таким образом: «Подтверждаю ранее высказанную готовность встретиться с Вами в любое удобное для Вас время, в любом месте на территории Российской Федерации»¹.

Как видим, стиль письма сдержанный и экономный, можно сказать, телеграфный. Содержание состоит из констатации фактов агрессии, приносящих боль и страдания мирному населению, и приглашения к разговору о мире.

Совершенно иная картина прослеживается из содержания письма от 19 августа в адрес Э. Шеварднадзе и премьера Т. Сигуа. Уже становится ясно, что руководство Грузии на переговоры вряд ли согласится. Тбилиси поставил иные цели, скорее, это война в наказание за строптивость Абхазии и «непослушание». Оккупация Сухума и других населенных пунктов также сопровождается повальными грабежами, убийствами и похищениями людей, на что, по всему, грузинское командование не обращает внимания, а то и поощряет своих вояк.

Глава Абхазии без обиняков выкладывает свои обвинения грузинским лидерам, отмечая следующее: «В результате развязанной против Абхазии руководством Грузии агрессии на территории, контролируемой военными формированиями Госсовета, идут массовые грабежи квартир и домов, похищение заложников с целью получения выкупа». Затем следует обширный перечень злодеяний гос-

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). С. 11.

советовских мародеров, грабивших как достояние простых граждан, так и государственную собственность, чем был нанесен республике огромный материальный ущерб только в первую неделю войны.

Завершает свое немногословное письмо В. Ардзинба требованием «немедленного прекращения грабежей и мародерства и создания специальной комиссии для оценки нанесенного ущерба и его возмещения»¹.

Понимал, конечно, В. Ардзинба, что политики Грузии не пойдут на попятный. Особенно тогда, когда победная эйфория набирала силу и придавала захватчикам беспредельную наглость и уверенность. А как иначе, коли в ходе вероломного вторжения вскоре пол Абхазии оказалось под оккупацией. Шеварднадзе и поделники торжествовали: оставалось совсем немного – добить Гудауту и Ткуарчал – и тогда дело точно, как говорится, в шляпе.

Но нет, такое не пройдет! – предупреждает заклятых недругов своим обращением В. Ардзинба. Мы не только отстоим родину, но и выставим счет тому беспределу, что творят непрошенные «гости». Пока же абхазы требуют создания комиссии по ущербу, но придет, дескать, и такое время, когда Грузия будет держать ответ за все свои действия.

Такое вот небольшое по объему обращение тбилисским политикам – всего три абзаца, но дающее знать, что Абхазия и ее руководитель не сломлены, и что планы и намерения инициатора войны Шеварднадзе так запросто не пройдут, они получают достойный отпор.

В багаже политической и деловой публицистики В. Ардзинба в военную пору весьма значительное место занимают письма и обращения к влиятельным российским политикам и государственным деятелям, руководителям министерств и ведомств, главам регионов России и Северо - Кавказских республик, лидерам общественных организаций и движений. Абхазский лидер в тот тяжелый период обращался в адрес представителей разных слоев Российского общества. Это и руководство Верховного Совета в лице Р. Хасбулатова, Ю. Воронина, Р. Абдулатипова, и премьер-министры России Е. Гайдар и В. Черномырдин, вице-премьер Г. Хиза, министры обороны и безопасности П. Грачев и В. Баранников, Святейший Патриарх

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). С. 28.

Всея Руси Алексей II и другие личности. Постоянное внимание в этом плане Владислав Григорьевич уделял тем лидерам, с которыми он общался ранее, также ближайшим соседям и братским народам. Его письма, телеграммы и обращения отправлялись главам Краснодарского края Н. Егорову, Администрации г. Сочи Н. Карпову (неоднократно), президентам Адыгеи А. Джаримову, Казахстана Н. Назарбаеву, Башкортостана М. Рахимову, известным общественным деятелям, руководителям национально-патриотических движений С. Бабурину, Ю. Калмыкову, З. Налоеву и другим.

Наряду с этим глава Абхазии уделял серьезное внимание и политическим деятелям западных стран, которые, на его взгляд, могли бы внести свой вклад в обуздание разрушительной грузинской агрессии. Здесь можно привести весьма солидный перечень имен, среди которых губернатор штата Арканзас, впоследствии президент США Б. Клинтон, президент Д. Буш, премьер-министр Турцкой Республики С. Демирель, президент Ураины Кравчук, Генеральный секретарь ООН (Организация Непредставленных Народов) Майкл Ван Вальт Ван Прааг, член Конгресса США Т. Лентос и т. д.

Приведенные выше письма и обращения – лишь небольшая часть из всего того объема документов, отработанных В. Ардзинба за время войны. Эти материалы, впоследствии ставшие публицистическими произведениями, опубликованы в различных средствах информации. Но большей своей частью они собраны в книге под редакцией В.Г. Ардзинба, вышедшей в 2004 году под названием «Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 -1993 гг. в документах». Но, полагаем, что где-то имеются документы, не включенные в сборник, которые ждут своих исследователей. Материалы такого рода важны тем, что без них вряд ли можно представить полную картину военного периода, или же отдельные моменты и события той суровой и героической эпохи. В то же время эти документы, ставшие своеобразной политической публицистикой, отчетливо зримо демонстрируют образ и черты характера национального лидера в условиях тяжелейшего периода абхазской истории. Как отмечал в предисловии сборника А. Тания, «по ним (документам. – **В. Ч.**) можно проследить развитие конфликта, определить роль и позиций всех его участников, их интересы и даже эмоциональное состояние». То же самое касается Владислава

Григорьевича, автора большей части этих документов, многие из которых подписывались адресатам от имени различных властных структур, но также отрабатывались, как правило, под контролем главы Абхазии. О судьбоносной роли В. Ардзинба в предисловии сборника документов совершенно справедливо отмечалось следующее: «История человечества не бывает безликой и не остается в памяти людей просто, как «живое творчество масс». Все исторические периоды и события ассоциируются с деятельностью вполне определенных личностей, влияющих на ход истории»¹.

В этом плане абхазский лидер не был исключением. Его многообразная титаническая деятельность, в том числе и публицистическая, явилась стержневой основой новейшей истории абхазского народа и его современной государственности.

Безусловно, и неоспоримо то, что в военное время главным действующим лицом является защитник Отечества, как это считалось и сотни лет тому назад. Со временем, особенно в веке 20 - м, значительной становится духовная (или идейная) поддержка военных. Впрочем, таковую поддержку имели не только те, кто воевал за правое дело, то есть защищал народ и отечество, но и те, кто вел войну захватническую, агрессивную. И на обеих сторонах вели свой поединок представители оружия слова: публицисты, журналисты, писатели, поэты...

То же самое происходило и в период грузино-абхазской войны. И нет сомнения в том, что многие люди доброй воли, представители прогрессивной мировой общественности видели, конечно, правоту абхазов, оказавшихся жертвой грузинской агрессии. Но было немало и тех, которые не в силах были самостоятельно разобраться в проблематике грузино-абхазского противостояния, к тому же, когда основные международные структуры занимали часто прогрузинскую позицию, или же равнодушно взирали на гибельную для малочисленного народа войну. В таком разе много значило острое слово публициста, способного доходчиво и убедительно отразить правое дело абхазов, наказанных войной за стремление свободно жить на своей родной земле. И, слава Богу, что в обороняющейся Абхазии оказалась большая плеяда первоклассных мастеров пера,

¹ Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 гг. в документах. Сухум – 2004. С. 4.

оружием слова поддержавших защитников Апсны. В предисловии к сборнику выпусков газеты «Республика Абхазия» военного времени отмечалось, что в тот тяжелейший для страны период в целом в СМИ, так и на страницах «РА», публиковались политические, государственные и общественные деятели, ученые, писатели и поэты, политологи и журналисты. Авторами резонансных публикаций являлись: Ю. Воронов, С. Лакоба, О. Шамба, Я. Лакоба, Б. Сагария, Б. Шинкуба, А. Гогуа, Д. Ахуба, Н. Тарба, Н. Акаба, Л. Любченко, Е. Аджинджал, Т. Ачугба, Э. Анкваб, Л. Хагба, Е. Бебия, В. Хагба, В. Гунба, М. Эшер, Н. Галин и другие.

О работе Абхазского парламента – Верховного Совета республики нередко сообщали сами депутаты в собственных статьях или интервью средствам информации. Таким же образом поступил Ю. Н. Воронов, представив редакции «РА» публикацию под заголовком «Иного пути не дано». Поведав читателям о том, что входит в обязанности возглавляемой им постоянной комиссии ВС РА по правам человека и межнациональным отношениям, Юрий Николаевич рассказал также и о том, что было сделано им и его коллегами за восемь минувших месяцев войны. Он, в частности, отмечал: «Поскольку фокус «дуги нестабильности», протягивающийся от Балкан до Памира, находится в Москве, то там соответствующая работа требовала особых усилий. Много шагов было сделано и в направлении стран Западной Европы и США, от позиции которых также в прямой зависимости находится благоприятный исход нашей борьбы. В результате совместной работы с широким кругом политиков, ученых, журналистов из России и из других стран СНГ, государств Евразии и Америки удалось и на региональном, и международном уровне пробить информационную блокаду».

Далее Ю. Воронов сообщает о том, к чему привела эта активная деятельность комиссии. «Если раньше, – подчеркивал он, – часто можно было услышать: «Что вы там, абхазы и грузины между собой не поделили?», то теперь большинство понимает, что региональные войны на территории бывшего Союза – результат его распада и амбиций политиков типа Шеварднадзе, приносящих своим народам неисчислимы бедствия. Поэтому сегодня люди как никогда раньше понимают боль Абхазии, воспринимают ее как свою собственную, стараются нам помочь».

О зарубежном имидже грузинского лидера Ю. Воронов говорил в следующих тонах: «Резко меняется отношение к Шеварднадзе и за пределами Абхазии. Из «миротворца» и «демократа» он превратился в представлении большинства простых людей и политиков в постсоветском пространстве и за рубежом в идеолога насилия и кровопролития, не способного стабилизировать обстановку в Грузии, наносящего огромный вред не только своему народу, но и народам Армении, Северного Кавказа и других прилегающих регионов, верховного нарушителя порядка на Кавказе».

Не преминул сказать глава комиссии и о депутатской деятельности в дальнем зарубежье. При этом отметил, что его заместитель Нателла Акаба «вместе с представителями Абхазии, Северного Кавказа, сочувствующими нам специалистами США, Англии, Канады работала в Конгрессе и других организациях Америки, в ООН, где отмечаются сегодня сдвиги и в отношении признания права Абхазии на самостоятельный выбор пути. И в отношении того, что декларируемое Шеварднадзе право уничтожать людей и народы во имя «территориальной целостности», в действительности не должно иметь место в практике межгосударственных и межчеловеческих отношениях».

Юрий Николаевич, как выдающийся ученый историк, считал необходимым поддержать сограждан примерами из прошлого Абхазии. Так, отметив, что «боль и война не могут длиться вечно», он заключил свою мысль такими словами: «Скоро, уверен, война будет закончена, будет восстановлен мир на этой древней земле. Много раз в истории Абхазии происходили подобные события – вторгались враги, разоряли край, но всякий раз и в VIII, и в XII, и в XIV, и в XVII, и в XX веках – вынуждены были уходить, и Абхазия возрождалась. Люди должны мужаться, наращивать сопротивление оккупантам, крепить дисциплину и общечеловеческую солидарность в борьбе с разрушителями государства, экономики и культуры»¹.

В рамках той же деятельности по идейно-психологической поддержке справедливой освободительной войны народа Абхазии Ю. Воронов в ноябре 1992 года обращается с письмом в Эмнести интернейшнл, Международную Хельсинкскую федерацию СБСЕ.

¹ Газета «Республика Абхазия», № 18, 1 апреля 1993 года.

Сообщая в высокие международные организации о том, что на «оккупированной грузинскими войсками территории царит беззаконие, грубо нарушаются права негрузинского населения, Юрий Николаевич подчеркивал: «В первую очередь гонениям подвергаются представители абхазской национальности. Убийства и аресты мирных жителей без суда и следствия стали обычным делом. Огромные масштабы приобрели мародерство и грабежи».

После освобождения абхазским ополчением и добровольцами г. Гагра, тбилисские идеологи и грузинские СМИ развернули бешеную кампанию по оболваниванию как собственного населения, так и мировой общественности, сообщая ложную информацию о якобы имевших там место «зверствах со стороны абхазского ополчения». На самом деле, как писал Ю. Воронов, «... некоторые грузинские лидеры и средства массовой информации сознательно проводят политику по обострению грузино-абхазского конфликта. Их целью, по-видимому, является сделать совершенно невозможным совместное проживание двух народов. Одним из главных вдохновителей антиабхазской кампании в Грузии является «г-н» Надарейшвили, первый заместитель Председателя Верховного Совета Республики Абхазия, недавно ставший депутатом ВС Грузии. Именно «г-н» Надарейшвили является источником самой откровенной и злонамеренной дезинформации, которая, к несчастью, порой тиражируется и на Западе».

Председатель парламентской комиссии по межнациональным отношениям также доводит до сведения правозащитной организации факты, свидетельствовавшие об установлении в захваченной оккупантами Гагре режима террора. В письме отмечалось, что «мирные жители – абхазы, русские, армяне – были расстреляны (в частности, целая абхазская семья Ажиба...), ограблены, а дома их сожжены, что подтверждали многочисленные наблюдатели и журналисты. Особенно свирепствовали сотрудники местной полиции и прокуратуры Шония, Дзидзигури, Цабрия и др.».

Иной была картина, как отмечал Ю. Воронов в своем послании, после освобождения Гагры. Депутат свидетельствовал, что тогда «руководство Абхазии, опасаясь насильственных действий, предприняло ряд предупредительных мер. В частности, Президиум ВС Республики Абхазия (членом которого был сам Юрий Николаевич.

– В. Ч.) принял специальное обращение к гражданам Абхазии. Было неоднократно заявлено, что тем жителям – грузинам, которые не совершали никаких преступлений и не воевали на стороне оккупационных войск, гарантируется безопасность, и они могут вернуться в места своего постоянного жительства». Для пущей убедительности своих слов Ю. Воронов привел конкретные сведения и факты. О том, что «сообщения о массовых зверствах, якобы совершенных абхазами против мирных жителей – грузин в Гагре, не были подтверждены специально посетившими район группами наблюдателей, представителями Международного Красного Креста, журналистами, беседовавшими с местным населением, представителями грузинской, русской и армянской национальностей».

Не ограничиваясь сказанным, Ю. Воронов предложил руководству Эмнести интернейшнл «организовать поездку компетентных и объективных людей, заинтересованных в установлении истины»¹.

Юрий Николаевич Воронов – выдающийся историк, видный политический и государственный деятель Абхазии, он также являлся одним из самых активных и талантливых публицистов, сотрудничавший с различными СМИ Абхазии, России и дальнего зарубежья. Нами рассмотрены здесь два материала военной поры, которые могут восприниматься и как документы, свидетельствующие о событиях военного времени, также публицистическими произведениями, увидевшими свет в печати и в сборнике документов о грузино-абхазской войне.

Литературным и публицистическим даром, как нами уже отмечалось, наделен также известный абхазский историк С. Лакоба, статьи и очерки которого всегда вызывают интерес, как в абхазском обществе, так и за пределами страны. Еще в первые месяцы грузино-абхазской войны, когда позиция российского руководства воспринималась однозначно прогрузинской, Станислав Зосимович уже прогнозировал в близкой перспективе скорую переориентацию российской политики. В статье так и названной «Переориентация России?», правда, еще со знаком вопроса, он выстраивал свои аргументы следующим образом: «События самого последнего времени

¹ Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 в документах. Сухум – 2004. С. 246 – 247.

могут свидетельствовать о смещении акцента в российской политике на Кавказе. Убеждает в этом и повестка дня недавней сессии Верховного Совета России, которая рассматривала вопрос о положении на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии, что, по сути, является косвенным признанием Конфедерации горских народов Кавказа. По всей вероятности, некоторые влиятельные российские круги осознали всю выгодность такой переориентации в связи с угасанием прежней традиционной роли Грузии в общекавказском вопросе, так как сегодня настал день, когда государственные интересы России настоятельно требуют определиться и сделать выбор между всем Кавказом, т. е. Конфедерацией (с Абхазией и Южной Осетией) и де-факто развалившейся Грузией с ее ненадежно капризным незаконным руководством во главе с Шеварднадзе и «крикливой» общественностью».

Приведенная здесь развернутая цитата свидетельствует о том, что изначально российские власти однозначно поддержали Грузию в ее намерениях наказать автономию за «строптивость» и стремление к суверенитету. С. Лакоба сообщает и о том, как негласно формировал антиабхазскую «коалицию» Шеварднадзе, хотя о российско-грузинском сговоре в июне 1992 года в Дагомысе в то время мало кто ведал, кроме тех, кто принимал в нем участие (Ельцин, Грачев, Бурбулис, Шеварднадзе, Китовани, Сигуа). Ведь в июле того же года, в резиденции российского президента «Бочаров ручей» Борис Ельцин вторично (первый раз в марте) уверил В. Ардзинба, что Абхазия будет защищена от Грузии военной силой России. Получалось, что главе Госсовета Грузии включили «зеленый свет» на пути к агрессии.

Вот как о том в свое время писал С. Лакоба: «Шеварднадзе, в свою очередь, заручившись тайной поддержкой лидеров ряда стран, в том числе России, США, Турции, убедил последних, что в течение двух дней тихо и мирно придушит Абхазию без особой крови и воплей. Убедил он их, по - видимому, и в том, что никакой конфедерации в действительности нет, а народы Северного Кавказа не придут на помощь Абхазии. Такой непростительный промах «знатока кавказской жизни» поставил под удар его покровителей, которые под напором мирового общественного мнения стали отмежевываться от откровенно агрессивной политики Шеварднадзе».

Подобная тактика и стратегия грузинского лидера, считавшегося в кругах западной элиты в доску «демократичным» кавказцем, начала навевать тамошним власть предержащим не только грустные мысли, но и недовольство, поскольку блиц-криг затянулся по срокам, а недовольство поддержкой атаки на малочисленный народ нарастало в обществе стран – покровителей Тбилиси. Эту ситуацию так отмечает автор публикации: «В результате вооруженного до зубов похода на Абхазию, Ельцин получил взрыв народного возмущения на Северном Кавказе, в ряде бывших своих автономий и в среде национально-патриотических сил России... Демирель тут же получил мощную оппозицию, сплотившуюся вокруг абхазского вопроса. Этот вопрос пробудил в Турции самосознание кавказцев, по стране прокатилась волна митингов и демонстраций... Накануне американских выборов новых хлопот доставил Шеварднадзе и президенту Бушу, который так и не встретился со своим назойливым другом из Тбилиси во время недавнего пребывания в Нью - Йорке...».

Немало разочарованных, полагает публицист, словами и делами Шеварднадзе в среде мировой общественности и в высоких международных структурах. К примеру, как подчеркивает С. Лакоба, «выступление «кровавого демократа» на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября (1992 года. – **В. Ч.**) повергло, по всей вероятности, в шок весь западный и восточный мир. Суть его сводилась к тому, что у малых народов не должно быть права на самоопределение, а их стремление к независимости надо подавлять танками, гаубицами, вертолетами и ракетами».

Здесь автор публикации, обращаясь к лексикону главы Грузии, коим он характеризовал малочисленные народы, в том числе абхазов, весьма тонко и язвительно отметил: «Это были лилипутские мысли Гулливера Шеварднадзе, который оказался политическим пигмеем. Не случайно все средства массовой информации мира молчат по поводу откровенно нелепого выступления грузинского лидера, миротворческий образ которого лопнул, как мыльный пузырь там же, где его и родили».

В завершение статьи автор, имея в виду трансформацию отношения к абхазскому вопросу главного «игрока» – Москвы, заключал следующее: «В отличие от первых дней войны, сегодня более

определенна позиция России в отношении к Абхазии, что наиболее четко проявилось в постановлении и заявлении ее парламента».

Сказанное выше дополним тем, что законодательная власть в лице Верховного Совета РФ в одном из пунктов принятых документов однозначно прописала необходимость безоговорочного вывода грузинских войск с территории Абхазии. Как нами уже упоминалось, это был первый звонок – напоминание Тбилиси о возможности изменения отношения к войне Грузии с Абхазией российской политики в целом.

Отметим также, что публицистика С. Лакоба в тот трагический период стала весомым вкладом в обеспечение духовной и идейной основы оборонительной войны абхазского народа.

В то же время заметной была публицистика видных представителей абхазской интеллигенции, доктора исторических наук Б. Е. Сагария и писателя А. Н. Гогуа. В материале, опубликованном под заголовком «Национал-шовинисты под маской «демократов» в двух номерах газеты «РА» известный историк писал: «Вот уже около двух месяцев льется кровь на родине абхазов. Вдохновителем и организатором этой страшной бойни является так называемая фракция ВС «Демократическая Абхазия». Во главе этой фракции стоит первый заместитель ВС Абхазии Тамаз Надарейшвили. Кто он?» – задается вопросом Б. Сагария. И отвечает на свой риторический вопрос рассказом о том, как шел к властному олимпу грузинский шовинист. В багаже «заслуг» этого субъекта довольно обширный перечень подрывной деятельности против абхазов, особенно в период его работы в городе Гагра. Как публицистический прием приводится в материале сравнительный анализ деяний двух политиков. Это – В. Ардзинба, сторонник обновленного Союза и мирного сосуществования народов большой страны и агрессивный националист Т. Надарейшвили, поддержавший вначале тоталитарный режим Гамсахурдия, а позже примкнувший к всемирно известному «демократу» Шеварднадзе. И общими усилиями этих двух шовинистов, Шеварднадзе и Надарейшвили, была развязана агрессивная война, направленная на истребление абхазского народа. Ученый, своими глазами видевший злодеяния оккупантов, писал: «В течение 46 суток я, находясь в Сухуме, был свидетелем неслыханных зверств войск Госсвета. Новоявленный временный комитет по стабилиза-

ции Абхазии (созданный оккупантами после захвата Сухума. – **В. Ч.**) оказался беспомощной игрушкой в руках грабителей и мародеров. Абхазское население города фактически стало заложниками».

Баджгур Еснатович, прекрасно понимая несоизмеримость сил и средств агрессора, тем не менее в заключение своей публикации уверенно отмечал: «Народ Абхазии, все честные люди нашей республики будут отстаивать независимость нашей Абхазии, и ее территория будет очищена от агрессора»¹.

В военной публицистике А. Н. Гогуа, являвшегося в то время председателем Союза писателей Абхазии, статья под заголовком «По лезвию совести», безусловно, должна занимать важное место. Писатель в ней ведет речь о такой тонкой составляющей духовной жизни древнего абхазского народа, как Аламыс, что в переводе на русский означает Совесть. Расставляя акценты в области этой «нравственной категории» от седой древности до наших дней, Алексей Ночевич отмечал: «Известно, какое значение придавалось у абхазов этому институту, институту Аламыса – Совести, этой целой национальной этической школе. Институт Аламыса – Совести является не только внутриэтическим механизмом народа, он и щит, защищающий самобытность, внутреннюю и духовную свободу народа». И затем писатель обращает внимание на такое свойство Аламыса, которое, по всей вероятности, и помогло абхазам, выжив в различных катаклизмах древности, дойти до нашего времени. Например, А. Гогуа напоминал из прошлой жизни следующее: «Враги преодолевали наши политические границы, топтали нашу землю, в борьбе с ними погибали лучшие сыны нации, но они не смогли одолеть невидимые рубежи, которые выставлял Аламыс – этическую религию абхазов».

И вот писатель обращается к новой трагедии народа, которую развязали вековые соседи, всегда пользовавшиеся доверием абхазов, как правило, к своему благу. Оценка их деяний автором звучит таким образом: «Оголтелые инициаторы нынешней жестокой агрессии осведомлены об этом лучше, чем кто-либо другой, они знают, как оставались тщетными неоднократные попытки их предшественников, их самих уничтожить эти невидимые рубежи сове-

¹ Газета «Республика Абхазия», №№ 8, 9, 1 – 3 октября 1992 г., 9 – 11 октября 1992 г.

сти и духа нашего народа. И на этот раз, решив, что, в конце концов, настало время для решающего удара по нашему народу, они задумали утопить в крови его стремление к свободному развитию и ввергнуть в такой стресс, при котором народ будет не в силах – ни физических, ни духовных, ни экономических – выработать энергию, необходимую для создания этих невидимых и неодолимых этических границ, границ живого духа».

Ответом злым умыслам врага, по автору, должны стать цельность и стойкость общества, потому, как подчеркивает публицист, что «нынешняя война сливается в одно целое Совесть и долг перед Родиной, перед Правдой народа, четче и жестче обозначает границы этого сплава, за чертой которого начинаются отступления от него разной степени тяжести...». Для А. Гогуа Аламыс, не что иное, как «нравственный критерий», который, как «лакмусовая бумага безошибочно выявит суть каждого. Вообразив на фоне этой высокой категории агрессию врага, невозможно не содрогнуться от степени ее варварства, бесчеловечности, садизма, тупоумия и патологической ненависти. На этом же фоне четко просматривается изнутри и наше собственное общество, суть и цена явлений и поступков. С одной стороны – взлет совести: консолидация лучшей части общества. Сыны народа с первых дней агрессии по зову совести без колебания и сомнения, вставшие на защиту своей земли, сумевшие за короткий срок мобилизовать свои силы в тылу и на фронте. И, конечно, добровольческое движение – это самый пик нравственной высоты».

Писатель также обращает внимание общества и на оборотную сторону, если можно так выразиться, той самой высокой морали – Аламыса. Или же, скорее, на ее полное отсутствие у определенной категории лиц в том же абхазском обществе. Характеризуя и такое явление, он, в принципе, озвучивает широко распространенное мнение народа и общества, отмечая, что с другой стороны имеются «отщепенцы разного рода, разного толка, давно преступившие Совесть и продолжающие в таком же духе и в этот самый ответственный момент истории родившего их народа. В условиях войны их всех можно квалифицировать как дезертиров. Это – убежавшие за пределы Абхазии или отсиживающиеся в уголках своего дома великовозрастные юноши и зрелые мужи. Убежавшие с Восточного

фронта, бросив однополчан, которым приходится вступать в единоборство с многократно превосходящим в живой силе и технике врагом. Наконец, маскирующиеся часто в военной форме, потеющие в жарких своих бушлатах в разных штабах, складах, ничего не решающие чиновники».

Бескомпромиссны и суровы, как и само трагическое время, выводы автора из сказанного им выше. Формула их такова: «Преступив, таким образом, Совесть, каждый из них пропустил уже врага через все видимые и невидимые рубежи, сдал ему свою Родину, ее свободу ради своих корыстных и грязных целей, ради сохранения своего собственного поголовья».

И в заключение обращение к обществу и народу, к защитникам Отечества звучит у публициста таким образом: «Сохранить Совесть. Не замарать ее было бы большим мужеством и в мирное время, а в это тревожное, суровое время жестокой войны Совесть входит в вооружение наших защитников, лучших выразителей нашего народа»¹.

Что ж, сказано весомо и убедительно. В то трудное время лучшие сыны народа следовали нравственному кодексу предков, которое звалось Аламысом, потому и победили. Ныне на дворе поколение, которое держит экзамен на то же самое, но уже в мирной обстановке. А как все сложится – покажет время.

Государственно-правовая проблематика и отношения в треугольнике Абхазия, Грузия и Россия – таково содержание аналитических статей, опубликованных в трех номерах «РА» видным абхазским правоведом, ст. преподавателем АГУ Я. В. Лакоба (2. VIII. 1949).

Начинает же автор публикаций с посылы о том, что «...применительно, в данном случае, к Грузии, да и к другим республикам бывшего СССР, нельзя говорить о международно-правовой признанности и закреплённости их территории и границ». Далее следует экскурс о характере границ республик в составе распавшегося Советского Союза. Отмечается, что «только в отношении внешних границ бывшего СССР можно говорить об их международно-правовой признанности... Что касается внутренних границ частей бывшего СССР (союзных республик, других национально-государственных образований), то они были в условиях тоталитарного режима опре-

делены в административно-приказном, партийно-политическом порядке, без всякого учета и требований международного права, прав и интересов народов, населяющих соответствующие территории, без их добровольного волеизъявления и даже вопреки их интересам, в насильственном порядке».

Публицист подчеркивает факт принятия союзных республик в ООН не столько в соответствии с нормами международного права, сколько соображениями «политической конъюнктуры», чтобы «поскорее закрепить распад СССР». Якуб Васильевич также напоминает о том, что «... ко времени принятия этих бывших «союзных» республик в ООН, многие упомянутые нации (в том числе, разумеется, и абхазы), внутри этих союзных республик уже приняли соответствующие Декларации о своем суверенитете». Получалось, как констатирует автор, что «...прием бывших республик в ООН происходил не только без учета, но и с явным нарушением этих Деклараций о национальной и государственной независимости и суверенитете многих народов СССР (в том числе абхазов, еще в глубокой древности имевших свою государственность)».

И совершенно правомерен следующий вывод автора статьи, утверждавшего, что «никаких международно-правовых оснований (об отсутствии других и вовсе не приходится говорить) для господства над Абхазией и продолжения ее колонизации у Грузии нет и не может быть. Отсюда ее военная агрессия против малочисленного народа и попытка военными действиями (средствами), насилем компенсировать отсутствие международно-правовых оснований для своих гегемонистских и колониальных претензий и устремлений».

Возвращаясь к своему изначальному тезису о «границах» Грузии и России по периметру российско-абхазской границы, Я. Лакоба вполне логично заключает: «Таким образом, очевидно, что современные постсоветские империи свои, полицейски установленные границы (как, к примеру, с позволения сказать, «граница» между РГ и РФ по абхазской, пограничной с Россией, реке Псоу) сами же выдают за международно-правовые. Границ, «подтверждаемых» путем открытого, ничем не спровоцированного насилия, таких границ у Грузии нет...».

Автор публикаций, отметив наличие у бывших автономий Декларации о суверенитете и независимости, также отсутствие междуна-

¹ Газета «Республика Абхазия», № 52, 15 апреля 1993 года.

родно признанных границ у союзных республик, приводит и такой важный фактор, как принятие в свое время закона СССР «О субъектах федерации», которым «АССР наравне с ССР признавались субъектами таковой, т. е. общесоюзной федерации государств...».

В указанной статье Я. Лакоба, обращаясь к итоговому документу Московской встречи от 3 сентября 1992 года, видит условием полномасштабного политического урегулирования в Абхазии, прежде всего, обязательное перерастание переговорного процесса в договорный процесс и заключение договора между РГ и РА. При этом, подчеркивая, что «внутренний же мир в результате такого полномасштабного политического урегулирования в Абхазии – добром доме, каким была Абхазия до 14 августа, может быть обеспечен только, и прежде всего, силами самой РА».

И все же опыт и чутье подсказывают публицисту, что далеко не просто будут разрешены грузино-абхазские противоречия. Свидетельством тому его выводы, вытекающие из поведения грузинской стороны, что он и констатирует, таким образом: «... Явно демонстрируемое властными структурами РГ упорство, если не сказать упрямство, в этом вопросе делает все более проблематичным такой вариант (мирный. – **В. Ч.**) решения проблемы суверенитета РА. Продолжение такого упорствования со стороны РГ делает решение проблемы суверенитета РА делом самой РА».

Такое поведение грузинской стороны, скорее всего, вытекает из результатов переговоров от 3 сентября, коим, по словам автора, «организаторы спектакля (переговоров. – **В. Ч.**) пытались заложить «правовую» базу под сведение на нет народного, национального и государственного суверенитета Абхазии...». Публицист отмечает слабые стороны итогового документа, в котором говорится о некоем «согласованном уровне» вооруженного присутствия Грузии в Абхазии, но неясно при этом – кто согласует: Грузия и Россия? А что ж тогда Абхазия? То же самое с аморфным термином «передислокация». Я. Лакоба задается вопросом: «Почему «передислокация», а не вывод войск РГ, без какого-либо вообще согласования, вторгшихся в пределы мирной Абхазии...».

Вывод автора таков: «Составители данного документа не учли того, что они не правомочны создавать такую «правовую» базу: этот вопрос правомочен решать исключительно парламент самой РА и

населяющие ее народы». Завершая статью, автор в своей оценке итогового документа Московских переговоров от 3 сентября, заключал следующее: «Даже самим названием документа, отдающим претенциозностью, главные его составители выдают свои искренние желания иметь вписанные в его текст, с позволения сказать, «итоги»: незыблемость по существу несуществующих (потому что в международно-правовом порядке не признаваемых) в прошлом внутренних в рамках СССР, а ныне северо-западных «государственных» границ РГ, в данном случае с РФ; непризнание, а потому даже вскользь не упомянутого международно-признанного равноправия и права нации на самоопределение; юридическое отсутствие реально существующей, независимо от желания кого бы то ни было, третьей – абхазской стороны...»¹.

Эти и другие пункты предвзятого итогового документа Московской встречи, названные Я. Лакоба ущербными, имперскими по своей сути, не только не способствовали разрешению противоречий сторон, но привели, как это произошло впоследствии, к ужесточению развязанной Грузией агрессивной войны.

Олег Багратович Шамба – активный участник национально-освободительного движения абхазского народа, известный ученый – экономист, общественный деятель, во время войны руководитель русской редакции Абхазского радио, проявил себя талантливым публицистом, радиоочерки, беседы и статьи которого вызывали пристальный интерес не только абхазской аудитории, но и на враждебной стороне.

Олег Багратович был талантлив не только в области своей изначальной профессии – экономической науки. Он состоялся и как замечательный журналист и публицист, особенно в тяжелейшее время грузино-абхазской войны. Никто в ту пору не оставался равнодушным к публицистическим материалам О. Шамба, заголовки которых говорили сами за себя: «Слова и дела псевдомократов», «Ложь на коротких ногах», «Кто – оккупант, а кто беженец», «Конвейер лжи» и т. д.

Но по утверждению О. Шамба, как помнится автору этих строк, еще большей популярностью пользовалась у радиослушателей ру-

¹ Газета «Республика Абхазия», №№ 14, 15, 16, 26 – 29 октября, 30 октября – 1 ноября, 2 – 6 ноября 1992 года.

брика «Наш корреспондент сообщает...», которую придумал и вел сам Олег Багратович. Так, в одной из своих передач, обращаясь к населению оккупированной территории, публицист, к примеру, делился такой информацией с радиослушателями: «Жители прифронтового Сухума давно привыкли ко всякого рода сенсационным сообщениям в печати, по радио и телевидению. Понятно – идет война и политикам необходимо идеологическое обеспечение своим замыслам для их практического воплощения. Ни для кого не секрет, почему в свободной продаже имеются лишь газеты «Свободная Грузия», «Демократическая Абхазия», «Абхазетис хма» – четвертая власть полностью находится на службе новоявленных демократов. Передачи по телевидению из Москвы зачастую отключаются, или излагаются с подачи политических комментаторов, то есть выдается «дозированная» правда. Зато радио и телевидение Грузии, так называемое телевидение Абхазии (Сухумское ТВ, созданное оккупантами. – **В. Ч.**) – слушай и смотри вдоволь. Ощущается острый информационный голод, но многие уже научились отличать правду ото лжи. Этому их научила сама жизнь. Реальность ежедневных событий. Все сухумцы полностью разобрались – вооруженные бандиты вторглись охранять железную дорогу, или грабить мирных жителей? Никто уже не верит болтовне Надарейшвили, который не устает рассказывать о массовых изнасилованиях в Гагре, о том, что отрубленными головами играют в футбол, что «сепаратисты» ходят с чайными стаканами и пьют кровь грузин...».

В следующей передаче Олег Шамба обратился к абхазской проблематике, и, в частности, таким образом: «На улицах столицы Абхазии – Сухума почти не звучит абхазская речь. Не только говорить, но и появляться на улицах стало опасно. Убить могут просто так лишь потому, что в паспорте написано «абхаз». Родной город не узнать, многие бывшие наши соотечественники в паническом страхе бегут, другие готовятся к обороне от абхазских «оккупантов». О, Боже! В своем доме мы стали гостями. Пусть эта суровая действительность послужит уроком не только живущим ныне, но и грядущим поколениям».

Тематика радиопередач О. Шамба весьма разнообразна, но при этом всегда актуальна и остра. Например, как и в том случае, когда публицист комментирует сообщение грузинской печати о встрече

Э. Шеварднадзе с беженцами из Гагры. «Глава Грузии клятвенно заверил всех «беженцев», – так начинает передачу Олег Багратович, – что вскоре их родной город Гагра будет освобожден от абхазских оккупантов, и они будут возвращены на Родину. Это сообщение было воспринято гулом одобрения. Некоторые даже прослезились от радости и стали поспешно упаковывать свои чемоданы. Время, конечно, образумит их и многие смогут убедиться в авантюризме Шеварднадзе... Впрочем, сам Эдуард лукавит, он-то прекрасно знает, что Гагра – это Абхазия и абхазы освободили Гагру от оккупантов...», – так снимает маску наглой лжи с обличья грузинского лидера публицист О. Шамба.

Притягательной, в особенности для чиновников оккупационной власти, слыла и передача Олега Шамба, выходящая под названием «Нынешние правители Сухума: кто они». Ну как здесь не заинтересоваться содержанием разговора с абхазской стороны, коли речь в нем о таких колоритных фигурах, которых каждый смертный грузин может узреть только по телевизору, на худой конец, на приличном расстоянии на каком-либо митинге или демонстрации в защиту «единой и неделимой Сакартвело». А здесь, на тебе, прямо по Абхазскому радио, хоть и запрещенному, такие подробности, и, к тому же про самых больших грузинских тузов. Причем, ведущий сообщал, что в передаче «использованы источники из ближайшего окружения Надарейшвили».

Начиналась передача так: «На одном из заседаний в т. н. Совете Министров, в Сухуме, которое проводил всемирно известный «демократ» Шеварднадзе, в центре президиума сидел довольно упитанный мужчина в военной форме. Бросилась в глаза одна деталь: энерично жестикулируя, Эдуард Амвросиевич в каждом случае обращался в сторону этого человека, и тот, как бы одобряя сказанное им, слегка кивал головой. Невольно обратив на это обстоятельство внимание, телезрители мучились в недоумении: кто же этот тучный человек, по которому, словно по камертону, сверяет свои слова глава Грузии? Вскоре оператор крупным планом показал его лицо – и многие ахнули от удивления: «Ба! Так это же судья всесоюзной категории по футболу Гурам Габескирия!.. «Тайны мадридского двора» вскоре рассеялись: выяснилось, что Габескирия официально назначен мэром города. Кто-то, говорят, при этом известии чуть не умер

со смеху, но лица многих порядочных сухумцев помрачнели: они поняли – мафия наступает...»¹.

... Шли последние дни грузино-абхазской войны. А до освобождения Сухума оставались считанные часы. Части абхазской армии вели кровопролитные бои уже в пригородах столицы, и шаг за шагом пробивались к центру города. И в это самое ответственное время военный корреспондент, публицист О. Шамба в гуще событий: он ведет прямой репортаж с места ожесточенных боев за освобождение пока еще удерживаемого оккупантами из последних сил города. Образно и призывно звучащий по Абхазскому радио его голос доводит до слушателей всю картину военных действий: «Вот он, как на ладони, наш родной Сухум – столица древней Аpsны. С высоты Бирцха невооруженным взглядом четко видны общественные здания, улицы, парки. После мощного артиллерийского огня на подавление боевых позиций противника ринулся в атаку батальон Аки Ардзинба и спустя полчаса по рации мы услышали спокойный, уверенный голос командира: «Высота полностью контролируется нами, захвачены артиллерийские установки и много боеприпасов». Итак, последний оплот грузинских гвардейцев пал»².

Это лишь отдельные моменты публицистической деятельности О. Шамба в военное время. В предисловии к книге «Летопись войны: грузинские беженцы – кто они?», изданной О. Шамба в 2007 году, И. Садзба, руководитель Абхазского радио в период грузино-абхазской войны, писал: «Автор радиопередач – ученый, экономист, профессор, академик О. Б. Шамба в период войны волею судьбы стал военным корреспондентом и руководителем русской службы Абхазского радио. Свои передачи он строил на подлинных фактах: свидетельских показаниях и достоверной информации, получаемой из оккупированной территории. Значительная часть материалов получена от его сестры Светланы Шамба, которая по праву является соавтором ряда передач. Использована также информация Р. Черкесовой, Ж. Кореянца и других из оккупированного Сухума. Их имена по понятным причинам не были озвучены в свое время. Сотни передач, подготовленные О. Шамба,

¹ Олег Шамба. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум – 2007. С. 38 – 86.

² Там же. С. 330.

прозвучали в эфире Абхазского радио. В эту книгу вошла лишь их небольшая часть...»¹.

Крупный ученый – экономист, блестящий публицист, видный общественный деятель Олег Багратович Шамба всегда был в неустанной работе. Им написаны сотни статей, брошюр и книг в области экономической науки. Это и творческая деятельность по сбору и обработке абхазских пословиц и поговорок, затем издание их на русском и английском языках. Много знаний, энергии и сил он отдавал многогранной публицистической и общественной деятельности. Но все это, к прискорбию, не столь давно было прервано преждевременной смертью большого патриота и гражданина, ученого и публициста Олега Шамба.

Публицистика, безусловно, занимала немаловажное место в деятельности заслуженного журналиста, писателя, гл. редактора газеты «Аpsны» с 1992 по 2011 годы Б. М. Тужба (29.05.1931 – 20.12.2012). Он – автор многочисленных публикаций, в коих львиную долю занимала историческая тематика. Довольно объемный сборник материалов на абхазском языке, собранный и изданный Борисом Максимовичем в 2004 году, потому и был назван им «абхазской исторической публицистикой». В том сборнике не менее ста страниц автор посвятил событиям и фактам Отечественной войны народа Абхазии 1992 – 1993 годов.

Этот раздел сборника Б. Тужба начинает со статьи под заголовком «14 августа 1992 года...». Автор вначале повествует об этапах национально-освободительного движения абхазского народа, отмечая одномоментно историческую ситуацию, складывавшуюся для абхазов на протяжении последних ста лет. Описывая обстановку предвоенного времени, Б. Тужба акцентирует внимание на таких знаковых событиях того периода, как выборы восьмерых депутатов – абхазов в Верховный Совет СССР и речь одного из них – В. Г. Ардзинба на съезде народных депутатов СССР 2 июня 1989 года. Публицист однозначно заключает при этом, что «тогдашнее выступление Владислава Ардзинба стало судьбоносным для Абхазии».

В публикации привлекает внимание личное впечатление автора статьи о первом дне войны, о том, как складывалась обстанов-

¹ Олег Шамба. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум – 2007. С. 6.

ка в Верховном Совете Абхазии, насколько неожиданной оказалась агрессия Грузии против абхазского народа. О том, Б. Тужба, в частности, вспоминал следующее: «Заседание в Верховном Совете Абхазии начиналось в одиннадцать часов. Руководители газет «Апсны» и «Республика Абхазия» обязаны были там присутствовать. Много было народу, несмотря на то что грузинские депутаты саботировали заседания парламента, проводя свои собрания отдельно. Присутствовала и такая публика, которую мы ранее не замечали, некоторые были с камерами, похоже тбилисские, или же КГБэшники, кто их знает...».

«Наступило одиннадцать часов, – повествовал Борис Максимович. – Но не было еще Владислава Григорьевича, который ни разу не позволил себе опоздать на заседание Парламента.

Шло время...

Коротко, в течение нескольких минут, провел совещание глава Парламента...

Вражеские танки уже дошли до Келасура... Они уже были на подступах к Сухуму...

Раздавались выстрелы с Красного моста...

Небо над Сухумом захватили вертолеты врага...

Началась Отечественная война, в которой предстояло сложить свои головы сотням и тысячам сынам Родины»¹.

Здесь будет уместно дополнить рассказ гл. редактора абхазской газеты несколькими штрихами из наблюдений в первые часы войны автора этих строк. Будучи руководителем газеты «Республика Абхазия», который также должен был присутствовать на заседании, я тем не менее по какой-то причине запоздал минут на двадцать-тридцать. Поднявшись на второй этаж, где проводились заседания сессии, заметил, что депутаты и приглашенные почти разошлись. Кто-то, приметив мое удивление, бросил: «Говорят, что война началась, грузины двигаются на Сухум».

Я поспешно поднялся этажом выше и прошел в приемную В. Ардзинба. Там находились кто-то из личной охраны, помощник главы парламента и министр внутренних дел. Дверь в кабинет была приоткрыта, но голосов не было слышно. Кивнув всем головой в знак

¹ Борис Тужба. Абхазская историческая публицистика. На абхазском языке. Сухум – 2004. С.540 – 541.

приветствия, быстро прошел внутрь. В помещении за столом сидел В. Ардзинба, перебирая какие-то бумаги, подле него стоял один из депутатов парламента, другой, также депутат, быстро двигался по кабинету и что-то громко говорил. Не здороваясь, я во весь голос воскликнул: «Владислав, правда, что грузины пошли войной на нас?». Он же, подняв голову, ответил так: «Мне сообщили, что грузины захватили Очамчиру...». И в тот же момент раздался грохот танковых пушек, вперемешку с выстрелами из крупнокалиберных пулеметов, очередями из автоматического оружия...

О том, что было дальше, я описал в одном из своих рассказов о Владиславе Григорьевиче.

Приведу еще один эпизод первого дня войны из рассказа Б. Тужба. «В то время, – писал он, – редакция газеты «Апсны» помещалась в здании Верховного Совета Абхазии (как, впрочем, и редакция «Республики Абхазия». – **В. Ч.**)... Не помню кто, но один из сотрудников предложил нам поехать в расположение полка внутренних дел (подчиненного лично Председателю ВС В. Ардзинба. – **В. Ч.**). Увы, этого уже нельзя было сделать: затерялась наша машина, а вместе с ней и водитель...

...Между тем оставшиеся в моем кабинете сотрудники редакции, – вспоминал публицист, – из окон помещения рассматривали грузинские вертолеты, кружившие в небе Сухума. Вдруг раздался возглас удивления: «Аа!»...

... Оказалось, один из вертолетов, целясь, скорее всего, в здание Верховного Совета, или же в Государственный Флаг Абхазии над ним, выпустил две ракеты. По божьей милости, а может, в силу «воинской выучки» грузинских летчиков, ракеты, пролетев над нами, врезались в грузинский дом в районе Белого моста. В то время в здании Верховного Совета никого не было, кроме нас. Мы также, заперев кабинеты, спустились вниз...»¹.

В материале под заголовком «Отечественная война» Б. Тужба в краткой форме описывает исторические перипетии абхазского народа и его государственности, начиная с раннего средневековья до времени грузино-абхазской войны.

¹ Борис Тужба. Абхазская историческая публицистика. На абхазском языке. Сухум – 2004. С. 541 – 542.

«Трудно отыскать исторический период, – пишет автор, – когда бы абхазы пребывали в тиши и спокойствии. И во времена тысячелетнего пребывания под властью Византии. И тогда, когда поднимались на борьбу за свободу, беспощадно карали силой оружия. Так было в шестом веке, о том есть свидетельства историков древности Прокопия Кесарийского и Агафия. «... Даже детей не щадили, держа их за ноги, разбивали головы о скалы...» - так поступали с жителями Цабала. В 550 году, как сообщают исторические сведения, объединив абазгов и апсилы, против захватчиков выступил Апсырт. Император Византии Юстиниан Первый для подавления абхазов прислал две армии под руководством своих лучших полководцев – Улигата и Иоана. Силы были неравные. Апсырту с соратниками пришлось отступить и уйти к братьям на Северный Кавказ».

Напоминает публицист и о славном периоде Абхазского царства, во главе с его основателем Леоном Первым, последующих правителях, вплоть до Баграта Третьего, носившего титул государя «абхазов и грузин» (на наш взгляд, вместо собирательного «грузин», следовало бы писать – «картлийцев», поскольку этноним «грузины» появился много позже). Трагедия махаджирства, присоединение Абхазии к Российской империи, антиабхазские деяния грузинских меньшевиков и большевиков, ответом чему было национально-освободительное движение абхазов – так излагал всю цепь исторических событий в своей публикации Б. Тужба. И, как «логическое» завершение колониальной политики Тбилиси, последовала грузино-абхазская война.

«Уже больше пятнадцати дней, как идет война, – констатирует ситуацию автор. – Кто нам друг, а кто враг мы осознали в течение этих дней. Наши северокавказские братья, близкие нам по крови: чеченцы, адыгейцы, кабардинцы, черкесы, абазины, осетины и другие встали на защиту Абхазии. Ныне их сыны воюют вместе с нами. Вместе с нами и прибывшая к нам делегация Российского парламента. С нами все прогрессивные люди мира. Мы наблюдаем, за редким исключением, объективное освещение ситуации в Абхазии в печати, на радио и телевидении, что касается нашей зарубежной диаспоры – и говорить нечего. Защищать Абхазию уже прибыли первые добровольцы из Турции».

Б. Тужба писал статью накануне Московской встречи 3 сентября 1992 года, потому, полагаем, не преминул прокомментировать об-

ращение Российского президента к руководству Грузии и Абхазии, сделанное несколькими днями раньше, 26 сентября. В частности, автор отмечал, что, с одной стороны, Борис Ельцин «однозначно призвал вывести из Абхазии войска Госсовета Грузии», с другой – заявил о признании «территориальной целостности и единства Грузии», включая сюда и Абхазию».

«Судя по словам российского президента, он не осознает, что Абхазия не Грузия», – заключает публицист, – «хотя по факту вхождения в состав России в 1810 году (о выходе из нее ведь никаких документов нет) больше прав на Абхазию у России, нежели у Грузии. Все же надеемся, что до встречи российского президента с главами Абхазии, республик Северного Кавказа и Грузии, Борис Ельцин разберется, где белое и черное, правда и кривда...»

... А пока отметим следующее: к нам вторгся коварный враг. Надо защищать Родину. С 14 августа идет Отечественная война абхазского народа. Мы победим потому, что защищаем Родину, на то нас благославляет Всевышний», – так завершает публикацию Б. Тужба¹.

Поэзия и публицистика – в обычное время разновекторные явления, существуют, можно сказать, сами по себе. Но в год беды, как это случилось в Абхазии, они слились в единое целое, сочетая в себе гражданственность и патриотизм, страстность и образность, подвигающие людей на самоотверженные и героические свершения и поступки.

Такими качествами обладает творчество талантливого поэта Льва Николаевича Любченко (1933 – 1995), зародившееся в трагический период войны. Его стихи военной поры по праву можно назвать произведениями публицистики самого высокого качества. Настолько сильны заложенные в них мастером слова смысл и дух правоты народа, подвергшегося агрессии, призывы к исполнению долга защитника Отечества. Поэтическое слово трибуна-публициста громко, словно колокольный набат, звучало на страницах газет, в передачах радио и телевидения: Абхазия в опасности, враг силен числом и коварен, «но танк не страшнее кинжала, когда твои братья с тобой». Эти слова воодушевляли, вселяя чувство уверенности, что победа будет за нами.

¹ Борис Тужба. Абхазская историческая публицистика. На абхазском языке. Сухум – 2004. С. 570 – 574.

Полагаю, правомерным отметить, что свое знаковое творение Л. Любченко впервые опубликовал в газете «Республика Абхазия» (12 – 15 октября 1992 года). Стихотворение, озаглавленное «Абхазским воинам», вскоре воспринималось поистине народным, его читали повсюду: в селе и в городе, в окопах и в тылу. Яростью благородной наполнялось сердце человека доброй воли, когда он вслушивался в чеканные и проникновенные строки поэта:

«Абхазы, абхазы, вас мало –
Нечестный, несправедный бой!
Но танк не страшнее кинжала,
Когда твои братья с тобой!»

Здесь уместно привести слова Первого Президента РА В. Г. Ардзинба, высоко ценившего творчество Льва Николаевича. По этому поводу в своей книге он вспоминал: «Очень близкие, братские отношения сложились у меня с Имамом Алимсултановым, который приехал в Абхазию в самый разгар войны. Он создал много песен на слова поэта, нашего земляка Льва Любченко... Одна из самых моих любимых песен на слова Любченко – «Абхазы, абхазы, вы правы», в которой есть такие слова: «... танк не страшнее кинжала, когда твои братья с тобой».

Отметим, что В. Ардзинба, как лидер абхазского сопротивления агрессии Грузии, обратил внимание на осмысление поэтом образа воина – добровольца, не раздумывая вставшего на защиту Родины абхазов. Владислав Григорьевич не раз отмечал выдающуюся роль кровно-родственных народов Северного Кавказа в отражении грузинского нашествия. И в стихах Л. Любченко он ценил, наряду с творческим даром, осознание поэтом жертвенной миссии братьев-добровольцев, готовых положить свои жизни на алтарь абхазской свободы.

По всему личностно и творчество Льва Николаевича заинтересовали В. Ардзинба. В тех же «воспоминаниях» Владислав Григорьевич по этому случаю пояснял: «Интересно, что о поэте Любченко я узнал только во время войны. А познакомился я с ним спустя некоторое время после войны, на вечеринке, куда мы были оба приглашены. Как выяснилось, Л. Любченко – поэт со стажем. Еще в 1956 году были

опубликованы его стихи, а первый сборник «Люди и море» вышел в свет в 1960 году. Впоследствии, в издательстве «Алашара» вышел в свет второй сборник поэта «Дорога в хороший день». Обо всем этом и многом другом можно прочитать в предисловии О. Шамба к сборнику стихов Л. Любченко, изданному в г. Гагра. Поэт вполне заслуживает того, чтобы все его стихи были переизданы»¹.

Тогда же, во время войны, поэт работал, можно сказать, не щадя здоровья и сил. Этого здоровья как раз Льву Любченко не хватало, подводили руки: в холод они уже почти не слушались, пальцы, порой, с трудом держали карандаш, скрюченные в холодную пору, трудно выводили нужные слова. А военная зима выдалась как раз снежной и морозной. В один из таких дней, помнится, в Гудаутскую типографию, где мы выпускали «Республику Абхазия», зашел Лев Николаевич. Присев на лавочку, и отдышавшись, он говорит мне: «Принес вам стихи, но вряд ли кто поймет мои каракули. Понимаешь, пальцы от холода совсем перестают слушаться. Давай-ка, я продиктую тебе, так будет лучше».

Не проходило недели, чтобы поэт не появлялся в редакции. Почти половину стихов военной поры Лев Николаевич опубликовал в газете «Республика Абхазия». Также активно он сотрудничал с русской редакцией Абхазского радио. Хорошие контакты, позже перешедшие в дружбу, сложились у Л. Любченко с О. Б. Шамба, возглавлявшем русскую редакцию радио в военное время. Вот как о том вспоминал Олег Багратович: «Работая военным корреспондентом, а затем старшим редактором радио Республики Абхазия, я часто общался с «нашим Левоу», как его любовно называли в кругу близких друзей. Почти каждый день он приходил на радио, приносил новые стихи, и они звучали в эфире. Их слушали и записывали в оккупированном Сухуме, блокадном Ткуарчале, на передовых позициях Гумисты и Лабры. На многие его стихи написаны композиторами песни, которые часто звучали в перерывах между боями. За короткое время Лев Любченко по праву стал самым популярным поэтом Абхазии»².

¹ Владислав Ардзинба. Моя жизнь. Воспоминания. Сухум – 2018. С. 307 – 308.

² Лев Любченко. «Абхазы, абхазы, вы правы...». Сухум – 2003. Олег Шамба. Предисловие. С. 7 – 8.

Высоко ценил поэтический дар Л. Любченко известный абхазский писатель Джума Ахуба. Он, в частности, отмечал, что знает Льва Николаевича «давно, еще в шестидесятые годы писал рецензию на его поэтический сборник». Касаясь военного периода в творчестве поэта, Джума Виссарионович подчеркивал следующее: «Лев Любченко держал слово на пульсе военного времени, и слово его пульсировало как главный нерв войны, проходивший по реке Гумиста»¹.

Верно это замечание, «нерв войны» действительно проходил по Гумисте. Но также помнит и переживает поэт тяжелую участь окруженного врагами города абхазских горняков. Оттого и рождаются щемящие душу слова поэта о блокадном быте ткуарчалцев, о холодной и голодной жизни мирного населения, разделенного и оторванного от «большой земли». И все же, несмотря на тяжкое бремя лихолетья, жива была вера в силу и стойкость горняцкого характера. О том сам поэт скажет так:

«Ткуарчал! Как по сердцу молот!
Войною загнанный в угол
Холодный, голодный город,
Ночами темный как уголь...
Нигде не осталось палочки,
Готовят еду на сучьях,
И бабушки плещут в баночки
Гуманитарный супчик.
А как там наши ребята?
Ведь даже не знаем, живы ли...
Хватило бы им автоматов –
Они с шахтерскими жилами!»².

Малая родина поэта – Гудаута. Этому «зеленому городку», ставшему форпостом абхазской обороны, Л. Любченко посвятил такие, полные гордой, вместе с тем, тревожной озабоченности за судьбу города, и за судьбу Абхазии, поэтические строки:

¹ Лев Любченко. «Абхазы, абхазы, вы правы...». Сухум – 2003. Олег Шамба. Предисловие. С. 4.

² Там же. С. 35 – 36.

«Гудаута, Гудаута,
Мой зеленый городок!
Час настал, пришла минута
Защищать и твой порог...
Здесь без паники, без крика
Будем верить, будем жить.
Нет теперь страны великой –
Будем малую любить!
Город в роли командира,
Стал велик, хотя и мал,
Раз на все экраны мира
Неожиданно попал!»¹.

Стремление души поэта сродни мыслям и деяниям абхазов, среди которых он жил и творил. И для него не были «глубокими» секретами надежды и чаяния народа, особенно в час беды, на поддержку и помощь людей единокровных, в том числе из зарубежной диаспоры. И они прибывали и становились в ряды борцов за независимость и свободу. Но подвиг девушек-абхазок, пришедших из-за моря на зов Родины, стал и для поэта, как и для всех защитников страны, знаковым явлением, знамением того, что Абхазия выстоит и выдержит это трагическое время. Не сомневается в том и Л. Любченко, посвящая «Девушкам из Турции» следующие строки:

«Никогда я не был на Босфоре,
Лишь стихи мне нравились о нем.
Но абхазок, переплывших море,
Увидел я в городе своем.
Хороши отважные девчата
Из соседней солнечной земли,
Может, нашим молодым солдатам
На успех надежду принесли?»².

¹ Лев Любченко. «Абхазы, абхазы, вы правы...». Сухум – 2003. Олег Шамба. Предисловие. С. 20 – 21.

² Там же. С. 23.

Лев Любченко в тот напряженный период своей поэтической деятельности порой находил «окошко» и для перевода стихов коллег на русский язык. Безусловно, он брался за эту работу тогда, когда чувствовал в стихах абхазского собрата по перу «родство душ», когда художественные идеи и мысли, перекликаясь, создавали тот образ правды и истины, в который нельзя было не поверить. О том же стихи абхазского поэта К. Герхелиа (К. Гярхал-ипа) в переводе на русский, озаглавленные «Если погибну за Апсны. Слово брата, бойца-добровольца». Давайте прислушаемся к ним:

«И взглядом орла не уловишь замаха
Кинжала горца, коль он обнажен,
Увидеть трусливым адыга, вайнаха –
Увидеть бредовый бессмысленный сон.
Гранитные нас воспитали громады,
Тропинки, что вьются в горах, как лоза.
Седых наших предков суровые взгляды
Мы сердцем читаем, не глядя в глаза...
Абхазия – край голубой и зеленый,
Пришла злая сила на землю твою.
И все, кому дороги предков законы,
Пошли защищать ее в честном бою...
Я тоже пришел сюда, дав себе слово,
Вести беспощадный и праведный бой.
А тот, кто здесь принял меня за чужого,
Тот сам не кавказец, сам тут чужой...
А может, в бою меня кто-то подстрелит.
Но если погибну за землю Апсны
Всевышний Аллах мою душу поделит
Меж всеми детьми этой вольной страны»¹.

Лев Николаевич нес в военную пору тяжелую ношу поэта – певца абхазской свободы. По-иному он не мог: Любченко жил среди абхазов, не просто как наблюдатель, а как активный и пламенный борец за независимость абхазской республики. И своим поистине выдаю-

щимся поэтическим вкладом в победу вписал свое имя в историю любимого им народа. По поводу главного итога своей творческой деятельности поэт утверждал:

«И я в историю Абхазии
Вошел не с заднего крыльца,
Не в шортах с модными лампасами,
А в форме воина – бойца».

Думается, лучше и вернее не скажешь. Правда и в том, что Л. Любченко, истратив силы и здоровье в лихолетье, прожил недолгую жизнь, скончавшись вскоре после войны. Как писал его друг Олег Шамба, «официальные всенародные почести не достались Леве Любченко ни при жизни, ни после его смерти». А тогда, как отмечал Д. Ахуба, «был холодный, дождливый ноябрьский день 1995 года, когда в Гудауте хоронили нашего дорогого Леву. Все было, как в строчках друга его юности Фазиля Искандера:

«Ломоть поминального хлеба,
Поминальной струи услада.
Бесконечное зимнее небо...
Ледяная гроздь винограда!»¹.

Добавлю к тому, что провожающих в последний путь поэта было не много: соседи и родственники жены, да из Сухума А. Гогуа, О. Шамба, Д. Ахуба и автор этих строк.

Буквально перед кончиной Л. Любченко приняли в Союз писателей, а государственная награда – орден Леона – ему была присвоена посмертно, к десятилетию Победы. О. Шамба издал за свой счет книжку стихов поэта в 2003 году. Все же, наверное, мы в долгу пока еще перед поэтом-трибуном, воспевшим Отечественную войну народа Абхазии. Нелишне было бы власть имущим и общественности подумать об увековечении имени Л. Любченко: скажем, присвоить одной из школ имя поэта, издать на качественном уровне его поэтические произведения.

¹ Газета «Республика Абхазия», № 15. 30 октября – 1 ноября 1992 года.

¹ Лев Любченко. «Абхазы, абхазы, вы правы...», Сухум – 2003. С. 4.

Завершая очерки абхазской публицистики военной поры, рамки которых, безусловно, шире и разнообразнее, нежели данный экскурс, приведем теплые слова воспоминаний В. Г. Ардзинба о молодом российском поэте А. Бардодыме, которого он характеризовал таким образом: «Среди тех, кто способствовал нашей победе, надо отметить Александра Бардодыма. Он хорошо знал Абхазию. Познакомился с ее историей и культурой еще тогда, когда учился в Литературном институте, на факультете художественного перевода (абхазская группа). Об этом говорят его изданные стихи, среди которых «Песни бзыбских абхазов», «Переводы из абхазской поэзии»: Б. Шинкуба, М. Ласурия, Т. Аджба и др. Особой популярностью пользовалось стихотворение «След крыла», ставшее песней благодаря Алимсултанову.

Над грозным городом раскаты,
Гуляет буря между скал.
Мы заряжаем автоматы
И переходим перевал...

Это было очень актуально в то трудное время. А. Бардодым – красивый человек, молодой московский поэт, журналист, ни минуты не раздумывал, на чью сторону ему встать. Здесь же, в Абхазии, в сентябре 1992 г. он сложил свою голову. Но опубликованная книга стихов «След крыла» напоминает нам об этом замечательном человеке»¹.

Завершая разговор о публицистике военного времени, считаем необходимым уточнить следующее обстоятельство. Отмеченное выше не означает, что только упомянутые публицисты своими произведениями обеспечивали идейную и духовную поддержку справедливой борьбы абхазов и союзников с агрессорами. Отнюдь нет, фронт идеологической и информационной борьбы с противником был многократно шире. Это, безусловно, средства информации Абхазии, России и дальнего зарубежья, все те труженики пера и электронных средств доброй воли, освещавшие события грузино-абхазской войны непредвзято и не в силу конъюнктурных соображений,

а в соответствии со своей совестью и профессиональной этикой. Это позволило, как отмечал зачинатель агрессии Э. Шеварднадзе, абхазским СМИ (в содружестве с российскими изданиями, разумеется. – **В. Ч.**), выиграть единоборство в информационной схватке с грузинскими средствами информации.

При этом отметим, что «организатором этой победы на информационном поле, как и самым активным ее участником, что явно заметно по выступлениям национального лидера в абхазских, российских и зарубежных СМИ, являлся глава Абхазии В. Ардзинба. Сегодня нельзя не признать, что информационная политика, умело поставленная усилиями Владислава Григорьевича в тяжелую военную пору, сумела доказать мировому сообществу идейно-духовную правоту абхазского народа, отстаивавшего свою свободу в кровопролитной войне с превосходящими силами грузинского агрессивного национализма»¹.

¹ Владислав Ардзинба. Моя жизнь. Воспоминания. Сухум – 2018. С. 308.

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум – 2017. С. 272.

• ГЛАВА ПЯТАЯ •

ПОСТВОЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА (1993 – 2019 гг.). САМОЕ СТРАШНОЕ – ПОЗАДИ, САМОЕ ТРУДНОЕ – ВПЕРЕДИ

Этой формулой, теперь уже ставшей афористической, глава победившей Абхазии Владислав Ардзинба предупреждал сограждан, что, хотя смертельная опасность для народа миновала, но впереди предстоит тяжелое время защиты завоеванной кровью независимости. И защищать свободу абхазов от врагов и недругов предстояло в процессе создания властных структур и институтов государственности. Обеспечение всех этих факторов созидательной деятельности было бы намного сподручнее при эффективной постановке информационной политики, подключении средств информации и всего актива СМИ к главным, узловым проблемам, стоявшим перед народом и государством, только что вышедшими из войны.

Следует также отметить и то, что если в военное время для публицистов и журналистов основная тематика произведений была направлена на разгром врага и изгнание его из пределов страны, то теперь задачи менялись. Можно сказать, что деятельность средств информации, а значит, и публицистики, охватывала более широкий диапазон. Наряду с постановкой вопросов внутренней жизни общества, для публицистов и журналистов вставала задача освещения «проблем безопасности страны, переговорного процесса между Грузией и Абхазией под эгидой ООН и при посредничестве Российской Федерации. Также необходимо было противостоять политике изоляции победившей Абхазии посредством политических, экономических и информационных санкций, процессам, связанным с попытками союзников Тбилиси организовать массовое и неконтролируемое возвращение грузинских беженцев в послевоенную Абхазию»¹.

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум – 2017. С. 273.

Напомним, что российские санкции Абхазии были объявлены ельцинским руководством в сентябре 1993 году, в связи с проведением военной операции по освобождению столицы Абхазии – Сухума от грузинских оккупантов. В планы Кремля такое развитие ситуации не входило. Подтверждением тому заявление правительства Российской Федерации, в котором говорилось: «Правительство России требует от абхазского руководства незамедлительно остановить боевые действия, прекратить огонь, отвести свои формирования на исходные рубежи. Отказ от этого будет рассматриваться как вызов со всеми вытекающими политическими и экономическими последствиями». И, как далее отмечает В. Ардзинба, «санкции не заставили себя долго ждать. 19 сентября Распоряжением Совета Министров РФ «признанно необходимым: воздержаться от принятия решений по просьбам руководства Абхазии о льготных условиях торгово-экономических и финансово-кредитных связей для этой республики до обеспечения абхазской стороной соблюдения своих обязательств по сочинскому соглашению; прекращение энергоснабжения Абхазии с территории России;... меры к пресечению незаконных передачи и продажи с территории РФ абхазским вооруженным формированиям вооружения и военной техники»¹.

Вопреки ожиданиям Москвы реакция абхазского руководства на российский ультиматум оказалась решительной. Владислав Ардзинба в своем письме премьеру В. Черномырдину, в частности, писал: «Руководство Республики Абхазия считает, что Распоряжение Совета Министров Российской Федерации о введении экономических санкций против Абхазии является решением фактически поощряющим агрессора и направленным против жертвы агрессора, что не может быть ничем оправдано»².

Несмотря на санкции и угрозы, вскоре, 30 сентября, Абхазия освободилась от грузинской оккупации. Лишь часть территории – Кодорское ущелье оставалось под контролем грузин. Туда абхазским военным путь был заказан Кремлем, перешагнуть волю которого не решился даже В. Ардзинба. Решение этого вопроса, чтобы не перебрать в противостоянии с ельцинским руководством, глава Абхазии

¹ Владислав Ардзинба. Моя жизнь. Воспоминания. Сухум – 2018. С. 304.

² Там же. С. 305.

оставил на перспективу. Учитывал он и то, что там, в ущелье, коренного абхазского населения не оставалось со времени махаджирства.

Вскоре, с ноября 1993-го по февраль 1994 года состоялись грузино-абхазские переговоры о полномасштабном урегулировании под эгидой ООН, а также при участии СБСЕ и Российской Федерации, вначале в Женеве, затем в Нью-Йорке. Состоялись три раунда, на том дело и остановилось, разумеется, не без тайного умысла одной из сторон. Ясное дело, что Абхазская сторона как раз и была заинтересована в положительном результате, то есть, замирении с грузинами. Но не тут-то было: дело стало клониться к худшему сценарию. С грузинской стороны вновь зазвучали привычные угрозы в адрес абхазов, а во властных структурах заговорили о реванше, призванном вернуть Абхазию в лоно Грузии.

Свои соображения в связи с обострившейся обстановкой в регионе грузино-абхазского противостояния высказал глава Абхазии В. Ардзинба в ряде российских изданий. Так, на пресс-конференции в Москве он назвал зачинщиками обострения ситуации грузинский парламент, принявший 10 марта 1994 года постановление, которое, по словам абхазского лидера, начинается со смехотворного вывода, что абхазами оккупирована территория современной Грузии – Абхазия. Этим постановлением распущен Верховный Совет Абхазской АССР и поставлен вопрос о привлечении депутатов Верховного Совета Республики Абхазия к уголовной ответственности. Далее В. Ардзинба делает закономерный вывод: это решение парламента сделало невозможным дальнейшее продолжение переговоров о мирном политическом урегулировании конфликта. Оно полностью вытекает из выступления Э. Шеварднадзе в Совете Безопасности ООН 9 марта 1994 г., в котором он высказался за роспуск ныне действующих органов государственной власти Абхазии. Все это свидетельствует о том, что грузинская сторона вновь сделала ставку на силовое решение проблемы¹.

В аналитическом материале, опубликованном в газете «Советская Россия», В. Ардзинба характеризует ситуацию вокруг Абхазии таким образом: «Есть, по крайней мере, два обстоятельства, которые усиливают агрессивные настроения грузинского руководства,

подталкивают его к тому, чтобы взять реванш. Это, во-первых, подписание договора с Россией, во-вторых, поддержка, которую Шеварднадзе снова получил на Западе, в частности, во время его недавней поездки в США. Должен напомнить, подчеркивает Владислав Григорьевич, что, когда у нас шла война, российским руководством делались неоднократные заявления о том, что, пока не будет полностью урегулирована обстановка в Абхазии и Южной Осетии, никакой договор с Грузией подписываться не будет. И вот, вопреки собственным заявлениям, вопреки тому, что урегулирования так и не произошло, более того, сохраняется угроза возобновления боевых действий, Россия пошла на подписание договора».

Из сказанного выше В. Ардзинба делает следующие выводы: «При этом (Россия. – **В. Ч.**) признала территориальную целостность Грузии. Что это значит с правовой точки зрения? Только то, что у России нет территориальных притязаний к Грузии. Грузинское же руководство трактует это как признание того, что Абхазия входит в состав Грузии, хотя это уже другой вопрос – вопрос наших внутренних взаимоотношений».

Опасность грузино-российского договора, по уверению В. Ардзинба, Абхазии несет статья о передачи Грузии вооружений, оказании ей помощи в реорганизации армии. Он напоминает о том, что «... повторяется ситуация, которая уже была в 1992-м, когда по Ташкентскому соглашению Грузия получила вооружение, после чего сразу же развязала агрессию. Сегодня, беря на себя обязательства вооружать Грузию, Россия опять дает ей карт-бланш на ведение войны».

Воинственная позиция руководства Грузии, как указывает абхазский лидер в отмеченной публикации, также следствие поездки Шеварднадзе в США и поддержка его планов (по интеграции Абхазии в состав бывшей метрополии. – **В. Ч.**) американской администрацией. Опасность для Абхазии и в том, как подчеркивает В. Ардзинба, что и в США Шеварднадзе подписал совместно с американцами заявление о военном сотрудничестве, в соответствии с которым США будут оказывать Грузии помощь в реорганизации армии и вооружений, подписан также документ о создании совместной программы безопасности.

Также вызывает интерес такой вывод главы Абхазии, дружелюбно настроенной к России, о том, что «определенные круги в

¹ Газета «Республика Абхазия», 18 – 22 марта 1994 года.

России занимают странную позицию в отношении безопасности собственной страны, проводят политику скорее в интересах Запада, чем самой России. Западу ведь не нужна ни сильная Грузия, ни сильная Россия, он просто использует сложившуюся у нас ситуацию для того, чтобы усилить собственное влияние и даже присутствие в этом регионе»¹.

Заметим, что это было подмечено в первой половине 90-х годов минувшего столетия, когда планы по вытеснению Российской Федерации в регионе Южного Кавказа только-только намечались Западом, в частности, США. Москва же, отталкивая Абхазию, тогда заигрывала с руководством Грузии, которое уже через год-два, сменив геополитические ориентиры, будет следовать в военнополитическом форватере западной коалиции. И потому Владислав Григорьевич, предвидя подобную ситуацию, предупреждал здоровые силы России, что там у них есть политики, занимающие «странную позицию, скорее в интересах Запада». Речь, конечно, шла о людях из окружения Б. Ельцина, в первую очередь, министре иностранных дел РФ Андрее Козыреве, проживающем ныне в эмиграции – в США.

Как видим, небольшой обескровленной стране с разрушенной войной экономикой, с установленными РФ санкциями, находившейся к тому же в ожидании новой агрессии со стороны Грузии, надо было во что бы то ни стало выиграть передышку в окружении коалиции прогрузинских сил – руководителей стран Запада, России и СНГ. И в такой ситуации В. Ардзинба выбирает стратегически верное направление абхазской политики. Тщательно взвесив сложившуюся ситуацию, и, несмотря на несправедливую санкционную политику Кремля, он настраивает идеологическую и политическую деятельность органов власти и средств массовой информации на пропаганду необходимости установления стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Абхазия. Он всегда напоминал в своих выступлениях, в том числе и в печати, что тесное единство с кровнородственными народами Северного Кавказа является залогом безопасности абхазского народа и его государственности. Не раз он подчеркивал и такое обстоятельство,

что правители сменяются, а отношения народов России и Абхазии всегда были и останутся братскими.

И это были не просто слова. Владислав Григорьевич личным примером показывал силу и значение оружия слова в деле защиты национальных интересов. Тогда это было особенно жизненно важно, поскольку иные способы отсутствовали в силу политических и экономических санкций. Так что СМИ и публицистике главы Абхазии придавал большое значение. Его частые выступления, как в местной печати, так и в зарубежных средствах информации, имели ряд важнейших целей. С одной стороны, они показывали реальную картину тяжелого положения абхазской республики в условиях блокады, с другой – языком ярких публицистических выступлений В. Ардзинба пытался донести до общественности влиятельных стран мира, в частности, России политические планы и намерения абхазского руководства, которые скрывались и замалчивались руководством этих стран. В этом абхазский лидер использовал разнообразные формы публицистики, начиная от интервью, пресс-конференций, брифингов, до обращений, заявлений и писем в адрес международных организаций, политиков и руководителей различных стран.

Так, в далеко не полном собрании публицистических выступлений В. Ардзинба, изданном в 2011 году под заголовком «Мы шли на смерть, чтобы жить», послевоенному периоду посвящается 169 произведений Владислава Григорьевича: его интервью, беседы, пресс-конференции, теле- и радио- выступления, письма и заявления. Безусловно, львиная доля публикаций приходится на российские средства информации. Это и понятно, Москва – главный игрок в политическом треугольнике Абхазия, Грузия и Россия. К тому же ельцинское руководство занимает прогрузинскую позицию, как правило, не выгодную даже самой России. На это часто акцентирует внимание в своих публикациях В. Ардзинба, в доходчивой и привлекательной форме разъясняя российской общественности положение дел и вещей. Все ведущие газеты Российской Федерации стремятся установить контакт с абхазским лидером и сделать эксклюзивный материал с ним. Это видно по перечню содержания вышеотмеченного сборника публицистических произведений В. Г. Ардзинба.

¹ Газета «Советская Россия», 24 марта 1994 года.

Здесь следует уточнить некоторые моменты ситуации, сложившейся в Абхазии. То, что В. Ардзинба за короткий период времени устанавливает большое число контактов с всевозможными изданиями, что вряд ли имело место даже у лидеров больших и признанных государств, это, безусловно, его прямая заслуга. Он сам постоянно стремится использовать тот самый единственный канал, по которому только и можно довести информацию до мировой общественности о бедах Абхазии, блокированной могущественными государствами при молчаливой поддержке высоких международных организаций.

Из абхазских изданий чаще всего Владислав Григорьевич обращается к газете «Республика Абхазия». За послевоенный период работники редакции «РА» сделали с главой Абхазии несколько десятков эксклюзивных интервью и бесед. Активно сотрудничает он с Абхазским телевидением и радио, был такой период, когда В. Ардзинба еженедельно выступал на абхазском радио. Его публицистика, предназначенная абхазским СМИ, поднимает такие темы, которые очень важны для абхазского общества, причем еще долгое время, а быть может, они имеют непреходящее значение. Вспомним его публицистические выступления, в которых он ставил задачи по дальнейшему развитию абхазского языка, разъясняя подробнейшим образом огромное значение деятельности всех звеньев структуры в этой области. Подчеркивал при этом, что без становления и развития родного языка, и, что самое главное, без его знания, не может состояться ни государство, ни этническое сообщество, название которому – народ. Культура, наука, природа, молодежная и сельская проблематика, наши соотечественники за рубежом и братские народы на Северном Кавказе – все заботило национального лидера, о многом из того он постоянно размышлял, говорил, как средствами электронных СМИ, так и писал на страницах абхазской печати.

Та же публицистика, где В. Ардзинба выступает как выдающийся политик и государственный деятель Закавказья, содержится как в СМИ Абхазии, так и в средствах информации стран ближнего и дальнего зарубежья. Вышедшая из войны победителем Абхазия под его руководством пытается на равных выстроить отношения – политические, экономические, дипломатические – с ведущими

странами мира. Глава Абхазии, в частности, в постоянном контакте с политиками и дипломатами таких государств, как Россия, Великобритания, Франция, Германия, США, опекающими Грузию. И неудивительно, что многие в мире, как в верхах, так и в низах, поражены стойкостью, силой воли, гибкостью лидера небольшой страны, которой противостоят мощные «центры силы». Российские электронные и печатные средства информации, самые значительные издания – «Известия», «Независимая газета», «Правда», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Коммерсант» и прочие были рады сотрудничеству с выдающимся абхазским лидером. И это потому, что «журналисты быстро поняли, что сделать с Ардзинба материал – это уже успех. Он стал почти легендарной личностью, нанесшей поражение кумиру запада Э. Шеварднадзе. К тому же он интересный собеседник. Его язык настолько точен, образен, колоритен, что журналистам не приходилось испытывать муки творчества в поиске названия – брали прямо из текста Владислава Григорьевича слова или целые фразы в заголовок публикации. И читатель сразу понимал, в чем суть дела. К примеру, заголовок к интервью, опубликованному журналистом И. Черновым в газете «Северный Кавказ»: «Если Грузия снова начнет войну, это будет война не с Абхазией, а со всем Северным Кавказом» («РА», 6 ноября 1993 года). Очень красноречивый, многозначительный заголовок. И задуматься над ним, видимо, предстояло не только Грузии, но и тем, кто всячески поддерживал Тбилиси, подогревая его реваншистские устремления»¹.

В. Ардзинба был знаком со многими главами бывших советских республик, крупными политиками и государственными деятелями. Он неоднократно встречался с главой России Б. Ельциным, а также с премьер-министрами и министрами правительства РФ, руководителями и депутатами российского парламента Гайдаром, Черномырдиным, Примаковым, Грачевым, Козыревым, Шойгу, Хасбулатовым, Селезневым, Ворониным, Абдулатиповым и другими. После войны, весной 1994 года, глава Абхазии в зарубежной поездке – в Швейцарии, Нью-Йорке, Москве. Он встречался и беседовал с зам. Генсека ООН

¹ В. Г. Ардзинба. Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений 1992 – 2005. Предисловие В. Чамагуа. Сухум – 2011. С. 12.

Гулдингом, председателем Совета Безопасности ООН Мэриме, другими высокопоставленными работниками этой международной организации. Владислава Ардзинба принимали в Турецком парламенте, беседовал он и с министром иностранных дел Турецкой республики Джемом. Российское руководство, осознавая, что Владислав Григорьевич пользуется огромным авторитетом у народов Северного Кавказа, пыталось получить у него в 1994 году официальное одобрение «наведению конституционного порядка» в Чеченской Республике. Вместо того «В. Ардзинба, глава маленькой непризнанной страны, смело и открыто обращается к Президенту России. В этом емком и принципиальном обращении абхазский лидер предостерегает руководство России от военного способа разрешения разногласий с Чечней. В послании он, в частности, напоминая о прошлом чеченского народа, подчеркивает: «Сегодня, когда речь идет о судьбе целого народа, репрессированного в недавнем прошлом, не время искать правых и виноватых, главное – не допустить кровопролития»¹. В отместку по личному указанию руководителя Российской Федерации Бориса Ельцина ужесточаются политические, экономические и информационные санкции против «строптивного» руководства Абхазской республики.

Несмотря на объявление санкций, интерес со стороны различных изданий к Абхазии усиливается. Тому способствует харизма абхазского лидера. «С журналистами, за редким исключением (речь о нескольких абхазских одиозных изданиях того времени), В. Ардзинба легко находил общий язык. Глубокое знание предмета разговора, широкая эрудиция, умение вести диалог, простота в общении – все эти качества абхазского лидера оставляли у собеседников глубокое впечатление». Автором этих строк уже отмечалось ранее, что встречи Владислава Григорьевича с журналистами, судя по публикациям, не были избирательными. К примеру, «наряду с беседой на всемирно известном радио «Свобода» или «ВВС», Президенту Абхазии могли свободно задавать вопросы журналисты, скажем, краевой газеты «Вольная Кубань», «Голоса Украины» или же Санкт-Петербургской «Смены»...

... В. Ардзинба – политик никогда не перегибает палку в отношениях с той же Россией, не выказывает прилюдно обиды по по-

¹ Газета «Республика Абхазия», 16 – 21 декабря 1994 года.

воду ограничительных санкций Москвы против Абхазии. Наоборот, он постоянно призывает учитывать реалии, по которым Кремлю не следует отталкивать абхазов в угоду Тбилиси, который давно уже смотрит не в российскую, а западную сторону. На единение и взаимное сотрудничество соседних народов нацелены, например, интервью главы Абхазии в ряде газет Северного Кавказа, Кубани и Абхазии. Однако тактика и стратегия информационной политики абхазского лидера не всегда однозначна. Вот, скажем, В. Ардзинба дает интервью региональной, но весьма влиятельной газете «Комсомолец Кубани». В заголовке публикации его прямая речь: «В. Ардзинба: все зависит от России»¹.

Ясное дело, «посыл Ардзинба, ведущего борьбу за отмену удушьющих послевоенную страну экономических санкций, понятен. Он знает, что его слова о России, от которой «все зависит», с пониманием воспринимаются кубанскими читателями – нашими близкими соседями. Это, разумеется, психологический прием в политике (которая, однако, у него открытая и искренняя)»².

Главный рефрен всех публицистических произведений В. Ардзинба послевоенного периода, в том числе и в зарубежных СМИ – это формула абхазского лидера о том, что «независимость Абхазии не является предметом обсуждения». Такова однозначная позиция Владислава Григорьевича, которая четко просматривается, как в абхазских средствах информации, так и в ведущих печатных изданиях России, например, в газетах «Советская Россия», «Правда», «Независимая газета» и других. Так, на излете девяностых он уже уверенно утверждал, что Абхазия будет признана в качестве независимого государства, и что такое судьбоносное решение первой примет Российская Федерация: «Думаю, что рано или поздно мы дождемся того, что Россия признает независимость Абхазии. И дождемся мы этого не от каких-то политических кругов, а именно от тех, кто будет руководить Россией», – прозорливо заключал свое интервью в «НГ» Владислав Григорьевич³.

¹ Там же. 19 января 1994 года.

² В. Г. Ардзинба. Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений 1992 – 2005. Сухум – 2011. Предисловие В. Чамагуа. С. 12.

³ «Независимая газета», № 185, 5 октября 1999 года. // Газета «Республика Абхазия», 23 – 24 октября 1999 года.

Пророческие слова великого Владислава свершились. Еще при его жизни руководство Российской Федерации приняло историческое решение о признании независимости Республики Абхазия. В своем поздравительном послании, опубликованном в газете «РА», Владислав Григорьевич отмечал: «Дорогие соотечественники! День 26 августа 2008 года навсегда войдет в историю нашей страны как важнейшая веха, знаменующая собой поистине эпохальное событие – признание независимости Республики Абхазия. Для реального воплощения вековых чаяний и надежд нашего народа на свободное существование и развитие ему пришлось пройти многострадальный и тернистый путь национально-освободительной борьбы. Бремя тяжелых испытаний легло на плечи многих поколений борцов за свободу и независимость. Немало истинных патриотов нашей Родины принесли себя в жертву этой священной борьбе».

Подчеркнул он в своем обращении и значение великого подвига защитников Родины в войне против грузинских оккупантов, что стало кульминационным периодом завершающего этапа национально-освободительной борьбы абхазов за свободу и независимое существование от грузинской метрополии. Об этом трагическом и вместе с тем судьбоносном времени Первый Президент и Главнокомандующий В. Ардзинба сказал таким образом: «В 1992 – 1993 годах, когда грузинские агрессоры поставили перед собой цель уничтожить нашу государственность, на защиту нашего Отечества встали сотни и тысячи достойных сынов абхазского народа. И в этой кровопролитной борьбе рядом с нами стояли многие добровольцы из братских республик Северного Кавказа, Юга России, наши зарубежные соотечественники. Отечественная война народа Абхазии завершилась изгнанием грузинских оккупантов с территории нашей республики. Мы преклоняемся перед памятью всех, кто положил свои жизни на алтарь Победы!».

Национальный лидер также не преминул высказать в обращении высокую оценку и слова благодарности российскому руководству за решительность и мужество, сопряженные с признанием абхазской независимости. О значении этого, поистине эпохального события, В. Ардзинба заключал следующее: «Сегодня многонациональный народ Абхазии празднует еще одну великую победу. Нас окрыляет смелое и мудрое решение, принятое политическим ру-

ководством России (вспомним его же прозорливое предсказание десятилетней давности о том, что независимость Абхазии рано или поздно будет признана теми, кто будет руководить Россией. – В. Ч.). Там же, в послании, он предрекал, что «скоро мы услышим добрые вести об аналогичных решениях ряда других государств».

Первый Президент указывает и на такое обстоятельство, свидетельствующее о том, что признание – это не дар и не случайность, а закономерная и справедливая оценка исторических и современных политических реалий, через которые прошли два древнейших народа Кавказа. Напоминая о том, Владислав Григорьевич отмечал следующее: «Я от всей души поздравляю народ Абхазии и братский народ Южной Осетии, испытавший все ужасы грузинской агрессии, с долгожданной Победой. Абхазы и осетины – древние автохтонные этносы Кавказа, чья история и самобытная культура относятся к седой древности. Их право на суверенитет и политическое самоопределение подкреплены многовековыми традициями государственности».

Завершая послание, В. Ардзинба от всей души высказывает свои поздравления и пожелания в связи с признанием Россией независимости абхазов и осетин от грузинской метрополии. Он искренне провозглашал: «Сердечно поздравляю народы Республики Абхазия и Республики Южная Осетия с признанием независимости! Желаю мира и процветания нашим государствам. Мира, стабильности и благополучия всему Кавказу и всей Российской Федерации»¹.

Уже минуло более четверти века с того эпохального события – победоносного завершения грузино-абхазской войны и обретения народом и страной абхазов свободы и независимости от грузинской метрополии. Исполнилась вековая мечта абхазов стать на деле хозяевами своей судьбы, что впервые за долгое время прозвучало на задворках большой и «малой» империй позволило решать и продвигать самостоятельно проблемы дальнейшего развития и становления абхазского общества и государства. Этому, наряду с политико-экономической и идейно-духовной составной, способствует также абхазская публицистика, получившая мощный им-

¹ Газета «Республика Абхазия», 2 – 3 сентября 1998 года. // В. Г. Ардзинба. Сборник интервью и выступлений 1992 – 2005. Сухум – 2011. С. 624 – 625.

пульс под воздействием героизма защитников Родины, строительства независимого демократического государства – Республики Абхазия. За минувшие годы стала весомее и разнообразнее печатная продукция, значительно увеличилось число абхазских публицистов из числа ученых, писателей, поэтов, представителей широких слоев интеллигенции.

В то же время следует отметить, что видными и активными публицистами в отмеченное время проявили себя представители старшего и среднего поколения интеллигенции Абхазии, прошедшие закалку в прошлых и недавних битвах с апологетами грузинского агрессивного национализма. Впрочем, этот процесс еще далеко не завершён, и, как видится, такая перспектива пока даже не просматривается. Нельзя также не сказать, что ряды отечественных публицистов в послевоенное время пополнились молодыми талантами из среды ученых, деятелей науки и культуры. Здесь нельзя пройти и мимо тех, кто работает на штатной основе в печатных и электронных СМИ, ежедневно выдает интеллектуальную продукцию. И она, безусловно, является каждодневной газетной или иного рода публицистикой, из сонма материалов которой также можно вычленивать общественно значимые произведения, затрагивающие «болевые точки», иные крупные проблемы, стоящие в «повестке дня» общества и государства.

Вряд ли кто будет оспаривать и то, что главенствующая роль, как в публицистике, так и в организации информационной политики на рубеже веков, принадлежит Владиславу Ардзинба. Свидетельством тому сотни публикаций на десятки тем, разбросанных в СМИ Абхазии, ближнего и дальнего зарубежья. О числе и качестве публицистических произведений Первого Президента РА можно судить, все же, полагаем, не в полном объеме, по сборникам и книгам, вышедшим после войны. О том свидетельствуют такие источники, как произведения о национальном лидере: «Эпоха Ардзинба», «Наш Владислав», фотоальбом «Владислав Ардзинба», сборник «Интервью и выступления В. Г. Ардзинба», «Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.)», книга воспоминаний В. Ардзинба «Моя жизнь» и другие.

В то же время за последние два десятка лет после войны в республике было издано значительное число литературно-художественных и публицистических книг и сборников видных писателей,

поэтов, публицистов, деятелей науки и культуры. Помимо того, что следует особо отметить, многие авторы этих произведений часто выступали на страницах печатных изданий, в передачах радио и телевидения по злободневным проблемам экономики, политики, общественной жизни, как современного абхазского общества, так и по фактам и событиям не столь давнего прошлого. Впрочем, одно от другого отделить невозможно: грузино-абхазские противоречия, зашедшие в тупик четверть века тому назад, вконец разрешились не по вине абхазов, разумеется, кровопролитным противостоянием в обличье разрушительной и жесточайшей войны. И в новых обстоятельствах, пока еще не очень комфортных, но разительно свободных и самостоятельных, произошло окончательное размежевание господствующих и подопечных – метрополии и колонии. Наверное, пока еще в абхазском обществе, за молодостью лет, свободе и независимости не всегда сопутствует гражданская ответственность, без чего вряд ли возможно скоро и качественно наладить человеческие отношения (общественное согласие). А в отсутствие оно, полагаем, весьма проблематичным является дальнейшее развитие и становление, как духовное, так и материальное. О том напоминают обществу произведения литераторов, публицистов, журналистов, увидевшие свет в послевоенное время.

В этом плане можно назвать книги и сборники, изданные в рамках указанного периода. Это труды видных абхазских историков: А. Куправа «Люди: время и жизнь» (Сухум – 2010), С. Лакоба и Ю. Анчабадзе «Абхазский архив...» (Москва – 2002). Также книги известных писателей А. Гогуа «Глагол» (Сухум – 2004), Д. Ахуба «Чтоб далеко пойти...» (Сухум – 2003), видного абхазского экономиста, профессора, академика О. Шамба «Летопись войны: грузинские беженцы – кто они?» (Сухум – 2007), ученого – историка, деятеля абхазского национально-освободительного движения И. Марыхуба «Из истории национально-освободительной борьбы абхазского народа (70-е годы XX века)» (Сухум – 2009), журналиста и публициста Б. Тужба «Абхазская историческая публицистика» (Сухум – 2004), доктора филологических наук С. Зухба «На сквозняке времен» (Сухум – 2006) и другие. О некоторых из них ниже скажем подробнее.

Книгу академика А. Куправа «Люди: Время и Жизнь», содержащую биографические очерки, или, по определению автора, «исторические портреты ярких деятелей Абхазии XIX – XX веков», по праву можно назвать также сборником очерков исторической публицистики. Историк и публицист А. Куправа описал, можно сказать, лаконично, но вместе с тем содержательно, разные эпохи, как и живших и действовавших в то время заметных людей. Они и составили целую галерею «героев» своего времени, жизнью и делами вписавших свое имя в историю Абхазии. Здесь и очерки «об отдельных представителях абхазского дворянства...», целая глава отведена «абхазской интеллигенции конца XIX – XX веков», значительное место в книге автор уделил «деятелям науки, абхазским революционерам, участникам освободительного движения, государственным и общественным деятелям, передовикам социалистического народного хозяйства, абхазским долгожителям – сказителям, народным ораторам (XIX – XX вв.)».

Познавательна и интересна, на наш взгляд, оценка самого автора, созданной им же «биографической публицистики». О том он сообщает читателям следующее: «Жизнь каждого человека увязана со временем. Он живет немислимо короткий срок. Как по внешнему облику, так и по характеру, внутреннему содержанию люди разные. Разумеется, и биографии их индивидуальны. Они весьма насыщены, содержат богатую информацию, как о конкретных людях, так и об эпохе их жизнедеятельности. Каждая отдельная биография представляет исключительно историко- познавательную ценность, поучительна для грядущих поколений».

Короткими, можно сказать, лаконичными мыслями, но весьма содержательными по своей сущности характеризует А. Куправа временные рамки продолжительностью более чем в два века, через которые прошла страна абхазов. Например, он утверждает, что в последние два столетия в истории Абхазии поворотными стали следующие эпохальные события: «Вхождение страны в состав России (1810), установление Советской власти (1921), образование Республики Абхазия (июль 1992 г. – **В. Ч.**), ликвидация социалистической системы и переход к рыночной экономике (1991. – **В. Ч.**)». Арвелод Эрастович также подчеркивает, что «эти перемены были обусловлены глобальными мировыми процессами и происходили в чрез-

вычайно сложных условиях, невероятно болезненно (вспомним трагические события, связанные с присоединением Абхазии к Российской империи и массовым исходом абхазов из Отчизны. – **В. Ч.**).

Весьма полезен для познания минувших реалий, думается, и следующий его аналитический посыл, которым он в сжатой, емкой форме отмечал воздействие социально-политических изменений, как в целом на людей, так и на отдельно взятого человека. «Каждая эпоха, рассуждает ученый, несет и утверждает свои порядки, нормы жизни, законы. Они резко отличны. Переход от одних общественных порядков, например, от традиционных абхазских к законам и нормам жизни российского имперского режима, а от них к социалистическому образу жизни, а в последнее время – к порядкам и нормам, порожденным товарной экономикой, в корне меняют положение общества в целом и каждого его члена».

Все верно подмечено историком и публицистом А. Куправа: и трансформация времени, общественной системы, уклада жизни народа, а уж точнее всего – его выводы из сказанного. О том, к примеру, что «такие частые перестройки политических и социально-экономических устоев общества не вытекали из внутренних потребностей абхазского общества, а были навязаны внешними силами»¹.

Заметим все же для ясности, что в выше отмеченном высказывании автора упомянутой книги речь не идет об изменениях, связанных с освободительной борьбой абхазов против грузинской метрополии и созданием независимой Республики Абхазия. Это, как известно, стало закономерным явлением, вытекавшим из вековых чаяний абхазского народа.

Независимость и свобода, как свидетельствует та же история, не достигаются легко и просто, никто ими не одаривает и не награждает. На примере десятков, а может, и сотен лет национально-освободительной борьбы абхазов можно сделать неоспоримые выводы, что для достижения поставленных целей – независимости и свободы – требовалась постоянная самоотдача, а иной раз и самопожертвование, авангардной части общества. Опыт нашей борьбы, а иной раз и сражений, показал, что в самое ответственное время движение за свободу должно возглавляться признанным в наци-

¹ Арвелод Куправа. Люди: Время и Жизнь. Сухум – 2010. С. 5.

ональном масштабе лидером. Но всему этому, как правило, предшествует многолетняя подвижническая, временами кропотливая, но всегда неустанная деятельность лучших сынов народа в разные эпохи. Тем самым постоянно поддерживается дух пассионариев в среде абхазского общества. Тогда, при стечении названных обстоятельств, и становится возможным успех, как это и случилось в новейшей истории Абхазии.

Впрочем, есть немало примеров из прошлого о том, как многие страны вершили подобную историю. Это случалось там, где в обществе витал крепкий пассионарный дух, где народы в судьбоносные периоды возглавлялись выдающимися лидерами, приводившими к победе. О том и говорят имена великих подвижников, таких, как Вашингтон, Ганди, Кастро, Мао Цзэдун, Ататюрк, Мандела, Насер и другие исторические личности, приведшие свои страны и народы в ходе решительной борьбы с метрополиями к свободе и независимости. Но есть также и примеры обратного порядка, где освободительная борьба народов продолжается столетиями, а до свободы все еще далеко, или же конфликты заморожены до лучших времен. Давно тлеет, временами разгораясь, освободительная борьба в таких регионах, как Шотландия, Северная Ирландия, Баскония, Каталония и в некоторых других частях мира, но пока безуспешно, хотя в массовых протестах недостатка нет. Безусловно, тому не одна причина, но главная, полагаем, все же проблема в отсутствии в тех странах и народах харизматически одаренной личности с лидерскими качествами, какими обладали выше перечисленные легендарные личности. Вот, скажем, Абхазия добилась свободы, а пассионарная среда семимиллионной Каталонии бьется десятилетия против метрополии, как морская волна о берег, а результата все нет. Как и нет там лидера, способного самоотверженно, но с умом, вести массы к свободе. У нас был лидер, поставивший свою судьбу, в соответствии с древнеабхазским кодексом чести, на «кон» в той трагической ситуации, когда никто не мог предсказать исход кровопролитного противостояния. Иные же в затруднении, что подтверждают недавние события в той же Каталонии, сразу бегут просить пощады за свои «революционные» прегрешения в Брюссель. Так, конечно, свободу не обрести, скорее – поражение. Впрочем, известно, что у Европы свои порядки.

У абхазов же – свои традиции, отмеченные высоким патриотическим духом, давним и самоотверженным служением Отчизне передовых людей своего времени, представителей крестьянства, интеллигенции, высших слоев абхазского общества. Именно такой, весьма широкий срез абхазского общества (19-го и 20-го столетий) показан в книге очерков А. Куправа.

Несомненно, следует еще раз подчеркнуть большой объем научной и творческой работы исследователя при создании и упомянутой книги, содержащей 149 очерков достойных людей Абхазии, живших и творивших, как свою историю, так и историю своего народа, на протяжении двух веков. Таковым, весьма обширным, является диапазон ценного историко-публицистического произведения А. Куправа.

Автор в каждом очерке емко, в то же время достоверно и обстоятельно, с привлечением значительного фактологического материала, изложил основные вехи жизни и деятельности своего героя. В этой связи хотелось бы сделать некоторые, можно сказать, субъективные суждения по отдельным моментам биографии выдающихся государственных деятелей Абхазии А. Лабахуа и А. Отырба, которые также являются персонажами очерков А. Куправа.

Как нам кажется, что в начальной стадии борьбы со сталинско-бериевским наследием авторитетных абхазских руководителей и патриотов А. Лабахуа и А. Отырба во времена т. н. хрущевской оттепели поддержали в Москве, в ЦК КПСС. Но затем, когда эта самая оттепель стала замерзать, к примеру, в Абхазии, вновь воспрявшие духом грузинские партийные лидеры начали сводить счеты с Архипом Лабахуа и Асланом Отырба. Вот тогда поддержки московских партийных верхов уже не оказалось. Почему такое случилось? О том есть лишь лаконичное мнение самого Архипа Мироновича, о чем он сказал в личной беседе А. Куправа в Тбилиси. В очерке, посвященном А. Лабахуа, есть строки, где он сам оценивает свою деятельность в таком ракурсе: «Мне приходилось часто резко выступать по вопросу об извращениях национальной политики в Абхазии и о практических мероприятиях. Это иногда создавало неудобства для меня лично...».

Мягко, заметим, сказано. А ведь за такое нередко отвечали не только креслами, но и жизнями. Особенно в тот переломный пери-

од, когда А. Лабахуа, как отмечает А. Куправа, «был руководителем преобразований, которые проводились в Абхазии в ходе реализации постановлений ЦК КПСС о борьбе с последствиями культа личности и бериевщины. При этом он открыто и бескомпромиссно выступал против партийных лидеров Грузии и Абхазии, которым он по положению подчинялся. Это было тогда из ряда вон выходящим поступком».

Как нам видится, на начальном этапе это борьба абхазов с кадрами Берия в Грузии была выгодна партийной верхушке в Москве, а позже, когда там, в центре, утрясли свои дела, принципиальная позиция абхазских руководителей становилась обузой, от которой стали избавляться – переводом на другую работу. Впрочем, приведем мнение по этому поводу самого Архипа Мироновича, высказанное им автору очерков в столице Грузии, в чайной гостиницы «Тбилиси». «Когда я пришел наутро, – вспоминал позже А. Куправа, – Архип Миронович просматривал газеты. Он сразу же протянул мне свежий номер «Зари Востока», на первой ее странице был помещен указ о его новом назначении (зам. Предсовмина Грузии. – **В. Ч.**). И только я успел прочитать, как он обиженно сказал: «Хрущев поверил, что если я буду отстранен от политической жизни Абхазии, то там будет спокойно. Так они понимают абхазские проблемы»¹.

Похожей оказалась, на наш взгляд, ситуация, через которую прошел и А. Отырба. Аслана Тамшуговича, как нам представляется, вначале обнадежили поддержкой в Москве, а затем посчитали чрезмерной его программу борьбы за очищение Абхазии от остатков бериевщины. Вот, к примеру, что пишет о событиях того времени А. Куправа: «После смерти Сталина и разоблачения Берия, в сентябре 1953 г., он (А. Отырба. – **В. Ч.**) был приглашен в ЦК КПСС на собеседование для выдвижения его на пост первого секретаря Абхазского обкома партии (по-существу, руководителя Абхазской республики. – **В. Ч.**). В том же месяце, отмечает далее автор очерков, А. Отырба выступает с нелицеприятной критикой высшего партийного руководства Грузии, фактически обвинив его в продолжении антиабхазской политики. По этому поводу ученый, в частности, отмечал: «В своем выступлении на VII пленуме ЦК КП Грузии (19 – 20 сентября того же 1953 года), А. Отырба открыто и смело рассказал

о преступной, враждебной политике правящих кругов Грузии по отношению к абхазскому народу, его истории и культуре...». Автор очерков также подчеркнул, что «А. Т. Отырба в своей речи изложил программу действий по изжитию грубейших нарушений в народном образовании, культуре, кадровой политике, переселенческом деле, хозяйственном строительстве и других областях». Там же он «поименно назвал руководителей ЦК КП Грузии, Совета Министров Грузии и Абхазского обкома партии, которые сами были проводниками антиабхазской политики», и подчеркнул при этом, «что они не способны осуществить решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС»¹.

Ясное дело, что после такой схватки с «ястребиной стаей» грузинских националистов в их же логове, А. Отырба необходима была крепкая поддержка из ЦК КПСС, где его принимали, беседовали, и, полагаем, обнадежили, что Абхазию в обиду не дадут. Увы, как это не раз бывало, наверху грузин уважили, а «дело» Аслана Тамшуговича спустили на тормозах.

И еще один момент из богатой биографии А. Отырба, подтверждающий его жизненное кредо: принципиальность и патриотизм не на словах, а на деле. О нем также сообщает автор очерков А. Куправа: «В начале 1970 - х гг. в селе Баргеб Гальского района состоялось торжественное собрание, посвященное открытию нового здания средней школы. Присутствовали гости из Тбилиси и Сухума: президент АН Грузии И. Векуа, директор АБНИИ Г. Дзидзария, ученые Ш. Месхия, Д. Гогохия и другие. От имени абхазского правительства выступил зам. пред. Совмина республики А. Отырба. Говорил он на абхазском языке, который абсолютное большинство присутствующих не знали, но слушали Аслана Тамшуговича внимательно. В конце он коротко изложил содержание своей речи на русском языке. Его выступление было одобрено бурными аплодисментами. Этим было выражено уважение к оратору и его языку. Пример простой. Но так мог поступить тогда именно Аслан. В этом и философия его характера»².

Могу подтвердить в качестве бывшего партработника, что и позже, по крайней мере, в течение десятка лет, таких случаев больше не было, к сожалению, и не только в Галском районе. Но это к слову.

¹ Арвелод Куправа. Люди: Время и Жизнь. Сухум – 2010. С. 419- 420.

¹ Арвелод Куправа. Люди: Время и Жизнь. Сухум – 2010. С. 424.

² Там же. С. 428 – 429.

... Минули мрачные времена господства грузинской метрополии. Усилиями старшего поколения патриотов, активных участников освободительной борьбы народа, самоотверженностью и героизмом защитников Отечества, освободивших абхазскую страну от оккупантов, Республика Абхазия обрела независимость и свободу. Наряду с другими преобразованиями в жизни республики были также отменены всякого рода «табу» на исследования по запрещенным ранее темам. Например, по проблемам крестьянских волнений на излете 20-х годов, повальных репрессии второй половины 30-х и 40-х годов, лично проводимых сталинским сатрапом Берия против абхазского народа, его языка, письменности, истории, культуры, в целом ассимиляции абхазов и свертывания абхазской государственности. Все это происходило в несколько временных отрезков (30-е, 40-е и 50-е годы), объединенных безысходной трагичностью процессов умерщвления нации и без надежды на какой-то спасительный выход в ближайшем будущем из того положения. Ведь против абхазов ополчились не просто грузины, а вся мощь советской идеологии и практики, возглавляемой грузином Сталиным (Джугашвили). Против абхазов была также задействована по личному указанию Кремлевского властителя грузинская охранка – НКГБ Грузии и Абхазии.

О многих фактах и событиях того зловещего периода в жизни абхазов под колпаком грузинских спецслужб свидетельствует книга исследователей и видных публицистов С. Лакоба и Ю. Анчабадзе «Абхазский архив. XX век»¹. В ней сосредоточены сведения политической полиции 30-х и 40-х годов, удостоверяющие, что основной упор гэбешников сделан на видных представителях абхазской элиты, которые, по мнению грузинских источников, являлись наибольшей опасностью для планов Грузии по освоению Абхазской республики. И с ними поступали в соответствии с циничной формулой Сталина: «Нет человека, значит, нет и проблемы». Попросту говоря, особо упорных уничтожали, иных отправляли на долгие сроки на перевоспитание в лагеря.

Однако же в той трагичной обстановке в Абхазии грузинская охранка практиковала столь одиозные дела, которые вряд ли где на

пространстве СССР совершались. Например, чудовищной выглядит сегодня тотальная слежка за малолетними абхазскими школьниками, протестовавшими вместе с родителями, конечно, против обучения на чуждом им грузинском языке. Выше приводились сведения известных ранее фактов грузинской экспансии в конце 30-х и 40-х гг. на абхазский язык, абхазские школы, по проведению переселенческой политики с целью ассимиляции абхазов. В разделе первом данного сборника его составителями по этому поводу отмечается: «Грубая и репрессивная грузинизация проводилась методично и последовательно. Абхазский язык был запрещен к преподаванию в школах и заменен обязательным изучением грузинского, абхазская письменность была переведена на грузинскую графическую основу, абхазские топонимы грузинизировались, официально поддерживалась и внедрялась «научная» теория об этническом тождестве абхазов и грузин, абхазы дискриминировались в социальной сфере. Особенно успешно шла работа по достижению нужного демографического баланса: в Абхазию шло массовое переселение жителей из внутренних районов Грузии, следствием которого было, с одной стороны, превращение грузин в численно доминирующую национальную группу, а с другой сокращение доли коренного абхазского населения до 18%»¹.

Как известно, в 1945 году бюро Абхазского обкома партии, принимая постановление о введении в абхазских школах обучения на грузинском языке, обосновывало это настоятельными пожеланиями абхазской интеллигенции, родителями учеников, да и самими школьниками. Но по докладным запискам Народного Комиссариата Госбезопасности Абхазской АССР, приведенным в книге Лакоба и Анчабадзе, вырисовывается совершенно иная картина. Так, в докладной записке на имя главы НКВД Абхазии с длинным названием «Об отдельных высказываниях некоторых антисоветски настроенных лиц по Гудаутскому району, в связи с введением обучения на грузинском языке в абхазских школах» речь шла о массовых фактах решительного неприятия этой антиабхазской акции. На чекистском сленге и на основе штампованных фальшивых обвинений, грузинские ищейки, используя информацию местных стукачей, доклады-

¹ С. З. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. Абхазский архив. XX век. Москва – 2002.

¹ Там же. С. 9 – 10.

вали наверх, с целью компрометации и последующей изоляции, следующие факты. Например, о том, что «разрабатываемый по делу – формуляру, как проходящий по показаниям членов ликвидированной нами в Гудаутах к/р фашистской организации Кобахия Зосима и других – Званбая Григорий Алмасханович, директор Лыхненской средней школы, в беседе с источником «Иванов» по поводу введения грузинского языка, говорил:

«В свое время, поздно или рано, кто-нибудь из центра – Москвы, заметит и стукнет по грузинам. Это все исходит от нынешних правителей Абхазии, которые ненавидят абхазцев (как видим, и образованные личности заблуждались в том, что сие зло творилось без воли на то центра. – **В. Ч.**)». В донесении также сообщалось: «В этой же школе наблюдается отсев учеников абхазской национальности».

Кстати, автор данного исследования, в период учебы в МГУ в начале 70-х гг. прошлого века, имел несколько встреч с Г. А. Званбая, работавшем уже в преклонном возрасте на подготовительных курсах этого учебного заведения. В Россию Григорий Алмасханович выехал, как и многие его коллеги, чтобы уйти из поля зрения грузинских спецслужб, и тем самым избежать репрессии. Там, в отрыве от родины, как я теперь уже представляю, прошла вся его дальнейшая жизнь.

Некоторые абхазы в то опасное время предпринимали рискованные решения, что, безусловно, в период бериевского беззакония могло закончиться довольно печальным образом – ссылкой или тюремным заключением. Вот такой случай, о котором сообщал начальству источник «Правда» 30. / VIII – с. г. (1945 год. – **В. Ч.**)

«Житель г. Гудауты Авидзба Мусурат (так в источнике. – **В. Ч.**) Сеитович, арестовывавшийся Гудаутским РО НКВД в 1943 году по ст. 7 п. «г» ПОВЦ, не пускает в школу своего сына в знак протеста против введения изучения (скорее, обучения на грузинском языке. – **В. Ч.**) грузинского языка в абхазских школах. По этому поводу Авидзба в присутствии источника, а также Цукба Хурга (так в источнике – **В. Ч.**), Отырба Константина и Малия Дмитрия, говорил:

«Грузины хотят, чтобы наша нация не существовала, а была бы Грузия. Нашему языку не обучают, а чужой язык на что нам?».

Или вот еще такое донесение: «Директор Дурипшской средней школы Тарба Вера, с целью срыва преподавания грузинского языка, категорически возражает при приеме педагогов грузин с высшим

образованием, взамен имеющихся педагогов – абхазцев со средним образованием»¹.

Марионеточный Абхазский обком партии в своем постановлении утверждал, что, дескать, родители и дети также изъявляют желание введения обучения в абхазских школах на грузинском языке. В книге же «Абхазский архив», в четвертом разделе, где все основано на конкретных материалах агентуры НКВД, раскрывается совершенно иная картина. Однако вначале приведем комментарии, предворяющий сведения спецслужб, в котором дается анализ целей и задач тех, кто проводил политику ассимиляции абхазов. В этом плане авторы сборника указывали, что «составной частью политики грузинизации, проводившейся в Абхазии в конце 30-х – начале 1950-х гг., был разгром абхазской школы. Подготовка к нему началась еще в 1937 г., когда латиница абхазского алфавита была заменена на грузинскую графическую основу».

О преступных замыслах, направленных на умерщвление абхазского языка, сообщалось следующее: «В общей стратегии грузинизации эти акции, безусловно, имели свою логику. Вытеснив абхазский язык из сферы официального общения, надо было подорвать его позиции и в других функциональных сферах, в частности, в системе школьного образования. В результате будущие поколения абхазов должны были быть отторгнутыми от полноценной стихии родной речи, с первых же шагов умственного и духовного развития для них определялась нужная языковая и культурная идентичность, ожидалось формирование новых этнокультурных реалий, которые бы оправдали официально насаждаемую доктрину о тождестве абхазов с грузинами».

А ведь те же процессы имели место в Абхазии и раньше, например, в отдельно взятом Гальском регионе. Там в течение двух десятилетий был утрачен родной язык более чем 30-тысячного приграничного абхазского анклава, место которого заместил мегрельский, впоследствии в свою очередь полностью поглощенный грузинским языком. О том, кстати, отмечалось в приведенном комментарии, таким образом: «Что касается самого абхазского языка, то он должен был повторить печальную историческую судьбу древней и богатой

¹ С. З. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. Абхазский архив. XX век. Москва – 2002. С. 106 – 107.

мегрельской речи, по сию пору прозябающей в бесписьменном состоянии на задворках культурной и общественной жизни Грузии»¹.

Теперь о том, как чекисты доводили до сведения руководства НКВД Абхазии информацию о нежелании детей, полагаем, и их родителей, учиться на грузинском языке в школах Очамчирского района. О многих фактах такого поведения учащихся в спецсводках сообщалось: «В некоторых школах в Очамчирском районе (так в тексте источника. – **В. Ч.**) наблюдаются случаи массового непосещения учащимися школ. Часть из непосещающих школы учеников заявили, что они не желают учиться на грузинском языке и хотят перейти на учебу в русскую школу, а некоторые не посещают ввиду отсутствия у них одежды и обуви (скорее, отговорка, чтобы избежать наказания. – **В. Ч.**)»².

Спецслужбы весьма тщательно отслеживали неявку в школу учеников, реакцию на то учителей и директоров школ, а также родителей. Словом, сам процесс начала внедрения грузинского языка в абхазскую среду, как видим, совершенно не соответствовал ожиданиям организаторов и вдохновителей огрузинивания подрастающего поколения коренного народа. Именно заявления учеников, естественно, с ведома родителей, «что они не желают учиться на грузинском языке», стали одним из способов противодействия зловещим планам грузинских ассимиляторов. Авторы сборника также отмечали реакцию на то главы НКВД Абхазии: «За строчками спецсообщения сухумского министра рисуется стихийное протестное движение крестьян. Это был протест в тех формах, которые были доступны пониманию рядового сельского жителя, осознавшего, тем не менее, что практика принудительного изучения их детьми незнакомого языка есть не просто некое непонятное школьное нововведение, но отражение чего-то опасного и страшного, несущего угрозу их существованию и заведенному миропорядку».

На практике, по донесениям местных чекистов, протестовали против введения грузинского языка обучения в школах Абхазии сотни учеников, а значит, и их родители. Например, спецсообщение по Очамчирскому району содержало такую информацию: «В Гуп-

¹ С. З. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. Абхазский архив. XX век. Москва – 2002. С. 142.

² Там же. С. 145.

ской средней школе, где директором Тужба – чл. ВКП (б), в начальных классах числится 81 человек. Учет посещаемости начат только с 10 сентября (тогда только спохватились власти. – **В. Ч.**), причем с 10 – 20 сентября только во втором классе, где 22 ученика пропущено 399 часов, в 4 классе, где 21 ученик пропущено 486 часов, в 3 классе, где 13 учеников пропущено 198 часов. Всего в трех классах, а именно во 2, 3 и 4 за 10 дней пропущено 1083 часа».

Затем в сводке поименованы пофамильно все ученики, отказавшиеся учиться на грузинском языке и имеющие значительное число пропусков. Получалось, что дети являлись фигурантами служебной переписки спецслужб, и, возможно, воспринимались руководителями бериевского НКВД малолетними абхазскими преступниками. Ведь еще не так давно они же заключили в тюрьму несовершеннолетних абхазских юношей – братьев Лакоба и Инал-ипа, затем расстреляных в подвале Лубянки. Потому, безусловно, и такой стихийный протест был небезопасен, поскольку он нарушал далеко идущие планы по прочному освоению Абхазии, что, впрочем, уже было исполнено, оставалась только решить проблему ассимиляции коренного народа. А здесь, мол, какие-то ученики, родители, учителя, ставят палки в колеса столь серьезным государственным делам, кои под контролем высоких сфер в Тбилиси и Москве.

Выходило, таким образом, что в Абхазии политическая полиция, как и раньше, без дела не сидела. Шла напряженная работа, с мест спецсообщениями в Сухум приходили неважные сведения: «По заявлению зав. учебной частью (Гупской неполной средней школы. – **В. Ч.**) Кирия Мамия большинство из вышеперечисленных учеников (второй, третий, четвертый класс. – **В. Ч.**) отказываются учиться на грузинском языке. Директор школы Тужба не принимает никаких мер в отношении учащихся, пропускающих занятия в школе»¹.

Аналогичные сводки в НКВД также поступали из Моквинской, Тхинской и других школ района, где десятки семей отказывались от обучения своих детей на грузинском языке.

Автор сборника С. Лакоба подчеркивает, что «особое внимание в документах охраны уделено видным представителям абхазской

¹ С. З. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. Абхазский архив. XX век. Москва – 2002. С. 146 – 147.

интеллигенции, работавшим в Абхазском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории (АБНИИ), называемом ранее Абхазским научным обществом (АБНО, с 1922 г.), Институтом Абхазской культуры Академии Наук имени академика Н. Марра (ИАКАН), которые непрерывно преследовались или уничтожались, начиная с 1937 года, после гибели премьер-министра Абхазии Нестора Лакоба (отравлен Берией в Тбилиси 27 декабря 1936 года)».

Должен отметить, что в бытность работы автора исследования в Абхазском обкоме партии в 80-х годах, мне была известна приватная информация, что Комитет Государственной Безопасности (КГБ) Абхазской АССР, уделял первостепенное значение двум объектам в научно-идеологической сфере. Это – Абхазский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа и Абхазский государственный музей. Можно, конечно, переставить их местами, но внимание к ним КГБ от этого нисколько не изменилось бы, оставаясь предельно строгим и собранным. Правда, позже большие проблемы этому ведомству доставили созданные к концу 80-х годов Народный Форум Абхазии «Аидгылара» и Конфедерация Народов Кавказа. Информация, отслеживаемая ежедневно по этим объектам, тотчас отправлялась в полном объеме в Москву и Тбилиси. Абхазскому обкому она, эта информация, представлялась избирательно, на усмотрение председателя КГБ, место которого со дня прихода во власть Берия и до крушения СССР, ни одному абхазу не дано было занять. Но все это – к слову.

Тогда же, 40-е годы, как отмечается в книге С. Лакоба и Ю. Анчабадзе, «стали временем насильственной, ассимиляторской грузинизации, проводившейся со всем безумием тоталитарного беспредела. Творцы и вдохновители этой политики работали на будущее. В их планах Абхазия должна была стать «неотъемлемой частью Грузии», ее провинцией, причем самой лучшей, парадной, лелеемой черноморской жемчужиной в блистательной короне малой империи. На пути осуществления этих планов была досадная помеха – абхазский народ, который почему-то не желал для себя и своей родины столь блистательной перспективы».

Сводки НКВД, отмеченные выше, весьма красноречиво подтверждали то обстоятельство, как простые люди из народа – крестьяне, отстаивая право своего родного языка на жизнь, сопротив-

лялись стихийно процессам грузинизации, отказывались от обучения своих детей в школах на грузинском языке. Это как раз и были те помехи, которые тормозили налаженную «лучшими» умами грузинскими (в Тифлисе и в Кремле) систему силового присвоения Абхазии и беззастенчиво - циничной ассимиляции ее народа. Но была еще одна помеха – это абхазская интеллигенция, вернее, часть ее, уцелевшая от истребления в 1937-м, в год «длинных Бериевских ножей». Также чудом миновавшие второй волны массовых арестов в 1941 – 1942 годах. Но до спокойной жизни еще было далеко: кругом шастали и вынюхивали грузинские ищейки, выискивая инакомыслящих абхазов в интеллигентной среде. И в своих донесениях грузинская чекистская свора иформировала наверх о том, что все еще существует абхазская опасность для советской власти. Об этом свидетельствуют документы сборника «Абхазский архив».

Они, эти документы, как отмечают авторы сборника, «содержат информацию о том, что с освободительным движением в Абхазии не покончено, что остались люди, «которые не были привлечены к ответу в свое время по неизвестным причинам», и которые составляют ныне ядро антисоветского движения в Абхазии. Среди перечисляемых имен – абхазские писатели, ученые, педагоги, юристы, квалифицированные специалисты других профессий. Как свидетельствуют документы, все они были под подозрением и неусыпным пристальным вниманием органов»¹.

Так, грузинская охранка в отношении видного представителя абхазской интеллигенции Михаила Александровича Лакербая на протяжении многих лет готовила довольно объемный компромат. Из «разных источников» руководству НКВД сообщались следующие сведения:

«Разные источники».

Лакербая М. А. б/п, абхазец, по специальности драматург, из дворян, к. р. (контрреволюционно. – **В. Ч.**) националистически настроенный элемент, восхвалял врага народа Н. Лакоба, в то же время недоброжелательно высказывался по адресу т. Л. Берия (высказывания террористического толка). Подозревается в ведении а/с (антисоветской. – **В. Ч.**) работы к. р. националистического толка».

¹ С. З. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. Абхазский архив. XX век. Москва – 2002. С. 9 – 11.

«Критик» (псевдоним агента НКВД – В. Ч.) 25. XII. 36.

(Сообщение сразу после гибели Н. Лакоба. – В. Ч.). В донесении говорится о том, что Лакербая, будучи в г. Тбилиси, рассказывая о настроении абхазцев, заявил: «Все неутешно горюют об утрате Н. Лакоба, при всех его недостатках, он все же был очень любим всеми абхазцами... Потеря Лакоба для Абхазии большая...».

«Петров» 10.VI. 37 г.

«Лакербая находится в близких отношениях с Бухникашвили и режиссером Макаровым... В одной из бесед на общие темы, Лакербая, сожалея о смерти врага народа Н. Лакоба и подозревая в этом т. Берия, сказал: «Абхазцы никогда не простят Берия за смерть Лакоба».

Надо отдать должное чекистам: они с завидным рвением следили как за личной жизнью Михаила Александровича, так и не ленились тщательно знакомиться с его литературным творчеством. Так, агент «П» 26 ноября 1945 года доносил: «Лакербая выражал недовольство положением национальной абхазской культуры и считает неправильной политику грузинского правительства в отношении абхазского народа...».

В донесении также отмечалось крамольное содержание пьесы М. Лакербая «Элизбар», в которой, по словам источника, «Лакербая написал следующие строки, вложив их в уста мингрельца: «В Абхазии было много завоевателей – римляне, греки, турки. Они построили много крепостей, а сами ушли, а абхазский народ остался, и остались ему все эти крепости».

«По этому поводу Лакербая сказал источнику: «Всякий абхазец поймет эти мои строки, так, как я хочу, именно, что грузины тоже когда-нибудь уйдут, а абхазский народ останется, и он когда-нибудь станет хозяином своей земли и унаследует все, что настроили и сделали на его земле другие народы»¹.

Следует отметить, что в 40-е и в начале 50-х, являвшиеся годами настоящего беззакония и произвола авторитарной системы, деятельность бериевской политической полиции (НКВД) в Абхазии принимает тотальный характер. Слежка, доносы, компромат – все эти действия охраны практически охватывали весь круг абхазской

¹ С. З. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. Абхазский архив. XX век. Москва – 2002. С. 12 – 15.

интеллигенции, вернее, тех, кто выжил в страшном трагическом периоде 1936 – 1937 годов. Следили за всеми: от начинающих литераторов, до народных писателей, от рядового учителя, до наркома просвещения. Даже за теми высокопоставленными абхазами, кто вроде пытался услужить грузинским властям. И тем, выходит, не доверяли? Удивительно, но факт!

Впрочем, произвола и самоуправства хватало по всей стране. Начиналось это самое авторитарное самоуправство от партийно-советских верхов, по поговорке о рыбе, которая имеет свойство портиться с головы. Вот и пошла оттуда система, рожденная к жизни изощренной, и вместе с тем болезненно-подозрительной психикой «отца» всех советских народов. И это не просто слова. Не секрет, что Иосиф Виссарионович получал «моральное» удовлетворение, наблюдая за плохо скрытым то ли страхом, то ли страданием своих сподвижников из Правительства и Политбюро, чьих жен и прочих родственников он нередко по своей прихоти держал в лагерях для политзаключенных. Тот же советский «президент» Калинин, даже будучи постоянным собутыльником «хозяина», не решался со страху вымолвить слова в защиту отправленной на нары жены. Сталин же в душе потешался над ним, приговаривая вслух: «А вот и напился вдрызг наш всесоюзный козел», – так, на манер слогана «всесоюзный староста», величал он верного товарища в «ближнем кругу». Также и Никита Хрущев, уже пребывая членом Политбюро Центрального Комитета КПСС, отплясывал на тех же сталинских «посиделках» в угоду хозяину украинского гопака. И, притворяясь пьяненьким, как, впрочем, все остальные «соратники» вождя, он лепетал что-то безобидное, дабы не вызвать подозрений кремлевского властителя.

Если такое творилось в Кремле, то нетрудно представить общественный климат в маленькой, задавленной провинциальными са-трапами Сталина и Берия, Абхазии. Всем здесь заправляли грузинские чекисты из зловещего Народного Комиссариата Государственной Безопасности. Их боялись даже грузинские партийцы. А меж тем почти за всеми абхазами была установлена тотальная слежка, о которой они могли и не догадываться.

Давно уже в поле зрения грузинских гебистов (работников НКВД) пребывал народный поэт Абхазии, Герой Социалистического

труда, награжденный орденом Ленина, патриарх абхазской словесности Дмитрий Иосифович Гулиа. Несмотря на все его регалии, коих он был удостоен советским руководством, политическая полиция, считая его неблагонадежным, тщательно отслеживала, как личную жизнь Гулиа, так и его творчество. В этом плане агентура 3 декабря 1945 года под грифом Гулиа Дмитрий Иосифович сообщала:

«Апсны» (секретный сотрудник. – **В. Ч.**).

«Желая доказать разнородность грузинской и абхазской наций, Гулиа высказался: «... Немало слов, например, французских, татарских и др. встречаются в русском языке. Но значит ли это, что Россия и ее культура родственная французской или татарской народности? Вам известен первый алфавит абхазского языка, созданный мною и К. Д. Мачавариани. В этом алфавите до сего времени не было ни одного буквенного знака из грузинского алфавита, и он вполне удовлетворял абхазцев. Политическая же обстановка создала необходимость заменить почти русифицированный алфавит грузинскими буквенными знаками. Если понадобится, то можно заменить и грузинские знаки любыми другими, но опять - таки это не явится основанием для доказательства и установления родства одной народности с другой».

Там же, в материалах «дела», была приписка: «Сын Дмитрия – Гулия Владимир Дмитриевич – изменник Родины и разыскивается как агент германской разведки»¹.

Плотно следили и за другим сыном Д. Гулиа – Георгием Дмитриевичем, бывшим к тому времени заметным представителем абхазской интеллигенции. Подтверждением тому справка НКВД от 2. 10. 45 года. В секретной информации под грифом Гулиа Георгий Дмитриевич отмечалось:

Источник «Габискирия».

В беседе с Зам. нач. Упр. По делам искусств т. Габескирия (Георгий Дмитриевич, по всему, не знал, что его заместитель – информатор НКВД. – **В. Ч.**) последний заявил, что за время своей работы в Абхазии в Управлении по делам искусств, ему часто приходилось быть очевидцем, когда Гулиа Георгий, проявлял свою ненависть к

грузинской нации, допуская при этом а/с (антисоветские. – **В. Ч.**) националистические высказывания. В одной из бесед с ним, Гулиа сказал: «Пока я буду начальником Управления, грузинский театр не увидит Сухуми...».

Под колпаком спецслужб в то время оказались многие деятели культуры, научные работники, партийно-советские руководители, преподаватели школ, простые граждане республики. В списки противников грузинской политики освоения Абхазии, а значит, врагов советской власти, записывали, как говорится, чохом всех: и тех, кто явно и целенаправленно выражал свое недовольство грузинским засильем, как и тех, кто, скажем, ненароком высказался, или обронил слово недовольства существовавшими порядками в Абхазии.

В число явных недоброжелателей сталинско-бериевского плана ассимиляции абхазов НКВД документально причислило в ту пору Ивана Лакербая, Азиза Агрба, Киазима Агумаа, Разинбея Агрба, Георгия Шакирбая, Григория Чукбар, Алексея Чичба, Фирата Абухба, Николая Герия, Павла Карба, Александра Хашба, Хухута Бгажба, Михаила Гонджуа и других. Только по этому списку 2 отдела НКГБ Абхазской АССР числилось 61 человек, проходивших по формулировке «к. р. (контрреволюционно. – **В. Ч.**) националистически настроенные лица из числа абхазцев (кстати, иных лиц, кроме абхазцев, не было. – **В. Ч.**), проходящих по агентурным материалам».

Но были личности, против которых выстраивалась целая система провокационных действий, поскольку они являлись особо опасными для политики освоения Абхазии. Такой неблагонадежной личностью, безусловно, грузинская охранка считала патриарха абхазской словесности. Потому и были направлены провокационные действия против самого Дмитрия Иосифовича и близких ему людей. Видимо, остерегались авторитета и влияния Д. Гулиа на абхазское общество. И посему старались дискредитировать гражданскую и научную репутацию подвижника и просветителя, заложившего основы письменности и новых культурных традиций абхазского народа. И, в конце-концов, провокаторы из НКГБ состряпали в 1951 году насквозь сфальсифицированную брошюру под названием «О моей книге «История Абхазии», к чему Д. Гулиа, конечно же, отношения не имел. Основная цель этого подлога, по словам исследователя В. Бигуаа, заключалась в том, «чтобы Гулиа сам якобы сделал

¹ С. 3. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. Абхазский архив. XX век. Москва – 2002. С. 26 – 27.

опровержение собственной книги «История Абхазии» и подтвердил официальное грузинское мнение, согласно которому никакой истории Абхазии не было, история абхазов – это история грузин»¹.

Как видим, за деятелями культуры и искусства, работниками государственных, административных и хозяйственных органов из числа абхазов была налажена весьма тщательная слежка. Впрочем, под контролем находились не только руководящие работники, видные ученые, представители творческих профессий, но и рядовые граждане: крестьяне, работники предприятий и организаций, даже домохозяйки и временно не работающие. Главный принцип, объединяющий перечисленные категории граждан – национальная принадлежность. Абхазец – значит, уже должен быть под зорким оком спецслужб.

Надо думать, что свершалось все это не инерционно, а по четко спланированному плану поэтапного освоения Абхазии. Завершающим мог бы стать этап, когда проводники шовинистической политики доложили наверх: наконец, задача выполнена, ныне Абхазия без абхазцев, по крайней мере, уже нет тех, кто выступал против грузинского засилья. И к этому дело вели споро. Основная роль в том, как и ранее, отводилась испытанному способу решения сложных задач того периода по формуле «любимого возждя советских народов»: нет человека, выходит, нет и проблемы. Так и с абхазами: не хочешь стать грузином – собирайся на «перевоспитание» в дальние веси. И это не самое худшее, что могло случиться с особо упертыми лицами.

Усиление слежки среди всех слоев абхазского населения могло быть очередным знаком вызревания недовольства организаторов и вдохновителей грузинизации Абхазии все еще медленными, на их взгляд, темпами ассимиляторских процессов. Исполнители этих планов также были озабочены, поскольку с них был спрос: почему, дескать, абхазы поголовно не говорят еще на грузинском, как, например, в Гальском районе. В головах грузинского начальства, как в НКВД, так и в партийных органах наверняка крутились разные мысли и намерения по ускорению исполнения задач полного огру-

¹ Абхазский библиографический словарь. Под редакцией В. Ш. Авидзба. Москва – 2015 – Сухум. С. 257.

зинивания абхазов и их страны. Словом, ничего хорошего тогда для абхазов не ожидалось.

Оценивая ситуацию того времени, авторы сборника приходили к мнению, что «среди гонителей Абхазии вызревала идея об организации в республике нового громкого судебного процесса. В качестве обвиняемых на нем должны были выступить последние оставшиеся в живых видные представители абхазской интеллигенции. Смертные приговоры, которые несомненно были бы вынесены в конце судебного заседания, сняли бы многие проблемы и окончательно расчистили бы путь новым колонизаторам. Им думалось, что после этого в Абхазии уже не останется очагов сопротивления, патриотически мыслящих деятелей, которые смогли бы задуматься о судьбе родной земли и «взяться за свое национальное дело отделение Абхазии от Грузии»¹.

Под эту программу, судя по-всему, грузинские спецслужбы приступили к сбору необходимого материала. Под грифом «Совершенно секретно» выдавалась чекистами такая характеристика видным абхазским личностям, которая, по профессиональному выражению медиков, была, конечно, несовместима с жизнью. То есть, многих специально подводили под расстрельную статью. Как в случае с выдающимся абхазским государственным и общественным деятелем, крупным ученым, публицистом С. П. Басариа. О деятельности Симона Петровича в предыдущие периоды кратко сообщалось в данном исследовании, но, думается, будет небезынтересно ознакомиться с материалами грузинской охранки 30-х и 40-х годов, которые были обнаружены вышеназванными исследователями в хранилище «абхазской» спецслужбы после грузино-абхазской войны.

Удивляет и то, с каким знанием и подробностями описываются грузинскими чекистами биография, деятельность и творчество видных абхазских интеллигентов. Значительным подспорьем в том, полагаем, им послужила информация, поставляемая т. н. сексотами из абхазской среды. Так, в справке НКГБ относительно уже расстреляного С. П. Басариа отмечалось: «Будучи узким и большим абхазским националистом (читай – патриотом. – **В. Ч.**), ищущим для

¹ Абхазский библиографический словарь. Под редакцией В. Ш. Авидзба. Москва – 2015 – Сухум. С. 11.

Абхазии государственной самостоятельности в соединении с горцами Северного Кавказа, приступил к практической деятельности по осуществлению своих намерений»¹.

Далее следует подробная информация о проделанной Басариа работе по организации АНС, укреплению связей Абхазии с Горской Республикой, о его роли в высадке десанта махаджиров из Турции и прочих деяниях, свидетельствовавших, по логике грузинских спецслужб, о контрреволюционности и антисоветизме Симона Петровича. Его последователями называют в той же справке Ашхацава Семена Михайловича, Чанба Самсона Яковлевича и Тарнава Михаила Ивановича, Аджамова Георгия Давидовича, Какуба Раждена Ивановича, уже уничтоженных грузинской репрессивной системой. Ему в вину также ставится издание книги «Абхазия в географическом, экономическом и этнографическом отношении» в 1923 году. В связи с этим чекистская справка отмечала: «Книга эта, особенно в исторической части и по национальному вопросу, являлась программой Басариа в национальном вопросе Абхазии. Будучи ненавистным врагом Грузии (кстати, женат был Басариа на природной грузинке. – **В. Ч.**), он старался быть со всеми, только не грузинами...».

«Прегрешения» представителей абхазской научной и творческой элиты и далее занимают много места в сообщении политической полиции. Например, о том, что «Басариа С. П., используя свое служебное положение, начал прививать свои взгляды учащейся молодежи, с которой он имел непосредственное соприкосновение, как директор абхазской десятилетки».

Здесь же приводится малоизвестная информация о молодежном сопротивлении имперским планам Грузии, и что в это дело были вовлечены представители молодого поколения абхазов. Да и сами грузинские чекисты пишут о том весьма скупое, явно без желания сообщать наверх, что абхазы не сломлены еще, есть силы в народе, противостоящие зловещим намерениям Сталина и Берия. И этот факт они связывают с деятельностью Басариа, утверждая, что «ему удалось привлечь на свою сторону ряд молодежи, в частности, б/ научного работника АБНИИ Маргания Владимира (осужден

в 1941 г.), что видно из обращения последнего к «Достойным сынам Абхазии», составленном в 1929 году и нелегально разосланном ряду молодых абхазцев, в которой Маргания возводит клевету на Правительство Грузии и призывает школьную молодежь организовывать нелегальные организации, рекомендуя руководствоваться книгой Басариа, выставляя его идеологом этого движения». Вспомнили, выходит, о Маргания более чем через десять лет и расстреляли палачи абхазского патриота.

Отмечалось также, что «Агрба Захария Сулейманович (осужден в 1937 г.), Кукба Виктор (осужден в 1937 г.), Таркил Зосим Хугович, Чкадуа Платон Семенович (директор совхоза «Эшери»), Хашба Мушни Лаврентьевич – Секретарь Президиума Верховного Совета Абхазской АССР, которые под влиянием Басариа С. П. и указания б/ секретаря Абхазского Обкома КП (б) Грузии, ныне репрессированного врага народа Агрба Алексея, в 1937 году в своей докладной записке на имя Обкома доказывали о вредности перехода на новый абхазский алфавит (на грузинской графической основе. – **В. Ч.**)».

Сообщалось и о том, что Хашба Арсентий Константинович (осужден в 1937 г.) в то время директор ИАКАНа (АБНИИ), «направлял научных работников, в частности, Дзидзария Георгия, ныне работника АБНИИ, Шакрыла Константина, ныне также работника АБНИИ и других и сам активно добивался сфабриковать родство абхазцев с горцами и отчуждения Абхазии от Грузии».

В справке НКГБ Ашхацава С. М., Басариа С. П., Тарнава М. И., Чанба С. Я. названы последователями Симона Петровича, а известные труды этих видных абхазских интеллигентов литературой «контрреволюционного, национал-шовинистического характера». И, дескать, призвала она «абхазцев вести борьбу за отделение от Грузии, добиваясь воссоединения с Северо-Кавказскими горцами (при меньшевиках так и было. – **В. Ч.**) и присоединения к Турции (обвинение, заимствованное у меньшевиков. – **В. Ч.**)».

Просматривалось также намерение грузинской охраны нанести основной удар по средоточию абхазской научной мысли – АБНИИ. Ведь ясно было тем, кто планировал программу освоения Абхазии, что пока существует научный центр абхазоведения, будет и сопротивление процессам ассимиляции. В перечне преступлений дирекции и коллектива научного сообщества перечислены следу-

¹ Абхазский библиографический словарь. Под редакцией В. Ш. Авидзба. Москва – 2015 – Сухум. С. 72.

ющие обвинения: «В тематическом плане не было ни одной темы по истории культуры Грузии, ни одной темы, которая касалась бы взаимоотношений абхазской и грузинской культуры. Зато в плане института имелись такие темы, как «Взаимоотношения абхазского языка с убыхским, черкесским» (исполнитель А. Хашба) и «Турецкие элементы в абхазском языке» (исполнитель Шакирбай Георгий Захарович, проживает в г. Сухуми, нигде не работает)».

В справке грузинской спецслужбы сообщалось и о таком факте, как отношение, вполне возможно ею же измышленное, абхазских ученых к трудам своих тбилисских коллег. Например, о том, что «получаемая институтом в порядке обмена (бесплатно) грузинская литература сваливалась в сарай, и в библиотеке института не было ни одной книги на грузинском языке. Научные командировки сотрудников в Тбилиси игнорировались. Органической связи с научными кругами Тбилиси у института не было. Зато С. Ашхацава имел командировку в 1936 году в Краснодар, к черкесам (это было за пятнадцать лет до создания данной справки НКГБ. – **В. Ч.**), В. Кукба ездил в командировку в Турцию (в 1929 – 1930 гг.), добивался командировки в Турцию и А. Хашба в 1934 – 1935 гг. Вот в этом институте Зав. сектором истории работал с 1933 года и С. П. Басариа».

Гебешники продолжали накручивать обстановку вокруг главного абхазского очага науки и культуры, обвиняя директора АБНИИ и его сотрудников в саботировании процессов огрузинивания абхазов. Например, о том, что «В 1937 году А. Хашба и его работники института отнеслись к переходу на грузинский алфавит резко отрицательно. Он (А. Хашба. – **В. Ч.**) входил в так называемый «Абхазский комитет нового латинизированного алфавита», который возглавлял сначала Н. Лакоба, а позже б/ Нарком просвещения, ныне репрессированный Зантария. Хашба Арсентий и его сподвижники с института занимались бесконечными опытами над «усовершенствованием» латинского алфавита и всегда горячо защищали его. Когда в мае 1937 года партийная конференция приняла решение о переходе на грузинский алфавит, то А. Хашба и В. Кукба говорили что: «этот переход осуществить нелегко, это дело затянется» и в самом деле это дело затянулось. В это дело были вовлечены: Гулия Дмитрий Иосифович (народный поэт Абхазии), Ашхацава Семен, Чочуа Андрей Максимович, Патеипа Н. (осужден 1941 г.), которые часто заходили

в институт к Арсентию Хашба, вместе с Хашба Мушни и совещались с ним в узком кругу по этому поводу»¹.

О сопротивлении абхазских патриотов планам грузинизации говорят такие строки из справки НКГБ: «В итоге к ноябрю 1937 года были составлены два проекта (алфавита. – **В. Ч.**): проект Ашхацава Семена с его точками и запятыми вообще являлся недоразумением и проект Арсентия Хашба с большим параллелизмом между отдельными знаками, почему нельзя было отличить один знак от другого. Он содержал чуждые грузинскому алфавиту знаки».

И затем в чекистской справке даются вполне достоверные выводы, отмечавшие, что «Это делалось для того, чтобы показать невозможность перехода на грузинский алфавит. Данные эти подтверждаются также и заявлением Хашба Мушни, Агрба Захария, Чадуа Платона, Кукба Виктора и Таркила Зосима о невозможности перехода на новый алфавит поданным ими в 1937 году на имя в то время секретаря Абхазского Обкома КП (б) Грузии Алексея Агрба».

Удивительно точно описана обстановка отношений двух абхазских лидеров того периода, если, конечно, отбросить жаргонный язык охранительной системы из надуманных политических обвинений. Например, о том, что «Нестор Лакоба, будучи ярым к – р (контрреволюционным. – **В. Ч.**) националистом был в курсе всего и являлся одним из «идеологов» контрреволюционно-националистического движения в Абхазии. Еще при его жизни, когда Агрба Алексей был назначен секретарем Абхазского Обкома КП (б) Грузии, будучи тем же к – р националистически настроенным, но находясь в натянутых отношениях с Н. Лакоба изолированно от него начал окружать себя отдельными к – р националистами, а после смерти Н. Лакоба и назначении его Председателем ЦИКа Абхазии, создал к – р / националистическую организацию, которая была ликвидирована в 1937 году». Речь здесь, конечно же, идет об абхазской руководящей элите и творческой интеллигенции, вернее о тех, кто нашел в себе смелость противостоять ассимиляторским планам грузинских властей, поддерживаемых на самом вершине, в Москве. Знали, разумеется, о том Н. Лакоба и А. Агрба, но пытались все же, с огромным

¹ Абхазский библиографический словарь. Под редакцией В. Ш. Авидзба. Москва – 2015 – Сухум. С. 76 – 77.

риском для себя, замедлить реализацию задуманной грузинизации Абхазии. Им верили и вокруг них собирались те силы абхазского общества, о которых сообщала справка НКГБ. Думается, если бы не поддержка абхазских лидеров и такого сопротивления не стало бы. Потому они и лишились жизни по указанию тех, кто прекрасно был осведомлен о настроениях этих крупных абхазских деятелей. И только после того дело грузинизации, хоть и со скрипом, но сдвинулось с места. Был переведен абхазский алфавит на грузинский язык, закрывались абхазские школы, к обучению абхазских детей приступали полуграмотные грузины, мобилизованные из внутренних районов Грузии.

Это были уже 40-е годы. Лучшие силы абхазского общества были загнаны в подполье. Но и туда добиралась грузинская охранка. И в своих отчетах тщательно фиксировала личности едва выживших из чекистской мясорубки 1937 – 1938, 1941 – 1942 годов. Вот и в отмеченной выше справке сообщается, что «в настоящее время в Абхазии проживают замешанные в той или иной степени в этом контрреволюционно буржуазно-националистическом движении (типичное обвинение уже репрессированных абхазов. – **В. Ч.**), которые не были привлечены к ответственности в свое время по неизвестным причинам». К документу приобщен список 25 абхазов разных профессий. Причем наряду с высокопоставленными работниками здесь фигурируют и рядовые граждане. В завершение справки, подписанной министром Государственной Безопасности Абхазской АССР Генерал-майором И. Гагуа (25 сентября 1947 года), в частности, отмечается: «Некоторая антисоветски - националистически настроенная часть абхазцев, с конца 1945 года продолжает высказывать недовольство. В числе недовольных установлены и некоторые из вышеуказанных лиц, избежавших в то время репрессии за свои к – р националистические действия, которые занимаются не только болтовней, но и составлением клеветнических заявлений на проводимые партией и правительством мероприятия».

И здесь вновь под обвинение охранки попадает АБНИИ, работники которого, по справке Гагуа, «Дзидзария Георгий Алексеевич и Шакрыл Константин Семенович, совместно с Шинкуба Багратам Васильевичем, составили клеветнически - провокационное письмо на имя ЦК ВКП (б), об якобы имеющемся в Абхазии гонении над аб-

хазами. Характерно отметить, что и здесь директором АБНИИ является Чочуа Андрей Максимович, который хотя и общается с ними, но судя по его заявлению, «не доглядел». ЦК Партии (Грузии. – **В. Ч.**) признал письмо клеветническим и на авторов письма наложил партийные взыскания»¹, – так завершает свой донос грузинскому руководству главный «абхазский» чекист.

Следует отметить, что указанный список абхазов, явно подготовленный чекистами неспроста, наводит все же на некоторые размышления. Как, скажем, понять такое обстоятельство, когда, наряду с отмеченными в списке Г. Дзидзария, К. Шакрыл, А. Чочуа, Д. Гулиа, М. Хашба, Ш. Инал-ипа, проставлена фамилия Председателя Президиума Верховного Совета Абхазской АССР М. Делба, вполне, мягко говоря, лояльного грузинским властям. А вот имя Б. Шинкуба, подписавшего письмо «троих», в списке НКГБ отсутствует. Может, запомнили? И что все-таки замыслили чекисты, составляя данный перечень абхазских имен? Впрочем, на этот вопрос уже ответили выше авторы сборника «Абхазский архив...»: стояла задача, обезглавив абхазский народ, растворить его в грузинской этнической среде.

Но также возникают и другие непростые вопросы и соображения. О чем, скажем, могут поведать эти пространные доносы грузинских чекистов на абхазских партийных и государственных деятелей, представителей науки и творчества, рядовых граждан республики? О том, безусловно, что за происходящими процессами внутри абхазского общества, о планах и намерениях его политической и научной элиты тщательно следили, причем не без содействия некоторых абхазских сексотов из этих же кругов. Вспомним попытку Н. Лакоба поднять вопрос возвращения абхазских махаджиров на родину во второй половине 20-х годов и связанные с этим публикации в абхазских государственных газетах. Писали о том, конечно, с подачи Нестора Апполоновича, но все-таки некоторые крупные публицисты печатались под псевдонимами, наверняка сознавая, что спецслужбы им не доверяют и следят за ними. Знали, что идут на большой риск и шли на то, поскольку также понимали, что это была очередная попытка Н. Лакоба и его единомышленников противо-

¹ Абхазский библиографический словарь. Под редакцией В. Ш. Авидзба. Москва – 2015 – Сухум. С. 77 – 80.

стоять грузинской политической и демографической экспансии за счет абхазской эмиграции. Абхазия страшно нуждалась в людской подпитке. В целом в республике абхазов к 1926 году насчитывалось около 55 тысяч, грузины уже составляли около 68 тысяч человек. Катастрофическое положение в этом плане сложилось в столице Абхазии. В Сухуме, как отмечалось выше, с населением более 21 тысячи человек, абхазов в то же время проживало не более 600 человек. Эта была, на наш взгляд, основная причина того, отчего Абхазская ССР в конце 20-х лишалась союзного, хоть и формального, но все же де-юре существовавшего суверенитета. Ведь оппоненты знали, на какие болевые точки нажимать. Постоянное ощущение этой ахиллесовой пяты своего народа испытывал и Нестор Лакоба, впрочем, не давали «забывать» о том и недруги абхазской независимости, кто прямо, а кто в завуалированной форме.

Зададимся риторическим вопросом – почему суверенитет ССР Абхазии нами назван «формальным»? До сего дня эта проблема, на наш взгляд, недостаточно исследована. Ответ же напрашивается в такой плоскости. 31 марта 1921 года Ревком Абхазии объявил об образовании Советской Социалистической Республики Абхазия. Это произошло после Батумского совещания ответственных работников Закавказья, Грузии и Абхазии. После продолжительного и эмоционального обсуждения проблемы формата абхазской государственности, в итоге Е. Эшбе удалось отстоять независимость Абхазии. Представителям Кавбюро ЦК РКП (б) и Грузии – С. Орджоникидзе, С. Кавтарадзе, Ш. Элиава и другим пришлось согласиться на образование независимой и от Грузии, и от Российской Федерации ССР Абхазии.

Все вышеперечисленное – факты известные. И о них сообщалось ранее со ссылкой на исследования авторитетных абхазских ученых. Но мало изучен, на наш взгляд, иной фактор, который сыграл весомую роль в событиях, как 20-х, так и последующих десятилетий. Это использование оппонентами абхазской независимости в целях свертывания государственного статуса республики изменение формата партийной структуры в Абхазии. Например, очень важным с точки зрения реального суверенитета молодой страны было образование 29 марта 1921 года партийного органа под названием Организационное бюро РКП (б) в Абхазии, не подчиненного ком-

партии Грузии. Это, действительно, был кульминационный период суверенитета и независимости советской абхазской государственности, продлившегося, однако, недолго. Поскольку это произошло в конце марта против воли Наркомнаца Российской Федерации И. Сталина, он в очередной раз бросает в атаку на абхазский суверенитет Кавбюро ЦК в июле того же года. Но уже, не доверяя закавказским товарищам, сам принимает личное участие в наступлении против абхазской независимости. Как член Политбюро ЦК РКП (б) он обязывает Кавбюро ЦК (С. Орджоникидзе) поручить Оргбюро РКП (б) в Абхазии (П. Агниашвили) и Ревкому Республики (Е. Эшба) вести работу в направлении автономного вхождения ССР Абхазии в состав Грузии. Кстати, в 1921 году поменялось четыре секретаря Оргбюро РКП (б) в Абхазии (Криштоф, Агниашвили, Ларионов, Сванидзе). Для проведения же директивы Кавбюро ЦК в Абхазию был направлен один из секретарей Кавбюро А. М. Назаретян. Было срочно проведено (22 июля 1921 г.) совещание партийно-советских работников республики. На следующий день, 23 июля, состоялся совместный пленум организационного бюро РКП (б) в Абхазии и Ревкома, на котором было принято далеко не однозначные решения. С одной стороны, одобрялось объявление независимости ССР Абхазия, с другой – предлагалось руководству республики направлять свою деятельность на создание условий экономического единства с Грузией на федеративных началах. Это говорит о том, что Назаретяну не просто было провести задание Кавбюро и Сталина по автономизации Абхазии в составе Грузии. И пока остановились на некоем подобии компромиссного варианта.

Однако вскоре усилиями того же Сталина осенью 1921 года Кавбюро вновь возвращается к проблеме независимости Абхазии. Эшбе в категоричной форме предлагается дать согласие на вхождение Абхазии в Грузию на договорных началах. Руководитель ССР Абхазия решительно настаивает на ее непосредственное вхождение в Закавказскую Федерацию и отказывается участвовать в работе комиссии по составлению союзного с Грузинской ССР договора. Но в начале ноября эта комиссия приступила к работе без участия лидера Абхазии, нашлись другие представители республики, выполнившие эту установку Кавбюро ЦК РКП (б). А на самом деле личное указание Сталина, проведенное С. Орджоникидзе. Так, в

середине ноября появляется пресловутое решение Кавбюро, которое гласило: «Считать экономически и политически нецелесообразным существование независимой Абхазии». Другим пунктом Эшбе, не принявшего в знак протеста участия в выработке данного решения, предлагается казуистический по форме, явно с подачи Сталина, выбор: вхождение ССР Абхазия в состав федерации ССР Грузия на договорных началах, или на правах автономной области в РСФСР. Естественно, Эшба и Лакоба, обсудив создавшуюся ситуацию, остановились на формате, хоть и усеченной, но в определенной мере суверенной республики. Видимо, в надежде на лучшие времена. Но они, наверняка, не ожидали, что коварный Сталин уже сразу принял меры по усечению реальных прав ССР Абхазии. Еще не был подписан союзный договор Абхазии и Грузии, декларированный Кавбюро, как уже 24 ноября 1921 года Оргбюро РКП (б) в Абхазии было лишено самостоятельности и организационно связано с ЦК КП (б) Грузии.

Таким образом, четко прослеживается ситуация, когда партийные структуры используются в реализации личных и групповых интересов высокопоставленных функционеров, в данном случае Сталина, Орджоникидзе и их приспешников. Ведь не Советы и их исполнительные органы решали судьбу государственного статуса Абхазии. Они лишь механически дублировали то, что «узаконивалось» партийными структурами – Кавбюро ЦК РКП (б), Оргбюро РКП (б) по Абхазии, уже подчиненное ЦК РКП (б) Грузии, затем Абхазский обком ЦК КП Грузии.

Очень интересной получалась параллель Абхазии с ситуацией в центре, в Москве. Ленин начинал тяжело болеть, Сталин потихоньку набирал силу в Кремле. К 1922 году он становится Генеральным секретарем партии большевиков. Постепенно он оттесняет от кормила власти видных большевиков, особенно тех из них, кто был рядом с Лениным в Совнаркоме. И через некоторое время центр силы оказывается уже в руках Генсека партии большевиков, а не у председателя правительства. Советы и их структуры окончательно становятся придатком партийных органов.

Так же примерно происходило и в Абхазии. Вначале Оргбюро подчинили Тифлису, а через месяц (7 января 1922 года), и вовсе ликвидировали, создав прямо подчиненную структуру – Абхазский

областной (даже не республиканский) комитет КП (б) Грузии, возглавляемый, как правило, тифлисскими партийцами. Тем самым, по замыслам противников абхазской независимости, подчиненная Грузии партийная организация должна была стать «центром силы» в пока еще формально независимой республике. Но в реальности, в силу авторитета Н. Лакоба, все же «государствообразующим» органом, со всеми вытекающими отсюда последствиями, оставался определенное время СНК Абхазской ССР.

Н. Лакоба некоторое время игнорировал «главенство» в республике партийного органа. Однако его влияние на решение тех или иных вопросов осуществлялось в пределах той компетенции, которая уже не могла выходить за рамки исполнительной власти, также и хозяйственных вопросов. Одно время и заседания бюро обкома проводились у него в кабинете «покладистыми» грузинскими партфункционерами, на что регулярно шли от них же жалобы наверх, в ЦК КП Грузии, также и в адрес Кавбюро ЦК РКП (б), то есть С. Орджоникидзе. И все-таки многие важные решения Тифлис проводил через бюро обкома партии, где Нестор Аполлонович не всегда был волен реализовать собственные намерения. К тому же, когда свершался процесс принудительной автономизации Абхазии, с подачи того же «приятеля» главы абхазской республики Сталина, понизили и статус самого Нестора Аполлоновича, в наказание за его упертость в вопросах, которые будировал сам вождь советских народов. В Абхазии ликвидировали СНК, оставив место председателя ЦИК пока еще за Лакобой. Это был еще один шаг на пути к окончательной автономизации Абхазии в составе ССР Грузия. И уже основательно закручивались гайки: глава правительства Абхазии не мог выехать за пределы Сухума без разрешения бюро областного комитета Компартии Грузии. О том он однажды дипломатично информировал самого Сталина, отдохавшего на побережье. Тот, конечно, знал о партийных порядках в Абхазии, кои повторяли те же самые, заведенные вождем и в центре. Но, играя в «товарищеские» отношения с абхазским лидером, слегка пожурил руководство абхазского обкома и грузинского ЦК. Что позже не помешало вождю поставить на место Лакоба в письме по поводу комиссии Цейтлина, сурово напомнив ему о необходимости соблюдения партийной дисциплины.

Еще раз отметим главное из сказанного выше: несущей конструкцией, основной скрепой, говоря образно, изначальной абхазской советской государственности была партийная самостоятельность от Грузинской ССР. Вскоре, однако, усилиями Сталина это положение было пересмотрено и с независимым Оргбюро партии по Абхазии покончено. Таким образом, стержневая скрепа государственности была подорвана, и в условиях партийной зависимости в лице вновь созданного Абхазского обкома КП Грузии суверенитет ССР Абхазии стал постепенно разрушаться. И никакие Конституции и другие атрибуты власти формальной ССР Абхазии не могли долго сдерживать натиска грузинской большевистской экспансии, проводимой к тому же под эгидой грузинского вождя красной империи.

Приведем пример, доказывающий превалирующую роль партии над советскими структурами. Как известно, в Конституции Абхазской ССР 1925 года языком делопроизводства и госучреждений являлся русский язык. Также он являлся языком межнационального общения народов, проживавших в Абхазии. Словом, выполнял ту же миссию, что и сегодня. Наряду с этим, все народы и этнические группы имели право развития и употребления своего языка в пределах республики. Но Тифлис не удовлетворялся такой «пассивной» позицией грузинского языка в Абхазской республике. ЦК КП Грузии принимает решение, в свете которого Абхазскому обкому КП Грузии, но ни ЦИКу, ни СНК Абхазской ССР, предлагается «принять меры к урегулированию вопроса о языке сношений абхазских республиканских органов с уездами, преобладающее население которых из грузин и другого нацменьшинства Абхазии (например, Гальский уезд)». То есть делается, таким образом, попытка ввести в Абхазии в качестве языка делопроизводства, наряду с русским, грузинский язык.

Тогда, видимо, усилиями Н. Лакоба, этот натиск Тифлиса удалось приостановить. А ведь это происходило в год принятия Конституции хоть и договорной, но все же суверенной ССР Абхазии, судя по 5-й статье Основного закона. Как же тогда понимать диктат Грузинского ЦК, если вышеотмеченная статья гласила: «ССР Абхазия есть суверенное государство, осуществляющая государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти». Так было на бумаге, а на деле...

На деле же была временная передышка. Но Грузинский ЦК партии не собирался долго мириться с «произволом» абхазского лидера Н. Лакоба и обратился в Заккрайком ВКП (б). Оттуда вскоре последовало строгое распоряжение: «В целях урегулирования национального вопроса, разработать на основе существующих декретов Зак. ЦИКа и Груз. ЦИКа проект о применении языков и представить на обсуждение в ЦК КП (б) Грузии». Обратим внимание на то, что речь об абхазских декретах и иных правовых документах не шла, выходило, что вышестоящие партийные органы, без участия подчиненного обкома партии, обговорили меж собой плоскость решения данного вопроса.

С этим решением в Абхазии тянули до 1927 года, до принятия новой Конституции. Но переиграть ЦК КП (б) Грузии лидеры ССР Абхазии не имели ни сил, ни правовых возможностей. К тому же, Абхазский обком партии с 1925 года возглавлял Стуруа Г. Ф., постоянно писавший доносы на Нестора Лакоба в ЦК КП Грузии и Закавказский Крайком партии. В итоге в Конституцию записали языками государственных учреждений Абхазии абхазский, грузинский и русский языки. Это был первый шаг на пути к тайной цели агрессивных грузинских националистов – полной грузинизации Абхазии, которая последовала с конца 30-х годов, после чего грузинскому языку была уготована роль единственного государственного языка в абхазской республике со сплошным грузинским элементом.

Деструктивно - определяющую роль партийных организаций: Кавбюро, Грузинской компартии, Абхазского обкома в низведении независимой ССР Абхазии до бесправной автономии в составе Грузии особо четко подчеркивал видный абхазский исследователь Е. К. Аджинджал. В этом плане он отмечал следующее: «... Большевистская партия Закавказья (Кавбюро во главе с С. Орджоникидзе. – **В. Ч.**), на основе своей пресловутой доктрины «интернационализма», добилась того, чтобы члены компартии Абхазии (Оргбюро РКП (б) по Абхазии. – **В. Ч.**) были подчинены своим одноименным партиям Грузии, хотя вся борьба патриотов Абхазии была посвящена свободе и независимости своей Родины!».

Из сказанного выше ученый делал весьма справедливые выводы о том, что «с 1921-й по 1931 годы Абхазия была суверенной республикой и имела «союзный договор» с Грузией, все же по линии

компартии она была подчинена Грузии. Как раз это и обусловило впоследствии, в 1931 году (уже по воле Сталина), введение Абхазии в состав Грузинской ССР на правах формальной автономии»¹.

Таким образом, грузинские шовинисты, используя систему иерархии партийных структур, в коей Абхазский обком оказался в подчинении Грузинского ЦК партии, проводили нужные им преобразования, постепенно размывавшие суверенные права ССР Абхазии.

О том же свидетельствовала и ситуация, связанная с деятельностью правоохранительных органов ССР Абхазия. Уже с 30-х годов грузинские спецслужбы ГПУ – НКГБ и подчиненные им аналогичные службы «суверенной» абхазской республики могли свободно арестовать любого гражданина ССР Абхазии и заключить его в Тбилисскую тюрьму. Так поступили с научными работниками АБНО (Абхазское научное общество), крупными учеными еще в правление Н. Лакоба изъятых грузинскими чекистами из Абхазии, которые без суда и следствия были водворены в тифлиссские застенки. И это были далеко не единичные случаи. Такое ведь не сопоставимо с суверенностью и независимостью, коими, как это значит в историографии, обладала ССР Абхазия.

Да и сам Нестор Аполлонович на собственной персоне остро чувствовал подневольное состояние абхазской республики. О каком суверенитете можно говорить после слов главы Абхазского правительства на пленуме ЦК КП (б) Грузии в июне 1928 года. В своем выступлении он явно раздраженно отмечал следующее: «Ни одного заседания Пленума ЦК, ни одного собрания в центре (центром тогда уже для Абхазии считался Тифлис. – **В. Ч.**) нельзя вспомнить, чтобы во всех падежах не склонялась Абхазия. Это с одной стороны. С другой стороны – нельзя не отметить такого явления: одни секретари обкома Абхазской организации, назначаемые ЦК, говорят: «Поедем в Абхазию, при условии, если ЦК Лакоба снимет». Спрашивается, чем мы это заслужили»².

Слова абхазского лидера, заметим, горькие, но справедливые. Грузинскому ЦК вполне под силу было освободить председателя Совнаркома ССР Абхазия. И никакая Конституция и законы суве-

¹ Е. К. Аджинджал. Абхазская реконкиста и международное право. Сухум – 2002. С. 13 – 14.

² Б. Сагария. Газета «Единение», №8, август 1991 года.

ренной Абхазии его не могли защитить, поскольку главнее, при всем вроде равноправии госструктур, были партийные органы. Абхазский же обком являлся партийным придатком грузинского центрального комитета. Потому всякая суверенность, даже закреплённая Конституционными законами, как говорится, ломаного гроша не стоила, если «государствообразующая» партийная структура находилась в подчиненном положении.

Как нам кажется, исходя из сказанного, есть необходимость обсуждения и уточнения реальной ситуации той поры, когда всеильными оппонентами Абхазии (в Москве и в Тифлисе) проводилась политика разрушения структур суверенной республики. При этом важно учитывать, не обвиняя голословно абхазских лидеров, что противостоять натиску руководства красной империи ни у Эшбы, ни у Лакобы практически не было возможности. По воле большевистского руководства, уже с конца 1921 г, Абхазия год за годом теряла свою суверенность (речь даже не о независимости) в решении вопросов внутреннего свойства. А к 1931 году, Абхазская ССР, де-факто являясь автономной республикой, была оформлена таковой и в правовом отношении – стала АССР Абхазия.

Взгляд в прошлое, вызванный сведениями из книги С. Лакоба и Ю. Анчабадзе, является попыткой обосновать положение о том, что абхазская элита, куда входили крупные партийные и советские работники, практически, начиная с 20-х годов отчаянно отстаивала интересы и права абхазского народа и его государственности. Но силы были неравные: вплоть до смерти вождя, на народ и страну абхазов, как с первых дней советской власти, так и позже, наступление вела советская система, созданная и возглавляемая большевистским практиком и теоретиком И. Сталиным. Красный император, выстроивший свою ранжированную империю по образу и подобию русской матрешки, как нам видится, подогнал сей проект национально-государственного устройства десятков народов под свои схоластические рассуждения в духе большевистского (волюнтаристского) подхода к решению национального вопроса. Как еще можно назвать его главный постулат (который, к прискорбию, был принят партией на вооружение), откровенно провозглашавший закономерным явлением исчезновение немногочисленных, по терминологии вождя, «запоздалых народов».

Отцу «советских народов» это виделось таким образом: «Процесс ассимиляции одних национальностей (к примеру, абхазов. – **В. Ч.**) не исключает, а предполагает противоположный процесс усиления и развития целого ряда живых и развивающихся наций (в ряду которых, естественно, грузины. – **В. Ч.**), ибо частичный процесс ассимиляции отдельных национальностей (тех же абхазов. – **В. Ч.**) является результатом общего развития наций»¹.

Беда для советских народов, малочисленных, разумеется, заключалась в том, что вождь в теоретических рассуждениях по национальному вопросу не заикался, скажем, о том, что большевики станут корректировать, в том числе и силовым путем естественные процессы развития и трансформации, присущие природе рода человеческого. Практика же, на примере силовой грузинизации Абхазии 30-х и 40-х годов, убеждает о цинизме и несостоятельности теоретических опусов советского вождя, сделавшего ставку на принудительное решение национальных вопросов по формуле «а-ля Сталин».

Абхазы все же сумели пережить и выжить в столь трагично-экспериментальное время. Помогло тому, безусловно, что в целом элита и народ были спаяны воедино, как это всегда бывало в периоды больших неурядиц и катаклизмов. Вели борьбу, за редким исключением, сплоченно в защиту национальных интересов, погибли за то также едино: интеллигенция, руководящие партийно-советские и хозяйственные работники, представители крестьянства. Таким образом, вполне логична историческая концепция о том, что освободительная борьба против грузинского засилья велась и до установления советской власти в Абхазии, и после ее установления. Есть, думается, основание предполагать (хотя абхазская историография это отрицает), что и десять лет существования ССР Абхазия, как и последующие этапы, были также временем постоянной борьбы абхазов с грузинской экспансией, направленной на подавление соседнего народа и демонтаж его суверенной государственности.

Эти уроки прошлого вряд ли в ближайшие десятилетия выветрятся из генетической памяти народа. Вот и ученые, писатели, публицисты уже в послевоенное время, как и раньше, уделяют значительное внимание грузино-абхазским отношениям и трагическим

коллизиям, возникавшим на протяжении последнего столетия между двумя соседними народами. Ныне есть осознание того, агрессивный натиск соседей – явление не столько спонтанное, сколько перманентное и спланированное изощренными умами грузинской элиты, как политической, так и творческой. И потому вердикт абхазских мастеров слова выглядит исчерпывающе непреклонным: грузинская верхушка больна агрессивным национализмом, ставшим весьма заразительным и в среде грузинского народа. Отсюда и корни разразившегося страшного кровопролития, повторение чего не исключено и впредь. Посему «уроки» войны должны стать поучительными для абхазского общества на десятилетия вперед. А защитники Родины, «бойцы первой линии, спасшие Отечество», обязаны являться скрепой всех частей общества, авангардом народа и в мирное время.

... Вот и в сборнике публицистических произведений Народно-го писателя Абхазии А. Гогуа «Глагол» важное место отводится войне и грузино-абхазским отношениям на протяжении всего периода советской власти. Также следует отметить, что писатель довольно часто обращается и к времени, предшествовавшему советской эпохе. Аналитические мысли и рассуждения автора о событиях грузино-абхазской войны содержатся в материалах, объединенных в первом разделе книги, в статье (на абх. языке) под заголовком «Первые эшелоны своих позиций не оставляют».

В названной статье автор рассуждает о субъективных и объективных факторах, которые определяют выбор правильного пути, как в созидании послевоенного общественного уклада, так и в построении новой абхазской государственности. Как известно, при войнах и прочих катаклизмах, связанных с судьбой целого этноса, всегда определяющая, т. е. авангардная роль отводится не только обществу или народу в целом, а наиболее ее активным представителям. Формула эта известна давно, о том писали многие историки, государственные и политические деятели. Как известно, теорию пассионариев, кои составляют в любом этносе не основную, но всегда авангардную часть, исповедывал известный русский ученый Л. Гумилев.

Анализируя только что наступившую послевоенную ситуацию (декабрь 1993 года. – **В. Ч.**), которая должна была вскорости наметить пути созидания новых институтов общества и государства

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 140.

абхазского, А. Гогуа в образной форме расставляет следующие акценты: «Мы взошли на этот перевал, путь к которому был так труден и тернист. За ним должен начаться новейший по своей форме и содержанию этап – нашей государственности, исторического развития национальной жизни, взаимоотношений с мировым сообществом. Но пока еще нет окончательной развязки кровавой драмы, в которую ввергнул нас жестокий и самонадеянный агрессор. Бойцы первого эшелона пока на своих позициях».

Забегая вперед, отметим, что автор публикации в образное, вошедшее органично в абхазские реалии, определение «бойцы первого эшелона», которые, на наш взгляд, также сродни пассионариям Гумилева, вкладывает широкое понятие. Это те, в первую очередь, кто сражался на передовой, кто планировал военные действия. Также, полагаем, что недалеко отстоят и те, кто отстаивал свободу Абхазии в политических схватках, кто в тылу всеми силами обеспечивал фронты. Словом, все те, кто не отступил, не сдал позиций, и в меру своих сил и возможностей помогал в тяжелую годину отстоять от врагов Отчизну. И в мирное время, которое еще только должно было наступить, бойцам передовой, как отмечал публицист, необходимо было доверить первые роли в будущей созидательной деятельности абхазского общества.

По этому поводу А. Гогуа высказывался таким образом: «Говоря о первом эшелоне, хотелось бы отметить, как важно четко определить отношение к нему на будущее, какая роль вверяется ему в строительстве нашего национального государства. Это одна из тех проблем, которую надо поставить во главу угла. Не на словах, как это, к сожалению, часто бывает. По опыту многих войн, происходивших в мире, мы знаем, что зачастую бойцы, честно и мужественно отдававшие все свои силы патриотическому долгу, в мирной жизни оказывались как бы лишними».

Автор также обосновывает морально-духовное право тех, кто отстоял независимость родины, на достойное представительство в реализации созидательных задач в мирное время. О том как раз и напоминает А. Гогуа, подчеркивая, что «в этой агрессии враг преследовал цель истребления социально и духовно активной части народа, открыто заявляя об этой бредовой идее. И наше воинство, наши первые эшелоны шли не на обычные сражения, а на сражения, не

дававшие никакого выбора. Шли с глубоким сознанием долга и ответственности. Достоин выдержав эти испытания, наши воины, наш первый эшелон показал, что и в будущем строительстве своего государства главным образом надо полагаться на них, именно на них».

Наряду с показом фактов героизма и самопожертвования во имя идеалов свободы и независимости родины, автор убедительным и острым пером публициста делится с читателями аналитическими рассуждениями, вскрывающими истоки и сущность такого зловещего и тлетворного порока, как мародерство. Откуда это явление? Как оно пришло к нам, и в чем отличие грузинского мародерства от нашего аналогичного порока? – это те вопросы, на которые следуют исчерпывающие ответы. При том отметим такую деталь, что А. Гогуа все-таки расставляет различительные акценты между мародерством агрессора и отечественными любителями чужого добра. Это редкое явление, может, как полагаем, и вовсе исключительное, поскольку мародерство в мире оценивается однозначно, без всяких скидок на национальные, психологические и прочие характеристики или свойства черт и качеств народов.

Это самое различие, по словам автора, зиждется на таких обстоятельствах: «Составляющих первый эшелон (речь идет об абхазских воинах. – **В. Ч.**) по отношению ко всему населению не так уж и много. Но именно этот процент населения показал, что наш народ достаточно здоров и способен выработать энергию, необходимую для сохранения себя как народа, а его организм – излечиваться от всякого рода заболеваний – пороков, как возникающих в своем организме, так и проникающих извне».

Оригинальна также, на наш взгляд, мысль публициста, что в роли «лекаря» носителей отечественных пороков эффективным образом может выступать уже в мирное время тот же «первый эшелон». Сообщается автором и то, кого он должен наставлять на «путь истинный», поскольку, как отмечает А. Гогуа, «мы не можем пройти мимо такого реального факта как наличие небызвестного «второго эшелона» (мародеров на военном языке. – **В. Ч.**).

И снова интересное наблюдение автора о том, что «у противника в Абхазии не было такого разделения, это были в целом мародеры и изощренные убийцы... Просто вспоминая выражения их лиц, содрагаешься: неужели человек может дойти до такого!». И далее,

продолжая свое аналитическое исследование, публицист заключает: «Став свидетелем такого крахового разврата, невольно задаешься вопросом: что же привело народ, породивших этих, не оставляющих никакой надежды выродков, до такого психоза, и сможет ли он выйти из него хотя бы в ближайшие десятилетия? Анализировать состояние противника, делать выводы, угадывать его планы, поведение – это часть борьбы с ним».

И таково, по мнению автора, то самое «отличие», данное им этому порочному явлению: «Что и говорить, между запланированным мародерством, сопровождаемым зверствами противной стороны, рассчитанным на физическое, материальное и духовное поражение народа, и теми вспышками мародерских припадков, которые наблюдались в среде нашего так называемого «второго эшелона», особенно в первые дни после освобождения Сухума, – дистанция огромного размера».

Анализируя ситуацию и перспективу становления абхазского общества и государства в послевоенное время, А. Гогуа предупреждает, что представители «второго эшелона» так запросто не собираются отойти на второй план, более того, есть опасность, что личности, одурманенные стяжательством, непрочь будут дорваться и до управленческого аппарата. А это возможно сделать в ситуации, когда бойцы первого эшелона не будут активно участвовать в строительстве нового государства.

И посему публицист отмечает: «Государство существует по воле народа, осуществляет его помыслы и намерения. Если это так, то основной созидательной силой, претворяющей волю народа, должны быть те, кто на передовой, бойцы первого эшелона. Только таким путем надо идти, кроме того, нет другого пути»¹.

Сегодня, по прошествии четверти века послевоенных реалий, можно констатировать, что немало фактов и явлений из того, о чем предупреждал публицист, имели место в жизни абхазского общества. У властных рычагов нередко оказывались и те, которых А. Гогуа определил в число «второго эшелона». И они успешно, для себя, разумеется, осваивались в государственных и хозяйственных структурах. Во время правления Первого Президента им было не

особенно уютно встраиваться в плотные ряды защитников Отечества, но с течением лет и изменением политического ландшафта ситуация стала преобразовываться. Особенно тогда, когда руководители страны иной формации, нежели национальный лидер, перестали обращать внимание на военные заслуги кандидатов в руководящее кресло. Постепенно властные структуры под влиянием той самой эрозии, о которой предупреждал именитый писатель и публицист А. Гогуа, становились, мягко говоря, «плюралистическими», то есть с большими вкраплениями персон из того самого «смутного» эшелона. Наверное, и оттого рядовому гражданину весьма сложно стало, а порой явно невозможно достучаться по жизненным проблемам до любого начальства – от условного домоуправа до руководителей высокого ранга. Не оттого ли, как нам видится, это отмечается и публицистами, блага и уровень жизни большей части населения Абхазии растут чересчур медленными темпами, а в иные времена многие семьи просто зависают в нужде, существуя на инерционной основе. Однако это никоим образом не сказывается на узкой прослойке «управляющих», уровень жизни и потребности которых с некоторых пор стабильно растут в унисон с финансовыми вливаниями стратегического партнера для поддержки и развития социальной сферы и экономики маломощного союзника.

Заметим также, что эти авторские рассуждения приводятся с целью подчеркнуть значение публицистики высокого полета, которая, разумеется, способна предвидеть развитие социально-экономических и общественно-политических процессов. А вот принимать меры и направлять сие развитие в правильное русло – дело политиков и государственных деятелей. Но, к сожалению, не всегда ценные и полезные рекомендации и выводы публицистов, в том числе и именитых становятся руководством к действию власть предержащих. Здесь имеется в виду не только наша ситуация, скорее всего, такое положение вещей имеет место и в более продвинутых странах, нежели Абхазия.

Тем не менее значение публицистики велико, ибо весомо и сильно ее воздействие на процессы, постоянно зреющие и происходящие в любом обществе, в его различных слоях: в среде трудового народа, его культурной прослойке – научной и творческой. Публицистика такого рода содержится во множестве публикаций абхаз-

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 7 – 14.

ских писателей, деятелей науки и культуры, других активных граждан республики.

Как уже отмечалось, во второй половине 2000 годов вышел в свет сборник публицистических, литературно-критических статей и рецензии лауреата Государственной премии Абхазии им. Д. И. Гулиа, доктора филологических наук Сергея Ладовича Зухба. Наряду со статьями на тему состояния современной абхазской литературы, анализа творчества видных абхазских писателей и поэтов, С. Зухба не обходит стороной и проблематику грузино-абхазских отношений. Тогда, в 90-х годах XX столетия эта тема была одной из самых актуальных политических проблем, вокруг которой скрещивались интересы не только абхазов и грузин, но и самых могущественных стран мира. Видные политики, общественные деятели, представители научной и творческой элиты разных стран, пытаясь повлиять на послевоенную грузино-абхазскую ситуацию, использовали для того силу и авторитет оружия слова – публицистику. Абхазская публицистика, ясное дело, сама была в гуще тех событий.

Примером тому статья С. Зухба «Возвращаться после всего содеянного?», написанная, судя по заголовку, с эмоциональностью человека, увидевшего воочию массу злодеяний оккупантов. Но уже с начала публикации, справившись с душевным протестом, публицист правдиво, с указанием конкретных фактов, писал: «Как только из Абхазии были изгнаны войска Грузии, тут же встала проблема возвращения беженцев. При этом на всех уровнях в основном речь идет о грузинских беженцах, а беженцы абхазской, русской, греческой, армянской и других национальностей вроде бы не существуют (например, во время оккупации г. Сухума из него поголовно были высланы жители еврейской национальности. – **В. Ч.**)».

Затем автор статьи, обращаясь к читателям, предлагает: «Прежде всего, давайте определим, кто же такие беженцы. С этой целью заглянем в наиболее авторитетное академическое издание «Словаря русского языка» (М., 1981), где сказано, что беженец – это «человек, покинувший место своего жительства вследствие какого-либо бедствия».

А как же обстояло дело в Абхазии? Сергей Ладович приводит «несведующим» из числа тех, кто не перестает опекать грузинского агрессора, следующие сведения: «Грузинское население Абхазии

само навлекло на себя бедствие, грузин здесь никто никогда ни в чем не притеснял. Даже в самой Грузии они не чувствовали себя так вольготно, как в Абхазии...».

И что же, как вели себя сами грузины на абхазской земле? «Но грузины в Абхазии хотели большего, – продолжает пояснять предвоенную ситуацию публицист. – Они пожелали быть здесь единичными хозяевами. Они с восторгом воспринимали лозунги своих лидеров типа «Абхазия – это исконно грузинская земля», «Абхазы – пришлое население, в любое время его можно изгнать», «Грузия – для грузин» и т. д.

«Сейчас говорят, – продолжает свой монолог публицист, – что должны вернуться все те, кто непосредственно не держал в руках оружие и не стрелял в абхазов. Я думаю, что это в корне неверный подход и не лучшее решение весьма сложной и запутанной проблемы. Ведь многие грузины совершали не меньшие злодеяния, чем те, кто участвовал в боевых действиях».

Как и требует логика повествования автора, здесь следует его риторический вопрос: «Я хочу спросить: кто изучил и знает конкретно, чем занималось «мирное население» в оккупированной части Абхазии?». Ответ автора, построенный на известном фактологическом материале, высказан таким образом: «Ведь тут фактически не осталось ни одной неграбленной абхазской семьи. Убивали, избивали, унижали человеческое и национальное достоинство абхазов на каждом шагу. Многие абхазские дома были сожжены, могилы предков, памятники культуры осквернены уже в первые дни вторжения в Абхазию вооруженных сил Грузии».

И вот теперь публицист обращается напрямую к тем персонам из числа зарубежных политических «доброхотов», кои склонны к быстрым решениям по воссозданию грузино-абхазских отношений в формате бывшей «малой империи» и подчиненных ей автономий. Посыл его к ним звучит таким образом: «Многие злодеяния нигде не зафиксированы (но немало и того, что зафиксировано. – **В. Ч.**), они остались только в памяти уцелевших людей. И теперь, как вы определите этих грабителей и насильников? Или собираетесь оставить их всех безнаказанными?».

Что и говорить, разумные, обоснованные вопросы, на которые следовало бы реагировать международным посредникам вразуми-

тельным ответом. Но куда там! Это не в их интересах, им бы Шеварднадзе подсобить, склеив заново ту самую «империю», раздолбанную абхазами. А последним подсунуть любыми средствами обратно антиабхазскую «пятую колонну», выдворенную за преступления на исконную родину – Грузию. А это значит, что никакие они не беженцы, а возвращенцы в свою отчую землю – Сакартвело.

И все же для публициста главным виновником кровопролития является не толпа, а верхние слои грузинского общества, его элита. Он так и пишет: «Некоторым кажется, что идея вооруженного вторжения в Абхазию с целью полной ее оккупации со всеми вытекающими отсюда последствиями возникла внезапно. Но это далеко не так». Идея освоения Абхазии, по словам автора статьи, зародилась в глубине прошлых веков, и по инициативе грузинских просветителей, разумеется, не абхазов, а грузин. И, «просвещая» своих соотечественников, они уже тогда подвигали их на освоение чужих земель. Об одном из таких просветителей публицист напоминает следующее: «Во второй половине XIX века Яков Гогешвили в статье «Кто должен переселиться в Абхазию» писал, что на опустевших (в результате махаджирства) абхазских землях (его коллеги в XX веке называли эти земли грузинскими. – **В. Ч.**) наиболее подходящими жителями являются мегрелы. Тем не менее, тогда никто не говорил, что Абхазия – часть Грузии. Речь шла лишь о заселении Абхазии грузинами. В дальнейшем же меньшевики (правители Грузинской Демократической Республики. – **В. Ч.**), Сталин, Берия с нарастающей силой усиливали позиции грузин в Абхазии. Наиболее интенсивно идея полной оккупации Абхазии внедрялась в сознание грузинского населения, особенно молодежи, в последние десятилетия во всех учебных заведениях не только в Абхазии, но и в регионах самой Грузии».

Заметим, однако, что ранее в том не было необходимости: Сталин и Берия в 30-х и 40-х годах XX века планировали освоение Абхазии путем уничтожения или же ассимиляции ее этноса, в чем они, к прискорбию, немало преуспели. Публицист же, продолжая свою мысль об ядовитых «уроках» грузинской интеллигенции, отмечал, что преподаватели вузов и других учебных заведений на своих лекциях «искаженно излагали историю Абхазии, воспитывая грузинскую молодежь в духе ненависти к абхазскому народу, презрения к его языку, культуре, истории. Ни один из них не сказал о том, что

Абхазия – есть Абхазия, ее аборигенами являются абхазы, а теперь исторически так сложилось, что мы живем вместе с ними. И разве такая пропаганда фактически не явилась одной из главных причин вооруженного нападения Грузии на Абхазию 14 августа 1992 года? – требовательно вопрошал автор статьи, обращаясь, полагаем, также и к грузинской интеллигенции. С тех пор прошло два десятилетия, нет с нами уже и самого публициста, как и нет ответного покояния с той, противной, стороны.

Нет сомнений, что люди, прошедшие трагедию войны и ужасы грузинской оккупации, согласны с тем вердиктом, что вынес С. Зухба нашим оппонентам в завершение своей статьи. Обращаясь к представителям грузинской интеллигенции, ранее проживавшим в Абхазии, он твердо заключал: «Нет, грузинские педагоги, профессора, доктора и кандидаты наук, писатели!.. Вам незачем возвращаться в Абхазию. На вашей совести не только кровь и страдания абхазского народа, но и гибель тех грузинских ребят, которых вы вдохновляли на убийство и грабежи. Вы же всегда твердили, что вы христиане. Какие же у вас дела с христианскими заповедями? Вам необходимо осознать, что Абхазия никогда не была Грузией и никогда таковою не будет»¹.

Говорят, в правде – сила. Вот и публицистика С. Зухба по своему содержанию сильна и правдива оттого, что она по своей сути являет собой концентрированное выражение духа и воли народа. Именно о том, о безоговорочном решении народа, не желающего, как прежде, прозябать на задворках грузинской метрополии, сообщал своим читателям Сергей Ладович в вышеприведенной публикации.

Отметим также, что ученый и публицист С. Зухба много писал о своих коллегах, абхазских писателях, поэтах, деятелях отечественной науки и культуры. Словом художественной публицистики он рассказывал о творчестве М. Лакербая, Б. Шинкуба, К. Чачхалиа, В. Анкваба, М. Ласуриа, Д. Ахуба, А. Аргуна и других.

Наряду с тем в творчестве С. Зухба значительное место занимают произведения, исследующие современное состояние литературы, в целом процессов, происходящих в жизни постсоветского общества. Некоторые свои наблюдения по этому поводу автор опубли-

¹ Сергей Зухба. На сквозняке времен. Сухум – 2006. С. 166 – 170. // Газета «Республика Абхазия», № 52, 16 – 19 июля 1994 года.

ковал под заголовком «На сквозняке времен» (Газета «Советская Адыгея», 19 марта 2005 г., №58, С.5).

Сразу отметим, что автор заметок четко отражает мироощущение немалого числа людей, особенно представителей старшего поколения, к коим он относит и себя, трудно привыкающим к новым духовно-психологическим ориентирам в связи с изменением общественно-политической формации. Это, конечно, в первую очередь связано с распадом Советского Союза, также с грузино-абхазской войной, что, по определению публициста, «нанесли огромный ущерб не только экономике, но и духовной жизни, культуре нашей страны».

Смятенность души и неопределенность сознания советского поколения в новых условиях жизни отчетливо проявляется и в таком пассаже автора: «Не только рядовому обывателю, но и представителям интеллигенции сегодня трудно дать определение временному промежутку, социально-политическим условиям, в которых приходится жить. Многих тревожило и продолжает тревожить одно: колесо истории повернуто вспять. В сознании людей образовался хаос».

На наш взгляд, ощущение подобного дискомфорта значительной частью общества автором подмечено правильно. Конечно, можно также принять, или же поспорить с выводом о том, что «колесо истории повернуто вспять». И все же, полагаем, что только время вынесет свой вердикт о том: гибель империи – благо или зло. Впрочем, для одних народов это может быть трагедией, для других же, как раз напротив – освобождением от колониальных условий жизни. Ситуация для абхазов сложилась хоть и трагично, но это был единственный возможный выход на свободу из грузинской (советской) метрополии. Ведь крушение Советской империи ознаменовало также развал «малой империи», от которой отпали подопечные народы. В ином случае, в крепко сколоченной красной империи (и такое могло иметь место, будь ГК ЧП решительней), исход абхазской свободы был бы, наверное, весьма проблематичным. Однако все это к слову.

Совершенно справедливыми воспринимаются такие суждения автора заметок, в которых отмечается, например, что «по сравнению с богатой палитрой тематики, затрагиваемой абхазскими литераторами в советское время, в последние годы произошло ее обеднение. Многие ориентиры, идеалы, ценности устарели, оказались отвергнутыми. Новые как таковые не определены».

Все правильно: советская литература и по содержанию и по форме была нацелена в первую очередь, на создание картины жизни и галереи образов социалистической действительности. Это литературное течение и называлось соцреализмом. Не отвергались при том и общечеловеческие ценности, национальные традиции и устои, но, разумеется, не противоречившие довольно жестким идеологическим установкам, бытовавшим в советское время. То есть свобода выбора для творчества имела место, но все же ограничивалась рамками советского мировоззрения. Примером тому протестная литература, выходящая в основном самиздатом, или за рубежом. Яркие представители такого творчества 60–70-х годов XX века – наш выдающийся земляк Фазиль Искандер, известные русские писатели и поэты Белла Ахмадулина, Андрей Битов, Андрей Вознесенский и многие другие.

Нельзя не отметить и такое точное определение, сделанное публицистом и литературоведом С. Зухба по поводу современного состояния литературного процесса. В этом плане интересно его следующее суждение: «Также наблюдается и неравномерность развития жанров, – отмечал Сергей Ладович. – И уточнял этот вывод таким образом: – Во время войны и после нее, вплоть до наших дней, ведущим оказался жанр публицистики. Он развивался с самого зарождения абхазской литературы, но сравнительно с другими жанрами, занимал довольно скромное место. Именно в последний период публицистика развивается наиболее интенсивно и оказывает значительное влияние на сознание читателей».

Здесь вряд ли кто поспорит с автором этих выводов, за исключением лишь небольшого штриха. Полагаем, все же, что «ведущим оказался жанр публицистики» чуть раньше, чем началась война. Еще за год-два до того, с укреплением политического и экономического суверенитета абхазской автономии, реформированием новым руководством республики средств информации, абхазская публицистика могла сполна противостоять грузинской шовинистической элите и в интеллектуальной «битве» с агрессивными националистами успешно защищать интересы своего народа и страны. В принципе высказанное здесь мнение только подкрепляет аргументацию автора заметок о значении и роли публицистики, как одного из ведущих жанров абхазской прозы в современных реалиях.

Значение публицистики подтверждается и таким выводом автора о том, что ведущие абхазские писатели и поэты также приобщены к этому жанру. Например, отмечал он, «Баграт Шинкуба, Алексей Гога, Алексей Аргун, Джума Ахуба, Борис Гургулиа, Борис Тужба, Георгий Гублиа, Николай Квициниа, Николай Хашиг, Анатолий Возба и многие другие часто выступали в периодике со статьями по злободневным вопросам на абхазском и русском языках»¹.

К публицистике обращались многие абхазские писатели, но больше своих коллег, как нам видится, предпочитал этот жанр талантливый абхазский прозаик и поэт Джума Виссарионович Ахуба. В изданных в послевоенное время двух сборниках были опубликованы десятки его произведений разной тематической направленности. Одна книга, вышедшая в 1997 году, называлась «От родных корней», (сборник публицистических статей), другая, увидевшая свет в 2003 году под заголовком «Чтоб далеко пойти...», содержала, как художественные, так и публицистические произведения.

Для лучшего осмысления публицистической деятельности Д. Ахуба, его жизненной и гражданской позиции, полагаем, необходимым привести свидетельства видных представителей абхазской интеллигенции, хорошо знавших, как самого Джуму Виссарионовича, так и его творческое наследие.

«Свидетельство очевидца» – так называется предисловие известного историка, видного государственного и общественного деятеля Абхазии Ю. Н. Воронова, предпосланное сборнику публицистики Д. Ахуба военной поры «Люди и каратели», позже вошедшему в книгу под названием «От родных корней». С самого начала своих заметок Юрий Николаевич пишет: «Джума Ахуба – известный абхазский писатель и публицист, автор романов, повестей, сборников рассказов и сказок для детей, переводчик классической литературы на родной язык...».

Ю. Н. Воронов также напоминает читателям основные вехи жизненного и творческого пути Д. Ахуба – лауреата Государственной премии им. Д. Гулиа, премии журнала «Дружба народов». Он расставляет акценты на таких, с его точки зрения, весьма важных моментах биографии писателя и публициста, которые характеризуют

его как гражданина, патриота и творческую личность. Например, сообщая о жизненной позиции Д. Ахуба с молодых лет, Ю. Воронов отмечал следующее: «Все его творчество пронизано гуманистическими идеалами, духом нетерпимости к злу и насилию. Произошло это, вероятно, и оттого, что Джума Ахуба с малых лет, еще со школьной скамьи неоднократно исключался из школы и подвергался другим гонениям, как со стороны единокровных блюстителей «правильной идеологии», так и проводников порабоцавшей его народ грузинской «национальной злободневности».

Но, несмотря на гонения с детства, писал Ю. Воронов, «Джума не только получил аттестат зрелости, но и с отличием окончил Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Столь же неровной оказалась и трудовая жизнь писателя, – отмечал Юрий Николаевич. – Сначала он работал переводчиком в газете «Советская Абхазия», откуда по указанию «сверху» был изгнан за активное участие в антиколониальных выступлениях абхазского народа в 1967 году. Позднее работал в Абхазском театре, где вскоре на уровне министерства культуры был поставлен вопрос об его освобождении за пропаганду «националистических идей». Схлопотал он и партийный выговор с занесением в учетную карточку и во время работы в Союзе писателей Абхазии за то, что подписал письмо абхазской интеллигенции против национального гнета».

«Поэтому, когда 14 августа 1992 года режим Шеварднадзе двинул танки на Абхазию, – подчеркивал Ю. Воронов, – Джума Ахуба со своими сыновьями – бойцами национальной армии – оказался в первых рядах борющихся за свободу и независимость своей родины. Он одним из первых обратился к мировой интеллектуальной общественности поддержать маленькую Абхазию в ее справедливой войне»¹.

Небезынтересно также компетентное мнение о творчестве Д. Ахуба литературоведа С. Л. Зухба. Его статья «Пером публициста – о жизни страны и народа» начинается с таких оценок творчества Д. Ахуба: «Нередко его книги и публицистические выступления в периодике вызывают споры среди читателей, их по-разному оценивают критики и литературоведы. Но мне больше всего понравилась

¹ Сергей Зухба. На сквозняке времен. Сухум – 2006. С. 3 – 4.

¹ Джума Ахуба. От родных корней. Сухум – 1997. С. 6 – 7.

одна фраза в его адрес, высказанная профессором социологии, директором Института социологии Академии наук России Владимиром Ядовым: «Он такой же, как все абхазы, но еще более как никто другой». В этой мысли, как мне кажется, – поясняет С. Зухба, – уловлены характер и место Джумы Ахуба в нашем обществе».

Этапными вехами в публицистическом творчестве Д. Ахуба исследователь и публицист С. Зухба называет советское время, грузино-абхазскую войну и послевоенный период. «Самым страшным (для Д. Ахуба. – **В. Ч.**) оказалось – уточняет Сергей Ладович, – вторжение войск Госсовета Грузии в Абхазию 14 августа 1992 года. Неудивительно, что писатель много пишет об этой войне, в которой погибли многие близкие Джуме люди, был дотла сожжен отцовский дом в селе Атаре, разграблены квартира и личная богатая библиотека в Сухуме, лично на себе он испытал все «прелести» шеварднадзевских боевиков (тогда, когда оказался в грузинском плену. – **В. Ч.**)». Автор подчеркивает, что «значительный резонанс имел цикл статей Д. Ахубы об этой войне, опубликованных в те страшные дни в газете «Литературная Россия», поскольку они «были написаны и опубликованы сразу по горячим следам».

И после войны Д. Ахуба «работает упорно, не покидает его жажда жить и творить». Тогда же «им написан документальный роман «Ахамштыху» («Незабываемое»), опубликована на абхазском и русском языках значительная часть дневниковых записей и статей, издан сборник рассказов «За воротами (также упомянутые уже нами сборники. – **В. Ч.**), книга сказок для детей «Король крыс», – напоминает о послевоенном творчестве писателя и публициста Д. Ахуба исследователь Сергей Зухба.

Обратим также внимание на то, как С. Зухба характеризует достоинства и особенности публицистики Джумы Ахуба. Например, сообщает о том, что писатель создает художественные произведения на абхазском языке, а публицистические статьи пишет как на родном, так и на русском языках. Отмечая качество публицистики Д. Ахуба, автор статьи отмечает, что «пишет он увлекательно, проявляет глубокие познания в различных областях жизни, умение обобщать многочисленные факты. Он один из наиболее ярких современных абхазских публицистов, который с достоинством и компетентностью ведет полемику с оппонентами по тому или иному вопросу».

В то же время, по словам С. Зухба, в публицистике (Д. Ахуба. – **В. Ч.**) имеют место и спорные мысли, некоторые неоправданные резкости, однако в целом она подкупает своей достоверностью. Множество тонких наблюдений автора поможет читателю разобраться в сложных и запутанных вопросах экономики, культуры, политики», – утверждает исследователь.

Завершает С. Зухба свое исследование таким пассажем: «Учитывая все сложившиеся обстоятельства, приходишь к тому мнению, что описанное им (Д. Ахубой. – **В. Ч.**) в публицистических произведениях факты и явления необходимо знать не только нам, его современникам, но и будущим поколениям. Пусть знают все, что пережила Абхазия на исходе XX столетия и как живет она в начале третьего тысячелетия»¹.

Полагаем, что именно в этом, как отмечают Ю. Воронов и С. Зухба, смысл и предназначение публицистического слова: довести по мере возможности до всех современников информацию о том, как существовали страна и общество в прошлом, чем живут сегодня, и что предстоит им завтра. Но это дано не каждому пишущему, а лишь тому, который обладает способностями и талантами, указанными вышеотмеченными авторами.

¹ С. Зухба. На сквозняке времен. Сухум – 2006. С. 41 – 45. // Газета «Республика Абхазия», № 80, 17 – 18 июля 2004 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, из приведенных, безусловно, далеко не в полной мере фактов и свидетельств, становится очевидным, что в Абхазии (Сухумский округ Российской империи) уже со второй половины XIX века начали зарождаться зачатки публицистики. Число авторов, поднимавших абхазскую проблематику в ту пору, было невелико, и писали они на русском языке. Тем не менее такая публицистика, на наш взгляд, имеет все основания считаться по форме русскоязычной, а по содержанию абхазской. Абхазская проблематика в печати Кавказского края впервые поднималась с 50-х годов 19-го века (абхазский этнограф, публицист и офицер русской армии С. Т. Званба), позже, к концу столетия, уже активно публиковались ученые, общественные деятели, преподаватели, священнослужители и т.д. Среди них были абхазы, русские, грузины, считавшие своим долгом популяризировать, показать с лучшей стороны внутренний мир, характер, уклад жизни коренного народа, которому судьба уготовила такую катастрофу, как изгнание в большинстве своем из отчего дома. Таким образом, можно сказать, что публицистика в Абхазии зародилась уже в 19-м столетии, но никак не в то время, когда в Абхазии господствовали грузинские меньшевики.

В начале же двадцатого столетия, в так называемую дореволюционную эпоху, среди молодой поросли отечественной интеллигенции появилось немало талантливых мастеров слова, энергия и знания которых в сочетании с патриотизмом, приносили большую пользу народу и обществу. Со временем публицистика стала призванием многих общественных и государственных деятелей, научных работников, представителей творческих и иных профессий, просто неравнодушных людей. Таким образом, публицистика – это призвание тех, кто чаще других задумывается не только о личном достатке, но и о благе государственном, общенациональном. Без чего вряд ли возможно всеобщее, значит, и личное благосостояние каждого представителя общества. Неравнодушная публицистика так-

же способствует формированию духовного мира членов общества, помогает отличить и отринуть вредное, наносное, эгоистическое и стяжательское, призывает в то же время к порядочности, честности и искренности, без коих, как известно, невозможно служение Отчеству. Палитра абхазской публицистики, как свидетельствует ее далеко не полная история, весьма широка и разнообразна, имеет, как отмечалось выше, длительную историю, по крайней мере, не менее чем полуторавековое исчисление. Она не может быть иной, поскольку каждый временной отрезок истории – это наступление новой эпохи, характерной множеством событий и исторических процессов, разительно похожими или сильно отличающимися от предшествующих реалий.

Последние десятилетия, к примеру, XIX века, покрытые печальным мраком абхазского исхода на чужбину, не могли никоим образом, скажем, походить на первую четверть XX столетия, когда, несмотря на имевшиеся препоны и трудности, все же происходили процессы становления «дореволюционной абхазской интеллигенции». А это в свою очередь не могло не сказаться благотворно в целом на абхазское общество того периода. В соответствующих главах уже говорилось о том, что абхазский народ, перенеся величайшую трагедию более чем 150-летней давности, не сломался, не исчез с карты мира, наверное, так, как хотели того и некоторые соседи, более того, собрав силы, постепенно становился на путь возрождения многих утерянных способностей и качеств. Самое тяжелое увечье, доставшееся народу в том многострадальном 19-м веке – это нынешняя его малочисленность. Эта глубокая, пока еще не зажившая рана, беспокоит не только тело, но и душу народа. Из наследия публицистов того времени зримо ощущается, что в силу отмеченных катаклизмов, разорванный на части абхазский народ стал отставать от мировых процессов развития, что и понятно, ибо стоял вопрос выживания абхазов на родной земле, на которой они, коренные жители, воспринимались империей враждебным народом. Но постепенно, при доброй воле передовой части российского общества, с помощью нарождавшейся абхазской интеллигенции, абхазский народ, вернее, его оставшаяся на родине часть, становился, образно говоря, на ноги, приобщался к новым веяниям – культурным процессам, образованию, техническому прогрессу,

без чего вряд ли возможно было преодолеть социально-экономическое отставание от соседних народов.

В этой части сильный рывок в развитии был сделан в первые десятилетия XX века, в эпоху становления передового слоя абхазского народа – научной и творческой элиты. За передовыми людьми из среды абхазов уже шли массы, к их слову прислушивалось, как старшее, так и младшее поколения абхазского народа. Знаковыми воспринимались тогда такие личности, как Д. Гулиа, С. Чанба, С. Басариа, С. Ашхацава, Е. Эшба, Н. Лакоба и другие, приобщавшие массы к культуре и образованию, политическим свободам и обретению собственной государственности, утерянной в борьбе с имперскими силами. Так, со временем абхазы оказались вовлеченными в процессы и события великой российской революции, и в борьбу за освобождение Абхазии от меньшевистской Грузии.

Но, к сожалению, весьма тяжелой оказалась ситуация Советской Абхазии, колониальной, по существу, автономии в составе Грузии. Не была исключением и «договорная» ССР Абхазия, которая до 1931 года держалась лишь на авторитете личности Н. А. Лакоба, а по существу, уже с 20-х годов была подчинена партийным структурам Грузии. Как уже отмечалось, не было ни одной свободной сферы жизнедеятельности автономии: и экономика, и социальные, и общественные отношения – все тщательно, правильней сказать, тотально контролировалось юрисдикцией правительства грузинской союзной республики. Грузия же, в отличие от других союзных республик, долгое время была в привелегированном положении, которой много позволялось и также многое прощалось центральными властями. Такая политика и практика сформировались еще в бытность Сталина и Берия – властителей красной империи. Позже, когда к власти в центре пришли более умеренные правители, диктат и экспансия Грузии в отношении своих бесправных автономий приняли иные, более изощренные и замаскированные формы и способы. К тому же эту политику метрополии формировала соответствующая «малоимперская» идеология, обосновывая теоретическими изысками, например, притязания грузинской элиты на владение исконной абхазской территорией. Более того, в разные периоды выдвигались и такие псевдоисторические обоснования, как формула о принадлежности абхазов к грузинской этнической

семье, о двуаборигенном, грузино-абхазском составе населения родины абхазов и прочие антинаучные теории.

Надо сказать, что в те махровые годы грузинская политическая и научно-творческая элиты беспрепятственно внедряли подобную идеологию, как в свои массы, так и в среду подвластных им в ту пору народов. Публикации на эту тему содержались в журналах, книгах, газетах, даже в тех из них, которые были под патронажем грузинского партийного и советского руководства. Таковым был идейно-психологический натиск на абхазское общество, подобными же методами проводились обработка и оболванивание умов собственного населения. Напомним, что самый страшный советский период в жизни абхазов – это тридцатые и сороковые годы, когда велась беспощадная атака на все абхазское: отчую землю, народ, язык, культуру. Только людские потери тогда составили трагическую цифру, сравнимую лишь с нашими потерями в ходе грузино-абхазской войны 1992 - 1993 годов. А ведь абхазам войну тогда никто не объявлял: все делалось под лозунгами ленинской и сталинской политики, дескать, все для блага и во имя трудового народа. Газеты, в том числе выходившие в Абхазии, клеймили праведным гневом преступников – врагов народа, предателей, прислужников буржуазии, шпионов, а на самом деле патриотов и верных сынов своего народа, оболганных и очерненных за то, что они противостояли замыслам и действиям своры исполнителей гнусной политики силовой грузинизации Абхазии.

Впрочем, и в дальнейшем, после смерти главного советского узурпатора Сталина, пришедшего к власти в Кремле, путем истребления партийных и государственных деятелей из окружения Ленина, Грузия не отказалась от планов освоения Абхазии. Изменились лишь формы и способы этой политики. Упомянутые силовые акции грузинизации времен Сталина теперь уже заменялись более изощренно-коварными планами метрополии, намеченными к реализации под лозунгами о братстве и дружбе грузин и абхазов навека и соответствующими тому буфетно-конфетными мероприятиями.

А меж тем рычаги управления Абхазией крепко держала сама метрополия и не думавшая об элементарных правах и свободах абхазского народа и его автономного государства. Тотально контролировались, наряду с хозяйственными сферами, также идеология,

средства информации, и, выходит, публицистика. Ее возможности в те годы, вплоть до прихода к власти В. Г. Ардзинба, были строго ограничены. Абхазские публицисты свободно могли обсуждать на страницах партийно-советской печати достижения «ленинской национальной политики», вкуче с успехами «в реализации планов экономического и хозяйственного строительства», обозначенные различными съездами и пленумами КПСС, ЦК Компартии Грузии, Абхазобкома партии. Но то, что волновало народ, проблемы самостоятельности и суверенитета автономии в решении вопросов внутреннего характера – на это было наложено суровое табу. Даже просто постановка вопроса на эту тему – значило заполучить ре-номе абхазского националиста, со всеми вытекавшими отсюда последствиями, делавшими личность изгоем в родной отчизне.

Это положение стало меняться кардинальным образом, о чем также сказано в соответствующей главе исследования, на завершающем этапе национально-освободительного движения абхазского народа, со второй половины 80-х годов XX века. Сильнейший импульс тому придали два важных фактора: создание в 1988 году Народного Форума Абхазии «Аидгылара» («Единение»), а также приход в то же время в политику крупнейшего ученого – хеттолога Владислава Ардзинба, вскоре возглавившего, как освободительное движение, так и Абхазскую автономную республику.

На излете 80-х, как известно, последовали такие судьбоносные события, как Лыхненское обращение (18 марта 1989 года), выступление В. Г. Ардзинба на Первом съезде народных депутатов СССР (2 июня 1989 года), существенно поменявшие картину политических, экономических и общественных отношений, как в самой автономии, так между нею и Грузией. В конце 1990 года, по настоянию абхазской элиты и общественности, В. Ардзинба встал у руля управления абхазской автономией. И сразу же стала разительно меняться политическая и экономическая ситуация, естественно, в пользу постепенного утверждения самостоятельности и суверенитета Абхазии. Создавались также и соответствующие идеологические инструменты в поддержку проводимой Владиславом Григорьевичем и лидерами Народного Форума деятельности по укреплению политического и экономического суверенитета абхазской автономии. Наглядным примером тому решительная отповедь абхазских пу-

блицистов грузинскому шовинизму и экстремизму со страниц многих абхазских изданий, что было бы немисливо до прихода к власти Владислава Григорьевича и кардинального обновления им старого информационного механизма, обслуживавшего в основном интересы грузинской метрополии. Та информационная политика, позволившая абхазским публицистам за год-два до грузинского нашествия достойно противостоять в идейно-психологической борьбе агрессивному грузинскому национализму, помогла национальному лидеру уже во время грузино-абхазской войны, быстро выстроив силы и возможности абхазских средств информации, и дальше продолжить ту же освободительную деятельность также и оружием слова. Кстати, и действующие лица публицистики, выступавшие в печати, как до войны, так и в ходе ее, оказались одними и теми же личностями, то есть участниками освободительного движения, за небольшим, быть может, исключением.

Абхазские СМИ в целом и абхазская публицистика, в частности, о чем говорится в соответствующем разделе исследования, достойно, на высоком профессиональном уровне обеспечивали идейно-психологическую поддержку защитникам Отечества, населению страны. В то же время наши журналисты и публицисты совместно с российскими средствами информации внесли весомый вклад в информирование мировой и российской общественности о справедливой борьбе абхазского народа, ставшего жертвой грузинской агрессии за свое стремление к свободе и независимости. О поражении грузинских СМИ в этой «битве» грузинских и абхазских журналистов и публицистов вынужден был признаться после войны ее вдохновитель и зачинщик Э. Шеварднадзе.

Несмотря на признание поражения собственных СМИ, грузинский лидер так и не пересмотрел свою позицию в отношении Абхазии. О признании ее свободы и независимости, что де-факто имело место в связи с разгромом грузинского воинства и изгнания оккупационного режима с абхазской территории, грузинское руководство и не помышляло. Наоборот, в Тбилиси, ощущая поддержку высоких международных инстанций, а также лидеров ведущих стран мира все больше уверовали в возможность возвращения Абхазии в состав бывшей метрополии с помощью столь влиятельных опекунов. А как грузинам не верить в то, если уже в ходе последних дней

войны Российское правительство объявило блокаду абхазской республике за законное стремление освободить оккупированную столицу страны в сентябре 1993 года. Давление на абхазов продолжалось и дальше, несмотря на то что уже, сразу после завершения военных действий, начались и продолжались около десяти лет интенсивные мирные переговоры между сторонами под эгидой посредников: ООН, ОБСЕ, России, США, Германии, Франции и Великобритании. За это время Абхазия прошла через многие катаклизмы, чреватые возобновлением новой агрессии со стороны Тбилиси, отвергнувшего все предложения Сухума по мирному урегулированию грузино-абхазских взаимоотношений. Доктор исторических наук А. Авидзба, отмечая политическую обстановку того периода, писал: «Непоследовательное и неконструктивное поведение Грузии объяснялось тем, что ее позиция получала поддержку и в документах ООН и ОБСЕ. В частности, ОБСЕ трижды принимались акты, осуждавшие позицию Абхазии (Будапешт, 6 декабря 1994 г., Лиссабон, 3 декабря 1996 г., Стамбул, 17 – 18 ноября 1999 г.). А Европейский парламент в одной из своих резолюций назвал абхазское правительство «бандистско-террористическим движением». Страны СНГ (под лидерством российского руководства. – **В. Ч.**) брали на себя обязательства без согласования с Грузией не осуществлять торгово-экономические, финансовые, транспортные и иные операции с властями абхазской стороны...»¹.

Столь суровые послевоенные реалии, безусловно, были инициированы союзниками Грузии. И гражданам небольшой страны, только что вышедшей из кровавой войны, надо было средствами информации разъяснить цели жестокой блокады, созданной лишь для того, чтобы удушить стремление абхазов отстаивать свою свободу и независимость. Это с одной стороны, с другой – стояла задача, можно сказать, наиважнейшая: довести до российской и мировой общественности информацию о реальной ситуации вокруг Абхазии, о том, как «сильные мира сего» выкручивают руки маленькой стране, чтобы она, отказавшись от суверенного существования, согласилась вновь обрести статус грузинской колонии.

¹ Аслан Авидзба. Проблемы военно - политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992 – 1993 гг.). Книга II. Сухум – 2013. С. 597 – 598.

И в этой борьбе, как с грузинским руководством, так и его все-сильными союзниками, наряду со средствами политики и дипломатии, также серьезное значение придавалось оружию слова – публицистическим выступлениям в СМИ Абхазии, России и дальнего зарубежья. Первенство и здесь принадлежало В. Г. Ардзинба, статьи, интервью, пресс-конференций, брифинги которого публиковались, несмотря на объявленную информационную блокаду, многими изданиями ближнего и дальнего зарубежья. Не осталось, полагаем, в то время серьезного, к примеру, российского печатного органа, или телеканала, не заинтересованного в создании материала с главой Абхазии. Все эти выступления В. Ардзинба в средствах массовой информации, как Абхазии, так и России, подчеркивалось в свое время автором этих строк – свидетельство тяжелейшего единоборства национального лидера и абхазского народа в защиту своих завоеваний – независимости и свободы от грузинского колониального прошлого. Напомним также и о том, что «глава Абхазии во всех своих устных и печатных выступлениях подчеркивал судьбоносное значение тесного взаимодействия, укрепления дружбы и добрососедских отношений с русским народом, в первую очередь с братским Северным Кавказом»¹.

Послевоенная абхазская публицистика, которую также впору называть современной, богата перечнем имен крупных мастеров слова, вносящих весомую лепту в идейно-психологическую защиту молодой абхазской государственности. Под зорким оком публицистов происходит становление нового уклада общественной жизни, демократических институтов страны.

Сказанным выше, хотя бы и в пяти главах данного исследования, безусловно, не охватить всего спектра прошлой и современной абхазской публицистики, широкие рамки и богатое содержание которой требуют усилий еще не одного исследователя. И это обстоятельство еще одно доказательство тому, что все сферы жизнедеятельности молодого абхазского государства, в том числе и творческие, должны находиться в постоянном развитии. То есть новые поколения деятелей от науки и творчества – историков, писателей,

¹ Виталий Чамагуа. Информационная политика В. Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). Сухум – 2017. С. 404 – 405.

журналистов и публицистов, сменяя предыдущие, обязаны только прибавлять, как в своем численном, так и профессиональном, качественном росте. Думается, только в таком аспекте наука и творчество, наряду с экономикой и политикой, явятся теми основными факторами, от которых зависит дальнейшее развитие абхазского общества. В таком случае есть оправданная надежда на то, что отечественная публицистика и впредь будет успешно выполнять свою главную задачу – созидать оружием слова летописную историю своего народа и государства.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Зарождение и становление абхазской публицистики (вторая половина XIX – начало XX вв.)	20
Этап первый. Слово демократической интеллигенции Абхазии (1880 – 1890 гг. XIX в.).....	20
Этап второй. Становление дореволюционной публицистики (нач. XX века)	56
ГЛАВА ВТОРАЯ. Абхазская публицистика – в защиту Апсны (1917 – 1921 гг.)	75
Этап первый. Публицистика и проблемы восстановления абхазской государственности (февраль 1917 – июнь 1918).....	75
Этап второй. Грузино-абхазские отношения в условиях меньшевистской оккупации и газета «Апсны» (июнь 1918 – март 1921)	110
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Абхазская советская публицистика (1921 – 1991)	192
Этап первый. Эпоха сталинизма: становление или закат печатного слова (1920 – 1950 гг.).....	192
Этап второй. Пером публициста: от хрущевской оттепели до развитого социализма (1960 – 1980 гг.).....	327
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Абхазская публицистика и национально-освободительное движение на завершающем этапе (1988 – 1993)	372
Этап первый. Формирование публицистики нового типа (1988 – 1992)	372
Этап второй. Оружием слова – в поддержку Отечества (1992 – 1993)	449
ГЛАВА ПЯТАЯ. Поствоенная публицистика (1993 – 2019 гг.)	
Самое страшное – позади, самое трудное – впереди	500
Заключение	564

ЧАМАГУА В. З.

•

**Очерки истории абхазской публицистики:
эпоха, события, личности.
(Вторая половина XIX – начало XXI вв.)**

Редактор **Чамагуа В.З.**
Корректор **Габуния М.Д.**
Компьютерный набор **Чамагуа Л.Р.**
Компьютерная верстка **Гунба Н.Г.**
Технический редактор **Гунба Н.Г.**

Печать офсетная. Формат 60x90 1/16.
Тираж 300. Физ. печ. л. 36. Заказ №

 Республика Абхазия.
РУП «Дом печати»,
г. Сухум, Эшба, 168.